511108

8Р
М144

Майков Л.

Пушкин.

Биографические материалы

1899

20/XI-8/2. 7-938

Пр 2010

511108

801108

8Р
М144

Ф 26948

Л. Майковъ

ПУШКИНЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

И

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТА ПУШКИНА

Уральская Обл. Библиотека Индаментальная
ПР.-48
511108

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева
1899

8р
М 144
р. 1940

1.32 [Пушкин А.С.]-4

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр. 9-я лин., № 12.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый сборникъ содержитъ въ себѣ рядъ статей о Пушкинѣ — біографическаго и историко-литературнаго содержанія.

Занимаясь, по порученію Второго отдѣленія Императорской Академіи наукъ приготовительными работами по критическому изданію сочиненій великаго русскаго поэта, я изучалъ его произведенія не только въ печатныхъ изданіяхъ, но и въ черновыхъ авторскихъ рукописяхъ, и собиралъ всякаго рода свѣдѣнія объ его жизни и литературной дѣятельности. Этотъ послѣдній матеріалъ, въ составъ котораго счастливый случай позволилъ мнѣ привлечь не мало данныхъ, не бывшихъ доселѣ въ печати, только отчасти можетъ войти въ жизнеописаніе Пушкина, которымъ должно быть закончено академическое изданіе его сочиненій; поэтому я рѣшился издать собранныя мн[illegible] записки и воспоминанія о Пушкинѣ особою книгой, снабдивъ ихъ моими объясненіями. Таково происхожденіе большей части статей, вошедшихъ въ предлагаемый сборникъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уже были помѣщены въ періодическихъ изданіяхъ, другія являются въ печати здѣсь впервые. Полной біографіи поэта онѣ, конечно, не составляютъ; но заключающіяся въ нихъ свѣдѣ-

нія о разныхъ періодахъ и моментахъ его жизни, будучи показаніями современниковъ, болѣе или менѣе близко знавшихъ его, могутъ — какъ мнѣ кажется — существеннымъ образомъ служить къ объясненію личности поэта и къ исторіи его творчества.

Приложенные къ сборнику: указатель составленъ Б. Л. Модзалевскимъ, а портретъ отпечатанъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ; онъ точно воспроизводитъ гравюру Н. И. Уткина, приложенную къ *Сѣвернымъ Цвѣтамъ на 1828 годъ* и дѣланную съ портрета Пушкина, который былъ писанъ О. М. Кипренскимъ.

Л. М.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Молодость А. С. Пушкина по разсказамъ его младшаго брата....	1
Записки И. И. Пущина о дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ.	41
Бессарабскія воспоминанія А. Ѳ. Вельтмана и его знакомство съ Пушкинымъ	92
Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ. Замѣтки по поводу одного письма	137
А. Н. Вульфъ и его дневникъ	162
Воспоминанія А. П. Марковой-Виноградской (Кернъ)	223
Князь Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ (по матеріаламъ Остафьевскаго архива).....	268
Пушкинъ о Батюшковѣ.....	284
Воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ	318
Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ (1826—1830) .	355
О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году	378
Наталья Кирилловна Загряжская	397
Пушкинъ и Даль	414
Указатель именъ	435

МОЛОДОСТЬ А. С. ПУШКИНА

ПО РАЗСКАЗАМЪ ЕГО МЛАДШАГО БРАТА.

«Мы лѣнивы и нелюбопытны», сказалъ когда-то Пушкинъ о своихъ современникахъ и — безъ сомнѣнія, былъ правъ. Въ послѣднія тридцать-сорокъ лѣтъ еще становится замѣтнымъ въ нашемъ обществѣ кое-какое вниманіе къ старинѣ, и обнаруживается забота о сохраненіи ея вещественныхъ остатковъ и объ изданіи ея письменныхъ памятниковъ; но въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ у насъ господствовало полнѣйшее равнодушіе въ этомъ отношеніи, даже соединенное съ какимъ-то тупымъ страхомъ гласности. И не одни офиціальные правы и понятія, не одна строгость цензуры служили препятствіемъ къ печатанію старинныхъ мемуаровъ и переписокъ; нерѣдко этому противились сами обладатели подобныхъ документовъ — частью по неумѣнью оцѣнить ихъ важность и интересъ или просто по беззаботности, частью же изъ ложнаго самолюбія, заставлявшаго опасаться «огласки» того, что̀ можетъ бросить тѣнь на дѣятелей прошлаго или на ихъ потомковъ. Въ Англіи издавна существуетъ обычай по смерти всякаго значительнаго лица печатать касающіеся его біографическіе матеріалы: письма, дневники, воспоминанія и т. п.; у насъ въ этомъ отношеніи оказывается полнѣйшая противоположность: умретъ извѣстный человѣкъ — и черезъ двадцать-тридцать лѣтъ по его смерти свѣдѣнія о немъ приходится разыскивать какъ о какомъ-нибудь дѣятелѣ древнихъ временъ, имя котораго сохранилось только въ лѣтописяхъ и грамотахъ.

Извѣстно, какъ немногочисленны изданія памятниковъ нашей недавней старины, то-есть, XVIII вѣка, выпущенныя въ первой половинѣ истекающаго столѣтія, а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстны и тѣ неудачи, какимъ подвергались тогда разныя предпріятія этого рода.

Въ тридцатыхъ годахъ П. П. Свиньинымъ было приготовлено къ печати отдѣльное изданіе записокъ Храповицкаго и—не состоялось; княземъ П. А. Вяземскимъ затѣянъ былъ историческій сборникъ и — тоже не осуществился; въ сороковыхъ годахъ, въ виду предстоявшаго сооруженія памятника Карамзину, А. И. Тургеневъ задумалъ было издать его ученую переписку и — встрѣтилъ къ тому препятствіе въ семействѣ самого исторіографа; та же семья отказала въ содѣйствіи П. А. Плетневу, когда ему пришла мысль заняться біографіей автора «Исторіи государства Россійскаго». Въ 1842 году чуть не послѣдовало запрещеніе *Москвитянина* за то, что Погодинъ позволилъ себѣ напечатать въ немъ письма Пушкина, въ которыхъ «встрѣчаются неприличныя выходки противъ публики, литературы, цензуры и частнаго лица г. Полевого». Изъ всѣхъ представителей новой русской литературы объ одномъ только Крыловѣ были собраны болѣе подробныя свѣдѣнія по свѣжимъ, такъ сказать, слѣдамъ его жизни, но и они могли быть обнародованы вскорѣ послѣ его кончины только потому, что И. А. Крыловъ былъ человѣкъ безродный и одинокій. Даже на долю Пушкина не выпало такой удачи: онъ умеръ раньше почти всѣхъ своихъ сверстниковъ и очень многихъ современниковъ, старшихъ по возрасту; но даже тѣ изъ нихъ, которые были ближайшими друзьями поэта, притомъ обладали опытностью въ литературномъ дѣлѣ, даже и тѣ не оставили подробныхъ записей о немъ. Оттого весь біографическій матеріалъ, касающійся Пушкина, при всей значительности своего объема, отличается какимъ-то разрозненнымъ и отрывочнымъ характеромъ. Для великаго русскаго поэта не нашлось у насъ ни своего Эккермана, ни Босвеля.

Слѣдуетъ однако признать, что ближайшіе родные Пушкина старались сдѣлать кое-что для сохраненія его памяти. Если такъ-называемое посмертное изданіе произведеній Пушкина вышло по истинѣ безобразнымъ, то вина въ этомъ отношеніи падаетъ не на его вдову, а на опеку, которая вѣдала дѣлами покойнаго. Впослѣдствіи Н. Н. Ланская предоставила П. В. Анненкову всѣ бумаги своего мужа и тѣмъ дала возможность приготовить новое изданіе его сочиненій, болѣе исправное, чѣмъ изданіе посмертное. Еще позже эти бумаги были принесены въ даръ Московскому Публичному музею старшимъ сыномъ поэта. Отъ родныхъ послѣдняго русское общество и русская литература могли ожидать сообщенія свѣдѣній о его жизни,

въ особенности объ его раннихъ годахъ. Но мать Пушкина скончалась раньше его, а отецъ хотя и пережилъ сына, ни по возрасту своему, ни по характеру, въ которомъ легкомысліе соединялось съ эгоизмомъ, не способенъ былъ предпринять такой трудъ. За то онъ былъ исполненъ старшею сестрой поэта и его младшимъ братомъ по мѣрѣ ихъ силъ и умѣнья. Ольга Сергѣевна Павлищева родилась въ 1797 году, слѣдовательно, была старше Александра Сергѣевича на два года. Въ дѣтствѣ они росли вмѣстѣ, а взрослые, напротивъ того, почти никогда не жили въ одномъ городѣ; поэтому ея воспоминанія о братѣ могли касаться главнымъ образомъ его дѣтства: они и были сообщены П. В. Анненкову въ видѣ записи, сдѣланной Н. И. Павлищевымъ, мужемъ Ольги Сергѣевны, но запись эта никогда не появлялась въ печати и даже не уцѣлѣла въ бумагахъ Анненкова. Что же касается Льва Сергѣевича Пушкина, онъ былъ на столько моложе брата, что не могъ сохранить личныхъ воспоминаній объ его дѣтствѣ; впослѣдствіи они тоже мало живали вмѣстѣ; но въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ, когда Александръ Сергѣевичъ находился сперва на югѣ Россіи, а затѣмъ въ Псковской губерніи въ селѣ Михайловскомъ, между братьями поддерживались самыя дѣятельныя письменныя сношенія. Это обстоятельство и дало Льву Сергѣевичу возможность набросать свои воспоминанія о братѣ, которыя уже по смерти младшаго Пушкина были напечатаны М. П. Погодинымъ въ *Москвитянинѣ* 1853 года. Анненковъ полагалъ, что эта записка была составлена въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ виду предпринятой имъ біографіи поэта; но есть основаніе думать, что Левъ Сергѣевичъ былъ вызванъ на этотъ трудъ нѣсколько раньше: въ октябрѣ 1846 года посѣтилъ Одессу Погодинъ; мѣстные литераторы дали ему обѣдъ, въ которомъ принялъ участіе и Левъ Пушкинъ, и по поводу встрѣчи съ нимъ Погодинъ въ своемъ дорожномъ дневникѣ записалъ слѣдующее: «Надо непремѣнно бы собрать теперь всѣ подробности, скажу кстати, о жизни, образѣ мыслей и дѣйствій нашего славнаго Пушкина, пока живы столько современниковъ, которые его помнятъ хорошо, а то дѣти наши будутъ такъ же хлопотать и спорить о немъ, какъ мы теперь — о годѣ и мѣстѣ рожденія Карамзина» [1]). Очевидно, еще въ это время Льву Сергѣевичу была подана мысль записать свои воспоминанія. Онъ и исполнилъ ее, но

1) *Н. Барсуковъ.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. VIII, стр. 444.

не входя въ большія подробности; тѣмъ не менѣе, содержаніе его записки представляется намъ на столько цѣннымъ, что мы сочли полезнымъ перепечатать ее и снабдить кое-какими объясненіями. Пользуемся для того спискомъ, найденнымъ въ бумагахъ Анненкова, въ которомъ текстъ вообще исправнѣе, чѣмъ изданный въ *Москвитянинѣ*, хотя впрочемъ существенныхъ отличій отъ сего послѣдняго не представляетъ.

Біографическое извѣстіе объ А. С. Пушкинѣ до 26 года.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ 26-го мая 1799 года. До одиннадцатилѣтняго возраста онъ воспитывался въ родительскомъ домѣ. Страсть къ поэзіи проявилась въ немъ съ первыми понятіями: на восьмомъ году возраста, умѣя уже читать и писать, онъ сочинялъ на французскомъ языкѣ маленькія комедіи и эпиграммы на своихъ учителей. Вообще воспитаніе его мало заключало въ себѣ русскаго. Онъ слышалъ одинъ французскій языкъ; гувернеръ его былъ французъ, впрочемъ человѣкъ неглупый и образованный; библіотека его отца состояла изъ однихъ французскихъ сочиненій. Ребенокъ проводилъ безсонныя ночи и тайкомъ въ кабинетѣ отца пожиралъ книги одну за другою. Пушкинъ былъ одаренъ памятью непомѣрною и на одиннадцатомъ году уже зналъ наизусть всю французскую литературу.

Въ 1811 году открылся Царскосельскій лицей, и отецъ Пушкина поручилъ своему брату Василію Львовичу [1]) отвезти его въ Петербургъ для помѣщенія въ сіе заведеніе, куда онъ и поступилъ въ числѣ тридцати учениковъ. Тутъ развился его характеръ любящій, пылкій и независимый. Учился онъ легко, но небрежно; особенно онъ не любилъ математики и нѣмецкаго языка; на семъ послѣднемъ онъ до конца жизни читалъ мало и не говорилъ вовсе. Поэзіи предался онъ безгранично, и имѣя четырнадцать лѣтъ отъ роду, написалъ «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», «Наполеонъ на Эльбѣ» и разныя другія стихотворенія, помѣщенныя въ тогдаш-

1) Авторъ «Опаснаго сосѣда».
Л. П.

нихъ періодическихъ и другихъ изданіяхъ и обратившія на него вниманіе. Въ свободное время онъ любилъ навѣщать Н. М. Карамзина, проводившаго ежегодно лѣтнее время въ Царскомъ Селѣ. Карамзинъ читалъ ему рукописный трудъ свой и дѣлился съ нимъ досугомъ и сужденіями. Отъ Карамзина Пушкинъ забѣгалъ въ кружокъ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ и возвращался къ лицейскимъ друзьямъ съ запасомъ новыхъ впечатлѣній. Онъ вообще любилъ своихъ товарищей и съ нѣкоторыми изъ нихъ, особенно съ барономъ Дельвигомъ, былъ и остался истиннымъ другомъ.

Послѣ шестилѣтняго воспитанія въ лицеѣ Пушкинъ вступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ съ чиномъ коллежскаго секретаря. Аттестатъ, выданный ему изъ лицея, свидѣтельствовалъ между прочимъ объ отличныхъ успѣхахъ его въ фехтованіи и танцованіи и о посредственныхъ въ русскомъ языкѣ.

По выходѣ изъ лицея Пушкинъ вполнѣ воспользовался своею молодостью и независимостью. Его по очереди влекли къ себѣ то большой свѣтъ, то шумные пиры, то закулисныя тайны: онъ жадно, бѣшено предавался всѣмъ наслажденіямъ. Кругъ его знакомства и связей былъ чрезвычайно обширенъ и разнообразенъ. Тутъ началась его дружба съ Жуковскимъ, не измѣнившая ему до послѣдней минуты. Поэзіею Пушкинъ занимался мимоходомъ, въ минуты вдохновенія. Онъ въ это время написалъ рядъ мелкихъ стихотвореній, заключенныхъ поэмою «Руслань и Людмила». Четырехстопный ямбъ съ рѳмою сдѣлался и оставался его любимымъ размѣромъ. Въ это время Пушкинъ не постигалъ стиховъ не рѳмованныхъ и по этому случаю смѣялся надъ нѣкоторыми сочиненіями Жуковскаго. Онъ пародировалъ «Тлѣнность» слѣдующимъ образомъ:

«Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
«Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
«Приходитъ въ мысль: что если это проза,
«Да и дурная?»

Жуковскій этому смѣялся, но не увѣрилъ Пушкина, что это стихи.

Извѣстность Пушкина и литературная, и личная съ каждымъ днемъ возрастала. Молодежь твердила наизусть его стихи, повторяла остроты его и разсказывала объ немъ анекдоты. Все это, какъ водится, было частію справедливо, частію вымышлено. Одно обстоятельство оставило Пушкину сильное впечатлѣніе. Въ это время

находилась въ Петербургѣ старая нѣмка, по имени Кирхгофъ. Въ число различныхъ ея занятій входило и гаданіе. Однажды утромъ Пушкинъ зашелъ къ ней съ нѣсколькими товарищами. Г-жа Кирхгофъ обратилась прямо къ нему, говоря, что онъ — человѣкъ замѣчательный; разсказала вкратцѣ его прошедшую и настоящую жизнь, потомъ начала предсказанія сперва ежедневныхъ обстоятельствъ, а потомъ важныхъ эпохъ его будущаго. Она сказала ему между прочимъ: «Вы сегодня будете имѣть разговоръ о службѣ и получите письмо съ деньгами». О службѣ Пушкинъ никогда не говорилъ и не думалъ; письмо съ деньгами получить ему было не откуда; деньги онъ могъ имѣть только отъ отца, но живя у него въ домѣ, онъ получилъ бы ихъ, конечно, безъ письма. Пушкинъ не обратилъ большого вниманія на предсказанія гадальщицы. Вечеромъ того дня, выходя изъ театра до окончанія представленія, онъ встрѣтился съ генераломъ Орловымъ. Они разговорились. Орловъ коснулся до службы и совѣтовалъ Пушкину оставить свое министерство и надѣть эполеты. Разговоръ продолжался довольно долго; по крайней мѣрѣ это былъ самый продолжительный изъ всѣхъ, которые онъ имѣлъ о семъ предметѣ. Возвратясь домой, онъ нашелъ у себя письмо съ деньгами: оно было отъ одного лицейскаго товарища, который на другой день отправлялся за границу; онъ заѣзжалъ проститься съ Пушкинымъ и заплатить ему какой-то карточный долгъ еще школьной ихъ шалости. Г-жа Кирхгофъ предсказала Пушкину его изгнаніе на югъ и на сѣверъ, разсказала разныя обстоятельства, съ нимъ впослѣдствіи сбывшіяся, предсказала его женитьбу и наконецъ преждевременную смерть, предупредивши, что долженъ ожидать ее отъ руки высокаго, бѣлокураго человѣка. Пушкинъ, и безъ того нѣсколько суевѣрный, былъ пораженъ постепеннымъ исполненіемъ этихъ предсказаній и часто объ этомъ разсказывалъ.

Весною 1820 года Пушкинъ былъ назначенъ въ канцелярію генерала Инзова, Бессарабскаго намѣстника. Въ Екатеринославѣ онъ занемогъ сильною горячкой. Генералъ Раевскій проѣзжалъ на Кавказъ съ двумя сыновьями. Онъ нашелъ Пушкина въ бреду, безъ пособія и безъ присмотра. Сыновья Раевскаго были дружны съ Пушкинымъ; съ разрѣшенія Инзова они его повезли на воды. Тамъ онъ скоро поправился. Кавказъ, разумѣется, произвелъ на него сильное впечатлѣніе, которое и отозвалось поэмою «Кавказскій плѣнникъ».

Съ Кавказа Пушкинъ отправился въ обратный путь, но уже по землѣ не Донскихъ, а Черноморскихъ казаковъ. Станицы, казачьи пикеты, конвои съ заряженною пушкой, словомъ — вся эта близость опасности плѣнила его младое, мечтательное воображеніе. Изъ Тамани онъ отправился моремъ мимо полуденныхъ береговъ Крыма. Онъ знакомился съ моремъ и привѣтствовалъ его элегіей:

Погасло дневное свѣтило...

Очаровательная природа Крыма оставила ему неизгладимыя впечатлѣнія. Сколько лѣтъ спустя онъ говорилъ въ «Онѣгинѣ»:

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля, и пр.

«Корабль плылъ», говорилъ Пушкинъ въ одномъ письмѣ своемъ, — «передъ горами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа [1]). Тамъ прожилъ я три недѣли... Счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посереди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ героя, славы русскаго войска; я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душой, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-го года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе, нежели извѣстенъ [2]). Всѣ его дочери — прелесть; старшая — женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ. Свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался, счастливое полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображенію, горы, сады, море..... Другъ мой, любимая моя надежда — увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго».

Съ южнаго берега Крыма Пушкинъ пріѣхалъ въ Кишиневъ къ мѣсту своего назначенія. Тутъ онъ провелъ два года. Жилъ онъ въ домѣ генерала Инзова, который полюбилъ его какъ сына.

---

1) Гдѣ находилось семейство Раевскаго.
Л. П.

2) Давно покинувшій и свѣтъ, и службу и живущій уединенно въ Москвѣ.
Л. П.

Пушкинъ тоже душевно къ нему привязался. Ихъ отношенія были очень забавны. Молодой, вѣтреный Пушкинъ шалилъ и проказилъ; генералъ Инзовъ получалъ на него донесенія и жалобы и не зналъ, что̀ съ нимъ дѣлать. Пушкинъ имѣлъ страсть бѣсить молдаванъ, а иногда поступалъ съ ними и гораздо хуже. Вотъ случай, памятный до сихъ поръ въ тамошнемъ краѣ. Жена молдаванскаго вельможи Бальша сказала Пушкину какую-то оскорбительную дерзость. Пушкинъ отправился съ объясненіемъ къ ея важному супругу, который далъ ему отвѣтъ неудовлетворительный. Пушкинъ назначилъ ему на другой день свиданіе въ постороннемъ домѣ. Тамъ онъ ему доказывалъ, что съ женщиной имѣть объясненія не возможно, ибо объясненіе съ нею ни къ чему не доводитъ; съ мужемъ же ея дѣло другое; ему по крайней мѣрѣ можно дать пощечину. И въ подтвержденіе своихъ словъ Пушкинъ исполнилъ сію угрозу надъ лицемъ тяжеловѣснаго молдавана.

Однажды Пушкинъ изчезъ и пропадалъ нѣсколько дней. Дни эти онъ прокочевалъ съ цыганскимъ таборомъ, и это породило впослѣдствіи поэму «Цыганы». Въ эпилогѣ къ поэмѣ пропущены были слѣдующіе стихи:

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ праздный я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями.
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ нѣспей радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.

Пушкинъ коротко сошелся съ генералами Орловымъ и Пущинымъ и проводилъ съ ними бо̀льшую часть времени. Вообще въ Кишиневѣ русское общество было военное. Одинъ Пушкинъ отличался партикулярнымъ платьемъ, обритою послѣ горячки головой и красною ермолкой. На обѣдахъ военная прислуга его обыкновенно обносила, за что̀ онъ очень смѣшно и весело негодовалъ на Кишиневъ.

Не взирая на обычную веселость, Пушкинъ предавался любви со всею ея задумчивостію, со всѣмъ ея унынiемъ. Предметы страсти мѣнялись въ пылкой душѣ его, но сама страсть ея не оставляла.

Въ Кишиневѣ долго занимала его одна изъ трехъ красивыхъ паръ ножекъ нашихъ соотечественницъ.

Въ два года своего пребыванія въ Кишиневѣ Пушкинъ написалъ нѣсколько мелкихъ стихотвореній, «Кавказскаго Плѣнника», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Братьевъ-разбойниковъ» и посланіе «Къ Овидію». Сіе послѣднее сочиненіе онъ ставилъ гораздо выше всего, что̀ было имъ написано до того времени.

По назначенію графа Воронцова Новороссійскимъ и Бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ Пушкинъ былъ зачисленъ въ его канцелярію. Онъ оставилъ Кишиневъ и поселился въ Одессѣ; сначала грустилъ по Кишиневѣ, но вскорѣ европейская жизнь, италіанская опера и французскія рестораціи напомнили ему старину и, по его же словамъ, «обновили душу». Онъ опять предался свѣтской жизни, но болѣе одушевленной, болѣе поэтической, чѣмъ та, которую велъ въ Петербургѣ. Полуденное небо согрѣвало въ немъ всѣ впечатлѣнія, море увлекало его воображеніе. Любовь овладѣла сильнѣе его душою. Она предстала ему со всею заманчивостью интригъ, соперничества и кокетства. Она давала ему минуты и восторга, и отчаянія. Однажды, въ бѣшенствѣ ревности, онъ пробѣжалъ пять верстъ съ обнаженной головой подъ палящимъ солнцемъ по 35 градусамъ жара.

Пушкинъ былъ собою дуренъ, но лице его было выразительно и одушевленно; ростомъ онъ былъ малъ (въ немъ было съ небольшимъ 5 вершковъ), но тонокъ и сложенъ необыкновенно крѣпко и соразмѣрно. Женщинамъ Пушкинъ нравился; онъ бывалъ съ ними необыкновенно увлекателенъ и внушилъ не одну страсть на вѣку своемъ. Когда онъ кокетничалъ съ женщиною или когда былъ дѣйствительно ею занятъ, разговоръ его становился необыкновенно заманчивъ. Должно замѣтить, что рѣдко можно встрѣтить человѣка, который бы объяснялся такъ вяло и такъ неспосно, какъ Пушкинъ, когда предметъ разговора не занималъ его. Но онъ становился блестяще краснорѣчивъ, когда дѣло шло о чемъ-нибудь близкомъ его душѣ. Тогда-то онъ являлся поэтомъ, и гораздо болѣе вдохновеннымъ, чѣмъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. О поэзіи и литературѣ Пушкинъ говорить вообще не любилъ, а съ женщинами никогда и не касался до сего предмета. Многія изъ нихъ, особенно въ то еще время, и не подозрѣвали въ немъ поэта. Одна иностранка, оставляя Россію, просила Пушкина написать ей что-нибудь въ память самыхъ близкихъ двухлѣтнихъ ихъ отношеній. Онъ написалъ ей піесу:

На языкѣ тебѣ певпятномъ и пр.

Она очень удивилась, узнавши, что стихи собственнаго его сочиненія, просила перевода, но Пушкинъ предоставилъ ей обратиться для сего къ первому русскому, котораго она встрѣтитъ за границею. Въ знакомомъ кругу онъ любилъ эту неизвѣстность, но молвою вообще дорожилъ и радовался, когда встрѣчалъ свое имя въ иностранныхъ сочиненіяхъ и журналахъ. Русскіе критики, въ то время къ нему вообще благосклонные, внушали ему равнодушіе къ своимъ отзывамъ по причинѣ безотчетности похвалъ, а впослѣдствіи — по безотчетности порицаній. Въ продолженіе всей своей литературной жизни онъ не имѣлъ случая воспользоваться отъ нихъ ни единымъ дѣльнымъ замѣчаніемъ.

Пушкинъ не любилъ надъ собою невольнаго вліянія французской литературы. Онъ радостно преклонился предъ Байрономъ, но не былъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, его вѣчнымъ, безусловнымъ подражателемъ. Андрей Шенье, французъ по имени, а конечно, не по направленію таланта, сдѣлался его поэтическимъ кумиромъ. Онъ первый въ Россіи и, кажется, даже въ Европѣ достойно оцѣнилъ его. Въ Одессѣ Пушкинъ писалъ много, и произведенія его становились со дня на день своеобразнѣе; читалъ онъ еще болѣе. Тамъ онъ написалъ три первыя главы «Онѣгина». Онъ горячо взялся за него и каждый день имъ занимался. Пушкинъ просыпался рано и писалъ обыкновенно нѣсколько часовъ, не вставая съ постели. Пріятели часто заставали его то задумчиваго, то помирающаго со смѣху надъ строфою своего романа. Одесская осень благотворно дѣйствовала на его занятія. Надобно замѣтить, что Пушкинъ писалъ постоянно только осенью. Даже на сѣверѣ сіе время года, всегда ненастное, приносило ему вдохновеніе; что же онъ чувствовалъ на югѣ, гдѣ все вліяніе осени отзывалось въ его душѣ, а сверхъ того, онъ видѣлъ ясное небо, дышалъ теплымъ, чистымъ воздухомъ!

Въ 1824 году Пушкинъ былъ принужденъ оставить Одессу и поселиться въ Псковской губерніи, въ деревнѣ своей матери. Перемѣна ли образа жизни, естественный ли ходъ усовершенствованія, но дѣло въ томъ, что въ семъ уединеніи талантъ его видимо окрѣпнулъ, и если можно такъ выразиться, освоеобразился. Съ этого времени всѣ его сочиненія получили печать зрѣлости. Онъ занимался много, особенно, по своему обыкновенію, въ осеннее время. Здѣсь

онъ написалъ «Цыгановъ», нѣсколько главъ «Онѣгина», множество мелкихъ стихотвореній и наконецъ «Бориса Годунова».

Въ двухъ верстахъ отъ его деревни находится село Тригорское, неоднократно воспѣтое имъ, и Языковымъ. Оно принадлежитъ П. А. Осиповой, которая тамъ жила и живетъ попыщѣ съ своимъ семействомъ. Добрая, умная хозяйка и милыя ея дочери съ избыткомъ замѣнили Пушкину всѣ лишенія свѣта. Онъ нашелъ тутъ всю заботливость дружбы и всѣ развлеченія, всю пріятность общества. Вскорѣ Тригорское и Михайловское оживились пріѣздомъ изъ Дерпта двухъ тамошнихъ студентовъ—А. Н. Вульфа, сына Осиповой, и поэта Языкова. Пушкинъ его очень любилъ, какъ поэта, и былъ въ восхищеніи отъ его знакомства. Языковъ пріѣхалъ на поэтическій зовъ Пушкина:

Издревле сладостный союзъ и пр.

Потомъ онъ былъ обрадованъ пріѣздомъ своего друга барона Дельвига. Болѣе никого или почти никого Пушкинъ не видалъ во все время своей деревенской жизни. Съ сосѣдями онъ не знакомился. Сношенія его съ Петербургомъ шли своимъ чередомъ: онъ получалъ оттуда книги, журналы и письма. Въ это время началась его переписка съ П. А. Плетневымъ, который взялся быть издателемъ его сочиненій. Они въ то время лично были почти незнакомы, но впослѣдствіи ихъ сношенія кончились тѣсною дружбой. Въ досужное время Пушкинъ въ теченіе дня много ходилъ и ѣздилъ верхомъ, а вечеромъ любилъ слушать русскія сказки и тѣмъ — говорилъ онъ — вознаграждалъ недостатки своего французскаго воспитанія. Вообще образъ его жизни довольно походилъ на деревенскую жизнь Онѣгина. Зимою онъ, проснувшись, также садился въ ванну со льдомъ, а лѣтомъ отправлялся къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ, также игралъ въ два шара на бильярдѣ, также обѣдалъ поздно и довольно прихотливо. Вообще онъ любилъ придавать своимъ героямъ собственные вкусы и привычки. Нигдѣ онъ такъ не выразился, какъ въ описаніи Чарскаго (см. «Египетскія ночи»). Въ это время появилась первая глава «Онѣгина». Журналы или молчали, или отзывались о ней легко и равнодушно. Пушкинъ не понималъ такого пріема сочиненію, которое ставилъ гораздо выше прежнихъ, удостоенныхъ похвалъ, не только вниманія. Впослѣдствіи онъ долженъ былъ привыкнуть ко вкусу критиковъ и публики. «Борисъ Годуновъ», «Полтава», всѣ

русскія сказки были привѣтствуемы то бранью, то насмѣшками. Когда появилась его шутка «Домикъ въ Коломнѣ», то публика увидѣла въ ней такой полный упадокъ его таланта, что никто изъ снисходительнаго приличія не упоминалъ при немъ объ этомъ сочиненіи.

Осенью 1826 года Пушкинъ былъ по высочайшей волѣ вызванъ въ Москву, гдѣ и имѣлъ счастіе быть представленнымъ Его Императорскому Величеству.

Когда записка Л. С. Пушкина впервые появилась въ печати, она вызвала строгій разборъ со стороны В. П. Гаевскаго, извѣстнаго впослѣдствіи своими дѣльными и любопытными изысканіями о Пушкинѣ и Дельвигѣ, а въ то время только что начинавшаго свое литературное поприще [1]). «Не имѣя до сихъ поръ ни одной сколько-нибудь удовлетворительной біографіи Пушкина», писалъ Гаевскій,— «и дорожа каждою замѣткой о жизни великаго поэта, мы были чрезвычайно обрадованы, встрѣтивъ... статью, написанную братомъ Пушкина Львомъ Сергѣевичемъ. Ужь одно имя біографа ручалось за достовѣрность этого «Извѣстія». И въ самомъ дѣлѣ, что̀ — кажется—можетъ быть достовѣрнѣе и обстоятельнѣе біографіи, написанной братомъ? Въ настоящемъ же случаѣ это — самый сильный авторитетъ. Л. С. Пушкинъ, скончавшійся въ прошломъ году,... былъ извѣстенъ какъ человѣкъ, знавшій малѣйшія подробности жизни своего знаменитаго брата и помнившій наизусть множество его стихотвореній, которыя не только никогда не были изданы, но едва ли существовали хотя въ одномъ рукописномъ экземплярѣ и теперь, если не были никѣмъ записаны, пропали невозвратно. Вообще Левъ Сергѣевичъ представлялъ собою живую и самую полную біографію поэта, самое полное собраніе его сочиненій съ всевозможными комментаріями. На этомъ основаніи мы имѣли всѣ причины надѣяться, что написанный имъ біографическій очеркъ будетъ отличаться отъ всѣхъ другихъ біографій Пушкина вѣрностью, полнотой и новостью фактовъ. Къ сожалѣнію, мы скоро разочаровались. «Біографическое извѣстіе», умѣстившееся на девяти страничкахъ крупной печати, даже не удовлетворило нашимъ ожиданіямъ. Кромѣ нѣсколь-

1) *Отечественныя Записки* 1853 г., т. LXXXIX, отд. 5-е, стр. 68—78.

кихъ фактовъ, ограничивающихся впрочемъ анекдотами, которые не имѣютъ особенной важности, и достовѣрность которыхъ весьма сомнительна, кромѣ еще нѣсколькихъ строкъ изъ не изданнаго письма Пушкина и восьми выпущенныхъ стиховъ изъ эпилога къ поэмѣ «Цыганы» (за сохраненіе которыхъ нельзя не поблагодарить біографа), читатели не найдутъ въ немъ ничего новаго. Все остальное — или извѣстно, или неполно, или невѣрно».

Сужденіе это кажется намъ очень пристрастнымъ. Правда, Гаевскому удалось отмѣтить въ «Извѣстіи» Льва Сергѣевича нѣсколько промаховъ, преимущественно по части хронологіи, но онъ совершенно не понялъ несомнѣнныхъ достоинствъ, присущихъ этому очерку рядомъ съ досадными обмолвками. Извѣстно, что Пушкинъ не только по своему геніальному дарованію, но и по своей личности, по исключительному складу своей судьбы сдѣлался героемъ-любимцемъ своего поколѣнія; русское общество интересовалось имъ какъ необыкновеннымъ человѣкомъ едва ли меньше, чѣмъ какъ увлекательнымъ художникомъ; молва о немъ, нѣкогда пущенная въ ходъ авторомъ «Фелицы», который, прослушавъ его стихи на лицейскомъ экзаменѣ 1815 года, говорилъ С. Т. Аксакову: «Вотъ кто замѣнитъ Державина» [1]), поддерживалась до 1820 года столько же новыми произведеніями, сколько петербургскими проказами Пушкина, а затѣмъ не умолкала и тогда, когда онъ находился вдали отъ столицъ и могъ напоминать о себѣ только новыми стихами. Вотъ это-то ходячее мнѣніе о молодомъ поэтѣ, о чудномъ ростѣ его генія и удалось изобразить Льву Пушкину, и разумѣется, нѣсколько фактическихъ промаховъ не подрываютъ общаго вѣрнаго впечатлѣнія этой картины. Съ такой точки зрѣнія очеркъ жизни поэта, набросанный рукою брата, сохраняетъ свою цѣну донынѣ, не смотря на появленіе позже него многихъ болѣе подробныхъ и обстоятельныхъ біографій Пушкина.

Что касается поправокъ, предложенныхъ Гаевскимъ, нужно отдать ему справедливость, онъ дѣйствительно съ пользой подвергъ сообщенія Льва Пушкина провѣркѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ, очевидно, были сдѣланы на угадъ и оказались неточными. Такъ, нельзя вслѣдъ за «Біографическимъ извѣстіемъ» утверждать, что А. С. Пушкинъ воспитывался дома только до одиннадцатилѣтняго воз-

1) Воспоминанія о пінтической жизни Пушкина (*С. Глинки*). М. 1837, стр. 13.

раста: онъ поступилъ въ лицей уже по 13-му году. «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» и «Наполеонъ на Эльбѣ» были написаны Пушкинымъ не 14-ти лѣтъ, а по 16-му году. Равнымъ образомъ не съ 14-ти лѣтъ, а съ 15-ти началъ онъ печатать свои стихотворенія. Нельзя однако не видѣть, что всѣ эти промахи (мы привели только важнѣйшіе изъ указанныхъ Гаевскимъ) суть мелочи, въ данномъ случаѣ не существенныя, такъ какъ есть другіе, болѣе прямые источники для ознакомленія съ фактами, невѣрно переданными у Льва Пушкина. Что онъ писалъ не на основаніи книжныхъ справокъ, а исключительно по памяти, и что память измѣняла ему, всего лучше доказывается слѣдующимъ примѣромъ: въ «Біографическомъ извѣстіи» говорится, что генералъ Орловъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, убѣждалъ Пушкина надѣть эполеты; между тѣмъ изъ сочиненій послѣдняго обнаруживается какъ разъ противное: въ числѣ стихотвореній 1818 года печатается его посланіе «Орлову», изъ котораго видно, что онъ именно совѣтовалъ Пушкину не опредѣляться въ военную службу.

Вообще, ни полноты фактовъ, ни строгой обстоятельности въ ихъ передачѣ нельзя было ожидать отъ Льва Сергѣевича; предполагать возможность всего этого значило бы не знать и не понимать, что̀ онъ былъ за человѣкъ; поэтому нѣсколько словъ о личности младшаго Пушкина не будутъ здѣсь излишними [1]).

Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ 1806 году, слѣдовательно, былъ всего пяти лѣтъ, когда его старшаго брата увезли въ Петербургъ для опредѣленія въ лицей. Между тѣмъ маленькій Левъ оставался въ Москвѣ и росъ баловнемъ матери. Только въ 1815 году семейство Пушкиныхъ переселилось въ Петербургъ, а два года спустя, вскорѣ по выходѣ старшаго брата изъ лицея, младшій былъ помѣщенъ во вновь открытый Благородный пансіонъ при Главномъ педаго-

1) Біографіи Л. С. Пушкина до сихъ поръ не существуетъ; значительнѣйшія свѣдѣнія о немъ находятся въ запискахъ Н. И. Лорера (*Русскій Архивъ* 1874 г.), Г. И. Филипсона (тамъ же 1883 г., и отдѣльно: М. 1883), въ «Старой записной книжкѣ» князя П. А. Вяземскаго (Сочиненія, т. VIII) и въ книгѣ Л. Н. Павлищева: «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ» (М. 1890). Письма А. С. Пушкина къ брату напечатаны въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858 г., и съ нѣкоторыми дополненіями вошли въ изданія сочиненій Пушкина: 8-е (редактированное П. А. Ефремовымъ) и литературнаго фонда. Отвѣтныя письма Льва Сергѣевича не были напечатаны и не сохранились.

гическомъ институтѣ. Въ этомъ заведеніи, которое, по первоначальному плану, представляло нѣчто среднее между гимназіей и университетомъ, курсъ былъ четырехлѣтній, но только въ старшихъ классахъ преподаваніе было поставлено дѣльно и находилось въ рукахъ дѣйствительно образованныхъ и ученыхъ людей, преимущественно институтскихъ профессоровъ, тогда какъ учителя младшихъ классовъ, а равно пансіонскіе гувернеры, были по большей части люди невѣжественные, не умѣвшіе внушить къ себѣ уваженіе въ воспитанникахъ и дѣлавшіеся ихъ посмѣшищемъ [1]). Не извѣстно, съ какими вообще познаніями Левъ Пушкинъ поступилъ въ пансіонъ, и какіе оказалъ въ немъ успѣхи; но вѣрно то, что изъ родительскаго дома онъ вынесъ хорошее знаніе французскаго языка и даже нѣкоторое пристрастіе къ нему, и что въ пансіонѣ онъ успѣшно занимался русскимъ языкомъ и словесностью подъ руководствомъ В. К. Кюхельбекера, братнина товарища по лицею, большого чудака, но умнаго и даровитаго человѣка [2]). «Онъ былъ совершенно грамотенъ», говорилъ впослѣдствіи о Львѣ Пушкинѣ Вяземскій;—«вкусъ его въ дѣлѣ литературы былъ вѣренъ и строгъ». Мы не сомнѣваемся, что своимъ первоначальнымъ литературнымъ образованіемъ и любовью къ словесности онъ былъ обязанъ, по крайней мѣрѣ отчасти, Кюхельбекеру: тѣ же склонности этотъ наставникъ сумѣлъ возбудить и въ нѣсколькихъ другихъ воспитанникахъ Благороднаго пансіона, товарищахъ Льва Сергѣевича — М. И. Глинкѣ, знаменитомъ впослѣдствіи композиторѣ, въ Н. А. Маркевичѣ, Н. А. Мельгуновѣ, С. Д. Полторацкомъ и С. А. Соболевскомъ, людяхъ, небезызвѣстныхъ потомъ въ литературномъ мірѣ. Воспитательная часть въ пансіонѣ была очень плоха; не мудрено поэтому, что Левъ Сергѣевичъ, умный и способный, добродушный и благородный, но и дома воспитанный безпорядочно, вынесъ изъ школы привычки еще большей распущенности и оставилъ пансіонъ, не кончивъ въ немъ полнаго курса, приблизительно въ то самое время, когда старшему брату было предписано выѣхать изъ Петербурга.

Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Благородномъ пансіонѣ младшій Пушкинъ пожелалъ опредѣлиться въ военную службу; но это намѣреніе, поощряемое старшимъ братомъ, встрѣтило рѣши-

1) Записки М. И. Глинки. С.-Пб. 1887, стр. 8 — 13.
2) *Русская Старина* 1875 г., т. XIII, стр. 339.

тельное противодѣйствіе со стороны отца. Будучи не въ силахъ преодолѣть его, молодой человѣкъ проживалъ въ Петербургѣ въ неопредѣленномъ положеніи и полномъ бездѣйствіи: чуть ли не важнѣйшимъ дѣломъ, которымъ онъ занимался, служило исполненіе братнинихъ порученій; разлука не только не разъединила братьевъ, а напротивъ содѣйствовала ихъ сближенію, и между ними завязалась теперь оживленная переписка. Въ бумагахъ поэта, относящихся къ 1822 году, сохранился даже набросокъ стихотворнаго посланія къ Льву Сергѣевичу, къ сожалѣнію, впрочемъ не конченный:

Братъ милый, отрокомъ разстался ты со мной;
Въ разлукѣ протекли медлительные годы;
Теперь ты юноша и полною душой
Цвѣтешь для радостей, для свѣта, для свободы.
Какое поприще открылось предъ тобой!
Какъ много для тебя восторговъ, наслажденій
И сладостныхъ заботъ, и милыхъ заблужденій!..
Какъ юный жаръ твою волнуетъ кровь!
Ты сердце пробуешь въ надеждѣ торопливой,
Ввѣряешься любви... [1])

«Скажи мнѣ: выросъ ли ты? Я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ», говорилъ Пушкинъ брату въ письмѣ изъ Кишинева отъ 21-го іюля 1822 года, какъ бы комментируя вышеприведенные стихи. По праву лѣтъ Александръ Сергѣевичъ желалъ быть руководителемъ Льва на жизненномъ пути и давать ему совѣты. «Ты будешь имѣть дѣло съ людьми, которыхъ еще не знаешь», писалъ онъ ему однажды въ томъ же году. — «Начинай всегда съ того, чтобы думать о нихъ какъ можно хуже: ошибешься немногимъ. Не суди о нихъ по своему сердцу: почитаю его благороднымъ и добрымъ, да къ тому же оно и молодо; презирай ихъ какъ можно вѣжливѣе: это есть средство оградить себя отъ мелкихъ предубѣжденій и мелкихъ страстей, съ которыми ты столкнешься при вступленіи въ свѣтъ. Будь со всѣми холоденъ. Фамиліарность всегда вредна; пуще всего — не дозволяй себѣ ея со старшими, какъ бы не были они предупредительны: они скоро превзойдутъ тебя и очень будутъ

1) Сочиненія Пушкина, изданіе литературнаго фонда, т. I, стр. 284; ср. *Русск. Старину* 1884 г., т. XLII, стр. 552.

рады унизить тебя въ моментъ, когда ты всего менѣе будешь ожидать того. Избѣгай услуживать, воздерживайся отъ проявленій благодушія, къ чему можешь быть склоненъ; люди не постигаютъ его и охотно считаютъ за низость, будучи всегда готовы судить о другихъ по себѣ. Никогда не принимай благодѣяній: всякое благодѣяніе есть по большей части коварство. Не принимай и покровительства: оно порабощаетъ и принижаетъ. Хотѣлъ бы я предостеречь тебя противъ обольщеній дружбы, но у меня не хватаетъ духу — очерствить твою душу въ пору самыхъ сладкихъ заблужденій. Говорить о женщинахъ было бы съ моей стороны совершенно безполезно. Замѣчу только, что чѣмъ меньше женщину мы любимъ, тѣмъ вѣрнѣе можемъ овладѣть ею. Но этого рода наслажденіе по вкусу только старой обезьянѣ XVIII вѣка. А что касается той, которую ты полюбишь, отъ всего сердца желаю тебѣ обладать ею. Не забывай никогда умышленной обиды, — поменьше словъ, или вовсе безъ нихъ, и никогда не плати оскорбленіемъ за оскорбленіе. Если твое состояніе или обстоятельства не позволяютъ тебѣ блистать, не старайся скрывать твои лишенія, лучше держись противоположной крайности: жесткость цинизма всегда дѣйствуетъ внушительно на легкомысліе общаго мнѣнія, а мелкія ухищренія тщеславія могутъ только сдѣлать тебя смѣшнымъ и достойнымъ презрѣнія. Никогда не дѣлай займовъ, лучше терпи нужду; повѣрь, что она не такъ ужасна, какъ ее изображаютъ, и особливо — менѣе ужасна, чѣмъ вѣрная возможность стать безчестнымъ или прослыть таковымъ...»

Пушкинъ оправдывалъ пессимизмъ своихъ наставленій «тяжелымъ личнымъ опытомъ»; но эти правоученія, въ которыхъ рядомъ съ намѣренною мизантропіей проскальзывали самыя идеалистическія «рыцарскія» воззрѣнія, получали подъ его перомъ нѣсколько платоническое свойство: кто ближе знакомъ съ обстоятельствами его жизни, безъ сомнѣнія, согласится, что самъ онъ въ своихъ поступкахъ очень мало руководствовался высказанными имъ правилами, а если изрѣдка и примѣнялъ ихъ къ дѣлу, то скорѣе во вредъ, чѣмъ на благо себѣ. Извѣстно, что далеко не всѣ лица, съ которыми Пушкинъ сходился на короткой ногѣ, заслуживали его дружбы и довѣрія; извѣстно также, что его добродушіе и снисходительность переступали иногда границы благоразумія, и что напротивъ того, болѣзненная чуткость къ обидѣ нерѣдко вовлекала его въ поступки, оскорбительные для другихъ. Левъ Сергѣевичъ былъ

человѣкъ иного склада, менѣе прозрачной и наивной души и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше старшаго брата осуществлялъ тотъ нравственный типъ, какой возникаетъ изъ приведенныхъ выше нравоученій Александра Сергѣевича. По свидѣтельству ихъ племянника Л. Н. Павлищева, «Левъ Сергѣевичъ, въ противоположность своему брату, никогда не выходилъ на дуели, считая поединки не доказательствомъ храбрости, а храброваніемъ, родомонтадой.... Находясь во время службы въ обществѣ бреттёровъ, онъ никогда не имѣлъ съ ними никакихъ столкновеній; напротивъ того, эти бреттёры относились къ нему съ должнымъ уваженіемъ и любили его; во избѣжаніе же непріятныхъ исторій дядя, между прочимъ, даже за бутылкой, никому не говорилъ «ты»,... считая это мѣстоименіе никакой дружбы не доказывающимъ, сущимъ—какъ онъ выразился однажды матери моей — ядомъ, источникомъ пошлой фамиліарности...» Трудно, однако сказать, на сколько такой образъ дѣйствій Льва Сергѣевича сложился подъ вліяніемъ братниныхъ совѣтовъ, или же зависѣлъ отъ его собственнаго нрава.

Пушкина старшаго очень интересовало, чѣмъ занимается, въ какой умственной атмосферѣ живетъ его младшій братъ по выходѣ изъ Благороднаго пансіона. «Скажи мнѣ, съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе. Что ты дѣлаешь, что ты пишешь?» спрашивалъ онъ Льва Сергѣевича въ письмѣ отъ 21-го іюля 1822 года. Еще въ бытность въ Петербургѣ, навѣщая его въ пансіонѣ, поэтъ могъ убѣдиться, что литературныя занятія не чужды воспитанникамъ этого заведенія. Къ тому же интересъ къ словесности издавна былъ присущъ семейству Пушкиныхъ, такъ что Александръ Сергѣевичъ имѣлъ основаніе говорить брату: «Если ты въ родню, такъ ты — литераторъ» (письмо отъ 27-го іюня 1821 года), но тутъ же прибавлялъ: «сдѣлай милость — не поэтъ». А между тѣмъ Левъ Сергѣевичъ еще въ пансіонѣ началъ писать стихи и посылалъ ихъ брату; послѣдній благодарилъ за ихъ доставленіе, но замѣчалъ, что лучше желалъ бы видѣть прозу. «Ради Бога», объяснялъ онъ, — «почитай поэзію доброй, умной старушкою, къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ея милымъ болтаньемъ и сказками, но влюбиться въ нее безразсудно». Тутъ мы опять встрѣчаемся у Пушкина съ нѣкоторымъ противорѣчіемъ между словомъ и дѣломъ: онъ предостерегаетъ брата отъ увлеченія поэзіей, а между тѣмъ самъ, когда

писалъ эти строки (сентябрь 1820 г.), уже вполнѣ и безповоротно преданъ былъ этой страсти. Какъ впослѣдствіи, въ зрѣлые годы, такъ и въ ранней юности, онъ цѣнилъ свое призваніе поэта очень высоко, и если заявлялъ притязаніе на общественное вниманіе, то единственно въ силу своего творческаго дара; вмѣстѣ съ тѣмъ однако онъ рано созналъ, что только тотъ, кто имъ надѣленъ въ высокой степени, достоинъ одобренія и славы. Въ братѣ своемъ Пушкинъ, очевидно, не угадывалъ признаковъ истиннаго таланта, и потому его совѣты имѣли въ данномъ случаѣ отрицательный характеръ. По видимому, нѣсколько иначе судилъ о литературныхъ способностяхъ Льва Сергѣевича князь Вяземскій; въ своемъ воспоминаніи о немъ этотъ старый другъ Пушкинской семьи говоритъ, что «не будь Левъ Пушкинъ такимъ гулякою,... можетъ быть, и онъ внесъ бы имя свое въ лѣтописи нашей литературы.... А можетъ быть», прибавляетъ тотъ же снисходительный судья,—«задерживала и пугала его слава брата, который забралъ весь маіоратъ дарованія». Въ этомъ послѣднемъ замѣчаніи есть, безъ сомнѣнія, большая доля правды. По общему свидѣтельству современниковъ, Левъ Сергѣевичъ питалъ къ Александру восторженное поклоненіе; можно думать, что, замѣтивъ со стороны старшаго брата равнодушіе къ его стихамъ, младшій рѣшилъ отказаться, если не отъ писанія ихъ, то по крайней мѣрѣ отъ ихъ печатанія.

Порученія, которыя поэтъ давалъ Льву Сергѣевичу, касались по большей части литературныхъ дѣлъ. Живя вдали отъ столицъ, Пушкинъ требовалъ отъ него литературныхъ новостей и въ свою очередь посылалъ ему свои новыя произведенія. Левъ не замедлилъ перезнакомиться со всѣмъ литературнымъ міромъ, бывалъ у Карамзина, Жуковскаго и братьевъ Тургеневыхъ, подружился съ Дельвигомъ и Плетневымъ, съ Боратынскимъ обмѣнивался посланіями и жилъ даже нѣкоторое время съ нимъ вмѣстѣ [1]), а съ журналистами, то-есть, съ Воейковымъ, Гречемъ и Булгаринымъ, вступалъ изъ-за брата въ горячія словопренія. Славой его онъ истинно гордился, и его страстное радѣніе о ней дало поводъ къ слѣдующему двустишію, очень извѣстному въ свое время:

А Левушка нашъ радъ,
Что онъ — родному брату братъ.

1) Стихи Боратынскаго къ Л. С. Пушкину см. въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1825 годъ*.

Впрочемъ, Левъ Сергѣевичъ былъ цѣнимъ въ обществѣ и самъ по себѣ — какъ остроумный человѣкъ, занимательный и пріятный собесѣдникъ, съ живою и своеобразною рѣчью. Мало по малу онъ сдѣлался непремѣннымъ членомъ разныхъ литературныхъ кружковъ въ Петербургѣ и, такъ сказать, уполномоченнымъ при нихъ представителемъ своего геніальнаго брата. Онъ обладалъ прекраснымъ почеркомъ и превосходною памятью: стоило ему хоть разъ услышать, прочесть или переписать какое-нибудь братнино стихотвореніе, даже значительныхъ размѣровъ, — оно запечатлѣвалось въ его памяти отъ слова до слова. Онъ любилъ читать въ разныхъ салонахъ произведенія Александра Сергѣевича, въ томъ числѣ такія, которыя не предназначались для печати. «Съ нимъ», разсказывалъ послѣ его смерти Вяземскій, — «можно сказать, погребены многія стихотворенія его не изданныя, можетъ быть, даже и не записанныя, которыя онъ одинъ зналъ наизусть... И онъ же могъ бы изобличить въ подлогѣ другія стихотворенія, которыя невѣжественными любителями соблазна несправедливо приписываются Пушкину». Черезъ его руки по большей части проходили и имъ переписывались тѣ стихотворенія, которыя поэтъ препровождалъ для помѣщенія въ журналахъ и альманахахъ, и наконецъ, подъ прямымъ и ближайшимъ надзоромъ младшаго брата было издано кое-что изъ произведеній старшаго, между прочимъ, первая глава «Евгенія Онѣгина», посвященная Льву Сергѣевичу. Кромѣ того, при его посредствѣ поэтъ велъ сношенія съ книгопродавцами, выписывалъ отъ нихъ книги, продавалъ имъ свои сочиненія и получалъ деньги.

Денежныя затрудненія составляли постоянно больное мѣсто въ жизни молодыхъ Пушкиныхъ. Отецъ ихъ былъ небогатъ, очень плохой хозяинъ и къ тому же скупъ; сыновьямъ онъ не давалъ ни гроша. Александръ, въ первые годы по выходѣ изъ лицея, еще пользовался хоть небольшимъ жалованьемъ на службѣ, а съ теченіемъ времени сталъ получать доходъ отъ изданія своихъ сочиненій; что же касается Льва, у него никакихъ подобныхъ источниковъ не имѣлось; правда, въ ноябрѣ 1824 года и онъ опредѣлился на службу (въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій), но вѣроятно, на очень ничтожное содержаніе, и къ тому же мѣсяца черезъ четыре уже сталъ тяготиться своею должностью; короче сказать, онъ постоянно былъ въ нуждѣ, и старшій братъ чувствовалъ себя обязаннымъ помогать ему изъ своихъ гонораровъ. Еще въ

апрѣлѣ 1824 года онъ писалъ Льву изъ Одессы: «Мнѣ сказывали, что ты будто собираешься ко мнѣ, — куда тебѣ! Развѣ на казенный счетъ, да въ сопровожденіи жандарма. Пиши мнѣ. Ни ты, ни отецъ ни словечка не отвѣчаете мнѣ на мои элегическіе отрывки, денегъ не шлете, а подрываете мой книжный торгъ — куда хорошо!» Этотъ послѣдній упрекъ намекаетъ на привычку Льва Сергѣевича повсюду читать братнины произведенія прежде ихъ появленія въ печати: поэтъ опасался, что вслѣдствіе такихъ «накостей чтеньебѣсія» они будутъ меньше расходиться въ продажѣ. По переѣздѣ Александра Сергѣевича въ Михайловское сношенія между братьями сдѣлались значительно чаще, облегчилась возможность личнаго ихъ свиданія другъ съ другомъ, а порученія изъ деревни посыпались на Льва Сергѣевича безпрерывною чредой. Сперва онъ исправлялъ ихъ болѣе или менѣе точно и скоро, но мало по малу сталъ затягивать и запускать, то не высылая требуемыхъ братомъ книгъ и вещей, то путая денежные разчеты и самовольно задерживая въ своихъ рукахъ вознагражденіе, причитавшееся брату отъ издателей его произведеній. Вотъ, напримѣръ, что разсказывалъ М. А. Бестужевъ объ одномъ случаѣ, происшедшемъ между его братомъ Александромъ (Марлинскимъ), издателемъ *Полярной Звѣзды*, и Львомъ Пушкинымъ въ 1825 году: «Александръ Пушкинъ, присылая свой милый разговоръ Тани съ старушкою нянеи, увѣдомляетъ моего брата, что условія относительно вознагражденія за напечатаніе этого стихотворенія онъ можетъ сдѣлать чрезъ Льва Сергѣевича Пушкина. Это условіе съ Левушкой состоялось въ моемъ присутствіи. Не знаю, отдалъ ли Александръ Пушкинъ этотъ эпизодъ изъ «Онѣгина» своему брату-гулякѣ, чтобы деньги были доставлены ему, какъ увѣрялъ Левушка, или это была обычная заплатка, которыми Александръ Пушкинъ безуспѣшно заштивалъ долговыя дыры брата, но только Левушка потребовалъ съ издателей по пяти рублей ассигнаціями за строчку. И братъ мой Александръ, не думая ни минуты, согласился. «Ты промахнулся, Левушка», смѣясь добавилъ братъ мой, — «промахнулся, не потребовавъ за строку по червонцу... Я бы тебѣ и эту цѣну далъ, но только съ условіемъ — припечатать нашу сдѣлку въ *Полярной Звѣздѣ* для того, чтобы знали всѣ, съ какою готовностью мы платимъ золотомъ за золотые стихи» [1]).

1) *Русскій Вѣстникъ* 1869 г., № 11, стр. 72 («Къ біографіи Пушкина» *М. Семевскаго*).

По всему вѣроятію, Александръ Сергѣевичъ, въ своемъ дере
венскомъ уединеніи, не всегда и зналъ, что̀ творилъ въ Петербурѣ
младшій братъ отъ его имени; но чѣмъ долѣе шло время, тѣмъ яснѣ
становилось ему, какъ небрежно велъ его дѣла Левъ Сергѣевичъ,
при всей своей снисходительности онъ не могъ не жаловаться в
брата общимъ пріятелямъ. «Скажи Плетневу», писалъ онъ Дельвиг
въ началѣ іюня 1825 года, — «чтобъ онъ Льву давалъ изъ моих
денегъ на орѣхи, а не на коммиссіи мои, потому что это напрасн
такого безсовѣстнаго коммиссіонера нѣтъ и не будетъ». Наконец
однако, когда обнаружилось, что по безпечности Левушки разстро
илось возможное соглашеніе съ книгопродавцемъ Заикинымъ, и новы
сочиненія Александра Сергѣевича залеживались въ цензурѣ, поэт
потерялъ терпѣніе и разразился слѣдующимъ грознымъ посланіем
брату: «Еслибъ Плетневъ показалъ тебѣ мои письма, такъ ты бы
понялъ мое положеніе. Теперь пишу тебѣ изъ необходимости. Ты
зналъ, что деньги мнѣ будутъ нужны. Я на тебя полагался как
на брата; между тѣмъ годъ прошелъ, а у меня ни полушки. Еслиб
я имѣлъ дѣло съ одними книгопродавцами, то имѣлъ бы тысячъ 15
Ты взялъ отъ Плетнева для выкупа моей рукописи 2000 р., запла
тилъ 500, — доплатилъ ли остальные 500, и осталось ли что-нибуд
отъ остальной тысячи? Я отослалъ тебѣ мои рукописи въ мартѣ, —
онѣ еще не собраны, не цензированы; ты читаешь ихъ своимъ прія
телямъ до тѣхъ поръ, что они наизусть передаютъ ихъ московской
публикѣ. Благодарю. — Дельвига письма до меня не доходятъ. Из
даніе поэмъ моихъ не двинется никогда. Между тѣмъ я отказался
отъ предложенія Заикина. Теперь прошу, если возможно, возобно
вить переговоры. Словомъ, мнѣ нужны деньги или удавиться. Ты
зналъ это, ты обѣщалъ мнѣ капиталъ прежде году, а я на тебя
полагался. Упрекать не стану, а благодарить, ей Богу, не за что̀. —
При семъ письмо Заикина. Я не утруждаю тебя новыми хлопотами
Прошу единственно — вполнѣ истолковать Плетневу мои обсто
ятельства. Полагаюсь на его дружбу. Если же ты захочешь продик
товать «Цыгановъ» для отдачи въ цензуру, покамѣстъ не перешли
своего списка, я почту себя очень обязаннымъ. — Заплачены ли
Вяземскому 600 рублей?» Разумѣется, гнѣвъ добродушнаго поэта
былъ непродолжителенъ; но дѣйствительно, съ этихъ поръ Лев
Сергѣевичъ утратилъ довѣріе брата, переписка между ними пре
кратилась, и старшій пересталъ обращаться къ содѣйствію млад

шаго, хотя самъ впослѣдствіи не разъ выручалъ этого неисправимаго вѣтренника изъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Льву Сергѣевичу рѣшительно не жилось въ канцелярской атмосферѣ: въ 1826 году онъ оставилъ гражданскую службу и въ 1827 осуществилъ свое давнишнее желаніе — опредѣлился въ военную; назначенный въ Кавказскій отдѣльный корпусъ, онъ шесть мѣсяцевъ пробылъ юнкеромъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку и въ октябрѣ 1827 года былъ произведенъ въ прапорщики. По своей живой и дѣятельной натурѣ и по беззавѣтной храбрости онъ пришелся въ военной средѣ совершенно къ мѣсту. Мы однако не будемъ входить въ подробности этой его службы [1]); замѣтимъ только, что въ 1827 и 1828 годахъ онъ принималъ участіе въ Персидской кампаніи, въ 1828 и 1829 — въ Турецкой, а въ 1831 участвовалъ въ походѣ противъ польскихъ мятежниковъ; пробывъ затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ въ отставкѣ и сдѣлавъ еще новую попытку принять должность по гражданскому вѣдомству (по министерству внутреннихъ дѣлъ), онъ въ 1836 году опять вернулся въ ряды Кавказской арміи и неоднократно участвовалъ въ экспедиціяхъ противъ горцевъ въ качествѣ адъютанта при генералѣ Н. Н. Раевскомъ, сперва командирѣ Нижегородскихъ драгунъ, а затѣмъ устроителѣ и начальникѣ Черноморской береговой линіи.

Служа на Кавказѣ, Левъ Сергѣевичъ пріобрѣлъ извѣстность лихого боевого офицера и пользовался большою популярностью. Вотъ, напримѣръ, что̀ разсказывали о немъ въ пору его службы въ Нижегородскомъ полку: «Когда нижегородцы понеслись въ атаку, одинъ изъ молодыхъ солдатъ, оробѣвъ, пустился на утекъ. «Пушкинъ», закричалъ полковой командиръ, — «видишь этого подлеца? Догоняй его, руби его! Онъ полкъ безчеститъ». «Сабля туга», нашелся Левъ Сергѣевичъ, взявъ подъ козырекъ, и пришпоривъ коня, воскликнулъ: «За мной, ребята!» Черезъ нѣсколько минутъ непріятельская колонна обратилась въ бѣгство. Орденъ св. Владиміра былъ наградой Льву Сергѣевичу за этотъ подвигъ» [2]). Позже, въ

1) Свѣдѣнія о службѣ Л. С. Пушкина можно найти въ помѣщенномъ въ приложеніи къ этой статьѣ извлеченіи изъ его послужного списка; списокъ этотъ обязательно доставленъ намъ Д. Ѳ. Кобеко, за что̀ приносимъ ему нашу искреннюю благодарность.

2) Разсказъ этотъ находится въ книгѣ Л. Н. Павлищева, который относитъ описанный случай къ сраженію подъ Елисаветполемъ 13-го сентября

тридцатыхъ годахъ, съ братомъ поэта встрѣтились на Кавказѣ нѣкоторыя лица, оставившія воспоминанія о тамошней своей службѣ, и въ ихъ разсказахъ личность Льва Пушкина занимаетъ не послѣднее мѣсто по своей своеобразности. Приведемъ одинъ изъ нихъ, сходный съ другими по своей сущности, но наиболѣе яркій по своимъ подробностямъ. Весной 1838 года, когда Н. Н. Раевскому приказано было предпринять военную экспедицію за Кубань въ горы западной Чечни для устройства Черноморской береговой линіи, бывшій въ этой экспедиціи декабристъ Н. И. Лореръ находился въ лагерѣ, расположенномъ къ юго-востоку отъ Тамани. Однажды послѣ обѣда онъ бесѣдовалъ съ однимъ изъ товарищей, сидя въ своей палаткѣ. «Въ эту минуту», говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, — «вбѣжалъ въ мою палатку армейскій капитанъ, назвалъ себя Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ и бросился ко мнѣ на шею. Мы до сего времени не были знакомы, и подобная нецеремонная рекомендація самого себя даже и на Кавказѣ могла показаться странною, но имя Пушкина мирило и сглаживало все. Магическое это имя увлекло и меня, и я съ восторгомъ обнималъ брата нашего народнаго поэта и радовался вновь пріобрѣтенному знакомству. Левъ Пушкинъ былъ въ то время адъютантомъ при Раевскомъ и кромѣ того пользовался его дружбой: одинъ изъ пріятнѣйшихъ собесѣдниковъ, какихъ я когда-либо зналъ, съ отличнымъ сердцемъ и высокаго благородства. Въ душѣ поэтъ, а въ жизни циникъ страшный... Левъ Сергѣевичъ похожъ лицомъ на своего брата: тотъ же африканскій типъ, тѣ же толстыя губы, умные глаза; но онъ блондинъ, хотя волоса его такъ же вьются, какъ черные кудри Александра Сергѣевича. Левъ Пушкинъ ниже ростомъ своего брата, широкоплечъ, вѣчно веселъ, надъ всѣмъ смѣется, находчивъ и остеръ въ своихъ отвѣтахъ; пьетъ одно вино, хорошее или дурное — все равно, пьетъ много, и вино никогда на него не дѣйствуетъ. Онъ не знаетъ вкуса чая, кофе, супа, потому что въ нихъ есть вода. Разсказываютъ, что однажды ему сдѣлалось дурно въ какой-то гостиной, и дамы, тутъ бывшія, засуетившись около него, стали кричать: «Воды, воды!» И будто бы Пушкинъ, услышавъ это ненавистное слово, пришелъ въ чувство и

1826 г.; но изъ формулярнаго списка Л. С. Пушкина видно, что онъ вовсе не участвовалъ въ этомъ сраженіи, а Владимірскій крестъ получилъ за рекогносцировку подъ Ахалцихомъ въ Турецкую компанію 1828 года.

вскочилъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Ѣстъ онъ обыкновенно соленое и острое — сельди, сыръ и проч. Память имѣетъ необыкновенную и читаетъ стихи вообще, своего брата въ особенности, превосходно, хотя не доставляетъ этого наслажденія своимъ жадным слушателямъ до тѣхъ поръ, покуда не поставятъ передъ нимъ лимбургскаго сыра и нѣсколькихъ бутылокъ вина. Весь лагерь былъ въ восторгѣ отъ Пушкина, и можно было быть увѣрену, что гдѣ Пушкинъ, тамъ кружокъ и весело. Всю экспедицію онъ сдѣлалъ съ одною кожаною подушкой, старою поношенною шинелью, парой платья на плечахъ и шашкой, которую никогда не снималъ. Пушкинъ обыкновенно заглядываетъ по палаткамъ, и гдѣ ѣдятъ или пьютъ, онъ тамъ вездѣ садится, ѣстъ и пьетъ. Въ карты Пушкинъ игралъ и всегда проигрывалъ; табаку не нюхалъ и не курилъ. Вѣчно безъ денегъ, а ежели заведутся кое-какія, то не надолго: или прокутитъ, или раздастъ. У него не было слуги или деньщика. Однимъ словомъ, Пушкинъ имѣлъ много странностей, но всѣ онѣ какъ-то шли къ нему, можетъ быть, потому, что были натуральны, и онъ былъ самый безпечный, милый человѣкъ, какого я зналъ».

Выше было сказано, что еще въ ранней молодости, въ Петербургѣ, Левъ Сергѣевичъ обнаруживалъ склонность къ кутежамъ; въ первые же годы службы на Кавказѣ онъ сталъ уже такимъ отъявленнымъ гулякой, который, хоть и въ драгунской формѣ, напоминалъ Бурцева и другихъ классическихъ гусаровъ коренныхъ, нѣкогда воспѣтыхъ Денисомъ Давыдовымъ. Поэтому «храбрый капитанъ» — такъ звали Льва Пушкина его близкіе родные — очевидно, не годился для строго дисциплинированной военной службы въ столицѣ, никогда не стремился перейти въ гвардію и даже службой въ арміи тяготился въ мирное время. Послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій въ Польшѣ онъ предпочелъ выйти въ отставку, а затѣмъ опредѣлился въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ и находился около четырехъ лѣтъ. Однако, судя даже по семейнымъ воспоминаніямъ Л. Н. Павлищева, эти годы пребыванія Льва Сергѣевича въ Петербургѣ не ознаменовались ничѣмъ замѣчательнымъ: отъ старыхъ своихъ привычекъ онъ уже не могъ отстать, а долги его продолжали расти или уплачивались по возможности Александромъ Сергѣевичемъ. Къ этому времени относится между прочимъ одна шутка, сыгранная съ Львомъ Сергѣевичемъ его старшимъ братомъ и Соболевскимъ, и о которой сохранилось забавное

описаніе въ одномъ изъ писемъ поэта къ женѣ (отъ 19-го апрѣ
1834 г.): «Соболевскій будто нечаянно зоветъ его ко мнѣ обѣдат
Левъ Сергѣевичъ является. Я передъ нимъ извинился, какъ пере
гастрономомъ, что, не ожидая его, заказалъ себѣ только ботвинь
да beefsteaks. Левъ Сергѣевичъ тому и радъ. Садимся за стол
подаютъ славную ботвинью. Левъ Сергѣевичъ хлебаетъ двѣ т
релки, утираетъ осетрину, наконецъ требуетъ вина; ему отвѣчают
«Нѣтъ вина». «Какъ нѣтъ?» «Александръ Сергѣевичъ не приказа
на столъ подавать». И я объявляю, что съ отъѣзда Натальи Ник
лаевны я на діэтѣ и пью воду. Надобно было видѣть отчаяніе
сардоническій смѣхъ Льва Сергѣевича — который уже ко мнѣ, в
роятно, обѣдать не явится. Во все время Соболевскій подлива
себѣ воду то въ стаканъ, то въ рюмку, то въ длинный бокалъ,
подчивалъ Льва Сергѣевича, который чинился и отказывалс

Апетитъ Льва Сергѣевича, по видимому, не разъ возбужда
остроуміе близкихъ ему людей; существуетъ на этотъ счетъ слѣду
щая эпиграмма, приписываемая то его брату, то Соболевскому:

Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ
Не лишенъ разсудка,
Но съ шампанскимъ жирный плювъ
И съ груздями утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка.

Не смотря на наставленія, выговоры и вообще нѣкоторую в
мѣренную сухость обращенія, Александръ Сергѣевичъ до кон
жизни оставался геніемъ-хранителемъ своего грѣшнаго любим
Не подлежитъ сомнѣнію, что если Н. Н. Раевскій взялъ къ се
Льва Пушкина въ адъютанты въ 1836 году, то скорѣе всего
ради старинной пріязни къ поэту: для такого подчиненнаго в
чальникъ необходимъ былъ снисходительный. Нужно впроче
отдать справедливость и Льву Сергѣевичу: онъ очень уважалъ Ра
скаго и старался быть ему полезнымъ, въ чемъ умѣлъ, между пр
чимъ былъ главнымъ его сотрудникомъ по составленію донесен
которыя Раевскій, въ виду исключительной важности возложенна
на него порученія по занятію восточнаго черноморскаго бере
имѣлъ право посылать непосредственно на имя императора Никол

Раевскій оставилъ службу на Кавказѣ въ 1841 году, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ 1842 году, покинулъ ее и Левъ Пушкинъ.

Послѣдніе десять лѣтъ жизни Левъ Сергѣевичъ провелъ въ Одессѣ, занимая тамъ должность члена таможни. Онъ женился [1]), и что̀ называется, остепенился, но началъ старѣть и хирѣть, хотя по прежнему оставался пріятнымъ и занимательнымъ собесѣдникомъ, обществомъ котораго всѣ дорожили. Какъ въ ранней молодости въ Петербургѣ онъ служилъ довѣреннымъ лицомъ поэта, такъ впослѣдствіи на Кавказѣ и въ Одессѣ являлся живымъ памятникомъ его творческой дѣятельности: любилъ читать его стихи, изданные и не изданные, и дѣлиться воспоминаніями о немъ: «Лѣтъ за пять до его смерти», говоритъ одинъ изъ его одесскихъ знакомыхъ, профессоръ Ришельевскаго лицея К. П. Зеленецкій, — «не переставали мы повторять ему о необходимости написать полную біографію его славнаго брата» [2]). Но Левъ Сергѣевичъ не исполнилъ, и какъ мы думаемъ, не могъ исполнить этотъ совѣтъ — не по недостатку доброй воли, а потому, что былъ дѣйствительно неспособенъ къ подобному труду, требовавшему усидчивости, справокъ, разысканій и т. п. Предложенный здѣсь очеркъ жизни Льва Пушкина можетъ, какъ намъ кажется, представить достаточныя доказательства въ пользу такого заключенія.

По свидѣтельству князя Вяземскаго, литературный вкусъ Льва Сергѣевича былъ вѣренъ и строгъ; до конца своей жизни братъ геніальнаго поэта живо сочувствовалъ литературнымъ интересамъ, охотно сближался съ молодыми людьми, обнаруживавшими поэтическое дарованіе, и порою самъ, какъ въ молодые годы, писалъ стихи. Въ Одессѣ онъ познакомился между прочимъ съ Я. П. Полонскимъ и Н. Ѳ. Щербиной, начинавшими въ то время свою литературную дѣятельность. Первый нерѣдко посѣщалъ его и оставилъ о немъ нѣсколко любопытныхъ воспоминаній. «Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ», разсказываетъ Полонскій, — «превосходно читалъ стихи и представлялъ мнѣ, какъ читалъ ихъ покойный братъ его Александръ Сергѣевичъ. Изъ этого я заключилъ, что Пушкинъ стихи свои читалъ какъ бы на распѣвъ, какъ бы желая передать своему слушателю всю музыкальность ихъ. Въ тогдашнемъ поэтическомъ кружкѣ на

1) На Елизаветѣ Александровнѣ Загряжской.

2) *Москвитянинъ* 1854 г., № 9, смѣсь, стр. 1.

новую звучную рѳму смотрѣли какъ на счастливое открытіе и не разъ забѣгали къ Пушкину, чтобы сообщить ему, напримѣръ, такую рѳму: *тѣнь ивы — ть нивы.* Левъ Сергѣевичъ, также какъ и братъ его, отвергалъ, что нѣкоторыя порнографическія стихотворенія, приписываемыя Пушкину, принадлежали перу его. Подозрѣваю, что нѣкоторыя изъ нихъ были сочинены самимъ Львомъ Сергѣевичемъ. Мнѣ это подсказываетъ его посланіе къ писательницѣ Ганъ (матери извѣстной спиритки Блавацкой), нѣсколько нескромное посланіе, написанное ей какъ бы въ досадѣ на неудачное за нею ухаживаніе».

О знакомствѣ Л. С. Пушкина со Щербиной мы имѣемъ свидѣтельство тоже литературнаго человѣка, Б. М. Маркевича. Приводимъ (съ нѣкоторыми сокращеніями) и его разсказъ, интересный между прочимъ по тѣмъ характернымъ частностямъ, которыя сообщаются въ немъ о Львѣ Сергѣевичѣ въ послѣдніе годы его жизни: «Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ былъ большой пріятель моего семейства и со времени моего студенчества до самой своей смерти сохранялъ ко мнѣ, не смотря на значительное разстояніе нашихъ лѣтъ, очень дружескія отношенія. Въ 1850 году, пріѣхавъ въ Одессу въ отпускъ изъ Москвы, гдѣ я состоялъ на службѣ, узнаю въ первый же день отъ своихъ, что Пушкинъ боленъ неизлѣчимою болѣзнью, приговоренъ медиками, но еще «не сдается», бодрится, ходитъ. Дѣйствительно, часа два послѣ этого, иду я по Приморскому бульвару, направляясь къ нему на квартиру, и вижу — идетъ онъ самъ, поблѣднѣвшій и худой, медленными шагами больного, ко мнѣ на встрѣчу, опираясь на руку какого-то невысокаго ростомъ, смуглаго, съ блестящими черными глазками и недлинными усиками молодого человѣка. Левъ Сергѣевичъ очень обрадовался мнѣ, обнялъ, и засмѣявшись вдругъ своимъ, знакомымъ мнѣ издавна, быстрымъ гортаннымъ смѣхомъ (чрезвычайно сходнымъ — какъ говорилъ онъ самъ — со смѣхомъ его брата): «Ну, радуйтесь, юный другъ», сказалъ онъ, указывая на своего спутника, — «вотъ вамъ еще поэтъ, познакомьтесь: Щербина, Николай Ѳедоровичъ». Я съ сердечнымъ

1) *Космополисъ* 1898 г., № 3, стр. 202. Укажемъ здѣсь кстати еще одно свидѣтельство — М. В. Юзефовича — о чтеніи стиховъ Пушкинымъ: «Онъ, по моему, не былъ чтецомъ-мастеромъ: его декламація впадала въ искусственность. Левъ Сергѣевичъ читалъ его стихи лучше, чѣмъ онъ» (*Русскій Архивъ* 1880 г., кн. III, стр. 443).

удовольствіемъ поспѣшилъ пожать руку этому Щербинѣ, только что появившіяся тогда впервые «Греческія стихотворенія» котораго произвели на меня сильное впечатлѣніе.... «Ну, а теперь пойдемте ко мнѣ», говорилъ между тѣмъ Левъ Сергѣевичъ; — «къ вашему пріѣзду, мой юный другъ, у меня и сюрпризъ готовъ». «Какой?» «Не скажу заранѣе», засмѣялся онъ опять, — «увидите сами». Мы пришли втроемъ къ нему въ домъ. На письменномъ столѣ его кабинета лежали два пожелтѣвшіе листка, одинъ величиной въ четвертушку, другой — нѣсколько длиннѣе и съ оборваннымъ угломъ. «Вообразите», сказалъ онъ, взявъ послѣдній изъ нихъ въ руки, — «вчера въ старомъ словарѣ нашелъ у себя неизвѣстный оригиналъ брата». Щербина кинулся къ нему. «Автографы великаго!» воскликнулъ онъ восторженно! — «позвольте прикоснуться благоговѣйными устами!» Онъ склонился надъ бумагою. Левъ Сергѣевичъ былъ видимо тронутъ этимъ и поцѣловалъ его въ голову. «Четыре стиха разобралъ, — прелесть!» заговорилъ онъ опять; — «а дальше не могъ: перемарано очень, да и глаза ослабѣли; не поможете ли вы, господа?» Мы, разумѣется, поспѣшили приняться за работу. Четыре начальные разобранные Львомъ Сергѣевичемъ, быстрою рукою написанные стиха извѣстны теперь всѣмъ:

Ночь темна; въ небесномъ полѣ,
Ходитъ Весперъ золотой.
Старый дожъ плыветъ въ гондолѣ
Съ догарессой молодой.

«Затѣмъ слѣдовало десять или двѣнадцать строкъ, съ приписками на поляхъ, но и тѣ, и другія были дѣйствительно такъ помараны широкими, очевидно, нетерпѣливыми размахами пера, что, кромѣ нѣсколькихъ отрывочныхъ словъ, которыя привести въ связь между собою мы никакой не нашли возможности, ничего разобрать было нельзя... Побились мы втроемъ съ полчаса времени и отступились. «А это что?» спросилъ я, указывая на оставшійся на столѣ листокъ. Левъ Сергѣевичъ взялъ его и прочелъ громко:

Nec timere nec timide.

Въ утломъ челнѣ и беззвѣздною почью я, бурѣ довѣрясь,
Въ море пускался, буря же къ пристани прямо меня принесла.
Путникъ, судебъ не испытывай: челны другихъ погибали.

* * *

Берегъ на гордой триремѣ оставилъ я въ полдень блестящій,
Тихому Евру мой парусъ довѣря. И что же? Погибъ я!
Путникъ, судьбы не страшись: многіе брега достигли.

«Не знаю», отвѣчалъ онъ, — «и какъ очутилось это у меня, не понимаю. Тоже отыскалъ на дняхъ въ старомъ своемъ хламѣ». «Пошибъ совсѣмъ Пушкинскій», замѣтилъ Щербина... «Всѣ мы писали этимъ пошибомъ, и я никакъ не стану утверждать, что написано это было именно братомъ, а дѣйствительно, на него похоже»... Переписано оно рукою Павла Вонновича Нащокина... Однажды въ Москвѣ — я у него жилъ — вернулся я вечеромъ съ какого-то обѣда, на которомъ выпито было, какъ говорится, зѣло. Вхожу, вижу — сидятъ у него братъ, Соболевскій и Туманскій, читаютъ что-то и смѣются. «Ну, ну, вотъ прочитай Левушкѣ», крпчитъ братъ Нащокину. Тотъ и началъ вотъ это самое. Только конца я уже положительно не слышалъ, расхохотался Левъ Сергѣевичъ, сверкая изъ-подъ усовъ своими крупными бѣлыми зубами, — «потому что ноги меня не держали; опустился на диванъ и заснулъ какъ убитый... Проснувшись на другой день, я и не вспомнилъ объ этихъ стихахъ, никто о нихъ не заводилъ рѣчи, и найдя ихъ теперь у себя, мнѣ стоило даже, въ первую минуту, труда припомнить: что это такое, и гдѣ что-то подобное я слышалъ....» Маркевичъ заключаетъ свой разсказъ выраженіемъ нѣкотораго сомнѣнія: «Не мистифицировалъ ли насъ съ Щербиной Левъ Сергѣевичъ (онъ отъ этого былъ не прочь), прочитавъ намъ собственную свою поддѣлку подъ «пошибъ» геніальнаго брата?» [1])

Черезъ чуръ литературный характеръ этого разсказа побуждаетъ отнестись къ нѣкоторымъ его частностямъ съ осторожностью, но въ общемъ онъ, кажется, заслуживаетъ довѣрія. Прежде всего замѣтимъ, что оба брата Пушкина дѣйствительно находились въ Москвѣ — мѣстѣ постояннаго пребыванія Соболевскаго и Нащокина, лѣтомъ 1830 года; это видно между прочимъ изъ нижеслѣдующей повѣстки, относящейся къ этому времени и сохранившейся въ бумагахъ М. А. Максимовича [2]): «Александръ Сергѣевичъ и Левъ Сергѣевичъ Пушкины съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаютъ о кон-

1) *Русскій Вѣстникъ* 1888 г., № 9, стр. 427 — 430.

2) Сообщена Н. П. Барсуковымъ. Александръ Пушкинъ прожилъ въ 1830 году въ Москвѣ съ половины марта по конецъ августа.

инѣ дяди своего Василія Львовича Пушкина, послѣдовавшей сего густа 20-го дня, въ 2 часа по полудни, и покорнѣйше просятъ жаловать на выносъ и отпѣваніе тѣла сего августа 23-го дня, въ иходѣ св. великомученика Никиты, что̀ въ Старой Басманной, въ часовъ утра, а погребеніе тѣла будетъ въ Донскомъ монастырѣ». алѣе, для приведеннаго выше антологическаго стихотворенія у А. ушкина могутъ быть указаны только параллели — въ подражаніи оэту «Земля и море» (1821 года) и въ заимствованіяхъ изъ гре-еской Антологіи (1833 года); но что касается стиховъ о дожѣ, ли-окъ съ ними, писанный рукою Пушкина, дѣйствительно имѣлся у льва Сергѣевича; о немъ упоминается въ *Библіографическихъ Запис-ихъ* 1858 года (№ 1), гдѣ впервые были напечатаны письма поэта ъ брату, и притомъ описанъ былъ составъ тѣхъ немногихъ Пуш-инскихъ бумагъ, какія хранились у Льва Сергѣевича; тутъ же риведены были и самые эти стихи, но въ нѣсколько иной редак-іи. Къ сожалѣнію, при передачѣ подлинныхъ писемъ поэта къ рату въ Московскій Публичный музей упомянутый листокъ не ылъ препровожденъ туда же, и гдѣ онъ теперь находится — не звѣстно.

Какъ бы то ни было, любопытно, что и въ разсказѣ Маркевича, въ воспоминаніяхъ Полонскаго рѣчь идетъ о стихотворствѣ самого льва Сергѣевича. По словамъ Лорера, онъ даже «много написалъ орошихъ стихотвореній, но изъ скромности ничего не печаталъ, не елая стоять на лѣстницѣ поэтовъ ниже своего брата». Собственно оворя, это была не скромность, а скорѣе осторожность самолюбія. акъ и объяснялъ князь Вяземскій поведеніе Льва Сергѣевича. Во сякомъ случаѣ, онъ остался поэтомъ *не изданнымъ*, и въ настоящее ремя его стихотворенія едва ли даже могутъ быть разысканы. При го жизни — сколько мы знаемъ — появилась въ печати только одна го піеса; за то она не прошла въ свое время не замѣченною, — оэтому и намъ нельзя оставить ее безъ вниманія. Приводимъ ее цѣликомъ.

Петръ Великій.

Среди вѣковъ и поколѣній
Блуждая мыслію моей,
Ищу, гдѣ былъ подобный геній
Во всѣхъ вѣкахъ среди людей.

Но тщетны всѣхъ величій клики.
Во всемъ судьбою отличенъ,
Нашъ Петръ, нашъ русскій, нашъ великій,
Во всѣхъ вѣкахъ всѣхъ выше онъ.

Все чудное соединила,
Чтобъ изумить, природа въ немъ:
Гиганта ростъ, гиганта сила —
Съ гигантскимъ творческимъ умомъ.

Гдѣ ни возьми: отъ барабана
И до державнаго вѣнца,
Вездѣ въ немъ видишь великана
И мысль глубокую творца.

Все тотъ же, всюду чудный геній,
Влекущій сильною рукой
Рядъ изумленныхъ поколѣній
Къ великой цѣли за собой.

Взгляните на его заботы,
На этотъ міръ его трудовъ,
Гдѣ бралъ — казалось — для работы
Съ собой онъ нѣсколько вѣковъ.

Чѣмъ не былъ онъ? Всезрящимъ окомъ,
Объемля знанія весь кругъ,
Во что̀ ни вникнулъ онъ глубоко
Отъ ремесла и до наукъ?

Въ пылу трудовъ художникъ, плотникъ,
Матросъ, ремесленникъ, герой,
Онъ первый былъ вездѣ работникъ
Въ своей великой мастерской.

Здѣсь все его — и жизнь, и сила;
Здѣсь умъ чего бы ни искалъ,
Все мысль его предупредила,
Все онъ означилъ иль создалъ.

Но что жь? Напрасно онъ трудился?
Какъ говорятъ — въ избыткѣ силъ
Къ невѣрной цѣли онъ стремился,
Не кстати насъ преобразилъ?...

Простимъ врагамъ ихъ осужденье:
Они предвидятъ что̀ насъ ждетъ,
Имъ страшно наше просвѣщенье,
Досаденъ имъ нашъ славный ходъ.

Вотще ль, враги, нашъ родъ суровый
Въ Европу грозно вдвинулъ онъ?
Мы нужны ей для жизни новой:
Отъ насъ ужъ палъ Наполеонъ.

Великъ, кто былъ судьбою троновъ,
Кто велъ о цѣломъ мірѣ споръ,
Но всѣхъ мечей Наполеоновъ
Славнѣй Петровскій нашъ топоръ.

Тотъ больше творческою силой,
Тотъ выше власть ума вознесъ,
Надъ чьей, какъ памятникъ, могилой
Воздвигнутъ русскій нашъ колоссъ!

Кто все, что̀ есть, и все, что̀ будетъ,
Здѣсь, какъ судьба, опредѣлилъ,
Кто слово вышнее: «да будетъ!»
Надъ русскимъ міромъ повторилъ.

Таковъ былъ умъ его глубокій.
Но что̀ чудеснѣй — умъ въ Петрѣ,
Иль гражданина духъ высокій
Въ самовластительномъ царѣ?

Кто выносилъ, какъ Петръ Великій,
Докучный людямъ правды гласъ?
Предъ кѣмъ другимъ, земли владыки,
Могъ Долгорукій рвать указъ?

Какъ вся о немъ прекрасна повѣсть!
Отца съ народомъ простота,
Съ врагами рыцарская совѣсть
И мыслей свѣтлыхъ красота.

Онъ не боялся близкихъ взоровъ,
Народа самомъ не пугалъ,
И съ нимъ безъ царственныхъ уборовъ
Лицомъ къ лицу онъ пировалъ.

Какъ хороши его забавы!
Онъ ихъ по силѣ выбиралъ:
Какъ геній моря величавый,
Съ его онъ бурями игралъ.

Иль сердцемъ всюду благородный,
Любуясь славой на вождяхъ,
Онъ имъ давалъ тріумфъ народный,
А самъ, какъ ратникъ, шелъ въ рядахъ.

А Прутъ — нашъ памятникъ прекрасный
Для всѣхъ народовъ и временъ,
Гдѣ онъ, владыка самовластный,
Врагу на жертву обреченъ?

Что жь мысль Петрову занимаетъ?
Все царство — выкупъ за него!
Нѣтъ! На погибель обрекаетъ
Себя, себя онъ одного.

Въ плѣну онъ жезлъ самодержавный
Назадъ отчизнѣ отдаетъ....
Вотъ вамъ душа! Пусть Римъ державный
Такую душу назоветъ.

Пусть мнѣ въ любомъ укажутъ вѣкѣ
Кто бъ столько въ жизнь одну свершилъ,
И гдѣ въ единомъ человѣкѣ
Богъ съединилъ бы столько силъ.

Эта піеса была написана въ первой половинѣ 1842 года, въ т
время, когда авторъ, уѣхавъ съ Кавказа, проживалъ въ Кіевѣ в
ожиданіи отставки. Напечатанные въ іюльской книжкѣ *Отечествен
ныхъ Записокъ* того же года, въ пору, когда завязывались горячі
споры между западниками и славянофилами, стихи Льва Пушкин
очень понравились Бѣлинскому. «Читаю и перечитываю ихъ съ на
слажденіемъ», писалъ онъ по этому поводу В. П. Боткину,—«есть в
нихъ что-то энергическое, восторженное и гражданское, есть мног
смѣлаго, какъ напримѣръ, 16-й куплетъ». И далѣе: «А вѣдь, не смотр
на нѣсколько простодушное униженіе Наполеона передъ Петромъ
возвышеніе нашей борьбы съ первымъ, стихи-то «Петръ Великій

право хороши»[1]). Бѣлинскій вытвердилъ стихи наизусть, и по свидѣтельству И. С. Тургенева[2]), часто читалъ ихъ между друзьями, съ особеннымъ чувствомъ произнося пятую строфу.

Такимъ образомъ, стихотвореніе Льва Сергѣевича имѣло въ свое время несомнѣнный успѣхъ въ извѣстныхъ кружкахъ. Къ сожалѣнію, небреженіе, съ которымъ Левъ Пушкинъ относился къ своимъ произведеніямъ, лишаетъ насъ возможности судить о томъ, на сколько эта піеса была въ ряду ихъ типическою для таланта автора. Но даже стоя одиноко, она является довольно яснымъ свидѣтельствомъ о свойствахъ его дарованія. «Пошибъ» ея, какъ и пошибъ приведеннаго Маркевичемъ антологическаго стихотворенія, дѣйствительно напоминаетъ пріемы великаго поэта; но въ томъ-то и была бѣда мелкихъ поэтовъ Пушкинскаго времени, что всѣ они какъ бы роковымъ образомъ увлекались на путь подражанія, всѣ болѣе или менѣе успѣшно усвоивали себѣ внѣшніе пріемы своего великаго образца, но—и только: внутренняя сущность Пушкинскаго творчества, его удивительное умѣнье соединять изящество формы съ глубиной содержанія, все это оставалось имъ чуждымъ. То же произошло и съ Львомъ Сергѣевичемъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ его вышеприведенной піесы подражаніе достигаетъ крайнихъ предѣловъ; такъ, напримѣръ, строфа 8-я «Петра Великаго» почти цѣликомъ, со включеніемъ даже рѳмъ, повторяетъ 4-ю строфу знаменитыхъ «Стансовъ»: «Въ надеждѣ славы и добра»... Строфы 19-я и 20-я напоминаютъ «Пиръ Петра Великаго», а общая характеристика царя — гиганта тѣломъ и умомъ — навѣяна поэтическими чертами, разсѣянными, въ «Полтавѣ» и особенно въ «Мѣдномъ Всадникѣ». И въ то же время, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, какъ далеко стихотвореніе Льва Пушкина отъ произведеній его брата! «Пушкинъ», говорилъ Бѣлинскій въ половинѣ сороковыхъ годовъ, — «нигдѣ не является ни столько высокимъ, ни столько національнымъ поэтомъ, какъ въ тѣхъ вдохновеніяхъ, которыми обязанъ онъ великому имени творца Россіи. Эти стихотворенія достойны своего высокаго предмета. Жаль только, что ихъ слишкомъ мало.... Изъ мелкихъ стихотвореній Петру посвящены только двѣ піесы, но это — перлы поэзіи Пушкина. Кромѣ простоты и величія въ мысляхъ, въ чувствахъ и въ выраженіи, есть что-то

1) *Пыпинъ*. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. II, стр. 154 и 155.
2) Сочиненія, т. X, стр. 40.

русское, народное въ самомъ тонѣ и складѣ этихъ піесъ. Кто изъ образованныхъ русскихъ (если онъ только дѣйствительно русскій) не знаетъ превосходной піесы, носящей скромное, и по видимому, незначительное названіе «Стансовъ»?... Въ ней, словно изваянный, является колоссальный образъ Петра.... Какое величіе и какая простота выраженія! Какъ глубоко знаменательны, какъ возвышенно благородны эти простыя житейскія слова: *плотникъ* и *работникъ*!... Кому не извѣстна также превосходная піеса Пушкина «Пиръ Петра Великаго»? Это — высокое художественное произведеніе и въ то же время народная пѣсня». И въ другомъ мѣстѣ: «Пушкинъ не написалъ ни одной эпической поэмы, ни одной «Петріады», но его «Стансы», многія мѣста въ «Полтавѣ», «Пиръ Петра Великаго» и наконецъ «Мѣдный Всадникъ» образуютъ собою самую дивную, самую великую «Петріаду», какую только въ состояніи создать геній великаго національнаго поэта» [1]). Дѣйствительно, стихотворенія, составляющія эту Пушкинскую «Петріаду», блещутъ поразительною яркостью поэтическихъ образовъ, но при всей опредѣленности выражаемой имъ мысли они, какъ созданія истинно художественныя, не обнаруживаютъ никакой тенденціи, не стремятся навязать читателю извѣстное воззрѣніе; напротивъ того, піеса Льва Сергѣевича, не смотря на сильные мѣстами стихи, страдаетъ разсудочностью и является не столько поэтическимъ произведеніемъ, сколько горячею адвокатскою рѣчью, предназначенною для убѣжденія слушателей. Короче сказать, то единственное стихотвореніе, которое дошло до насъ съ именемъ Льва Пушкина, не свидѣтельствуетъ о самобытности его поэтическаго таланта, и очевидно, старшій братъ былъ вполнѣ правъ, когда удерживалъ младшаго отъ увлеченія поэзіей. Отдадимъ однако справедливость и младшему: онъ обнаружилъ большое благоразуміе, воздержавшись выступать на литературное поприще въ качествѣ поэта. Конечно, такое рѣшеніе не помѣшало бы ему, какъ человѣку хорошо образованному въ литературномъ смыслѣ, посвятить себя другимъ отраслямъ словесности; но, какъ мы уже знаемъ, характеръ его былъ вообще не на столько выдержанъ, чтобы Левъ Сергѣевичъ могъ проявить въ какомъ-либо родѣ умственной дѣятельности полную мѣру своихъ несомнѣнно выдающихся способностей.

Л. С. Пушкинъ кончилъ жизнь еще далеко не старымъ. Въ

1) Сочиненія *Бѣлинскаго*, т. VIII, стр. 403, 404, 664.

1851 году, по словамъ Лорера, онъ «занемогъ водяною въ груди, ѣздилъ въ Парижъ, получилъ облегченіе, но возвратившись, снова предался своей гибельной привычкѣ и скоро угасъ въ памяти и съ тою веселостью, которая преобладала въ немъ во всю его жизнь; съ улыбкою повторялъ онъ: «Не пить мнѣ болѣе кахетинскаго!» Кончина Льва Сергѣевича послѣдовала въ Одессѣ 19-го іюля 1852 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Извлеченіе изъ формулярнаго списка Л. С. Пушкина.

Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ образованіе получилъ въ благородномъ пансіонѣ при Главномъ Педагогическомъ институтѣ, но курса въ немъ не окончилъ; въ 1824 году, 13-го ноября, поступилъ на службу въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

Въ 1826 году, 24-го октября, уволенъ въ отставку, а 14-го марта 1827 года поступилъ юнкеромъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ.

Съ 12-го мая по 8-е іюня 1827 г. находился въ походѣ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, подъ личнымъ начальствомъ генерала Паскевича отъ селенія Шухаверъ къ монастырю Эчміадзину. Съ 15-го по 29-е іюня былъ въ походѣ отъ Эчміадзина чрезъ Нахичевань по Тавризской дорогѣ, къ крѣпости Абазъ-Абады. Съ 1-го по 8-е іюля принималъ участіе въ осадѣ означенной крѣпости до ея сдачи. 5-го августа отличился въ сраженіи противъ персіанъ, конми начальствовалъ принцъ Аббасъ-Мирза, и награжденъ чиномъ прапорщика. Съ 20-го по 22-е іюля былъ въ походѣ отъ крѣпости Абазъ-Абады до селенія Карабаба. Съ 26-го августа былъ въ походѣ отъ Карабаба къ Эчміадзину. 9-го сентября отъ Эчміадзина до р. Аракса. Съ 12-го по 17-е сентября, подъ командой генералъ-лейтенанта графа Сухтелена, — до соляной ломки у сел. Кульпы и обратно. Съ 14-го сентября по 20-е принималъ участіе въ движеніи къ крѣпости Сардаръ-Абада, осадѣ и взятіи ея. 22-го участвовалъ въ походѣ къ Эриванн. Съ 24-го сентября по 1-е октября былъ при осадѣ и покореніи этой крѣпости со всѣмъ ея гарнизономъ. Съ 7-го по 19-е октября участвовалъ въ походѣ отъ Эривани въ г. Тавризъ.

Съ 10-го декабря 1827 г. по 18-е февраля 1828 г. былъ въ походѣ, подъ командою генералъ-маіора барона Розена, къ г. Міану до горъ Кафланъ-Ку и обратно въ границы имперіи. Съ 14-го по 21-е іюня 1828 г.

принималъ участіе въ дѣйствіяхъ арміи, бывшей подъ личнымъ начальствомъ генерала Паскевича, противъ крѣпости Карса, окончившихся 23-го іюня взятіемъ этой крѣпости штурмомъ; за участіе въ послѣднемъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость». Съ 16-го по 23-е іюля былъ въ походѣ къ крѣпости Ахалкалакамъ и при взятіи ея, 24-го іюля, штурмомъ. Съ 1-го по 5-е августа былъ въ походѣ къ крѣпости Ахалцыху. 5-го августа принялъ участіе въ рекогносцировкѣ этой крѣпости и разбитіи непріятельской кавалеріи, за что награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. 9-го августа участвовалъ при пораженіи тридцатитысячнаго непріятельскаго корпуса, бывшаго подъ предводительствомъ Кіосъ-Магометъ-паши и Мустафы-паши. Съ 5-го по 16-е августа находился при осадѣ крѣпости Ахалцыха и взятіи ея штурмомъ. Съ 14-го по 17-е сентября участвовалъ въ походѣ къ г. Ардагапу.

Въ іюнѣ 1829 года былъ въ походѣ, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала Паскевича, къ укрѣпленному лагерю Гагки-паши, и принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ послѣдняго. 15-го и 16-го іюня участвовалъ въ занятіи высотъ, окружающихъ упомянутый лагерь; 17-го — въ сраженіи съ непріятельской конницей подъ начальствомъ Османа-паши; 19-го — въ пораженіи непріятельской конницы, вышедшей изъ лагеря, и полномъ разбитіи войскъ эрзерумскаго сераскира, запявшаго крѣпкую позицію при с. Канръ-Лы; 20-го — при овладѣніи лагеремъ Гагки-паши и при разбитіи всѣхъ войскъ его, за что награжденъ чиномъ поручика; съ 22-го по 27-е іюня былъ въ походѣ къ городу Эрзеруму и при взятіи его; съ 21-го по 26-е іюля — въ походѣ къ крѣпости Байбурту и селенію Харту. 27-го и 28-го іюля — при разбитіи скопища лазовъ при сел. Хартъ занятіи этого селенія и преслѣдованіи непріятеля до с. Болохора, за что награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ. Съ 3-го по 10-е августа участвовалъ въ движеніи войскъ къ с. Болохору и далѣе и въ преслѣдованіи бѣжавшаго непріятеля; 11-го августа — въ движеніи войскъ по Токатской дорогѣ для обезпеченія экспедиціи полковника графа Симонича къ г. Гюмишъ-Кале. Съ 17-го августа по 22-е августа — при обратномъ движеніи войскъ къ Эрзеруму и въ рекогносцировкѣ по Трапезундской дорогѣ. Съ 23-го августа по 27-е сентября участвовалъ во вторичномъ походѣ къ Байбурту, во взятіи его и турецкаго лагеря приступомъ и въ преслѣдованіи непріятеля, защищавшаго лагерь.

Во второй половинѣ 1829 г. и въ 1830 г. былъ въ отпуску въ Москвѣ.

Въ 1831 году, 20-го мая, былъ переведенъ въ Финляндскій драгунскій полкъ. Съ 25-го августа по 23-е сентября принялъ участіе въ стычкѣ съ поляками подъ Пултускомъ, въ разбитіи мятежниковъ подъ мѣстечкомъ Непельскѣ, въ поискѣ отряда генералъ-маіора Дохтурова на Плоцкъ и въ преслѣдованіи остатка польскихъ войскъ къ прусской границѣ, за что̀ награжденъ чиномъ штабсъ-капитана, а за бытность въ сраженіи получилъ польскій знакъ отличія военнаго достоинства 4-й степени.

Въ 1832 году, 17-го декабря, уволенъ отъ службы капитаномъ.

Въ 1834 году, 14-го апрѣля, опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но 30-го іюля того же года уволенъ по прошенію.

Въ 1836 году, 13-го іюля, снова поступилъ въ военную службу съ чиномъ штабсъ-капитана по кавалеріи, съ состояніемъ при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ, а 26-го декабря былъ прикомандированъ къ Гребенскому казачьему полку.

Въ 1837 г., съ 20-го января по 21-е февраля, принималъ участіе въ экспедиціи противъ горцевъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Фези, былъ при движеніи отряда изъ крѣпости Грозной и взятіи аула Селимъ-Гирея и въ походѣ въ Большую Чечню. Съ 23-го февраля по 1-е апрѣля участвовалъ въ движеніи къ Шамахъ-корту и аулу Мурдару и въ истребленіи оныхъ.

Въ 1838 г., съ 24-го по 31-е января, участвовалъ въ походахъ къ аулу Ачхой-Ханкарикъ, Рашкѣ и Урусъ- Мартану и къ Мартанскому ущелью, а также въ обратномъ походѣ въ Грозную и въ бывшихъ при томъ перестрѣлкахъ, за что̀ награжденъ чиномъ капитана. 30-го и 31-го мая участвовалъ въ спасеніи экипажей съ потерпѣвшихъ крушеніе судовъ и 4-го іюля — въ истребленіи турецкаго контрабаднаго судна; за оказанную въ сихъ дѣлахъ храбрость награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й степени (что̀ нынѣ 2-я).

Въ 1839 году былъ въ экспедиціи на восточномъ берегу Чернаго моря, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Раевскаго. 28-го апрѣля— при посадкѣ войскъ на суда въ Тамани, 3-го мая — при высадкѣ ихъ у устья р. Субаши и въ жаркомъ дѣлѣ при занятіи этого пункта; съ 3-го по 30-е мая при укрѣпленіи лагеря и возведеніи укрѣпленія и въ бывшихъ при этомъ перестрѣлкахъ. Съ 4-го по 9-е мая — при устройствѣ засѣкъ; 29-го мая — при занятіи высоты, раздѣляющей долины рѣчекъ Шахе и Субаши, и въ дѣлѣ при занятіи высотъ лѣваго берега р. Шахе; съ 30-го мая по 6-е іюня—при возведеніи форта Головинскаго. 7-го,

8-го и 9-го іюня участвовалъ въ высадкѣ войскъ въ устьѣ р. Псезуапе, занятіи этого пункта и устройствѣ засѣки. Съ 10-го іюня по 31-е августа — при возведеніи форта Лазарева и при высадкѣ войскъ въ этомъ пунктѣ; 4-го сентября прибылъ въ крѣпость Анапу, а 11-го участвовалъ въ движеніи изъ Анапы къ вершинѣ р. Мескіаги; съ 12-го сентября по 9-е октября находился при возведеніи укрѣпленія Раевскаго, а съ 19-го по 22-е — въ движеніи отряда отъ р. Мескіаги къ станицѣ Витуевой и оттуда въ Черноморію.

Въ 1840 г., 27-го апрѣля, былъ прикомандированъ къ Ставропольскому казачьему полку и въ теченіе октября и ноября участвовалъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Граббе, въ экспедиціи противъ горцевъ въ долину р. Гойты.

Въ 1841 г., 27-го октября, получилъ отпускъ во внутреннія губерніи, а 5-го мая 1842 г. уволенъ совсѣмъ изъ военной службы.

Въ 1843 г., 26-го октября, опредѣленъ чиновникомъ для познанія дѣлъ въ Петербургскую таможню и вслѣдъ затѣмъ откомандированъ въ Одессу для исполненія должности члена тамошней портовой таможни, съ переименованіемъ въ коллежскіе ассессоры.

Въ 1849 г., 15-го іюня, произведенъ въ надворные совѣтники.

Въ 1851 г., съ 20-го апрѣля, уволенъ въ заграничный четырехмѣсячный отпускъ, который былъ затѣмъ продленъ еще на три мѣсяца; но Пушкинъ 19-го сентября, то-есть, до истеченія срока отпуска, явился на службу, состоя на которой и скончался 19-го іюля 1852 года.

ЗАПИСКИ И. И. ПУЩИНА.

О ДРУЖЕСКИХЪ СВЯЗЯХЪ ЕГО СЪ ПУШКИНЫМЪ.

Лицеистъ перваго выпуска, пострадавшій по дѣлу 14-го декабря, Иванъ Ивановичъ Пущинъ принадлежалъ къ числу ближайшихъ школьныхъ товарищей Пушкина: почти ровесники — Иванъ Ивановичъ родился въ 1798 году, — они сошлись при самомъ поступленіи въ лицей, вели между собою тѣсную дружбу во все время пребыванія въ этомъ заведеніи и по выпускѣ оттуда въ 1817 году сохранили короткія отношенія до той поры, когда обстоятельства окончательно разлучили ихъ. Со стороны Пушкина пріязнь его къ Пущину засвидѣтельствована рядомъ посланій разнаго времени и поэтическими воспоминаніями о немъ въ знаменитыхъ «Лицейскихъ годовщинахъ». Что касается Пущина, онъ лишь на склонѣ своихъ дней заплатилъ въ области литературы дань своему другу-поэту, но привязанность къ Пушкину пробудилась въ немъ съ самаго начала ихъ знакомства и не покидала до смерти. Вообще Пущинъ отличался яснымъ и трезвымъ умомъ и въ то же время обладалъ нѣжнымъ, любящимъ сердцемъ; въ 1845 году, на пятомъ десяткѣ жизни и на двадцатомъ году своего пребыванія въ Сибири, онъ писалъ почтенному Е. А. Энгельгардту, бывшему директоромъ лицея въ 1815 года, въ такомъ тонѣ, какимъ могъ бы говорить юнопа, только что разставшійся со своимъ горячо любимымъ наставникомъ [1]); такъ и съ Пушкинымъ: привязавшись къ нему при первой встрѣчѣ, Пущинъ уже никогда не измѣнялъ своему чувству; въ молодости, въ періодъ близкаго общенія, онъ оказывалъ вліяніе на

1) Это замѣчательное письмо Пущина къ Энгельгардту напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1879 г., кн. III, въ статьѣ: «Декабристъ въ Сибири».

Пушкина твердостью своего характера, благородствомъ и незави
мостью своихъ убѣжденій, удерживалъ отъ увлеченій и предосте
галъ отъ соблазновъ самолюбія и тщеславія, а послѣ смерти поэ
подъ конецъ собственной жизни, почтилъ его память подробны
описаніемъ своихъ дружескихъ сношеній съ нимъ, и его прост
исполненный задушевности разсказъ представляется источнико
первостепенной важности для біографіи его геніальнаго друга.

По возвращеніи изъ Сибири Пущинъ прожилъ недолго: о
скончался 3-го апрѣля 1858 года и похороненъ въ городѣ Бр
ницахъ на кладбищѣ близъ стараго собора [1]).

Воспоминанія о Пушкинѣ Пущинъ написалъ по вызову одн
изъ молодыхъ друзей своего преклоннаго возраста. Не имѣемъ пр
назвать это достойнѣйшее лицо, но не можемъ не упомянуть о
починѣ съ великою признательностью, ибо онъ доставилъ нам
литературѣ драгоцѣнный памятникъ. Записки Пущина впер
были напечатаны въ журналѣ *Атеней* 1859 года, № 8, съ зна
тельными пропусками; затѣмъ дополнительные отрывки помѣщал
въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, полнаго же текста запис
до сихъ поръ не появлялось въ печати. Предлагаемъ его здѣсь по
длинной авторской рукописи, принадлежащей нынѣ В. Е. Якушк
которому приносимъ выраженіе нашей глубокой благодарности за
сообщеніе.

Записки Пущина.

Какъ быть! Надобно приняться за старину. Отъ васъ, люб
ный другъ, молчкомъ не отдѣлаешься! И то уже совѣстно,
такъ долго откладывалось давнишнее обѣщаніе поговорить съ в
на бумагѣ объ Александрѣ Пушкинѣ, какъ, бывало, говаривали
объ немъ при первыхъ нашихъ встрѣчахъ въ домѣ Бронник
Прошу терпѣливо и снисходительно слушать немудрый мой разска

Собираясь теперь провѣрить былое съ нѣкоторою отчетливост

1) Краткія свѣдѣнія о жизни И. И. Пущина можно найти въ *Библіогра
ческихъ Запискахъ* 1858 г., № 8, въ *Полярной Звѣздѣ* на 1862 г., кн. VII, вы
«Выдержки изъ записокъ одного не декабриста», въ *Историческомъ Вѣстн*
1894 г., № 11, стр., 464, и въ *Чтеніяхъ Моск. Общества исторіи и древно
росс.* 1895 г., кн. IV, статья *А. Дмитріева-Мамонова*: «Декабристы въ Запад
Сибири».

чувствую, что очень поспѣшно и опрометчиво поступилъ, истребивши въ лицеѣ тогдашній мой дневникъ, который продолжалъ слишкомъ годъ. Тамъ нашлось бы многое, теперь отуманенное; всплыли бы нѣкоторыя завѣтныя мелочи, печать того времени. Не знаю почему, тогда мнѣ вдругъ показалось, что нескромно вынимать изъ таинника сердца заревыя его трепетанія, волненія, заблужденія и вѣрованія. Теперь самому любопытно бы было взглянуть на себя тогдашняго, съ тогдашнею обстановкою; но дѣло кончено: тетради въ печкѣ, и поправить бѣды не возможно. Впрочемъ, вы не будете тутъ искать исторической точности; прошу смотрѣть безъ излишней взыскательности на мои воспоминанія о человѣкѣ мнѣ близкомъ съ самаго нашего дѣтства: я гляжу на Пушкина не какъ литераторъ, а какъ другъ и товарищъ.

Невольнымъ образомъ въ этомъ разсказѣ замѣшивается и собственная моя личность: прошу не обращать на нее вниманія. Приличается, можетъ быть, и объ лицеѣ сказать словечко; вы это простите, какъ воспоминанія, до сихъ поръ живыя. Однимъ словомъ, все сдаю вамъ, какъ вылилось на бумагу.

1811 года, въ августѣ, числа рѣшительно не помню, дѣдъ мой адмиралъ Пущинъ повезъ меня и двоюроднаго моего брата Петра, тоже Пущина, къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому. Старикъ, слишкомъ восьмидесятилѣтній, хотѣлъ непремѣнно самъ представить министру своихъ внучатъ, записанныхъ по его же просьбѣ въ число кандидатовъ лицея, новаго заведенія, которое самымъ своимъ названіемъ поражало публику въ Россіи: не всѣ тогда имѣли понятіе о колоннадахъ въ аѳинскихъ садахъ, гдѣ греческіе философы научно бесѣдовали съ своими учениками. Это замѣчаніе мое до того справедливо, что потомъ даже, въ 1817 году, когда послѣ выпуска мы шестеро, назначенные въ гвардію, были въ лицейскихъ мундирахъ на парадѣ гвардейскаго корпуса, подъѣзжаетъ къ намъ графъ Милорадовичъ, тогдашній корпусный командиръ, съ вопросомъ: что̀ мы за люди и какой это мундиръ? Услышавъ напъ отвѣтъ, онъ нѣсколько задумался и потомъ очень важно сказалъ окружавшимъ его: «Да, это не то, что̀ университетъ,

не то, что̀ кадетскій корпусъ, не гимназія, не семинарія — это лицей». Поклонился, повернулъ лошадь и ускакалъ. Надо сознать что опредѣленіе очень забавно, хотя далеко неточно.

Дѣдушка нашъ Петръ Ивановичъ на силу взошелъ на лѣстни въ залѣ тотчасъ сѣлъ, а мы съ Петромъ стали по обѣ стор возлѣ него, глядя на нашу братью, уже частію тутъ собран Знакомыхъ у насъ никого не было. Старикъ, не видя появленія пистра, начиналъ сердиться. Подозвалъ дежурнаго чиновника и о явилъ ему, что андреевскому кавалеру не приходится ждать, ему нуженъ Алексѣй Кирилловичъ, а не туалетъ его. Чиновн изчезъ, и тотчасъ старика нашего съ нами повели во внутрен комнаты, гдѣ онъ насъ поручилъ благосклонному вниманію минис разсыпавшагося между тѣмъ въ извиненіяхъ. Скоро нашъ адмир отправился домой, а мы, подъ покровомъ дяди Рябинина, пріѣхавш смѣнить дѣда, остались въ залѣ, которая почти наполнилась вн наѣхавшими нашими будущими однокашниками, съ ихъ провожаты

У меня разбѣжались глаза: кажется, я не былъ изъ застѣн ваго десятка, но тутъ какъ-то потерялся — глядѣлъ на всѣхъ никого не видалъ. Вошелъ какой-то чиновникъ съ бумагой въ р и началъ выкликать по фамиліямъ. Я слышу: *Александръ Пушки* Выступаетъ живой мальчикъ, курчавый, быстроглазый, тоже сколько сконфуженный. По сходству ли фамилій, или по чему друго несознательно сближающему, только я его замѣтилъ съ перв взгляда. Еще вглядывался въ Горчакова, который былъ тогда обыкновенно миловиденъ. При этомъ передвиженіи мы всѣ нѣскол прибодрились; начали ходить въ ожиданіи представленія минис и начала экзамена. Не припомню, кто, только чуть ли не В. Л. Пу кинъ, привезшій Александра, подозвалъ меня и познакомилъ съ п мянникомъ. Я узналъ отъ него, что онъ живетъ у дяди на Мой недалеко отъ насъ. Мы положили часто видѣться. Пушкинъ въ св очередь познакомилъ меня съ Ломоносовымъ и Гурьевымъ. Ско начали вызывать насъ по одиночкѣ въ другую комнату, гдѣ присутствіи министра начался экзаменъ, послѣ котораго всѣ пос пенно разъѣзжались. Все кончилось довольно поздно.

Черезъ нѣсколько дней графъ Разумовскій пишетъ дѣдуш что оба его внука выдержали экзаменъ, но что изъ насъ двоі одинъ только можетъ быть принятъ въ лицей на томъ основа что правительство желаетъ, чтобъ большее число семействъ мо

оспользоваться новымъ заведеніемъ. На волю дѣда отдавалось рѣшить, который изъ его внуковъ долженъ поступить. Дѣдушка выбралъ меня, кажется, потому, что у батюшки моего, старшаго его сына, семейство было гораздо многочисленнѣе. Такимъ образомъ я сдѣлался товарищемъ Пушкина. О его пріемѣ я узналъ при первой встрѣчѣ у директора нашего В. Ѳ. Малиновскаго, куда насъ неоднократно собирали сначала для снятія мѣрки, потомъ для примѣриванія платья, бѣлья, ботфортъ, сапогъ, шляпъ и проч. На этихъ свиданіяхъ мы всѣ больше или меньше ознакомились. Сынъ директора Иванъ тутъ уже былъ для насъ чѣмъ-то въ родѣ хозяина.

Между тѣмъ, когда я достовѣрно узналъ, что и Пушкинъ вступаетъ въ лицей, то на другой же день отправился къ нему, какъ къ ближайшему сосѣду. Съ этой поры установилась и постепенно росла наша дружба, основанная на чувствѣ какой-то безотчетной симпатіи. Родные мои тогда жили на дачѣ, а я только туда ѣздилъ, большую же часть времени проводилъ въ городѣ, гдѣ у профессора Іоди занимался разными предметами, чтобы не даромъ пропадало время до вступленія моего въ лицей. При всякой возможности я отыскивалъ Пушкина, иногда съ нимъ гулялъ въ Лѣтнемъ саду; эти свиданія вошли въ обычай, такъ что если нѣсколько дней меня не видать, Василій Львовичъ, бывало, мнѣ пеняетъ: онъ тоже привыкъ ко мнѣ, полюбилъ меня. Часто, въ его отсутствіе, мы оставались съ Анной Николаевной. Она подъ часъ насъ, птенцовъ, приголубливала; случалось, что и прибранитъ, когда мы надоѣдимъ ей нашими раннопременными шутками. Именно замѣчательно, что она строго наблюдала, чтобъ наши ласки не переходили границъ, хотя и любила съ нами побалагурить и пошалить, а про насъ и говорить нечего: мы просто наслаждались непринужденностію и нѣкоторою свободою въ обращеніи съ милою дѣвушкой. Съ Пушкинымъ часто доходило до ссоры, иногда она требовала тутъ вмѣшательства и дяди. Изъ другихъ товарищей видались мы иногда съ Ломоносовымъ и Гурьевымъ. Madame Гурьева насъ иногда и къ себѣ приглашала.

Всѣ мы видѣли, что Пушкинъ насъ опередилъ, многое прочелъ, о чемъ мы и не слыхали, все, что̀ читалъ, помнилъ; но достоинство его состояло въ томъ, что онъ отнюдь не думалъ выказываться и важничать, какъ это очень часто бываетъ въ тѣ годы (каждому изъ насъ было 12 лѣтъ) съ скороспѣлками, которые по какимъ-либо особеннымъ обстоятельствамъ и раньше, и легче находятъ случай чему-

нибудь выучиться. Обстановка Пушкина въ отцовскомъ домѣ и
дяди, въ кругу литераторовъ, помимо природныхъ его даровані
ускорила его образованіе, но нисколько не сдѣлала его заносчивым
признакъ доброй почвы. Все научное онъ считалъ ни во что
какъ будто желалъ только доказать, что мастеръ бѣгать, прыга
черезъ стулья, бросать мячикъ, и проч. Въ этомъ даже участвова
его самолюбіе, бывали столкновенія очень неловкія. Какъ посл
этого понять сочетаніе разныхъ внутреннихъ нашихъ двигателе
Случалось точно удивляться переходамъ въ немъ: видишь, бывал
его поглощеннымъ не по лѣтамъ въ думы и чтенія, и тутъ ж
онъ внезапно оставляетъ занятія, входитъ въ какой-то припадок
бѣшенства за то, что другой, ни на что лучшее неспособный, пер
бѣжалъ его или однимъ ударомъ уронилъ всѣ кегли. Я былъ свид
телемъ такой сцены на Крестовскомъ острову, куда возилъ нас
иногда на яликѣ гулять Василій Львовичъ.

Среди дѣла и бездѣлья незамѣтнымъ образомъ прошло врем
до октября. Въ лицеѣ все было готово, и намъ велѣно было съѣ
жаться въ Царское Село. Какъ водится, я поплакалъ, разставая
съ домашними; сестры успокоивали меня тѣмъ, что будутъ навѣща
по праздникамъ, а на Рождество возьмутъ домой. Повезъ мен
тотъ же дядя Рябининъ, который пріѣзжалъ за мной къ Разумо
скому. Въ Царскомъ мы вошли къ директору: его домъ былъ рядом
съ лицеемъ. Василій Ѳедоровичъ поцѣловалъ меня, поручилъ и
спектору Пилецкому-Урбановичу отвести въ лицей. Онъ привел
меня прямо въ четвертый этажъ и остановился передъ комнато
гдѣ надъ дверью была черная дощечка съ надписью: *№ 13. Ива
Пущинъ;* я взглянулъ налѣво и увидѣлъ: *№ 14. Александръ Пушкин*
Очень былъ радъ такому сосѣду, но его еще не было, дверь бы
заперта; меня тотчасъ ввели во владѣніе моею комнатой, одѣли с
ногъ до головы въ казенное, тутъ приготовленное, и пустили в
залу, гдѣ уже двигались многіе новобранцы. Мелкаго нашего народ
съ каждымъ днемъ прибывало. Мы знакомились поближе другъ с
другомъ, знакомились съ роскошнымъ нашимъ новосельемъ. Пост
янныхъ классовъ до офиціальнаго открытія лицея не было, прод
нѣкоторые профессора приходили заниматься съ нами, предвар
тельно испытывая силы каждаго, и такимъ образомъ, знакомя
съ нами, пріучали насъ, въ свою очередь, къ себѣ.

Всѣ тридцать воспитанниковъ собрались. Пріѣхалъ министр

се осмотрѣлъ, сдѣлалъ намъ репетицію церемоніала въ полной формѣ, то-есть, вводили насъ извѣстнымъ порядкомъ въ залу, ставили куда слѣдуетъ, по списку вызывали и учили кланяться по направленію къ мѣсту, гдѣ будетъ сидѣть императоръ и высочайшая фамилія. При этомъ неизбѣжно были презабавныя сцены неловкости и ребяческой наивности.

Настало наконецъ 19-е октября, день, назначенный для открытія лицея. Этотъ день, памятный намъ, первокурснымъ, не разъ былъ воспѣтъ Пушкинымъ въ незабвенныхъ его для насъ стихахъ, знакомыхъ больше или меньше и всей читающей публикѣ.

Торжество началось молитвой. Въ придворной церкви служили обѣдню и молебенъ съ водосвятіемъ. Мы на хорахъ присутствовали при служеніи. Послѣ молебна, духовенство со святою водой пошло въ лицей, гдѣ окропило насъ и все заведеніе.

Въ лицейской залѣ, между колоннами, поставленъ былъ большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ золотою бахрамой. На этомъ столѣ лежала высочайшая грамата, дарованная лицею. По правую сторону стола, стояли мы въ три ряда, при насъ—директоръ, инспекторъ и гувернеры; по лѣвую—профессора и другіе чиновники лицейскаго управленія. Остальное пространство залы, на нѣкоторомъ разстояніи отъ стола, было все уставлено рядами креселъ для публики. Приглашены были всѣ высшіе сановники и педагоги изъ Петербурга. Когда все общество собралось, министръ пригласилъ государя. Императоръ Александръ явился въ сопровожденіи обѣихъ императрицъ, великаго князя Константина Павловича и великой княжны Анны Павловны. Привѣтствовавъ все собраніе, царская фамилія заняла кресла въ первомъ ряду. Министръ сѣлъ возлѣ царя.

Среди общаго молчанія началось чтеніе. Первый вышелъ И. И. Мартыновъ, тогдашній директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія. Дребезжащимъ, тонкимъ голосомъ прочелъ манифестъ объ учрежденіи лицея и высочайше дарованную ему грамату. (Единственное учебное заведеніе того времени, котораго уставъ гласилъ: «Тѣлесныя наказанія запрещаются». Я не знаю, есть ли и теперь другое, на этомъ основаніи существующее. Слышалъ

даже, что и въ лицеѣ, при императорѣ Николаѣ, разрѣшено на вать съ родительскою нѣжностью лозою смиренія).

Вслѣдъ за Мартыновымъ робко выдвинулся на сцену директоръ В. Ѳ. Малиновскій, съ сверткомъ въ рукѣ. Блѣдный смерть, началъ что-то читать; читалъ довольно долго, но вряд многіе могли его слышать, такъ голосъ его былъ слабъ и пр вистъ. Замѣтно было, что сидѣвшіе въ заднихъ рядахъ на перешептываться и прислоняться къ спинкамъ креселъ. Проявл не совсѣмъ ободрительное для оратора, который, кончивши свою, поклонился и еле-живой возвратился на свое мѣсто. школьники, больше всѣхъ были рады, что онъ замолкъ: спдѣли, а мы должны были стоя слушать его и ничего не слыш

Смѣло, бодро выступилъ профессоръ политическихъ наукъ, Куницынъ и началъ не читать, а говорить объ обязанност гражданина и воина. Публика, при появленіи новаго оратора, вліяніемъ предшествовавшаго впечатлѣнія, видимо пугалась оружалась терпѣніемъ: но по мѣрѣ того, какъ раздавался чистый, звучный и внятный голосъ, всѣ оживлялись, и къ ко его замѣчательной рѣчи слушатели уже были не опрокинуты спинкамъ креселъ, а въ наклоненномъ положеніи къ говорившем вѣрный знакъ общаго вниманія и одобренія! Въ продолженіе рѣчи, ни разу не было упомянуто о государѣ: это небывалое такъ поразило и понравилось императору Александру, что онъ часъ прислалъ Куницыну Владимірскій крестъ — награда, лест для молодаго человѣка, только что возвратившагося передъ от тіемъ лицея изъ-за границы, куда онъ былъ посланъ по оконч курса въ Педагогическомъ институтѣ, и назначеннаго въ лице политическую каѳедру. Куницынъ вполнѣ оправдалъ вниманіе онъ былъ одинъ между нашими профессорами уродъ въ этой се

Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада вожжена... [1])

Послѣ рѣчей, стали насъ вызывать по списку; каждый, вы передъ столъ, кланялся императору, который очень благоскл

1) *Пушкинъ.* Годовщина 19-го октября 1825 года.

И. П.

вглядывался въ насъ и отвѣчалъ терпѣливо на неловкіе наши поклоны.

Когда кончилось представленіе виновниковъ торжества, царь, какъ хозяинъ, отблагодарилъ всѣхъ, начиная съ министра, и пригласилъ императрицъ осмотрѣть новое его заведеніе. За царскою фамиліей двинулась и публика. Насъ между тѣмъ повели въ столовую къ обѣду, чего, признаюсь, мы давно ожидали. Осмотрѣвъ заведеніе, гости лицея возвратились къ намъ въ столовую и застали насъ усердно трудящимися надъ супомъ съ пирожками. Царь бесѣдовалъ съ министромъ. Императрица Марія Ѳеодоровна попробовала кушанье. Подошла къ Корнилову, оперлась сзади на его плечи, чтобы онъ не приподнимался, и спросила его: «*Карошъ* супъ?» онъ медвѣженкомъ отвѣчалъ: «Oui, monsieur!» Сконфузился ли онъ и не зналъ, кто его спрашивалъ, или дурной русскій выговоръ, которымъ сдѣланъ былъ ему вопросъ,—только все это вмѣстѣ почему-то побудило его откликнуться на французскомъ языкѣ и въ мужскомъ родѣ. Императрица улыбнулась и пошла дальше, не дѣлая уже больше любезныхъ вопросовъ, а нашъ Корниловъ тотчасъ же попалъ на зубокъ; долго преслѣдовала его кличка: Monsieur. Императрица Елизавета Алексѣевна тогда же насъ, юныхъ, плѣнила непринужденною своею привѣтливостью ко всѣмъ; она какъ-то умѣла и успѣла каждому изъ профессоровъ сказать пріятное слово. Тутъ, можетъ быть, зародилась у Пушкина мысль стиховъ къ ней:

На лирѣ скромной, благородной и проч. [1])

Константинъ Павловичъ щекоталъ и щипалъ сестру свою Анну Павловну; потомъ подвелъ ее къ Гурьеву, своему крестнику, и стиснувши ему двумя пальцами обѣ щеки, а третьимъ вздернувши носъ, сказалъ ей: «Рекомендую тебѣ эту маску. Смотри, Коетя, учись хорошенько!»

Пока мы обѣдали,—и цари удалились, и публика разошлась. У графа Разумовскаго былъ обѣдъ для сановниковъ; а педагогію петербургскую и нашу лицейскую угощалъ директоръ въ одной изъ классныхъ залъ. Все кончилось уже при лампахъ. Водворилась тишина.

---

1) Г. Анненковъ напрасно относитъ эти стихи къ 1819 году; они написаны въ лицеѣ въ 1816.

И. П.

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ:
Онъ какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ,
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ!
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда бъ ни повело,
Всѣ тѣ же мы; намъ цѣлый міръ чужбина,
Отечество намъ Царское Село [1]).

Дельвигъ, въ прощальной пѣсни 1817 года, за насъ всѣхъ вспоминаетъ этотъ день:

Тебѣ, нашъ царь, благодаренье!
Ты самъ насъ юныхъ съединилъ
И въ семъ святомъ уединеньѣ
На службу музамъ посвятилъ.

Вечеромъ насъ угощали десертомъ à discrétion вмѣсто казеннаго ужина. Кругомъ лицея поставлены были плошки, а на балконѣ горѣлъ щитъ съ вензелемъ императора. Сбросивъ парадную одежду, мы играли передъ лицеемъ въ снѣжки при свѣтѣ иллюминаціи и тѣмъ заключили свой праздникъ, не подозрѣвая тогда въ себѣ будущихъ «столповъ отечества», какъ величалъ насъ Куницынъ, обращаясь въ рѣчи къ намъ.

Какъ нарочно для насъ, тотъ годъ рано стала зима. Всѣ посѣтители пріѣзжали изъ Петербурга въ саняхъ. Между ними былъ Е. А. Энгельгардтъ, тогдашній директоръ Педагогическаго института. Онъ такъ былъ проникнутъ ощущеніями этого дня и въ особенности рѣчью Куницына, что въ тотъ же вечеръ, возвратясь домой, перевелъ ее на нѣмецкій языкъ, написалъ маленькую статью и все отослалъ въ Дерптскій журналъ [2]). Этотъ почтенный человѣкъ не предвидѣлъ тогда, что ему придется быть директоромъ лицея въ продолженіе трехъ первыхъ выпусковъ.

Несознательно для насъ самихъ мы начали въ лицеѣ жизнь совершенно новую, иную отъ всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній.

---

1) *Пушкинъ.* Годовщина 19-го октября 1825 года.

2) Свѣдѣніе это не точно: въ 1811 году никакого журнала въ Дерптѣ не издавалось.

Л. М.

Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія, за вечернимъ чаемъ, какъ теперь помню, входитъ директоръ и объявляетъ намъ, что получилъ предписаніе министра, которымъ возбраняется выѣзжать изъ лицея, а что роднымъ позволено посѣщать насъ по праздникамъ. Это объявленіе категорическое, которое, вѣроятно, было уже предварительно постановлено, но только не оглашалось, сильно отуманило насъ всѣхъ своею неожиданностію. Мы призадумались, молча посмотрѣли другъ на друга, потомъ начались между нами толки и даже разсужденія о незаконности такой мѣры стѣсненія, не бывшей у насъ въ виду при поступленіи въ лицей. Разумѣется, временное это волненіе прошло, какъ проходитъ постепенно все, особенно въ тѣ годы; теперь, разбирая безпристрастно это непріятное тогда намъ распоряженіе, невольно сознаешь, что въ немъ-то и зародышъ той неразрывной, отрадной связи, которая соединяетъ первокурсныхъ лицея. На этомъ основаніи, вѣроятно, лицей и былъ такъ устроенъ, что, по возможности, въ немъ были соединены всѣ удобства домашняго быта съ требованіями общественнаго учебнаго заведенія. Роскошь помѣщенія и содержанія, сравнительно съ другими, даже съ женскими заведеніями, могла имѣть связь съ мыслію Александра, который, какъ говорили тогда, намѣренъ былъ воспитывать съ нами своихъ братьевъ великихъ князей Николая и Михаила, почти нашихъ сверстниковъ по лѣтамъ; но императрица Марія Ѳеодоровна воспротивилась этому, находя слишкомъ демократическимъ и неприличнымъ сближеніе сыновей своихъ, особъ царственныхъ, съ нами, плебеями.

Для лицея отведенъ былъ огромный, четырехэтажный флигель дворца, со всѣми принадлежащими къ нему строеніями. Этотъ флигель при Екатеринѣ занимали великія княжны: изъ нихъ въ 1811 году одна только Анна Павловна оставалась незамужнею.

Въ нижнемъ этажѣ помѣщалось хозяйственное управленіе и квартиры инспектора, гувернеровъ и нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ, служащихъ при лицеѣ; во второмъ — столовая, больница съ аптекой и конференцъ-зала съ канцеляріей; въ третьемъ — рекреаціонная зала, классы (два съ каѳедрами, одинъ для занятій воспитанниковъ послѣ лекцій), физическій кабинетъ, комната для газетъ и журналовъ и библіотека, въ аркѣ, соединяющей лицей со дворцомъ черезъ хоры придворной церкви; въ верхнемъ — дортуары. Для нихъ, на протяженіи вдоль всего строенія, во внутреннихъ поперечныхъ стѣнахъ прорублены были арки. Такимъ образомъ образо-

вался коррндоръ, съ лѣстницами на двухъ концахъ, въ которомъ с
обѣихъ сторонъ перегородками отдѣлены были комнаты: всег
пятьдесятъ нумеровъ. Изъ этого же коррндора входъ въ квартир
гувернера Чирикова, надъ библіотекой. Въ каждой комнатѣ — же
лѣзная кровать, комодъ, конторка, зеркало, стулъ, столъ для умы
ванія, вмѣстѣ и почной. На конторкѣ чернильница и подсвѣчники
со щипцами. Во всѣхъ этажахъ и на лѣстницахъ было освѣщеніе
ламповое; въ двухъ среднихъ этажахъ паркетные полы. Въ зал
зеркала во всю стѣну, мебель штофная.

Таково было новоселье наше. При всѣхъ этихъ удобствахъ
намъ не трудно было привыкнуть къ новой жизни. Вслѣдъ за от
крытіемъ начались правильныя занятія. Прогулка три раза въ день
во всякую погоду. Вечеромъ въ залѣ — мячикъ и бѣготня.

Вставали мы по звонку въ шесть часовъ. Одѣвались, шли на
молитву въ залу. Утреннюю и вечернюю молитву читали мы вслухъ
по очереди. Отъ 7 до 9 часовъ—классъ; въ 9—чай; прогулка—до 10-ти
отъ 10-ти до 12-ти — классъ; отъ 12 до часу — прогулка; въ часъ —
обѣдъ; отъ 2 до 3-хъ — или чистописаніе или рисованіе; отъ 3 до
5 — классъ; въ 5 часовъ — чай; до 6-ти — прогулка; потомъ — повто-
реніе уроковъ или вспомогательный классъ. По середамъ и субботамъ
— танцованье или фехтованье. Каждую субботу баня. Въ половинѣ
9 часа — звонокъ къ ужину. Послѣ ужина до 10 часовъ — ре-
креація. Въ 10 — вечерняя молитва, сонъ. Въ коррндорѣ на ночь
ставились ночники во всѣхъ аркахъ. Дежурный дядька мѣрными
шагами ходилъ по коррндору.

Форма одежды сначала была стѣснительна. По буднямъ —
синіе сюртуки съ красными воротниками и брюки того же цвѣта:
это бы ничего; но за то, по праздникамъ, мундиръ (синяго сукна съ
краснымъ воротникомъ, шитымъ петлицами, серебряными въ пер-
вомъ курсѣ, золотыми—во второмъ), бѣлые панталоны, бѣлый жилетъ,
бѣлый галстукъ, ботфорты, треугольная шляпа — въ церковь и на
гулянье. Въ этомъ нарядѣ оставались до обѣда. Непужная эта форма,
отпечатокъ того времени, постепенно уничтожалась: брошены бот-
форты, бѣлые панталоны и бѣлые жилеты замѣнены синими брю-
ками съ жилетами того же цвѣта; фуражка вытѣснила совершенно
шляпу, которая надѣвалась нами только, когда учились фронту въ
гвардейскомъ образцовомъ баталіонѣ.

Бѣлье содержалось въ порядкѣ особою кастеляншею; въ наше

время была m-me Скалонъ. У каждаго была своя печатная мѣтка: нумеръ и фамилія. Бѣлье перемѣнялось на тѣлѣ два раза, а столовое и на постели разъ въ недѣлю.

Обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ (по праздникамъ изъ четырехъ). За ужиномъ подавалось два. Кушанье было хорошо, но это не мѣшало намъ иногда бросать шпрожки Золотареву въ бакенбарды. При утреннемъ чаѣ — крупчатая бѣлая булка, за вечернимъ — полбулки. Въ столовой, по понедѣльникамъ, выставлялась программа кушаній на всю недѣлю. Тутъ совершалась мѣна порціями по вкусу. Сначала давали по полустакану портеру за обѣдомъ. Потомъ эта англійская система была уничтожена. Мы ограничивались отечественнымъ квасомъ и чистою водой.

При насъ было нѣсколько дядекъ: они завѣдывали чисткой платья, сапогъ и прибирали въ комнатахъ. Между ними замѣчательны были Прокофьевъ, Екатерининскій сержантъ, и польскій шляхтичъ Леонтій Кемерскій, сдѣлавшійся нашимъ домашнимъ restaurant. У него явился уголокъ, гдѣ можно было найдти конфеты, выпить чашку кофе и шоколаду (даже рюмку ликеру — разумѣется, контрабандой). Онъ иногда, по заказу именинника, за общимъ столомъ, вмѣсто казеннаго чая ставилъ сюрпризомъ кофе утромъ или шоколадъ вечеромъ, со столбушками сухарей. Былъ и молодой Сазоновъ, необыкновенное явленіе физіологическое; Галль нашелъ бы несомнѣнно подтвержденіе своей системы въ его черепѣ:

Сазоновъ былъ моимъ слугою
И Пешель докторомъ моимъ [1]).

Слишкомъ долго разсказывать преступленія этого парія; оно же и не идетъ къ дѣлу.

Жизнь наша лицейская сливается съ политическою эпохою народной жизни русской: приготовлялась гроза 1812 года. Эти событія сильно отразились на нашемъ дѣтствѣ. Началось съ того, что мы провожали всѣ гвардейскіе полки, потому что они проходили мимо самаго лицея; мы всегда были тутъ, при ихъ появленіи, выходили даже во время классовъ, напутствовали воиновъ сердечною молит-

1) Стихи Пушкина.

вой, обнимались съ родными и знакомыми; усатые гренадеры изъ рядовъ благословляли насъ крестомъ. Не одна слеза тутъ пролита

Сыны Бородина, о, кульмскіе герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой восторженной за братьями летѣлъ...[1])

Такъ вспоминалъ Пушкинъ это время въ 1815 году, въ стихахъ «На возвращеніе императора» изъ Парижа.

Когда начались военныя дѣйствія, всякое воскресенье кто-нибудь изъ родныхъ привозилъ реляціи; Кошанскій читалъ ихъ намъ громогласно въ залѣ. Газетная комната никогда не была пуста въ часы, свободные отъ классовъ; читались наперерывъ русскіе и иностранные журналы, при неумолкаемыхъ толкахъ и преніяхъ; всему живо сочувствовалось у насъ: опасенія смѣнялись восторгами при малѣйшемъ проблескѣ къ лучшему. Профессора приходили къ намъ и научали насъ слѣдить за ходомъ дѣлъ и событій, объясняя иное, намъ недоступное.

Такимъ образомъ мы скоро сжились, свыклись. Образовалась товарищеская семья, въ этой семьѣ — свои кружки; въ этихъ кружкахъ начали обозначаться, больше или меньше, личности каждаго; близко узнали мы другъ друга, никогда не разлучаясь: тутъ образовались связи на всю жизнь.

Пушкинъ, съ самаго начала, былъ раздражительнѣе многихъ и потому не возбуждалъ общей симпатіи: это удѣлъ эксцентрическаго существа среди людей. Не то, чтобы онъ разыгрывалъ какую-нибудь роль между нами или поражалъ какими-нибудь особенными странностями, какъ это было въ иныхъ; но иногда неумѣстными шутками, неловкими колкостями самъ ставилъ себя въ затруднительное положеніе, не умѣя потомъ изъ него выйти. Это вело его къ новымъ промахамъ, которые никогда не ускользаютъ въ школьныхъ сношеніяхъ. Я, какъ сосѣдъ (съ другой стороны его нумера была глухая стѣна), часто, когда всѣ уже засыпали, толковалъ съ нимъ въ полголоса черезъ перегородку о какомъ-нибудь вздорномъ случаѣ того дня; тутъ я видѣлъ ясно, что онъ по щекотливости всякому вздору приписывалъ какую-то важность, и это его волновало. Вмѣстѣ мы, какъ умѣли, сглаживали нѣкоторыя шерохо-

1) Пушкинъ.

ватости, хотя не всегда это удавалось. Въ немъ была смѣсь излишней смѣлости съ застѣнчивостью, и то, и другое не вопадъ, что̀ тѣмъ самымъ ему вредило. Бывало, вмѣстѣ промахнемся, самъ вывернешься, а онъ никакъ не сумѣетъ этого уладить. Главное, ему недоставало того, что̀ называется *тактомъ*, это — капиталъ, необходимый въ товарищескомъ быту, гдѣ̀ мудрено, почти не возможно, при совершенно безцеремонномъ обращеніи, уберечься отъ нѣкоторыхъ непріятныхъ столкновеній вседневной жизни. Все это вмѣстѣ было причиной, что вообще не вдругъ отозвались ему на его привязанность къ лицейскому кружку, которая съ первой поры зародилась въ немъ, не проявляясь впрочемъ свойственною ей иногда пошлостью. Чтобъ полюбить его настоящимъ образомъ, нужно было взглянуть на него съ тѣмъ полнымъ благорасположеніемъ, которое знаетъ и видитъ всѣ неровности характера и другіе недостатки, мирится съ ними и кончаетъ тѣмъ, что полюбитъ даже и ихъ въ другѣ-товарищѣ. Между нами какъ-то это скоро и незамѣтно устроилось. Вотъ почему, можетъ быть, Пушкинъ говорилъ впослѣдствіи:

Товарищъ милый, другъ прямой!
Тряхнемъ рукою руку,
Оставимъ въ чашѣ круговой
Педантамъ сродну скуку.
Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
Нерѣдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ,
И тотчасъ помиримся.

Потомъ опять, въ 1817 году, въ альбомѣ, передъ самымъ выпускомъ, онъ же сказалъ мнѣ:

Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улети въ лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что̀ было и не будетъ вновь...

И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ, она прошла... но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ;
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О милый, вѣченъ онъ!

Лицейское наше шестилѣтіе, въ историко-хронологическомъ отношеніи, можно разграничить тремя эпохами, рѣзко между собою отдѣляющимися: директорствомъ Малиновскаго, междуцарствіемъ (то-есть, управленіе профессоровъ: ихъ смѣняли послѣ каждаго ненормальнаго событія) и директорствомъ Энгельгардта. Не пугайтесь! Я не поведу васъ этою длинною дорогой, она васъ утомитъ. Не станемъ дѣлать изысканій; всѣ подробности вседневной нашей жизни, близкой намъ и памятной, должны остаться достояніемъ нашимъ: насъ, ветерановъ лицея, уже немного осталось, но мы и теперь молодѣемъ, когда собравшись заглядываемъ въ эту даль. Довольно, если припомню кой-что, гдѣ мелькаетъ Пушкинъ въ разныхъ проявленіяхъ.

При самомъ началѣ — онъ нашъ поэтъ; какъ теперь вижу тотъ послѣобѣденный классъ Кошанскаго, когда, кончивши лекцію нѣсколько раньше урочнаго часа, профессоръ сказалъ: «Теперь, господа, будемъ пробовать перья: опишите мнѣ пожалуйста розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкинъ мигомъ прочелъ два четырехстишія, которыя всѣхъ насъ восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого перваго поэтическаго его лепета. Кошанскій взялъ рукопись къ себѣ. Это было чуть ли не въ 1811 году, и никакъ не позже первыхъ мѣсяцевъ 1812. Упоминаю объ этомъ потому, что ни Бартеневъ, ни Анненковъ ничего объ этомъ не упоминаютъ.

Пушкинъ потомъ постоянно и дѣятельно участвовалъ во всѣхъ лицейскихъ журналахъ, импровизировалъ такъ-называемыя народныя наши пѣсни, точилъ на всѣхъ эпиграммы и проч. Естественно, онъ былъ во главѣ литературнаго движенія, сначала въ стѣнахъ лицея, потомъ и внѣ его, въ нѣкоторыхъ современныхъ московскихъ изданіяхъ. Все это обслѣдовано почтеннымъ издателемъ его сочиненій П. В. Анненковымъ, который запечатлѣлъ свой трудъ не-

быкновенною изыскательностью, полнымъ знаніемъ дѣла и горячею любовью къ Пушкину — поэту и человѣку [1]).

Сегодня разскажу вамъ исторію гогель-могеля, которая сохранилась въ лѣтописяхъ лицея. Шалость приняла серьезный характеръ и могла имѣть пагубное вліяніе и на Пушкина, и на меня, какъ вы сами увидите.

Мы, то-есть, я, Малиновскій и Пушкинъ затѣяли выпить гогель-могелю. Я досталъ бутылку рому, добыли яицъ, натолкли сахару, и началась работа у кипящаго самовара. Разумѣется, кромѣ насъ, были и другіе участники въ этой вечерней пирушкѣ, но они остались за кулисами по дѣлу, а въ сущности одинъ изъ нихъ, именно Гырковъ, въ которомъ черезъ чуръ подѣйствовалъ ромъ, былъ причиной, по которой дежурный гувернеръ замѣтилъ какое-то необыкновенное оживленіе, шумливость, бѣготню. Сказалъ инспектору. Тотъ, послѣ ужина, всмотрѣлся въ молодую свою команду и увидѣлъ что-то взвинченное. Тутъ же начались спросы, розыски. Мы трое явились и объявили, что это наше дѣло, и что мы одни виноваты. Исправлявшій тогда должность директора профессоръ Гауеншильдъ донесъ министру. Графъ Разумовскій пріѣхалъ изъ Петербурга, вызвалъ насъ изъ класса и сдѣлалъ намъ формальный строгій выговоръ. Этимъ не кончилось, — дѣло поступило на рѣше-

---

1) Изъ уваженія къ истинѣ долженъ кстати замѣтить, что г. Анненковъ приписываетъ Пушкину мою прозу (т. II, стр. 29. VI). Я говорю про статью «Объ эпиграммѣ и надписи у древнихъ». Статью эту я перевелъ изъ Ла-Гарпа и просилъ Пушкина перевести для меня стихи, которые въ ней приведены. Все это, за подписью П, отправилъ я къ Вл. Измайлову, тогдашнему издателю *Вѣстника Европы*. Потомъ къ нему же послалъ другой переводъ, изъ Лафатера: «О путешественникахъ». Тутъ ужь я скрывался подъ буквами ъ—ъ. Обѣ эти статьи были напечатаны. Письма мои передавались на почту изъ нашего дома въ Петербургѣ; я просилъ туда же и адресоваться ко мнѣ въ случаѣ надобности. Измайловъ до того былъ въ заблужденіи, что, благодаря меня за переводы, просилъ сообщать ему для его журнала извѣстія о петербургскомъ театрѣ: онъ былъ увѣренъ, что я живу въ Петербургѣ и непремѣнно театралъ, между тѣмъ какъ я сидѣлъ еще на лицейской скамьѣ. Тетради барона Модеста Корфа ввели г. Анненкова въ ошибку, для меня очень лестную, если бы меня тревожило авторское самолюбіе.

И. П.

ніе конференціи. Конференція постановила слѣдующее: 1) двѣ нед
стоять на колѣняхъ во время утренней и вечерней молитвы; 2) с
стить насъ на послѣднія мѣста за столомъ, гдѣ мы спдѣли
поведенію, и 3) занести фамиліи наши, съ прописаніемъ виновно
и приговора, въ Черную книгу, которая должна была имѣть влія
при выпускѣ. Первый пунктъ приговора былъ выполненъ буквал
Второй смягчался по усмотрѣнію начальства: насъ, по истече
нѣкотораго времени, постепенно подвигали опять вверхъ. При эт
Пушкинъ сказалъ:

Блаженъ мужъ, иже
Сидитъ къ кашѣ ближе.

На этомъ концѣ раздавалось кушанье дежурнымъ гувернер
Третій пунктъ, самый важный, остался безъ всякихъ послѣдст
Когда при разсужденіяхъ конференціи о выпускѣ, представл
была директору Энгельгардту Черная эта книга, гдѣ мы трое тол
и были записаны, онъ ужаснулся и сталъ доказывать своимъ соч
намъ, что мудрено допустить, чтобы давнишняя шалость, за ко
рую тогда же было взыскано, могла бы еще имѣть вліяніе и на в
будущность молодыхъ людей послѣ выпуска. Всѣ тотчасъ согла
лись съ его мнѣніемъ, и дѣло было сдано въ архивъ.

Гогель-могель — ключъ къ посланію Пушкина ко мнѣ:

Помнишь ли, мой братъ по чашѣ,
Какъ въ отрадной тишинѣ
Мы топили горе наше
Въ чистомъ пѣнистомъ винѣ?
Какъ, укрывшись молчаливо
Въ нашемъ тѣсномъ уголкѣ,
Съ Вакхомъ пѣжились лѣниво
Школьной стражи вдалекѣ?
Помнишь ли друзей шептанье
Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,
Рюмокъ грозное молчанье,
Пламя трубокъ грошевыхъ?
Закипѣвъ, о сколь прекрасно
Токи дымные текли!
Вдругъ педанта гласъ ужасный
Намъ послышался вдали —

И бутылки въ мигъ разбиты,
И бокалы всѣ въ окно,
Всюду по полу разлиты
Пуншъ и свѣтлое вино.
Убѣгаемъ торопливо....
Въ мигъ изчезъ минутный страхъ:
Щекъ румяныхъ цвѣтъ игривой,
Умъ и сердце на устахъ,
Хохотъ чистаго веселья,
Неподвижный тусклый взоръ
Измѣняли часъ похмелья,
Сладкій Вакха заговоръ!
О, друзья мои сердечны,
Вамъ клянуся, за столомъ
Всякій годъ, въ часы безпечны,
Поминать его виномъ!

По случаю гогель-могеля Пушкинъ экспромтомъ въ подражаніе стихамъ И. И. Дмитріева [1]):

Мы недавно отъ печали,
Лиза, я да Купидонъ
По бокалу осушали
И прогнали мудрость вонъ, и проч.

сказалъ:

Мы недавно отъ печали,
Пущинъ, Пушкинъ, я, баронъ,
По бокалу осушали
И Ѳому прогнали вонъ.

(Остальныхъ строфъ не помню: этому слишкомъ сорокъ лѣтъ). Ѳома былъ дядька, который купилъ намъ ромъ. Мы кой-какъ вознаградили его за потерю мѣста. Предполагается, что пѣсню поетъ Малиновскій, но его фамиліи не вломаешь въ стихъ. Баронъ — для рѳмы, означаетъ Дельвига. Были и каррикатуры, на которыхъ изъподъ стола выглядывали фигуры тѣхъ, кого намъ удалось скрыть.

1) И. И. Пущинъ ошибается: приводимые имъ стихи принадлежатъ не Дмитріеву, а Д. В. Давыдову и составляютъ начало его анакреонтической оды: «Мудрость».

Л. М.

Вообще это пустое событіе (которымъ, разумѣется, нельзя было похвастать) надѣлало тогда много шуму и огорчило нашихъ родныхъ, благодаря премудрому распоряженію начальства. Все могло кончиться домашнимъ порядкомъ, еслибы Гауенпильдъ и инспекторъ Фроловъ не вздумали формальнымъ образомъ донести министру.

Сидѣли мы съ Пушкинымъ однажды вечеромъ въ библіотекѣ у открытаго окна. Народъ выходилъ изъ церкви отъ всенощной, въ толпѣ я замѣтилъ старушку, которая о чемъ-то горячо съ жестами разсуждала съ молодой дѣвушкою, очень хорошенькою. Среди бесѣды я говорю Пушкину, что любопытно бы знать, о чемъ такъ горячатся онѣ, о чемъ такъ спорятъ, идя отъ молитвы? Онъ почти не обратилъ вниманія на мои слова, всмотрѣлся однако въ указанную мною чету и на другой день встрѣтилъ меня стихами:

Отъ всенощной, вечоръ, идя домой,
Антипьевна съ Марѳушкою бранилась;
Антипьевна отмѣнно горячилась.
«Постой», кричитъ, — «управлюсь я съ тобой!
«Ты думаешь, что я забыла
«Ту ночь, когда, забравшись въ уголокъ», и проч.

«Вотъ что̀ ты заставилъ меня написать, любезный другъ», сказалъ онъ, видя, что я нѣсколько призадумался, выслушавъ его стихи, въ которыхъ поразило меня окончаніе. Въ эту минуту подошелъ къ намъ Кайдановъ, — мы собирались въ его классъ. Пушкинъ и ему прочелъ свой разсказъ. Кайдановъ взялъ его за ухо и тихонько сказалъ ему: «Не совѣтую вамъ, Пушкинъ, заниматься такою поэзіей, особенно кому-нибудь сообщать ее. И вы, Пущинъ, не давайте волю язычку», прибавилъ онъ, обратясь ко мнѣ. Хорошо, что на этотъ разъ подвернулся намъ добрый Иванъ Кузьмичъ, а не другой кто-нибудь.

Впрочемъ надобно сказать, что всѣ профессора смотрѣли съ благоговѣніемъ на растущій талантъ Пушкина. Въ математическомъ классѣ вызвалъ его разъ Карцовъ къ доскѣ и задалъ алгебраическую задачу. Пушкинъ долго переминался съ ноги на ногу и все писалъ молча какія-то формулы. Карцовъ спросилъ его наконецъ, «Что̀ жь вышло? Чему равняется иксъ?» Пушкинъ, улыбаясь, отвѣтилъ:

«Нулю!» «Хорошо! У васъ, Пушкинъ, въ моемъ классѣ все кончается нулемъ. Садитесь на свое мѣсто и пишите стихи». Спасибо и Карцову, что онъ изъ математическаго фанатизма не велъ войны съ его поэзіей. Пушкинъ охотнѣе всѣхъ другихъ классовъ занимался въ классѣ Куницына, и то совершенно по своему: уроковъ никогда не повторялъ, мало что̀ записывалъ, а чтобъ переписывать тетради профессоровъ (печатныхъ руководствъ тогда еще не существовало), у него и въ обычаѣ не было: все дѣлалось à livre ouvert.

На публичномъ нашемъ экзаменѣ Державинъ державнымъ своимъ благословеніемъ увѣнчалъ юнаго нашего поэта. Мы всѣ, друзья-товарищи его, гордились этимъ торжествомъ. Пушкинъ тогда читалъ свои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ». Въ этихъ великолѣпныхъ стихахъ затронуто все живое для русскаго сердца. Читалъ Пушкинъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Слушая знакомые стихи, морозъ по кожѣ пробѣгалъ у меня. Когда же патріархъ нашихъ пѣвцовъ въ восторгѣ, со слезами на глазахъ, бросился цѣловать поэта и осѣнилъ кудрявую его голову, мы всѣ, подъ какимъ-то невѣдомымъ вліяніемъ, благоговѣйно молчали. Хотѣли сами обнять нашего пѣвца, его ужь не было: онъ убѣжалъ!... Все это уже разсказано въ печати.

Вчера мнѣ Маша приказала
Въ куплеты рѣемы набросать
И мнѣ въ награду обѣщала
Спасибо въ прозѣ написать, и проч.

Стихи эти написаны сестрѣ Дельвига, премилой, живой дѣвочкѣ, которой тогда было семь или восемь лѣтъ. Стихи сами по себѣ очень милы, но для насъ имѣютъ свой особый интересъ. Корсаковъ положилъ ихъ на музыку, и эти стансы пѣлись тогда юными дѣвицами почти во всѣхъ домахъ, гдѣ лицей имѣлъ право гражданства.

«Красавицѣ, которая нюхала табакъ» писано къ Горчакова сестрѣ, княгинѣ Еленѣ Михайловнѣ Кантакузиной. Вѣроятно, она и не знала и не читала этихъ стиховъ, плодъ разгоряченнаго молодого воображенія.

Къ живописцу.

Дитя харитъ, воображенье!
Въ порывѣ пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мнѣ друга сердца напиши, и проч.

Пушкинъ проситъ живописца написать портретъ К. П. Бакуниной, сестры нашего товарища. Эти стихи — выраженіе не одного только его страдавшаго тогда сердечка!...

Нельзя не вспомнить сцены, когда Пушкинъ читалъ намъ свои стихъ «Пирующихъ студентовъ». Онъ былъ въ лазаретѣ и пригласилъ насъ прослушать эту піесу. Послѣ вечерняго чая мы пошли къ нему гурьбой съ гувернеромъ Чириковымъ.

Началось чтеніе:

Друзья! Досужный часъ насталъ,
Все тихо, все въ покоѣ, и проч.

Вниманіе общее, тишина глубокая по временамъ только прерывается восклицаніями. Кюхельбекеръ просилъ не мѣшать, онъ былъ весь тутъ, въ полномъ упоеніи... Доходитъ дѣло до послѣдней строфы. Мы слышимъ:

Писатель! За свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
Вильгельмъ, прочти свои стихи,
Чтобъ мнѣ заснуть скорѣе!

При этомъ возгласѣ публика забываетъ поэта, стихи его бросается на бѣднаго метромана, который, растаявшись подъ вліяніемъ поэзіи Пушкина, приходитъ въ совершенное одурѣніе отъ неожиданной эпиграммы и нашего дикаго натиска. Добрая душа былъ этотъ Кюхельбекеръ! Опомнившись, проситъ онъ Пушкина еще разъ прочесть, потому что и тогда уже плохо слышалъ однимъ ухомъ, испорченнымъ золотухой.

Посланіе ко мнѣ:

Любезный именинникъ, и проч.

не требуетъ поясненій. Оно выражаетъ то же чувство, которое отрадно проявляется въ многихъ другихъ стихахъ Пушкина. Мы съ нимъ постоянно были въ дружбѣ, хотя въ иныхъ случаяхъ и разно смотрѣли на людей и вещи; откровенно сообщая другъ другу

ротиворѣчащія наши воззрѣнія, мы все-таки умѣли ихъ сгармони-
овать и оставались въ постоянномъ согласіи. Кстати тутъ разскажу
овольно оригинальное событіе, по случаю котораго пришлось мнѣ
ного спорить съ нимъ за Энгельгардта.

У дворцовой гауптвахты, передъ вечернею зарей, обыкновенно
грала полковая музыка. Это привлекало гулявшихъ въ саду, раз-
мѣется и насъ, l'inévitable Lycée, какъ называли иные нашу
шумную, движущуюся толпу. Иногда мы проходили къ музыкѣ
дворцовымъ корридоромъ, въ который между другими помѣщеніями
былъ выходъ и изъ комнатъ, занимаемыхъ фрейлинами императрицы
Елизаветы Алексѣевны. Этихъ фрейлинъ было тогда три: Плюскова,
Валуева и княжна Волконская. У Валуевой была премиленькая горнич-
ная Наташа. Случалось, встрѣтясь съ нею въ темныхъ переходахъ
корридора, и полюбезничать; она многихъ изъ насъ знала, да и кто
не зналъ лицея, который мозолилъ глаза всѣмъ въ саду? Однажды
идемъ мы, растянувшись по этому корридору маленькими группами.
Пушкинъ на бѣду былъ одинъ, слышитъ въ темнотѣ шорохъ
платья, воображаетъ, что непремѣнно Наташа, бросается поцѣловать
не самымъ невиннымъ образомъ. Какъ нарочно, въ эту минуту
отворяется дверь изъ комнаты и освѣщаетъ сцену: передъ нимъ
сама княжна Волконская. Что̀ дѣлать ему? Бѣжать безъ оглядки; но
этого мало, надобно поправить дѣло, а дѣло неладно! Онъ тотчасъ
разсказалъ мнѣ про это, присоединясь къ намъ, стоявшимъ у оркестра.
Я ему совѣтовалъ открыться Энгельгардту и просить его защиты.
Пушкинъ никакъ не соглашался довѣриться директору и хотѣлъ
написать княжнѣ извинительное письмо. Между тѣмъ она успѣла
пожаловаться брату своему П. М. Волконскому, а тотъ — государю.
Государь на другой день приходитъ къ Энгельгардту. «Что жъ
это будетъ?» говоритъ царь. — «Твои воспитанники не только спи-
хомъ мають черезъ заборъ мои наливныя яблоки, бьютъ сторожей садов-
ника Лямина» (точно, была такого рода экспедиція, гдѣ дѣйствовалъ
на первомъ планѣ графъ Сильвестръ Брогліо, теперь сенаторъ
Наполеона III[1]), «но теперь ужь не даютъ проходу фрейлинамъ жены
моей». Энгельгардтъ, своимъ путемъ, уже зналъ о неловкой вы-

1) Это свѣдѣніе о Брогліо оказалось несправедливымъ: онъ былъ избранъ французскими филеленами въ начальники и убитъ въ Греціи въ 1829 году. *И. П.*

ходкѣ Пушкина, можетъ быть, и отъ самого Петра Мих
который могъ сообщить ему это въ тотъ же вечеръ. Онъ
и отвѣчалъ императору Александру: «Вы меня пред
государь; я искалъ случая принести вашему величеству
за Пушкина; онъ, бѣдный, въ отчаяніи; приходилъ
позволеніемъ письменно просить княжну, чтобъ она
душно простила ему это неумышленное оскорбленіе». Тут
гардтъ разсказалъ подробности дѣла, стараясь всячески
вину Пушкина, и присовокупилъ, что сдѣлалъ уже ему ст
говоръ и проситъ разрѣшенія на счетъ письма. На это хо
Энгельгардта государь сказалъ: «Пусть пишетъ, ужь так
я беру на себя адвокатство за Пушкина; но скажи ему,
было въ послѣдній разъ. La vieille est peut-être encha
méprise du jeune homme, entre nous soit dit», шепнулъ и
улыбаясь Энгельгардту, пожалъ ему руку и пошелъ
императрицу, которую изъ окна увидѣлъ въ саду.

Такимъ образомъ дѣло кончилось необыкновенно хор
всѣ были рады такой развязкѣ, жалѣя Пушкина и оче
понимая, что каждый изъ насъ легко могъ попасть въ та
Я съ своей стороны старался доказать ему, что Энгельга
дѣйствовалъ отлично; онъ никакъ не сознавалъ этого,
меня, что Энгельгардтъ, защищая его, самъ себя защища
мы спорили. Для меня оставалось не разрѣшенною загадко
всѣ вниманія директора и жены его отвергались Пушкин
никакъ не хотѣлъ видѣть его въ настоящемъ свѣтѣ, изб
каго сближенія съ нимъ. Эта несправедливость Пушкина къ
гардту, котораго я душой полюбилъ, сильно меня волнова
крылось что-нибудь, чего онъ никакъ не хотѣлъ мнѣ ска
конецъ я пересталъ и настаивать, предоставя все врем
одно можетъ вразумить въ такомъ непонятномъ упорствѣ.

Не возможно передать вамъ всѣхъ подробностей нашег
лѣтняго существованія въ Царскомъ Селѣ: это было бы с
сложно и громоздко; тутъ смѣсь и дѣльнаго, и пустого.
тѣмъ вся эта пестрота имѣла для насъ свое очарованіе. Съ
ніемъ Энгельгардта въ директоры школьный нашъ бытъ
иной характеръ: онъ съ любовью принялся за дѣло. При

вечерамъ устроились чтенія въ залѣ (Энгельгардтъ отлично читалъ). Въ домѣ его мы знакомились съ обычаями свѣта, ожидавшаго насъ у порога лицея, находили пріятное женское общество. Лѣтомъ, въ вакантный мѣсяцъ, директоръ дѣлалъ съ нами дальнія, иногда двухдневныя прогулки по окрестностямъ; зимой для развлеченія ѣздили на нѣсколькихъ тройкахъ за городъ завтракать или пить чай въ праздничные дни; въ саду, на прудѣ, катались съ горъ и на конькахъ. Во всѣхъ этихъ увеселеніяхъ участвовало его семейство и близкія ему дамы и дѣвицы, иногда и пріѣзжавшіе родные наши. Женское общество всему этому придавало особенную прелесть и пріучало насъ къ приличію въ обращеніи. Однимъ словомъ, директоръ нашъ понималъ, что запрещенный плодъ — опасная приманка, и что свобода, руководимая опытною дружбой, удерживаетъ юношу отъ многихъ ошибокъ. Отъ сближенія нашего съ женскимъ обществомъ, зараждался платонизмъ въ чувствахъ: этотъ платонизмъ не только не мѣшалъ занятіямъ, но придавалъ даже силы въ классныхъ трудахъ, нашептывая, что успѣхомъ можно порадовать предметъ воздыханій. Пушкинъ клеймилъ своимъ стихомъ лицейскихъ Сердечкиныхъ, хотя и самъ иногда попадалъ въ эту категорію. Разъ, на зимней нашей прогулкѣ въ саду, гдѣ расчищались кругомъ пруда дорожки, онъ говоритъ Есакову, съ которымъ я часто ходилъ въ парѣ:

И остановится съ вопросомъ
На брегу замерзлыхъ водъ:
«Мамзель Шредеръ съ краснымъ носомъ
«Милыхъ Вельо не ведетъ?»

Такъ точно, когда я, передъ самымъ выпускомъ, лежалъ въ больницѣ, онъ какъ-то успѣлъ написать мѣломъ на дощечкѣ у моей кровати:

Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ —
Судьба его неумолима!
Несите прочь медикаментъ:
Болѣзнь любви непзлѣчима!

Я нечаянно увидѣлъ эти стихи надъ моимъ изголовьемъ и зналъ исковерканный его почеркъ. Пушкинъ не сознавался въ томъ экспромтѣ.

Слишкомъ за годъ до выпуска государь спросилъ Энгельгардта: есть ли между нами желающіе въ военную службу? Онъ отвѣчалъ, что чуть ли не болѣе десяти человѣкъ этого желаютъ (и Пушкинъ тогда колебался, но родные его были противъ, опасаясь за его здоровье). Государь на это сказалъ: «Въ такомъ случаѣ надо бы познакомить ихъ съ фронтомъ». Энгельгардтъ испугался и напрямикъ просилъ у императора дозволенія оставить лицей, если въ немъ будетъ ружье. Къ этой просьбѣ присовокупилъ, что онъ никогда не носилъ никакого оружія, кромѣ того, которое у него всегда въ карманѣ, и показалъ садовый ножикъ. Долго они торговались; наконецъ, государь кончилъ тѣмъ, что его не переспоришь. Велѣлъ спросить всѣхъ и для желающихъ быть военными учредить классъ военныхъ наукъ. Вслѣдствіе этого приказанія поступилъ къ намъ инженерный полковникъ Эльснеръ, бывшій адъютантъ Костюшки, преподавателемъ артиллеріи, фортификаціи и тактики.

Было еще другого рода нападеніе на насъ около того же времени. Какъ-то, въ разговорѣ съ Энгельгардтомъ, царь предложилъ ему посылать насъ дежурить при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ во время лѣтняго пребыванія въ Царскомъ Селѣ, говоря, что это дежурство пріучитъ молодыхъ людей быть развязнѣе въ обращеніи и вообще послужитъ имъ въ пользу. Энгельгардтъ и это отразилъ, доказавъ, что, кромѣ многихъ неудобствъ, придворная служба будетъ отвлекать отъ учебныхъ занятій и попрепятствуетъ достиженію цѣли учрежденія лицея. Къ этому онъ прибавилъ, что въ продолженіе многихъ лѣтъ никогда не видалъ камеръ-пажа ни на прогулкахъ, ни при выѣздахъ царствующей императрицы. Между нами мнѣнія на счетъ этого нововведенія были раздѣлены: иные, по суетности и лѣни, желали этой должности; но дѣло обошлось одними толками, и не знаю, почему изъ этихъ толковъ о сближеніи съ дворомъ выкроилась для насъ верховая ѣзда. Мы стали ходить два раза въ недѣлю въ гусарскій манежъ гдѣ, на лошадяхъ запаснаго эскадрона, учились у полковника Кнабенау, подъ главнымъ руководствомъ генерала Левашева, который и прежде того, видя насъ часто въ галлереѣ манежа, во время верховой ѣзды своихъ гусаръ, обращался къ намъ съ привѣтомъ и вопросомъ: когда мы начнемъ учиться ѣздить? Онъ даже попалъ по этому случаю въ куплеты нашей лицейской пѣсни. Вотъ его куплетъ:

Bonjour, messieurs! Потише!
Поводьемъ не играй!
Вотъ я тебя потѣшу!..
A quand l'equitation?

Вотъ вамъ выдержки изъ хроники нашей юности. Удовольствуйтесь ими! Можетъ быть, когда-нибудь появится цѣлый рядъ воспоминаній о лицейскомъ своеобразномъ бытѣ перваго курса, съ очерками личностей, которыя потомъ заняли свои мѣста въ общественной сферѣ; большая часть изъ нихъ уже изчезла, но оставила отрадное памятованіе въ сердцахъ не однихъ своихъ товарищей.

Въ маѣ начались выпускные публичные экзамены. Тутъ мы уже начали готовиться къ выходу изъ лицея. Разлука съ товарищескою семьей была тяжела, хотя ею должна была начаться всегда желанная эпоха жизни, съ заманчивою, незнакомою далью. Кто не спѣшилъ, въ тогдашніе наши годы, соскочить съ школьной скамьи? Но наша скамья была такъ завѣтно-привѣтлива, что невольно, даже при мысли о наступающей свободѣ, оглядывались мы на нее. Время проходило въ мечтахъ, прощаньяхъ и обѣтахъ, сердце дробилось!

Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породнила насъ! [1])

Наполнились альбомы и стихами, и прозой. Въ моемъ остались стихи Пушкина. Они уже приведены мной вполнѣ на 6-мъ листѣ этого разсказа.

Дельвига:

Прочтя сіи набросанныя строки
Съ небрежностью на памятномъ листкѣ,
Какъ не узнать поэта по рукѣ,
Какъ первые не вспомянуть уроки
И не сказать при дружескомъ столѣ:
«Друзья, у насъ есть другъ и въ Хоролѣ!»

Дельвигъ послѣ выпуска поѣхалъ въ Хороль, гдѣ квартировалъ отецъ его, командовавшій бригадой во внутренней стражѣ. Ил-

1) «Прощальная пѣснь» Дельвига.

И. И.

личевскаго стиховъ не могу припомнить; знаю только, что онѣ всѣ кончались рѣмой на Пущинъ. Это было очень оригинально.

Къ прискорбію моему, этотъ альбомъ, исписанный и изрисованный, утратился изъ допотопнаго моего портфеля, который дивнымъ образомъ возвратился ко мнѣ черезъ тридцать-два года со всѣми положенными въ него мною рукописями.

9-го іюня былъ актъ. Характеръ его былъ совершенно иной: какъ открытіе лицея было пышно и торжественно, такъ выпускъ нашъ тихъ и скроменъ. Въ ту же залу пришелъ императоръ Александръ въ сопровожденіи одного тогдашняго министра народнаго просвѣщенія князя Голицына. Государь не взялъ даже съ собою князя П. М. Волконскаго, который, какъ всѣ говорили, желалъ быть на актѣ.

Въ залѣ были мы всѣ съ директоромъ, профессорами, инспекторомъ и гувернеромъ. Энгельгардтъ прочелъ коротенькій отчетъ за весь шестилѣтній курсъ; послѣ него конференцъ-секретарь Куницынъ возгласилъ высочайше утвержденное постановленіе конференціи о выпускѣ. Вслѣдъ за этимъ всѣхъ насъ, по старшинству выпуска, представляли императору, съ объявленіемъ чиновъ и наградъ. Государь заключилъ актъ краткимъ отеческимъ наставленіемъ воспитанникамъ и изъявленіемъ благодарности директору и всему штату лицея. Тутъ пропѣта была нашимъ хоромъ лицейская прощальная пѣснь—слова Дельвига, музыка Теппера, который самъ дирижировалъ хоромъ. Государь и его не забылъ при общихъ наградахъ. Онъ былъ тронутъ и поэзіей, и музыкой, понялъ слезу на глазахъ воспитанниковъ и наставниковъ, простился съ нами съ обычною привѣтливостью и пошелъ во внутреннія комнаты, взявъ князя Голицына подъ руку. Энгельгардтъ предупредилъ его, что вездѣ безпорядокъ по случаю сборовъ къ отъѣзду. «Это ничего», возразилъ онъ, — «я сегодня не въ гостяхъ у тебя. Какъ хозяинъ, хочу посмотрѣть на сборы нашихъ молодыхъ людей». И точно, въ дортуарахъ все было вверхъ дномъ, вездѣ валялись вещи, чемоданы, ящики, — пахло отъѣздомъ! При выходѣ изъ лицея государь признательно пожалъ руку Энгельгардту. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, начали разъѣзжаться: прощаньямъ не было конца. Я, больной, дольше всѣхъ оставался въ лицеѣ. Съ Пушкинымъ мы тутъ же обнялись на разлуку: онъ

тотчасъ долженъ былъ ѣхать въ деревню къ роднымъ; я ужь не засталъ его, когда пріѣхалъ въ Петербургъ.

Снова встрѣтился съ нимъ осенью, уже въ гвардейскомъ конно-артиллерійскомъ мундирѣ. Мы шестеро учились фронту въ гвардейскомъ образцовомъ баталіонѣ; послѣ экзамена, сдѣланнаго намъ Клейнмихелемъ въ этой наукѣ, произведены были въ офицеры высочайшими приказами 29-го октября, между тѣмъ какъ товарищи наши, поступившіе въ гражданскую службу, въ іюнѣ же получили назначеніе; въ томъ числѣ Пушкинъ поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и тотчасъ взялъ отпускъ для свиданія съ родными.

Встрѣча моя съ Пушкинымъ на новомъ нашемъ поприщѣ имѣла свою знаменательность. Пока онъ гулялъ и отдыхалъ въ Михайловскомъ, я уже успѣлъ поступить въ тайное общество: обстоятельства такъ расположили моею судьбой. Еще въ лицейскомъ мундирѣ я былъ частымъ гостемъ артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александръ и Михайло), Бурцевъ, Павелъ Колошинъ и Семеновъ. Съ Колошинымъ я былъ въ родствѣ. Постоянныя наши бесѣды о предметахъ общественныхъ, о злѣ существующаго у насъ порядка и о возможности измѣненія, желаемаго многими въ тайнѣ, необыкновенно сблизили меня съ этимъ мыслящимъ кружкомъ: я сдружился съ нимъ, почти жилъ въ немъ. Бурцевъ, которому я больше высказывался, нашелъ, что по мнѣніямъ и убѣжденіямъ моимъ, вынесеннымъ изъ лицея, я готовъ для дѣла. На этомъ основаніи онъ принялъ въ общество меня и Волховскаго, который, поступивъ въ гвардейскій генеральный штабъ, сдѣлался его товарищемъ по службѣ. Бурцевъ тотчасъ узналъ его, понялъ и оцѣнилъ.

Эта высокая цѣль жизни самою своею таинственностью и начертаніемъ новыхъ обязанностей рѣзко и глубоко проникла душу мою; я какъ будто получилъ особенное значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ: сталъ внимательно смотрѣть на жизнь во всѣхъ проявленіяхъ буйной молодости, наблюдалъ за собою, какъ за частицей, хотя ничего не значущею, но входящею въ составъ того цѣлаго, которое рано или поздно должно имѣть благотворное свое дѣйствіе. Первая моя мысль была открыться Пушкину: онъ всегда согласно со мною мыслилъ о дѣлѣ общемъ (res publica), по своему проповѣ-

дывалъ въ нашемъ смыслѣ — и изустно, и письменно, стихами и прозой. Не знаю, къ счастью ли его, или къ несчастію, онъ не былъ тогда въ Петербургѣ, а то не ручаюсь, что въ первыхъ порывахъ, по исключительной дружбѣ моей къ нему я, можетъ быть, увлекъ бы его съ собою. Впослѣдствіи, когда думалось мнѣ исполнить эту мысль, я уже не рѣшался ввѣрить ему тайну, не мнѣ одному принадлежавшую, гдѣ малѣйшая неосторожность могла быть пагубна всему дѣлу. Подвижность пылкаго его права, сближеніе съ людьми ненадежными пугали меня. Къ тому же въ 1818 году, когда часть гвардіи была въ Москвѣ по случаю пріѣзда Прусскаго короля, столько было опрометчивыхъ дѣйствій одного члена общества, что признали необходимымъ дѣлать выборъ со всею строгостью, и даже, нѣсколько лѣтъ спустя, объявлено было объ уничтоженіи общества, чтобы тѣмъ удалить неудачно принятыхъ членовъ. На этомъ основаніи я присоединилъ къ союзу одного Рылѣева, не смотря на то, что всегда былъ окруженъ многими раздѣляющими со мною мой образъ мыслей.

Естественно, что Пушкинъ, увидя меня послѣ первой нашей разлуки, замѣтилъ во мнѣ нѣкоторую перемѣну и началъ подозрѣвать, что я отъ него что-то скрываю. Особенно во время его болѣзни и продолжительнаго выздоровленія, видаясь чаще обыкновеннаго, онъ затруднялъ меня спросами и распросами, отъ которыхъ я, какъ умѣлъ, отдѣлывался, успокоивая его тѣмъ, что онъ лично, безъ всякаго воображаемаго имъ общества, дѣйствуетъ какъ нельзя лучше для благой цѣли: тогда вездѣ ходили по рукамъ, переписывались и читались напзустъ его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! Въ Россію скачетъ...» и другія мелочи въ томъ же духѣ. Не было живого человѣка, который не зналъ бы его стиховъ. Нечего и говорить уже о разныхъ его выходкахъ, которыя вездѣ повторялись. Напримѣръ, однажды въ Царскомъ Селѣ Захаржевскаго медвѣженокъ сорвался съ цѣпи отъ столба, на которомъ устроена была его будка, и побѣжалъ въ садъ, гдѣ могъ встрѣтиться глазъ на глазъ, въ темной аллеѣ, съ императоромъ, если бы на этотъ разъ не встрепенулся его маленькій шарло и не предостерегъ бы отъ этой опасной встрѣчи. Медвѣженокъ, разумѣется, тотчасъ былъ истребленъ, а Пушкинъ при этомъ случаѣ сказалъ: «Нашелся одинъ человѣкъ, да и тотъ медвѣдь!» Такимъ же образомъ онъ во всеуслышеніе въ театрѣ крпчалъ: «Теперь самое безопасное время —

по Невѣ ледъ идетъ». Въ переводѣ: нечего опасаться крѣпости. Конечно, болтовня эта — вздоръ; но этотъ вздоръ, похожій нѣсколько на поддразниваніе, переходилъ изъ устъ въ уста и порождалъ разные толки, имѣвшіе дальнѣйшее свое развитіе; слѣдовательно, и тутъ даже нѣкоторымъ образомъ достигалась цѣль, которой онъ несознательно содѣйствовалъ.

Между тѣмъ тотъ же Пушкинъ, либеральный по своимъ воззрѣніямъ, имѣлъ какую-то жалкую привычку измѣнять благородному своему характеру и очень часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ, что любилъ, напримѣръ, вертѣться у оркестра около Орлова, Чернышева, Киселева и другихъ: они съ покровительственною улыбкой выслушивали его шутки, остроты. Случалось изъ кресель сдѣлать ему знакъ, онъ тотчасъ прибѣжитъ. Говоришь, бывало: «Что тебѣ за охота, любезный другъ, возиться съ этимъ народомъ; ни въ одномъ изъ нихъ ты не найдешь сочувствія и пр.». Онъ терпѣливо выслушаетъ, начнетъ щекотать, обнимать, что̀ обыкновенно дѣлалъ, когда немножко потеряется. Потомъ, смотришь, — Пушкинъ опять съ тогдашними львами! (анахронизмъ: тогда не существовало еще этого аристократическаго прозвища). Странное смѣшеніе въ этомъ великолѣпномъ созданіи! Никогда не переставалъ я любить его; знаю, что и онъ платилъ мнѣ тѣмъ же чувствомъ; но невольно, изъ дружбы къ нему желалось, чтобы онъ наконецъ настоящимъ образомъ взглянулъ на себя и понялъ свое призваніе. Видно впрочемъ, что не могло и не должно было быть иначе; видно, нужна была и эта разработка, коловшая намъ слѣпымъ глаза.

Не заключайте, пожалуйста, изъ этого ворчанья, чтобы я когда-нибудь былъ спартанцемъ, какимъ-нибудь Катономъ; далеко отъ всего этого: всегда шалилъ, дурилъ и кутилъ съ добрымъ товарищемъ. Пушкинъ самъ увѣковѣчилъ это стихами ко мнѣ; но при всей моей готовности къ разгулу съ нимъ, хотѣлось, чтобъ онъ не переступалъ нѣкоторыхъ границъ и не профанировалъ себя, если можно такъ выразиться, сближеніемъ съ-людьми, которые, по ихъ положенію въ свѣтѣ, могли волей и неволей набрасывать на него нѣкотораго рода тѣнь.

Между нами было и не безъ шалостей. Случалось, зайдетъ онъ ко мнѣ. Вмѣсто: «здравствуй», я его спрашиваю: «Отъ нея ко мнѣ, или отъ меня къ ней?» Ужь и это надо вамъ объяснить,

если пустился болтать. Въ моемъ сосѣдствѣ, на Мойкѣ, жила Анжелика — прелесть-полька!

На прочее завѣса! [1])

Возвратясь однажды съ ученья, я нахожу на письменномъ столѣ развернутый большой листъ бумаги. На этомъ листѣ нарисована перомъ знакомая мнѣ комната, трюмо, двѣ кушетки. На одной изъ кушетокъ сидитъ развалившись претолстая женщина, почти портретъ безобразной тетки нашей Анжелики. У ногъ ея — стриксъ, маленькая несносная собаченка. Подписано: «Отъ нея ко мнѣ, или отъ меня къ ней?» Не нужно было спрашивать, кто приходилъ. Кромѣ того я понялъ, что Пушкинъ этотъ разъ и ея не засталъ дома. Очень жаль, что этотъ смѣло набросанный очеркъ въ разгромѣ 1825 года не уцѣлѣлъ, какъ нѣкоторыя другія мелочи. Онъ стоилъ того, чтобъ его литографировать.

Самое сильное нападеніе Пушкина на меня по поводу общества было, когда онъ встрѣтился со мною у Н. И. Тургенева, гдѣ тогда собрались всѣ желавшіе участвовать въ предполагаемомъ изданіи политическаго журнала. Тутъ, между прочими, были Куницынъ и нашъ лицейскій товарищъ Масловъ. Мы сидѣли кругомъ большого стола. Масловъ читалъ статью свою о статистикѣ. Въ это время я слышу, что кто-то сзади беретъ меня за плечо. Оглядываюсь — Пушкинъ! «Ты что здѣсь дѣлаешь? Наконецъ поймалъ тебя на самомъ дѣлѣ», шепнулъ онъ мнѣ на ухо и прошелъ дальше. Кончилось чтеніе. Мы встали. Подхожу къ Пушкину, здороваюсь съ нимъ; подали чай, мы закурили сигарки и сѣли въ уголокъ. «Какъ же ты мнѣ никогда не говорилъ, что знакомъ съ Николаемъ Ивановичемъ? Вѣрно, это ваше общество въ сборѣ? Я совершенно нечаянно зашелъ сюда, гуляя въ Лѣтнемъ саду. Пожалуйста, не секретничай; право, любезный другъ, это ни на что не похоже!» Мнѣ и на этотъ разъ легко было безъ большого обмана доказать ему, что это совсѣмъ не собраніе общества, имъ отыскиваемаго, что онъ можетъ спросить Маслова, и что я самъ тутъ совершенно

---

1) Стихъ Пушкина.

И. П.

неожиданно. «Ты знаешь, Пушкинъ, что я отнюдь не литераторъ, и вѣроятно, удивляешься, что я попалъ нѣкоторымъ образомъ въ сотрудники журнала. Между тѣмъ это очень просто, какъ сейчасъ самъ увидишь. На дняхъ былъ у меня Николай Тургеневъ; разговорились мы съ нимъ о необходимости и пользѣ изданія въ возможно свободномъ направленіи; тогда это была преобладающая его мысль. Увидѣлъ онъ у меня на столѣ недавно появившуюся книгу m-me Stael: «Considérations sur la révolution française» и совѣтовалъ мнѣ попробовать написать что-нибудь о ней и изъ нея. Тутъ же пригласилъ меня въ этотъ день вечеромъ быть у него, — вотъ я и здѣсь!»

Не знаю настоящимъ образомъ, до какой степени это объясненіе удовлетворило Пушкина; только вслѣдъ за этимъ у насъ перемѣнился разговоръ, и мы вошли въ общій кругъ. Глядя на него, я долго думалъ: не долженъ ли я въ самомъ дѣлѣ предложить ему соединиться съ нами? Отъ него зависѣло принять или отвергнуть мое предложеніе. Между тѣмъ, тутъ же невольно являлся вопросъ: почему же, помимо меня, никто изъ близко знакомыхъ ему старшихъ нашихъ членовъ не думалъ о немъ? Значитъ, ихъ останавливало то же, что̀ меня пугало: образъ его мыслей всѣмъ хорошо былъ извѣстенъ, но не было полнаго къ нему довѣрія.

Преслѣдуемый мыслію, что у меня есть тайна отъ Пушкина, и что, можетъ быть, этимъ самымъ я лишаю общество полезнаго дѣятеля, почти рѣшался броситься къ нему и все высказать, зажмуря глаза на послѣдствія. Въ постоянной этой борьбѣ съ самимъ собою, какъ нарочно, вскорѣ случилось мнѣ встрѣтить Сергѣя Львовича на Невскомъ проспектѣ. «Какъ вы, Сергѣй Львовичъ? Что̀ нашъ Александръ?» «Вы когда его видѣли?» «Нѣсколько дней тому назадъ у Тургенева». Я замѣтилъ, что Сергѣй Львовичъ что-то мраченъ. «Je n'ai rien de mieux à faire que de me mettre en quatre pour rétablir la réputation de mon cher fils. Видно, вы не знаете его послѣднюю проказу». Тутъ разсказалъ мнѣ что-то, право, не помню, что̀ именно, да и припоминать не хочется. «Забудьте этотъ вздоръ, почтенный Сергѣй Львовичъ! Вы знаете, что Александру многое можно простить, онъ окупаетъ свои шалости неотъемлемыми достоинствами, которыхъ нельзя не любить». Отецъ пожалъ мнѣ руку и продолжалъ свой путь.

Я задумался и, признаюсь, эта встрѣча, совершенно случайная,

произвела свое впечатлѣніе: мысль о пришятіи Пушкина изчезл изъ моей головы. Я страдалъ за него, и подъ часъ мнѣ опять казалос что, можетъ быть, тайное общество сокровеннымъ своимъ клеймом поможетъ ему повнимательнѣе и построже взглянуть на самог себя, сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ нормальномъ своемъ быт Я зналъ, что онъ иногда скорбѣлъ о своихъ промахахъ, обличал ихъ въ близкихъ нашихъ откровенныхъ бесѣдахъ, но видно, н пришла еще пора кипучей его природѣ угомониться. Какъ ни вер тѣлъ я все это въ умѣ и сердцѣ, кончилъ тѣмъ, что сознался себ не въ правѣ дѣйствовать по личному шаткому воззрѣнію, безз полнаго убѣжденія, въ дѣлѣ, отвѣтственномъ предъ цѣлію самаг союза. Послѣ этого мы какъ-то не часто видѣлись.

Кругъ знакомства нашего былъ совершенно розный. Пушкин кружился въ большомъ свѣтѣ, а я былъ какъ можно подальше от него. Лѣтомъ маневры и другія служебныя занятія увлекали мен изъ Петербурга. Все это однако не мѣшало намъ, при всякой воз можности, встрѣчаться съ прежнею дружбой и радоваться нашим встрѣчамъ у лицейской братіи, которой уже немного оставалось в Петербургѣ; большею частью свиданія мои съ Пушкинымъ были у домосѣда Дельвига.

Въ генварѣ 1820 года я долженъ былъ ѣхать въ Бессарабію къ больной тогда, замужней сестрѣ моей. Прожив въ Кишиневѣ и Аккерманѣ почти четыре мѣсяца, въ маѣ возвращался съ нею, уже здоровою, въ Петербургъ. Бѣлорусскій трактъ ужасно скученъ. Не встрѣчая никого на станціяхъ, я обыкновенно заглядывалъ въ книгу для записыванія подорожныхъ и тамъ искалъ проѣзжихъ. Вижу разъ, что на кануѣ проѣхалъ Пушкинъ въ Екатеринославъ. Спрашиваю смотрителя: «Какой это Пушкинъ?» Мнѣ и въ мысль не приходило, что это можетъ быть Александръ. Смотритель говоритъ, что это поэтъ Александръ Сергѣевичъ, ѣдетъ, кажется, на службу, на перекидныхъ, въ красной русской рубашкѣ, въ опояскѣ, въ пояркловой шляпѣ. (Время было ужасно жаркое). Я тутъ ровно ничего не понималъ; живя въ Бессарабіи, никакихъ извѣстій о нашихъ лицейскихъ не имѣлъ. Это меня озадачило. Въ Могилевѣ, на станціи, встрѣчаю фельдъегеря, разумѣется, тотчасъ спрашиваю его: не знаетъ ли онъ чего-нибудь о Пушкинѣ. Онъ ничего не могъ со-

обѣщить мнѣ объ немъ, а разсказалъ только, что за нѣсколько дней до его выѣзда, сгорѣлъ въ Царскомъ Селѣ лицей, остались одни стѣны, и воспитанниковъ помѣстили во флигелѣ. Все это вмѣстѣ заставило меня нетерпѣливо желать скорѣй добраться до столицы. Тамъ, послѣ служебныхъ формальностей, я пустился разузнавать объ Александрѣ. Узнаю, что въ одно прекрасное утро пригласилъ его полицеймейстеръ къ графу Милорадовичу, тогдашнему Петербургскому военному генералъ-губернатору. Когда привезли Пушкина, графъ Милорадовичъ приказываетъ полицеймейстеру ѣхать въ его квартиру и опечатать всѣ его бумаги. Пушкинъ, слыша это приказаніе, говоритъ ему: «Графъ, вы напрасно это дѣлаете. Тамъ не найдете того, что̀ ищете. Лучше велите дать мнѣ перо и бумаги, я здѣсь же все вамъ напишу». (Пушкинъ понялъ, въ чемъ дѣло). Милорадовичъ, тронутый этою свободною откровенностью, торжественно воскликнулъ: «Ah, c'est chevaleresque!» и пожалъ ему руку. Пушкинъ сѣлъ, написалъ всѣ контрабандные свои стихи и попросилъ дежурнаго адъютанта отнести ихъ графу въ кабинетъ. Послѣ этого подвига, Пушкина отпустили домой и велѣли ждать дальнѣйшаго приказанія. Вотъ все, что̀ я дозналъ въ Петербургѣ.

Ѣду потомъ въ Царское Село къ Энгельгардту, обращаюсь къ нему съ тѣмъ же тревожнымъ вопросомъ. Директоръ разсказалъ мнѣ, что государь (это было послѣ того, какъ Пушкина уже призывали къ Милорадовичу, чего Энгельгардтъ до свиданія съ царемъ и не зналъ) встрѣтилъ его въ саду и пригласилъ съ нимъ пройдтись.

«Энгельгардтъ», сказалъ ему государь, — «Пушкина надобно сослать въ Сибирь... онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизусть ихъ читаетъ. Мнѣ нравится откровенный его поступокъ съ Милорадовичемъ; но это не исправляетъ дѣла». Директоръ на это отвѣтилъ: «Воля вашего величества, но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшаго моего воспитанника; въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ теперь уже — краса современной нашей литературы, а впереди еще бо̀льшія на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодого человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше, государь, лучше вразумитъ его».

Не знаю, вслѣдствіе ли этого разговора, только Пушкинъ не

былъ сосланъ, а командированъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ состоялъ на службѣ, къ генералу Инзову, начальнику колоніи южнаго края. Проѣзжай Пушкинъ сутками позже, до поворота в Екатеринославъ, я встрѣтилъ бы его дорогой, и какъ отрадно былъ бы обнять его въ такую минуту! Видно, намъ суждено было только одинъ разъ еще повидаться, и то не прежде 1825 года.

Въ промежутокъ этихъ пяти лѣтъ генерала Инзова назначили намѣстникомъ Бессарабіи; съ нимъ Пушкинъ переѣхалъ изъ Екатеринослава въ Кишиневъ, впослѣдствіи оттуда поступилъ въ Одессу къ графу Воронцову по особымъ порученіямъ. Я между тѣмъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, сбросилъ конно-артиллерійскій мундиръ и преобразился въ судьи уголовнаго департамента московскаго надворнаго суда. Переходъ рѣзкій, имѣвшій впрочемъ тогда свое значеніе.

Князь Юсуповъ (во главѣ тѣхъ, про которыхъ Грибоѣдовъ въ «Горе отъ ума» сказалъ: «Что̀ за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!»), видя на балѣ у Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына незнакомое ему лицо, танцующее съ его дочерью (онъ зналъ, хоть по фамиліи, всю московскую публику), спрашиваетъ Зубкова: кто этотъ молодой человѣкъ? Зубковъ называетъ меня и говоритъ, что я — надворный судья. «Какъ! Надворный судья танцуетъ съ дочерью генералъ-губернатора? Эта вещь небывалая, тутъ кроется что-нибудь необыкновенное». Юсуповъ — не пророкъ, а угадчикъ, и точно, на другой годъ ни я, ни многіе другіе уже не танцовали въ Москвѣ.

Въ 1824 году въ Москвѣ тотчасъ узналось, что Пушкинъ изъ Одессы сосланъ на жительство въ псковскую деревню отца своего, подъ надзоръ мѣстной власти; надзоръ этотъ былъ порученъ Пещурову, тогдашнему предводителю дворянства Опочецкаго уѣзда. Всѣ мы, огорченные несомнѣннымъ этимъ извѣстіемъ, терялись въ предположеніяхъ. Не зная ничего положительнаго, приписывали эту ссылку бывшимъ тогда неудовольствіямъ между нимъ и гра-

фомъ Воронцовымъ. Были разнообразные слухи и толки, замѣшивали даже въ это дѣло и графиню. Все это нисколько не утѣшало насъ. Потомъ вскорѣ стали говорить, что Пушкинъ въ добавокъ отданъ подъ наблюденіе архимандрита Святогорскаго монастыря, въ четырехъ верстахъ отъ Михайловскаго. Это дополнительное свѣдѣніе дѣлало намъ задачу еще сложнѣе, нисколько не разрѣшая ея.

Съ той минуты, какъ я узналъ, что Пушкинъ въ изгнаніи, во мнѣ зародилась мысль непремѣнно навѣстить его. Собираясь на Рождество въ Петербургъ для свиданія съ родными, я предположилъ съѣздить и въ Псковъ къ сестрѣ Набоковой; мужъ ея командовалъ тогда дивизіей, которая тамъ стояла, а оттуда уже рукой подать въ Михайловское. Вслѣдствіе этой программы я подалъ въ отпускъ на 28 дней въ Петербургскую и Псковскую губерніи.

Передъ отъѣздомъ, на вечерѣ у того же князя Голицына, встрѣтился я съ А. И. Тургеневымъ, который не задолго до того пріѣхалъ въ Москву. Я подсѣлъ къ нему и спрашиваю: не имѣетъ ли онъ какихъ-нибудь порученій къ Пушкину, потому что я въ генварѣ буду у него. «Какъ! Вы хотите къ нему ѣхать? Развѣ не знаете, что онъ подъ двойнымъ надзоромъ — и политическимъ, и духовнымъ?» «Все это знаю; но знаю также, что нельзя не навѣстить друга послѣ пятилѣтней разлуки въ теперешнемъ его положеніи, особенно когда буду отъ него съ небольшимъ въ ста верстахъ. Если не пустятъ къ нему, уѣду назадъ». «Не совѣтовалъ бы, впрочемъ дѣлайте, какъ знаете», прибавилъ Тургеневъ. Опасенія добраго Александра Ивановича меня удивили, и оказалось, что они были совершенно напрасны. Почти тѣ же предостереженія выслушалъ я отъ В. Л. Пушкина, къ которому заѣзжалъ проститься и сказать, что увижу его племянника. Со слезами на глазахъ, дядя просилъ расцѣловать его.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

Проведя праздникъ у отца въ Петербургѣ, послѣ Крещенія я поѣхалъ въ Псковъ. Погостилъ у сестры нѣсколько дней и отъ нея вечеромъ пустился изъ Пскова; въ Островѣ, проѣздомъ ночью, взялъ три бутылки клико и къ утру слѣдующаго дня уже приближался къ желаемой цѣли. Свернули мы наконецъ съ дороги въ

сторону, мчались среди лѣса по гористому проселку: все мнѣ ка
лось не довольно скоро. Спускаясь съ горы, недалеко уже о
усадьбы, которой за частыми соснами нельзя было видѣть, са
наши въ ухабѣ такъ наклонились на бокъ, что ямщикъ слетѣлъ
съ Алексѣемъ, неизмѣннымъ моимъ спутникомъ отъ лицейска
порога до воротъ крѣпости, кой-какъ удержался въ саняхъ. Схвати
возжи. Кони несутъ среди сугробовъ, опасности нѣтъ: въ сторо
не бросятся, все лѣсъ, и снѣгъ имъ по брюхо, править не нуж
Скачемъ опять въ гору извилистою тропой; вдругъ крутой по
ротъ, и какъ будто неожиданно вломились смаху въ притворе
ные ворота, при громѣ колокольчика. Не было силы останови
лошадей у крыльца, протащили мимо и засѣли въ снѣгу не разчище
наго двора.

Я оглядываюсь: вижу на крыльцѣ Пушкина, босикомъ,
одной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками. Не нужно говорить, ч
тогда во мнѣ происходило. Выскакиваю изъ саней, беру его
охапку и тащу въ комнату. На дворѣ страшный холодъ, но въ ины
минуты человѣкъ не простужается. Смотримъ другъ на друга, ц
луемся, молчимъ. Онъ забылъ, что надобно прикрыть наготу, я
думалъ объ заиндевѣвшей шубѣ и шапкѣ. Было около восьми часов
утра. Не знаю, что̀ дѣлалось. Прибѣжавшая старуха застала нас
въ объятіяхъ другъ друга въ томъ самомъ видѣ, какъ мы попал
въ домъ: одинъ — почти голый, другой — весь забросанный снѣгомъ
Наконецъ пробила слеза (она и теперь, черезъ тридцать-три год
мѣшаетъ писать въ очкахъ), мы очнулись. Совѣстно стало перед
этою женщиной, впрочемъ она все поняла. Не знаю, за кого приня
меня, только ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас
догадался, что это добрая его няня, столько разъ имъ воспѣтая,
чуть не задушилъ ея въ объятіяхъ.

Все это происходило на маленькомъ пространствѣ. Комнат
Александра была возлѣ крыльца, съ окномъ на дворъ, черезъ ко
торое онъ увидѣлъ меня, услышавъ колокольчикъ. Въ этой небол
шой комнатѣ помѣщалась кровать его съ пологомъ, письменны
столъ, диванъ, шкафъ съ книгами, и проч, и проч. Во всемъ поэти
ческій безпорядокъ, вездѣ разбросаны исписанные листы бумаги
всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьевъ (он
всегда съ самаго лицея писалъ оглодками, которые едва можно был
держать въ пальцахъ). Входъ къ нему прямо изъ корридора; про

тѣ кативъ его двери — дверь въ комнату няни, гдѣ стояло множество
же отяльцевъ.

ъ, са Послѣ первыхъ нашихъ обниманій пришелъ и Алексѣй, кото-
тѣлъ рый въ свою очередь кинулся цѣловать Пушкина: онъ не только
ейскаблизко зналъ и любилъ поэта, но и читалъ напзусть многіе изъ его
хватистиховъ. Я между тѣмъ приглядывался, гдѣ бы умыться и хоть
сторесколько-нибудь оправиться. Дверь во внутреннія комнаты была
нужзаперта, домъ не топленъ. Кой-какъ все это тутъ же уладили,
й повсопошась среди отрывистыхъ вопросовъ: что? какъ? гдѣ? и пр.
творевопросы большею частью не ожидали отвѣтовъ. Наконецъ по-
новиаленьку прибрались; подали намъ кофе; мы усѣлись съ труб-
нищеками. Бесѣда пошла правильнѣе; многое надо было хронологически
разсказать, о многомъ распросить другъ друга. Теперь не берусь
ъ, всего этого передать.

ть, ч Вообще Пушкинъ показался мнѣ нѣсколько серьёзнѣе прежняго, сохраняя однакожь ту же веселость; можетъ быть, самое поло-
ь пикеніе его произвело на меня это впечатлѣніе. Онъ, какъ дитя, былъ
га, цадъ нашему свиданію, нѣсколько разъ повторялъ, что ему еще не
у, я вѣрится, что мы вмѣстѣ. Прежняя его живость во всемъ проявля-
насовась, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ воспоминаніи: имъ не было
а пасонца въ неумолкаемой нашей болтовнѣ. Наружно онъ мало пере-
попалѣнился, оросъ только бакенбардами; я нашелъ, что онъ тогда
бгомбылъ очень похожъ на тотъ портретъ, который потомъ видѣлъ въ
годЗверныхъ *Цвѣтахъ* и теперь при изданіи его сочиненій П. В. Ан-
ередненковымъ.

шия Пушкинъ самъ не зналъ настоящимъ образомъ причины своего удаленія въ деревню; онъ приписывалъ удаленіе изъ Одессы
тчасьго
тая, зознямъ графа Воронцова *изъ ревности*; думалъ даже, что тутъ
могли дѣйствовать нѣкоторыя смѣлыя его бумаги по службѣ, эпи-
мнатраммы на управленіе и неосторожные частые его разговоры о
ъ кселигіи. Мнѣ показалось, что онъ вообще неохотно объ этомъ
больговорилъ; я это заключилъ по лаконическимъ отрывистымъ его
нныотвѣтамъ на нѣкоторые мои спросы, и потому я его просилъ оста-
оэтвить эту статью, тѣмъ болѣе, что всѣ наши толкованія ни къ чему
магне вели, а только отклоняли насъ отъ другой, близкой намъ бесѣды.
(онъамѣтно было, что ему какъ будто нѣсколько наскучила прежняя
былумная жизнь, въ которой онъ частенько терялся. Среди разговора
про-х abrupto онъ спросилъ меня: что объ немъ говорятъ въ Петер-

бургѣ и Москвѣ? При этомъ вопросѣ разсказалъ мнѣ, буд
императоръ Александръ ужасно перепугался, найдя его фамил
запискѣ коменданта о пріѣзжихъ въ столицу, и тогда только
кончился, когда убѣдился, что не онъ пріѣхалъ, а братъ его Лев
На это я ему отвѣтилъ, что онъ совершенно напрасно мечта
политическомъ своемъ значеніи, что врядъ ли кто-нибудь на
смотритъ съ этой точки зрѣнія, что вообще читающая наша пу
благодаритъ его за всякій литературный подарокъ, что стих
пріобрѣли народность во всей Россіи, и наконецъ, что близ
друзья помнятъ и любятъ его, желая искренно, чтобъ скорѣй
чилось его изгнаніе. Онъ терпѣливо выслушалъ меня и ска
что нѣсколько примирился въ эти четыре мѣсяца съ новымъ св
бытомъ, въ началѣ очень для него тягостнымъ; что тутъ, хот
вольно, но все-таки отдыхаетъ отъ прежняго шума и волненія
музой живетъ въ ладу и трудится охотно и усердно. Скор
только, что съ нимъ нѣтъ сестры его, но что, съ другой сто
никакъ не согласится, чтобъ она по привязанности къ нему
скучала цѣлую зиму въ деревнѣ. Хвалилъ своихъ сосѣдей въ
горскомъ, хотѣлъ даже везти меня къ нимъ, но я отговорился т
что пріѣхалъ на такое короткое время, что не успѣю и на
самого наглядеться. Среди всего этого много было шутокъ, ан
товъ, хохоту отъ полноты сердечной. Уцѣлѣли бы всѣ эти до
подробности, если бы тогда при насъ былъ стенографъ.

Пушкинъ заставилъ меня разсказать ему о всѣхъ на
первокурсныхъ лицея; потребовалъ объясненія, какимъ обра
изъ артиллериста я преобразился въ судьи. Это было ем
сердцу, онъ гордился мною и за меня! Вотъ его строфы
«Годовщины 19-го октября» 1825 года, гдѣ онъ вспоминаетъ,
одинъ, наше свиданіе и мое судейство:

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада.
. . . . . .
. . . . . Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его лицея превратилъ.
. . . . . .

Ты освятилъ тобой избранный санъ;
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ.

Незамѣтно коснулись опять подозрѣній на счетъ общества. Когда я ему сказалъ, что не я одинъ поступилъ въ это новое служеніе отечеству, онъ вскочилъ со стула и вскрикнулъ: «Вѣрно, все это въ связи съ маіоромъ Раевскимъ, котораго пятый годъ держатъ въ Тираспольской крѣпости и ничего не могутъ выпытать». Потомъ успокоившись, онъ продолжалъ: «Впрочемъ я не заставляю тебя, любезный Пущинъ, говорить. Можетъ быть, ты и правъ, что мнѣ не довѣряешь. Вѣрно, я этого довѣрія не стою, — по многимъ моимъ глупостямъ». Молча, я крѣпко расцѣловалъ его; мы обнялись и пошли ходить: обоимъ нужно было вздохнуть. Вошли въ нянину комнату, гдѣ собрались уже пивец. Я тотчасъ замѣтилъ между ними одну фигурку, рѣзко отличавшуюся отъ другихъ, не сообщая однако Пушкину моихъ заключеній. Я невольно смотрѣлъ на него съ какимъ-то новымъ чувствомъ, порожденнымъ исключительнымъ его положеніемъ: оно высоко ставило его въ моихъ глазахъ, и я боялся оскорбить его какимъ-нибудь неумѣстнымъ замѣчаніемъ. Впрочемъ онъ тотчасъ прозрѣлъ шаловливую мою мысль, улыбнулся значительно. Мнѣ ничего больше не нужно было; я, въ свою очередь, моргнулъ ему, и все было понятно безъ всякихъ словъ. Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала съ чулкомъ въ рукахъ. Мы полюбовались работами, побалагурили и возвратились во свояси. Настало время обѣда. Алексѣй хлопнулъ пробкой, начались тосты за Русь, за лицей, за отсутствующихъ друзей и за *нее*. Незамѣтно полетѣла въ потолокъ и другая пробка; поподчивали искрометнымъ няню, а всѣхъ другихъ хозяйскою наливкой. Все домашнее населеніе нѣсколько развеселилось; кругомъ насъ стало пошумнѣе, праздновали наше свиданіе.

Я привезъ Пушкину въ подарокъ «Горе отъ ума»; онъ былъ очень доволенъ этою тогда рукописною комедіей, до того ему вовсе почти незнакомою. Послѣ обѣда, за чашкой кофею, онъ началъ читать ее вслухъ; но опять жаль, что не припомню теперь мѣткихъ его замѣчаній, которыя впрочемъ потомъ частію явились въ печати.

Среди этого чтенія кто-то подъѣхалъ къ крыльцу. Пушкинъ выглянулъ въ окно, какъ будто смутился и торопливо раскрылъ лежавшую на столѣ Четью-Минею. Замѣтивъ его смущеніе и не под-

разумѣвая причины, я спросилъ его: что̀ это значитъ? Не усп
онъ отвѣчать, какъ вошелъ въ комнату низенькій, рыжеватый
нахъ и рекомендовался мнѣ настоятелемъ сосѣдняго монастыря.
подошелъ подъ благословеніе, Пушкинъ — тоже, прося его сѣ
Монахъ началъ извиненіемъ въ томъ, что, можетъ быть, помѣш
намъ, потомъ сказалъ, что узнавши мою фамилію, ожидалъ на
знакомаго ему П. С. Пущина, уроженца великолуцкаго, котор
очень давно не видалъ. Ясно было, что настоятелю донесли о мо
пріѣздѣ, и что монахъ хитритъ. Хотя посѣщеніе его было вовсе
кстати, но я все-таки хотѣлъ faire bonne mine à mauvais jeu и с
рался увѣрить его въ противномъ; объяснилъ ему, что я — Пущ
такой-то, лицейскій товарищъ хозяина, а что генералъ Пущинъ,
знакомый, командуетъ бригадой въ Кишиневѣ, гдѣ я въ 1820 го
съ нимъ встрѣчался. Разговоръ завязался о томъ, о семъ. Меж
тѣмъ подали чай. Пушкинъ спросилъ рому, до котораго, видно,
нахъ былъ охотникъ. Онъ выпилъ два стакана чаю, не забывая
ромѣ, и послѣ этого началъ прощаться, извиняясь снова, что п
рвалъ нашу товарищескую бесѣду.

Я радъ былъ, что мы остались одни, но мнѣ неловко бы
за Пушкина: онъ, какъ школьникъ, присмирѣлъ при появленіи
стоятеля. Я ему высказалъ мою досаду, что накликалъ это посѣ
щеніе. «Перестань, любезный другъ! Вѣдь онъ и безъ того б
ваетъ у меня, я порученъ его наблюденію. Что̀ говорить объ этом
вздорѣ!»

Тутъ Пушкинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ чита
комедію; я съ необыкновеннымъ удовольствіемъ слушалъ его выр
зительное и исполненное жизни чтеніе, довольный тѣмъ, что мн
удалось доставить ему такое высокое наслажденіе. Потомъ онъ мн
прочелъ кой-что свое, большею частью въ отрывкахъ, которы
впослѣдствіи вошли въ составъ замѣчательныхъ его піесъ; про
диктовалъ начало изъ поэмы «Цыганы» для *Полярной Звѣзды*
просилъ, обнявши крѣпко Рылѣева, благодарить за его патріот
ческія «Думы».

Время не стояло. Къ несчастію, вдругъ запахло угаромъ.
меня собачье чутье, и голова моя не выноситъ угара. Тотчасъ ж
я отправился узнавать, откуда эта бѣда, нежданная въ такую пор
дня. Вышло, что няня, воображая, что я останусь погостить, велѣл
въ другихъ комнатахъ затопить печи, которыя съ самаго начал

Псковѣ самый подлинникъ Пушкина, который теперь хранится у меня въ числѣ завѣтныхъ моихъ сокровищъ.

Въ своеобразной нашей тюрьмѣ я слѣдилъ съ любовью за постепеннымъ литературнымъ развитіемъ Пушкина; мы наслаждались всѣми его произведеніями, являвшимися въ свѣтъ, получая почти всѣ повременные журналы. Въ письмахъ родныхъ и Энгельгардта, умѣвшаго найти меня и за Байкаломъ, я не разъ имѣлъ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Бывшій нашъ директоръ прислалъ мнѣ его стихи: «19-го октября 1827 года»:

Богъ помощь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, царской службы
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!

Богъ помощь вамъ, друзья мои,
И въ счастьѣ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ странѣ чужой, въ пустынномъ морѣ
И въ темныхъ пропастяхъ земли!

И въ эту годовщину въ кругу товарищей-друзей Пушкинъ вспомнилъ меня и Вильгельма, заживо погребенныхъ, которыхъ они не досчитывали на лицейской сходкѣ.

Впослѣдствіи узналъ я объ его женитьбѣ и камеръ-юнкерствѣ; и то, и другое какъ-то худо укладывалось во мнѣ: я не умѣлъ представить себѣ Пушкина семьяниномъ и царедворцемъ; жена-красавица и придворная служба пугали меня за него. Все это вмѣстѣ, по моимъ понятіямъ о немъ, не обѣщало упрочить его счастіе.

Воспоминанія Пущина о Пушкинѣ отличаются не только простотой и задушевностью, какъ было сказано выше, но также обстоятельностью и точностью. Пущинъ въ своемъ разсказѣ далъ относительно раннихъ лѣтъ Пушкина именно такія свѣдѣнія, какихъ мы тщетно стали бы искать въ записяхъ другихъ знакомцевъ поэта, встрѣчавшихся съ нимъ въ болѣе позднюю пору его жизни. Не задаваясь сложною задачей очертить и объяснить характеръ Пушкина и ходъ его развитія, вообще не мудрствуя много, Пущинъ по просту, но обстоятельно описываетъ обыденное теченіе жизни

своего друга въ лицеѣ, чему былъ постояннымъ свидѣтелемъ въ теченіе шести лѣтъ, — затѣмъ, въ болѣе сжатой формѣ, изображаетъ пребываніе Пушкина въ петербургскомъ свѣтскомъ и литературномъ обществѣ до половины 1820 года, подробно разсказываетъ о своемъ мимолетномъ свиданіи съ нимъ въ селѣ Михайловскомъ 11-го января 1825 года, и наконецъ, въ немногихъ словахъ передаетъ и оцѣниваетъ тѣ извѣстія, какія получалъ о Пушкинѣ впослѣдствіи, въ бытность свою въ Сибири. Свѣдѣнія, сообщаемыя Пущинымъ о старомъ лицейскомъ бытѣ, важны не только для біографіи поэта, но и для первоначальной исторіи лицея; точность ихъ легко можетъ быть подтверждена сличеніемъ съ извѣстною книгой Селезнева [1]), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ разсказы Пущина составляютъ существенное и необходимое дополненіе къ этому труду. Что касается повѣствованія Пущина о посѣщеніи имъ Михайловскаго, оно должно быть признано драгоцѣннѣйшимъ свидѣтельствомъ о деревенской жизни поэта, свидѣтельствомъ, равнаго которому нѣтъ во всей массѣ біографическихъ свѣдѣній о Пушкинѣ, — такой жизненности и задушевной теплоты исполненъ этотъ разсказъ. Кстати замѣтить, что Раевскій, котораго имя упоминается въ этомъ разсказѣ, не принадлежалъ къ семейству генерала Н. Н. Раевскаго, а былъ тотъ маіоръ Василій Ѳедосѣевичъ Раевскій, который въ 1823 году былъ арестованъ и заключенъ въ Тираспольской крѣпости, а позже сосланъ въ Сибирь за то, что будто бы велъ вредную пропаганду въ ланкастерской полковой школѣ, которою завѣдовалъ въ Кишиневѣ [2]). Дополненіемъ къ разсказу Пущина объ его свиданіи съ Пушкинымъ въ Михайловскомъ могутъ служить три письма перваго къ поэту, напечатанныя В. Е. Якушкинымъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* 1897 года, № 37; въ нихъ онъ увѣдомлялъ своего друга объ исполненіи въ Москвѣ данныхъ ему порученій.

Очень любопытны замѣтки Пущина и о литературныхъ занятіяхъ Пушкина въ лицеѣ. Самого автора записокъ Кошанскому не

---

1) Историческій очеркъ Императорскаго бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго лицея за первое пятидесятилѣтіе съ 1811 по 1861 годъ. С.-Пб. 1861.

2) Свѣдѣнія о В. Ѳ. Раевскомъ см. въ *Русскомъ Архивѣ* 1866 г. (статья *И. П. Липранди*), въ книгѣ *П. В. Анненкова:* Пушкинъ въ Александровскую эпоху. С.-Пб. 1874, въ *Вѣстникѣ Европы* 1874 г., іюнь (замѣтка г. *Л.*) и въ *Русской Старинѣ* 1873 г., т. VII, и 1890 г., т. LXVI.

удалось приспособить къ стихотворнымъ упражненіямъ, но онъ не остался чуждъ литературнымъ стремленіямъ, которыя пробуждало преподаваніе этого профессора. Въ то время большимъ авторитетомъ пользовался «Cours de littérature» Ла-Гарпа: Пушкинъ (въ стихотвореніи 1814 года «Городокъ») сознавался, что онъ «тратитъ время» надъ этимъ произведеніемъ «грознаго аристарха»; Пущинъ даже переводилъ изъ него отрывки и одинъ изъ нихъ — «Объ эпиграммѣ» — напечаталъ въ *Вѣстникѣ Европы* 1814 года (т. LXXVII, № 18), два мѣсяца спустя послѣ появленія въ томъ же журналѣ (т. LXXVI, № 13) первой піесы за подписью *Александръ Н.кий* — «Къ другу-стихотворцу». Одна изъ стихотворныхъ надписей, включенныхъ въ статью Пущина, также принадлежала автору названнаго посланія, который на сей разъ подписался буквою *П.*; теперь эта заимствованная изъ греческой Антологіи надпись печатается въ сочиненіяхъ Пушкина подъ заглавіемъ: «Вечеръ отъ Лапсы при посвященіи ей зеркала». Такимъ образомъ два пріятеля почти одновременно выступили въ печати. Есть основаніе думать, что Пущинъ образовалъ свой литературный вкусъ преимущественно подъ вліяніемъ Пушкина; даже впослѣдствіи своими сужденіями о произведеніяхъ словесности Иванъ Ивановичъ напоминалъ мнѣнія своего геніальнаго друга; такъ напримѣръ, о сочиненіяхъ ихъ общаго лицейскаго товарища Кюхельбекера онъ говорилъ (въ письмѣ 1845 года къ Энгельгардту) слѣдующее: «У него все пахнетъ какимъ-то неестественнымъ, разстроеннымъ воображеніемъ, все неловко, какъ онъ самъ, а охота пуще неволи, — и говоритъ, что наше общество должно гордиться такимъ поэтомъ, какъ онъ. Извольте тутъ вразумлять! Сравниваетъ даже себя съ Байрономъ и Гёте; ѣздитъ верхомъ на своемъ «Ижорскомъ», который отъ начала до конца — нестерпимая глупость... Вамъ, можетъ быть, случилось видѣть букъ и кикиморъ, которыя дѣйствуютъ въ этомъ такъ-называемомъ Шекспировскомъ произведеніи»... Пушкину пришлось высказывать свое мнѣніе въ письмѣ къ самому Кюхельбекеру, и потому онъ выражался нѣсколько мягче, но въ сущности думалъ согласно съ Пущинымъ.

Изъ произведеній самого Пушкина Ивану Ивановичу особенно дороги были его лицейскія стихотворенія: они переносили его въ молодые годы, и смотря на нихъ, какъ на памятники своей совмѣстной съ поэтомъ жизни, онъ далъ въ своихъ запискахъ цѣлый

рядъ указаній, существеннымъ образомъ разъясняющихъ этотъ пе
ріодъ Пушкинскаго творчества.

Изъ литературныхъ замѣтокъ Пущина одна въ особенности
должна остановить на себѣ наше вниманіе. Надобно знать, что въ
журналѣ *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія* 1819 г., ч. VIII,
№ 10, стр. 70 и 71, было напечатано стихотвореніе: «Отвѣтъ на
вызовъ написать стихи въ честь Ея Императорскаго Величества
Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны», за подписью
А. П-нъ, означавшею Пушкина. При жизни автора оно никогда не
перепечатывалось; на него было обращено вниманіе только въ
1856 году въ «Библіографическихъ Запискахъ» М. Н. Лонгинова
(*Современникъ*, т. LVIII, стр. 262), и Анненковъ внесъ его только
въ VII-й дополнительный томъ своего изданія, вышедшій уже
въ 1857 году. Пущинъ, имѣвшій подъ руками это изданіе, когда
писалъ свои воспоминанія о Пушкинѣ, утверждаетъ, что Анненковъ
ошибся, пріурочивъ это стихотвореніе къ 1819 году, и что оно было
написано Пушкинымъ еще въ бытность въ лицеѣ, въ 1816 году.
Разъясненіе этихъ противорѣчій можетъ быть сдѣлано на основаніи рукописей поэта: названная піеса сохранилась въ двухъ его
автографахъ, изъ коихъ одинъ, черновой, находится на оборотѣ
42-го листа самой ранней Пушкинской тетради [1]), а другой, бѣловой,
вклеенъ въ альбомъ извѣстнаго историка Малороссіи Н. А. Маркевича и былъ ему подаренъ поэтомъ въ маѣ 1820 года, предъ выѣздомъ изъ Петербурга [2]). Присутствіе сильно изчерканнаго чернового наброска въ тетради, въ которой самыя раннія записи относятся къ 1817 году, опровергаетъ утвержденіе Пущина, между тѣмъ
какъ въ пользу 1819 года, означеннаго Анненковымъ, можно указать
еще слѣдующее обстоятельство; въ той же музейной рукописи, на
оборотѣ листа 72-го, читается одинъ стихъ изъ того же стихотворенія, и противъ него помѣта: «1819 8 mars»; прибавимъ къ этому,
что цензурная помѣта журнала, въ которомъ стихотвореніе было
напечатано, такова: 14-го апрѣля 1819. Такимъ образомъ, ошибоч-

1) Рукопись эта, начатая въ 1817 году, хранится въ Московскомъ Публичномъ музеѣ подъ № 2364; описаніе ея см. въ статьѣ *В. Е. Якушкина* въ *Русской Старинѣ* 1884 г., т. XLI, стр. 425—436 и 647—662.

2) Свѣдѣнія объ этомъ автографѣ см. въ *Журналѣ для всѣхъ* 1896 г., № 8, стр. 482.

ность Пущинскаго показанія не можетъ подлежать сомнѣнію; но въ то же время вполнѣ пренебречь имъ нельзя: въ черновомъ автографѣ піеса совсѣмъ лишена заглавія, а въ бѣловомъ она надписана: «Къ Н. Я. П.», и надпись эта, безъ сомнѣнія, означаетъ умную и образованную фрейлину императрицы Елисаветы Алексѣевны Наталью Яковлевну Плюскову, проживавшую въ Царскомъ Селѣ и коротко знакомую съ семействомъ Карамзиныхъ, И. И. Дмитріевымъ, А. И. Тургеневымъ и княземъ П. А. Вяземскимъ; изъ записокъ Пущина видно, что лицеисты знали ее, а въ особенности Пушкинъ, еще въ то время посѣщавшій Карамзина [1]): весьма возможно, что это царскосельское знакомство и дало поэту первый поводъ написать «Отвѣтъ на вызовъ».

Пущинъ упоминаетъ объ этомъ стихотвореніи съ очевиднымъ сочувствіемъ; нѣтъ сомнѣнія, что оно нравилось ему своимъ благороднымъ «гражданскимъ» направленіемъ—тѣмъ направленіемъ, которымъ проникнуты многія изъ тогдашнихъ піесъ Пушкина, а также написанныя около того же времени «Думы» К. Ѳ. Рылѣева; Пущинъ восхищался и сими послѣдними и экземпляръ ихъ, въ только что вышедшемъ отдѣльномъ изданіи, привезъ, по желанію автора, Пушкину въ Михайловское. Какъ высоко понималъ Иванъ Ивановичъ обязанности гражданина, всего лучше свидѣтельствуетъ его рѣшеніе покинуть блестящую военную службу для того, чтобъ опредѣлиться на мелкую судебную должность. Въ запискахъ своихъ онъ упоминаетъ о томъ, какое впечатлѣніе въ обществѣ произвело его рѣшеніе; но мы имѣемъ и постороннее свидѣтельство, изъ пятидесятыхъ годовъ, въ пользу его образа дѣйствій: «Онъ опредѣлился судьею въ уголовный департаментъ Московскаго надворнаго суда. Этотъ рѣзкій переходъ имѣлъ въ то время значеніе. Служба въ низшихъ судебныхъ мѣстахъ считалась въ глазахъ общественнаго мнѣнія унизительною; но это не только не остановило Пущина, но даже было, по видимому, главною причиной, почему онъ искалъ мѣста судьи. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ, которые не только не сочувствовали отсталому общественному мнѣнію, но и старались противодѣйствовать ему собственнымъ примѣромъ. Сначала Пущинъ хотѣлъ даже занять одно изъ низшихъ полицей-

1) Нѣсколько свѣдѣній о Плюсковой можно найти въ Сочиненіяхъ Державина, академ. изданіе, т. II, стр. 727.

сихъ мѣстъ, чтобы показать, что въ службѣ государству нѣ нам
обязанности, которую бы можно было считать унизительною. Толь жил
усиленныя просьбы родныхъ и знакомыхъ могли отклонить его от при
этого намѣренія. Въ Москвѣ многіе еще помнятъ, съ какою тве ему
достью и достоинствомъ исполнялъ Пущинъ трудныя обязанност въ
судьи»[1]). Впрочемъ, и въ свое время Пущинъ нашелъ нѣсколь пот
человѣкъ, сочувствовавшихъ его рѣшенію; къ числу ихъ принадл
жалъ тогдашній генералъ-губернаторъ Московскій князь Д.
Голицынъ, называвшій его и его товарищей по судебному вѣдомств
«magistrature renforcée»[2]). Само собою разумѣется, что Пушкин
тоже живѣйшимъ образомъ сочувствовалъ гражданскому поступк
своего друга, какъ это видно изъ стихотворенія «19-е октября
написаннаго осенью 1825 года и заключающаго въ себѣ намекъ н
него въ слѣдующихъ стихахъ:

Ты освятилъ тобой избранный санъ,
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевавъ почтеніе гражданъ.

Пушкинъ вообще не спѣшилъ печатаніемъ своихъ произведеній
многія піесы, однажды имъ написанныя, по нѣскольку лѣтъ лежал
въ его портфелѣ, ожидая своей очереди для появленія въ печати,
нерѣдко случалось, что передъ сдачею въ наборъ онѣ подвергалис
новой, коренной переработкѣ. Такъ было и съ «19-мъ октября».
Написанное въ 1825 году, это стихотвореніе увидѣло свѣтъ тольк
въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1827 годъ—правда, съ помѣтой 1825 года
но въ измѣненномъ и сокращенномъ видѣ противъ первоначальной
редакціи. Нѣтъ сомнѣнія, что передѣлки эти объясняются пре
имущественно художественнымъ разчетомъ автора, но есть большо
вѣроятіе, что на нихъ оказали вліяніе и цензурныя соображенія:
въ періодъ между послѣдними мѣсяцами Александрова царствованія
и началомъ 1827 года совершились крупныя событія, упразднявшія
возможность говорить о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, интересо-
вавшихъ Пушкина, и о нѣкоторыхъ лицахъ, ему близкихъ; въ виду
того сокращено было обращеніе поэта къ Пущину, и исключен

1) *Библіографическія Записки* 1859 г., ст. 252. Почти то же читается въ *Девятнадцатомъ вѣкѣ*, изданіи *П. И. Бартенева*, кн. I, стр. 360.
2) *Русскій Архивъ* 1879 г., кн. III, стр. 475.

намекъ на гражданскую службу послѣдняго [1]). Обстоятельства сложились такъ, что при жизни Пушкина Ивану Ивановичу вовсе не пришлось узнать въ первоначальномъ видѣ стихи, посвященные ему поэтомъ въ піесѣ «19-е октября»; онъ прочелъ ихъ только въ 1857 году въ VII-мъ томѣ изданія, Анненкова и почувствовалъ потребность внести ихъ въ свои записки.

---

1) О ходѣ этихъ передѣлокъ въ піесѣ «19-е октября» см. особую статью въ книгѣ *Я. К. Грота:* Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. С.-Пб. 1887, стр. 193—207.

БЕССАРАБСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

А. Ѳ. ВЕЛЬТМАНА И ЕГО ЗНАКОМСТВО СЪ ПУШКИНЫМЪ.

Время пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ съ исхода 1820 г. половины 1823 года признается нѣкоторыми изъ біографовъ за п ріодъ его жизни, отмѣченный крайнею распущенностью и въ час номъ его быту, и въ общественныхъ отношеніяхъ. Но какъ бы н называли тогдашній образъ его жизни — просто ли безпорядочность или намѣреннымъ подражаніемъ Байрону, мнѣніе это нельзя сч тать справедливымъ. Моменты нравственнаго упадка встрѣчаютс въ жизни Пушкина неоднократно и до кишиневскаго періода, позже его; чрезвычайная пылкость натуры поэта не разъ вовлекал его въ такіе поступки, въ которыхъ онъ принужденъ былъ горь раскаяваться даже вскорѣ по ихъ совершеніи; нѣтъ поэтому ник кого повода утверждать, что, именно живя въ Бессарабіи, он чаще всего давалъ волю своимъ кипучимъ страстямъ. Еще менѣ позволительно объяснять вліяніемъ мѣстной среды оппозиціонное тенденціозное направленіе, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ произведе ніяхъ Пушкина, написанныхъ въ Кишиневѣ; все это, напротив того, — отзвуки его петербургскаго настроенія.

По нашему мнѣнію, два съ половиною года, проведенные Пуш кинымъ въ Бессарабіи, имѣли очень важное значеніе въ его жизни — не въ отрицательномъ, а въ положительномъ смыслѣ. Извѣстно, чт именно въ это время онъ почувствовалъ потребность дополнить свое образованіе и сталъ усиленно о томъ заботиться:

> Въ уединеніи мой своенравный геній
> Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій.
> Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;

его статья представляетъ хорошій матеріалъ для исторіи жизни и творчества Пушкина въ періодъ его пребыванія въ Кишиневѣ.

Прежде однако, чѣмъ представить читателю «Воспоминанія» Вельтмана, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ вообще объ ихъ авторѣ, тѣмъ болѣе, что въ собраніи его бумагъ уцѣлѣлъ отрывокъ изъ автобіографіи, касающійся его дѣтства и учебныхъ годовъ.

Александръ Ѳомичъ Вельтманъ происходилъ изъ обрусѣлой шведской фамиліи, родомъ изъ Ревеля. Родился онъ въ Петербургѣ 8-го іюля 1800 года и былъ крещенъ въ православную вѣру. Когда ему минуло пять лѣтъ, мать стала учить его грамотѣ. Они жили тогда въ Москвѣ, гдѣ Вельтманъ и получилъ образованіе. Лѣтъ восьми онъ былъ отданъ въ школу пастора Плеско, а въ 1811 году помѣщенъ въ университетскій благородный пансіонъ, но оставался тамъ лишь до Наполеонова нашествія. Затѣмъ, съ 1814 года онъ продолжалъ ученіе уже въ частномъ пансіонѣ братьевъ Терликовыхъ, и наконецъ, въ 1816 году былъ принятъ въ извѣстное учебное заведеніе для колонновожатыхъ, основанное на средства генерала Николая Николаевича Муравьева и имъ же руководимое. Объ этомъ своеобразномъ учрежденіи Вельтманъ хранилъ самую свѣтлую память, «какъ объ отчемъ кровѣ, безъ всякой примѣси воспоминаній о той тяготѣ, которая свалилась, наконецъ, съ плечъ послѣ послѣдняго экзамена на выпускъ». Разсказы Вельтмана о Муравьевскомъ училищѣ, которое въ короткій періодъ своего существованія подготовило много дѣльныхъ офицеровъ для русской арміи, очень любопытны.

«Опредѣленное число колонновожатыхъ», говоритъ Вельтманъ,— «было шестьдесятъ... Колонновожатые пользовались въ отношеніи общества офицерскими правами; имѣли право ѣздить, быть въ театрѣ, въ собраніи, на балахъ; жили у своихъ родителей, родственниковъ, знакомыхъ или нанимали квартиры. Начальникомъ колонновожатыхъ былъ генералъ Н. Н. Муравьевъ. Въ его домѣ (нынѣ дворянскій клубъ) колонновожатые собирались въ опредѣленные дни для слушанія лекцій математики, геодезіи, исторіи, составленія и черченія плановъ и всего объема военныхъ наукъ и познаній, требуемыхъ для офицера свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части. Мы готовились въ математики, инженеры, артиллеристы, топографы и въ то же время — въ историки и правители письменныхъ дѣлъ.

«Можно утвердительно сказать, что ни одно учебное заведені не достигало такихъ необычайныхъ успѣховъ въ преподаваніи наук какъ заведеніе колонновожатыхъ Н. Н. Муравьева. Курсъ наук продолжался только одинъ годъ, и этого года было достаточно, чтоб изъ юношей, знавшихъ, по вступленіи въ колонновожатые, толы читать, писать, четыре правила ариѳметики, понимать одинъ и иностранныхъ языковъ и имѣвшихъ поверхностныя общія свѣдѣні изъ исторіи и географіи, образовались офицеры не только съ отли ными познаніями теоріи требуемыхъ наукъ, но и съ полною опы ностью примѣненія ихъ къ дѣлу.

«Преподаваніе въ сущности раздѣлялось на зимнее и лѣтне Зимнее преподаваніе — октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февра мартъ, апрѣль. Въ эти мѣсяцы колонновожатые собирались въ класс въ домѣ Николая Николаевича къ девяти часамъ утра. Класс раздѣлялись на три отдѣла по степенямъ познаній; напримѣръ, математикѣ: на первый — гдѣ преподавалась ариѳметика числов и отвлеченная (буквами — алгебра), образующая формулы, и нача геометріи; второй — вся чистая математика; третій — часть высш математики и приложеніе ея къ топографіи, геодезіи и проч. Коло новожатые, раздѣляясь по классамъ, раздѣлялись въ то же вре и въ классахъ на отдѣленія по нѣскольку человѣкъ; въ начальни каждаго отдѣленія избирался по превосходству пониманія. Его об занностью было — послѣ класса пройти или повторить урокъ со своим отдѣленіемъ или, лучше сказать, съ тѣми, которые неясно поня и требовали объясненій. Эта былъ родъ экзамена пониманію и то же время повторенiемъ, такъ что каждый, выходя изъ клас все понялъ, и оставалось дома повторить урокъ сравнительно лучшими курсами того времени, которые колонновожатые обяза были имѣть. Это давало то удобство, что преподаватель не имѣ необходимости спрашивать въ слѣдующій классъ урока, а прис палъ прямо къ продолженію. Повѣрка познаній каждаго колон вожатаго, прослушавшаго опредѣленный курсъ класса, производил по окончаніи курса для перевода въ слѣдующій — второй и трет классъ. Не выдержавшіе экзамена для перевода оставались съ на нающими; но это было рѣдко, какъ исключеніе».

На этихъ словахъ прерывается автобіографія Вельтмана: не досказалъ даже того, что хотѣлъ, касательно лѣтняго препо ванія въ Муравьевскомъ училищѣ. Чтобы дополнить набросан

Вельтманомъ картину, приведемъ разсказъ другого питомца того же училища—Н. В. Путяты [1]): «Лѣтомъ всѣ колонновожатые и офицеры учебнаго заведенія отправлялись съ Н. Н. Муравьевымъ въ имѣніе его, сего Осташево или Долгоглядье, Александровское то жь, въ 110 верстахъ отъ Москвы. Тамъ они располагались на квартирахъ въ крестьянскихъ избахъ, и село принимало видъ военнаго стана, съ заревою пушкою, перекличками, ученьями строю и проч. Начало лѣта посвящалось приготовленіямъ къ практическимъ занятіямъ, а потомъ колонновожатые разъѣзжались по отдѣленіямъ, со своими офицерами, въ мѣста, назначенныя для тригонометрической и топографической съемки Московской губерніи». Общее впечатлѣніе, которое Вельтманъ вынесъ изъ своего пребыванія въ Муравьевскомъ заведеніи, охарактеризовано имъ въ слѣдующихъ словахъ: ученіе шло здѣсь «весело, свободно, легко, пріятно, какъ какая-нибудь забава, увлекающая молодыя чувства, полныя уже стремленій къ жизни, къ дѣятельности, къ участію въ общественной пользѣ. Наука воплощалась въ опытъ, мысль и слово—въ дѣло; голова не была какъ будто въ разлукѣ съ мышцами, требующими движенія».

Въ этомъ-то заведеніи Вельтманъ кончилъ курсъ въ 1817 году, пріобрѣтя основательное образованіе, которое дало ему возможность, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, успѣшно и съ пользою нести службу офицера генеральнаго штаба, при чемъ онъ занимался топографическою съемкою въ Бессарабіи и участвовалъ въ Турецкихъ кампаніяхъ 1828 и 1829 годовъ. Но въ немъ скрывались еще способности, которыя ожидали примѣненія на другомъ поприщѣ: по выходѣ въ отставку въ 1831 году онъ посвятилъ себя литературной дѣятельности.

Еще въ ранней юности Вельтманъ началъ писать стихи, но долго, болѣе десяти лѣтъ, не рѣшался отдавать ихъ въ печать; лишь съ конца двадцатыхъ годовъ его стихотворенія являются въ журналахъ, одновременно съ изданіемъ ученаго труда по древней исторіи Бессарабіи. За то въ слѣдующіе годы до самой смерти (11-го января 1870 года), онъ, хотя и занятый службой въ Московской оружейной палатѣ, обнаруживаетъ необыкновенную производительность: поэмы, романы, повѣсти, драмы, статьи историческія и

1) См. біографію Н. Н. Муравьева въ *Современникѣ* 1852 г., т. XXXIII, отд. II, стр. 10 и 11.

археологическія выходятъ изъ-подъ его пера непрерывною чередой. По словамъ Погодина, Вельтманъ «принадлежалъ къ числу тѣхъ московскихъ типическихъ тружениковъ, которые работаютъ съ утра до вечера въ своемъ кабинетѣ, никуда и никогда почти не выходятъ изъ дому, кромѣ случайныхъ необходимостей, не знаютъ никакихъ въ свѣтѣ удовольствій и всецѣло преданы своему дѣлу» [1]).

Впрочемъ, сила Вельтмана заключалась не въ его трудолюбіи, ни даже въ его умѣ и обширныхъ познаніяхъ, а въ его живомъ воображеніи, въ несомнѣнномъ поэтическомъ талантѣ, который притомъ былъ отмѣченъ печатью самобытности и развился очень своеобразно. По собственному свидѣтельству Вельтмана, первый литературный опытъ былъ ему внушенъ «Пѣснью во станѣ русскихъ воиновъ», по впослѣдствіи онъ уже не отдавался романтически-мечтательному идеализму Жуковскаго; точно также не соблазнили его ни байроническое направленіе, когда оно нашло себѣ отзвуки въ русской поэзіи, ни соціальные мотивы, когда, послѣ Гоголя, они стали господствующею подкладкой русскаго романа и повѣсти. Міросозерцаніе Вельтмана всегда оставалось простое и ясное, постигающее добро и зло лишь въ ихъ несложной, первичной формѣ: наивное міросозерцаніе народной сказки. И можетъ быть, произошло это не случайно. «При мнѣ», воспоминаетъ Вельтманъ въ своей автобіографіи,—«былъ дядька Борисъ. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличный башмачникъ и удивительный сказочникъ. Слѣдить за рѣзвымъ мальчикомъ и въ то же время строчить и шить башмаки было бы не возможно, а потому, садясь за станокъ, онъ меня ловко привязывалъ къ себѣ длинною сказкой, нисколько не воображая, что со временемъ и изъ меня выйдетъ сказочникъ». Это было чуть ли не единственнымъ литературнымъ вліяніемъ, которое оставило на Вельтманѣ замѣтный слѣдъ. Когда онъ сталъ писателемъ, то взглянулъ на свою роль именно какъ на роль сказочника—не разумнаго хозяина своего воображенія, а покорнаго раба его. Онъ даже писалъ особыя полемическія статьи въ разъясненіе и защиту своего авторскаго пріема; на упрекъ, сдѣланный ему критикой на счетъ отсутствія внутренняго содержанія въ одномъ изъ его произведеній, онъ не обинуясь отвѣчалъ: «*Отечественныя Записки* искали главной мысли и не нашли; сознаюсь, я не развивалъ какой-нибудь односторонней стра-

1) *Русская Старина* 1871 г., т. IV, стр. 405.

стишки какого-нибудь изобрѣтеннаго романическаго лица»[1]). Дѣйствительно, въ произведеніяхъ своихъ Вельтманъ отдавался весь одному воображенію и не хотѣлъ знать никакихъ границъ для его порывовъ; то сочинялъ онъ путешествіе по географическимъ картамъ («Странникъ»), въ которомъ, впрочемъ, было мало географическаго и очень много полушутливой, полугрустной болтовни, а порой и глубокихъ замѣчаній de omni re scibili; то писалъ фантастическія повѣствованія изъ древнѣйшаго, баснословнаго періода русской жизни («Кощей Безсмертный», «Святославичъ, вражій питомецъ»); то разсказывалъ судьбу молдавскаго «капитана де-почтъ», который де состоялъ въ родствѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ съ Александромъ Македонскимъ и Наполеономъ Бонапарте («Предки Калимероса»); то наконецъ, въ рядѣ романовъ съ самою запутанною интригой («Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго») изображалъ крайне неестественныя, невѣроятныя происшествія, какъ вполнѣ возможныя въ современной русской дѣйствительности. Вслѣдствіе этой, такъ сказать, распущенности воображенія—распущенности, конечно, только матеріальной, а никакъ не нравственной, произведенія Вельтмана, особенно его большіе романы, оказывались лишенными всякой цѣлостности; ошеломляющая пестрота и сложность ихъ содержанія, полное отсутствіе въ немъ единства производили на читателя такое впечатлѣніе, какъ будто передъ нимъ не законченныя вещи, а какіе-то черновые наброски, еще не освобожденные отъ излишествъ всякаго рода и отступленій въ разныя стороны. Въ этихъ сказкахъ не было видно никакой отдѣлки, никакой строгости автора къ своему труду; чувствовалось присутствіе поэтическаго вымысла, но не замѣчалось руки взыскательнаго художника. За то поэтическое дарованіе Вельтмана обнаруживалось въ его романахъ и повѣстяхъ большимъ умѣньемъ очерчивать отдѣльные характеры мѣтко и выпукло; разсказъ его живъ и нагляденъ, порою даже увлекателенъ. Въ «Кощеѣ» и «Святославичѣ» онъ не только проявилъ обширное знакомство съ преданіями славяно-русской древности, но и угадалъ ихъ поэтическую сторону. «Онъ понялъ древнюю Русь своимъ поэтическимъ духомъ и, не давая намъ видѣть ее такъ, какъ она была, даетъ намъ чуять ее въ какомъ-то призракѣ не уловимомъ, но ха-

1) *Москвитянинъ* 1841 г., т. V, стр. 470; статья: «Нѣсколько словъ объ отзывахъ о «Ратиборѣ Холмоградскомъ».

рактеристичномъ, неясномъ, но понятномъ». Этими словами, сказанными въ 1837 году, Бѣлинскій [1]) удачно выразилъ впечатлѣніе, оставляемое названными произведеніями, въ наше время слишкомъ позабытыми. Въ романахъ и повѣстяхъ Вельтмана изъ современной жизни поражаетъ его огромная наблюдательность, разнообразная и твердая; онъ знаетъ народный бытъ не изъ книгъ, а изъ живого опыта, какъ бывалый человѣкъ, много видѣвшій на своемъ вѣку; онъ прекрасно уловляетъ различные типы, выработанные народною жизнью, понимаетъ народныя симпатіи и антипатіи, отлично усвоиваетъ себѣ физіономію разныхъ племенъ, разсѣянныхъ по лицу Русской земли. Все это — признаки не только ума, но и крупнаго таланта, къ сожалѣнію, не умѣвшаго или не желавшаго соблюсти себя.

Не подлежитъ сомнѣнію, что способность пристальнаго наблюденія, возбужденная въ Вельтманѣ еще тѣми работами, которыя онъ производилъ въ Муравьевскомъ училищѣ, развилась затѣмъ во время его многолѣтнихъ странствованій по южной Россіи. Переѣзды по Бессарабіи имѣли для него еще большее значеніе, чѣмъ для Пушкина пребываніе въ Кишиневѣ: производя тамъ топографическія съемки, Вельтманъ близко изучилъ этотъ край и присмотрѣлся къ его населенію. Впослѣдствіи онъ не разъ избиралъ Бессарабію мѣстомъ дѣйствія своихъ повѣстей и предметомъ своихъ историческихъ изысканій. Понятно поэтому, что когда онъ вздумалъ разсказать обстоятельства своего знакомства съ Пушкинымъ, то пожелалъ соединить свое повѣствованіе съ картиною самой Бессарабіи и съ очеркомъ тамошнихъ нравовъ.

Остается сказать о томъ, на сколько точны воспоминанія Вельтмана касательно Пушкина. Сознаемся, что сомнѣніе на этотъ счетъ можетъ, пожалуй, возникнуть послѣ сказаннаго выше о способности автора «Воспоминаній» увлекаться порывами своего воображенія. Читатель, знакомый съ некрологомъ Вельтмана, вышедшимъ изъ-подъ пера Погодина, кстати припомнитъ, пожалуй, слѣдующій отзывъ послѣдняго: «Съ живымъ, пылкимъ, часто необузданнымъ воображеніемъ, которое не знало никакихъ преградъ и съ равною легкостію уносилось въ облака, даже и за облака, или опускалось въ глубь земли, переплывало моря и прыгало черезъ горы, Вельтманъ страстно

1) Сочиненія, т. II, стр. 222; ср. т. IV, стр. 440.

былъ преданъ историческимъ розысканіямъ въ самомъ темномъ періодѣ исторіи. Тамъ романическое воображеніе его гуляло на просторѣ; онъ былъ, какъ говорится, въ своей тарелкѣ и, колонновожатый въ молодости, указывавшій полкамъ ихъ позиціи передъ сраженіемъ и квартиры послѣ сраженій, онъ остался тѣмъ же колонновожатымъ и въ старости»[1]). Но вопервыхъ, слѣдуетъ дѣлать строгое различіе между Вельтманомъ-романистомъ и Вельтманомъ, повѣствующимъ о событіяхъ, не только не вымышленныхъ, но имъ лично видѣнныхъ. Дѣйствительно, въ своихъ историческихъ догадкахъ онъ нерѣдко бывалъ такимъ же смѣлымъ фантазёромъ, какъ въ своихъ романахъ; но даже тогда, когда онъ велъ изслѣдованіе къ выводу совершенно ошибочному, онъ изучалъ первоисточники, перетолковывалъ, можетъ быть, ихъ показанія, но не искажалъ ихъ свидѣтельствъ и, слѣдовательно, работалъ добросовѣстно — по своему крайнему разумѣнію. Вовторыхъ, точность всего, что̀ разсказывается въ «Воспоминаніяхъ» Вельтмана, подтверждается свидѣтельствами другихъ надежныхъ современниковъ-очевидцевъ, въ особенности столь обстоятельнаго въ своихъ показаніяхъ И. П. Липранди; за Вельтманомъ же остается преимущество въ живости разсказа, въ достоинствахъ литературнаго изложенія, что̀ зависѣло уже отъ свойства его дарованія. Наконецъ, для полной оцѣнки воспоминаній Вельтмана о пребываніи Пушкина въ Кишиневѣ необходимо принять во вниманіе слѣдующія слова того же Липранди: Вельтманъ «не принималъ живого участія ни въ игрѣ въ карты, ни въ кутежѣ и не былъ страстнымъ охотникомъ до танцовальныхъ вечеровъ; но онъ — одинъ изъ немногихъ, который могъ доставлять пищу уму и любознательности Пушкина, а потому бесѣды съ нимъ были иного рода. Онъ безусловно не ахалъ каждому произнесенному стиху Пушкина, могъ и дѣлалъ свои замѣчанія, входилъ съ нимъ въ разборъ, и это не не нравилось Александру Сергѣевичу, не смотря на неограниченное его самолюбіе»[2]). Понятно, что самъ Вельтманъ, по своей скромности, не могъ говорить о своихъ отношеніяхъ къ Пушкину съ такой точки зрѣнія; но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что Вельтманъ принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ кишиневскаго общества, которыя поль-

1) *Русская Старина* 1874 г., т. IV, стр. 405.
2) *Русскій Архивъ* 1866 г., ст. 1251.

зовались наибольшимъ уваженіемъ со стороны поэта и которыя, въ свою очередь, могли хорошо понимать и цѣнить его.

Печатаемъ «Воспоминанія о Бессарабіи» почти безъ всякихъ сокращеній. Мы принуждены были исключить лишь нѣсколько отдѣльныхъ выраженій, неясныхъ въ рукописи и потому непонятныхъ, да кромѣ того, мы выпустили разсужденіе о сходствѣ «Превращеній» Овидія со скандинавскою «Эддой», занимающее около двухъ страницъ: это — одна изъ тѣхъ ученыхъ догадокъ, которымъ любилъ предаваться Вельтманъ; на ту же мысль онъ намекаетъ въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ сочиненіяхъ, но къ занимающему насъ предмету она не имѣетъ никакого отношенія.

Воспоминанія о Бессарабіи.

Сія пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державинымъ воспѣта
И славой русскою полна.
Еще донынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ...

(*Пушкинъ*, «Баратынскому изъ Бессарабіи»).

I.

Когда пріостановишься на пути и оглянешься назадъ, сколько тамъ было свѣта и жизни въ погасающемъ, сумрачномъ отдаленіи, сколько потеряно тамъ надеждъ, сколько погребено чувствъ! *Теперь* и *тогда*, *здѣсь* и *тамъ*... Сколько времени и пространства между этими словами! И все это населено уже безплотными образами, безмолвными призраками!

Когда пронеслась печальная вѣсть о смерти Пушкина, вся прошедшая жизнь его воскресла въ памяти знавшихъ его, и первая грусть была о Пушкинѣ-человѣкѣ. Все перенеслось мыслію въ прошедшее, въ которомъ видѣло и знало его, чтобъ потомъ спросить себя: гдѣ же онъ? Я узналъ его въ Бессарабіи, и очеркъ этой страны будетъ рамой, въ которую я вставлю воспоминаніе о Пушкинѣ.

Въ 1818 году я отправился изъ Тульчина, главной квартиры второй арміи, въ Бессарабію. Меня провожали въ дорогу слухи о нестерпимыхъ жарахъ, о степяхъ, населенныхъ змѣями, скорпіонами и тарантулами, о чумѣ, о вѣчныхъ лихорадкахъ... Но я былъ тогда еще въ первой порѣ юношества, съ головой, которая не задумывалась, съ чувствами не напуганными, и все страшное возбуждало только мое любопытство.

Проѣздъ по Подольской губерніи въ мартѣ мѣсяцѣ былъ еще сносенъ. Въ ней нѣтъ ничего пустыннаго, хотя я и не имѣлъ еще понятія о красотѣ ея во время лѣта и ея протяжныхъ долинахъ, усѣянныхъ селами посреди садовъ, огражденныхъ тополями. Но проѣзжая по Херсонской губерніи отъ Балты до Дубоссаръ, я уже считалъ это пространство преддверіемъ «Гетскихъ пустынь». По дорогѣ нѣтъ ни одного селенія; станціи уединенно стоятъ въ полѣ, и это — только хата безъ ограды, даже безъ сарая и конюшни, ибо почтовыя лошади пасутся постоянно въ табунѣ близъ станціи. Наконецъ, я пріѣхалъ въ Дубоссары — грустный городокъ, въ которомъ не съ большимъ одна церковь и не съ большимъ одна харчевня, утоляющая голодъ проѣзжихъ чѣмъ Богъ послалъ. Но передо мною уже была туманная полоса, за которою зеленѣлись берега Бессара, біи. Я уже смотрѣлъ на гряды возвышеній и на далекую долину по которой извивался Днѣстръ къ морю.

Проѣхавъ карантинъ и таможню, я переправился чрезъ древній Тирасъ (Днѣстръ), задумался и очутился подлѣ корчемки молдаванской одинъ, какъ сирота. Почтарь дубоссарскій, сложивъ мои вещи съ брички на землю, поскакалъ назадъ, какъ отъ брошеннаго на жертву чумѣ, змѣямъ, знойному солнцу и будущности. Покуда съ Кріулянской почты пріѣхала за мною почтовая *каруца* (тележка), я проспдѣлъ на заваленкѣ хаты и просмотрѣлъ на физіономію молдавана, который мнѣ повторялъ время отъ времени: «Акушъ, акушъ!» (сейчасъ, сейчасъ). Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ я услыхалъ свистъ, дребезгъ и хлопанье бича; пріѣхала каруца не больше дѣтской колыбельки; я усѣлся въ нее; *суруджи* (ямщикъ) верхомъ на одной изъ запряженныхъ веревочными шлейками въ дышло клячъ, закрутивъ долгохвостый бичъ, хлопнулъ по воздуху надъ двумя передними конями, которыми онъ правилъ, и экипажъ мой затрещалъ, какъ пожарная трещотка.

Новая страна — новыя чувства. Я углублялся въ горы и долы

Бессарабіи, какъ въ таинственный *дульчацъ* (сладость). Все уже одѣлось зеленью, дышало маемъ, и я живо чувствовалъ разницу между правымъ и лѣвымъ берегомъ Днѣстра. Кажется, что природные календари ихъ рознятся цѣлымъ мѣсяцемъ: въ Бессарабіи — весна, а въ Подольской губерніи едва только показались ея вѣстники.

Я пріѣхалъ въ Кишиневъ въ самое счастливѣйшее время его, когда все готовилось съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ къ пріему императора Александра блаженной памяти. Государь проѣзжалъ тогда чрезъ Бессарабію на свиданіе съ императоромъ Австрійскимъ на границахъ царствъ въ городѣ Черновцахъ. Молдавскіе бояре стекались отовсюду въ Кишиневъ, и этотъ городъ кипѣлъ народомъ. Встрѣчи императора я не могъ видѣть, ибо былъ занятъ въ это время у князя Меншикова [1]), который пріѣхалъ передъ государемъ; это было уже въ сумерки; но я слышалъ крики встрѣчи, которые приближались неумолкающимъ гуломъ отъ возвышеній по дорогѣ изъ Дубоссаръ къ городу, неслись городомъ и умолкали на время у собора, чтобы снова сопровождать императора до дома намѣстника [2]), который, возвышаясь на отдѣльномъ холмѣ надъ озеромъ, превратился мгновенно во дворецъ освободителя Европы.

На другой день государь императоръ былъ въ митрополіи [3]) у обѣдни и потомъ на завтракѣ у сѣдовласаго экзарха Димитрія, въ тотъ же день — на балу, даннымъ дворянствомъ бессарабскимъ въ огромной залѣ, нарочно устроенной въ домѣ Тодора Крупенскаго. Въ угожденіе изящному вкусу государя къ колоннадамъ явился вокругъ залы рядъ огромныхъ колоннъ порфироваго цвѣта, обвитыхъ

1) Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ былъ въ то время директоромъ канцеляріи начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, въ чинѣ генералъ-маіора и въ званіи генералъ-адъютанта. Проѣздъ императора Александра относится къ апрѣлю 1818 года.

Л. М.

2) Въ то время бессарабскимъ намѣстникомъ былъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ генераловъ Александровскаго времени, Алексѣй Николаевичъ Бахметевъ, состоявшій также Подольскимъ военнымъ губернаторомъ. Онъ оставилъ управленіе Бессарабіей въ іюнѣ 1820 года.

Л. М.

3) Митрополіей назывался въ Кишиневѣ архіерейскій домъ, ибо первымъ тамошнимъ архіереемъ по присоединеніи Бессарабіи къ Россіи былъ Гавріилъ Банулеско, бывшій митрополитъ Кіевскій; онъ умеръ въ мартѣ 1821 года, и его замѣнилъ его же викарій, епископъ Бендерскій Димитрій Сулима.

Л. М.

вязами разноцвѣтныхъ огней. Спозаранку зала наполнилась уже боярами, *куконами* и *куконицами* (барынями и барышнями). Хотя намѣстница, Викторія Станиславовна Бахметева [1]), успѣла въ короткое время много внушить образованнаго вкуса въ дамъ кишиневскихъ (онѣ знали, что̀ такое — балъ; куконицы знали уже необходимость во французскомъ магазинѣ модъ, умѣли уже рядиться по вѣнскимъ и парижскимъ образцамъ, умѣли рисоваться въ кадрилихъ и мазуркахъ), но къ балу, гдѣ будетъ присутствовать императоръ, съѣхалось множество бояръ со всѣхъ сторонъ, даже изъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, которымъ извѣстны были только приличія азіатскія. Пріѣзжія куконы облеклись во всю роскошь Европы и Востока, и еслибъ намѣстница, какъ заботливая хозяйка пріема, не обратила заблаговременно вниманія на наряды посѣтителей, государь засталъ бы на балу всѣхъ дамъ окутанными въ драгоцѣнныя турецкія шали, а бояръ — въ *кочулахъ* [2]) и въ *папушахъ* [3]) сверхъ желтыхъ и красныхъ *мешти*. Почти передъ самымъ входомъ государя шали были сняты, а папуши нѣсколькихъ сотъ головъ были свалены въ кучи за колоннами. Когда государь вступилъ въ залу, все стѣснилось въ молчаніи, безъ шуму, почти незамѣтно, въ кругъ, коего первые ряды состояли изъ женщинъ; женщинъ окружали стѣной бородатые первостатейные бояре, а за ними — бояре второго и третьяго класса. Балъ былъ открытъ генераломъ Милорадовичемъ: между тѣмъ, государь говорилъ съ намѣстницей и потомъ обошелъ съ нею, преслѣдуемый рядами польскаго, чрезъ всѣ комнаты, удостоилъ вниманія другихъ почетнѣйшихъ дамъ, а потомъ началась французская кадриль — первая въ Кишиневѣ, выученная въ домѣ намѣстницы.

Въ то время Пульхерія Варѳоломеи была въ цвѣтѣ лѣтъ, во всей красѣ дѣвственной, которой посвятилъ и Пушкинъ нѣсколько

---

1) Рожденная графиня Потоцкая, а по первому мужу — графиня Шуазель-Гуфье.

Л. М.

2) У молдаванъ *кочула*, смушковая сѣрая шапка въ родѣ опрокинутой огромной корчаги, не снималась ни въ церкви, ни даже передъ султаномъ, какъ чалма.

А. В.

3) *Папуши* — туфли сверхъ *мешти* или желтыхъ, красныхъ сафьяновыхъ носковъ.

А. В.

восторженныхъ стиховъ [1]). Ей только одной изъ дѣвицъ Кишинева государь сдѣлалъ честь польскимъ и нѣсколько вопросовъ. Любопытство впослѣдствіи допытывалось отъ простодушной дѣвушки, что̀ съ ней говорилъ государь. На вопросъ, часто ли она посѣщаетъ балы, она отвѣчала: «Non, sire, parce que ma tante Elise ne se porte pas bien». Неподвижность всѣхъ и царствующая тишина, и взоры, устремленные на государя, должны были его скоро утомить. Онъ пробылъ не болѣе часа времени и уѣхалъ.

Въ воспоминаніе посѣщенія императоромъ Кишинева намѣстница подала мысль завести публичный городской садъ. Сколько я могу припомнить, государь самъ избралъ мѣсто вправо отъ митрополіи. На третій день государь выѣхалъ изъ Кишинева, но жители долго еще хвалились, что императоръ назвалъ Бессарабію «золотымъ краемъ».

II.

Съ 1818 по 1821 годъ, ознаменованный греческою етеріей, я познакомился съ Буджакомъ или бывшею татарскою частью Бессарабіи; тогда еще почти все пространство между рѣками Прутомъ и Днѣстромъ и верхнимъ Траяновымъ валомъ была малонаселенная степь, изрѣзанная протяжными хребтами, которые сглаживались къ морю и образовали часть пустыни, носившей нѣкогда названіе «solitudo Gaetica», и тѣ сѣдыя волны ковыля, посреди которыхъ индѣ-индѣ видна крытая арба чабана, уединенное *кишло* или хуторъ, обставленный пирамидами кизяка. Это-то пространство воспѣлъ Мицкевичъ подъ названіемъ: «Аккерманскія степи». Но часть Буджака, прилегающая къ рѣкѣ Пруту, гористѣе и населеннѣе; далекій же холмистый берегъ, отъ мѣстечка Формозъ до Вадулуй-Исаки, покрытъ садами и представляетъ въ миніатюрѣ Италію безъ ея исторіи и памятниковъ прошедшаго величія. Здѣсь-то, надъ самымъ селеніемъ Вадулуй-Исаки, начинается тотъ знаменитый валъ, который прозванъ Траяновымъ путемъ. Но тутъ имя Траяна императора,

1) По всей вѣроятности, Вельтманъ разумѣетъ здѣсь стихотвореніе «Дѣва» (Сочиненія Пушкина, т. I, стр. 234):

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!....

Далѣе, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», Вельтманъ еще разъ возвращается къ Пульхеріи Варооломей.

Л. М.

кажется, не можетъ играть никакой роли. Бессарабія никогда не принадлежала римлянамъ, рѣка Прутъ была границей Дакіи; валы бессарабскіе не могли служить защитою ни со стороны сѣвера, ни со стороны юга, ибо они тянутся почти по прямой линіи, не разбирая мѣстоположенія и командованія высотъ, но во всякомъ случаѣ болѣе походятъ на ограду сѣвера. И если Траянъ построилъ нижній валъ противъ варваровъ, населявшихъ Бессарабію, чтобъ охранить отъ нихъ колоніи по Дунаю и Черному морю, для чего же построилъ бы онъ верхній валъ и боковые вдоль крутого берега Прута и Днѣстра? По всѣмъ соображеніямъ, эти валы были не что иное, какъ разграниченія земель. По Лактанцію, изъ Бессарабіи въ 304 году готы изгнали неизвѣстный народъ, который, по дозволенію императора Галерія, населился въ ея предѣлахъ, а по жизнеописателю императора Проба, народъ, переселившійся въ это время во Ѳракію, былъ бастарны. Извѣстно, что орда печенеговъ, татаръ или торковъ населяла издавна Бессарабію. Не утвердительно, но я рѣшаюсь заключить, что эти сто тысячъ бастарновъ, переселившіеся во Ѳракію, были босняки.

Жители Бессарабіи всѣ валы называютъ словомъ *траянъ;* валъ, раздѣляющій Добружскую область или бывшую Малую Скиѳію отъ Мизіи, также называется *траянъ.* На мизоготскомъ нарѣчіи, по Ульфилу, котораго языкъ царствовалъ въ этихъ мѣстахъ, слово *thraihan* значитъ—сжимать, стѣснять, ограждать, *thraihands vigs*—сжатая, огражденная дорога, стезя; слово, которое могло значить и — грань, граница. Вотъ, кажется, откуда произошло названіе via Trajani. По Ульфилу также, *thragjan* значитъ—бѣгъ, ѣзда, сходно съ греческимъ τρέχω, curro, и съ русскимъ дорога, драга, трактъ. Траянъ булгарскій совершенно сходенъ съ буджакскимъ: но почти на всемъ его протяженіи по берегу Черной рѣки (Кара-су) видны слѣды четвероугольныхъ окоповъ со стороны Булгаріи, въ которыхъ, вѣроятно, содержалась пограничная стража. Этотъ Траяновъ валъ ознаменованъ въ 1828 году маневромъ, на которомъ батарея въ 120 орудій, по слову Русскаго царя, неслась въ карьеръ въ атаку по отлогому скату праваго берега Кара-су. По гребню этого траяна императоръ проѣхалъ 17 верстъ для осмотра осажденной крѣпости Кюстенджи, нѣкогда знаменитаго Истра.

Спускаясь отъ Рени по дорогѣ къ Измаилу, проходящей между Дунаемъ и озеромъ Кагуломъ, напоминающимъ побѣду Румянцова

надъ турками, и отъ селенія Сатунова къ Дунаю по тропинкѣ между плавнями, на пути черезъ Дунай персовъ за 508 лѣтъ до Р. Х. и русскихъ въ 1828 году, есть слѣды подобнаго же вала, который, какъ ограда между озерами Карталомъ и Кагульцемъ, преграждалъ этотъ путь и, можетъ быть, служилъ мостовымъ укрѣпленіемъ Дарію при отступленіи его изъ Скиѳіи.

Проѣхавъ Измаилъ, не разлучный съ именемъ Суворова, я скажу нѣсколько словъ о крѣпости Килін, которую нѣкоторые принимаютъ за Кіевецъ, построенный на Дунаѣ мнимымъ Кіемъ, путешествовавшимъ въ Царьградъ и полюбившимъ это мѣсто. Сказаніе о существованіи Кіевца или Малаго Кіева на Дунаѣ не можетъ быть ложно; но мѣсто Старой Килін за Дунаемъ, посреди плавней — вѣря сказанію о Кіѣ — не могло ему понравиться, и тѣмъ болѣе здѣсь не могъ быть Кіевецъ, что слово *городъ*, *городокъ*, въ смыслѣ древнихъ, значитъ укрѣпленная, отдѣльная гора или холмъ. Слово *gard*, *городъ* нераздѣльно съ словомъ *гора*, *hori*, какъ *Berg* и *Burg*, *Heim* и *Holm*, *холмъ*. Въ замѣну Килін я полагаю Cius или Cium, находившійся, по дорожнику Антонинову, ниже Гропени, на правомъ берегу Дуная. Это нынѣшній Гирсовъ. Высокая скала надъ Дунаемъ, составляющая нынѣ сѣверную сторону крѣпости, могла быть выбрана для основанія городка. Здѣсь въ скалѣ могли быть *kifva* или пещеры готѳскія, отъ названія которыхъ, по моему мнѣнію, получилъ свое названіе и Кіевъ. Если мнимый Кій любилъ жить у перевоза, то противъ самаго Гирсова есть и перевозъ чрезъ Дунай на ладьяхъ.

Дорога къ Аккерману тянется по безплодной землѣ, напитанной солью, надъ вершинами озеръ Сасика или Кундука, Шаганы или Муртозъ, Карачусъ, Алибей-улу и Бурнасоло, населенныхъ весной пеликанами, а лѣтомъ покрытыхъ корою солн. За песчаною степью открываются передъ нами почернѣвшія отъ времени башни замка Аккерманскаго. Его окружаютъ не болѣе пятисотъ домовъ города, а вправо видны извѣстные аккерманскіе сады. Въ мое время считалось ихъ слишкомъ 900. Замокъ Аккерманскій, по преданію, построенъ генуэзцами въ XII вѣкѣ, когда они обладали торговлею Чернаго моря. На этомъ мѣстѣ въ древности стоялъ городъ Офіуса, а во время Геродота — колонія Тирасъ.

За лиманами виденъ Овидіополь, мнимое мѣстожительство римскаго пѣвца-изгнанника. Но что̀ странно: въ вершинѣ лимана, при впаденіи Днѣстра, невдалекѣ отъ селенія Паланка, гдѣ также не-

большой четвероугольный замокъ [1]), есть озерцо, которое называется, по словамъ Кантемира, *лакулъ Овидулуй*, озеро Овидія. Во время моего проѣзда оно почти пересохло, и мнѣ назвали его *Дувыдулуй;* сколько помнится имъ, говорятъ, будто тутъ очень давно уже жилъ какой-то пустынникъ, именемъ котораго прозвали озеро. Близъ этого мѣста есть переправа черезъ Днѣстръ при селеніи Маякъ, на лѣвомъ берегу рѣки, верстахъ въ сорока отъ Овидіополя. Посѣтивъ впослѣдствіи и Мангалію на берегу Чернаго моря, которая также принимается за Томы, мѣсто обители Назона во время изгнанія, нельзя было не сказать:

Зачѣмъ намъ знать, гдѣ жилъ изгнанникъ сей,
И прахъ его влачитъ съ кладбища на кладбище?
Онъ жилъ, онъ пѣлъ, и вѣчное жилище
Поэта въ памяти людей! [2])

Природа Днѣстра со стороны Бессарабіи очаровательна. Вдоль всего берега тянется цѣпь садовъ виноградныхъ и фруктовыхъ; селенія богаты, но вообще не похожи на наши, которыя, образуя улицу, суть зародыши городовъ. Молдавскія *саты* [3]) похожи болѣе на разбросанные шатры табора; *касы* [4]) стоятъ дверями во всѣ стороны: это — мазанки, построенныя изъ плетня, обмазаннаго глиной, и выбѣленныя; совершенно похожи на малороссійскія хаты, но гораздо опрятнѣе; снаружи и внутри выбѣлены, часто раскрашены узорами— вохрой и умброй. Арабески, выведенныя на стѣнахъ рукой самой хозяйки и ея дочери, очень похожи на синайскія письмена. Смазываніе глиной половъ, бѣленіе и крашеніе стѣнъ возобновляется передъ каждымъ праздникомъ. Въ каждой половинѣ касы, раздѣленной надвое сѣнями, близъ дверей *соба*, печка. Устье очень низко, не болѣе какъ на четверть отъ полу. За трубой на печи обыкновенно

1) Слово *палапка* значитъ укрѣпленное селеніе.
А. В.

2) Стихи самого Вельтмана; см. его сочиненіе: Странникъ. Москва. 1831, т. I, стр. 94.
Л. М.

3) *Сату* — деревня, село; татары называютъ *сату* торгъ; *тиргу* по молдавски городъ, торговое мѣсто.
А. В.

4) Сходно съ италіанскимъ *casa*, или съ готѳскимъ *hus*, домъ.
А. В.

бываетъ обитель старухъ — слѣпыхъ, неподвижныхъ, ничего уж
не чающихъ, и *хортовъ*, гончихъ собакъ, которыхъ молдаване нѣжат
какъ дѣтей. И они стоятъ того: молдаванъ, отправляясь въ степь
беретъ съ собою хорта, и зайцы — не попадайся на встрѣчу!

Болгарскія селенія иначе строятся, хотя столь же неправильно
У нихъ семьи не раздѣляются, не раздѣлены и дома; съ каждым
поколѣніемъ, съ увеличеніемъ семейства разростается и домъ, в
большей части въ прямую линію. Женатые правнуки, внуки и сы
новья живутъ подъ одною общею кровлей своего патріарха-прадѣда
который бѣлъ, какъ лунь, и потерялъ уже счетъ своимъ годамъ, н
еще не лишился ни одного изъ своихъ чувствъ, еще дѣятельный
работникъ и разсказываетъ о томъ, что̀ случилось за сто лѣтъ, как
о вчерашнемъ днѣ. Болгарскія хаты простѣе и пустѣе молдаван
скихъ; стѣны голы, вмѣсто оконъ — деревянныя рѣшетки, вмѣст
лавокъ — низенькое возвышеніе изъ земли въ родѣ широкаго дивана
устланное бѣлымъ войлокомъ; близъ дверей — въ родѣ столбца ил
ротонды печь, которая топится изъ сѣней; устье почти на земл
Тутъ, подъ навѣсомъ трубы, виситъ цѣпь съ крюкомъ для котл
въ которомъ варится обѣдъ. Вмѣсто стола — кружокъ или мѣдны
круглый подносъ на низенькихъ ножкахъ.

Почтовая дорога изъ Аккермана въ Бендеры идетъ степью че
резъ Каушаны, бывшій «сарай» хана Буджакскаго, нынѣ ничтож
ное мѣстечко. Въ 25 верстахъ отъ Каушанъ крѣпость Бендеры; она
лежитъ надъ Днѣстромъ въ равнинѣ, окруженной нагорнымъ бере
гомъ; это — древній Тигинъ. Выше крѣпости, верстахъ въ трехъ, на
Днѣстрѣ — селеніе Варницы; надъ Варницей, по скату берега, слѣды
лагеря и канцеляріи сѣвернаго капрала — Карла XII; здѣсь жил
онъ гостемъ у турокъ, отсюда турки изгнали своего гостя.

Вообще, въ нижней части Бессарабіи или въ Буджакѣ почти вс
рѣки, какъ-то: Гага, Куяльникъ, Сарата и проч., текутъ по солон
чакамъ; въ колодцахъ вода также солона. По всѣмъ рѣкамъ и ло
щинамъ разсѣяны слѣды бывшихъ татарскихъ селеній; эти слѣды
замѣтны по кучамъ золы и по густому бурьяну, такъ что издали,
замѣчая темноцвѣтное пространство посреди зелени, замѣчаешь, что
это — селище, по молдаванскому произношенію — *селиште*, то-есть
мѣсто бывшаго селенія. Имена этихъ селищъ сохранились въ па
мяти жителей, напримѣръ, Акмангытъ, Мангытъ, Эдиге, Эникіой и
т. д. Послѣ того, какъ Буджакскія степи розданы правительствомъ

для заселенія, вѣроятно, слѣды селищъ уже стерлись, но названія урочищъ долго сохраняются. Проѣзжая черезъ эти мѣста, поросшія глухою высокою травой, почти не возможно выносить удушливаго запаха какихъ-то особенныхъ дикихъ, мрачныхъ растеній, напоминающихъ бывшую обитель человѣка. Селища—обыкновенно любимый бульваръ куропатокъ во время вечера: цѣлыми стадами слетаются онѣ на курганы золы.

Въ обозрѣніи Буджака кстати должно упомянуть и о 14 нѣмецкихъ колоніяхъ, населенныхъ по обѣ стороны Куяльника въ 1817 году. Какъ ни трудно развести довольство посреди знойной степи, лишенной хорошей воды, но при данныхъ правительствомъ средствахъ къ упроченію этихъ поселеній дѣятельные переселенцы въ два-три года обзавелись скоро домами, построенными на первый случай изъ земляныхъ кирпичей, огородами, засѣяли поля, пообставили загородки скирдами. Въ первые годы они поддерживали себя заработками у богатыхъ *царановъ* [1]). Бѣда вамъ, если вы играете на какомъ-нибудь инструментѣ, и васъ дослушаютъ колонисты: возвращаясь съ поля, они обсыплютъ васъ, умолятъ играть и еще играть вальсъ и пляшутъ до упаду. Я никогда не забуду одного Ганса, который плясалъ въ припсядку по русски; онъ не требовалъ похвалы, а просилъ только не переставать играть «Барыню».

Въ 1819 году открылась въ Бессарабіи, въ Хотинскомъ *цынутѣ* (уѣздѣ), чума, завезенная изъ Молдавіи. По данному мнѣ порученію усилить пограничную цѣпь, я проѣзжалъ по рѣкѣ Пруту и по границѣ австрійской до Днѣстра. Въ эту поѣздку и во время рекогносцировки верхней части Бессарабіи въ томъ же году я выучилъ наизусть этотъ край, древнюю обитель бастарновъ или бессовъ.

Верхняя часть Бессарабіи, начиная отъ верхняго Траянова вала, представляетъ совершенно другую уже природу. Это—уже гористыя мѣста, покрытыя лѣсами, садами, селеніями и уединенными монастырями, женскими и мужскими, посреди романическихъ мѣстностей.

---

1) Бояръ или мазиловъ (родъ шляхты), живущихъ на *царинѣ*, то-есть, на пахотномъ мѣстѣ посреди степи, собственномъ или наемномъ. *Царанъ* значитъ владѣющій землею пахотною, отдѣльною; *хуторъ* значитъ также временное жительство въ степи для паханія земли, содержанія стада или пчелъ; *кишло*—землянка, пріютъ степныхъ *чабановъ* или пастуховъ, безъ всякаго сомнѣнія, отъ татарскаго *кишлавъ*, зимовье.

А. В.

Отрасль Карпатскихъ горъ тянется отъ вершинъ рѣки Прута
Галиціи и проникаетъ между Днѣстромъ и Прутомъ въ Бессара
по Хотинскому цынуту. Въ Ясскомъ цынутѣ она сглаживае
между рѣками, впадающими въ Реутъ, но въ вершинѣ этой рѣ
ниже города Бѣльцъ, она какъ будто возрождается снова въ
дѣльной горѣ Магура (туманъ), которая развѣтвляется вдоль в
Бессарабіи, также возникая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдѣльны
горами, чтобы сохранить свою силу и крутизну до моря. Въ верх
части Бессарабіи рѣка Прутъ имѣетъ отлогій берегъ, а крутой
противной стороны, въ Молдавіи, единообразенъ и небогатъ на
леніемъ; по рѣка Днѣстръ сохраняетъ вездѣ и крутизны, и част
села, и сады, богатые виноградомъ, волошскими орѣхами (грецки
яблоками, сливами, вишнями, черешнями, грушами, абрикоса
не уступая даже степнымъ мѣстамъ въ богатствѣ *баштановъ* (пол
засѣянныхъ арбузами, дынями, тыквами, турецкими огурцами
баклажанами). На Днѣстрѣ ароматъ акацій, пѣсни почныхъ соловье
въ полтора аршина стерляди, слишкомъ въ сажень осетры, посре
плавней непереводимая дичь — дикіе гуси, утки, всѣ роды шпено
и куликовъ. Здѣсь народъ дѣятельнѣе, женщины прекраснѣе.
говоря о красотѣ женщинъ простого народа, — гористыя здоров
мѣста Орхеевскаго цынута должны славиться ими: тамъ цвѣ
здоровья и роскошь формъ. Орхей-*веки* (древній Орхей), по слова
жителей, былъ на другомъ мѣстѣ, по Кантемиру — на западно
берегу Орхеевскаго озера; но, какъ я слышалъ, этотъ городъ бы
ближе къ Днѣстру, на Реутѣ, противъ Дубоссаръ, и слѣдователь
противъ главной переправы черезъ Днѣстръ. Можетъ быть, здѣ
была Ольхіопія, которую приписываютъ мѣстечку Сороки или Сокол

Верстахъ въ сорока отъ Орхея, на Днѣстрѣ, въ вершинѣ бере
выхъ скалъ, есть монастырь Городище. Смотря снизу отъ рѣ
кельи кажутся норами птицъ, скалы стоятъ стѣной. Взобравши
на гору, въ объѣздъ по каменистой крутой дорогѣ, вы найдете та
нѣсколько домовъ, принадлежащихъ къ монастырю, обитель наст
ятеля и сады. Настоятель поведетъ васъ чрезъ сады къ верши
скалы; вышина ужаснетъ васъ, когда вы приблизитесь къ обры
и станете спускаться по узенькой, вырубленной снаружи лѣсенк
По положенной надъ обрывомъ доскѣ вы перейдете въ стар
церковь и въ искусственныя пещеры, вырубленныя въ камнѣ;
послѣднюю должно пролѣзать сквозь узкій прорубь. Здѣсь хранит

нѣсколько старыхъ оружій, и широкое отверстіе наружу задѣлано толстыми дубовыми досками, въ которыхъ прорублены ружейныя амбразуры. Говорятъ, что здѣсь въ старину христіане скрывались отъ татаръ. Возвратившись на уступъ скалы, составляющій площадку, вы помолитесь Богу въ новой церкви, вырубленной также въ камнѣ, посѣтите трапезную и калугерей въ ихъ пещерахъ съ однимъ окошкомъ и трубой, выведенною наружу скалы. Высота скалы надъ Днѣстромъ до ста саженъ. Настоятель васъ угоститъ виномъ своихъ садовъ и сотами меду, и вы, разставаясь съ монастыремъ Городищемъ, скажете въ душѣ то же, что̀ сказалъ Гёте, разставаясь съ обителью Мелькъ на Дунаѣ. Продолжая путь по Днѣстру и не доѣзжая верстъ трехъ до монастыря Сорòкъ, вы увидите въ скалахъ слѣды подобной же обители, какъ и въ Городищѣ, но давно уже оставленной.

Отъ монастыря Сорòкъ проѣзжая въ Хотинъ, гдѣ также есть готоской архитектуры замокъ, почти во всемъ Хотинскомъ цыпутѣ вы встрѣтите совсѣмъ уже другой міръ и подумаете, что какая-то сила внезапно васъ перенесла въ Малороссію. Тутъ живутъ руснаки (такъ они сами себя называютъ), ящероглазые сарматы, родовитые бессы. Готическій замокъ Хотина надъ самымъ Днѣстромъ, на береговомъ холмѣ, обнятомъ лощиной, похожъ на замокъ Конвай въ Бретани. Теперь онъ составляетъ уже цитадель крѣпости. До пріобрѣтенія Хотина русскими этотъ городъ считался сильнѣйшимъ во всей Молдавіи. Онъ извѣстенъ побѣдой Владислава, одержанною надъ султаномъ Османомъ въ 1621 году. Въ 1674 году турки при Хотинѣ разбиты Яномъ Собѣсскимъ, который спасъ Вѣну отъ осады Магометомъ IV въ 1683 году. По трактату Хотинскому, заключенному въ 1622 году, Польша пріобрѣла право имѣть своихъ легатовъ въ Константинополѣ. Въ это же время была основана королемъ Польскимъ въ Хотинѣ школа восточныхъ языковъ, для чего и были выписаны учителя изъ Константинополя. Въ этомъ-то заведеніи Янъ Собѣсскій и его братъ Марко, дѣти Якова Собѣсскаго, бывшаго каштеляномъ Краковскимъ и уполномоченнымъ посломъ въ Турціи въ 1621 году, приготовлялись къ путешествію на востокъ. Постигнувшія Польшу перемѣны были причиной уничтоженія этой школы.

Изъ Хотина проѣзжая берегомъ Днѣстра, гористое мѣстоположеніе нигдѣ не измѣняетъ красотамъ природы: вездѣ утесы, вездѣ звучные серебристые ручьи, пробирающіеся къ рѣкѣ отъ вершинъ

глубокихъ, покрытыхъ лѣсомъ *вале* (долина, лощина), вездѣ селенія въ садахъ; но уже названія селеній не кончаются на *ицы*: не Минчешти, не Теленешти, а Рашковцы, Рогатинъ и др. Селеніе Онуты — предѣлъ русскому Днѣстру. Граница съ Австріей тянется влѣво вверхъ по ручью, потомъ черезъ высоты по дорогѣ лѣсомъ и снова рѣчкой Ракитною, впадающею въ рѣку Прутъ при мѣстечкѣ Новоселицахъ. Солдаты пограничнаго австрійскаго гарнизона молча расхаживаютъ подлѣ пикетовъ, съ ружьями въ лѣвой рукѣ и съ тростью въ правой; въ пограничныхъ селеніяхъ, на «мустерплацѣ», видны маленькіе фронты, слышенъ барабанъ и «ейнъ-цвей». Австрійскіе пикеты построены огромными землянками, въ которыхъ стѣны однако же забраны толстыми досками въ предохраненіе отъ сырости.

Отъ мѣстечка Новоселицъ до мѣстечка Липканъ на нашей сторонѣ отлогій берегъ, покрытый селеніями; нагорная же сторона Молдавіи одѣта густымъ лѣсомъ. Отъ Липканъ до мѣстечка Скулянъ, внизъ по Пруту, подъѣзжая къ рѣкѣ Чугуру, долина прутская перегорожена природною гранитною стѣной съ гребнемъ; но для протока рѣки она какъ будто раздвинулась и образовала ворота. Это мѣсто называется Костешти; лежащее подлѣ селеніе также называется; съ нашей стороны въ скалахъ есть пещеры. Извилистая рѣка Прутъ ежегодно подмываетъ, особенно весной, нагорные берега свои, а въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ совершенно измѣняетъ свое русло, извиваясь, какъ змѣя, въ своей широкой долинѣ. Во многихъ мѣстахъ перешейки огромныхъ *кутовъ* или пространствъ берега, обвиваемыхъ ею въ родѣ полуострова, не болѣе нѣсколькихъ саженъ, такъ что каждое наводненіе грозитъ прорывомъ, и тогда подобный кутъ съ турецкой стороны, со всѣми селеніями, можетъ отойти къ Россіи, а кутъ съ нашей стороны будетъ отмежеванъ къ Турціи — безъ присутствія членовъ коммиссіи разграниченія земель двухъ государствъ. Кажется, въ селеніи Маршинцахъ, близъ мѣстечка Новоселицъ, въ 1819 году подлѣ дома помѣщика былъ огромный садъ на берегу рѣки, въ 1821 году оставалась уже половина сада, а въ 1825 году домъ стоялъ уже надъ обрывомъ; теперь на мѣстѣ дома, я думаю, протекаетъ уже рѣка, а черезъ нѣсколько лѣтъ и весь берегъ, на которомъ лежитъ селеніе, поступитъ во владѣніе прутскихъ водъ, хотя мутныхъ, но необыкновенно мягкихъ, здоровыхъ и заключающихъ въ себѣ минеральныя частицы. Въ верхней же части Прута, но не помню гдѣ, Прутъ подмылъ въ продолженіе нѣсколь-

кихъ лѣтъ гору, въ 1825 году добрался до самаго хребта и передъ самымъ моимъ пріѣздомъ отвалилъ вершину, раскроивъ пополамъ находящійся на ней огромный курганъ; подъ самымъ курганомъ, на сажень отъ поверхности протяжнаго хребта, оскалился длинный рядъ гробовъ, одинъ подлѣ другого; гробы были сколочены изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ ящиками безъ расширенія кверху; дерево почернѣло отъ времени. Археологическое желаніе порыться въ древнихъ гробахъ не могло быть удовлетворено, ибо ни снизу, ни сверху къ нимъ не было приступу. Нѣсколько верстъ ниже Костешти подобное же слѣдствіе есть древняго обвала высокаго берега на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ: вся насыпная набережная, отъ самаго утеса обвалившаяся, усѣяна курганами, которые называются *Сута Можиле*, но это не тѣ Сто Могилъ, въ которыхъ ищутъ кладбище Скиѳскихъ царей.

Отъ мѣстечка Скулянъ, по дорогѣ въ Кишиневъ, почти на половинѣ дороги къ почтѣ Резени, передъ подъемомъ на лѣсистый хребетъ, который тянется отъ Магурской высоты, на оконечности выдавшагося отрога, на самомъ пути стоитъ каменный столбъ; тутъ на вершинѣ, въ изображеніи герба, съ четырехъ сторонъ надписи о времени смерти Потемкина и стихи, сколько мнѣ помнится, слѣдующіе

На мѣстѣ семъ онъ кончилъ путь средь поль;
Вотъ жизни славныя плачевная юдоль! [1])

До 1825 года здѣсь пролегала почтовая дорога изъ Яссъ черезъ Скуляны въ Кишиневъ, и скромный памятникъ низвергнутаго смертію величія напоминаетъ каждому проѣзжему суету суетъ и всяческую суету. Но теперь почтовая дорога для объѣзда хребта отведена на нѣсколько верстъ ниже, а памятникъ остался на холмѣ у мрачнаго подножія крутизны, которую стопло бы назвать «Тщеславіемъ».

III.

Въ исходѣ 1820 года и въ началѣ 1821 года зима въ Кишиневѣ проходила очень весело; помнится мнѣ, что въ этотъ годъ не

1) Въ примѣчаніяхъ Я. К. Грота къ Сочиненіямъ Державина, т. I, стр. 454, эта надпись сообщена въ слѣдующемъ, еще болѣе безобразномъ видѣ:

Покровъ имѣя твердь
И землю одръ,
Средь поля оставилъ міра
Такъ мятежную онъ юдоль.

Л. М.

было зимы: зимніе мѣсяцы были похожи на прекрасное сентябр
ское время, не выпало ни одного клока снѣгу.

Наше время проходило на вечерахъ и балахъ, часто у намѣст
ника, куда собиралась вся знать кишиневская, а иногда въ дом
Александра Кантакузина и другихъ. Въ то время въ Валахіи воз
никло уже возстаніе. Въ головѣ его былъ нѣкто Ѳедоръ Владим
реско, командовавшій во время войны русскихъ съ турками отря
домъ пандуръ. Но цѣлью этого возстанія было избавленіе себя от
пга фанаріотовъ, назначаемыхъ въ князья Молдавіи и Валахіи. По
куда Порта назначала Каллимахи господаремъ Валахіи по смерти
Александра Суццо, Владимиреско овладѣлъ уже всею Малою Вала
хіей. Никто не предвидѣлъ, чтобъ эта искра была началомъ етеріи
(товарищества во имя спасенія Греціи) и имѣла тѣ послѣдствія
которыя совершились на глазахъ нашихъ.

Однажды, на балу у намѣстника, явилось новое лицо — статный
русскій кавалерійскій генералъ; правая рука его была обшита
подвязана чернымъ платкомъ. Я бы не обратилъ особеннаго на нег
вниманія, если бы онъ не сталъ танцовать мазурки. «Кто это та
кой?» спросилъ я. «Князь Александръ Ипсиланти», отвѣчали мнѣ
Этимъ отвѣтомъ я удовольствовался. Черезъ нѣсколько дней бал
у князя Кантакузина, и я опять не предвидѣлъ, что въ толпѣ без
заботныхъ есть два историческихъ лица, замышляющихъ новую
будущность Греціи. Прислонившись къ столику, стоялъ задумчив
худощавый адъютантъ. Не помню, познакомили меня съ нимъ, или
случайно завязался у насъ разговоръ, но мы обмѣнялись нѣсколькими
словами; помню только, что я удивлялся его худобѣ. Сжатое его лицо,
носъ нѣсколько орлиный, голова почти лысая, не болѣе фута в
плечахъ, ноги какъ флейты, въ рейтузахъ съ лампасами нисколько
не предвѣщали будущаго полководца Греціи Димитрія Ипсиланти.
Отъ разговора съ нимъ я былъ отвлеченъ нѣсколькими женскими голо
сами, которые повторяли: «Monsieur le prince, dansez donc! Dansez,
Nicolas, au moins une seule figure!» Но гвардеецъ отказывался. Съ
трудомъ однако же уговорили его пройти одинъ только кругъ. Онъ
уступилъ просьбамъ; прекрасный собою, ловкій мужчина превзошелъ
всѣхъ поляковъ въ ловкости танцовать мазурку. «Кто это?» спросилъ
я у княгини Кантакузиной. «C'est le prince Nicolas Ipsylanti! Ah,
comme il danse!» Три брата Ипсиланти пріѣхали въ отпускъ; не
прошло нѣсколькихъ дней, какъ мы узнали, что всѣ трое они тайно

уѣхали уже въ Молдавію. Вскорѣ намѣренія ихъ объяснились. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1821 года князь Александръ Ипсиланти издалъ воззваніе къ грекамъ. Я былъ въ то время въ Тирасполѣ. Вліяніе этого воззванія сильно подѣйствовало на грековъ и въ границахъ Россіи; изъ Одессы шли и ѣхали толпы грековъ чрезъ Тирасполь, Бендеры и Кишиневъ въ Молдавію. Вездѣ снабжались они тайно агентами етеріи средствами къ пути; они тогда уже пѣли славную пѣсню новыхъ грековъ: «Δεῦτε, παῖδες τῶν Ἑλλήνων!» Съ весной границы наши огласились уже оружіемъ боя етеристовъ съ турками. Послѣдовавшее передвиженіе войскъ шестого корпуса для подкрѣпленія границъ на всякій случай внушало тогда какое-то участіе къ грекамъ и желаніе войны съ турками.

Я отправлялъ тогда должность оберъ-квартирмейстера и получилъ предписаніе прибыть въ Кишиневъ, не смотря на разливъ Днѣстра. Я отправился ночью, подъѣхалъ къ карантину Парканскому и видѣлъ уже не рѣку передъ собою, но море, и вдали крѣпость Бендеры какъ на островѣ. Лодки переправы были за наводненіемъ. Убѣжденіе карантинныхъ чиновниковъ переждать ночь не остановило меня. Стоя на почтовой телегѣ, я пустился вплавь, доѣхалъ счастливо до мѣста переправы, но надо было еще грозить черезъ рѣку паромщикамъ, которые были за рѣкой на островкѣ, образовавшемся изъ кургана. Они не рѣшались перевозить, но угрозы подѣйствовали: они приплыли на сплоченныхъ двухъ лодкахъ, и я переправился на островокъ, послалъ въ Бендеры за лошадьми и снова вплавь доѣхалъ до нагорнаго берега. У молодости какъ будто нѣсколько жизней въ запасѣ.

Когда я пріѣхалъ въ Кишиневъ, это былъ уже не тотъ городъ, который я оставилъ за два или за три мѣсяца. Народъ кишѣлъ уже въ немъ. Вмѣсто двѣнадцати тысячъ жителей тутъ было уже до пятидесяти тысячъ на пространствѣ четырехъ квадратныхъ верстъ. Онъ походилъ уже болѣе на стеченіе народа на мѣстный праздникъ, гдѣ пріѣзжіе поселяются кое-какъ, цѣлыя семьи живутъ въ одной комнатѣ. Но не одинъ Кишиневъ наполнился выходцами изъ Молдавіи и Валахіи; населеніе всей Бессарабіи по крайней мѣрѣ удвоилось. Кишиневъ былъ въ это время бассейномъ князей и вельможныхъ бояръ изъ Константинополя и двухъ княжествъ; въ каждомъ дому, имѣющемъ двѣ-три комнаты, жили переселенцы изъ великолѣпныхъ палатъ Яссъ или Букареста. Тутъ былъ проѣздомъ въ Италію и

господарь Молдавіи Михаилъ Суццо; тутъ поселилось семейство его, въ которомъ блистала красотой Ралу Суццо; тутъ была фамилія Маврокордато, посреди которой расцвѣтала Марія, послѣдняя представительница на землѣ классической красоты женщины. Когда я смотрѣлъ на нее, мнѣ казалось, что Еллада, въ видѣ божественной дѣвы, появилась на землѣ, чтобы вскорѣ исчезнуть на вѣки. Прежде было пріятно жить въ Кишиневѣ, но прежде были будни передъ настоящимъ временемъ. Вдругъ стало весело даже до утомленія. Новыя знакомства на каждомъ шагу. Окна даже дрянныхъ магазиновъ обратились въ рамы женскихъ головокъ; черные глаза этихъ живыхъ портретовъ всегда были обращены на васъ, съ которой бы стороны вы ни подошли, такъ какъ на портретахъ была постоянная улыбка. На каждомъ шагу загорался разговоръ о дѣлахъ греческихъ: участіе было необыкновенное. Новости разносились, какъ электрическая искра по всему греческому міру Кишинева. Чалмы князей и кочулы бояръ разъѣзжали въ вѣнскихъ коляскахъ изъ дома въ домъ, съ письмами, полученными изъ-за границы. Можно было выдумать какую угодно нелѣпость о побѣдахъ грековъ и пустить въ ходъ; всему вѣрили, все служило пищей для толковъ и преувеличеній. Однако же, во всякомъ случаѣ, мнѣніе должно было раздѣлиться надвое; одни радовались успѣхамъ грековъ, другіе проклинали грековъ, нарушившихъ тучную жизнь бояръ въ княжествахъ. Молдаване вообще желали успѣха туркамъ и порадовались отъ души, когда фанаріотамъ рѣзали головы, ибо въ каждомъ видѣли будущихъ господарей своихъ. Между тѣмъ въ саду выстроилась зала клубная, въ которой побѣда была всегда на сторонѣ военныхъ, а въ залѣ Крупенскаго открыли театръ нѣмецкой труппы актеровъ, переселившейся изъ Яссъ, которая продекламировала намъ всего Коцебу, при чемъ не были упущены, къ удовольствію публики, и балеты.

Между тѣмъ въ Молдавіи дѣла шли очень плохо; у главнокомандующаго греческихъ войскъ не было войска, у начальника его штаба не было текущихъ дѣлъ. Въ составляемую Ипсиланти гвардію, подъ именемъ «безсмертнаго полка», шли только алчущіе хлѣба, но не жаждующіе славы; весь же боевой народъ — арнауты, пандуры, гайдуки, гайдамаки и талгари — нисколько не хотѣлъ быть въ числѣ безсмертныхъ и носить высокую мерлушковую *кушму* (шапку), украшенную Адамовою головой. Имъ не нравилось управленіе штаба и гораздо было привольнѣе въ шайкахъ Іоргаки Олимпіота и Тодора

Владимиреско, котораго цѣли были совсѣмъ иныя. Вмѣсто того, чтобы соединиться съ Ипсиланти, онъ отвѣчалъ ему: «Ваша цѣль совершенно противоположна моей. Вы подняли оружіе на освобожденіе Греціи, а я — на избавленіе своихъ соотечественниковъ отъ греческихъ князей. Ваше поле не здѣсь, а за Дунаемъ; вы боритесь съ турками, а я буду бороться съ злоупотребленіями» [1]). Такимъ образомъ, Ипсиланти былъ не въ своей тарелкѣ; его маневры противъ турокъ не удались, и онъ принужденъ былъ оставить поле чести, предавъ вѣчному проклятію бояръ Савву Дуку, Василія Парлу, Георгія Мано, Григораша Суццо, Николая Скуфо и Василія Каравію. Остатокъ арміи етеристовъ былъ преслѣдованъ турками до переправы Скулянской черезъ Прутъ. Здѣсь былъ послѣдній бой предъ вратами спасенія. Въ это время отъ ожесточенныхъ турокъ сбѣжались толпы жителей Молдавіи къ переправѣ. Истощивъ послѣднія силы, сжатые турками въ кучу, етеристы бросили оружіе, побѣжали къ переправѣ, смѣшались съ переправляющимся народомъ; но турки ринулись къ переправѣ и воздержались только готовностью нашей батареи, а между тѣмъ испуганные бѣглецы кинулись вплавь черезъ рѣку, переплывали и тонули, подстрѣливаемые турками. Почти этимъ, исключая нѣсколькихъ битвъ въ оградахъ монастырей Молдавіи и Валахіи, кончилась етерія этихъ княжествъ.

Не помню, но кажется, въ исходѣ этого года пронеслись слухи, что ѣдетъ въ Кишиневъ прославленный уже юный поэтъ Пушкинъ. Пушкинъ пріѣхалъ въ Кишиневъ въ то время, какъ загорѣлась Греческая война; не помню, но кажется, что онъ былъ во время Скулянскаго дѣла, и стихотвореніе «Война» внушено ему въ это время общаго голоса, что война съ турками непзбѣжна [2]):

---

1) Въ одной изъ своихъ повѣстей, подъ заглавіемъ «Радой», Вельтманъ описалъ нѣкоторые эпизоды возстанія етеристовъ и, между прочимъ, свиданіе Ѳ. Владимиреско съ Ал. Ипсиланти, при чемъ обнаружилось различіе въ ихъ цѣляхъ.

Л. М.

2) Пушкинъ пріѣхалъ въ Кишиневъ въ сентябрѣ 1820 года до начала возстанія етеристовъ; Ал. Ипсиланти переправился черезъ Прутъ въ Молдавію 22-го февраля 1821 года, а Скулянское дѣло, въ которомъ возставшими командовалъ не Ипсиланти, а князь Георгій Кантакузинъ, происходило 29-го іюня того же года. Стихотвореніе «Война» Пушкинъ помѣтилъ 1821 годомъ, и вѣроятно, оно относится къ первымъ мѣсяцамъ его. Анненковъ говоритъ, что въ рукописи Пушкина есть помѣта: «29 ноября», но это не вѣрно. Первыя строки сти-

Война!.. Подъяты наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ мести,
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ!

И наконецъ, въ концѣ онъ съ нетерпѣніемъ восклицаетъ:

Что жь медлитъ ужасъ боевой?
Что жь битва первая еще не закипѣла?...

Въ это время исправлялъ должность намѣстника Бессарабіи главный попечитель южныхъ колоній Россіи генералъ Инзовъ. Вскорѣ узнали мы, что подъ его кровомъ живетъ Пушкинъ. Наконецъ, Пушкинъ явился въ обществѣ кишиневскомъ.

Здѣсь не пропущу я слѣдующее, касающееся до тогдашняго моего самолюбія. Въ Кишиневъ русская поэзія еще не доходила. Правда, тамъ, за нѣсколько лѣтъ до меня, жилъ Батюшковъ [1]); но кругъ военныхъ русскихъ его времени перемѣнился; съ перемѣной лицъ и память объ немъ опять исчезла; притомъ же онъ пѣлъ въ тишинѣ, и звуки его не раздавались на берегахъ Быка. Послѣ него первый юноша со склонностью плести риомы былъ я; хотя эта склонность зародилась еще на двѣнадцатомъ году въ молельной комнатѣ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, и потомъ, воспаленная пѣснью В. А. Жуковскаго «Во станѣ русскихъ воиновъ», породившею трагикомедію «Изгнаніе французовъ изъ Москвы», была самая жалкая, но я между товарищами носилъ имя «кишиневскаго поэта». Причиною этому названію были стихи на кишиневскій садъ, въ которыхъ я воспѣлъ всѣхъ посѣщающихъ оный, профанически подражая воспѣванію героевъ русскихъ. Не стыдясь однако пеленокъ своихъ, я сознаюсь, что если чудные звуки В. А. Жуковскаго породили во мнѣ любовь къ поэзіи, то пріѣздъ Пушкина въ Кишиневъ породилъ чувство ревности къ музѣ. Но все мое поприще огра-

---

хотворенія намекаютъ на освященіе знаменъ Ипсиланти въ Яссахъ, о чемъ Пушкинъ писалъ А. Н. Раевскому еще въ мартѣ 1821 года (Сочиненія, т. VII, стр. 18).

Л. М.

1) Это — ошибка: Батюшковъ никогда не бывалъ въ Кишиневѣ, но въ 1815 году служилъ въ Каменцѣ-Подольскѣ, подъ начальствомъ А. Н. Бахметева, который управлялъ и Бессарабіей.

Л. М.

ничивалось письмами; по какой-то непреодолимой страсти я не могъ написать всего письма въ прозѣ: непремѣнно, нечувствительно прокрадывались въ него риѳмы. Да еще я начиналъ писать какую-то огромную книгу въ стихахъ и прозѣ (заглавія не помню; кажется, «Этеонъ и Лаида»), что-то въ родѣ поэмы изъ Крестовыхъ походовъ,—только дѣйствіе на Нилѣ. Встрѣчая Пушкина въ обществѣ и у товарищей, я никакъ не умѣлъ съ нимъ сблизиться: для другихъ въ обществѣ онъ могъ казаться ровенъ, но для меня онъ казался недоступенъ. Я даже удалялся отъ него, и сколько я могу понять теперь тайное, безотчетное для меня тогда чувство, я боялся, чтобы кто-нибудь изъ товарищей не сказалъ ему при мнѣ: «Пушкинъ, вотъ и онъ пописываетъ у насъ стишки».

Слава Пушкина въ Кишиневѣ гремѣла только въ кругу русскихъ; молдавскій образованный классъ зналъ только, что поэтъ есть такой человѣкъ, который пишетъ «поэзіи». Пушкинъ замѣтнѣе другихъ, носящихъ фракъ, былъ только потому, что принадлежалъ, по ихъ мнѣнію, къ свитѣ намѣстника; въ обществѣ же женщинъ шитый мундиръ, статность, красота играли значительнѣе роль, нежели слава, пріобрѣтенная гусинымъ перомъ. Однако жь, живымъ нравомъ и остротой ума Пушкинъ вскорѣ покорилъ и вниманіе молдавскаго общества; все оригинально-странное не ушло отъ его колючихъ эпиграммъ, не смотря на то, что онъ ихъ бросалъ въ разговоры какъ-будто только по одной привычкѣ: память молодежи ихъ ловила на лету и носилась съ ними по городу.

Отецъ Пульхеріи [1]), нѣкогда стоявшій съ чубукомъ въ рукахъ на запяткахъ *бутки* (коляски) ясскаго господаря Мурузи, но потомъ владѣтель большихъ имѣній въ Бессарабіи, предсѣдатель палаты и откупщикъ всего края, во время Пушкина жилъ открыто; ему нуженъ былъ зять русскій, сильная рука котораго поддержала бы предвидимую несостоятельность по откупамъ. Предчувствуя сбирающуюся надъ нимъ грозу, онъ пристроилъ къ небольшому дому огромную залу, разрисовалъ ее какъ трактиръ и сталъ давать балы за балами, вечера за вечерами. Свернувъ подъ себя ноги на диванѣ, какъ паша, сидѣлъ онъ съ чубукомъ въ рукахъ и встрѣчалъ

1) Егоръ Кирилловичъ Варфоломей. Вельтманъ изобразилъ его и его семейство въ повѣсти «Два маіора» (*Москвитянинъ* 1848 года, № 1).

Л. М.

своихъ гостей привѣтливымъ: «пуфтимъ» (просимъ). Его жена, Мар
Дмитріевна, была во всей формѣ русская говорливая, гостепріимн
помѣщица; Пульхерица была полная, круглая, свѣжая дѣвушка: о
любила говорить болѣе улыбкой, но это не была улыбка кокетст
нѣтъ, это просто была улыбка здороваго, беззаботнаго сердца. Н
кто не припомнитъ изъ знавшихъ ее въ продолженіе нѣсколькн
лѣтъ, чтобъ она на кого-нибудь взглянула особенно; казалось, ч
каждый, кто бы онъ ни былъ и каковъ бы ни былъ, для н
былъ не болѣе, какъ человѣкъ съ головой, съ руками и съ ногам
На балахъ со всѣми кавалерами она съ одинакимъ удовольствіе
танцовала, всѣхъ одинаково любила слушать, и Пушкину така
какъ и всякому, кто умѣлъ ее разсмѣшить или польстить ея сам
любію, она отвѣчала: «Ah, quel vous êtes, monsieur Pouchkine
Пушкинъ особенно цѣнилъ ея простодушную красоту и безотвѣтн
сердце, не вѣдавшее никогда ни желаній, ни зависти.

Но Пульхерица была необъяснимый феноменъ въ природ
стòитъ, чтобъ сказать мои сомнѣнія на счетъ ея. Многіе искали
руки, отецъ и мать изъявляли согласіе, но едва желающій бы
нареченнымъ приступалъ къ исканію сердца, всѣ вступленія в
объясненію чувствъ и желаній Пульхерица прерывала: «Ah, qu
vous êtes! Qu'est-ce que vous badinez!» И все отступалось отъ иск
ній; сердца ея никто не находилъ; можетъ быть, его и не было, и
по крайней мѣрѣ, оно было на правой сторонѣ, какъ у анатомирова
наго въ Москвѣ солдата. Когда по дѣламъ своимъ отецъ ея пре
видѣлъ худую будущность, онъ принужденъ былъ влюбиться, вмѣс
дочери, въ одного изъ мопхъ товарищей [1]), но товарищъ мой
прельщался нѣсколькими стами тысячъ приданаго и помѣстья
бояръ. «Мусье Горчаковъ», говорилъ ему Варѳоломей,—«вы може
положиться на мою любовь и уваженіе къ вамъ». «Помилуйте,
очень цѣню вашу привязанность, но мнѣ не съ вами жить». «П
вѣрьте мнѣ, что она васъ любитъ», говорилъ Варѳоломей. Но т
варищъ мой не вѣрилъ клятвамъ отцовскимъ.

Смотря на Пульхерію, которой по наружности было около в

1) Дѣло идетъ о Владимірѣ Петровичѣ Горчаковѣ, который, подобно Вель
ману, былъ офицеромъ по квартирмейстерской части и, проживая въ Киши
невѣ, тоже сошелся съ Пушкинымъ. Его воспоминанія о Пушкинѣ напечатан
въ *Москвитянинѣ* 1850 года.

Л. М.

семнадцати лѣтъ, я нѣсколько разъ покушался думать, что она есть совершеннѣйшее произведеніе не природы, а искусства. «Отчего», думалъ я, — «у Варѳоломея только одна дочь, тогда какъ и онъ, и жена еще довольно молоды?» Всѣ движенія, которыя она дѣлала, могли быть механическими движеніями автомата. «Не автоматъ ли она?» И я присматривался къ ея походкѣ: въ походкѣ было что-то странное, чего и выразить нельзя. Я присматривался на глаза: прекрасный, спокойный взоръ двигался вмѣстѣ съ головою. Ея лицо и руки такъ были изящны, что мнѣ казались онѣ натянутою лайкой. Но Пульхерія говоритъ... Говорилъ и Альбертовъ андроидъ съ мѣднымъ лбомъ. Я обращалъ вниманіе на ея разговоры; она все слушала кавалера своего, улыбалась на его слова и произносила только: «Qu'est-ce que vous dites? Ah, quel vous êtes!» и иногда: «Qu'est-ce que vous badinez?» Голосъ ея былъ протяженъ, въ произношеніи что-то особенное, необъяснимое. «Неужели это — новая Галатея?» думалъ я... Но послѣдній опытъ такъ убѣдилъ меня, что Пульхерія — не существо, а вещество, что я до сихъ поръ вѣрю въ возможность моего предположенія. Я замѣчалъ, ѣстъ ли она. Повѣритъ ли мнѣ кто-нибудь? Она не ѣла; она не садилась за большой ужинъ, ходила вокругъ столиковъ, разставленныхъ вокругъ залы, за которыми располагались гости по произволу кадрилями; обращаясь то къ тому, то къ другому, она повторяла: «Pourquoi ne mangez-vous pas?» И если кто-нибудь отвѣчалъ, что онъ усталъ и не можетъ ѣсть, она говорила: «Ah, quel vous êtes!» и отходила. «Пульхерія не существо», думалъ я; — «но какимъ же образомъ ея отецъ, самъ ли геній механическаго искусства, или пріобрѣвшій за деньги механическую дочь, хлопочетъ, чтобъ выдать ее замужъ?» И тутъ находилъ я оправданіе своего предположенія: ему нужно утвердить за дочерью бо́льшую часть богатства, чтобъ избѣжать отъ бѣдствій несостоятельности, которую онъ предвидѣлъ уже по худому ходу откуповъ; зятю же своему онъ заперъ бы уста золотомъ; притомъ же, кто бы рѣшился разсказывать, что онъ женился на произведеніи механизма? Странно однако, что никто не женился на Пульхеріи. Спустя восемь лѣтъ я пріѣзжалъ въ Кишиневъ и видѣлъ вѣчную невѣсту въ саду кишиневскомъ: она была почти та же, механизмъ не испортился, только лицо немного попстерлось [1]).

1) Впослѣдствіи, уже въ тридцатыхъ годахъ, П. Е. Варѳоломей вышла за Мано, греческаго консула въ Одессѣ. *Л. М.*

Пушкинъ часто бывалъ у Варѳоломея. Добрая, таинственная дѣвушка ему нравилась, нравилось и гостепріимство хозяевъ. Пушкинъ посвятилъ нѣсколько стиховъ Пульхеріи, которые я однако же не припомню.

Происходя изъ арапской фамиліи, въ нравѣ Пушкина отзывалось восточное происхожденіе. Въ немъ проявлялся навыкъ отцовъ его къ независимости, въ его пріемахъ — воинственность и безстрашіе, въ отношеніяхъ — справедливость, въ чувствахъ — страсть благоразумная, безъ восторговъ, и чувство мести всему, что отступало отъ природы и справедливости. Эпиграмма была его кинжаломъ. Онъ не щадилъ ни враговъ правоты, ни враговъ собственныхъ, поражалъ ихъ прямо въ сердце, не щадилъ и всегда готовъ былъ отвѣчать за удары свои.

Я уже сказалъ, что Пушкинъ, по пріѣздѣ, жилъ въ домѣ намѣстника. Кажется, въ 1822 году было сильное землетрясеніе въ Кишиневѣ; стѣны дома треснули, раздались въ нѣсколькихъ мѣстахъ; генералъ Инзовъ принужденъ былъ выѣхать изъ дома, но Пушкинъ остался въ нижнемъ этажѣ. Тогда въ Пушкинѣ было еще нѣсколько странностей, быть можетъ, непзбѣжныхъ спутниковъ геніальной молодости. Онъ носилъ ногти длиннѣе ногтей китайскихъ ученыхъ. Пробуждаясь отъ сна, онъ сидѣлъ голый въ постелѣ и стрѣлялъ изъ пистолета въ стѣну. Но уединеніе посреди развалинъ наскучило ему, и онъ переѣхалъ жить къ Алексѣеву [1]). Утро посвящалъ онъ вдохновенной прогулкѣ за городъ, съ карандашемъ и листомъ бумаги; по возвращеніи листъ весь былъ исписанъ стихами, но изъ этого разбросаннаго жемчуга онъ выбиралъ только крупный, не болѣе десяти жемчужинъ; изъ нихъ-то составлялись роскошныя нити событій въ поэмахъ: «Кавказскій плѣнникъ», «Разбойники», начало «Онѣгина» и мелкія произведенія, напечатанныя и не напечатанныя. Во время этихъ-то прогулокъ онъ писалъ «Къ Овидію» и сказалъ:

Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной

---

1) Николай Степановичъ Алексѣевъ, одинъ изъ немногихъ русскихъ гражданскихъ чиновниковъ въ Кишиневѣ, съ которыми сблизился тамъ Пушкинъ. Свѣдѣнія о немъ въ воспоминаніяхъ И. П. Липранди (*Русскій Архивъ* 1866 г.).
Л. М.

Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной, —
Береговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье...
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный грекъ свободу вызывалъ,
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ, —
Но не унизилъ въ вѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.

Вѣроятно, никто не имѣетъ такого полнаго сборника всѣхъ сочиненій Пушкина, какъ Алексѣевъ. Разумѣется, многія не могутъ быть изданы по отношеніямъ.

Чаще всего я видалъ Пушкина у Липранди, человѣка вполнѣ оригинальнаго по острому уму и жизни. Къ нему собиралась вся военная молодежь, въ кругу которой жилъ болѣе Пушкинъ. Живая, веселая бесѣда, écarté и иногда, pour varier, «направо и налѣво», чтобъ сквитать выигрышъ. Иногда забавы были ученаго рода. Въ Кишиневъ пріѣхалъ извѣстный физикъ Стойковичъ [1]). Узнавъ, что онъ будетъ обѣдать въ одномъ домѣ, куда были приглашены Липранди и Раевскій [2]), они сговорились поставить въ тупикъ физика. Передъ обѣдомъ изъ первой попавшейся «Физики» заучили они всѣ значительные термины, набрались глубокихъ свѣдѣній и явились невинными за столъ. Исподволь склонили они разговоръ о предметахъ, касающихся физики, заспорили между собою, вовлекли въ споръ Стойковича и вдругъ нахлынули на него съ вопросами и смутили физика, не ожидавшаго такихъ познаній въ военныхъ.

Читателямъ «Евгенія Онѣгина» извѣстна фамилія Ларинъ. Ларинъ — родня Ильѣ Ларину, походному пьяному шуту, который потѣшалъ насъ въ Кишиневѣ [3]). Отставной унтеръ-цейгвахтеръ Илья

1) Аѳанасій Ивановичъ Стойковичъ, профессоръ Харьковскаго университета.
Л. М.

2) Маіоръ Василій Ѳедосѣевичъ, о которомъ см. выше въ стр. 86.
Л. М.

3) Объ этомъ Ильѣ Ларинѣ Вельтманъ написалъ особый разсказъ, помѣщенный въ *Московскомъ городскомъ листкѣ* 1847 года. О немъ упоминаетъ и И. П. Липранди въ своихъ воспоминаніяхъ.
Л. М.

Ларинъ, подобно Кохрену, былъ enjambeur и исходилъ всю Россію кругомъ не по страсти путешествовать, но по страсти къ разнообразію, для снисканія пищи и особенно питія между военною молодежью. Не имѣя ровно ничего, онъ не хотѣлъ быть нищимъ, но хотѣлъ быть вездѣ гостемъ. Прибывъ пѣшкомъ въ какой-нибудь городъ, онъ узнавалъ имена офицеровъ, и внезапно входя въ двери съ дубиной въ рукахъ, протягивалъ первому руку и говорилъ громогласно: «Здравствуй, малявка! Ну, братецъ, какъ ты поживаешь? А, суконка, узналъ ли ты Ларина, всесвѣтнаго барина?» Подобное явленіе, разумѣется, производило хохотъ, а Ларинъ между тѣмъ безъ церемоній садился, пилъ и ѣлъ все, что только стояло на столѣ, и вмѣшиваясь въ разговоръ, всѣхъ смѣшилъ самымъ серьезнымъ образомъ. Покуда странность его была новостью, онъ жилъ въ обществѣ офицеровъ, переходя гостить отъ одного къ другому; но когда начинали уже ѣздить на немъ верхомъ и не обращали вниманія на его хозяйскія требованія, онъ вдругъ изчезалъ изъ города и шелъ далѣе незваным гостемъ. Ларинъ явился въ Кишиневъ во время Пушкина какъ будто для того, чтобъ избавить его отъ затрудненія выдумывать фамилію для одного изъ лицъ «Евгенія Онѣгина».

Чья голова невидимо теплится передъ истиной, тотъ рѣдко проходитъ чрезъ толпу мирно; раздраженный неуваженіемъ людей къ своему божеству, какъ человѣкъ, онъ такъ же забывается, грозно осуждаетъ чужіе поступки и, какъ древній діаръ, заступается за правоту своего приговора: на *полѣ* дѣло рѣшается *Божьимъ судомъ*... Верстахъ въ двухъ отъ Кишинева, на западъ, есть урочище посреди холмовъ, называемое Малиной, — только не отъ русскаго слова *малина*: здѣсь городскіе виноградные и фруктовые сады. Это мѣсто какъ будто посвящено обычаемъ «полю». Подъѣхавъ къ саду, лежащему въ вершинѣ лощины, противники восходятъ на гору по извивающейся между виноградными кустами тропинкѣ. На лугу, подъ сѣнью яблонь и шелковицъ, близъ дубовой рощицы, стряпчіе вымѣряютъ поле, а между тѣмъ подсудимые сбрасываютъ съ себя платье и становятся на мѣсто. Здѣсь два раза «полевалъ» и Пушкинъ, но къ счастью, дѣло не доходило даже до первой крови, и послѣ первыхъ выстрѣловъ его противники предлагали миръ, а онъ принималъ его. Я не былъ стряпчимъ, но былъ свидѣтелемъ издали одного «поля», и признаюсь, что Пушкинъ не боялся пули точно также, какъ и жала критики. Въ то время, какъ въ него цѣлили, казалось, что онъ,

улыбаясь сатирически и смотря на дуло, замышлялъ злую эпиграмму на стрѣльца и на промахъ.

Пушкинъ такъ былъ пылокъ и раздражителенъ отъ каждаго непріятнаго слова, такъ дорожилъ чистотой мнѣнія о себѣ, что однажды въ обществѣ одна дама, не понявъ его шутки, сказала ему дерзость. «Вы должны отвѣчать за дерзость жены своей», сказалъ онъ ея мужу. Но бояръ равнодушно объяснилъ, что онъ не отвѣчаетъ за поступки жены своей. «Такъ я васъ заставлю знать честь и отвѣчать за нее», вскричалъ Пушкинъ, и непріятность, сдѣланная Пушкину женою, отозвалась на мужѣ. Этимъ все и заключилось; только съ тѣхъ поръ долго бояре дичились Пушкина; по время скоро излѣчило рожу на лицѣ Тодора Бальша, и онъ теперь засѣдаетъ въ диванѣ князя Молдавіи [1]).

Я полагаю, что поэма «Разбойники» внушена Пушкину взглядомъ на талгаря Урсула (*талгарь* — разбойникъ, *урсулъ* — медвѣдь). Это былъ начальникъ шайки, составившейся изъ разнаго сброда войнолюбивыхъ людей, служившихъ етеріи молдавской и перебравшихся въ Бессарабію отъ преслѣдованія турокъ послѣ Скулянскаго дѣла. Въ Молдавіи и вообще въ Турціи разбойники разъѣзжаютъ отрядами по деревнямъ, берутъ дань, пируютъ въ корчмахъ, и ихъ никто не трогаетъ. Урсулъ съ нѣсколькими изъ отважныхъ ограбилъ на дорогѣ отъ Бендеръ къ Кишиневу купца. Вздумали пировать въ корчмѣ при въѣздѣ въ городъ. Въ то время еще никто не удивлялся, видя нѣсколько вооруженныхъ съ ногъ до головы арнаутовъ; но ограбленный Урсуломъ прибѣжалъ въ Кишиневъ и, замѣтивъ разбойниковъ въ корчмѣ, закричалъ: «Талгарь, талгарь!» Народъ сбѣжался; письменная почта была подлѣ; почтмейстеръ Алексѣевъ, отставной храбрый полковникъ гусарскій, собралъ команду почтальоновъ и бросился съ ними къ корчмѣ, давъ знать между тѣмъ жандармскому командиру. Урсулъ съ товарищами, видя себя окруженнымъ, вскочивъ на коней, понеслись во весь опоръ чрезъ городъ. Только крики: «Талгарь, талгарь!» успѣвали ихъ преслѣдовать по улицамъ. Народъ загораждалъ имъ путь, по выстрѣлами прокладывали они себѣ дорогу впередъ, однако же выбрали плохой путь — черезъ Булгарію (улицу Булгарскую). Булгары осыпали ихъ и при-

1) О столкновеніи Пушкина съ Бальшемъ см. выше стр. 8.

Л. М.

нудили своротить въ сторону къ огородамъ. Огороды лежали
равнинѣ по берегу Быка. Принадлежа разнымъ владѣльцамъ, все
странство было въ загородяхъ. Лихіе кони разбойниковъ перелет
черезъ плетни, но загородокъ было много, а толпы булгаръ прес
довали ихъ бѣгомъ и догоняли; постепенно утомленные кони пада
съ отважными сѣдоками, и булгары, какъ пчелы, осыпали ихъ и
ревязывали. На окованнаго Урсула съѣзжался смотрѣть весь горо
Это былъ образецъ звѣрства и ожесточенія; когда его наказали,
не давался лѣчить себя, лежалъ осыпанный червями, но не оха
Я увѣренъ, что Урсулъ подалъ Пушкину мысль написать карти
«Разбойниковъ», въ которой онъ подражалъ разсказу Байрона
«Шильонскомъ узникѣ» только привычнымъ своимъ размѣромъ [1].

Точно также и кочующіе цыгане по Бессарабіи подали Пу
кину мысль написать картину «Цыганъ», хотя это несчастное пле
Ромъ [2]), истинные потомки плебеевъ римскихъ, изгнанные плот
тамъ не столь милы, какъ въ поэмѣ Пушкина.

Говоря о цыганахъ бессарабскихъ и молдавскихъ, должно уп
мянуть, что они издавна составляютъ собственность, рабовъ боя
скихъ, между тѣмъ какъ молдаване — народъ вольный, завися
только отъ земли. Въ Бессарабіи есть нѣсколько деревень, зем
нокъ цыганскихъ; по большей части они живутъ на краяхъ сел
ній въ землянкахъ, платятъ владѣтелю червонецъ съ семьи и отпра
ляются таборомъ кочевать по Бессарабіи на заработку. Они — к
ковачи, или пѣвцы-музыканты; скрипица и кобза — два инструмен
ихъ. Лошадиной мѣной тамъ они не занимаются. Почти каждая д
ревня Бессарабіи нанимаетъ постоянно двухъ или нѣсколькихъ ц
ганъ-музыкантовъ для *джоковъ* (хороводной пляски) по воскресеньям

---

1) Похожденія разбойника Урсула, разумѣется, съ романическими прик
сами, составляютъ содержаніе повѣсти Вельтмана подъ этимъ заглавіемъ, пом
щенной во II-мъ томѣ «Ста русскихъ литераторовъ»; эпизодъ поимки Урсу
описанъ тамъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что въ настоящихъ «Воспом
наніяхъ». Вигель, въ своихъ запискахъ (ч. VI, стр. 132), разсказываетъ ис
рію этого Урсула, но съ большими неточностями, которыя исправлены И.
Липранди въ его «Замѣчаніяхъ на Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля» (гл. XXXVII

Л. М.

2) Такъ называютъ себя цыгане. Если вы спросите у цыгана: кто онъ, цы
ганъ будетъ отвѣчать: «Романе гове» (сынъ рима, римлянинъ). Цыгане су
дѣйствительно племя первобытныхъ римлянъ.

А. В.

и во время свадебъ. Почти каждый бояръ также содержитъ у себя нѣсколько человѣкъ музыкантовъ. Въ дополненіе вся почти дворня каждаго бояра состоитъ изъ однихъ цыганъ, повара и служанки изъ цыганъ. Служанки въ лучшихъ домахъ ходятъ босикомъ, повара—чернѣе вымазанныхъ смолою чумаковъ, и если вы сильно будете брезгливы, то не смотрѣте, какъ готовится обѣдъ въ кухнѣ, которая похожа на отдѣленіе ада: это—страшно! Ихъ кормятъ одною *мамалыгой* или мукой кукурузною, свареною въ котлѣ густо, какъ саламата. Комъ мамалыги вываливаютъ на грязный столъ, разрѣзываютъ на части и раздаютъ; кто опоздалъ взять свою часть, тотъ имѣетъ право голодать до вечера. По праздникамъ прибавляютъ къ обѣду ихъ гнилой *брынзы* (творогъ овечій). За то не нужно мыть тарелокъ во время обѣдовъ боярскихъ: эти несчастные оближутъ ихъ чисто-на-чисто. Я не говорю, чтобъ это было такъ вездѣ, но такъ по большей части; по одному, по нѣсколькимъ примѣрамъ я бы даже не упомянулъ объ этомъ, но это — просто обычай въ Бессарабіи, въ Молдавіи и Валахіи, во всякомъ домѣ, гдѣ огромная дворня цыганъ составляетъ прислугу. Страсть къ наружному великолѣпію и вмѣстѣ отвратительную неопрятность de la maison culinaire не возможно достаточно сблизить въ воображеніи.

Войдите въ великолѣпный домъ, который не стыдно было бы перенести на площадь какой угодно изъ европейскихъ столицъ. Вы пройдете переднюю, полную арнаутовъ, передъ вами приподнимутъ полость сукна, составляющую занавѣску дверей; пройдете часто огромную залу, въ которой можно сдѣлать разводъ, передъ вами вправо или влѣво поднимутъ опять какую-нибудь красную суконную занавѣсь, и вы вступите въ диванную; тутъ застанете вы или хозяйку, разряженную по модѣ европейской, но сверхъ платья въ какой-нибудь кацавейкѣ, *фермеле*, безъ рукавовъ, шитой золотомъ, или застанете хозяина, про котораго невольно скажете:

Онъ важенъ, важенъ, очень важенъ:
Усы въ три дюйма, и сѣда
Его въ два локтя борода,
Янтарь въ аршинъ, чубукъ въ пять саженъ.
Онъ важенъ, важенъ, очень важенъ [1]).

1) Стихи Вельтмана; см. «Странникъ», ч. II, стр. 73.

Васъ сажаютъ на диванъ; арнаутъ въ какой-нибудь лиловой бархатной одеждѣ, въ кованой изъ серебра позолоченой бронѣ, въ чалмѣ изъ богатой турецкой шали, перепоясанный также турецкою шалью, за поясомъ ятаганъ, на руку наброшенъ кисейный, шитый золотомъ платокъ, которымъ онъ, раскуривая трубку, обтираетъ драгоцѣнный мундштукъ, — подаетъ вамъ чубукъ и ставитъ на полъ подъ трубку мѣдное блюдечко. Въ то же время босая, неопрятная цыганочка, съ вклокоченными волосами, подаетъ на подносѣ дулечецъ и воду въ стаканѣ. А потомъ опять пышный арнаутъ или нищая цыганка подносятъ *кавy* въ крошечной фарфоровой чашечкѣ безъ ручки, подлѣ которой на подносѣ стоитъ чашечка серебряная въ которую вставляется чашечка съ кофе и подается вамъ. Турецкій кофе смолотый и стертый въ пыль, сваренный крѣпко, подается безъ отстоя.

Между дѣвами-цыганками, живущими въ домѣ, можно найти Земферску или Земфиру, которую воспѣлъ Пушкинъ, и которая, въ свою очередь, поетъ молдавскую пѣсню:

Ардыма, фрыджи ма,
На карбуне пупе ма!
(Жги меня, жарь меня, на уголья клади меня).

Но посреди таборовъ нѣтъ Земфиры.

Я сказалъ уже, что я боялся не только говорить, но даже быть вмѣстѣ съ Пушкинымъ; но странный случай свелъ насъ. Заспоривъ однажды съ кѣмъ-то, что фамилія Таушевъ, произносящаяся *y* съ краткою, должна и писаться правильно съ краткою, ибо письмо не должно измѣнять произношенію, я доказывалъ, что должно ввести въ употребленіе *y* съ краткою, и привелъ на-обумъ слѣдующіе четыре стиха:

Жуковскій, Батюшковъ и Пушкинъ —
Парнасса русскаго пѣвцы,
Пафнутьевъ, Таушевъ и Слѣпушкинъ —
Шестого корпуса писцы.

«Надъ *y* не должно быть краткой, *и* — лишнее въ стихѣ; должно сказать:

Пафнутьевъ, Таушевъ, Слѣпушкинъ»,

кричали всѣ. Я изъ себя выходилъ, доказывая, что если въ произношеніи *y* — краткое, то *и* должно быть. Въ это время вошелъ Пуш-

кишъ; ему объяснили споръ; онъ былъ противъ меня, и тщетно я увѣрялъ, что *у* въ фамиліи Таушевъ — то же, что̀ краткое *и*, и что, слѣдовательно, въ стихѣ:

Пафнутьевъ, Таушевъ и Слѣпушкинъ

и необходимо. Ничто не помогло: Пушкинъ не хотѣлъ знать *у* съ краткою [1]).

Вскорѣ Пушкинъ, узнавъ, что я тоже пописываю стишки и сочиняю молдавскую сказку въ стихахъ, подъ заглавіемъ: «Янко чабанъ» (пастухъ Янко), навѣстилъ меня и просилъ, чтобъ я прочиталъ ему что-нибудь изъ «Янка». Три пѣсни этой нелѣпой поэмы-буффы были уже написаны; зардѣвшись отъ головы до пятокъ, я не могъ отказать поэту и сталъ читать. Пушкинъ хохоталъ отъ души надъ нѣкоторыми мѣстами описаній моего «Янка», великана и дурня, который, обрадовавшись, такъ росъ, что вскорѣ не стало мѣста въ хатѣ отцу и матери, и младенецъ, проломивъ ученкой стѣну, вылупился изъ хаты какъ изъ яйца [2]).

Черезъ нѣсколько дней я отправился изъ Кишинева и не видѣлъ уже Пушкина до 1831 года. Онъ посѣтилъ *странника* уже въ Москвѣ. «Я непремѣнно буду писать о «Странникѣ», сказалъ онъ мнѣ. Въ послѣдующія свиданія онъ всегда напоминалъ мнѣ объ этомъ намѣреніи. Обстоятельства заставили его забыть объ этомъ; но я дорого цѣню это намѣреніе.

«Пора намъ перестать говорить другъ другу *вы*», сказалъ онъ мнѣ, когда я просилъ его въ собраніи показать жену свою. И я въ первый разъ сказалъ ему: «Пушкинъ, ты — поэтъ, а жена твоя —

---

1) Этотъ случай разсказанъ вкратцѣ и въ воспоминаніяхъ И. П. Липранди (*Русскій Архивъ* 1866 г., ст. 1448 и 1449), но съ очевидною неточностью: Липранди приписываетъ Пушкину именно то мнѣніе, которое защищалъ Вельтманъ, а поэтъ оспаривалъ. Вельтманъ, безъ сомнѣнія, лучше помнилъ, какъ было дѣло. Въ подтвержденіе его словъ можно замѣтить, что въ Пушкинскомъ автографѣ «Наполеона», написаннаго въ Кишиневѣ въ 1821 году, читается:

Померкни, солнце Австерлица,

а не «Аустерлица», какъ печатаютъ нынѣ вопреки требованію размѣра.

Л. М.

2) Эта поэма Вельтмана осталась не напечатанною, но два отрывка изъ нея — описаніе бури и описаніе разсвѣта — помѣщены въ его «Странникѣ», ч. I, стр. 96 и 98.

Л. М.

воплощенная поэзія». Это не была фраза обдуманная: этими слова невольно только высказалось сознаніе умственной и земной красот

Теперь гдѣ тотъ, который такъ таинственно, такъ скрытно дал для меня пособилъ развертываться силамъ остепенившагося *стро ника?...*

«Воспоминанія» Вельтмана не нуждаются во многихъ объясн ніяхъ. Уже было замѣчено выше, что основная ихъ мысль о плод творномъ вліяніи условій бессарабской жизни на творчество Пу кина заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ ясномъ и живомъ разска Вельтманъ развернулъ богатый запасъ собственныхъ наблюденій такимъ образомъ далъ очень цѣнные матеріалы для разработки п ставленной имъ задачи; но вмѣстѣ съ тѣмъ, должно сознаться — он не рѣшилъ ея самъ, ибо недостаточно провѣрилъ свою мысль сочиненіямъ Пушкина; для ея подтвержденія онъ ограничивает лишь нѣсколькими отдѣльными намеками и указаніями.

Прямое отношеніе къ реальной наблюдательности Вельтма имѣетъ его замѣчаніе о «Цыганахъ». Выражаясь съ большою ост рожностью, авторъ «Воспоминаній» даетъ однако понять, что въ эт поэмѣ Пушкинъ представилъ бессарабскихъ цыганъ въ образах слишкомъ идеальныхъ, слишкомъ мало похожихъ на настоящих представителей этого племени. Еще критики, современные появ нію поэмы (1827 г.), указывали на то, что есть внутреннее проти рѣчіе между изображеніемъ цыганъ у Пушкина и байроническим элементами произведенія; вспомнимъ въ особенности сужденіе И. Кирѣевскаго, изложенное въ его статьѣ: «Нѣчто о характерѣ поэз Пушкина»[1]). Но первые цѣнители поэмы осуждали автора ея н какъ не за идеализацію цыганскаго быта, а скорѣе за то, что он выставилъ на видъ нѣкоторыя слишкомъ грубыя черты его. Отзы Вельтмана совершенно противоположенъ такому сужденію, но томъ-то и заключается его оригинальность и достоинство: Вельтма находилъ въ поэмѣ Пушкина недостатокъ истиннаго реализма. Су по позднѣйшимъ критическимъ замѣткамъ поэта (1830 и 1831 гг. онъ и самъ пришелъ впослѣдствіи къ такому же заключенію.

---

1) Эта статья была помѣщена въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828 года, а вп слѣдствіи перепечатана въ I-мъ томѣ сочиненій И. В. Кирѣевскаго.

Относительно «Братьевъ-разбойниковъ» Вельтманъ высказываетъ догадку, что эта поэма внушена Пушкину «взглядомъ на талгаря Урсула», когда послѣдняго держали скованнаго въ кишиневской тюрьмѣ, и на него съѣзжался смотрѣть весь городъ. Предположеніе невѣрное, такъ какъ, по собственному свидѣтельству Пушкина, сочиненіе этой небольшой поэмы или, точнѣе сказать, отрывка изъ поэмы относится къ концу 1821 года, а обстоятельство, подавшее къ ней поводъ, то-есть, бѣгство черезъ рѣку двухъ скованныхъ другъ съ другомъ арестантовъ, случилось еще раньше, въ 1820 году, въ Екатеринославѣ, во время пребыванія тамъ Пушкина; между тѣмъ, поимка талгаря Урсула послѣдовала въ Кишиневѣ только въ апрѣлѣ 1823 года [1]). Тѣмъ не менѣе, есть доля правды и въ словахъ Вельтмана. Типы удальцовъ греческихъ, южно-славянскихъ и румынскихъ, которыхъ Пушкинъ видалъ въ бытность свою въ Бессарабіи, несомнѣнно, производили сильное впечатлѣніе на его воображеніе, и именно тѣмъ, что въ нихъ своеобразно сочетались, съ одной стороны, страстные порывы къ народной свободѣ, а съ другой — дикіе инстинкты людей, выросшихъ подъ давленіемъ всяческаго гнета и внѣ всякихъ цивилизующихъ вліяній. Эти впечатлѣнія встрѣтили Пушкина при самомъ прибытіи въ Кишиневъ и сопровождали въ теченіе всей его тамошней жизни. Онъ пріѣхалъ въ Кишиневъ въ сентябрѣ 1820 года, а 5-мъ октября уже помѣчено его стихотвореніе «Дочери Карагеоргія», въ которомъ, обращаясь къ этой дѣвушкѣ, онъ изображалъ ея отца слѣдующими характерными стихами:

Гроза Луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей, и славы былъ достоинъ.

Разсказы о героѣ сербскаго возстанія Пушкинъ могъ слышать отъ проживавшихъ въ Кишиневѣ сербскихъ воеводъ, съ которыми встрѣчался у Липранди, а впослѣдствіи онъ даже принимался записывать отъ знакомыхъ сербовъ ихъ юнацкія пѣсни. Точно также собиралъ онъ разсказы и о греческихъ удальцахъ, участникахъ попытки Ипсиланти. Такимъ образомъ, еще раньше свиданія съ талгаремъ Урсуломъ, Пушкинъ познакомился съ этимъ родомъ людей,

1) Сочиненія Пушкина, т. V, стр. 121; VII, стр. 58; *Липранди*, Замѣчанія на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, стр. 161 и 162.

и понятно, что нѣкоторыя черты изъ ихъ характеристики могл
попасть въ тотъ юношескій набросокъ, который представляютъ собо
«Братья-разбойники».

Какъ русскіе «лихіе люди» съ раннихъ лѣтъ занимали собо
воображеніе Пушкина и затѣмъ много разъ были выводимы въ е
произведеніяхъ даже самой поздней поры, такъ и яркіе образ
разноплеменныхъ балканскихъ удальцовъ, мелькнувшіе передъ нимъ
въ Бессарабіи, никогда не покидали его впослѣдствіи. Въ 1832—183
годахъ Пушкинъ пишетъ «Пѣсни западныхъ славянъ», въ которых
рядомъ съ переводами поддѣлокъ Мериме, встрѣчается воспроизве
деніе подлинныхъ памятниковъ славянскаго народнаго творчеств
и безъ сомнѣнія, живость и яркость красокъ въ этихъ «Пѣсняхъ
объясняются не чѣмъ инымъ, какъ впечатлѣніями, которыя залегл
въ душѣ поэта со времени его жизни въ Кишиневѣ. Къ тѣмъ ж
воспоминаніямъ, и еще прямѣе, Пушкинъ обращается въ 1834 году
когда пересказываетъ дошедшія до него по слухамъ преданія о гро
номъ Кирджали, который, подобно талгарю Урсулу, былъ сперв
сподвижникомъ Инспланти, а потомъ сталъ лихимъ разбойникомъ
и наводилъ своими грабежами ужасъ на всю Молдавію. Любопытно
что самая выработка прозаической повѣствовательной формы связы
вается у Пушкина съ разсказами объ этихъ людяхъ: насъ поражаетъ
изумительное совершенство ея въ сжатомъ, но картинномъ повѣство
ваніи о Кирджали, написанномъ въ пору высшаго развитія Пуш
кинскаго творчества; а за десять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1824 году
геніальный авторъ этой повѣсти, записывая въ Одессѣ воспоминанія
етеристовъ Дуки и Пендедеки, еще затруднялся ихъ изложеніемъ и
жаловался Липранди: «Съ прозой — бѣда! Хочу попробовать этотъ
первый опытъ»[1]). Попыткой своею Пушкинъ остался тогда не вполнѣ
доволенъ; потому, вѣроятно, она и не сохранилась въ его бумагахъ.

Не считаемъ нужнымъ останавливаться на анекдотической сторонѣ «Воспоминаній» Вельтмана. Достовѣрность ихъ въ этомъ отношеніи подтверждается свидѣтельствами другихъ источниковъ, а вмѣстѣ
съ тѣмъ изъ «Воспоминаній» обнаруживается, что бытовыя повѣсти
Вельтмана имѣютъ основу большею частью въ дѣйствительныхъ про-
исшествіяхъ. Такъ, напримѣръ, оказывается, что напечатанный имъ
въ 1847 году разсказъ «Илья Ларинъ» касается лица, дѣйствительно

1) *Русскій Архивъ* 1866 г., ст. 1410.

носившаго эту фамилію и проживавшаго въ Кишиневѣ во время Вельтмана и Пушкина; не будетъ поэтому преувеличеніемъ взглянуть на этотъ разсказъ, какъ на дополненіе къ «Воспоминаніямъ». Изъ него видно, между прочимъ, что грубый и безпутный, но честный и прямой Ларинъ былъ нѣчто въ родѣ знаменитаго гоголевскаго капитана Копѣйкина; и если вѣрно извѣстіе, что сюжетъ «Повѣсти» о немъ былъ сообщенъ Гоголю Пушкинымъ, то легко предположить, что при этомъ послѣдній имѣлъ въ виду именно своего кишиневскаго знакомца.

Вельтманъ оставилъ Кишиневъ ранѣе Пушкина, и только лѣтъ девять спустя, въ началѣ 1831 года, они встрѣтились въ Москвѣ. Въ это время Вельтманъ напечаталъ уже своего «Странника» и повѣсть въ стихахъ «Бѣглецъ». Въ исходѣ февраля 1831 года состоялась свадьба Пушкина: это обстоятельство, конечно, и было причиною, почему онъ не собрался написать разборъ «Странника», какъ обѣщалъ то Вельтману. Между тѣмъ, въ № 30-мъ *Литературной Газеты* (26-го мая 1831 года), которую еще продолжалъ издавать О. М. Сомовъ послѣ смерти барона Дельвига, появился разборъ «Странника» и «Бѣглеца», очень неблагопріятный для автора. Пушкинъ встревожился этимъ и немедленно, 1-го іюня, написалъ изъ Царскаго Села знакомому съ Вельтманомъ П. В. Нащокину слѣдующее: «Я сейчасъ увидѣлъ въ *Литературной Газетѣ* разборъ Вельтмана, очень неблагосклонный и несправедливый; чтобъ не подумалъ онъ, что я тутъ какъ-нибудь вмѣшался. Дѣло въ томъ, что и я виноватъ: полѣнился исполнить обѣщанное, не написалъ самъ разбора; но и некогда было»[1]). Изъ «Воспоминаній» Вельтмана мы уже знаемъ, что онъ отнесся къ этой непріятности очень добродушно. Въ концѣ 1831 года и въ сентябрѣ слѣдующаго Пушкинъ снова былъ въ Москвѣ и, вѣроятно, снова видѣлся съ Вельтманомъ; по крайней мѣрѣ, въ октябрѣ 1832 года, въ письмѣ къ Нащокину, онъ наводилъ справки объ обстоятельствахъ Вельтмана и его литературныхъ занятіяхъ: обстоятельства дѣйствительно были довольно плохія, такъ какъ Вельтманъ находился тогда въ нуждѣ, а его литературныя занятія заключались только въ сочиненіи либретто для оперы, которую намѣревался писать покровительствуемый Нащокинымъ молодой московскій музыкантъ А. П. Есауловъ.

---

1) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 269.

На этомъ прерываются свѣдѣнія о личныхъ отношеніяхъ между двумя писателями. Какъ поэта, Вельтманъ привѣтствовалъ Пушкина еще въ 1831 году стихотвореніемъ «Пегасъ», въ которомъ читаются слѣдующія заключительныя строки:

Счастливъ, кому волшебникъ-геній далъ
Очаровательную силу!
Онъ возлетитъ на немъ [1]) къ прекрасному свѣтилу,
Гдѣ пламенникъ души богъ пѣсней возжигалъ!

Какъ человѣка прекрасной души, Вельтманъ изобразилъ Пушкина въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Бессарабіи».

---

1) На Пегасѣ.

ИЗЪ СНОШЕНІЙ ПУШКИНА

СЪ Н. Н. РАЕВСКИМЪ.

ЗАМѢТКИ ПО ПОВОДУ ОДНОГО ПИСЬМА.

Кто читалъ въ *Русскомъ Архивѣ* прежнихъ лѣтъ воспоминанія Н. И. Лорера и Г. И. Филипсона о службѣ ихъ на Кавказѣ въ тридцатыхъ годахъ, безъ сомнѣнія, помнитъ ихъ любопытные разсказы о генералѣ Николаѣ Николаевичѣ Раевскомъ, который съ 1838 по 1841 годъ былъ сперва устроителемъ а потомъ начальникомъ такъ-называемой Кавказской береговой линіи, то-есть, ряда укрѣпленій на восточномъ берегу Чернаго моря. Младшій сынъ знаменитаго героя 1812 года, Н. Н. Раевскій былъ типическимъ представителемъ героической эпохи русскаго владычества на Кавказѣ. Лихой воинъ, горячо любимый своими подчиненными и солдатами, но часто ссорившійся со своимъ начальствомъ, онъ соединялъ съ умомъ и военными способностями прекрасное образованіе и качества любезнаго свѣтскаго человѣка.

Въ ранней молодости Николай Николаевичъ служилъ въ гвардейскихъ гусарахъ и, стоя съ полкомъ въ Царскомъ Селѣ, познакомился съ лицеистомъ Пушкинымъ, который былъ на два года старше его. Пушкинъ говорилъ, что еще въ эту первую пору ихъ пріязни Раевскій оказалъ ему важныя услуги [1]): въ чемъ онѣ состояли — остается однако неизвѣстнымъ.

Позже, когда Пушкинъ жилъ въ Петербургѣ, онъ нерѣдко видался съ Николаемъ Николаевичемъ. Памятникомъ ихъ дружескихъ встрѣчъ можетъ служить слѣдующая шуточная записка Пушкина къ

---

1) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 8.

Жуковскому, относящаяся къ лѣту 1819 года и дополняющая характеристику какъ личности Раевскаго, такъ и его отношеній къ поэту:

Раевскій, *молоденецъ* прежній,
А тамъ уже *отважный сынъ*,
И Пушкинъ, школьникъ неприлежный
Парнасскихъ дѣвственницъ-богинь,
Къ тебѣ, Жуковскій, заѣзжали,
Но, къ не описанной печали,
Поэта дома не нашли,
И увѣнчавшись кинарисомъ,
Съ французской повѣстью «Борисомъ»
Домой уныло побрели.
Какой святой, какая сводня
Сведетъ Жуковскаго со мной?
Скажи: не будешь ли сегодня
Съ Карамзинымъ, съ Карамзиной?
На всякій случай ожидаю;
Тронися просьбою моей:
Тебя зоветъ на чашку чаю
Раевскій, слава нашихъ дней! [1])

Прозвища, которыми въ этихъ стихахъ Пушкинъ надѣляетъ своего пріятеля, объясняются тѣмъ общеизвѣстнымъ въ свое время фактомъ, что Николай Раевскій и его старшій братъ Александръ, будучи еще дѣтьми, сопровождали своего отца на войну и 11-го іюля 1812 года были свидѣтелями сраженія подъ Дашковкой, имъ выиграннаго. Самъ Раевскій-отецъ отрицалъ подлинность этого факта [2]), но еще въ исходѣ 1812 года Жуковскій намекаетъ на него въ слѣдующихъ стихахъ своего «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ»:

Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! Передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.

1) *Вѣстникъ Европы* 1888 г., мартъ, стр. 431; Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1892 г., приложенія, стр. 51 и 52. Записка написана, безъ сомнѣнія, въ Царскомъ Селѣ, гдѣ лѣтомъ 1819 года проживали какъ Н. М. Карамзинъ съ семействомъ, такъ и Жуковскій.

2) Сочиненія Батюшкова, т. II, стр. 327 и 328.

Пушкинъ, въ своей запискѣ, искусно пользуется выраженіями этого воззванія. Что касается «французской повѣсти «Борисъ», она тоже имѣетъ отношеніе къ Жуковскому; такъ называлась повѣсть, вышедшая въ 1819 году въ Парижѣ и доставленная Жуковскому А. И. Тургеневымъ; авторомъ ея былъ нѣкто A. Saint-Hippolyte, переводчикъ «Марѳы Посадницы» Карамзина на французскій языкъ; сюжетъ «Бориса» взятъ изъ древне-русской жизни, и подобно «Громобою» Жуковскаго, основанъ на сказаніи о продажѣ души сатанѣ [1]).

Въ маѣ 1820 года, когда Пушкинъ былъ высланъ на югъ Россіи, Н. Н. Раевскій доставилъ ему возможность присоединиться къ семейству своихъ родителей, отправлявшемуся со старикомъ-генераломъ на Кавказскія воды. Пушкинъ прожилъ въ обществѣ Раевскихъ около четырехъ мѣсяцевъ, сперва на водахъ, а потомъ на южномъ берегу Крыма [2]), и въ это время могъ особенно оцѣнить благородныя чувства молодого Н. Н. Раевскаго. Въ память ихъ тогдашнихъ дружескихъ сношеній поэтъ посвятилъ ему своего «Кавказскаго Плѣнника». Въ посвятительныхъ стихахъ Пушкинъ обращается къ своему другу со слѣдующими знаменательными словами:

Когда я погибалъ безвинный, безотрадный
И шепотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны хладной,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили, —
Я близъ тебя еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И бури надо мной свирѣпость утомили:
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ.

По возвращеніи изъ Крыма Пушкинъ проводилъ Раевскихъ до ихъ имѣнья Каменки, въ Кіевской губерніи, и затѣмъ снова посѣтилъ Каменку въ февралѣ 1821 года. Такимъ образомъ, онъ не разставался съ Николаемъ Николаевичемъ бо̀льшую часть перваго года, проведеннаго на югѣ Россіи. Въ Каменкѣ, на глазахъ у Раевскаго, Пушкинъ кончилъ «Кавказскаго Плѣнника». Около трехъ лѣтъ спустя, въ январѣ 1824 года, друзья встрѣтились не надолго

1) Сообщено В. И. Саитовымъ.
2) См. выше, стр. 6 и 7.

въ Одессѣ: туда пріѣзжалъ на время Николай Николаевичъ, уж оставившій гвардію и перешедшій на службу въ стоявшій на юг Курляндскій драгунскій полкъ.

Пушкина соединяла съ Раевскимъ не только сердечная пріязн молодыхъ лѣтъ, но и общность литературныхъ интересовъ, которы были сильно развиты во всемъ семействѣ Раевскихъ. Въ запискахъ Филипсона находятся слѣдующія свѣдѣнія о томъ какого характер было образованіе друга Пушкина: «Кажется, Николай Николаевичъ получилъ домашнее воспитаніе, по тогдашнему времени очень тщательное, но одностороннее, какъ это обыкновенно было въ то время Онъ очень хорошо владѣлъ французскимъ языкомъ, зналъ его литературу, много читалъ, подружившись съ А. С. Пушкинымъ и его кружкомъ, познакомился и съ русскою литературой. Изъ естественныхъ наукъ онъ зналъ только ботанику, которая давала упражненіе его огромной памяти. У него была большая библіотека, въ которой много было латинскихъ и греческихъ классиковъ, но во французскомъ переводѣ. Англійскій языкъ онъ зналъ плохо, а нѣмецкій еще хуже. Въ то время, какъ я его зналъ, онъ на досугѣ занимался только легкимъ чтеніемъ, какъ напримѣръ, романами Вальтера Скотта и Купера»[1]. Нужно имѣть въ виду, что этотъ нѣсколько сдержанный отзывъ относится къ позднѣйшему времени, когда Н. Н. Раевскій постарѣлъ и поопустился, и что онъ принадлежитъ человѣку, безъ сомнѣнія, умному, но нѣсколько сухому, дѣловитому и, по видимому, мало одаренному чувствомъ изящнаго. Не таковъ былъ Раевскій: очень чуткій къ созданіямъ поэзіи, онъ еще въ молодости отличался большою начитанностью въ произведеніяхъ изящной словесности, притомъ не одной французской. Пусть познанія его въ англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ были не обширны, однако онъ читалъ уже и Вальтера Скотта, и Байрона въ то время, когда ихъ, особливо послѣдняго, почти не знали наши даже записные литераторы. Оттого, какъ увидимъ далѣе, у него сложились литературныя сужденія, которыя довольно рѣзко выдѣлялись изъ господствовавшихъ въ ту пору мнѣній.

Близкое знакомство съ такимъ человѣкомъ не могло пройти безслѣднымъ для Пушкина. Едва ли не черезъ Н. Н. Раевскаго и его сестеръ онъ впервые познакомился съ Байрономъ. Есть положи-

1) Воспоминанія Григорія Ивановича Филипсона. Москва. 1885, стр. 155.

тельныя свидѣтельства, что подъ ихъ руководствомъ Пушкинъ началъ учиться англійскому языку [1]), а въ августѣ 1820 года, когда онъ плылъ съ Раевскимъ на кораблѣ «изъ Азіи въ Европу», уже была написана, подъ живымъ впечатлѣніемъ только что прочтеннаго «Чайльдъ-Гарольда», элегія:

Погасло дневное свѣтило... —

первое стихотвореніе въ той полосѣ творчества Пушкина, когда онъ платилъ дань байронизму.

Н. Н. Раевскій довольно долго оставался однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ Пушкина въ дѣлахъ литературы. По письмамъ поэта видно, что ему чаще приходилось спорить о литературныхъ вопросахъ со своими корреспондентами, чѣмъ соглашаться съ ними. Н. Н. Раевскій являлся въ этомъ отношеніи исключеніемъ. Извѣстно, что своимъ «Кавказскимъ Плѣнникомъ» Пушкинъ не былъ доволенъ, что недостатки этого произведенія обнаружились предъ авторомъ даже прежде, чѣмъ оно было отдано въ печать: едва кончивъ поэму, онъ уже находилъ характеръ героя неудачнымъ. То же повторяетъ Пушкинъ въ своей позднѣйшей замѣткѣ о «Кавказскомъ Плѣнникѣ» и прибавляетъ: «За то Николай и Александръ Раевскіе и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись». Это было, вѣроятно, въ началѣ 1824 года, когда Н. Н. Раевскій пріѣзжалъ въ Одессу навѣстить своего старшаго брата, здѣсь служившаго.

Вслѣдъ за «Плѣнникомъ» Пушкинъ задумалъ другую поэму, рѣшивъ взять краски для нея изъ русской народной жизни, изъ быта русскихъ разбойниковъ. Поэма была написана, но и ею авторъ остался недоволенъ и предалъ рукопись сожженію. Онъ успѣлъ однако сообщить Николаю Николаевичу свое произведеніе или, по крайней мѣрѣ, часть его; Раевскій сохранилъ этотъ отрывокъ, въ которомъ ему нравилась простота слога. Благодаря Раевскому, отрывокъ этотъ появился потомъ въ печати подъ названіемъ «Братьевъ-разбойниковъ». Съ мнѣніемъ Николая Николаевича о «Братьяхъ-разбойникахъ» согласно было сужденіе и самого Пушкина. «Какъ сюжетъ», писалъ онъ князю Вяземскому въ 1823 году, — «c'est un tour de force; но какъ слогъ, я ничего лучше не написалъ» [2]).

---

1) *Русскій Архивъ* 1866 г., ст. 1115 (статья *П. И. Бартенева*: «Пушкинъ въ южной Россіи»); *Анненковъ*. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 151.

2) Сочиненія, т. V, стр. 121; т. VII, стр. 25 — 30, 50, 54.

Когда задуманъ былъ и создавался «Борисъ Годуновъ», опять-таки съ Н. Н. Раевскимъ Пушкинъ пожелалъ подѣлиться своимъ замысломъ; сохранились черновые наброски двухъ писемъ о «Годуновѣ», адресованныхъ поэтомъ къ этому другу юности; но остается неизвѣстнымъ, были ли эти письма отправлены по назначенію.

Вообще, о перепискѣ между Пушкинымъ и Н. Н. Раевскимъ имѣется до сихъ поръ очень мало свѣдѣній. Намъ не удалось получить свѣдѣній о томъ, уцѣлѣли ли какія-либо письма поэта въ бумагахъ его друга [1]); въ Пушкинскомъ же архивѣ нашлось только одно письмо Николая Николаевича, которое и было напечатано П. И. Бартеневымъ [2]). Оно писано въ 1824 году, послѣ того какъ Раевскій узналъ о высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ деревню. Раевскій утѣшаетъ друга и въ переводѣ его на сѣверъ видитъ «шагъ къ прекращенію его изгнанничества»; говоритъ о своей тяжкой болѣзни и этимъ объясняетъ свое долгое молчаніе. Слѣдующія слова письма свидѣтельствуютъ о серьезности дружеской связи между Пушкинымъ и Раевскимъ, а также о томъ, что между ними дѣйствительно велась постоянная переписка: «Пиши ко мнѣ по прежнему, побольше и почаще. Не бойся поставить меня въ неловкое положеніе: моя дружба съ тобою завязалась гораздо раньше несчастной твоей исторіи; она независима отъ того, что̀ случилось и что̀ вызвано заблужденіями нашей ранней молодости. Совѣтую тебѣ: будь благоразуменъ. Не то, чтобъ я опасался новыхъ невзгодъ, но меня все еще страшитъ какой-нибудь неосторожный поступокъ, который можетъ быть истолкованъ въ дурную сторону; а по несчастію, твое прошедшее даетъ къ тому поводъ. Мнѣ очень хочется тебя увидѣть, и если твое положеніе не перемѣнится, я обѣщаю пріѣхать къ тебѣ раньше года; а если съ тобою послѣдуетъ перемѣна, то дай мнѣ слово навѣстить меня тоже раньше года».

Въ нашихъ рукахъ находится другое письмо Н. Н. Раевскаго къ Пушкину, сохранившееся въ бумагахъ П. В. Анненкова; оно писано 10-го мая 1825 года; годъ не означенъ, но онъ опредѣляется содержаніемъ письма. Оно писано изъ Кіевской губерніи, изъ Бѣ-

1) На существованіе переписки между Пушкинымъ и Н. Н. Раевскимъ есть между прочимъ указаніе въ письмѣ Пушкина къ Жуковскому отъ 17-го августа 1825 года (Сочиненія, т. VII, стр. 105).

2) Бумаги А. С. Пушкина. Выпускъ первый. М. 1881, стр. 79 — 81.

лой Церкви или изъ Бѣлгородки: въ номѣтѣ одно изъ этихъ названій передѣлано въ другое, но такъ неясно, что не знаешь, что слѣдуетъ считать окончательнымъ. Письмо тѣмъ интереснѣе, что оно все—литературнаго содержанія. Сообщаемъ этотъ документъ во французскомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ.

Biela-Tserkow, le 10 de mai.

Pardon, mon cher ami, si j'ai passé tant de temps sans vous écrire; mais les occupations de service, le manque de temps et de société qui puisse tirer mon ésprit de son engourdissement m'ont empeché d'écrire une seule lettre depuis six mois. C'est pour vous le premier que je romps le silence.

Merci pour votre plan de tragédie. Que pourrais-je vous en dire? Ce n'est pas les concéptions brillantes qui vous manquent, mais la patience dans l'exécution. Il vous aura donc donné d'ouvrir encore la carrière d'un théatre national. Quant à la patience, j'aurais voulu vous voir consulter les sources, où Karamsine a puisé, au lieu de vous en tenir à son seul récit. N'oubliez pas que Schiller fit un cours d'astrologie avant d'écrire son «Wallenstein». Je vous avoue ne pas trop comprendre pourquoi vous voulez n' employer que les vers blancs dans votre tragédie. Moi, je croirais au coutraire que ce serait bien le cas de faire usage de toutes les richesses de nos nombreux rhythmes, bien entendu en ne cherchant pas à les combiner ensemble, comme le prince Chakovskoï, mais en ne vous restreignant pas à suivre pour chaque scène le rhythme adopté dans la première. Que votre tragédie soit bonne ou mauvaise, j'y prévois d' avance d'importants résultats pour notre littérature; vous donnerez de la vie à notre héxamètre qui jusqu'à présent est si lourd, si inanimé; vous prêterez au dialogue un mouvement qui le fera ressembler à une conversation et non pas à des phrases de vocabulaire comme jusqu'à présent. Vous acheverez de populariser chez nous ce langage simple et naturel que notre public est encore à ne pas comprendre, malgré les beaux modèles de «Цыганы» et des «Разбойники». Vous acheverez de faire descendre la poésie de ses échasses.

Le père et la mère de votre comtesse Nathalie de Kagoul sont ici depuis une semaine. Je leur ai lu en séance publique votre «Онѣгинъ»; ils en sont enchantés. Mais moi j'en ai fait une critique que j'ai gardée pour moi. Chakovskoï ne pourra pas en faire une octologie.

Votre fragment des «Цыганы» qui a paru dans la «Поляр Звѣзда» avec une suite que je ne connaissais pas, est peut-êtr tableau le plus animé, du coloris le plus brillant que j'aie jam lu dans aucune langue. Bravo, bravissimo! Votre «Кавказскій Пл никъ», qui n'est point un bon ouvrage, a ouvert une carrière qui s l'écueil de la médiocrité. Je ne suis point un partisan de longs poèm mais ces espèces de fragments demandent toute la richesse de la poé la forte concéption d'un caractère et d'une situation. «Воїнаровск est un ouvrage en mosaïque composé de fragments de Byron et Пушкинъ, rapportés ensemble sans beaucoup de réflexion. Je lui f grâce pour la couleur locale. C'est un garçon d' esprit, mais ce n point un poète. Il y a plus de mérite dans les fragments de «Ha вайко». Il y a de la véritable sensibilité, de l' observation (j'all dire: de la connaissance du coeur humain), une intention heureuse bien executée, enfin un style pur et de la véritable poésie dans «Чернецъ», tant que Козловъ parle d'après lui-même; mais pourq a-t-il pris pour cadre une parodie du «Ghiaour» et finit-il par u longue paraphrase d'un passage de «Marmion»? Il a imité, et p fois très heureusement, votre narré rapide et les tours de phrase Жуковскій. Il doit savoir l'anglais et avoir étudié Coleridge.

Excusez, mon cher ami, l'ennuyeux de ma lettre; je vous écrit devoir et non d'abondance de coeur; je suis trop engourdi pour c Je vois autant moi-même les fautes de français et d'orthographe q je fais, sans avoir le courage de les corriger. Je n'écris pas par affa d'amour-propre, mais j'aurais voulu vous dire quel que chose de p intéressant. Imprimez donc plus vite vos «Цыганы», puisque vous voulez pas me les envoyer en manuscrit; écrivez-moi de grâce et t tes mes compliments à votre frère que j'aime beaucoup, malgré q je n'ai fait que l'intervoir.

Je vous écrirai une autre fois encore sur votre tragédie.

Переводъ.

«Бѣлая-Церковь. 10-го мая.

«Прости, любезный другъ, что я такъ долго не писалъ тебѣ; служебныя занятія, недостатокъ времени и отсутствіе общества, торое будило бы мой умъ отъ усыпленія, мѣшали мнѣ написать хо бы одно письмо въ теченіе шести мѣсяцевъ. Для тебя перваго п рываю молчаніе.

«Спасибо за планъ твоей трагедіи. Что́ сказать тебѣ о немъ? У тебя нѣтъ недостатка въ блестящихъ замыслахъ, но не хватаетъ терпѣнія привести ихъ въ исполненіе. Итакъ, тебѣ предстоитъ проложить путь и къ развитію національнаго театра. Что же касается терпѣнія, я желалъ бы, чтобъ ты справлялся съ источниками, которыми пользовался Карамзинъ, а не слѣдовалъ только его разсказу. Не забудь, что Шиллеръ изучалъ астрологію прежде, чѣмъ приняться за «Валленштейна». Признаюсь, я не совсѣмъ понимаю, зачѣмъ ты хочешь писать свою трагедію бѣлыми стихами. Я думалъ бы напротивъ, что тутъ представляется случаи воспользоваться всѣми богатствами нашихъ многочисленныхъ размѣровъ, разумѣется, употребляя ихъ не совмѣстно, какъ дѣлаетъ Шаховской, но и не обязывая себя пользоваться во всѣхъ сценахъ тѣмъ размѣромъ, какой принятъ для первой. Хороша или дурна будетъ твоя трагедія,— но я заранѣе предвижу важныя послѣдствія для нашей словесности; ты дашь жизнь нашему шестистопному стиху, который до сихъ поръ такъ тяжелъ и безжизненъ; ты сообщишь діалогу движеніе, которое сдѣлаетъ его похожимъ на разговоръ, а не на фразы изъ словаря, какъ было до сихъ поръ. Ты довершишь водвореніе у насъ простой и естественной рѣчи, которой наша публика еще не понимаетъ, не смотря на прекрасные образцы ея въ «Цыганахъ» и въ «Разбойникахъ». Ты сведешь наконецъ поэзію съ ея ходуль.

«Отецъ и мать твоей графини Натальи Кагульской здѣсь уже съ недѣлю [1]). Я читалъ имъ публично твоего «Онѣгина»; они пришли въ восхищеніе. А я кое-что покритиковалъ, но про себя. Шаховской не смастеритъ изъ него октологіи [2]).

«Твой отрывокъ изъ «Цыганъ», появившійся въ *Полярной Звѣ-*

---

1) Лицо это намъ не извѣстно. Фамилію Кагульскихъ носили три воспитанницы не женатаго графа Сергія Петровича Румянцова, но ни одна изъ нихъ не звалась Наталіей (см. Кн. *А. Б. Лобановъ-Ростовскій*. Росс. Родословн. Книга, ч. II, стр. 188).

2) Намекъ на обычай князя А. А. Шаховскаго передѣлывать въ драмы и комедіи поэмы и романы, имѣвшіе въ свое время успѣхъ въ публикѣ; такъ, онъ передѣлалъ для сцены нѣсколько романовъ Вальтера Скотта, 3-го ноября 1824 года поставилъ комедію «Финнъ», а 28-го сентября 1825—романтическую трилогію съ танцами «Керимъ-Гирей, Крымскій ханъ»; сюжетъ первой былъ заимствованъ изъ «Руслана и Людмилы», а второй — изъ «Бахчисарайскаго Фонтана» (*Арапов*. Лѣтопись русскаго театра, стр. 361 и 373).

Л. М.

здѣ съ продолженіемъ, котораго я не зналъ,—самая живая картин
самаго яркаго колорита, какую мнѣ случилось читать на какомъ-либ
языкѣ. Браво, брависсимо! Твой «Кавказскій Плѣнникъ»—произве
деніе плохое — открылъ путь, на которомъ посредственность встр
титъ камень преткновенія. Я не поклонникъ длинныхъ поэмъ; и
произведенія отрывочнаго свойства требуютъ всей роскоши и
эзіи—сильно задуманнаго характера и положенія. «Войнаровскій»-
произведеніе мозаичное, составленное изъ отрывковъ изъ Байрона
Пушкина, которые притомъ соединены не очень-то обдуманно. Не тр
бую отъ него соблюденія мѣстныхъ красокъ. Авторъ — умный малы
но не поэтъ. Больше достоинствъ въ отрывкахъ изъ «Наливайка
Въ «Черпецѣ» есть настоящее чувство, есть наблюдательность (чу
было не сказалъ: знаніе сердца человѣческаго), счастливая и хорош
выполненная задача, есть, наконецъ, чистый слогъ и истинная п
эзія, пока Козловъ говоритъ самъ отъ себя; но зачѣмъ это онъ взду
малъ рамками своей поэмы пародировать «Гяура» и окончилъ е
длинною парафразой одного мѣста изъ «Марміона»? Онъ подра
жалъ, и иногда очень счастливо, твоей манерѣ быстраго разсказа
оборотамъ рѣчи Жуковскаго. Онъ, должно быть, знаетъ по англійск
и изучалъ Кольриджа.

«Извини, любезный другъ, скучный тонъ моего письма; пиш
тебѣ по обязанности, а не отъ избытка сердца: для этого я слиш
комъ отяжелѣлъ. Самъ вижу ошибки во французскомъ языкѣ
въ правописаніи, но не въ силахъ исправить ихъ. Пишу не изъ само
любиваго побужденія, но хотѣлъ бы сказать тебѣ что-нибудь позан
мательнѣе. Печатай скорѣе «Цыганъ», если не хочешь прислать их
мнѣ въ рукописи; пиши мнѣ пожалуйста и поклонись отъ меня своем
брату, котораго я очень полюбилъ, хоть и видѣлъ его только мелькомъ

«Въ другой разъ напишу тебѣ еще о твоей трагедіи».

Послѣднія строки письма показываютъ, что Раевскій, перечиты
вая его, самъ замѣтилъ свою ошибку: онъ не далъ Пушкину от
вѣта на поставленный послѣднимъ вопросъ о планѣ трагедіи и по
тому обѣщаетъ возвратиться къ этому предмету въ другой разъ
Тѣмъ не менѣе, письмо Раевскаго очень любопытно: въ нѣсколькихъ
случайныхъ намекахъ оно раскрываетъ передъ нами его воззрѣнія
на поэзію, а мы уже знаемъ, что его литературнымъ мнѣніямъ Пуш
кинъ придавалъ большую цѣну и питалъ довѣріе къ его вкусу.

Поэзію надобно свести съ ходуль; поэтическій слогъ долженъ быть простъ и естественъ; поэма можетъ слагаться изъ отрывковъ, но во всякомъ случаѣ она должна представлять сильно задуманные характеры и положенія. Таковы общія требованія, которыя Раевскій обращаетъ къ произведеніямъ поэзіи, и встрѣчаясь съ ними, сразу чувствуешь, что это — не ходячія положенія школьной піитики, а собственныя мысли пишущаго, навѣянныя чтеніемъ новыхъ поэтовъ. Какіе же это поэты? На чьихъ произведеніяхъ Раевскій образовалъ свои литературныя воззрѣнія?

Прежде всего должны мы назвать Байрона. Его вліяніе на современниковъ было не только нравственное и общественное, но и художественное. Пріемы его творчества оказались такою же новостью, какъ его чувства и думы, и если такъ-называемый байронизмъ наложилъ свою неизгладимую печать на душевное настроеніе нѣсколькихъ поколѣній, то и художническіе пріемы Байрона воспитали цѣлый рядъ поэтическихъ дарованій вдали отъ обветшалыхъ ложноклассическихъ преданій.

Извѣстно, что Байронъ не былъ горячимъ поклонникомъ Шекспира, но заявлялъ себя ревностнымъ почитателемъ Попа, представителя самаго лощенаго классицизма; онъ сравнивалъ англійскую поэзію XVIII вѣка съ Парѳенономъ, а ему современную — съ турецкою мечетью; но онъ же самъ сознавался, что помогалъ своимъ современникамъ выстроить это вычурное зданіе. Въ его преклоненіи предъ устарѣлымъ Попомъ было, конечно, не мало полемическаго задора, съ которымъ онъ преслѣдовалъ новыхъ англійскихъ романтиковъ, поэтовъ такъ-называемой «озерной» школы. Въ сущности же, по справедливому замѣчанію Маколея [1]), «онъ не былъ представителемъ ни той, ни другой литературной партіи, а былъ представителемъ обѣихъ вмѣстѣ, ихъ борьбы и побѣды, которою она кончилась,... былъ посредникомъ между двумя поколѣніями, между двумя поэтическими сектами.... Постоянно насмѣхаясь надъ Вордсвортомъ, онъ былъ все-таки, хотя быть можетъ безсознательно, толкователемъ Вордсворта для толпы». Современники осуждали Байрона за отсутствіе плана въ поэмахъ. Отголосокъ этихъ порицаній сохраненъ и Маколеемъ. «Байронъ», говоритъ онъ, — «по видимому, находилъ, что завязка годится только какъ поводъ къ краснословію.

1) Полное собраніе сочиненій Маколея, т. I.

Двѣ самыя длинныя поэмы лорда Байрона «Чайльдъ-Гарольдъ» и «Донъ-Жуанъ» лишены всякаго плана. Каждая изъ нихъ могла быть растянута до какого угодно размѣра или прервана на какомъ угодно мѣстѣ. Изъ того вида, въ какомъ является «Гяуръ», можно ясно видѣть, какимъ образомъ строились всѣ поэмы лорда Байрона. Всѣ онѣ, какъ «Гяуръ», представляютъ собою собраніе отрывковъ, и хотя въ нихъ нѣтъ пробѣловъ, обозначенныхъ точками, все-таки легко можно узнать по неловкости связей, гдѣ начинаются и гдѣ оканчиваются тѣ части, ради которыхъ было написано все сочиненіе». И надобно сказать, Байронъ самъ подавалъ поводъ къ порицаніямъ такого рода слѣдующими, напримѣръ, словами («Донъ-Жуанъ», XV, 20):

Пою, съ импровизаторами сходенъ,
И все, что̀ мнѣ порой взбредетъ на умъ,
Вношу въ октавы я безъ дальнихъ думъ.

Поэтъ охотно распространялся въ отступленіяхъ и увѣрялъ, что способенъ выправлять однажды написанное. Но это была неправда: многія лучшія страницы его произведеній дались ему не какъ импровизація, а цѣною долгой и старательной обработки. Небрежность, недостатокъ плана были для Байрона мнимые, кажущіеся и составляли художественный разчетъ поэта: въ нихъ отражалась бурная порывистость его вдохновенія; а вдохновеніе это, по преимуществу лирическое, способно было рисовать лишь одинъ характеръ—правда, очень сильный, неукротимый, характеръ самого Байрона—и изображать только такія исключительныя положенія, которыя приходились бы въ мѣру его могучей личности. Такимъ образомъ, изъ самой сущности природы и генія Байрона вытекала своеобразная художественная форма его поэтическихъ созданій.

Эта сторона Байронова творчества очень тонко понята Раевскимъ и удачно охарактеризована имъ, когда о поэмахъ новаго типа, в противоположность длиннымъ поэмамъ стараго классическаго образца, онъ какъ бы мимоходомъ замѣчаетъ: «Ces espèces de fragmens demandent toute la richesse de la poésie: la forte concéption d'un caractère et d'une situation». Прибавимъ къ этому, что Раевскій проявлялъ большую чуткость къ внѣшней подражательности и зорко слѣдилъ ея проявленія, по крайней мѣрѣ у русскихъ поэтовъ. Слѣдовательно, въ поэмахъ Байрона онъ цѣнилъ прежде всего по-

ную свободу ихъ художественной формы, которая, составляя ихъ оригинальность, могла быть усвоиваема и другими поэтами безъ ущерба ихъ самобытности.

Кромѣ Байрона, Раевскій былъ знакомъ и съ другими англійскими поэтами, ему современными; въ нихъ онъ также подмѣчалъ признаки обновленія искусства. Изъ его письма видно, что онъ читалъ, между прочимъ, стихотворныя повѣсти Вальтера Скотта и Самуила Кольриджа [1]). Оба эти писателя дѣйствительно явились въ свое время крупными литературными новаторами, какъ по содержанію своихъ произведеній, такъ и по своимъ поэтическимъ пріемамъ. Вальтеръ Скоттъ въ своихъ стихотворныхъ повѣстяхъ пересказывалъ историческія легенды Шотландіи, Кольриджъ бралъ содержаніе своихъ поэмъ вообще изъ міра народныхъ сказаній и чудесныхъ вымысловъ. Оба совершенно отказывались слѣдовать условнымъ правиламъ и торжественному стилю псевдоклассической эпики; оба — Вальтеръ Скоттъ по примѣру Кольриджа — пользовались стихотворнымъ размѣромъ народныхъ балладъ и въ самомъ изложеніи старались придерживаться ихъ свободнаго тона. Но у Вальтера Скотта простой складъ повѣствованія выработался подъ непосредственнымъ вліяніемъ его близкаго знакомства съ шотландскою народною поэзіей, тогда какъ у Кольриджа простота и близость къ народной рѣчи явились практическимъ примѣненіемъ принципіальнаго убѣжденія; его другъ и соратникъ по романтическому направленію Вордстортъ шелъ еще дальше въ этомъ отношеніи и утверждалъ, что поэзія должна говорить обычнымъ языкомъ среднихъ и низшихъ сословій. Мы не зна-

1) Стихотворныя повѣсти Вальтера Скотта наполняютъ собою средній періодъ его плодовитой литературной дѣятельности: раньше онъ былъ извѣстенъ какъ авторъ балладъ въ стихахъ (нѣкоторыя изъ нихъ переведены Жуковскимъ), а позже прославился романами въ прозѣ. Изъ его стихотворныхъ повѣстей наиболѣе извѣстны слѣдующія: «Пѣснь послѣдняго менестреля», первое его произведеніе въ этомъ родѣ (1805 г.), «Марміонъ» (1808 г.), «Дѣва озера» (1810 г.) и «Властитель острововъ» (1815 г.). Только въ 1815 году появился первый его романъ «Веверлей». Что касается Кольриджа (1772—1834 гг.), ему принадлежатъ двѣ повѣсти въ стихахъ: «Старый матросъ» и «Кристабель»; первая написана въ 1797 году и напечатана въ слѣдующемъ; вторая была начата также въ 1797, продолжаема въ 1800, но осталась не конченною; въ печати она появилась только въ 1816 году при содѣйствіи Байрона, который съ большою похвалой отозвался о «Кристабели» въ одномъ изъ примѣчаній къ своей «Осадѣ Коринѳа» (1816 г.).

емъ, были ли извѣстны Раевскому эти теоретическія заявленія ан
глійскихъ романтиковъ; но, встрѣчая въ его письмѣ ссылку на Коль
риджа, мы можемъ догадываться, что онъ имѣлъ въ виду п
крайней мѣрѣ данные имъ литературные образцы, когда говорил
о необходимости изгнать изъ поэтическаго слога напыщенность
внести въ него естественность и простоту.

Высказывая эти мысли, Раевскій могъ быть убѣжденъ, что он
встрѣтятъ полное сочувствіе въ Пушкинѣ. Говорить здѣсь вообщ
о вліяніи Байрона на нашего поэта было бы излишнимъ; напомним
только слѣдующія слова П. В. Анненкова, прекрасно опредѣляющ
художественную сторону этого вліянія: «Байронъ былъ указателем
пути, открывавшимъ Пушкину весьма дальную дорогу и выведшим
его изъ того французскаго направленія, подъ которымъ онъ нахо
дился въ первые годы своей дѣятельности... Байронъ одинъ мог
ему представить современный образецъ творчества. По нѣмецки Пуш
кинъ не читалъ, или читалъ тяжело; перевѣсъ оставался на сто
ронѣ британскаго лирика. Въ немъ почерпнулъ онъ уваженіе к
образамъ собственной фантазіи, на которые прежде смотрѣлъ легк
и поверхностно; въ немъ научился художественному труду и пони
манію себя» [1]). Знакомство съ произведеніями Байрона побудил
Пушкина познакомиться и съ другими англійскими поэтами его вре
мени. Изъ Пушкинской переписки начала двадцатыхъ годовъ видно
что еще въ ту раннюю пору имъ были прочитаны Томасъ Муръ
Соути, но не полюбились ему; вѣроятно, тогда же узналъ онъ и Коль
риджа, который ему нравился, какъ по крайней мѣрѣ можно за
ключать изъ отзывовъ болѣе позднихъ. Еще въ одномъ письм
1822 года встрѣчаются слѣдующія любопытныя слова: «Англійска
словесность начинаетъ имѣть вліяніе на русскую. Думаю, что оно бу
детъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной
Тогда нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ, гдѣ очутится Ив. Ив
Дмитріевъ съ своими чувствами и мыслями, взятыми изъ Флоріан
и Легуве». Въ другомъ письмѣ, отъ 1823 года, Пушкинъ вызываетъ
князя Вяземскаго «стать за нѣмцевъ и англичанъ и уничтожит
маркизовъ классической поэзіи» [2]). Литературныя воззрѣнія Пушкина

1) Матеріалы для біографіи Пушкина, при его сочиненіяхъ въ изданіи *Анненкова*, стр. 101, 102.

2) Сочиненія, т. VII, стр. 27, 34, 50, 124; т. IV, стр. 335; т. V, стр. 187.

слагались вообще очень самостоятельно и нерѣдко наперекоръ пріятельскимъ мнѣніямъ; но едва ли можно отрицать вліяніе Н. Н. Раевскаго въ томъ, что у поэта рано проявилось сочувствіе къ англійской словесности.

Въ письмѣ Раевскаго высказывается нѣсколько сужденій о текущихъ явленіяхъ русской литературы, и эти отзывы являются дополненіемъ и подтвержденіемъ его общихъ воззрѣній. Раевскому нравился «Чернецъ» Козлова, между тѣмъ какъ «Войнаровскій» Рылѣева не заслужилъ его одобренія. Въ авторѣ этой поэмы Николай Николаевичъ не находилъ истиннаго поэтическаго таланта. Въ упоминаніи о couleur locale еще разъ сказалось сочувствіе Раевскаго новымъ литературнымъ вѣяніямъ: соблюденіе мѣстныхъ красокъ выставлялось сторонниками романтизма, какъ одно изъ главныхъ условій поэтической живописи; князь Вяземскій, при изданіи «Бахчисарайскаго фонтана» въ 1824 году, хвалилъ поэму именно за то, что «цвѣтъ мѣстности сохраненъ въ повѣствованіи со всею возможною свѣжестью и яркостью»[1]). «Чернецъ» подкупилъ Раевскаго достоинствами своей формы, манерой разсказа и поэтическимъ способомъ выраженія. Эпизодическій составъ этой «кіевской повѣсти», какъ назвалъ ее авторъ, очевидно, напомнилъ Раевскому «отрывочныя» поэмы Байрона, который тоже называлъ ихъ «повѣстями», а «чистый» слогъ «Чернеца» подалъ критику поводъ сдѣлать предположеніе о знакомствѣ Козлова съ произведеніями Кольриджа: предположеніе, быть можетъ, и невѣрное, но свидѣтельствующее о томъ, что въ слогѣ «Чернеца» Раевскій находилъ такую же простоту и естественность, какія нравились ему въ произведеніяхъ англійскаго романтика. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако, Раевскій не былъ слѣпъ и къ недостаткамъ поэмы Козлова: онъ указываетъ ихъ въ тѣхъ частяхъ ея, гдѣ авторъ перестаетъ быть самимъ собою и впадаетъ въ подражаніе.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Томасу Муру Байронъ, съ своею обычною рѣзкостью, замѣтилъ: «Мы всѣ, молодые, на ложной дорогѣ. Никакъ не хочу этимъ сказать, что мы идемъ дурно; но нашу славу разрушитъ *преклоненіе* и *подражаніе*. Говоря: «нашу славу», я разумѣю всѣхъ насъ (въ томъ числѣ и озерныхъ поэтовъ)... Будущее поколѣніе, вслѣдствіе обилія образцовъ и легкости подра-

1) Сочиненія князя Вяземскаго, т. I, стр. 172.

жанія, свихнется и сломитъ себѣ шею, если полѣзетъ на нашего Пегаса, который мчитъ насъ впередъ, между тѣмъ какъ мы сидимъ въ сѣдлѣ крѣпко, потому что сами объѣздили коня, да и всадники хорошіе. Вскочить на лошадь не трудно, а вотъ править ею — это чортъ знаетъ что такое; нашимъ младшимъ товарищамъ еще придется вернутся въ манежъ и пройти высшую школу»[1]). Слова эти невольно припоминаются, когда въ письмѣ Раевскаго встрѣчаешь замѣчаніе, что «Кавказскій Плѣнникъ» открылъ путь, на которомъ посредственность найдетъ себѣ камень преткновенія. Замѣчаніе Раевскаго оказалось въ нѣкоторомъ родѣ предсказаніемъ: именно эта поэма Пушкина, столь скоро осужденная самимъ авторомъ, была принята читателями съ особеннымъ восторгомъ и открыла эру байроническаго повѣтрія въ русской литературѣ: подражанія «Кавказскому Плѣннику» продолжали плодиться и въ то время, когда съ творчества самого Пушкина спадалъ послѣдній налетъ байронизма.

Свой жесткій приговоръ «Плѣннику» Раевскій повторяетъ съ дружескою откровенностью и въ разбираемомъ письмѣ: онъ понималъ, что можетъ говорить поэту правду не въ силу одной старой пріязни, а въ силу того глубокаго уваженія, какое питалъ къ его высокому дарованію. Дѣйствительно, письмо свидѣтельствуетъ, что Николай Николаевичъ со страстною любовью слѣдилъ за его развитіемъ. Извѣстные ему отрывки изъ «Цыганъ» приводятъ его въ неподдѣльный восторгъ; въ нихъ, какъ и въ «Братьяхъ-разбойникахъ», онъ спѣшитъ отмѣтить прекрасныя качества поэтическаго слога, который уже выработанъ Пушкинымъ, но еще не достаточно оцѣненъ читателями.

Горячее одобреніе, съ которымъ Раевскій отзывался о «Братьяхъ-разбойникахъ», заслуживаетъ особаго вниманія, не только потому, что совпадаетъ съ мнѣніемъ самого автора, но потому еще, что уясняетъ намъ значеніе этого произведенія въ развитіи Пушкинскаго творчества.

Выше было уже говорено о томъ, что «Братья-разбойники» составляютъ лишь отрывокъ изъ поэмы, задуманной Пушкинымъ въ 1821 году, уже набросанной вчернѣ и затѣмъ сожженной. Другіе отрывки того же произведенія, найденные въ черновыхъ тетрадяхъ поэта, слишкомъ незначительны; но въ тѣхъ же тет-

1) *Moore.* Life of Byron, vol. IV, письмо № 307, отъ 2-го Февраля 1818 года.

радяхъ нашлись двѣ небольшія программы, по которымъ можно отчасти составить понятіе о содержаніи предполагавшейся поэмы [1]). Первая программа такова: «I. Разбойники, исторія двухъ братьевъ.— II. Атаманъ и съ нимъ дѣва... Пѣснь на Волгѣ.— III. Купеческое судно, дочь купца.— IV. Сходитъ съ ума». Уцѣлѣвшій отрывокъ (кромѣ послѣднихъ 16 стиховъ, неизвѣстныхъ въ рукописяхъ Пушкина и появившихся только въ посмертномъ изданіи) соотвѣтствуетъ первому параграфу этой программы; остальные ея параграфы развиваются въ программѣ второй слѣдующимъ образомъ: «Вечеромъ дѣвица плачетъ, приговариваетъ; молодцы готовы отплыть. Есаулъ: гдѣ-то нашъ атаманъ? Они плывутъ и поютъ. Подъ Астраханью разбиваютъ корабль купеческій. Онъ беретъ себѣ другую. Та сходитъ съ ума. Новая не любитъ его и умираетъ. Онъ пускается во всѣ злодѣйства. Есаулъ предаетъ его». Къ этимъ скуднымъ намекамъ о содержаніи поэмы можно еще прибавить, что внѣшнимъ поводомъ къ ея сочиненію послужило истинное происшествіе, о которомъ Пушкинъ узналъ во время своей поѣздки на Кавказъ съ Раевскими. «Въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославѣ», писалъ онъ впослѣдствіи Вяземскому,— «два разбойника, закованные вмѣстѣ, переплыли Днѣпръ и спаслись. Ихъ отдыхъ на островкѣ, потопленіе одного изъ стражей — мною не выдуманы» [2]).

По всему вѣроятію, Пушкинъ и его спутники, во время своего странствованія по степямъ, слышали разсказы не объ одномъ екатеринославскомъ происшествіи, но о разныхъ похожденіяхъ разбойничьихъ шаекъ. Послѣдній отголосокъ народныхъ и казацкихъ смутъ, почти безпрерывно волновавшихъ широкую степь отъ Днѣпра до Яика въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, разбои были еще нерѣдкимъ явленіемъ въ томъ краѣ въ первыя десятилѣтія текущаго вѣка. Еще понынѣ тамъ не вымерли преданія о Пугачевѣ, Разинѣ и другихъ вождяхъ понизовой вольницы, а въ 1820 году можно было встрѣтить и живыхъ свидѣтелей, если не участниковъ, тамошнихъ волненій прошлаго столѣтія. Если для внутреннихъ смутъ наступилъ уже конецъ, за то близость еще не замиреннаго Кавказа требовала отъ казаковъ дѣятельной сторожевой службы, и боевыя схватки съ горцами составляли на Кавказской линіи обычное явленіе. Въ нравахъ степного

1) Программы эти см. въ Сочиненіяхъ, т. II, стр. 308, 309.

2) Сочиненія, т. VII, стр. 58; ср. т. V, стр. 121.

населенія еще всецѣло жилъ духъ отчаяннаго удальства и суровос
и въ казачьихъ станицахъ, гдѣ нерѣдко укрывались бѣглые и
внутренней Россіи, еще попадались типы, напоминавшіе о *лих*
людяхъ былого времени. Посѣщеніе этого безпокойнаго края п
извело сильное впечатлѣніе на Пушкина. По его собственнымъ с
вамъ, тѣнь опасности во время путешествія нравилась его мо
дому мечтательному воображенію, и онъ тогда же набросалъ зам
чанія о черноморскихъ и донскихъ казакахъ [1]). Но его занима
не одно настоящее; мысль его обращалась и къ прошлому, къ т
порѣ, когда дикая вольница безпрепятственно гуляла и хозяйнича
на Дону и нижней Волгѣ. На это указываютъ какъ уцѣлѣвшій
рывокъ поэмы, такъ еще болѣе намеки программъ; изъ нихъ вид
что въ 1820—1821 годахъ Пушкину были уже извѣстны кое-ка
черты старинnаго разбойничьяго быта: порядки разбойнаго п
мысла, присутствіе женщинъ въ шайкахъ, грабежъ купецкихъ
довъ. Черты эти Пушкинъ могъ узнать скорѣе всего изъ и
родныхъ преданій и пѣсенъ, слышанныхъ имъ въ казачьихъ с
ницахъ.

Извѣстно, что нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1824 году, особенн
вниманіе Пушкина привлекла къ себѣ характерная личность Стень
Разина. Онъ искалъ хотя бы «сухаго историческаго извѣстія»
немъ, называлъ его «единственнымъ поэтическимъ лицомъ русск
исторіи», записывалъ народныя былины объ этомъ яркомъ предст
вителѣ понизовой вольницы XVII вѣка и самъ слагалъ о немъ пѣсн
Также интересовался Разинымъ и Н. Н. Раевскій; онъ тоже со
ралъ о немъ историческія свѣдѣнія и впослѣдствіи даже намѣр
вался писать исторію Разинскаго бунта. Такимъ образомъ, наро
ныя волненія Поволжскаго степнаго края представляли для обои
друзей любопытную историческую задачу. Можно не сомнѣваться
что начало ихъ общаго интереса къ этому предмету восходитъ
времени ихъ совмѣстнаго путешествія по южнымъ степямъ, ког
въ казачьихъ пѣсняхъ имъ случалось подмѣчать явные призна
сочувствія къ своевольному атаману гуляющихъ шаекъ. Конечно,
тѣхъ же раннихъ впечатлѣніяхъ коренится зародышъ позднѣйш
мысли Пушкина заняться изученіемъ Пугачевщины. И при этих

1) Сочиненія, VII, стр. 9. Замѣтки Пушкина о казакахъ не сохранились

занятіяхъ онъ также искалъ пособія въ народныхъ воспоминаніяхъ. Въ числѣ записанныхъ имъ историческихъ разсказовъ есть одинъ — о томъ, будто бы Пугачевъ, сидя уже въ заключеніи на Московскомъ мѣновомъ дворѣ, сказалъ однажды: «Извѣстно по преданіямъ, что Петръ I, во время Персидскаго похода, услыша, что могила Стеньки Разина находилась не вдалекѣ, нарочно къ ней подъѣхалъ и велѣлъ разметать курганъ, дабы увидѣть его кости». Приведя эти слова, Пушкинъ прибавляетъ: «Всѣмъ извѣстно, что Разинъ былъ четвертованъ и сожженъ въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе, сказка замѣчательна, особенно въ устахъ Пугачева». Такимъ образомъ, сближеніе между двумя народными возстаніями невольно возникало въ умѣ Пушкина, какъ скрытое объясненіе ихъ общихъ внутреннихъ причинъ; если на это обстоятельство онъ не дѣлаетъ намека въ своей «Исторіи Пугачевскаго бунта», то безъ сомнѣнія, по той причинѣ, что онъ рѣшился ограничиться въ ней ролью разскащика и не хотѣлъ пускаться ни въ какія историческія обобщенія.

Въ любопытныхъ воспоминаніяхъ графа П. Х. Граббе сохранилось свидѣтельство, что въ позднѣйшіе годы своей жизни Пушкинъ продолжалъ собирать свѣдѣнія о Разинѣ. Въ 1834 году Граббе случилось познакомиться съ Пушкинымъ въ Петербургѣ у Н. Н. Раевскаго, и вотъ что̀ сообщаетъ онъ объ этой встрѣчѣ: «Мы обѣдали и провели нѣсколько часовъ втроемъ... Онъ (Пушкинъ) занятъ былъ въ то время исторіей Пугачева и Стеньки Разина, *послѣднимъ, казалось мнѣ, болѣе.* Онъ принесъ даже съ собою брошюрку на французскомъ языкѣ, переведенную съ англійскаго и изданную въ тѣ времена однимъ капитаномъ англійской службы, который, по взятіи Разинымъ Астрахани, представлялся къ нему и потомъ былъ очевидцемъ казни его. Описаніе войска (ибо, по многочисленности его, шайкою назвать нельзя), обогащеннаго грабежемъ персидскихъ сѣверныхъ областей, любопытно; также — праздника, даннаго Разинымъ на Волгѣ, гдѣ онъ, стоя на своей лодкѣ, произнесъ къ этой первой изъ русскихъ рѣкъ благодарственное воззваніе, приписывая ей главные свои успѣхи и обвиняя себя, что ничего достойнаго не принесъ еще ей въ жертву. При этихъ словахъ, къ удивленію и ужасу всѣхъ присутствовавшихъ, онъ схватилъ прекрасную плѣнную черкешенку, любовницу свою, покрытую драгоцѣнными уборами, и сбросилъ въ Волгу. Въ этомъ обращеніи разбойника къ Волгѣ много дикой поэзіи и, переложенное въ Пушкинскіе стихи съ описа-

ніемъ происшествія, оно могло бы быть очень занимательно»
Граббе не зналъ, что именно потопленіе Разинымъ своей любовни
(только не черкешенки, а персидской княжны) составляло содержа
одной изъ пѣсенъ о Разинѣ, написанныхъ Пушкинымъ еще въ
ловинѣ двадцатыхъ годовъ: онѣ появились въ печати лишь мн
лѣтъ спустя по смерти поэта да и самого Граббе; но очевид
даже изъ простой устной передачи Пушкина слушатель поня
поэтическую красоту разсказа.

Происшествіе, о которомъ идетъ рѣчь въ вышеупомянут
пѣснѣ Пушкина, не упоминается ни въ русскихъ письменныхъ ист
никахъ, повѣствующихъ о Стенькѣ Разинѣ, ни въ народныхъ
линахъ о немъ. О несчастной судьбѣ плѣнной персіанки сообща
только очевидецъ ея гибели, голландецъ Стрюйсъ, въ описаніи с
его путешествія въ Московію, совершеннаго въ 1668 и 1669 годахъ
Стало быть, только изъ этого сочиненія могъ быть почерпнутъ
тивъ Пушкинской пѣсни. Но вычиталъ ли Пушкинъ этотъ разска
прямо изъ Стрюйса, или же зналъ о немъ, когда слагалъ свою пѣс
только съ чужихъ словъ, — это остается неизвѣстнымъ. Во всяко
случаѣ, любопытна нѣкоторая аналогія между разсказомъ голланд
и тѣми программами, которыя поэтъ набросалъ въ 1821 году
«Братьевъ-разбойниковъ»: и тамъ, и здѣсь волжскій разбойничій ат
манъ является въ сопровожденіи своей любовницы. Но историческ
повѣствованіе знаетъ только одинъ трагическій моментъ, когда въ
рывѣ страсти Разинъ топитъ любимую имъ плѣнницу, между тѣмъ ка
программы поэмы, сопоставляя двухъ женщинъ подлѣ героя, создаю

1) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 88; т. V, стр. 271; *Я. К. Гротъ*. Пу
кинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, стр. 184—192; Воспоминанія
П. Х. Граббе въ *Русскомъ Архивѣ* 1873 г., кн. I, ст. 785 и 786.

2) Та часть сочиненія Стрюйса, которая касается Россіи, переведена
Русскомъ Архивѣ 1880 года; разсказъ о любовницѣ Разина см. въ кн. I, стр.
Подлинникъ Стрюйса и переводы его неоднократно издавались въ XVII и XV
вѣкахъ. Ради точности мы должны замѣтить, что сочиненіе Стрюйса довол
объемистое и не можетъ быть названо брошюркой; слѣдовательно, брошюр
которую Граббе видѣлъ въ рукахъ Пушкина,—другое сочиненіе; таковое д
ствительно существуетъ, и объ этой книжной рѣдкости, весьма небольшаго об
ема, Пушкинъ упоминаетъ въ одномъ изъ примѣчаній къ «Исторіи Пугач
скаго бунта» (Сочиненія, т. VI, стр. 127); но въ этой брошюрѣ, которою он
пользовался изъ библіотеки А. С. Норова, нѣтъ разсказа о потопленіи Раз
нымъ своей любовницы.

изъ его любовныхъ увлеченій нѣсколько драматическихъ положеній. Въ этомъ осложненіи сюжета сказалось уже литературное вліяніе.

Въ то время, когда Пушкинъ задумывалъ «Братьевъ-разбойниковъ», онъ былъ увлеченъ Байрономъ; двѣ изъ поэмъ послѣдняго оставили свой слѣдъ на замыслѣ молодаго русскаго поэта — «Шильонскій узникъ» и «Корсаръ»[1]). Уцѣлѣвшій отрывокъ, или первая пѣснь задуманной поэмы, напоминаетъ своимъ содержаніемъ «Шильонскаго узника». Байронъ изображаетъ трехъ братьевъ, заключенныхъ въ тюрьму, и смерть двоихъ изъ нихъ; разсказъ ведется отъ лица третьяго брата, пережившаго другихъ; съ особенною нѣжностью говоритъ онъ о смерти младшаго изъ братьевъ, юноши. У Пушкина выведены только два брата; послѣ короткаго описательнаго вступленія слѣдуетъ разсказъ старшаго о томъ, какъ они съ младшимъ стали разбойничать, какъ попали въ заключеніе и бѣжали изъ него, и какъ младшій, обезсиленный болѣзнью еще въ тюрьмѣ, умеръ отъ изнеможенія послѣ того, какъ они вырвались на волю. Въ обоихъ произведеніяхъ разсказу старшаго брата о страданіяхъ и смерти младшаго отведено наибольшее мѣсто. Дальнѣйшее содержаніе поэмы Пушкина, какъ можно догадываться по сохранившимся программамъ, должно было сблизить ее до нѣкоторой степени съ «Корсаромъ»: и тамъ, и здѣсь мѣсто дѣйствія — разбойничій станъ, въ обѣихъ поэмахъ картины грабежа, въ обѣихъ герои поставлены между двухъ женщинъ; въ частности, сцена причитанія первой любовницы Пушкинскаго героя, имъ покинутой, могла напоминать ту сцену «Корсара», когда Медора оплакиваетъ удаленіе Конрада, кончившееся его плѣномъ. Еще больше сходства въ нравственномъ обликѣ героевъ: оба они—порочные люди, враги общества, убійцы; но оба сдѣлались разбойниками, чтобъ отплатить людямъ за ихъ безсердечіе. Конрадъ былъ обманутъ людьми «въ благихъ своихъ мечтахъ», и потому мститъ людямъ:

Онъ созданъ былъ для пѣтъ и мирныхъ наслажденій,
Но увлеченъ былъ зломъ въ пучину преступленій;
Онъ слишкомъ рано ядъ предательства узналъ
И слишкомъ много зла и горя испыталъ.

---

1) Параллель между этими двумя произведеніями Байрона и «Братьями-разбойниками» проведена въ сочиненіи *А. И. Незеленова*: А. С. Пушкинъ въ его поэзіи, стр. 100 — 105.

Разбойникъ Пушкина также есть жертва людского бездуш
судьба преслѣдуетъ его со дня рожденія; онъ съ братомъ выро
въ чужой семьѣ, терпѣлъ нужду, сносилъ презрѣніе; на дурной пу
его толкнуло отчаяніе:

Мы жили въ горѣ, средь заботъ, —
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межь собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ да темну ночь,
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь.

Словомъ, оба героя—не отъ природы порочные люди, а озло
ленные; встрѣтивъ зло отъ другихъ, они также платятъ имъ злом
Конрадъ—одинъ изъ обычныхъ героевъ Байрона, въ которыхъ п
этъ, мѣняя только ихъ внѣшность, выражалъ «пламенный протес
личности противъ всего условнаго въ окружавшемъ его общежи
тіи» [1]). Конечно, та же мысль руководила Пушкинымъ, и съ это
точки зрѣнія его разбойникъ дѣйствительно является подражаніем
Байронову образцу, при чемъ нетвердая рука молодого поэта ус
лила безъ нужды нѣкоторые черты оригинала. Этотъ недостаток
поэмы Пушкина уже давно былъ осужденъ критикой. «Братья-ра
бойники», писалъ И. В. Кирѣевскій еще въ 1827 году, — «больш
каррикатура Байрона, нежели подражаніе. Бонниваръ (герой «Шильо
скаго узника») страдаетъ для того, чтобы

Спасти души своей любовь, —

и какъ ни жестоки его мученія, но въ нихъ есть какая-то поэзія
которая принуждаетъ насъ къ участію; между тѣмъ какъ подробно
описаніе страданій поїманныхъ разбойниковъ поселяетъ въ душ
одно отвращеніе, чувство, подобное тому, какое произвелъ бы вид
мученія преступника, осужденнаго къ заслуженной казни» [2]).

Однако, было бы несправедливо, по примѣру Кирѣевскаго, видѣт
въ поэмѣ Пушкина только одно преувеличенное воспроизведені
мрачныхъ образовъ Байрона; критикъ проглядѣлъ въ «Братьях

1) Выраженіе Ап. Ал. Григорьева: Сочиненія, т. I, стр. 154.
2) Сочиненія Кирѣевскаго, т. I, стр. 12.

разбойникахъ» самое важное — извѣстную долю самостоятельнаго творчества со стороны русскаго поэта. Быть можетъ, самобытность Пушкина проявилась здѣсь не вполнѣ сознательно даже для самого художника; тѣмъ не менѣе, ея обнаруженіе очень знаменательно, какъ яркій признакъ еще не зрѣлаго, но могучаго дарованія.

Подобно пѣвцу «Корсара», авторъ «Братьевъ-разбойниковъ» изображаетъ своихъ героевъ въ такомъ свѣтѣ, чтобы пробудить къ нимъ въ читателѣ доброе чувство. Конечно, и Байронъ не скрываетъ порочности своего Конрада, но онъ какъ бы старается заслонить ее другими чертами его личности — непреклонностью его воли, его стойкостью передъ опасностями, его презрѣніемъ къ смерти; напротивъ того, Пушкинъ вовсе не заботится о томъ, чтобъ оправдать пороки своего героя, и откровенно обнажаетъ ихъ во всей ихъ грубости. Между тѣмъ какъ у Байрона корсаръ отдается грабежу и убійству сознательно, у Пушкина герой становится злодѣемъ безотчетно, чуть не простодушно. Конрадъ, въ своей несокрушимой гордынѣ, не хочетъ знать раскаянія; для уснувшей совѣсти Пушкинскаго разбойника еще можетъ наступить часъ пробужденія:

На беззащитныя сѣдины
Не подымается рука.

Герой Байрона можетъ, пожалуй, внушить къ себѣ удивленіе; герой Пушкина вызываетъ состраданіе; такіе люди слывутъ въ нашемъ народѣ подъ именемъ *несчастненькихъ*. Вотъ въ этой-то сердечной чуткости, проявленной Пушкинымъ въ изображеніи разбойника, и сказалась самобытная сторона его замысла. Ей не нашлось бы мѣста, если бы русскій поэтъ только покорно слѣдовалъ за своимъ образцомъ; возможность ея объясняется тѣмъ, что образъ разбойника сложился въ фантазіи Пушкина не только подъ вліяніемъ Байрона, но и подъ живыми впечатлѣніями, вынесенными поэтомъ изъ его непосредственныхъ наблюденій надъ народною жизнью въ казачьихъ станицахъ; эти впечатлѣнія дали ему не только мѣстныя краски, но и поэтическое пониманіе народныхъ воззрѣній.

Къ числу достоинствъ «Братьевъ-разбойниковъ», которыя всегда казались нашей критикѣ безспорными, принадлежатъ языкъ и слогъ поэмы. «Стихи бойки, рѣзки и размашисты, разсказъ живой и стремительный», говоритъ о нихъ Бѣлинскій. Раньше Бѣлинскаго по-

добнымъ же образомъ отзывались Кирѣевскій и Плетневъ [1]). Р
раньше такъ думали Н. Н. Раевскій и — самъ авторъ. Одинъ изъ
зывовъ Пушкина о слогѣ поэмы приведенъ выше, какъ объясне
къ сужденію Раевскаго. Сообщимъ теперь другой. Во второй по
винѣ 1823 года, когда черновой набросокъ всей поэмы уже бы
уничтоженъ, Пушкину пришла мысль пустить въ печать отрыво
сохранившійся у Н. Н. Раевскаго, и вотъ что̀ поэтъ писалъ А.
Бестужеву по сему случаю: «Если отечественные звуки: *харче
кнутъ*, *острогъ* не напугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ
лярной Звѣзды, то напечатай его» (то-есть, отрывокъ). Слова
находятъ себѣ объясненіе въ другомъ письмѣ Пушкина того
времени (къ князю Вяземскому), гдѣ онъ говоритъ: «Я желалъ
оставить русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность
не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европ
скаго жеманства и французской утонченности. Грубость и прост
болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія,
по привычкѣ пишу иначе» [2]). Въ «Братьяхъ-разбойникахъ» Пушки
сдѣлалъ однако попытку отступить отъ этой привычки: отъ того
онъ такъ и цѣнилъ это произведеніе со стороны его слога. Извѣст
какъ любилъ Пушкинъ прислушиваться къ народной рѣчи; путеш
ствіе 1820 года, изъ котораго онъ вывезъ замыселъ своей поэ
было поучительно для него между прочимъ какъ школа для изуче
народнаго языка. Письмо Раевскаго показываетъ, что и въ это
отношеніи Пушкинъ встрѣтилъ въ немъ одобреніе и поддержку.

Въ письмѣ Н. Н. Раевскаго всего менѣе говорится о трагедіи,
думанной Пушкинымъ. Оно отчасти понятно: въ рукахъ Раевск
былъ только планъ ея. Нельзя однако не обратить вниманія на одн
совѣтъ, который онъ даетъ Пушкину: «Я желалъ бы, чтобы
справлялся съ источниками, которыми пользовался Карамзинъ, а
слѣдовалъ бы только его разсказу». Пушкинъ въ полной мѣрѣ в
пользовался этимъ умнымъ совѣтомъ. Очень можетъ быть, что о
и самостоятельно пришелъ къ той же мысли; въ такомъ случаѣ сл
Раевскаго явились надежнымъ подкрѣпленіемъ его убѣжденію и п
таки принесли ему пользу. Замѣчательно, что наша критика въ ли

1) Сочиненія Бѣлинскаго, т. VIII, стр. 451; Сочиненія Кирѣевскаго,
стр. 12; Сочиненія Плетнева, т. II, стр. 376.

2) Сочиненія, т. VII, стр. 50 и 57.

Полевого и Бѣлинскаго долгое время не хотѣла вѣрить такому простому факту, какъ самостоятельное изученіе историческихъ источниковъ Пушкинымъ прежде, чѣмъ онъ принялся за «Бориса Годунова». Оба названные писателя утверждали, что историческая хроника Пушкина есть только поэтическое воспроизведеніе десятаго и одиннадцатаго томовъ «Исторіи» Карамзина. Для опроверженія такого мнѣнія потребовалось особое изслѣдованіе: оно явилось лишь въ 1892 году въ прекрасномъ очеркѣ профессора И. Н. Жданова: «О драмѣ А. С. Пушкина: «Борисъ Годуновъ».

А. Н. ВУЛЬФЪ И ЕГО ДНЕВНИКЪ.

«Въ концѣ 1825 года», разсказываетъ Пушкинъ въ одной и
своихъ замѣтокъ, относящейся, по всему вѣроятію, къ 1832 году,
«я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ (нынѣ онъ
гусарскій офицеръ и промѣнялъ свои нѣмецкія книги, свое пи
свои молодые поединки на гнѣдую лошадь и на польскія грязи). Он
много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ ка
мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ
важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженое понятіе, въ ожидан
собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которы
я и не помышлялъ. Однажды, играя со мною въ шахматы и да
матъ конемъ моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: «Холер
morbus подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будет
у насъ...» [1]).

Студентъ, о которомъ Пушкинъ даетъ столь лестный отзыв
не кто иной, какъ Алексѣй Николаевичъ Вульфъ, сынъ (отъ первал
брака) Прасковьи Александровны Осиповой, сосѣдки Пушкиныхъ
имѣнью въ Опочецкомъ уѣздѣ, Псковской губерніи. Принадлежавш
ей село Тригорское соприкасалось межа съ межой съ сельцомъ Михай
ловскимъ, имѣньемъ Надежды Осиповны Пушкиной, матери поэт
и обѣ семьи издавна вели близкое знакомство. Оно въ особенност
усилилось съ тѣхъ поръ, какъ Пушкины, послѣ 1815 года, стал
пріѣзжать на лѣтніе мѣсяцы въ Михайловское, между тѣмъ как
Осипова безвыѣздно проживала въ Тригорскомъ. А. С. Пушкин

1) Сочиненія Пушкина, т. V, стр. 186. Печатаемый здѣсь текстъ этой за
мѣтки провѣренъ по подлинной ея рукописи, хранящейся нынѣ въ Московском
Публичномъ музеѣ.

впервые посѣтилъ своихъ сосѣдей въ 1817 году, по выходѣ изъ лицея, и на прощанье, 10-го сентября, написалъ въ альбомѣ хозяйки нѣсколько строкъ, въ которыхъ, между прочимъ, говорилъ:

Отъ васъ беру воспоминанье,
А сердце оставляю вамъ.
Быть можетъ — сладкое мечтанье! —
Я къ вашимъ возвращусь полямъ,
Приду подъ липовые своды
На скатъ Тригорскаго холма,
Поклонникъ дружеской свободы,
Веселыхъ грацій и ума [1]).

Обстоятельства сложились такъ, что Пушкинъ вернулся въ Михайловское и Тригорское не добровольнымъ гостемъ, а ссыльнымъ: въ іюлѣ 1824 года ему велѣно было жить безвыѣздно въ матерпнскомъ имѣньѣ, и съ тѣхъ поръ онъ провелъ здѣсь два слишкомъ года, при чемъ поѣздки въ Тригорское составляли единственное его развлеченіе и отраду. Онъ питалъ чрезвычайное уваженіе къ П. А. Осиповой и высоко цѣнилъ любезность и пріятность того молодого женскаго общества, которое встрѣчалъ въ ея домѣ.

Въ кругу постоянныхъ обитательницъ и временныхъ посѣтительницъ Тригорскаго А. Н. Вульфъ былъ единственнымъ представителемъ мужскаго пола, да и онъ являлся тамъ только гостемъ: съ 1819 года онъ поселился въ Дерптѣ, у одного изъ профессоровъ, чтобы готовиться въ университетъ, куда и поступилъ въ 1822 году; съ тѣхъ поръ до окончанія курса въ исходѣ 1826 года [2]) Вульфъ посѣщалъ Тригорское только во время лѣтнихъ и зимнихъ вакацій. О занятіяхъ Вульфа въ университетѣ мы знаемъ очень мало; но несомнѣнно, что пребываніе въ Дерптѣ, гдѣ въ то время было нѣсколько замѣчательныхъ профессоровъ, много содѣйствовало его образованію и развитію молодого человѣка; объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ приведенный выше отзывъ Пушкина, такъ и многія страницы въ дневникѣ Алексѣя Николаевича. Кромѣ того, въ Дерптѣ онъ подружился съ молодымъ поэтомъ Н. М. Языковымъ, который тоже слушалъ тамъ лекціи, а лѣтомъ 1824 года, вернув-

1) Сочиненія Пушкина, т. I, стр. 184.

2) *Русскій Архивъ* 1867 г., стр. 713 и 723 (статья *М. И. Семевскаго* о Языковѣ).

шись въ деревню на каникулы, сошелся и съ Пушкинымъ, только что пріѣхавшимъ въ Михайловское. Въ концѣ сентября 1824 года, по возвращеніи въ Дерптъ, Вульфъ получилъ отъ Пушкина слѣдующее посланіе въ прозѣ и стихахъ:

Здравствуй Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета.
Лайонъ, мой курчавый братъ
(Не Михайловскій приказчикъ),
Привезетъ намъ, право, кладъ...
Что? — бутылокъ полный ящикъ.
Запируемъ же, молчи!
Чудо — жизнь анахорета:
Въ Тригорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуютъ стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

«Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверзтыми объятіями и съ откупоренными бутылками. Уговори Языкова, да отдай ему мое письмо; такъ какъ я подъ строгимъ присмотромъ, то если вамъ обоимъ заблагоразсудится мнѣ отвѣчать, то пришли письма подъ двойнымъ конвертомъ на имя сестры твоей Анны Николаевны. До свиданія, мой милый. А. П.» [1]).

Это письмо, препровожденное по адресу чрезъ посредство сестры Вульфа, свидѣтельствуетъ, что между нимъ и Александромъ Сергѣевичемъ скоро установились короткія отношенія. Въ то же время Вульфъ подружился съ давно знакомымъ ему младшимъ Пушкинымъ, Львомъ, и въ свою очередь содѣйствовалъ сближенію старшаго брата съ Языковымъ. Однако послѣдній, не смотря на пригла-

1) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 89. Текстъ письма, провѣренъ по подлиннику, который хранится у княгини А. А. Хованской, правнуки П. А. Осиповой.

шеніе Пушкина и П. А. Осиповой, долго не рѣшался, по своей застѣнчивости, пріѣхать въ ихъ края; онъ появился въ Тригорскомъ и Михайловскомъ только въ 1826 году, и хотя былъ восхищенъ гостепріимствомъ хозяекъ перваго, однако продолжалъ дичиться женскаго общества, — за то по цѣлымъ часамъ читалъ свои стихи передъ Вульфомъ и Пушкинымъ, который прозвалъ его «вдохновеннымъ». По возвращеніи въ Дерптъ Языковъ заплатилъ берегамъ Сороти (гдѣ находятся оба села) поэтическую дань рядомъ стихотвореній, которыя посвящены П. А. Осиповой, ея сыну, А. С. Пушкину и даже его нянѣ и принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній автора.

Вульфъ разстался съ Языковымъ въ концѣ 1826 года, и съ тѣхъ поръ между ними завязалась дѣятельная переписка, продолжавшаяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, такъ какъ друзьямъ долго не приходилось встрѣчаться. Напротивъ того, съ Пушкинымъ, хотя и освобожденнымъ отъ обязательнаго пребыванія въ деревнѣ, Вульфъ, въ первое время по выходѣ изъ университета, видался довольно часто, а сверхъ того, иногда и переписывался, такъ какъ поэтъ, получивъ разрѣшеніе покинуть Михайловское, часто мѣнялъ свое мѣстопребываніе. Изъ этой корреспонденціи извѣстны только письма Пушкина, и если судить по нимъ, то съ перваго взгляда можетъ показаться, что короткость отношеній между переписывавшимися обусловилась преимущественно жаждой матеріальныхъ наслажденій и основывалась на кутежахъ, на ухаживаніи за женщинами и т. п. Извѣстно, какою страстною натурой обладалъ поэтъ, и какъ дорого платился онъ за свои сердечныя увлеченія, а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно и то, что смолоду онъ любилъ преувеличивать свои пороки и какъ бы выставлять ихъ на показъ. Это объясняетъ тонъ его писемъ къ Вульфу; въ нихъ Пушкинъ называетъ то себя, то его Ловеласомъ, то величаетъ его Вальмономъ [1]) и сообщаетъ ему разныя новости нѣсколько игриваго свойства. Вульфу, который былъ на шесть лѣтъ моложе Пушкина, товарищеское его обращеніе, очевидно, было пріятно, и хотя въ сущности это былъ человѣкъ иного нрава, гораздо менѣе пламенный, онъ не желалъ отставать отъ Пушкина и къ тому же, по своей крайней молодости, имѣлъ слабость,

1) Безнравственный герой романа Шодерло-де-Лакло: «Les liaisons dangereuses».

какъ говоритъ преданіе, «влюблять въ себя молоденькихъ барышень и мучить ихъ» [1]). Такое стеченіе обстоятельствъ давало поводъ къ разнымъ эпизодамъ, иногда комическаго свойства. Такъ, въ январѣ 1827 года Александру Сергѣевичу и Алексѣю Николаевичу случилось вмѣстѣ гостить у одного Вульфова родственника, помѣщика Старицкаго уѣзда; тутъ бывшему дерптскому студенту вздумалось приволокнуться за одною, жившею въ томъ же домѣ, молоденькою поповной, и онъ прокрался ночью въ комнату, гдѣ она спала со служанкой; та проснулась, прикрикнула на неожиданнаго посѣтителя, и онъ поспѣшилъ уйти; но на утро неудачное похожденіе Вульфа стало всѣмъ извѣстно. Пушкинъ превозносилъ дѣвушку за смѣлость и находчивость, а пріятеля безпощадно поднялъ на смѣхъ. Приключеніе это должно было тѣмъ болѣе позабавить поэта, что въ то время уже былъ написанъ «Графъ Нулинъ» и, конечно, извѣстенъ Вульфу, которому такимъ образомъ, неожиданно для самого себя, пришлось разыграть этотъ анекдотъ въ лицахъ.

Тотъ оборотъ, какой былъ приданъ описанному происшествію Пушкинымъ, показываетъ, что его занимала только забавная сторона этого случая. То была шалость, и ничего болѣе, во всякомъ случаѣ не проявленіе испорченной нравственности. И въ сущности таковы были всѣ тѣ ужасные поступки, за которые такъ строго корили Пушкина многочисленные современные ему моралисты разныхъ ранговъ. То же должно сказать и объ Вульфѣ. Недаромъ Пушкинъ называлъ его: «filius meus in spirito»; недаромъ, даже въ исходѣ 1829 года, то-есть, послѣ двухлѣтней разлуки, поэтъ писалъ ему: «Проѣзжая изъ Арзрума въ Петербургъ, я своротилъ вправо и прибылъ въ Старицкій уѣздъ для сбора нѣкоторыхъ недоимокъ. Какъ жаль, любезный Ловласъ Николаевичъ, что мы здѣсь не встрѣтились. То-то побѣсили бъ мы бароновъ и простыхъ дворянъ!» [2]) Но изъ строкъ, приведенныхъ въ началѣ настоящаго очерка, видно, что Пушкинъ любилъ и даже уважалъ А. Н. Вульфа за его просвѣщенный умъ и серьезный, хотя, можетъ быть, нѣсколько отвлеченный взглядъ на вещи. Когда Александръ Сергѣевичъ

1) Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Тверской губерніи въ 1827 году. *В. Колосова*. Тверь. 1888, стр. 11. Нижеслѣдующія подробности заимствованы изъ этой же брошюры.

2) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 212.

сблизился со своимъ молодымъ сосѣдомъ, послѣднему не доставало житейской опытности; но Алексѣй Николаевичъ принадлежалъ именно къ числу тѣхъ разумныхъ, или какъ нынче говорятъ, уравновѣшенныхъ людей, къ которымъ все приходитъ въ свое время: Вульфу житейскій опытъ дала военная служба, въ которую онъ поступилъ въ концѣ 1828 года.

Это было для него важнымъ шагомъ. По окончаніи университетскаго курса Вульфъ долго не зналъ, какой избрать ему родъ дѣятельности; честолюбіе матери указывало ему на службу по дворянскимъ выборамъ, но онъ уклонился отъ нея и рѣшился воспользоваться тогдашними военными обстоятельствами. 9-го февраля 1829 года Языковъ все еще изъ Дерпта писалъ ему по этому поводу: «Поздравляю тебя съ ментикомъ и гусарскій полкъ принца Оранскаго и самого принца Оранскаго съ тобою; дай мнѣ обѣщаніе писать ко мнѣ изъ-подъ знаменъ войны православной, да вѣдаетъ твой пѣвецъ современный всѣ подробности новой судьбы твоей, необходимыя мнѣ для многихъ соображеній и предпріятій въ ономъ званіи»[1]). Не знаемъ, было ли дано Вульфомъ обѣщаніе, которое требовалъ отъ него Языковъ, но позволяемъ себѣ сомнѣваться въ томъ, чтобы молодой офицеръ привелъ его въ исполненіе. Еще во второй половинѣ 1827 года, живя въ деревнѣ безъ всякаго дѣла, Вульфъ задумалъ было вести свой дневникъ, но вскорѣ бросилъ эту затѣю и возвратился къ ея осуществленію лишь въ 1832 году, при чемъ въ числѣ первыхъ записей этого времени является отмѣтка о томъ, что авторъ дневника возобновляетъ, одновременно съ нимъ, и свою корреспонденцію: отсюда можно заключать, что въ періодъ своего участія какъ въ Турецкой, такъ и въ Польской компаніяхъ, Вульфъ не находилъ досуга ни для веденія своихъ поденныхъ записокъ, ни для переписки съ друзьями. Къ сожалѣнію, это обстоятельство служитъ причиной и тому, что наиболѣе оживленное время военной службы Вульфа (1829 — 1831 годы) остается самымъ темнымъ въ его біографіи.

Итакъ, вести послѣдовательно свой дневникъ Вульфъ началъ только съ половины 1832 года. Въ это время онъ находился со своимъ полкомъ на стоянкѣ въ Варшавѣ; затѣмъ ему дана была на

---

1) *Русскій Архивъ* 1867 г., ст. 744.

нѣкоторое время командировка въ городъ Холмъ; потомъ онъ возвратился въ Варшаву и принялся хлопотать объ отставкѣ, а по полученіи ея поспѣшилъ уѣхать къ матери въ Тригорское. Послѣдовало это въ ноябрѣ 1833 года. Пока Алексѣй Николаевичъ пребывалъ на службѣ и жилъ въ царствѣ Польскомъ, дневникъ его велся довольно аккуратно; при однообразіи полковой жизни на чужой сторонѣ, при маломъ числѣ знакомыхъ, Вульфъ всегда находилъ время для своихъ записей. Правда, интересъ ихъ не великъ: Вульфъ принужденъ былъ ограничиваться отмѣтками о своихъ служебныхъ занятіяхъ и о свиданіяхъ со своими сослуживцами; польское общество оставалось совершенно чуждымъ ему, и изъ польскихъ знакомыхъ онъ упоминаетъ только о нѣсколькихъ особахъ женскаго пола слишкомъ доступныхъ. Какъ бы то ни было, съ половины іюня 1832 года по ноябрь 1833 записи дневника идутъ обильно и связно. Но какъ только Алексѣй Николаевичъ водворился на родинѣ, хронологическая нить его замѣтокъ становится все прерывистѣе и случайнѣе. Конечно, и самая жизнь, какую онъ сталъ вести съ тѣхъ поръ, жизнь достаточнаго помѣщика, который прочно засѣлъ въ своемъ имѣньѣ, ѣздитъ иногда къ сосѣдямъ, изрѣдка посѣщаетъ свой уѣздный или губернскій городъ, въ кои вѣки заглядываетъ въ столицу, но большею частью живетъ въ своей усадьбѣ, лишь слегка принимая участіе въ мѣстныхъ общественныхъ дѣлахъ, не слишкомъ веселясь на людяхъ и не черезчуръ скучая въ уединеніи, и пуще всего дорожитъ своимъ покоемъ и независимостью, — такая жизнь немного давала матеріала для наполненія поденныхъ записокъ. Тѣмъ не менѣе, при просмотрѣ ихъ легко замѣтить, что интересъ къ этому труду охладѣлъ у Вульфа очень скоро; когда-то онъ предпринялъ его—быть можетъ, согласно примѣру и совѣту Пушкина—по такому плану, чтобы прежде всего разсказать о своемъ дѣтствѣ и юности, но намѣреніе это осталось безъ исполненія; равнымъ образомъ, не далъ онъ себѣ труда набросать воспоминанія о своихъ походахъ, во время которыхъ, безъ сомнѣнія, былъ свидѣтелемъ, а можетъ быть, и участникомъ замѣчательныхъ событій. Записи Вульфова дневника съ исхода 1833 года ограничиваются, большею частью, сферой его домашнихъ дѣлъ и интересовъ, и послѣдняя изъ нихъ, относящаяся къ ноябрю 1842 года, содержитъ въ себѣ лишь отмѣтку о состояніи погоды.

Какъ ни скудно, въ общемъ смыслѣ, содержаніе записныхъ

тетрадей А. Н. Вульфа, мы однако не хотимъ отвергать вниманія, котораго онѣ заслуживаютъ. Напротивъ того, мы охотно признаемъ, что записи этого дневника все-таки знакомятъ до нѣкоторой степени и съ личностью автора, и съ тою средой, въ которой онъ вращался въ свои молодые годы. Уже одно то обстоятельство, что Алексѣй Николаевичъ принадлежалъ къ числу ближайшихъ пріятелей Пушкина, и что въ свои тетради онъ занесъ нѣсколько такихъ свѣдѣній о великомъ поэтѣ, которыя не встрѣчаются въ другихъ источникахъ, можетъ возбуждать наше любопытство. Рядомъ съ записями о самыхъ обыденныхъ явленіяхъ своей жизни Вульфъ любилъ заносить на страницы своего журнала замѣтки о людяхъ, съ которыми встрѣчался, и особенно о книгахъ, которыя читалъ. Эти замѣтки, знакомя съ умственнымъ и нравственнымъ складомъ писавшаго, получаютъ особенную цѣну, если мы вспомнимъ, что онѣ принадлежатъ человѣку, котораго Пушкинъ любилъ и уважалъ именно за его трезвый умъ и образованность.

Таковы соображенія, побудившія насъ извлечь изъ записокъ А. Н. Вульфа все, что̀ въ нихъ есть наиболѣе любопытнаго. Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить нашу глубокую признательность баронамъ Степану Борисовичу и Павлу Александровичу Вревскимъ, обязательно предоставившимъ намъ возможность познакомиться съ записными тетрадями ихъ почтеннаго родственника.

Выдержки изъ дневника А. Н. Вульфа.

1827.

10-го августа. (Тригорское).

Я родился 17-го декабря 1805 года. Мой отецъ Николай Ивановичъ Вульфъ, отставленный коллежскимъ асессоромъ, жилъ по обычаю большей части русскихъ дворянъ у отца своего Ивана Петровича Вульфа въ тверской деревнѣ, не имѣя никакого постояннаго занятія. Потерявъ его очень рано (въ 1813 году), я мало объ немъ помню, но сколько слышалъ, всѣ знавшіе его любили въ немъ человѣка съ рѣдкою добротою сердца и съ тою любезностью въ обращеніи, которая привлекала всѣхъ къ нему; чувствительность его души

видна была въ нѣжной привязанности къ своему семейству: он
былъ равно почтительнымъ сыномъ, какъ и нѣжнымъ братомъ; лю
своихъ дѣтей, онъ былъ и добрымъ супругомъ. Я всегда буду ж
лѣть, что лишился его въ тѣхъ лѣтахъ, когда еще не могъ ни узнат
ни оцѣнить его. Знакомый въ лучшемъ кругу тогдашняго общест
обѣихъ столицъ, онъ имѣлъ и образованіе, общее нашему высоко
дворянству того времени, то-есть, онъ зналъ французскій язык
слѣдственно, все, что̀ на немъ хорошаго было написано. Я сам
помню его декламирующаго трагедіи Расина. Вотъ все, что̀ я зна
объ моемъ отцѣ. Мать моя была дочерью Александра Максимович
Вындомскаго, человѣка съ умомъ и образованностью, пріобрѣтенн
имъ самимъ собою [1]). Имѣвъ большое состояніе, долго онъ былъ
большомъ свѣтѣ, но наконецъ, удалился и жилъ въ своей дерев
въ Псковской губерніи, гдѣ, занимаясь разными проектами, потеря
онъ большую часть своего состоянія. У него-то провелъ я перв
лѣта моего дѣтства; онъ меня очень любилъ, и естественно, ибо
былъ старшимъ сыномъ его единственной дочери (онъ имѣлъ е
одну дочь, вышедшую замужъ за Ганнибала [2]) противъ его во
она вскорѣ умерла, оставивъ одну дочь и сына); къ тому же он
мнѣ хотѣлъ дать отличное воспитаніе совершенно въ своемъ ро
не такое, какъ вообще у насъ въ Россіи тогда давали. У меня
было ни мадамы-француженки, ни нѣмца-дядьки, но за то приходск
священникъ заставлялъ меня еще шести лѣтъ твердить: mensa, mens
etc. Кажется, что если бы мой дѣдъ долѣе жилъ, то бы изъ мен
вышло что-нибудь дѣльное. Но оставимъ возможности и будемъ бл
годарить судьбу за настоящее! Роковой 813-й годъ похитилъ и ег

Положеніе моей матери было тогда весьма затруднитель
Потерявъ мужа и отца въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, получи
она въ управленіе разстроенное имѣніе, которое надобно было пр
вести въ порядокъ и заняться воспитаніемъ пятерыхъ дѣтей (д

1) Мать Прасковьи Александровны была Марья Аристарховна Кашки
О бракѣ Прасковьи Александровны съ Н. И. Вульфомъ есть очень характер
извѣстіе въ воспоминаніяхъ племянницы послѣдняго А. П. Кернъ: «Это бы
замѣчательная партія: мужъ нянчился съ дѣтьми, варилъ въ шлафрокѣ варен
а жена гоняла на кордѣ лошадей или читала «Римскую исторію». Оба они с
нако были люди достойные любви и уваженія» (*Русскій Архивъ* 1884 г., кн. П
стр. 330).

2) Это былъ мичманъ флота Яковъ Исаковичъ Ганнибалъ, внукъ «арап
и двоюродный братъ Н. О. Пушкиной, матери поэта.

обязанности, изъ которыхъ каждая почти выше силъ женщины), которымъ должно было дать воспитаніе, приличное ихъ состоянію. Насъ осталось пятеро: три брата и двѣ сестры, изъ коихъ одна, Анна, старѣе меня, прочіе, Михаилъ, Евпраксія и Валеріанъ—моложе меня [1]). Мать моя приняла на себя трудъ быть моею наставницею. Живя уединенно въ своей деревнѣ, ей оставалось довольно времени отъ другихъ занятій, дабы посвятить опое на воспитаніе своихъ дѣтей. Но къ несчастью, не имѣя ни нрава, свойственнаго къ такимъ занятіямъ — (ибо сколько надобно имѣть терпѣнія при наставленіи на трудный путь занятій? Даже у дѣтей, одаренныхъ природою особенными способностями, сухія занятія первоначальными науками отбиваютъ охоту отъ ученія. Сколько надобно здѣсь искусства, чтобы превозмочь природное отвращеніе отъ труда и заставить любить умственныя занятія! У самыхъ людей съ созрѣвшими понятіями только многолѣтній прилежный трудъ рождаетъ любовь къ наукамъ), — ни знаній, къ тому необходимыхъ, ея благое намѣреніе принесло мало пользы. Признано, сколько способъ (метода) ученія можетъ затруднять и облегчать занятія, особенно въ тѣ лѣта, когда еще мы не можемъ разсуждать. Что же можетъ выйти хорошаго, когда мы, вмѣсто постепеннаго, систематическаго ученія, занимаемся разными предметами на выдержку, какъ на счастье берутъ лотерейные нумера? Такъ было и со мною. Я учился, учился и только, безъ отдыха, безъ пользы. Оттого не осталось у меня ни одного пріятнаго впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ; я терялъ охоту отъ ученія, ибо не видалъ никакой пользы отъ онаго; чѣмъ сегодня, боясь наказанія, я набивалъ голову, то завтра я забывалъ. Не разъ долженъ былъ я выучить французскую грамматику наизусть отъ листа до листа, и, несмотря на это, я бы назвалъ дверь прилагательнымъ именемъ. Но главною потерею отъ сего образа воспитанія было то, что я привыкъ видѣть въ моей матери не что иное, какъ строгаго и неумолимаго учителя, находившаго всякій мой поступокъ дурнымъ и не знавшаго ни одного одобрительнаго слова. Мы испытали, что

---

1) Анна Николаевна Вульфъ родилась въ 1800 году, скончалась въ 50-хъ годахъ, въ дѣвицахъ; Евпраксія Николаевна родилась 12-го октября 1810 года, въ 1831 вышла за мужъ за барона Бориса Александровича Вревскаго, скончалась 22-го марта 1883; Михаилъ Николаевичъ родился въ 1808 году, умеръ въ 1832; Валеріанъ Николаевичъ родился въ 1812 году, умеръ 13-го марта 1844.

на животныхъ гораздо скорѣе дѣйствуютъ кроткія мѣры, неже
насильственныя; неужели же къ людямъ, существамъ, одаренны
духовными способностями въ несравненно высшей степени, нем
примѣнить сего правила? Но наши отцы объ этомъ не думали,
лагая, что страхъ можетъ то же произвести, что́ и любовь. Груб
сожалѣнія достойная ошибка! Къ несчастью, есть еще много люд
которые держатся такихъ мнѣній, кажется, не отъ того, чтобы
признавали оныя неопровергаемыми или единственно спасительны
но болѣе потому, что они согласны съ ихъ характерами власто
бивыми и своенравными.

Что́ жь было плодомъ всего этого? То, что уже одинъ гол
моей матери наводилъ на меня трепетъ. Я не былъ спокоенъ, ко
ее зналъ вблизи. И сколь пагубное вліяніе имѣетъ такое обращ
съ дѣтьми на нравственность ихъ! Не смѣя произнести слова
присутствіи грозныхъ своихъ родителей, привыкаютъ они скрыв
свои мысли; убѣгая ихъ, они естественно попадаются въ общест
слугъ, скопище всѣхъ пороковъ, гдѣ потухаетъ послѣдній лучъ
новней любви, пока собственный нашъ разсудокъ не приведетъ н
опять на истинный путь.

Странно, съ какимъ легкомысліемъ отказываются у насъ мате
(я говорю о высшемъ классѣ) отъ воспитанія своихъ дѣтей; н
довольно того, что могли ихъ на свѣтъ произвести, а прочее н
мало заботитъ. Онѣ не чувствуютъ, что лишаютъ себя чистѣйши
наслажденій, не исполняя долга, возложеннаго на нихъ самою пр
родою, и отдавая дѣтей своихъ на произволъ нянекъ, оттолкну
ихъ такимъ образомъ отъ себя, онѣ винятъ дѣтей въ неблагода
ности, не находя въ нихъ любви къ себѣ. Мы вездѣ видимъ, ка
преступленія противъ природы наказуемы бываютъ своими собств
ными слѣдствіями; такъ и здѣсь: въ тѣ лѣта, когда страсти нач
наютъ въ людяхъ ослабѣвать, и они, вслѣдствіе физическихъ пр
чинъ, начинаютъ искать покоя, тогда, пресытясь суетными насл
жденіями разсѣянной жизни, ищутъ они утѣшенія въ кругу свое
семейства. Но что́ жь они тамъ находятъ? Вмѣсто дѣтской люб
холодное почтеніе и чаще равнодушіе, если не что-нибудь худш
и не сознаваясь въ собственной винѣ своего несчастья, ропщут
они на судьбу и на дѣтей. Вотъ что́ мы видимъ всякій день, ес
загляднемъ въ домашнюю жизнь нашихъ бояръ, гдѣ мы найдем
и причины нашей дурной нравственности и невѣжества.

Итакъ, первыми моими успѣхами въ наукахъ обязанъ я моей матери. Но въ 1817 году она вступила во второй бракъ съ Иваномъ Софроновичемъ Осиповымъ, что̀ было причиною переѣзду нашему въ Петербургъ, гдѣ меня въ слѣдующемъ году отдали въ Горный корпусъ. Итакъ, на 13-мъ году я сдѣлалъ первый шагъ за порогъ моего родительскаго дома. Меня поручили одному чиновнику, служившему при корпусѣ, у котораго я и жилъ. Я здѣсь остался не надолго, ибо въ слѣдующемъ (1819) году случай меня перенесъ въ Дерптъ, къ вреду ли моему, или къ пользѣ—это покажетъ будущее. Это учебное заведеніе должно причислить къ одному разряду со всѣми кадетскими корпусами, про которыхъ можно сказать, что они лучше, нежели ничего, но не болѣе. Всѣ они далеки отъ того, чтобы приносить ту пользу, которую отъ нихъ ожидаютъ, ибо за очень необширныя познанія, которыя тамъ пріобрѣтаютъ воспитанники, слишкомъ много они теряютъ въ нравственномъ отношеніи, чтобы можно было назвать первое прибылью.

Спартанское воспитаніе замѣчательно только тѣмъ, что оно доказываетъ силу великаго генія, его создавшаго, и до какой степени люди могутъ предаваться одной идеѣ, даже если она въ противорѣчіи со всѣми наклонностями человѣка. Исторія доказала, что безнаказанно человѣкъ не можетъ противиться вѣчнымъ законамъ естества природы; страсти человѣческія, разорвавъ узы, такъ долго ихъ связывавшія, не находили уже преградъ своему неистовству. И Спарта, прежде знаменитая своими добродѣтелями, стала столь же славна своими пороками. Это естественно: когда законы ослабѣли, и грубые спартанцы узнали наслажденія образованныхъ народовъ, то что̀ могло выйти иное изъ людей, не знавшихъ святѣйшихъ и благороднѣйшихъ связей человѣчества? Не знавъ ни имени отца, ни супруги, ни сына, могли ли они быть хорошими гражданами? Прежде они заключали всѣ сіи священныя имена въ одномъ имени отечества, но съ разрушеніемъ сей идеи они потеряли все святое, ибо ихъ вѣра, бывшая не что иное, какъ гражданское постановленіе, не могла быть опорою. Люди соединились въ общества для того, чтобы обезопасить собственность и права каждаго члена отъ насилія, стараясь притомъ какъ можно болѣе сохранить первобытной своей свободы; итакъ, общество у нихъ было средствомъ, а не цѣлью, въ Спартѣ же было это на выворотъ. Если общественное воспитаніе и въ самой Спартѣ не было соотвѣтственно назначенію человѣка, то сколь вредно

должно оное быть у насъ, гдѣ оно не столь тѣсной связи съ гр
данскими постановленіями, и гдѣ такъ мало занимаются уменьшеніе
зла, неразлучнаго съ симъ постановленіемъ?

Нравственное образованіе необходимо для человѣка, котор
долженъ сдѣлаться полезнымъ гражданиномъ; могутъ ли же он
пріобрѣсти воспитанники нашихъ кадетскихъ корпусовъ, брошенн
туда отцами своими въ самомъ нѣжномъ возрастѣ (не имѣя спосо
дать имъ другого воспитанія), тогда, когда имъ столь нужна по
пора и любовь своихъ родителей? Но чего достойны тѣ отцы, ко
рые для того удаляютъ отъ себя дѣтей своихъ, чтобы избавить
отъ бремени ихъ воспитанія? Конечно, необходимы общественн
заведенія для образованія офицеровъ, а особливо для морской служ
но не должно туда принимать дѣтей; только молодые люди, ок
чившіе первоначальное воспитаніе, общее всякому образованно
человѣку, которое они могли получить или дома, или въ гимназіях
къ тому правительствомъ устроенныхъ, — сіи воспитанники долж
бы были быть въ такихъ лѣтахъ, дабы могли понимать обязанно
на себя принимаемыя, избирая себѣ состояніе, къ которому о
думаютъ себя способными. Разумѣется, что тутъ должно уничтожи
варварскій обычай тѣлесныхъ наказаній, недостойный образованны
людей, истребляющій понятіе о чести, столь необходимой для всяк
чувствующаго свое личное достоинство.

[Приписка отъ 8-го іюня 1828]. Надобно побывать само
въ такомъ корпусѣ, чтобы имѣть понятіе объ немъ. Нѣсколько со
молодыхъ людей всѣхъ возрастовъ, отъ семи до двадцати лѣт
заперты въ одно строеніе, въ которомъ нѣкоторые изъ нихъ пр
водятъ болѣе десятка лѣтъ; въ немъ какой-то особенный мір
полуказарма, полумонастырь, гдѣ соединены пороки обоихъ. Нѣ
разврата чувственности, изобрѣтеннаго сластолюбіемъ Катона
утонченнаго греками, подробно поименованнаго въ «Кормчей книг
котораго не случалось бы тамъ, и нѣтъ казармы, гдѣ бы бол
встрѣчалось грубости, невѣжества и буйства, какъ въ такомъ уч
лищѣ русскаго дворянства! Всѣмъ порокамъ открытъ входъ сю
тогда, когда не принято ни одной мѣры для истребленія оны
Тѣлесныя наказанія нельзя къ такимъ причислить, ибо они наказ
ваютъ, а не предупреждаютъ проступокъ. Принимаемые безъ вс
каго разбора воспитанники приносятъ съ собою очень часто в
пороки, которые мы встрѣчаемъ въ молодыхъ людяхъ, въ праздно

вскормленныхъ въ кругу своихъ дворовыхъ людей, у коихъ они уже успѣли все перенять, и передаютъ ихъ всѣмъ своимъ товарищамъ. Такимъ образомъ ежедневно, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ собираются пороки, пока они не сольются въ одно цѣлое и составятъ родъ обычая, закона, освященнаго временемъ (всегда сильною причиною) и общимъ примѣромъ. Тогда уже ничто не можетъ помочь, никакія мѣры — исправить такое заведеніе. Воздухъ, заключенный въ этихъ стѣнахъ, самыя стѣны заражены; только съ истребленіемъ всего какъ бы постигнутаго моровою язвою можно искоренить зло. Зная сіе, ясно, отчего новыя училища такого рода сначала нѣсколько соотвѣтствуютъ своей цѣли и потомъ такъ скоро упадаютъ. Многіе подумаютъ, что здѣсь все увеличено, слишкомъ рѣзко описано: ни мало! Всякій бывшій въ корпусѣ согласится со мною. Къ тому же причины зла основаны на природѣ вещей: возьмите нѣсколько человѣкъ со всѣхъ концовъ земли, всѣхъ степеней образованности, всѣхъ исповѣданій вѣры, исключите ихъ изъ остального міра, подчинивъ одному образу жизни. Что̀ выйдетъ? Одинакія занятія, одинакая цѣль жизни, радости, печали и вообще все, что̀ они будутъ чувствовать, касающееся ихъ всѣхъ, а не одного изъ нихъ, дастъ имъ всѣмъ одну отличительную черту, одинъ характеръ, общій всѣмъ, но составленный изъ личности каждаго (таково было начало каждой народности). И не будетъ ли этотъ характеръ тѣмъ хуже, чѣмъ порочнѣе члены, составившіе общество? Примѣры сего мы видимъ въ колоніяхъ, монастыряхъ, университетахъ, разбойничьихъ шайкахъ и даже въ нѣкоторыхъ гражданскихъ сословіяхъ, гдѣ они сближаются съ кастами древнихъ.

Взглянувъ на учебную часть корпусовъ кадетскихъ, мы найдемъ въ нихъ не много болѣе утѣшительнаго. У насъ еще не знаютъ или не хотятъ знать, что хорошимъ офицеромъ можетъ быть только образованный, а образованнымъ офицеромъ — только образованный человѣкъ. Преимущественно передъ всѣми другими науками, и исключительно, занимаются преподаваніемъ математики. Впрочемъ, я не думаю, чтобы и самый Лаплассъ былъ бы хорошимъ генераломъ. Конечно, офицеру необходимы познанія математическія, но чтобы сдѣлать ихъ единственными, это не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть полезнымъ; даже человѣку, посвящающему себя единственно наукамъ математическимъ, необходимы свѣдѣнія — по крайней мѣрѣ историческія — о предметахъ знаній, съ ними въ связи находящихся;

напримѣръ, математикъ долженъ быть и логикомъ и пр. Кругъ по знаній офицера такъ великъ, и оныя такъ разнообразны, что, прав у него нѣтъ времени лишняго, чтобы онъ могъ его посвящат исчисленіямъ высшей математики, ему ненужной (я не говорю здѣ объ артиллеристахъ и инженерныхъ офицерахъ, которымъ, ра умѣется, высшая математика необходима). На историческія, географ ческія науки, столь необходимыя, обращаютъ мало вниманія, даж и на знаніе отечественнаго языка. Также совсѣмъ не заботятся томъ, чтобы пріохотить молодыхъ людей къ ученію, отчего тѣ думаютъ только о томъ, какъ бы скорѣе выйти въ офицеры и бр сить книги, полагая, что, достигнувъ эполетъ, они уже все нужн знаютъ, не подозрѣвая, что по сю пору ихъ только приготовля къ настоящему ученію, что имъ только показали путь, по которо они теперь должны сами, безъ помощи другихъ, впередъ идти.

Кажется, гораздо полезнѣе было бы обратить вниманіе состояніе уѣздныхъ и губернскихъ училищъ, переобразовать и такъ, чтобы они въ состояніи были приготовлять воспитанников своихъ для вступленія какъ въ университетъ, такъ и военныя ак деміи, кои замѣнили бы корпуса...

16-го сентября. (Тригорское).

Вчера обѣдалъ я у Пушкина въ селѣ его матери, недавно бы шемъ еще мѣстѣ его ссылки, куда онъ недавно пріѣхалъ изъ Пет бурга съ намѣреніемъ отдохнуть отъ разсѣянной жизни столицъ чтобы писать на свободѣ (другіе увѣряютъ, что онъ пріѣхалъ о того, что проигрался). По шаткому крыльцу взошелъ я въ ветх хижину первенствующаго поэта русскаго. Въ молдаванской крас шапочкѣ и халатѣ увидѣлъ я его за рабочимъ его столомъ, коемъ были разбросаны всѣ принадлежности уборнаго столика клонника моды; дружно также на немъ лежали Montesquieu *Bibliothèque de campagne* и «Журналомъ Петра I» [1]); виденъ бы

1) *Bibliothèque des villes et de campagne*—беллетристическій журналъ пр лаго вѣка; изъ помѣщенной въ немъ повѣсти «Histoire de Berold de Sav Пушкинъ сдѣлалъ извлеченіе, сохранившееся въ его бумагахъ (*Русск. Стар* 1884 г., т. XLII, стр. 353), и предполагалъ написать на этотъ сюжетъ драм «Журналъ Петра I» — безъ сомнѣнія, «Поденная записка» его, издан княземъ М. М. Щербатовымъ въ трехъ частяхъ въ 1770 — 1772 годахъ.

также Alfieri, ежемѣсячники Карамзина и изъяснепіе сновъ, скрывшееся въ полдюжинѣ русскихъ альманаховъ; наконецъ, двѣ тетради въ черномъ сафьянѣ [1]) остановили мое вниманіе на себѣ: мрачная ихъ наружность заставила меня ожидать что-нибудь таинственнаго, заключеннаго въ нихъ, особливо, когда на большей изъ нихъ я замѣтилъ полустертый масонскій треугольникъ. Естественно, что я думалъ видѣть лѣтописи какой-нибудь ложи; но Пушкинъ, замѣтивъ вниманіе мое къ этой книгѣ, окончилъ всѣ мои предположенія, сказавъ мнѣ, что она была счетною книгою такого общества, а теперь пишетъ онъ въ ней стихи; въ другой же книгѣ показалъ онъ мнѣ только что написанныя первыя двѣ главы романа въ прозѣ, гдѣ главное лицо представляетъ его прадѣдъ Ганнибалъ, сынъ Абиссинскаго эмира, похищенный турками, а изъ Константинополя русскимъ посланникомъ присланный въ подарокъ Петру I, который его самъ воспитывалъ и очень любилъ. Главная завязка этого романа будетъ— какъ Пушкинъ говоритъ — невѣрность жены сего арапа, которая родила ему бѣлаго ребенка и за то была посажена въ монастырь. Вотъ историческая основа этого сочиненія. Мы пошли обѣдать, запивая рейнвейномъ швейцарскій сыръ; разсказывалъ мнѣ Пушкинъ, какъ государь цензируетъ его книги; онъ хотѣлъ мнѣ показать «Годунова» съ собственноручными его величества поправками. Высокому цензору не понравились шутки стараго монаха съ харчевницею. Въ «Степькѣ Разинѣ» не прошли стихи, гдѣ онъ говоритъ воеводѣ Астраханскому, хотѣвшему у него взять соболью шубу: «Возьми съ плечъ шубу, да чтобы не было шуму». Смѣшно разсказывалъ Пушкинъ, какъ въ Москвѣ цензировали его «Графа Нулина»: нашли, что неблагопристойно его сіятельство видѣть въ халатѣ! На вопросъ сочинителя, какъ же одѣть, предложили сюртукъ. Кофта барыни показалась то же соблазнительною: просили, чтобы онъ далъ ей хотя салопъ. Говоря о недостаткахъ нашего частнаго и общественнаго воспитанія, Пушкинъ сказалъ: «Я былъ въ затрудненіи, когда Николай спросилъ мое мнѣніе о семъ предметѣ. Мнѣ бы легко было написать то, чего хотѣли, но не надобно же пропускать такого случая, чтобъ сдѣлать добро. Однако, я между про-

1) Въ числѣ рукописей Пушкина, хранящихся въ Московскомъ Публичномъ музеѣ, дѣйствительно есть рукописи такого вида, и въ одной изъ нихъ есть наброски «Арапа Петра Великаго» (*Русск. Старина* 1884 г. т. XLII, стр. 537).

чимъ сказалъ, что должно подавить частное воспитаніе. Не смотря на то, мнѣ вымыли голову».

Играя на биліардѣ, сказалъ Пушкинъ: «Удивляюсь, какъ могъ Карамзинъ написать такъ сухо первыя части своей «Исторіи», говоря объ Игорѣ, Святославѣ. Это героическій періодъ нашей исторіи. Я непремѣнно напишу исторію Петра I, а Александрову—перомъ Курбскаго. Непремѣнно должно описывать современныя происшествія, чтобы могли на насъ ссылаться. Теперь уже можно писать и царствованіе Николая, и объ 14-мъ декабря».

1832.

9-го іюня. Варшава.

Послѣ четырехъ лѣтъ кочующей жизни, въ продолженіе которой почти всѣ связи мои были прерваны со всѣми, исключая своей семьи, начинаю опять понемногу входить въ прежній кругъ людей, съ которыми въ разныя времена моей жизни я встрѣчался, и съ коими я болѣе или менѣе былъ связанъ узами дружбы или любви. Первый шагъ къ тому была поѣздка въ отпускъ, въ продолженіе котораго я возобновилъ одну послѣ другой всѣ нити, которыя меня соединяли съ людьми, мнѣ милыми. Я отыскалъ Языкова, Лизу, а мой единственный Франціусъ, прекраснѣйшее изъ созданій, украшающихъ этотъ міръ, — надъ раннею могилою, куда его низводитъ неизбѣжная судьба, вспомнилъ объ отдаленномъ другѣ его молодости и, не смотря на многолѣтнее его молчаніе, которое всякій бы принялъ за забвеніе, подалъ мнѣ дружескую руку, чтобы еще разъ въ этомъ мірѣ привѣтствовать меня. Возвратившись, такимъ образомъ, опять къ обществу, я берусь съ новымъ удовольствіемъ за ежедневный отчетъ въ самомъ себѣ.

Я бы могъ теперь быть доволенъ моимъ положеніемъ, на время, если бы не смертельная болѣзнь брата Михаила. Возвращаясь изъ отпуска, нашелъ я его въ Брестѣ чрезвычайно слабымъ, до высшей степени изнуреннымъ болѣзнью, и оставилъ тамъ съ надеждою въ выздоровленіе. Но теперь мнѣ пишутъ, что она изчезла; я прошусь въ отпускъ на 28 дней, чтобы съѣздить къ нему, но не знаю, застану ли въ живыхъ... Недостатокъ денегъ заботитъ тоже меня. Жизнь здѣшняя разорительна, а изъ дому скоро получить тоже едва ли будетъ возможно. Вотъ достаточныя причины, по которымъ жизнь мою здѣсь нельзя назвать пріятною.

10-го іюня.

Въ Варшаву ѣхавши, я ожидалъ найти здѣсь кучу удовольствій, но чрезвычайно ошибся, потому что никакихъ не нашелъ, кромѣ встрѣчи съ двумя или тремя молодыми людьми. Изъ нихъ Левъ Пушкинъ, съ дѣтства мнѣ знакомый, болѣе всѣхъ другихъ меня утѣшаетъ. Съ нимъ я говорю объ домашнихъ моихъ, объ поэзіи и поэтахъ — нашихъ друзьяхъ, объ любви, въ которой мы тоже сходились къ одному предмету, и даже о винѣ и обѣдѣ, которымъ онъ искушаетъ мой карманъ.

12-го іюня.

Вчера получилъ я прискорбное извѣстіе о кончинѣ брата Михаила, послѣдовавшей 20-го числа прошлаго мѣсяца, въ тотъ самый день, въ который Гаврило написалъ мнѣ, что онъ опасно заболѣлъ. Бѣдный братъ! Для чего онъ родился? Развѣ для того, чтобы перенести столько страданій! А мы зачѣмъ живемъ? Мнѣ больно, что обстоятельства не позволили мнѣ еще разъ его увидѣть: его умирающій взоръ не встрѣтилъ ни одного родного, послѣдній часъ его былъ столь же печаленъ, какъ и вся его жизнь. Будетъ ли онъ утѣшенъ тамъ, гдѣ, говорятъ, уравновѣсятъ наше бытіе? Хотя цѣль его существованія и не была достигнута, но онъ могъ бы еще вкусить много радостей, ибо гдѣ тѣ люди, которые постоянно стремятся къ достойному? Алексѣй Дмитріевичъ Богушевскій, бывшій его эскадронный командиръ, а нынѣ начальникъ пограничной стражи въ Брестъ-Литовскѣ, показалъ себя истиннымъ благодѣтелемъ моему брату: онъ пекся объ немъ съ отеческою нѣжностью и былъ для него самымъ нѣжнымъ родственникомъ. Онъ же меня извѣстилъ, какъ о смерти брата, такъ и о томъ, что ему отдалъ послѣдній долгъ, проводивъ останки его къ мѣсту покоя. Встрѣча въ жизни съ такими людьми, какъ Богушевскій, утѣшительна; она дѣлаетъ насъ самихъ лучшими, миритъ съ остальнымъ человѣчествомъ.

15-го іюня.

Большую часть моего времени, внѣ дома, провожу я съ Львомъ Пушкинымъ. Онъ меня завелъ здѣсь и къ своей знакомой — г-жѣ Вольфъ, гдѣ я бываю по вечерамъ; она приняла меня сначала болѣе, чѣмъ съ распростертыми объятіями, но замѣтивъ, что меня одурить ей не удалось, она возвратилась ко Льву и продолжаетъ съ нимъ продѣлывать разные фарсы.

Я познакомился съ Очкинымъ[1]), старымъ пріятелемъ Языкова; онъ, кажется, очень добрый малый. Разсказы про жизнь его въ Грузіи чрезвычайно любопытны; онъ былъ тамъ при Паскевичѣ и съ нимъ сюда пріѣхалъ.

18-го (30-го) іюня.

Вотъ и къ Аннѣ Петровнѣ[2]) написалъ я письмо; остаются теперь неудовлетворенными Франціусъ и Языковъ. Я такъ отвыкъ отъ нѣмецкаго языка, такъ разучился ему, что мнѣ чрезвычайнаго труда стоитъ письмо къ нему. Такъ всякое знаніе требуетъ постояннаго занятія опымъ, безъ котораго въ непродолжительномъ времени все изглаживается изъ нетвердой памяти. Какъ-то она перенесла потерю своей матери? Пушкина писала Льву, что она очень больна; но, какъ уже тому болѣе мѣсяца и въ послѣднихъ письмахъ объ ней ничего не говоритъ, то это меня успокоиваетъ: если бы ей сдѣлалось хуже, то вѣрно бы она написала. Я недоволенъ образомъ жизни, который веду: хочу чѣмъ-либо заняться; но я такъ отвыкъ отъ умственнаго труда, что не знаю, какъ и начать.

19-го іюня.

Все та же г-жа Вольфъ, тотъ же обѣдъ въ трактирѣ, тѣ же знакомые и такой же, какъ прежніе, безполезный день! Я теперь ничего не читаю, чтобы скорѣе дописать письмо къ Франціусу, но оно не подвигается впередъ.

Я видѣлъ здѣсь одну книгу запрещеннаго нашего журнала московскаго *Европеецъ*, который началъ издавать Кирѣевскій, извѣстный читающей публикѣ своими цѣнными критиками. Этотъ журналъ обѣщалъ многое, но къ несчастью, кажется, пустился въ политику, почему и остановленъ правительствомъ[3]). Въ этой книгѣ

1) Амплій Николаевичъ Очкинъ, питомецъ Дерптскаго университета, занимался литературой, особливо переводами, и съ 1839 по 1863 годъ былъ редакторомъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*; ум. 15-го марта 1865 года. В числѣ стихотвореній Н. М. Языкова есть посланіе къ А. Н. Очкину.

2) А. П. Кернъ — двоюродная сестра А. Н. Вульфа.

3) Свѣдѣніе невѣрное: въ журналѣ И. В. Кирѣевскаго никакой политики не было, а просто были умныя статьи, и за одну изъ нихъ *Европеецъ* былъ запрещенъ по интригамъ А. Х. Бенкендорфа. Жуковскій по поводу этого запрещенія писалъ Кирѣевскому слѣдующее: «Въ статьѣ твоей «XIX вѣкъ» находятъ подъ выраженіями явными тайный смыслъ и полагаютъ что она написана съ худою цѣлью. Обвиняютъ и въ статьѣ твоей о комедіи «Горе отъ ума» твою выходку противъ любви къ иностранцамъ, полагая, что ты разумѣешь

нашелъ я три прекрасныя стихотворенія Языкова, и каждое изъ нихъ принадлежитъ своей эпохѣ его стихотворческой дѣятельности. «Воспоминаніе о Воейковой»[1]) принадлежитъ ко времени его любви къ ней, его студенческой жизни. Оно чисто, пламенно, исполнено чувствъ и юношескихъ восторговъ. «Конь» принадлежитъ къ его немногимъ пьесамъ, въ которыхъ, какъ въ «Водопадѣ», онъ изумляетъ смѣлостью, сжатостью и силой языка. «Элегія» его дышетъ нѣгой сладострастья, но не столь нескромнаго, какъ его пѣсни цыганкамъ; это — соблазны теплой лѣтней ночи, которые прикрыты собственнымъ ея мракомъ. Жуковскаго переводъ съ нѣмецкаго гекзаметрами «Войны мышей съ лягушками» чрезвычайно хорошъ. Онъ имѣетъ даръ во всѣхъ своихъ переводахъ казаться самобытнымъ. Есть тутъ же два хорошихъ стихотворенія Хомякова и Боратынскаго «Посланіе къ Языкову». Прозаическія статьи—повѣсти, критики, смѣсь не отличаются особенно ничѣмъ, кромѣ одной антикритики на разборъ «Наложницы» Боратынскаго, весьма отчетисто, благопристойно написанный[2]). Недавно я прочиталъ давно извѣстнаго «Юрія Милославскаго» съ удовольствіемъ: все, что̀ можно сказать про него, ибо ни слогъ, ни характеры, ни занимательность и искусство въ завязкѣ похвалить особенно нельзя. Изъ русскихъ до него писателей, конечно, онъ первый.

23-го іюня.

Въ военномъ нашемъ быту есть новости. Пѣхотѣ велѣно также, какъ и легкой кавалеріи, носить усы. Поговариваютъ, что офицерамъ позволено будетъ носить фраки; это мнѣ кажется невѣроятнымъ. Образъ моей жизни совершенно городской и столичный: встаю я очень поздно, выхожу изъ дому обѣдать обыкновенно около пяти часовъ, а возвращаюсь домой всегда послѣ полуночи. По примѣру Пушкина, котораго теперь трясетъ лихорадка, сталъ я гастрономъ, но надѣюсь, что обойдусь безъ оной. Со всѣмъ своимъ умомъ

подъ именемъ иностранцевъ и тѣхъ русскихъ, кои, нося фамилію не русскую, принадлежатъ къ русскимъ подданнымъ, то-есть, жителей нашихъ нѣмецкихъ провинцій». (*В. Ясковскій.* Братья Кирѣевскіе, ихъ жизнь и труды. С.-Пб. 1899, стр. 36—38).

1) Александра Андреевна Воейкова, жена извѣстнаго литератора А. Ѳ. Воейкова и племянница Жуковскаго, умерла въ Италіи въ 1829 году; Языковъ встрѣчалъ ее въ Петербургѣ и въ Дерптѣ.

2) Эта антикритика, направленная противъ Надеждина, разбиравшаго «Наложницу» въ *Телескопѣ*, была написана самимъ Баратынскимъ.

иногда онъ очень забавенъ. По сю пору онъ еще пьетъ *на славу*, чтобы дивились тому, сколько онъ выпиваетъ, не пьянѣя, твердитъ о томъ, что нѣсколько лѣтъ не былъ въ церкви и обѣщался никогда не входить, наконецъ хочетъ переупрямить лихорадку, какъ будто бы она — Вольфша! Или этимъ онъ доказываетъ свое молодечество? Таковы-то мы всѣ люди: у всякаго есть своя пята, какъ у богоподобнаго.

25-го іюня.

Наконецъ отправилъ я вчера мое посланіе къ Франціусу. Дай Богъ, чтобы оно доставило столько же удовольствія, какъ его письмо мнѣ. Остается теперь мнѣ одинъ милый Николай Михайловичъ; сейчасъ же пишу къ нему.

26-го іюня.

Меня сегодня парядили въ разъѣздъ, завтра, быть можетъ, въ караулъ и т. д. Хорошо, что я окончилъ мои письма: къ Языкову, послѣднее, лежитъ уже готовое, а то я долго бы теперь не собрался! Съ завтрашняго дня я намѣреваюсь вести жизнь добропорядочную. Стану брать изъ библіотеки книги и рѣже ходить къ Пушкину.

Письма я все еще не получилъ. Вотъ и оно, въ сопровожденіи другого — отъ сестры Анны. Въ послѣднемъ, какъ и вездѣ, печаль сливается съ радостью. Послѣ извѣстія о смерти Трескиной, бывшей Вревской, она пишетъ о предстоящемъ замужествѣ Саши [1]). Дай Богъ ей скорѣе выйти, а ему, господину псковскому полиціймейстеру Беклешову, дай въ ней добрую жену. Она говоритъ, что ненавидитъ и ругаетъ меня; но мнѣ это не помѣшаетъ ее любить и сдѣлать все возможное, что̀ будетъ зависѣть отъ меня къ ея благополучію. Анна осталась одна въ Тригорскомъ; бѣдной, должно быть, скучненько; что̀ дѣлать!

27-го іюня.

...Возвращаясь домой, я шелъ мимо квартиры Ушакова; онъ еще не спалъ. Это мнѣ пригодилось, потому что, пришедши домой, я нашелъ на дверяхъ запоръ, а вѣрнаго моего служителя, кто знаетъ, а только не я, гдѣ. Я принужденъ былъ воротиться къ Ушакову, посидѣлъ у него и взялъ въ запасъ французскій переводъ послѣднихъ пѣсней «Don Juan», и хорошо сдѣлалъ, потому что

1) Александры Ивановны Осиповой, падчерицы П. А. Осиповой и дочери И. С. Осипова отъ его перваго брака.

успѣлъ прочитать (было утро) цѣлую пѣсню, пока дождался мучителя моего. Можетъ быть, не оттого ли и «Жуанъ» *въ случаѣ* мнѣ не понравился. Такъ проведенная ночь отзывается во мнѣ теперь.

28-го іюня.

Здѣсь я встрѣтилъ одного изъ моихъ собратовъ-студентовъ, съ которымъ вмѣстѣ слушалъ лекціи военной науки у почтеннаго Адеркаса, котораго даже ввелъ въ наше университетское братство (Burschenschaft)[1]). Всю Турецкую войну служили мы въ одномъ корпусѣ; въ одномъ лагерѣ, подъ Шумлою, простояли цѣлое лѣто и ни разу не встрѣчались; недавно сошлися мы въ одной лавкѣ. Онъ служитъ теперь въ генеральномъ штабѣ и отправляется на тригонометрическую съемку. Вчера на прощанье вышли мы въ память прошлыхъ дней нѣсколько бутылокъ вина. Онъ добрый, честный малый, не смотря на то, что въ университетѣ не постигалъ ни насъ, ни цѣли, къ которой мы стремились. Это не мѣшаетъ быть ему хорошимъ офицеромъ, полезнымъ гражданиномъ, быть можетъ, полезнѣйшимъ, чѣмъ мы, энтузіасты. Если послѣдніе блестятъ, увлекаютъ, какъ поэзія, то первые, какъ проза жизни, постояннымъ трудомъ идутъ къ той же цѣли.

3-го іюля.

Два дня я занимался составленіемъ журнала военныхъ дѣйствій нашего полка и окончилъ первую кампанію 1828 года. На 29-мъ годѣ мнѣ будетъ труднѣе, ибо я долженъ совершенно изъ памяти составлять описаніе дѣлъ, за то онъ гораздо короче: одно Кулевчанское дѣло только и есть[2]). Сегодня бы я написалъ и это, но меня нарядили дежурнымъ по полку.

---

1) Фридрихъ-Вильгельмъ Адеркасъ род. въ 1767 году въ Бреславлѣ, служилъ въ прусской военной службѣ, по полученіи чина маіора перешелъ въ русскую службу и съ 1819 года состоялъ преподавателемъ военныхъ наукъ въ Дерптскомъ университетѣ; на старости удалился за границу, обратился въ геренгутерство и умеръ въ 1843 году. Не названный по фамиліи слушатель его — Михаилъ Павловичъ Вронченко (род. въ 1801 г., ум. въ 1855), извѣстный впослѣдствіи офицеръ генеральнаго штаба и литераторъ, переводчикъ «Гамлета» и «Макбета» Шекспира, «Манфреда» Байрона и «Фауста» Гёте.

2) Это была работа, возложенная на А. Н. Вульфа его начальствомъ, и потому ее никакъ нельзя считать составною частью его дневника.

11-го августа.

...Вчера, совсѣмъ нежданно, получилъ я дружескій отвѣтъ Франціуса и Рама; они мнѣ сообщаютъ извѣстія объ остальныхъ моихъ товарищахъ-студентахъ. Одного изъ нихъ уже не стало: Лейтгангъ, послѣдній изъ семи, оставшійся со мною въ Дерптѣ, погибъ жертвою своей обязанности въ чумномъ госпиталѣ, бывшемъ въ его вѣдѣніи въ Варнѣ. Это второй (послѣ Кошкуля), выбывшій изъ круга нашего, и къ несчастью, третій, достойнѣйшій изъ всѣхъ, неминуемо долженъ вскорѣ послѣдовать за нимъ... Исполненная возвышенныхъ чувствъ, пламенная грудь Франціуса разрушается... Онъ знаетъ, какъ глубоко смерть уже гнѣздится въ немъ, сколько дней еще ему отсчитано, и мужественно встрѣчаетъ ее, умоляя только краткій срокъ, чтобы окончить изящный трудъ, который онъ хочетъ намъ оставить, какъ памятникъ своего существованія, въ которомъ онъ желаетъ отразить свою душу и доказать, сколько въ ней было любви къ прекрасному. Несчастный другъ, какъ жестокъ твой удѣлъ!

Я имѣю теперь нѣкоторое понятіе о томъ, какъ проведу эту зиму. Я назначенъ въ учебную команду при дивизіонной квартирѣ, которая соберется, когда полки возвратятся изъ караула на свои квартиры. Этому радуюсь я: буду имѣть по крайней мѣрѣ полезное занятіе, покуда не сподоблюсь выйти въ отставку. Во всякомъ случаѣ, пріятнѣе быть при дивизіонной квартирѣ, чѣмъ жить въ какой-либо деревнѣ со взводомъ.

21-го августа.

Трехдневный срокъ содержанія моего въ караулѣ исполнился сегодня. Время на оному проходило для меня такъ скоро, что я не успѣлъ, въ продолженіе двухъ дней, прочитать трехъ книжечекъ очень занимательнаго романа «Le rouge et le noir», par Stendhal. Прекрасный садъ дворцовый, въ глуши деревъ коего потонула гауптвахта, посѣщенія товарищей вечеромъ, прекрасная музыка, свѣтъ луны попеременно занимали мои досуги.

23-го августа.

...Давно не читалъ я столь занимательнаго романа, какъ этотъ — Стендаля.

26-го августа.

Сегодня годовщина [1]) штурма Варшавскаго. Кичливые бунтовщики въ это время, не смиренные первымъ ударомъ, еще мечтали объ возможности противостоять. Напрасно: упорное мужество сокрушило всѣ твердыни, и свобода Польши пала, быть можетъ, надолго!

27-го августа.

...«Дочь купца Жолобова», романъ Калашникова, читаю я теперь, но съ меньшимъ удовольствіемъ, какъ ожидалъ.

1-го сентября.

Сегодня бы я уже могъ подать прошеніе объ отставкѣ, если бы я въ состояніи былъ опредѣлить мою будущность; но на это я не могу еще рѣшиться. Все, что̀ я сдѣлаю, будетъ то, что нашему къ матери, сколько мнѣ мало можно ожидать отъ моей службы, и сколь велико мое денежное затрудненіе. Если бы ей удалось перезаложить Тригорское скорѣе, тогда бы можно было мнѣ надѣяться получить тысячи двѣ, иначе же трудно мнѣ будетъ что-либо получить теперь. Не понимаю, отчего Богушевскій не шлетъ мнѣ по сю пору тѣхъ, которыя у него остались. Скоро я буду въ большомъ затрудненіи. Служба между тѣмъ идетъ своимъ чередомъ; вчера былъ я ординарцемъ у свѣтлѣйшаго.

13-го октября.

На этихъ дняхъ пріѣхала изъ Петербурга давно ожидаемая Ольга Сергѣевна Павлищева. Я чрезвычайно обрадовался ея пріѣзду, какъ ради удовольствія видѣть ее, такъ и потому, что съ нею я могу говорить обо всѣхъ лицахъ, меня нѣкогда занимавшихъ въ Петербургѣ. Она не перемѣнилась, сколько я замѣчаю; мила и забавна, какъ была прежде до своей болѣзни. Вечера у ней будутъ для меня вѣрнымъ убѣжищемъ отъ скуки.

16-го октября.

У Павлищевыхъ я обѣдалъ вчера и провелъ остатокъ дня. Ольга мила, какъ всегда; но сегодня что̀ буду дѣлать?

---

1) Этимъ выраженіемъ я не совсѣмъ еще доволенъ: оно, кажется, не точно. Я помню, какъ Пушкинъ, въ 28-мъ году, искалъ онаго. Мы сбивались на какое-то другое слово, котораго теперь не помню.

А. В

17-го октября.

Ничего рѣшительно, кромѣ того, что обѣдалъ. Даже къ Павлищевымъ не пошелъ вечеромъ, а прямо домой, чтобы за романомъ Кока заснуть въ 10 часовъ вечера.

27-го октября.

Вчера съ Ольгою Сергѣевной ходилъ я гулять въ Лазенки и Бельведеръ; въ послѣднемъ убираютъ уже всѣ вещи и перевозятъ въ Петербургъ. Намъ показали, какъ самое любопытное, кровь генерала Жандра, оставшуюся на стѣнахъ, и его шляпу. Одинъ изъ нашихъ вѣрноподданныхъ написалъ на стѣнѣ, что онъ цѣловалъ и ту, и другую съ благоговѣніемъ. Съ перваго взгляда оно кажется довольно смѣшнымъ — прикладываться къ крови Жандра, но разсудивъ, что онъ погибъ какъ будто бы жертвою привязанности и вѣрности, кровь его нѣкоторымъ образомъ смываетъ пятна съ его характера и пробуждаетъ сожалѣніе въ постороннемъ зрителѣ. Какъ Милорадовичъ, онъ умеръ на своемъ мѣстѣ, на порогѣ своего господина, сдѣлалъ все, что̀ могъ лучшаго, хоть, можетъ быть, и противъ воли; но такъ глубоко не должно вникать въ причины нашихъ поступковъ.

1833.

Городъ Холмъ. 19-го февраля (3-го марта). Воскресенье.

Перечитывая варшавскія мои записки, родилось во мнѣ отъ удовольствія, которое онѣ мнѣ доставили, снова желаніе продолжать ихъ. Не имѣя теперь на душѣ никакого дѣла (кромѣ письма Языкову, которому я не отвѣчалъ съ августа, что̀ мнѣ да проститъ Всевышній!), а болѣе, чѣмъ нужно, свободнаго времени и при порядочномъ образѣ жизни, я съ наслажденіемъ берусь за перо, ибо оно будетъ часто выносить изъ настоящей скуки меня въ область воспоминаній, въ которой всегда только цвѣтущее видишь.

10 часовъ утра.

Сейчасъ отправилъ я письма къ матери, сестрѣ и Сашѣ въ отвѣтъ на два, отъ нихъ полученныхъ мною на прошлой недѣлѣ. Болѣзнь Анны удерживала ихъ еще 4-го февраля въ Петербургѣ, такъ что мать вынуждена была послать свое благословеніе на бракосочетаніе Саши съ Беклешовымъ для того, чтобы не отсрочивать

до Святой недѣли свадьбы. Въ эту минуту должны быть всѣ уже въ Тригорскомъ. Къ Франціусу я наконецъ тоже собрался съ силами и отвѣчалъ на два его письма отъ 1-го августа и 20-го ноября. Къ нему писать мнѣ вовсе не шутка, отвыкнувъ совершенно отъ нѣмецкаго языка. Онъ чрезвычайно добръ ко мнѣ, въ безпримѣрной снисходительности къ моей лѣни. Какъ душевно скорблю я о томъ, что дни его сочтены, и что столько высокихъ его способностей должны исчезнуть, какъ исчезаетъ въ пространствѣ пламя, слетая съ пепла! Желалъ бы еще разъ на него взглянуть и посмотрѣть, сколько тѣлесныя немощи властны надъ нашимъ духомъ. Рамъ — пишетъ онъ — женится и влюбленъ по̀ уши; этому человѣку, совершенному прозаику, можно смѣло предсказывать все счастье въ жизни, на которое имѣетъ право честный, благоразумный и трудолюбивый гражданинъ. Прошло десять лѣтъ, какъ мы семеро поставили нашъ союзъ во имя Бога, чести, свободы и отчизны. Честь опаго принадлежитъ вся Франціусу: онъ насъ соединилъ и далъ направленіе юношескимъ нашимъ умамъ къ высокой цѣли добра. Съ того времени я сталъ постигать благородное назначеніе жизни. Въ немъ одномъ себялюбіе жизни не ослабило прекраснаго стремленія, и онъ, благороднѣйшій, уже на краю могилы! Еще, быть можетъ, немного дней, и того, кого я болѣе всѣхъ люблю (скажу, какъ Байронъ, всегда исключая прекрасный полъ), уже не будетъ!

20-го Февраля. Понедѣльникъ.

Я нахожусь здѣсь въ городѣ для повѣрки полковыхъ счетныхъ книгъ. Онѣ еще не готовы, и слѣдовательно, и коммиссіи нашей нѣтъ еще никакого дѣла. Утро провожу я обыкновенно дома, читая что-нибудь (мемуары Байрона теперь); потомъ бродишь по городу, обѣдаешь у подполковника Булацеля, человѣка очень порядочнаго и ко мнѣ благосклоннаго, а вечеръ играешь въ карты: единственное утѣшеніе въ столь скучномъ мѣстѣ, гдѣ мы, праздно живущій народъ, лишены всѣхъ способовъ къ развлеченію. Не будучи никогда игрокомъ азартнымъ, я если и не сдѣлался теперь имъ, но все успѣлъ проиграть 900 рублей по той причинѣ, что, кромѣ рѣдкаго несчастья, которое я всегда имѣлъ (исключая однажды въ жизнь, подъ Замосцемъ, гдѣ я шутя сорвалъ 38 банковъ сряду и на 39-мъ почти все проигралъ назадъ), я и мало опытенъ въ разчетѣ игры. Такой образъ жизни не только вовсе не пріятенъ, но

даже и вреденъ здоровью. Коль скоро земля немного просохнетъ, то я намѣренъ много ходить, хотя безъ какой-либо цѣли я и не люблю этого дѣлать.

Изъ Варшавы выѣхалъ я довольно удачно. Потерявъ надежду получить тамъ деньги, не видя возможности безъ большихъ непріятностей, то-есть, занимая у пріятелей деньги, долѣе такъ существовать, сѣлъ я въ отправляющуюся оттуда новую коляску Плаутина, дѣланную подъ моимъ надзоромъ, и пустился въ путь. Съ Варшавой мнѣ не было очень трудно разставаться, потому что, кромѣ Льва Пушкина и Ольги Сергѣевны, да еще добраго обѣда у старика Chovot, ничего для меня тамъ не было привлекательнаго. Всѣхъ трогательнѣе была моя разлука съ Ольгой, тѣмъ болѣе, что ей она была совершенно неожиданною, почему при ней она и выказала болѣе свое дружеское благорасположеніе ко мнѣ, чѣмъ бы она это сдѣлала въ другомъ случаѣ, но все не столько, сколько я бы желалъ въ ней найти, ибо я ее очень люблю.

Послѣ долгой перѣшимости и внутренняго боренія между убѣжденіемъ невыгоды продолжать мнѣ службу и заманчивыми надеждами на будущее, которыя нѣкоторымъ образомъ подкрѣплялись вѣроятностью въ непродолжительности получить нѣсколько чиновъ (у насъ выбыло въ короткое время много офицеровъ изъ полка, и лучшіе, къ сожалѣнію), разсудокъ мой одержалъ верхъ, и декабря 1-го дня я подалъ прошеніе объ отставкѣ. Скоро послѣ того я получилъ отъ матери письма, въ которыхъ она проситъ меня остаться служить; если бы они не приходили долгое время, какъ деньги, то вѣроятно, ихъ бы было достаточно, чтобы остановить меня. Но теперь все кончено, чему я очень радъ, тѣмъ болѣе, что по послѣднему письму матери вижу, что она не имѣетъ намѣренія, какъ я это ей предлагалъ, остановить въ Петербургѣ ходъ моего прошенія. Всѣ мои надежды и планы основываются теперь на томъ, чтобы хоть мѣсяца черезъ три моя отставка вышла, и мнѣ бы выслали столько денегъ къ тому времени, чтобы благопристойно можно возвратиться во свояси, а не блуднымъ сыномъ. Хотя съ нѣкотораго времени и родилось во мнѣ желаніе пошататься по свѣту образованному и необразованному, но я не смѣю предаваться оному, не видя никакой возможности къ исполненію онаго.

При такомъ образѣ жизни, скучномъ и безцвѣтномъ, какъ мои съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь въ Холмѣ, мерзкомъ городишкѣ, гдѣ

даже недостатокъ чрезвычайный въ квартирахъ для насъ, были для меня Мура «Переписка и записки о Байронѣ» драгоцѣнностью[1]). Всегда почиталъ я и любилъ преимущественно этого пѣвца, какъ величайшаго генія, но съ тѣхъ поръ, какъ Муръ раскрылъ передо мною съ величайшимъ искусствомъ жизнеписателя, которое при первомъ взглядѣ же бросается въ глаза, всю жизнь его и показалъ характеръ его со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ положеніяхъ ея жизни и въ постепенномъ измѣненіи онаго, то сдѣлался я даже пристрастнымъ обожателемъ его слабостей въ такой же мѣрѣ, какъ любишь недостатки своей любовницы. Я, кажется, теперь совершенно понялъ этотъ великій духъ (довольно самонадѣянно) и узналъ всю прелесть, какъ наружную, тѣлесную, такъ и нравственную его. Кажется, будто бы я вмѣстѣ съ нимъ жилъ, — такъ живо я себѣ представляю его образъ жизни, его привычки, странности. Даже умственное бытіе его, то, что̀ мучило и услаждало духъ его творческій, какъ поэта и какъ простого человѣка, стремящагося къ истинному и идеальному, постигъ я, и какъ обыкновенно это случается, свѣряя съ своими идеями, находилъ часто сходными, вѣроятно потому, что прежде, быть можетъ, почерпнувъ ихъ отъ него же, присвоивъ себѣ, считалъ за собственныя. Всю Турецкую войну возплъ я его творенія съ собою, — теперь же они будутъ со мною неразлучны! Наполеонъ и Байронъ заключаютъ въ себѣ все великое, что̀ я знаю.

21-го февраля. Вторникъ.

Прочитавъ Байрона, я взялъ Руссо, котораго я не знаю. Жаль, что и самое изданіе отнимаетъ охоту его читать: такъ мелки буквы, что трудно глазамъ читать. Не знаю, буду ли имѣть теперь терпѣніе дочитать его «Элоизу»: это будетъ третій опытъ!

23-го февраля. Четвергъ.

Я былъ въ 20 лѣтъ хватомъ, слылъ забіякою (чего тогда и желалъ, не будучи имъ никогда), пилъ также въ свое время изъ удальства, потомъ волочился за женщинами, какъ франтъ. Наконецъ, оставалось мнѣ испытать только игру, чтобы заключить курсъ моей

1) Французскій переводъ извѣстнаго сочиненія Т. Мура о Байронѣ, сдѣланный г-жей Беллокъ, вышелъ въ 1830 году.

молодости, что̀ теперь я, кажется, и дѣлаю. Не имѣя съ природы пылкихъ страстей, тѣмъ болѣе, что съ молодости я въ достоинстве ставилъ ихъ обуздывать, не зналъ я страсти къ игрѣ. Теперь вижу я, что отъ праздной жизни можно легко ее получить, и что она можетъ сдѣлаться самою сильною. Никакая игра не доставляетъ столь живыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, потому что совершенно неопредѣленна, неограниченна, что во время самыхъ большихъ неудачъ надѣешься на тѣмъ большій успѣхъ, или просто въ величайшемъ проигрышѣ остается надежда, вѣроятность выигрыша. Это я слыхалъ отъ страстныхъ игроковъ, напримѣръ, отъ Пушкина (поэта), и теперь я признаю справедливость его словъ. Вчера я былъ и въ игрѣ чрезвычайно счастливъ: для перемѣны попробовалъ метать банкъ и выигралъ 150 рублей; сегодня утромъ тоже выигралъ.

24-го Февраля. Пятница.

Услужливая лѣнь породила во мнѣ престранную мысль не писать къ Языкову, пока не получу отставки. Но я ее съ негодованіемъ отвергаю, какъ недостойную чувствъ моихъ къ любезному Николаю Михайловичу, и тотчасъ же сажусь отвѣчать, если можно назвать отвѣтомъ письмо, полгода позже, чѣмъ слѣдуетъ, отправляемое.

25-го Февраля.

Все, что̀ я былъ въ выигрышѣ, рублей 160, проигралъ я вчера опять. Поставлю себѣ за правило каждый день ограничивать проигрышъ извѣстною суммой. Сегодня день прекрасный; я воспользуюсь имъ окончить къ Языкову письмо. Ясная погода дѣлаетъ и нашъ духъ свѣтлѣе.

Я читаю теперь знаменитый «Contrat social» Rousseau, который во мнѣ родилъ мысль, что частныя лица, коихъ имущество (земля и пр.) уступается однимъ государствомъ другому, должны бы имѣть право требовать вознагражденія за переходящія въ другое владѣніе ихъ земли отъ того, въ пользу чью сія уступка дѣлается, разумѣется, только въ такомъ случаѣ, когда они не пожелаютъ переходить и сами съ ихъ собственностью, что̀ всегда должно быть предоставлено ихъ произволу.

1-го марта. Среда.

Чтеніе мое теперь ограничено твореніями Байрона и Руссо. Я началъ сочиненія послѣдняго съ политики, съ «Contrat social» («Условіе общества»), который я нахожу достойнымъ славы своей. Въ Байроновомъ «Пророчествѣ Данте» остановился я на мысли, что тотъ, кто входитъ гостемъ въ домъ тирана, становится его рабомъ. Она сказана въ предостереженіе поэтамъ-лауреатамъ, которыхъ Байронъ очень не жалуетъ. Онъ повторяетъ часто, что великимъ поэтомъ можетъ только сдѣлаться независимый. Мысля объ этомъ, я разсчитываю, какъ мало осталось вѣроятностей къ будущимъ успѣхамъ Пушкина, ибо онъ не только въ милости, но и женатъ.

2-го марта.

«Должно избѣгать случая, въ которомъ обязанности въ противорѣчіи съ нашими выгодами», говоритъ Руссо. Правило столь же истинное, какъ и то, что несчастье другихъ не вселяетъ въ насъ столь живого участія, чтобы тотчасъ не видѣть въ немъ собственныхъ выгодъ своихъ, если онѣ отъ онаго могутъ произойти.

3-го марта.

Вчера я немного отыгрался: я выигралъ сотню рублей. День цѣлый я провожу, читая Руссо; для перемѣны я за его «Исповѣдью» теперь. Молодость его была такова, что ожидать было нечего отъ него! Безразсудность, непостоянство, слабость характера не поставили бы его на степень величайшихъ писателей своей страны и не сдѣлали бы проповѣдникомъ истины и свободы, если бы не раннее разстройство здоровья, которое ограничило дѣятельность его духа однимъ направленіемъ къ ученью и, умѣривъ пылъ его страстей, сдѣлало ихъ постояннѣе.

8-го марта.

Есть у меня въ головѣ двѣ мысли, коихъ пластически я никакъ не могу выразить. Одна, которая родилась, мнѣ кажется, изъ девиза Байрона: «Croys Byron» — «вѣрь мнѣ»; другая, кажется, — плодъ собственнаго размышленія: «измѣняясь я усовершенствуюсь»; послѣдняя даже не полно выражается. Что̀ избрать символомъ первой? Что̀ въ этомъ мірѣ вещественномъ признано можетъ быть за неизмѣнное? Одно развѣ цѣлое, то-есть, весь міръ, вся

природа. Другая же тогда задача бытію всего человѣчества ещ
менѣе способна къ изображенію чѣмъ-либо вещественнымъ, когд
она есть только понятіе невыразимое, точно такъ же, какъ Боже
ство, коему другого не могли дать имени, какъ *Сый*, *Сущій* и п
Вотъ два эпиграфа, которые я имѣю дерзость, надменность выбрат
для себя. Если первымъ я слишкомъ много отъ другихъ требу
то-есть, вѣру въ меня, то вторымъ я, по крайней мѣрѣ, показыва
что знаю, къ чему я долженъ стремиться; дѣлаю ли я, или нѣтъ —
это уже другой вопросъ.

24-го марта.

Изъ секретныхъ предписаній Ридигера, вслѣдствіе сообщен
графа Витта, командующаго царствомъ на время отсутствія Пас
вича, видно, что поляки, находящіеся теперь въ разныхъ страна
и частяхъ свѣта, не оставили намѣренія какими бы то ни бы
средствами (отъявленные либералы не разборчивы въ выборѣ их
противодѣйствовать правительству русскому, хотя бы сіе и приве
къ конечному разоренію края и уничтоженію послѣдней самобы
ности царства. Сіи революціонисты точно также, кажется, далек
отъ истиннаго либерализма въ своихъ понятіяхъ, какъ и въ посту
кахъ. Только народъ, достигшій извѣстной точки просвѣщенія, м
жетъ пользоваться истинною гражданскою свободою. Польша весь
далека отъ оной. Созрѣвшій народъ никогда не оставался въ рабст
и неволѣ: тому нѣтъ примѣра въ исторіи. Преждевременныя
попытки только удаляютъ отъ желаннаго времени. Ридигеръ п
шетъ, что 20-го марта (вѣроятно, новаго счисленія) схваченъ бы
нѣкто Джевицкій, офицеръ извѣстнаго прежняго 4-го линейнаг
полка, перебравшійся изъ Галиціи подъ видомъ ремесленника
который вскорѣ отравился, не сдѣлавъ никакихъ показаній. Но от
другого захваченнаго, унтеръ-офицера прежнихъ войскъ, и изъ не
решсокъ поляковъ, находящихся за границею, узнали, что он
Джевицкій, прибылъ изъ Франціи съ намѣреніемъ образовать шай
партизановъ, которыя, скрываясь въ лѣсахъ, старались бы по во
можности вредить русскимъ и бунтовать край и наводнить ими в
царство. Съ 25 человѣками ему и удалось прорваться въ Сандоми
ское воеводство. Другая партія, подъ командою капитана Вронска
должна была дѣйствовать въ Краковскомъ. Въ Люблинскомъ так
намѣревались нарушить спокойствіе. Въ непродолжительномъ вр

мени сіи показанія и оправдались: въ Ленчинскомъ обводѣ Мазовецкаго воеводства показалась шайка, начавшая свои операціи забираніемъ у жителей скота, хлѣба и т. под. Въ Люблинскомъ, въ лѣсахъ около Янова, показалась другая и взяла направленіе на М. Быхово и Пяски, пробираясь лѣсами, коими покрыто все сіе пространство. Наконецъ, полагаютъ, что и въ Бѣловѣжской пущѣ, въ Гродненской губерніи, должна скрываться таковая же. Изъ всего этого заключаетъ правительство, что злоумышленники въ этихъ частныхъ нарушеніяхъ спокойствія слѣдуютъ общему предначертанію, и что скопища сіи состоятъ въ связи одно съ другимъ, почему и приказано усугубить со стороны воинскихъ чиновъ наблюденіе за всѣмъ, что происходитъ въ мѣстахъ расположенія войскъ, и всѣ мѣры предосторожности противъ неожиданныхъ случаевъ, особенно въ продолженіе наступившихъ праздничныхъ дней, въ кои жители, собирающіеся вмѣстѣ, болѣе подвержены злонамѣреннымъ внушеніямъ, нежели въ обыкновенное время. Полиціи предписано строго разсматривать паспорты вновь прибывающихъ изъ-за границы ремесленниковъ и художниковъ, ибо извѣстно, что съ таковыми многіе изъ удалившихся за границу возвращаются назадъ. Даже многіе съ намѣреніемъ вступали въ ученіе разнымъ ремесламъ или въ фабрики, чтобы отъ оныхъ получить виды, подъ коими, не обращая на себя подозрѣнія правительства, проникнувъ въ царство, имъ бы возможно было дѣйствовать на умы. Вотъ планъ, сознаться должно, весьма остроумно придуманный, но приведетъ ли онъ къ желанной цѣли? Весьма сомнительно. Когда цѣлый народъ, возставшій единодушно, не могъ противостоять, то чего надѣются нѣсколько сотенъ людей, не имѣющихъ ничего, кромѣ жизни своей, которую не знаютъ, чѣмъ поддерживать, и что изъ нея сдѣлать.

29-го марта.

Я прочиталъ трагедію Хомякова «Ермакъ». Въ ней казаки-разбойники, завоеватели Сибири, говорятъ языкомъ семейства Атридовъ во французской трагедіи. Самъ Ермакъ — какой-то унылый мечтатель, который въ длинныхъ монологахъ, подъ блѣднымъ сіяніемъ луны, все вздыхаетъ объ минувшихъ лѣтахъ молодости, угнетенъ проклятіемъ отца и разлукою съ любовницею своею. И эта любовь даже не придаетъ никакой занимательности ходу піесы, которая тянется безконечными монологами, хотя и писанными хо-

рошими стихами, но не менѣе того утомительными. Какъ въ первомъ опытѣ молодого писателя, нельзя въ трагедіи его искать ярко очерченныхъ характеровъ, ни искусства въ ходѣ драмы. Такія произведенія у насъ не первыя въ своемъ родѣ: Ростовцевъ, Катенинъ дарили насъ такими же. Говорятъ, Хомяковъ пишетъ теперь «Самозванца»: въ этомъ предметѣ онъ найдетъ болѣе способовъ [1]).

Еще прочелъ я исторію послѣдней турецкой войны Валентини; онъ поторопился съ нею, написавъ ее по однимъ офиціальнымъ донесеніямъ и по запискамъ, весьма краткимъ, одного офицера, вѣроятно, дѣлавшаго одну кампанію 1828 года и, кажется, находившагося при Евгеніи Виртембергскомъ, ибо одни только дѣйствія 7-го корпуса, который принцъ принялъ подъ Шумлою отъ Воинова, разсказаны подробно, остальныя же происшествія обѣихъ кампаній автору, видно, были извѣстны по однѣмъ газетнымъ реляціямъ, которыя всегда недостаточны и рѣдко справедливы бываютъ. Общій его взглядъ на войну, не смотря на то, вѣренъ и довольно безпристрастенъ, то-есть, не скрываетъ ошибокъ нашихъ полководцевъ. Мысли его объ образѣ войны съ турками весьма основательны, и по всему видно, что онъ говоритъ объ предметахъ, которые не только что самъ видѣлъ, но на коп глядѣлъ глазами человѣка, знающаго свое дѣло.

23-го апрѣля. Воскресенье.

Сейчасъ получилъ я прискорбное извѣстіе, что Франціусъ скончался, прежде полученія моего послѣдняго письма, еще прошлаго декабря 6-го дня! Итакъ, совершилось то, чего я уже давно страшился, о чемъ я скорбѣлъ душевно прежде, чѣмъ неизбѣжное исполнилось! Прекраснѣйшее и благороднѣйшее существо, коего чистый духъ, кажется, ничѣмъ земнымъ не былъ омраченъ, прошелъ своею чередою, и какъ упавшая звѣзда послѣ себя только на нѣсколько минутъ въ паденіи блеститъ, такъ и память объ немъ, быть можетъ, только недолго проживетъ въ памяти его друзей и потомъ изчезнетъ въ общемъ мракѣ. Я не встрѣчалъ еще человѣка, который такъ пламенно, какъ онъ, любилъ истину, все высокое и изящное, въ которомъ бы лѣта жизни, обычный бытъ, опытность, пріобрѣтаемая ежедневными обманами, физическія наконецъ страданія, ко-

1) Трагедіи Хомякова «Ермакъ» и «Димитрій Самозванецъ» вышли послѣдовательно, первая — 1832 году, вторая въ 1833.

торыя ежедневно, видимо, вели его къ ранней могилѣ, — такъ мало ослабили его стремленія къ идеальному. Этотъ цвѣтъ молодости нашей былъ непзмѣннымъ качествомъ его пламенной души. Какъ человѣчество вообще, столь же пламенно, съ такимъ же самоотверженіемъ любилъ онъ каждаго изъ своихъ друзей. Эту чувствительную прекрасную душу озарялъ свѣтлый и мощный духъ. Познавъ истину, онъ вездѣ исповѣдовалъ оную, смѣло и мужественно возставалъ за оную не только противъ частныхъ лицъ, но даже противъ самовластнаго общаго мнѣнія. Такъ въ университетѣ не усумнился онъ, собравъ около себя нѣсколько человѣкъ, въ число коихъ благосклонная судьба и меня ввела, возстать противъ всего университета, распавшагося на землячества и ордена (вѣчная причина междоусобной ненависти, вражды и буйства студентовъ не только во время академической ихъ жизни, но переходящихъ и въ гражданскую позднюю), и проповѣдать первыя истины, либеральныя идеи, недавно возникшія въ германскихъ университетахъ, клонящіяся къ тому, чтобы распространить истинное образованіе и искоренить въ юношествѣ направленіе къ буйству и разврату. Какъ всякое возстаніе противъ общихъ пороковъ общества никогда безъ возмездія съ его стороны не остается, такъ и здѣсь оно мстило клеветою на его характеръ, которая сколько бы лжива ни была, но всегда намъ вредитъ; зависть назвала его буйнымъ и развратнымъ за то, что онъ искалъ слишкомъ много, быть можетъ, обыкновенную жизнь возвысить до идеальной. Но она безсильна была оспорить его умственныя рѣдкія способности. Самые непріятели его соглашались въ обширности дарованій, коими природа его украсила: онъ обладалъ умомъ вѣрнымъ, быстрымъ и обширнымъ и пріятныя пламенныя свои чувства изъяснялъ онъ всегда съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ равно перомъ, какъ и въ благоразумной рѣчи своей. Въ обществѣ студентовъ, пирующихъ на вѣками освященныхъ своихъ празднествахъ или бесѣдующихъ объ знаніяхъ, ежедневно пріобрѣтаемыхъ каждымъ изъ нихъ, былъ онъ всегда душою всеоживляющею, веселя блистательнымъ остроуміемъ и сатирою, иногда очень ѣдкою, но никогда съ намѣреніемъ обиды. Божественный даръ поэзіи согрѣвалъ его душу; онъ пѣлъ, и пѣсни его также чисты были, какъ она. Многія изъ его произведеній (которыя теперь выдаются въ свѣтъ) имѣютъ много лирическаго достоинства; почитатель Шиллера, онъ и былъ счастливымъ его послѣдовате-

лемъ. Наружность его была привлекательная; ростъ имѣлъ средній, очень стройный, прекрасную голову съ темнорусыми кудрявыми волосами и лицомъ, полнымъ жизни и выраженія въ голубыхъ его глазахъ и прекрасно очерченномъ ртѣ, въ опредѣленныхъ, чистыхъ формахъ коего можно было узнать рѣшительный, живой и смѣлый его духъ.

Вотъ нѣкоторыя отличительныя черты блистательнѣйшаго созданія, которое я зналъ. Встрѣча съ таковымъ показала мнѣ, что есть въ мірѣ люди, коихъ дѣйствія не основаны на одномъ себялюбіи, о чемъ бы я безъ того долго сомнѣвался. Рамъ пишетъ мнѣ, что и въ послѣднія минуты своей жизни онъ вспоминалъ обо мнѣ и завѣщалъ мнѣ дружескій поклонъ. Вотъ лучшее доказательство, какъ онъ любилъ своихъ друзей, и свѣжести его души, которая при гробѣ еще сохраняла впечатлѣнія, многими лѣтами ослабленныя. Душевно сожалѣю я о томъ, что судьба не свела меня еще разъ съ нимъ: онъ бы передалъ мнѣ снова много прекрасныхъ, возвышенныхъ идей; его бы пламенемъ согрѣлась и моя хладѣющая отъ ежедневнаго опыта грудь, я бы освѣжился духомъ.

29-го апрѣля.

Въ послѣднемъ нумерѣ *Инвалида* читалъ я объявленіе о выходѣ въ свѣтъ стихотвореній Н. М. Языкова. Вѣрно, цензура много подстригла кудрей у его студенческой вольнолюбивой музы. Восйковъ хвалитъ его самобытность, но сожалѣетъ только, что онъ не воспѣваетъ, какъ французы, воинскихъ подвиговъ христолюбиваго нашего воинства. Истинный издатель «военныхъ вѣдомостей»! Прошу угодить всѣмъ: одинъ хочетъ торжественныхъ одъ, другой — поэмъ народныхъ оригинальныхъ, третій — историческихъ драмъ! Любопытенъ я видѣть, чѣмъ насъ подаритъ *мой* лѣнивый пѣвецъ. Напишетъ ли мнѣ онъ что-либо въ отвѣтъ на мое посланіе къ нему?

3-го (15-го) мая.

...Я читаю теперь исторію Франціи Royou, сочиненіе весьма обыкновеннаго разряда. Повѣствованіе довольно скучное очень на занимательныхъ событій первыхъ вѣковъ существованія Франціи. Она написана безъ всякаго общаго взгляда на событія и на людей, и только не что иное есть, какъ повѣствованіе объ сраженіяхъ, кой-гдѣ распещренное анекдотами. По времени (1819 годъ), въ ко-

торое это сочиненіе издано, его можно назвать очень запоздалымъ: вѣкомъ бы назадъ оно было въ своемъ мѣстѣ на ряду съ сочиненіями Ролленя, Миллота, Шрекка и другихъ. Давно не читавъ ничего историческаго и никогда — вполнѣ подробную исторію Франціи, я читаю ее теперь съ удовольствіемъ.

5-го (17-го) мая.

Не ошибся я въ моемъ предположеніи, что мать только обѣщала писать, а, вѣрно, не исполнитъ: вотъ прошла и другая почта, а обѣщаннаго письма нѣтъ. Къ счастію, въ *Инвалидѣ* нѣтъ еще и моей отставки.

Горный кадетскій корпусъ переименованъ въ горный институтъ, и у воспитанниковъ отмѣнены кивера, тесаки и пр.; весьма благоразумное преобразованіе. Отдать должно полную справедливость, что мѣры, принимаемыя правительствомъ при преобразованіяхъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, всегда клонятся къ явной пользѣ, сообразны съ цѣлью, которой желаютъ достигнуть, и менѣе, чѣмъ прежде, находятся подъ вліяніемъ солдатизма.

15-го мая.

Сегодня получилъ неожиданное письмо отъ Языкова, письмо, меня несказанно радующее, хотя, по привычкѣ своей, онъ и мало говоритъ про себя. Извѣщая о выходѣ изъ печати своихъ стихотвореній, обѣщаетъ выслать мнѣ экземпляръ оныхъ въ память нашей студенческой жизни. Онъ все еще не имѣетъ осѣдлости и будто бы отъ того ничего значительнаго не предпринимаетъ; меня же благословляетъ на мирную жизнь.

16-го (28-го) мая. Вторникъ.

Жаль, что Николай Михайловичъ, мой вселюбезнѣйшій (его выраженіе въ послѣднемъ письмѣ) пѣвецъ, не берется ни за что̀ дѣльное, а вотъ, лѣтъ десять уже, все обѣщаетъ только: публика ожидала многаго отъ него, но кажется, все обманываясь въ своихъ надеждахъ, охладѣла къ нему примѣтно. Журналисты давно перестали его ласкать и частенько бранятъ его студенческую музу. Пора, пора! Не то — такъ пройдетъ молодость, а съ нею и вдохновеніе. Онъ говоритъ, что, вѣрно, мнѣ наскучила такъ-называемая поэзія военной жизни, и правъ въ этомъ, даже въ такой степени, какъ я

не ожидалъ отъ него, не видавшаго этой поэзіи. Я вижу давно уже, что поэзія живетъ въ нашей душѣ, а не въ предметахъ такъ-называемыхъ поэтическихъ. Пламенное воображеніе облечетъ каждый въ пящный идеальный образъ тогда, когда холодное видитъ только одно, такъ сказать, чувствами и разсудкомъ осязаемое. Часто даже воспоминаніе сильнѣе на насъ дѣйствуетъ, чѣмъ самый предметъ онаго.

17-го (29-го) мая. Среда.

Сегодня какъ вчера было и какъ будетъ завтра: все одно и то же, скучно, да дѣлать нечего! Единственное мое занятіе — г. Рою; не смотря на свой ultra-роялизмъ и іезуитизмъ и то, что онъ ожидаетъ канонизаціи Лудвига XVI, сознается онъ въ томъ, что причиною революціи были ложныя мѣры правительства и слабость онаго. Оно въ такой степени было ничтожно, что безъ досады на него нельзя читать исторіи этого времени. Хорошъ также и г. Некеръ! Наполеонъ справедливо назвалъ его главнѣйшимъ участникомъ и причиною революціи. Всего забавнѣе въ моемъ почтенномъ исторіографѣ, что царствованіе послѣдняго, Наполеона, онъ вовсе не признаетъ.

18-го мая.

Утромъ читали съ Шедевромъ романъ, а именно: «La tour de Montlhéry» историческій романъ XII столѣтія, довольно занимательный тѣмъ, что выведены въ немъ на сцену извѣстныя лица того времени, напримѣръ, Suger, Элоиза, и нѣсколько очерковъ нравовъ того времени.

Государь, осматривая войска 1-го пѣхотнаго корпуса, былъ до такой степени недоволенъ 1-ю гусарскою дивизіей за незнаніе своей обязанности офицерами (верховой ѣзды), что на мѣстѣ смотра у начальника дивизіи, генералъ-маіора Ланского, отнялъ оную, точно также смѣнилъ и одного изъ полковыхъ командировъ, на мѣсто котораго назначенъ пріятель мой Кусовниковъ. Такая строгость заставила и нашихъ генераловъ подумать объ ѣздѣ офицерской. Остальными войсками, въ томъ числѣ гренадерами, которыхъ смотрѣлъ въ Лугѣ и Псковѣ, государь былъ очень доволенъ.

13-го іюня.

...Прочитавъ г. Рою, одного изъ несноснѣйшихъ историковъ нынѣшнихъ временъ, какихъ я читывалъ когда-либо, заступника

всего, что̀ только было близко престолу, еще болѣе, кажется, іезуитовъ и церковнаго самовластія (ѳеократіи) и противника всего, что̀ только есть либеральнаго, — теперь же нашелъ я у Булацеля «Les Ruines» Вольнея, совершенно противоположное въ разсужденіи о происхожденіи и развитіи религіозныхъ идей: этотъ выводитъ не только что происхожденіе всѣхъ вѣръ есть общее, одинаковое, но даже и то, что ни одна изъ нихъ, самая христіанская, не основана на такъ-называемомъ «откровеніи». Онъ также объясняетъ, какъ и Dupuis, сочинитель «Origines de toutes les cultes», что христіанство есть сабеизмъ, почитаніе солнца, составленный изъ миѳологіи египтянъ, индѣйцевъ, послѣдователей Зердуша или маговъ, а жизнь Христа — аллегорическое описаніе годичнаго теченія солнца.

15-го іюня.

Съ большимъ удовольствіемъ перечелъ и сегодня 8-ю и вмѣстѣ послѣднюю главу «Онѣгина», одну изъ лучшихъ главъ всего романа, который всегда останется однимъ изъ блистательнѣйшихъ произведеній Пушкина, украшеніемъ нынѣшней нашей литературы, довольно вѣрною картиною нравовъ, а для меня лично — источникомъ воспоминаній весьма пріятныхъ по большей части, потому что онъ не только почти весь написанъ въ моихъ глазахъ, но я даже былъ дѣйствующимъ лицомъ въ описаніяхъ деревенской жизни Онѣгина, ибо она вся взята изъ пребыванія Пушкина у насъ, «въ губерніи Псковской». Такъ я, дерптскій студентъ, явился въ видѣ геттингенскаго подъ названіемъ Ленскаго; любезныя мои сестрицы суть образцы его деревенскихъ барышень, и чуть не Татьяна ли одна изъ нихъ[1]). Многія изъ мыслей, прежде чѣмъ я прочелъ въ «Онѣгинѣ», были часто въ бесѣдахъ глазъ на глазъ съ Пушкинымъ, въ Михайловскомъ, пересуждаемы между нами, а послѣ я встрѣчалъ ихъ, какъ старыхъ знакомыхъ. Такъ въ глазахъ моихъ написалъ онъ и «Бориса Годунова» въ 1825 году, а въ 1828 читалъ мнѣ «Полтаву»,

---

1) Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что младшей сестрѣ Алексѣя Николаевича Пушкинъ поднесъ экземпляръ IV-й и V-й главъ «Евгенія Онѣгина» (С.-Пб. 1828) со слѣдующею надписью: «Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ отъ автора: *Твоя отъ твоихъ*. 22-го февраля 1828» (*Русскій Вѣстникъ* 1869 г., № 11, стр. 71, статья *М. Семевскаго*).

которую онъ написалъ весьма скоро—недѣли въ три[1]). Лѣто 1826 года, которое провелъ я съ Пушкинымъ и Языковымъ, будетъ всегда мнѣ памятнымъ какъ одно изъ прекраснѣйшихъ. Послѣдній ознаменовалъ оное и пребываніе свое въ Тригорскомъ прекрасными стихами и самонадѣянно прорекъ, что оно

изъ рода въ родъ,
Какъ драгоцѣнность, перейдетъ,
Зане Языковымъ воспѣто.

14-го (26-го) іюля.

...Прочелъ я теперь двѣ драмы Гете: «Тассо» и «Незаконная дочь». Первая имѣетъ свое достоинство, какъ живое изображеніе восторженной страсти поэта и своенравія его; къ тому же въ ней высказано прекрасно много истинъ. Вторая же пьеса такъ слаба, что едва находишь въ себѣ терпѣніе ее дочитать: просто, это одни возгласы, декламація. Трудно узнать въ ней первостепеннаго поэта Германіи.

22-го іюля.

Моя отставка вышла! Принесъ сейчасъ Мануйловъ мнѣ радостное извѣстіе, и всѣ заботы мои кончились; настали другія, только болѣе утѣшительныя. Не могу опомнится отъ радости.

24-го іюля. Понедѣльникъ.

Вслѣдъ за полученіемъ моей отставки начались поздравленія моихъ сослуживцевъ съ оною. Пріѣхалъ ко мнѣ мой бывшій эскадронный командиръ Аминовъ, съ нимъ Голубининъ. Пили чай, а послѣ онаго угостилъ я ихъ *емкою*, «сими напиткомъ благороднымъ»[2]), прославленнымъ Пушкинымъ и Языковымъ.

29-го іюля.

Булацелю вздумалось третьяго дня вдругъ пригласить меня съѣздить съ нимъ въ Грубешовъ, и я, которому такъ трудно отказывать, согласился съ нимъ ѣхать, не смотря на то, что очень не люблю поѣздки. За мое снисхожденіе я и былъ награжденъ, во-

---

1) Судя по рукописямъ поэта, «Полтава» написана не въ три, а въ двѣ недѣли, въ октябрѣ 1828 года, и затѣмъ сочинено было посвященіе къ поэмѣ, помѣченное: «Малинники»; такъ называлось тверское имѣнье А. Н. Вульфа.

2) Слова Пушкина въ его посланіи 1828 года къ Языкову — «сліянье рому и вина».

первыхъ тѣмъ, что Шепелевъ отдалъ мнѣ небольшой должокъ, а вовторыхъ, что у него прочелъ знаменитаго Бальзака, коего по сю пору зналъ только по слуху. Небольшая повѣсть его «La Vendetta» передо мною оправдала его европейскую славу. Слогъ его истинно превосходный и мнѣ показался выше всего, что̀ я ни читалъ изъ нынѣшнихъ и прежнихъ произведеній французскихъ писателей.

24-го августа. Варшава.

Вотъ, наконецъ, послѣ долговременной скитающейся жизни въ Холмѣ, Люблинѣ и самой Варшавѣ, гдѣ я уже живу другую недѣлю,— первая минута свободная для меня, что я могу помыслить, ономниться и сообразить все случившееся со мною въ продолженіе трехъ недѣль, какъ я странствую.

27-го августа (8-го сентября). Воскресенье.

...Все это время шатаюсь по лавкамъ, закупая разныя разности моего новаго убора. Теперь ожидаю я отъ портного платье, такъ что я сегодня буду въ первый разъ одѣтъ въ партикулярное платье. Послѣ пятилѣтней военной жизни кочевой, цыганской я возвращаюсь снова въ общество людей съ удовольствіемъ, безъ сожалѣнія о томъ, что̀ оставляю. Мнѣ должно, по крайней мѣрѣ, благодарить за то судьбу, что каждая перемѣна моего образа жизни была добровольная, своевременная, въ которой я доселѣ еще не раскаивался, начиная отъ студенческаго значка до чина штабсъ-ротмистра, мною нынѣ добытаго, если не кровію, то такою жизнью, которая много оной портитъ.

9-го сентября (н. с.).

...Ольга Сергѣевна, по видимому, ко мнѣ очень благорасположена: это видно не только изъ всего обращенія ея со мною, но еще болѣе по довольно забавному предложенію, которое она мнѣ недавно сдѣлала: она просила меня какъ можно болѣе публично заниматься ею по той причинѣ, что въ варшавскомъ кругу ея знакомыхъ говорятъ, что будто бы она кокетничаетъ съ однимъ юношею—г. Софіано, который, кажется, влюбленъ въ нее.

Левъ—все тотъ же, свою скуку мыкающій въ Саксонскомъ саду или Розмайтостяхъ и, къ несчастію, въ совершенномъ безденежьѣ. Онъ имѣлъ неосновательность проиграть не только всѣ деньги, ко-

торыя онъ получилъ отъ отца и занялъ отъ другихъ, но даже болѣе, чему трудно помочь.

5-го сентября.

...Прочелъ я теперь нѣсколько повѣстей Eugène Sue, знаменитаго сочинителя «Саламандры», которую все не могу я прочесть еще. Нѣкоторыя изъ этихъ повѣстей имѣютъ свое достоинство, какъ свѣжее, живое изображеніе страстей необузданныхъ.

22-го сентября.

...Войска, занимающія царство Польское, собраны теперь почти всѣ около Модлина для маневровъ. Сегодня ожидали туда и государя, возвращающагося съ конгресса, о коемъ ничего я не знаю основательнаго. Этотъ проѣздъ инкогнито черезъ царство Польское занимаетъ теперь всѣ умы, и мнѣнія объ ономъ несходны весьма. Одни находятъ, что онъ хорошо дѣлаетъ, осматривая свои войска и не обращая вниманія на жителей; другіе не согласны въ томъ и думаютъ, что не прилично Николаю таиться отъ своихъ подданныхъ; явивъ же себя имъ, должно облечь себя въ милость и разлить около себя одно благотвореніе, показать себя народу истиннымъ солнцемъ, все оживляющимъ. Прибытія его въ Модлинъ ожидали вчера; не извѣстно мнѣ, исполнилось ли ожиданіе. Сегодня имѣлъ быть смотръ войскамъ. Погода ему, по крайней мѣрѣ, не благопріятствуетъ: она стоитъ совершенно осенняя, дождлива и туманна.

12-го (24-го) сентября.

...Вчерашній *Курьеръ Варшавскій* возвѣстилъ жителямъ кичливой Варшавы, что «напяснѣйшій цесаржъ и круль» прибылъ 10-го (22-го) числа въ Модлинъ, что 11-го числа (вчера) назначенъ былъ смотръ войскамъ, тамъ находящимся, а сегодня — маневры. Это извѣстіе слѣдовало бы, по моему, напечатать не просто, какъ о пріѣхавшемъ какомъ-либо шляхтичѣ, а огненными буквами: такъ важно должно быть это событіе для жителей сего царства; Варшавѣ же всей, всей слѣдовало бы къ нему выйти съ повинною головою — отъ перваго сенатора царства до послѣдней обитательницы улицы Фурманской. Вѣрно бы это умилило его грозное чело. Разсказываютъ, что въ Калишѣ встрѣтилъ народъ его съ колѣнопреклоненіемъ, что, принимая генералитетъ, онъ былъ съ нимъ чрезвычайно

лсковъ, но про Варшаву сказалъ онъ Панкратьеву, что она «не стоитъ того, чтобы ему въ ней быть».

Такая фарса, какъ этотъ выходъ съ хлѣбомъ и солью, могъ бы много принести пользы. Народъ, вообще всякая толпа, такъ глупа, что, твердя ей одно, можно увѣрить въ томъ даже, что противно истинному образу ея мыслей. Если бы ей (толпѣ) чаще твердили, что она любитъ своего монарха, то она бы и повѣрила этому, особенно, когда бы къ этому присоединить двѣ-три высочайшихъ улыбки, которыя всегда имѣютъ чарующую силу. Странно, что правительство, употребляя столько людей на то, чтобы наблюдать за общественнымъ мнѣніемъ, чтобы отыскивать каждую сказанную глупость, такъ мало заботится о томъ, чтобы управлять этимъ общественнымъ мнѣніемъ. Это, мнѣ кажется, было бы не только легче, но и полезнѣе; менѣе было бы случаевъ дѣлать людей несчастливыхъ, да и самое ремесло было бы чище, слѣдственно, и лучшихъ бы людей можно бы было на оное употреблять. Судьба столь многихъ не была бы въ рукахъ столь низкихъ, коимъ по неволѣ правительство должно отдавать на жертву.

...У меня теперь послѣдній романъ Вальтера Скотта: «Опасный замокъ». И въ немъ видна широкая и могучая кисть романиста, но мнѣ кажется, что уже въ ней менѣе жизни, менѣе свѣжести и яркости въ краскахъ, что все подернуто тѣмъ же туманомъ, подъ коимъ и въ повѣсти многое дѣлается. Въ описаніяхъ же подробностей и лицъ онъ — все тотъ же.

13-го (25-го) сентября.

Вчера въ 4 часа пополудни государь былъ здѣсь, то-есть, въ здѣшней цитадели, осмотрѣвъ которую и войска, составляющія гарнизонъ городской, отправился въ дальнѣйшій путь — въ Брестъ-Литовскій. Представленныхъ ему членовъ правленія здѣшняго принималъ онъ очень ласково, и они остались очень довольными симъ пріемомъ. Красотою его не могутъ они нахвалиться. Варшавскихъ же жителей онъ не жалуетъ: не захотѣлъ принять и депутаціи ихъ, которая долженствовала просить его осчастливить ихъ его присутствіемъ.

20-го сентября (2-го октября). Среда.

...Изъ писателей, утѣшающихъ скучные мои дни, Бальзакъ есть рѣшительно первый: все, что̀ ни прочелъ я изъ его повѣстей,

прекрасно. «Les contes drolatiques» совершенны въ своемъ родѣ. Онъ выбралъ для нихъ древній французскій слогъ, тотъ, которымъ писалъ его учитель Рабле, какъ онъ говоритъ. Прочитавъ нѣсколько страницъ, къ нему такъ привыкаешь, что понимаешь остальное безъ труда. Разсказъ очень вольный этихъ повѣстей чрезвычайно смѣшенъ; конечно, не многимъ женщинамъ можно читать эти повѣсти, потому что они довольно сильно дѣйствуютъ на чувственность, но которая ихъ прочтетъ, будетъ довольна ими и не найдетъ ихъ приторными, ради игривости ихъ, заглушающей остальныя впечатлѣнія.

Повѣстями Jules Janin не столько я остался доволенъ: это все журнальныя, эфемерныя статьи, интересъ которыхъ изчезаетъ за измѣненіями политическими, потому что политика въ нихъ занимаетъ первое мѣсто, литературное же достоинство — второе. Кромѣ того, онъ чрезвычайно многословенъ, какъ всякій журналистъ.

17-го октября.

Сегодня уѣхалъ или уѣзжаетъ мой добрый пріятель Левъ Пушкинъ. Судьба сжалилась надъ нимъ въ особѣ Аничкова, который увозитъ его въ Петербургъ такъ, какъ Ушаковъ хотѣлъ увезти меня въ Москву. Онъ жилъ здѣсь два года для того, чтобы быть исключеннымъ изъ службы за неявкою въ полкъ (ходатайствомъ фельдмаршала перемѣнили выключку въ отставку) и чтобы нажить нѣсколько тысячъ долгу, котораго, вѣроятно, онъ никогда не уплатитъ. Счастье его, что онъ еще нашелъ пріятеля, который его вывезъ изъ этого непріятнаго положенія, въ которомъ онъ бѣдствовалъ. Хотя я и душевно радуюсь, что онъ выѣхалъ, но мнѣ теперь въ моей болѣзни это большая потеря: я остаюсь въ совершенномъ одиночествѣ, потому что если кто будетъ меня навѣщать, то это все люди, съ которыми у меня мало общаго.

18-го октября.

...Я читаю теперь знаменитую книгу сто-одного писателя «Le livre des cent-et-un», или изображеніе Парижа. Большая часть статей, составляющихъ оную, весьма любопытна какъ по содержанію своему, такъ и по слогу, которымъ онѣ написаны. Одна изъ нихъ — «Дуэль» — снова привела мнѣ на память все, что̀ мы (Burschenschafter) десять лѣтъ мыслили объ немъ, и всѣ старанія, которыя мы принимали къ искорененію онаго.

24-го октября.

...Есть одинъ романъ J. Janin подъ названіемъ «Barnave», одно изъ произведеній его пера, составившее ему извѣстность писателя, которою онъ теперь и пользуется довольно справедливо, не смотря на журнальную, французскую плодовитость его слова. Въ этомъ романѣ вывелъ онъ на сцену, кромѣ самаго Барнава и Мирабо преимущественно, еще нѣсколько лицъ того времени. Съ перваго взгляда я узналъ, что онъ ихъ очертилъ вовсе не въ историческомъ образѣ, а совершенно въ идеальномъ, такъ что этотъ романъ нельзя назвать и историческимъ. Въ этомъ мнѣніи моемъ я еще болѣе убѣдился теперь, прочитавъ книгу «Les souvenirs sur Mirabeau», въ коей авторъ оной весьма просто и вѣроподобно разсказываетъ, что всѣ почти рѣчи, говоренныя Мирабо въ національномъ собраніи, сочинены его сотрудниками, изъ коихъ онъ самъ былъ одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ, и что во всѣхъ остальныхъ сочиненіяхъ Мирабо, если бы всякій изъ его пріятелей взялъ бы назадъ свое, то у него бы мало что̀ осталось, кромѣ великаго достоинства его собирать и обдѣлывать по своему чужіе матеріалы. Этимъ даромъ — говоритъ повѣствователь — владѣлъ онъ въ высокой степени; кромѣ того, имѣлъ онъ и другой — заставлять сотрудниковъ своихъ работать и поощрять въ ихъ занятіяхъ. Полную справедливость отдаетъ далѣе авторъ книги силѣ и могуществу его слова, которое заглушало, побѣждало все. Способности же защищать свое мнѣніе онъ не имѣлъ и въ этомъ случаѣ далеко уступалъ Барнаву, великому діалектику и логистику. Прозорливость Мирабо была, такъ сказать, пророческая. Она была слѣдствіемъ знанія его людей и свѣта, пріобрѣтеннаго имъ въ теченіе бурной и буйной его жизни. Съ перваго взгляда онъ безошибочно узналъ людей и всегда умѣлъ, когда хотѣлъ, снискивать ихъ благорасположеніе, употреблять ихъ въ свою пользу. Съ начала революціи предвидѣлъ онъ и предсказалъ ходъ ея.

17-го (29-го) октября. Вторникъ.

...Одно утѣшеніе моей жизни здѣшней — это Ольга Сергѣевна. Она истинно, кажется, ко мнѣ расположена дружески. Третьяго дня была она со мною такъ откровенна, что не только читала мнѣ свои стихотворныя произведенія, но и сказала, что меня такъ любитъ, что сожалѣетъ, зачѣмъ я не женщина, чтобы со мною быть еще откровеннѣе.

8-го ноября (н. с.).

Вчера былъ для меня день исповѣди. Ольга повѣрила мнѣ не только исторію чувствъ своихъ съ самаго дѣтства, изъ коихъ многія уже мнѣ знакомы были, но и самое настоящее положеніе ея сердца. Она такъ со мною была откровенна, какъ едва ли она была съ кѣмъ другимъ когда-либо, и я дорого цѣню эту откровенность.

20-го ноября. Тригорское.

Исполнились мои желанія: возвратился я въ домъ отцовъ моихъ, къ жизни новой, единственной оставшейся мнѣ на выборъ послѣ испытанныхъ. Не привлекательна она, не заманиваетъ она наше воображеніе ни разнообразіемъ, ни прелестью видовъ. Одинъ постоянный трудъ можетъ сдѣлать ее сносною, можетъ укротить не вовсе еще потухшія страсти — честолюбіе и жажду наслажденій. Испытаемъ ее!

Послѣ десятидневнаго пути отъ Варшавы, довольно благополучнаго, безъ особенныхъ происшествій, съ обыкновенными непріятностями путешествія въ такое время года въ скромномъ перекладномъ экипажѣ пріѣхавъ, нашелъ я всѣхъ моихъ домашнихъ — мать и сестеръ замужнихъ и незамужнихъ здравствующими: это все, чего я только и желалъ. Не смотря на тяжелый отъ общихъ неурожаевъ годъ, кажется, и хозяйство не въ нуждѣ, по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ извѣстно про оное: также важная причина къ общему удовольствію.

23-го ноября. Четвергъ.

Я засталъ еще здѣсь отцовъ Пушкиныхъ, собиравшихся въ путь ко Льву въ Петербургъ, и которые радовались моему пріѣзду, какъ радуются пріѣзду родного. Провожалъ ихъ до Врева — баронское владѣніе Евпраксіи.

...Хотя я и нисколько не сожалѣю о томъ, что оставилъ службу военную, и не желаю снова начать гражданскую, развѣ въ такомъ случаѣ, что представились бы мнѣ въ которой-либо особенныя выгоды, — но все сельская жизнь землепашца, помѣщика пугаетъ меня своимъ однообразіемъ и отчужденіемъ отъ движущагося и живущаго міра.

Я уже рѣшилъ, что, хотя присутствіе мое въ тверской деревнѣ и необходимо нужно, жить тамъ одинъ постоянно я не намѣренъ,

тѣмъ болѣе, что это вовлекло бы меня въ бо̀льшія издержки, чѣмъ доходы наши это позволяютъ: должно бы было тогда жить двумя домами, двумя хозяйствами. Мои желанія теперь ограничиваются тѣмъ, что, узнавъ настоящую цѣну и доходы имѣнія, мнѣ бы удалось найти управителя, которому бы можно было поручить оное подъ собственнымъ моимъ надзоромъ, а самому, живучи здѣсь въ Тригорскомъ, разнообразить мой бытъ хоть кратковременнымъ пребываніемъ въ одной изъ столицъ.

Вчера я приписывалъ въ сестриномъ письмѣ къ Ольгѣ Сергѣевнѣ и такъ расписался въ душевномъ удовольствіи, какъ никакой изъ пріятельницъ моихъ не писывалъ.

1834.

18-го февраля. Село Малинники.

Я руки въ боки упираю
И вдохновенно восклицаю:
«Здѣсь дома я, здѣсь лучше мнѣ!
«Вотъ такъ-то мы остепенимся!»

Вотъ эпиграфъ къ настоящему моему быту изъ послѣдняго посланія ко мнѣ возлюбленнаго Николая Михайловича. На пути изъ Псковской губерніи въ сію [1]) заѣзжалъ я на нѣсколько дней въ Петроградъ, чтобы въ день именинъ Анны Петровны навѣстить ее, и нашелъ у А. Пушкина, что̀ нынѣ камеръ-юнкеръ, посланіе ко мнѣ, про существованіе коего мнѣ и не снилось. Эти четыре стиха я выписалъ изъ онаго [2]).

19-го февраля. Понедѣльникъ.

Кромѣ удовольствія обнять Анну Петровну послѣ пятилѣтней разлуки и найти, что она меня не разлюбила, не смотря на то, что

---

1) То-есть, въ Тверскую губернію, гдѣ въ Старицкомъ уѣздѣ находится село Малинники.

2) Это посланіе написано Н. М. Языковымъ по возвращеніи изъ Дерпта въ Симбирскъ и начинается стихомъ:

Прошли мои младые годы.

Въ изданіяхъ стихотвореній Языкова оно относится къ 1833 году, но едва ли вѣрно.

я не возвращался съ нею къ прежнему нашему быту, имѣлъ я ещ
и нѣсколько другихъ, а именно: познакомился съ двумя братьям
моего зятюшки Бориса — съ баронами Михаиломъ Сердобинымъ
Степаномъ Вревскимъ, людьми очень милыми въ своемъ родѣ; по
томъ представлялся я родственницамъ и пріятельницамъ матери –
госпожамъ Кашкинымъ, на свиданіе съ коими мать теперь поѣхал
туда же; радъ я былъ видѣть и недоступныхъ Бѣгичевыхъ, изъ
копхъ старшей я подрядился чинить перья; наконецъ, у старикова
Пушкиныхъ въ домѣ я успѣлъ расцѣловать и плѣнившую меня не
давно Ольгу. Вотъ перечень всего случившагося со мною въ сто
лицѣ сѣвера, если я прибавлю еще то, что видѣлъ моего сожителя
варшавскаго Льва Пушкина, который помѣшался, кажется, на ри
моплетеніи; въ этомъ занятіи онъ нашелъ себѣ достойнаго сподвиж
ника въ Соболевскомъ, который, по возвращеніи своемъ изъ чужих
краевъ, сталъ сноснѣе, чѣмъ онъ былъ прежде. Я было и забыл
замѣтить также, что удостоился я лицезрѣть супругу А. Пушкин
о красотѣ коей молва далеко разнеслась. Какъ всегда это случается
я нашелъ, что молва увеличила многое. Самого же поэта я нашел
мало измѣнившимся отъ супружества, но сильно негодующимъ н
царя за то, что онъ одѣлъ его въ мундиръ, его, написавшаго т
перь повѣствованіе о бунтѣ Пугачева и нѣсколько новыхъ русских
сказокъ. Онъ говоритъ, что онъ возвращается къ оппозиціи, но эт
едва ли не слишкомъ поздно; къ тому же ея у насъ нѣтъ, разв
только въ молодежи.

1-го апрѣля.

...Двѣ недѣли тому назадъ познакомился я съ родственницам
довольно дальними, съ которыми бы можно было даже законн
сблизиться священными узами: съ дѣвицами Бакунинымп. Числом
ихъ шесть сестрицъ, очень милыя, кажется, къ тому же и пѣвиц
и плясавицы, но все это никакъ не манитъ меня къ супружеско
жизни. Отецъ ихъ — препочтенный и преобразованный старикъ, к
тораго я очень полюбилъ; и хозяйка, настоящая-то родственниц
наша, прелюбезная женщина, которая меня обласкала, какъ истин
родного.

23-го августа.

...Шесть мѣсяцевъ, что я живу въ одиночествѣ здѣсь, прош
такъ быстро, что я ихъ не замѣтилъ. Ежедневный надзоръ за у

зяйствомъ оставлялъ мнѣ мало времени для другихъ занятій, а еще менѣе — для жизни умственной съ самимъ собою. Физическая дѣятельность и отдыхъ послѣ оной смѣнялись только разъѣздами къ почтенной моей родинѣ.

Заѣхавъ однажды, въ Троицынъ день, въ Тверской уѣздъ, въ домъ Ушаковыхъ (они — родня моей родинѣ, и у сына ихъ я служилъ три года въ эскадронѣ), нашелъ я тамъ, кромѣ трехъ премиленькихъ дѣвочекъ (хозяйка дома — одна, а двѣ — мои здѣшнія сосѣдки Ермолаевы), очень пріятное общество и молодежь нынѣшняго и прошлаго вѣка, такъ что три дня, которые тамъ я провелъ, кажутся мнѣ теперь столь пріятными, какъ рѣдко я ихъ проводилъ. Съ Ермолаевыми я вралъ и нѣжничалъ, а съ однимъ юношею-поэтомъ — княземъ Козловскимъ[3] — твердилъ стихи Языкова; это перваго встрѣчаю человѣка, который, не знавъ Языкова, зналъ бы наизусть столько же стиховъ, сколько и я ихъ знаю. Чего же мнѣ нужно болѣе? Потомъ я встрѣчался опять съ нѣкоторыми изъ лицъ, тамъ бывшихъ: съ двумя темнорусыми сестрицами Ермолаевыми, но все мнѣ не казалось столь пріятнымъ ихъ общество, какъ въ первый разъ это было. Онѣ плѣняли меня въ разныхъ видахъ и уборахъ и пѣснями, и плясками, но очарованіе новизны изчезло, точно такъ и надежды на быстрые успѣхи, которые всегда сначала мнѣ льстятъ...

4-го сентября.

Чтеніе меня это время такъ избаловало, что я не соберусь приняться и за хозяйственное писаніе, еще менѣе — за какое-либо другое. Сначала прочелъ я пресловутую «Исторію Русскаго народа» (4 части), сочиняемую Полевымъ, и нашелъ ее лучше, чѣмъ ожидалъ оную найти. Онъ по крайней мѣрѣ понимаетъ, какъ исторія должна писаться, и дѣлаетъ по силамъ: на Карамзина онъ нападаетъ съ пристрастіемъ иногда, но вообще бываетъ болѣе правымъ въ своемъ мнѣніи объ немъ. Взглядъ его на разныя эпохи русской исторіи вѣрнѣе его предшественниковъ, и нѣкоторыя лица оной являются у него въ совершенно новомъ видѣ, чѣмъ у прежнихъ историковъ. Вездѣ видно, что онъ учился и трудился по новымъ германскимъ образцамъ, кои такъ далеко подвинули впередъ науку дѣописанія.

3) Князь Іона Михайловичъ, печатавшій свои стихи въ *Библіотекѣ для чтенія* тридцатыхъ годовъ.

Потомъ прочелъ я двѣ книги новаго журнала *Библіотека для Чтенія*, сотрудниками коего суть всѣ наши литературныя знаменитости отъ Пушкина до Полевого. Главные его редакторы — Гречъ и Сенковскій; послѣдній однако удалился отъ изданія и вошелъ въ ряды простыхъ сотрудниковъ.

3-го октября.

Новые пріятели мои—Ермолаевы—снабжаютъ меня и книгами; послѣдняя, которую они мнѣ дали, и я теперь только прочелъ, а именно «Résignée» par G. Drouineau, есть что-то «неохристіанское» (и выраженіе-то мнѣ не понятно), чего я никакъ не понимаю. Авторъ старается доказать лицами, у него дѣйствующими, вопервыхъ, превосходство своего неохристіанскаго исповѣданія, потомъ — ничтожность и пустоту матеріализма и раціонализма, проповѣдуя, что внѣ вѣры нѣтъ спасенія и жизни въ этомъ мірѣ. Этотъ господинъ сперва доказываетъ весьма многословно и высокопарно существованіе Божіе, въ чемъ однако еще никто, кажется, и не сомнѣвается. Но отъ существованія Божія до христіанства, и особенно до неохристіанства, еще весьма далеко. Читая эту книгу, я невольно почувствовалъ желаніе отдать отчетъ самому себѣ въ своихъ понятіяхъ о семъ предметѣ и долженъ сознаться, что нашелъ въ себѣ одно только сомнѣніе или чистый скептицизмъ, или невѣріе и сомнѣніе во всемъ, что относится къ религіознымъ понятіямъ, къ такъ-называемымъ обязанностямъ человѣка къ Божеству. Что же касается до взаимныхъ обязанностей людей, одного человѣка къ другому, и до общественныхъ, то дѣло другое: тутъ все положительно, и сомнѣнія нѣтъ. Любить другого, какъ самого себя или еще болѣе, какъ христіанство гласитъ, есть идеалъ высокій; но не дѣлать другому того, чего не желаешь самому себѣ, — возможно не всякому.

1836.

8-го декабря.

Вотъ чрезъ два года, откинувъ лѣнь, эту постоянную мою слабость, отъ которой ни лѣта, ни убѣжденіе не исправляютъ, вздумалось мнѣ взяться за перо, чтобы отмѣтить эти минуты жизни моей. Слѣдовало бы сперва сдѣлать очеркъ самого себя и прибавить въ чемъ я думаю, что измѣнился съ того времени, какъ письменно не излагалъ отчетовъ о самомъ себѣ. Но я не живописецъ и едва ли буду умѣть то сдѣлать; по крайней мѣрѣ, до этого времени мы

никогда не удавались портреты. Постараюсь однако, надо же испытать свои силы.

Начну съ тѣла: состояніе его важнѣе, чѣмъ многіе думаютъ. Эти два года былъ я совершенно здоровъ; довольно однообразная, воздержная жизнь, свѣжій воздухъ, здоровый климатъ и тѣлесная дѣятельность, сопряженная съ надзоромъ за хозяйствомъ, предохранили меня отъ всякихъ болѣзней. Вотъ все, кажется, что можно сказать о бренномъ тѣлѣ. Успѣховъ въ развитіи его силъ въ эти лѣта и въ нашемъ образѣ жизни почти нѣтъ: все поглощаютъ умственныя занятія. Развѣ назвать успѣхомъ то, что, будучи прошлое лѣто въ Петербургѣ, я взялъ нѣсколько уроковъ въ танцованіи и теперь, танцуя безъ усталости, заслуживаю часто похвалу хозяекъ дома, нуждающихся въ неутомимыхъ плясунахъ.

Послѣ тѣлесныхъ слѣдуетъ, разумѣется, замѣтить умственныя перемѣны (успѣхами едва ли можно назвать): онѣ незначительны. Кажется, опытъ этихъ двухъ лѣтъ только развилъ и подтвердилъ во мнѣ начала, уже существовавшія, признанныя мною. По образу жизни — новыхъ познаній пріобрѣлъ я только нѣсколько практическихъ, относящихся къ главному занятію моему. Отъ другихъ я совершенно отлучился — болѣе отъ лѣни, чѣмъ по другой какой-либо причинѣ. Поэтому я сталъ еще реальнѣе прежняго и во время почти оставилъ идеализмъ, съ котораго прежде все начиналъ. Это господствующее направленіе замѣтно и въ нравственномъ состояніи моемъ. Страсти мои вещественны: я не увлекаюсь надеждами славы, ни даже честолюбія. Я почти ограничиваюсь минутнымъ успѣхомъ. Женщины — все еще главный и почти единственный двигатель души моей, а можетъ быть, и чувственности. Богатство не занимаетъ меня, и жажда его не возрастетъ во мнѣ до страсти. Если бы я могъ пристраститься еще, то это — къ азартнымъ играмъ: онѣ довольно сильно дѣйствуютъ на меня. Пушкинъ справедливо говорилъ мнѣ однажды, что страсть къ игрѣ есть самая сильная изъ страстей. Уединенная, одинокая, ни отъ кого не зависящая жизнь, привычка всегда повелѣвать ими, иногда вредное вліяніе на нашъ нравъ дѣлаетъ его самовластнымъ, нетерпѣливымъ, вспыльчивымъ. Трудно и мнѣ будетъ избѣгнуть отъ этого вліянія, особенно съ моимъ запасомъ самосознанія. Меня обвиняютъ въ слишкомъ высокомъ мнѣніи тѣ (женщины — съ мужчинами я мало разсуждаю), съ которыми я иногда разговорюсь, потому что, говоря о себѣ, я выставляю себя

такимъ, иногда до безсмыслія; онѣ вѣрятъ на слово и по немъ составляютъ себѣ обо мнѣ понятіе. Увы, кто лучше меня знаетъ, какъ мало во мнѣ дѣльнаго! Что въ другихъ я его тоже не много встрѣчаю не есть причина себя высоко цѣнить. Такимъ ли бы я желалъ быть, какимъ я себя чувствую! Большой недостатокъ твердости въ исполненіи воли я постоянно вижу въ себѣ и мало замѣчаю успѣха, такъ что мнѣ гораздо лучше бы было слѣдовать минутному впечатлѣнію, не вдаваясь въ разсужденія: совсѣмъ на оборотъ, чѣмъ совѣтуютъ другимъ людямъ, у которыхъ страсти берутъ верхъ надъ разсудкомъ.

Очередь теперь сердечнымъ ощущеніямъ. Иные утверждаютъ, что я рѣшительно неспособенъ сталъ къ нимъ, а можетъ—и былъ; это мнѣ трудно опредѣлить. Я цѣню любовь самоотверженіемъ и по степени его опредѣляю и ту. Такимъ образомъ, сколько собственнаго блага, удовольствій, спокойствія, труда, наконецъ лишеній я въ силахъ принести за тѣхъ, кого люблю, можно только узнать по опыту. Убѣжденный въ необходимости пожертвованія я думаю, что буду способенъ къ нему.

Занятія мои ограничивались однимъ распоряженіемъ хозяйства моего. Успѣхи въ нихъ не соотвѣтственны ожиданіямъ, какія слѣдовало бы имѣть. И причины тому ясны: это лѣнь и слабость характера. Знанія въ дѣлѣ достаточны бы были, но исполненіе недостаточно. Особенно нынѣшній годъ понесъ я убытки значительные отъ безпечности и нерадѣнія. Я искренно убѣжденъ въ этихъ моихъ недостаткахъ и проступкахъ, которые ежедневно я чувствую, но, увы, мало исправляюсь! Я читаю больше, чѣмъ слѣдовало бы, романовъ и журналовъ, потомъ все, что̀ выходитъ изъ печати по части главнаго предмета моихъ занятій, но не довольно его изучаю.

На выборахъ дворянскихъ нынѣшняго года взялъ я на себя обязанность непремѣннаго члена губернской коммиссіи народнаго продовольствія — мѣсто, которое не требовало много занятій, но въ 14-ти-классной табели нашихъ чиновъ занимало шестое мѣсто, то-есть, въ чинѣ полковника или коллежскаго совѣтника. Я то сдѣлалъ, чтобы показать, что я не чуждаюсь ни свѣтской, ни служебной черни. И я не сожалѣю о томъ, тѣмъ болѣе, что черезъ мѣсяцъ потомъ этой должности, бывшей безъ жалованья, назначенъ былъ соотвѣтственный чину 1.500-рублевый окладъ жалованья. Этотъ случай можно мнѣ назвать счастливымъ, точно такъ и все начало

моей дворянской службы. Послѣ трехлѣтія меня въ ней можно будетъ выбирать только въ высшія должности — предводителя и тому подобныя.

10-го декабря.

Занятія по этой моей должности почти ничтожны и не требуютъ постояннаго присутствія въ губернскомъ городѣ. Прежде службы моей познакомился я въ Твери со всѣми властвующими. Губернаторъ, графъ Толстой, Александръ Петровичъ, сынъ генерала-отъ-инфантеріи Петра Александровича Толстого, человѣкъ очень достойный и благонамѣренный, съ познаніями, пріобрѣтенными въ путешествіяхъ, въ службѣ военной; былъ флигель-адъютантомъ, изъ высшей аристократіи, съ обращеніемъ человѣка свѣтскаго и образованнаго, къ тому же очень простой и добрый; съ перваго знакомства черезъ Александра Михайловича Бакунина былъ чрезвычайно любезенъ со мною. Губернскій предводитель Алексѣй Марковичъ Полторацкій былъ пріятелемъ отца моего и припомнилъ даже, что былъ мнѣ крестнымъ отцомъ, чего я до сего времени и не подозрѣвалъ, точно также всегда былъ ко мнѣ очень хорошъ. Эти связи поставили меня тотчасъ на первую степень тверского общества и много содѣйствовали успѣху моему и на выборахъ. При баллотировкѣ положило дворянство мнѣ 160 бѣлыхъ и 20 съ чѣмъ-то, если не ошибаюсь, черныхъ шаровъ. Всего лестнѣе было для меня здѣсь слышать общій голосъ похвалы дѣду моему Ивану Петровичу и отцу моему. Память добродѣтелей перваго и любезныхъ качествъ другого все еще свѣжа въ тѣхъ, которые ихъ знали. Нѣсколько разъ я слышалъ вопросъ: «Какой это Вульфъ?» «Сынъ Николая Ивановича». «О, такъ ему надо положить бѣлый шаръ!»

Со времени моего пріѣзда сюда я ѣздилъ два раза къ матери въ Псковскую губернію и по пути заѣзжалъ въ Петербургъ. Кромѣ того, въ 1835 году я былъ лѣтомъ тамъ же по дѣламъ опекунскаго совѣта и въ февралѣ этого года прожилъ двѣ недѣли по той же причинѣ въ Москвѣ. Эти поѣздки и кратковременное пребываніе въ столицахъ замѣчательны только для меня тѣмъ, что ввели въ значительныя издержки, но пользы и, слѣдовательно, удовольствія мало мнѣ принесли. Прошлое лѣто, будучи въ Петербургѣ, видѣлъ я впервые, въ толпѣ другихъ, не пользующихся никакимъ преимуществомъ зрителей, знаменитый Петергофскій праздникъ 1-го іюля,

съ его великолѣпнымъ освѣщеніемъ сада и съ десятками тысячъ народу всѣхъ состояній, толпящимися въ его аллеяхъ. Видѣлъ я и царскую фамилію съ блестящею атмосферою двора, но это все въ дали такой, что должно бы было казаться мнѣ удивительно любопытнымъ, занимательнымъ и прекраснымъ, почему я объ этомъ и ни слова, кромѣ одной похвалы толпѣ, которую я всегда тоже люблю, гдѣ бы то ни было — въ церкви, на балѣ или на гуляньи, особенно если она оживлена хоть и не общимъ удовольствіемъ, по крайней мѣрѣ, общимъ любопытствомъ. Такого же рода удовольствіемъ пользовался я на публичныхъ маскарадахъ въ домѣ Энгельгардта въ томъ же году на масляной недѣлѣ: та же масса людей, но только тѣснѣе сжатая и, слѣдственно, болѣе оживленная.

На московскій свѣтъ я только успѣлъ взглянуть мелькомъ, и то во время Великаго поста, слѣдственно, не въ минуту полной жизни. Былъ я и въ извѣстномъ собраніи московскаго дворянства, которое точно лучше и блистательнѣе всѣхъ другихъ, какія я видалъ. Тамъ я неожиданно обрадованъ былъ встрѣчею съ нѣсколькими старыми, десятилѣтними знакомцами: съ Шепелевымъ, моимъ академическимъ пріятелемъ, который, вмѣстѣ съ Языковымъ, былъ изъ соотечественниковъ моихъ единственнымъ задушевнымъ моимъ пріятелемъ; потомъ съ братомъ Языкова, Александромъ Михайловичемъ, котораго знавалъ въ Петербургѣ. Онъ, кажется, порадовался мнѣ искренно, написалъ объ встрѣчѣ со мною тотчасъ же къ брату, такъ что вскорѣ послѣ возвращенія моего изъ Москвы я получилъ отъ Николая Михайловича письмо, меня чрезвычайно утѣшившее: я думалъ, что онъ забылъ про то, что я его такъ люблю. Послѣ получилъ я другое въ отвѣтъ на мое, но странное дѣло, онъ опять замолчалъ. Недавно, въ октябрѣ, я спрашивалъ снова его о причинѣ, но еще не получилъ отвѣта. Говоря о Москвѣ, нельзя умолчать объ первой ея красѣ — ея дѣвицахъ; искони имя она богата и славится. Одну изъ этихъ пресловутыхъ (Екатерина Николаевна Ушакова), знакомую мнѣ по наслышкѣ много уже лѣтъ по дружбѣ съ Пушкинымъ, Александромъ. Этотъ типъ московскихъ дѣвушекъ былъ со мною чрезвычайно любезенъ такъ, какъ будто бы мы уже знали другъ друга съ тѣхъ поръ, какъ другъ о другѣ слышали; обо мнѣ однако слухи дошли до нея, вѣроятно, не такъ давно, какъ я объ ней слыхалъ. Вотъ все почти, что на этотъ разъ осталось въ памяти моей объ Бѣлокаменной.

1842.

9-го января. Пятница.

...Кромѣ хозяйства, мои занятія заключаются въ чтеніи. Эти дни въ рукахъ у меня было нѣсколько нумеровъ *Revue des deux mondes* прошлыхъ мѣсяцевъ. Кромѣ литературныхъ статей, въ немъ много и политическихъ, очень хорошо писанныхъ. Первыя, разумѣется, какъ и во всѣхъ нынѣшнихъ повременныхъ изданіяхъ, все повѣсти лучшихъ французскихъ писателей, и читаешь ихъ всегда съ удовольствіемъ. Читалъ я эти дни также собраніе повѣстей въ пользу Смирдина, изданныхъ подъ названіемъ *Русской Бесѣды*. Русскіе писатели хотѣли этою *Бесѣдой* вознаградить Смирдина за то, что онъ разорился изъ пріязни и самоотверженія къ русской литературѣ: такую нелѣпость онъ напечаталъ при объявленіи объ изданіи *Бесѣды*. И нельзя сказать, чтобы гг. писатели наши оказались щедрыми въ этомъ случаѣ. Первый томъ вышелъ ниже посредственности, такъ что *Отечественныя Записки* не нашли въ немъ ничего похвалить лучшаго, кромѣ басни, чьей же? — Бориса Ѳедорова! Второй томъ немного лучше: тамъ хоть и не встрѣтишь также ни одной изъ нашихъ знаменитостей, но по крайней мѣрѣ изъ патріотизма, болѣе самоотверженнаго, чѣмъ всѣ изданія Смирдина, можно прочитать повѣсти Основьяненка и Сологуба. Третій, надѣяться можно, будетъ еще лучше. Надо замѣтить, что книгопродавцы наши ведутъ свои дѣла очень плохо. Хотя книги у насъ и дороже, чѣмъ гдѣ-либо, а главные торговцы ими всѣ разоряются. Всѣ, которые изъ нихъ брались за изданіе книгъ, обанкрутились: Плюшаръ съ своимъ «Энциклопедическимъ Лексикономъ» и роскошными иллюстрированными изданіями, московскій членъ разныхъ ученыхъ обществъ Ширяевъ — своими хозяйственными и общеполезными изданіями дошелъ до того, что послѣ смерти его въ прошломъ году книжная лавка его также закрылась; наконецъ, Смирдинъ, издавшій на нѣсколько милліоновъ сочиненій русскихъ классическихъ писателей, тѣмъ самымъ разстроилъ совершенно свои дѣла, какъ сами писатели то публично объяснили. Такому общему несчастью этихъ книгопродавцевъ однако же причиною ни книги, ни писатели наши, а просто ихъ собственная безграмотность. Трудно повѣрить, въ какой запутанности и безотчетности были ихъ дѣла! У Ширяева, напримѣръ, не было каталога, по которому

можно бы было отыскать книгу, за годъ у него же передъ тѣмъ вышедшую! Лажечниковъ, нашъ знаменитый романистъ и сосѣдъ по Старицкому уѣзду, разсказывалъ, что онъ однажды съ Смирдинымъ нѣсколько мѣсяцевъ не могъ разсчитаться, чтобы только узнать, кто изъ нихъ кому долженъ! И не съ нимъ однимъ это случалось. Послѣ такихъ примѣровъ можно себѣ представить порядокъ въ дѣлахъ этихъ торговцевъ, и какъ шли ихъ обороты. Покуда торговали они книгами, какъ въ Гостиномъ дворѣ торгуютъ московскими ситцами, дѣла были у нихъ хороши; но какъ скоро обороты отъ успѣха стали у нихъ обширнѣе, взялись за изданіе книгъ, то по совершенной безграмотности своей они должны были разориться, особенно, когда сами писатели и преимущественно журналисты наши воспользовались этимъ. Булгаринъ своею «Россіей» [1]) подорвалъ Плюшара, Сенковскій за редакцію *Библіотеки для чтенія* тоже со Смирдина бралъ столько, что тому немного отъ нея оставалось. Эти господа составили себѣ большое состояніе, а книгопродавцы разорились.

6-го февраля.

...Много лѣтъ уже, какъ я болѣе лѣнюсь, чѣмъ дѣла дѣлаю. И въ хозяйственныхъ занятіяхъ я избѣгаю трудныхъ, то-есть, постоянныхъ и сухихъ, а предпочитаю имъ легкія, не требующія ни труда, ни лишеній, ни умственныхъ напряженій. Чувствую, какъ это недостойно всякаго разсудительнаго и себя сознающаго существа, но это сознаніе все остается безплоднымъ. Вотъ одно доказательство отвычки отъ всякаго умственнаго занятія: два года тому назадъ я получилъ отъ Языкова, быть можетъ, единственнаго человѣка, котораго я люблю (другихъ немногихъ уже не стало), изъ-за границы письмо и не нашелъ времени къ нему написать. Теперь привезъ мнѣ Николай Игнатьевичъ Шенигъ [2]) (называю его потому, что онъ стоитъ у меня на ряду немногихъ), возвратившись недавно оттуда же, отъ него подарокъ — сигарочницу, и сколько я ни дорожу этимъ воспоминаніемъ обо мнѣ, все не благодарилъ его за оное.

---

1) Извѣстный трудъ казанскаго профессора Н. А. Иванова, напечатанный подъ именемъ Булгарина въ 1837 году.

2) Н. И. Шенигъ (род. въ 1795 г., ум. въ 1860) былъ офицеръ генеральнаго штаба и принималъ участіе въ Турецкой войнѣ 1828 и 1829 годовъ, когда и познакомился съ нимъ А. Н. Вульфъ. Любопытныя воспоминанія Шенига напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ* 1880 и 1881 годовъ.

21-го марта. Въ Малинникахъ.

Весь февраль прожилъ я въ Тригорскомъ въ ожиданіи снѣга и только въ концѣ онаго дождался; это было на масляной недѣлѣ. Его было однако такъ еще мало, что съ трудомъ доѣхали мы съ братомъ до Острова, гдѣ и провели недѣлю съ сестрами очень весело. Первымъ удовольствіемъ для меня была неожиданная встрѣча съ Львомъ Пушкинымъ. На пути съ Кавказа въ Петербургъ, разумѣется, не на прямомъ, какъ онъ всегда странствуетъ, заѣхалъ онъ къ намъ въ Тригорское навѣстить насъ да взглянуть на могилы своей матери и брата, лежащихъ теперь подъ однимъ камнемъ, гораздо ближе другъ къ другу послѣ смерти, чѣмъ были въ жизни. Обоихъ онъ не видалъ передъ смертью и, въ 1835 году разставаясь съ ними, никакъ не думалъ, что такъ скоро въ одной могилѣ заплачетъ надъ ними. Александръ Сергѣевичъ, отправляя тогда его на Кавказъ (онъ въ то время взялъ на себя управленіе отцовскаго имѣнія и уплачивалъ долги Льва), говорилъ шутя, чтобы Левъ сдѣлалъ его наслѣдникомъ, потому что всѣ случаи смертности на его сторонѣ: разъ, что онъ ѣдетъ въ край, гдѣ чума, потомъ — горцы, и наконецъ, какъ военный и холостой человѣкъ, онъ можетъ еще быть убитымъ на дуэли. Вышло же на оборотъ: онъ — женатый, отецъ семейства, знаменитый — погибъ жертвою неприличнаго положенія, въ которое себя поставилъ ошибочнымъ разчетомъ, а этотъ подъ пулями черкесовъ безпечно пилъ кахетинское и также мало потерпѣлъ отъ однихъ, какъ отъ другого! Такова судьба наша или, вѣрнѣе сказать, такъ неизбѣжны слѣдствія поступковъ нашихъ. Преждевременная смерть въ прошломъ году Лермонтова, еще одного первокласснаго таланта, который выросъ у насъ не по днямъ, а по часамъ, въ два или три года сдѣлавшагося первымъ изъ всѣхъ жившихъ поэтовъ, застрѣленнаго на дуэли изъ-за пустой шутки на Кавказскихъ водахъ, служитъ другимъ доказательствомъ, какъ отъ страстей своихъ никто не уходитъ безнаказанно. Левъ разсказывалъ какъ очный свидѣтель этой печальной потери, которую понесла въ Лермонтовѣ вся мыслящая Русь. Прошлую зиму я встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ въ одномъ домѣ, именно у Арсеньевыхъ, его родственниковъ, и съ любопытствомъ вглядывался въ черты его лица, думая, не удастся ли на немъ подглядѣть напечатлѣнія этого великаго таланта, который такъ сильно проявъ-

лялся въ его стихахъ. Ростомъ онъ былъ не великъ и не строенъ; въ движеніяхъ не было ни ловкости, ни развязности, ни силы: видно, что тѣло не было у него никогда ни напрягаемо, ни развиваемо: это общій недостатокъ воспитанія у насъ. Голова его была несоразмѣрно велика съ туловищемъ; лобъ его показался для меня замѣчательнымъ своею величиною; смуглый цвѣтъ лица и черные глаза, черные волоса, широкое скулистое лицо напомнили мнѣ что-то общее съ фамиліей Ганнибаловъ, которые извѣстно, что происходятъ отъ арапа, воспитаннаго Петромъ Великимъ, и отъ котораго по матери и Пушкинъ происходитъ. Хотя вдохновеніе и не кладетъ тавра на челѣ, въ которомъ гнѣздится, и мы часто при встрѣчѣ съ великими талантами слышимъ, какъ повторяютъ, что наружность такого-то великаго писателя не соотвѣтствуетъ тому, что̀ мы отъ него ожидали (и со мною это случалось), но все, кажется, есть въ лицѣ нѣкоторыя черты, въ которыхъ проявляется геніальность человѣка. Такъ и у Лермонтова страсти пылкія отражались въ большихъ, широко разставленныхъ черныхъ глазахъ, подъ широкимъ нависшимъ лбомъ и въ остальныхъ крупныхъ (не знаю, какъ иначе выразить противоположность «тонкихъ») очеркахъ его лица. Я не имѣлъ случая говорить съ нимъ, почему и не прибавлю къ сказанному ничего объ его умственныхъ качествахъ. Не могу однако разстаться со Львомъ, не замѣтивъ, что восемь лѣтъ его очень мало измѣнили: онъ — все такой же милый собесѣдникъ, какимъ узналъ я его въ Варшавѣ; какъ тогда, готовъ дни проспиживать за обѣдомъ а ночи — за пуншемъ и т. п. Разница между нами стала только въ томъ, что въ его курчавыхъ бѣлокурыхъ вискахъ просѣла сѣдина а у меня стали волосы рѣдѣть. Морально же мы каждый своимъ путемъ: я сталъ еще холоднѣе и разсудительнѣе, онъ же — безъ заботнѣе, кажется.

19-го ноября.

Весь прошлый октябрь мѣсяцъ мы здѣсь такъ много веселились какъ только возможно было. Была сначала у Панафидиныхъ свадьба. Послѣ истиннаго пира свадебнаго настала пора охоты. и мы отправились въ отъѣздъ сначала поближе — къ Казнакову, нашему уѣздному предводителю (семейство все чрезвычайно своеобразное), принимавшему насъ очень радушно. Потомъ и далѣе — къ Бакунинымъ. Никогда я такъ безусловно пріятно, безъ всякихъ

особенныхъ видовъ, какъ было прежде, когда такъ съѣзжался съ своими сосѣдками, не гостилъ. Отчасти тому причиною, что встрѣтилъ тамъ многихъ молоденькихъ и хорошенькихъ пріятельницъ, тоже Полторацкихъ, съ коими танцовали мы опять три дня сряду, какъ на свадьбѣ, и снова я пріобрѣлъ похвалу и признательность танцующихъ за добрый примѣръ, который имъ подавалъ. Такъ-то! Мы еще не очень постарѣли и еще имѣемъ нѣкоторые успѣхи въ деревенскомъ безлюдьи. Это новое поколѣніе выросло недавно на нашихъ глазахъ, такъ я и смотрю на нихъ, какъ на дѣтей, а онѣ уже твердятъ, что «намъ семнадцать лѣтъ и стали невѣстами». Любезничать же съ ними по прежнему, какъ съ ихъ предшественницами, какъ-то совѣстно. Тутъ опять вспомнишь пріятеля нашего Александра Сергѣевича, который тоже говорилъ въ свое время:

Мнѣ не къ лицу и не по лѣтамъ... и т. д.

Какъ вѣрно онъ передавалъ ощущенія наши, своихъ почти современниковъ, или, сказать вѣрнѣе, насъ, его учениковъ и послѣдователей!

А. Н. Вульфъ пересталъ вести свой дневникъ предъ вступленіемъ въ зрѣлый возрастъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекращаются для насъ обстоятельныя свѣдѣнія о ходѣ его жизни; но сколько намъ извѣстно, она въ послѣдующее время не ознаменовалась никакими особенно выдающимися событіями и неизмѣнно текла въ тѣхъ же приблизительно условіяхъ, въ какихъ Алексѣй Николаевичъ изображаетъ себя въ послѣдней части дневника, писанной по выходѣ его въ отставку.

Его мать скончалась только въ 1859 году; такимъ образомъ онъ еще при ея жизни достигъ зрѣлаго возраста, но въ бракъ не вступалъ. Еще въ молодости, подъ 3-мъ марта 1833 года, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія мысли свои о супружествѣ: «Вотъ дожилъ я до тѣхъ лѣтъ, что всѣ ровесники, знакомые, друзья — кто женился, а другіе жениться намѣрены; мнѣ же этого не опредѣлено... Быть можетъ — къ лучшему. По крайней мѣрѣ я это буду думать, чтобы утѣшать себя въ лишеніи живѣйшихъ и чистѣйшихъ наслажденій... Отеческія чувства я буду всегда считать такими. Если я буду имѣть столько власти надъ

собою, что удержу себя отъ искушенія жениться, то желаніе найти женщину, которая захотѣла бы со мною жить единственно по своему произволу, безъ всякихъ церковныхъ и гражданскихъ обязанностей, было бы единственное, которымъ я бы утруждалъ небеса. Впрочемъ, мнѣ можно бы рѣшиться на супружество, ибо всегда можно отыскать благопристойный предлогъ къ разводу, особенно съ деньгами». Эти строки рисуютъ человѣка очень выразительно, и къ нимъ прибавлять нечего; отчасти скептикъ, отчасти эгоистъ, в всякомъ случаѣ чело вѣкъ независпмаго образа мыслей и характера. Вульфъ еще двадцати-восьми лѣтъ обнаруживалъ предпочтеніе къ холостому быту — и дѣйствительно остался весь свой долгій вѣкъ холостякомъ.

Окруженный многочисленною роднею, пользуясь общею любовью и уваженіемъ въ своемъ кругу, хорошо обезпеченный съ матеріальной стороны, Алексѣй Николаевичъ прожилъ мирнымъ обитателемъ того самого Тригорскаго, гдѣ провелъ дѣтство и гдѣ въ молодости принималъ своихъ знаменитыхъ литературныхъ друзей. Онъ бережно хранилъ воспоминанія о Пушкинѣ и Языковѣ и любилъ разсказывать о времени своихъ сношеніяхъ съ ними; онъ тщательно берегъ ихъ письма и посвященные ему стихи, но не отказалъ въ ихъ сообщеніи покойному М. И. Семевскому и разрѣшилъ ему изданіе въ свѣтъ этихъ драгоцѣнныхъ семейныхъ памятниковъ. Разсказы Вульфа отличались трезвою простотой и своеобразною наблюдательностью. Такъ, припоминая слѣдующіе строки Языкова въ одномъ изъ его посланій къ П. А. Осиповой:

На воронomъ аргамакѣ,
Заморской шляпою покрытый,
Спѣша въ Тригорское, одинъ —
Вольтеръ и Гете, и Расинъ,
Являлся Пушкинъ знаменитый,

Вульфъ утверждалъ, что на самомъ дѣлѣ у поэта никакого аргамака не было, и что пріѣзжалъ онъ весьма прозаически на старой клячѣ. Дѣйствительно, ни у Александра Сергѣевича, ни у его родителей большихъ достатковъ не было, особенно въ ихъ деревенской жизни, какъ это видно между прочимъ изъ свидѣтельства пріѣзжавшаго въ Михайловское И. И. Пущина. За то показаніе послѣдняго, будто бы Пушкинъ состоялъ подъ наблюденіемъ настоятеля Святогорскаго

монастыря [1]), Вульфъ отвергалъ, но не отрицалъ, что поэту случалось иногда угощать его, и что монахъ любилъ его угощеніе. Здѣсь опять припоминается разсказъ Пущина. По словамъ Вульфа, отъ Святогорскаго настоятеля Пушкинъ позаимствовалъ въ «Бориса Годунова» народныя поговорки, какъ напримѣръ:

Нашъ Ѳома
Пьетъ до дна,
Выпьетъ да поворотитъ,
Да въ донушко поколотитъ.

Дѣйствительно, въ сценѣ «Корчма на литовской границѣ» въ уста старцу Варлааму влагаются, между прочимъ, такія рѣчи: «У насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка — пьемъ до донушка, выпьемъ, поворотимъ и въ донышко поколотимъ». Вульфъ помнилъ, и совершенно вѣрно, что это мѣсто не было пропущено цензурой въ первомъ изданіи «Бориса Годунова». Въ самомъ дѣлѣ, въ замѣчаніяхъ на хронику Пушкина, представленныхъ императору Николаю Павловичу генераломъ Бенкендорфомъ, было выражено мнѣніе, что при печатаніи «сцену въ корчмѣ можно бы смягчить» и въ подтвержденіе тому приводились изъ этой сцены разговоры и прибаутки монаховъ, которые «слишкомъ представлены въ развратномъ видѣ» [2]). Въ памяти и въ одной изъ тетрадей Вульфа хранилась также злая эпиграмма, сочиненная Пушкинымъ въ эпоху пресловутыхъ конгрессовъ, которые созывались для успокоенія Европы послѣ Наполеоновскихъ войнъ [3]). Наконецъ, любопытенъ и слѣдующій разсказъ А. Н. Вульфа о Пушкинѣ, записанный Семевскимъ: «Передъ дуелью Пушкинъ не искалъ смерти; напротивъ, надѣясь застрѣлить Дантеса, поэтъ располагалъ поплатиться за это лишь новою ссылкой въ сельцо Михайловское, куда возьметъ и жену, и тамъ-то, на свободѣ, предполагалъ заняться составленіемъ исторіи Петра Великаго. Извѣстно также, что еще около 1818 года, въ бытность поэта въ Пе-

1) Это извѣстіе повторено и М. И. Семевскимъ, да еще съ ссылкою на «мѣстное преданіе» въ статьѣ: «Къ біографіи Пушкина» (*Русскій Вѣстникъ* 1869 г., № 11, стр. 64).

2) Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ, *М. И. Сухомлинова*, т. II, стр. 221, 225—227.

3) Сочиненія Пушкина, т. I, стр. 332:

Воспитанный подъ барабаномъ...

тербургѣ, одна славная тогда въ столицѣ ворожея сдѣлала зловѣщ
предсказаніе Пушкину, когда тотъ посѣтилъ ее съ однимъ изъ св
ихъ пріятелей. Глядя на ихъ руки, колдунья предсказала насил
ственную смерть. На другой день пріятель Пушкина, служивший в
одномъ изъ гвардейскихъ полковъ ротнымъ командиромъ, былъ за
колотъ унтеръ-офицеромъ; Пушкинъ же до такой степени вѣрил
въ зловѣщее пророчество ворожеи, что когда впослѣдствіи, готовя
къ дуели съ извѣстнымъ «американцемъ» графомъ Толстымъ, стр
лялъ вмѣстѣ со мною въ цѣль, то не разъ повторялъ: «Этотъ мен
не убьетъ, а убьетъ бѣлокурый — такъ колдунья пророчила». И
точно, Дантесъ былъ бѣлокуръ» [1]).

Пребываніе въ университетѣ наложило на Вульфа свою печат
— обстоятельство, не ускользнувшее отъ вниманія еще Пушкин
Живое отношеніе къ умственнымъ интересамъ никогда не покида
Алексѣя Николаевича; всю свою жизнь онъ дѣятельно слѣдилъ з
литературой, много читалъ и собралъ хорошую библіотеку. «Хотя
говорится въ его некрологѣ [2]), — «преклонные годы и разстроенно
здоровье давно уже сказались на Вульфѣ задолго до его кончин
тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ всегда интересоваться отечествен
ною словесностью и всѣми проявленіями нашей общественной жизн
и каждую зиму являлся въ Петербургъ, гдѣ его можно было встр
тить постояннымъ посѣтителемъ спектаклей, чтеній, концертов
А. Н. Вульфъ оставилъ по себѣ память человѣка образованнаг
добраго, живо сохранявшаго прекрасныя преданія Пушкинскаг
времени и Пушкинскаго круга».

Кончина А. Н. Вульфа послѣдовала въ Тригорскомъ въ пятни
17-го апрѣля 1881 года отъ воспаленія легкихъ.

---

1) Всѣ эти разсказы А. Н. Вульфа сообщены въ *Русской Старинѣ* 1870
т. I, стр. 404 и 405.

2) Газета *Голосъ* 1881 г., № 111.

ВОСПОМИНАНІЯ

А. П. МАРКОВОЙ-ВИНОГРАДСКОЙ (КЕРНЪ).

Въ 1859 году, въ мартовской книжкѣ *Библіотеки для чтенія*, появились «Воспоминанія о Пушкинѣ», доставленныя въ редакцію П. В. Анненковымъ и не замедлившія обратить на себя общее вниманіе интересомъ своего содержанія. Онѝ не были подписаны никакимъ именемъ, но изъ того, что̀ въ нихъ сообщалось, и изъ приложенныхъ къ нимъ писемъ поэта, было видно, что они вышли изъ-подъ женской руки, и что составительница ихъ играла въ его жизни извѣстную роль. Вскорѣ обнаружилось, что эта особа — то самое лицо, къ которому Пушкинъ написалъ два знаменитыя свои стихотворенія: въ 1825 году —

Я помню чудное мгновенье,

и въ 1829 —

Когда твои младыя лѣта
Позоритъ шумная молва...

Стала извѣстна и личность сочинительницы — Анны Петровны Марковой-Виноградской, по первому мужу Кернъ, рожденной Полторацкой.

Съ теченіемъ времени имя А. П. Кернъ (подъ этою фамиліей зналъ ее поэтъ) вошло въ жизнеописанія Пушкина и въ собранія его сочиненій, а собиратели біографическихъ свѣдѣній стали обращаться къ Аннѣ Петровнѣ съ просьбой дополнить свои воспоминанія; поощренная литературнымъ успѣхомъ, она дѣйствительно написала еще нѣсколько разсказовъ — о Пушкинѣ, Дельвигѣ, Крыловѣ и М. Глинкѣ, о встрѣчахъ своихъ съ императоромъ Александромъ I, и наконецъ, о своемъ дѣтствѣ; первые два были напечатаны еще при ея жизни въ *Семейныхъ Вечерахъ* 1864 года, № 10, и въ *Русской*

Старинѣ 1870 года, т. I, а послѣдній — послѣ ея смерти въ *Р[усском]скомъ Архивѣ* 1884 года, кн. III. Скончалась Анна Петровна в Москвѣ въ 1880 году.

Первыя воспоминанія А. П. Кернъ, напечатанныя въ 1859 году, — наиболѣе содержательное изъ ея произведеній; въ нихъ всего меньш небрежности, недомолвокъ и желанія порисоваться, этихъ обычныхъ недостатковъ мемуарной литературы, особливо записокъ, веденныхъ женщинами. Оно и понятно: въ послѣдующихъ повѣствованіяхъ ей приходилось возвращаться къ ранѣе затронутой темѣ и такимъ образомъ неизбѣжно впадать въ повторенія. Въ виду того мы не перепечатываемъ здѣсь цѣликомъ только первоначальныя воспоминанія А. П. Кернъ, а изъ другихъ ея статей заимствуемъ лишь тѣ подробности, которыя дѣйствительно могутъ служить дополненіемъ къ ея главному разсказу о Пушкинѣ. Но прежде того мы должны сообщить нѣсколько свѣдѣній о самой разсказчицѣ, при чемъ воспользуемся, кромѣ ея собственныхъ записокъ, другими источниками, между прочимъ не изданными письмами ея къ П. В. Анненкову.

Анна Петровна происходила изъ многочисленной семьи Полторацкихъ. Ея отецъ былъ одинъ изъ восьми сыновей начальника придворной пѣвческой капеллы при Екатеринѣ II Марка Ѳедоровича Полторацкаго и женился на дочери Орловскаго губернатора и тверского помѣщика Ив. П. Вульфа Екатеринѣ Ивановнѣ, между тѣмъ какъ братъ послѣдней Николай Ивановичъ вступилъ въ бракъ съ Прасковьей Александровною Вындомскою, которая впослѣдствіи была вторично замужемъ за Ив. С. Осиповымъ и въ качествѣ владѣлицы села Тригорскаго приходилась сосѣдкой Пушкинымъ по ихъ псковскому имѣнью, сельцу Михайловскому. Анна Петровна родилась 11-го февраля 1800 года и первые годы своего дѣтства провела въ Малороссіи, а потомъ была перевезена матерью въ тверское имѣнье отца послѣдней Берново. По сосѣдству съ Берновомъ, въ с. Малинникахъ, жила тогда со своимъ мужемъ и старшими дѣтьми П. А. Вульфъ. Съ этого времени Анна Петровна узнала свою тетку и подружилась со своею двоюродною сестрой Анной Николаевной Вульфъ; онѣ были ровесницы и учились вмѣстѣ. Привязанность къ нимъ обѣимъ Анна Петровна сохранила на всю жизнь, и ея разсказы о Прасковьѣ Александровнѣ и ея семьѣ были очень любопытны. Въ маѣ 1859 года, уже послѣ смерти тетки и двоюродной сестры, она между прочимъ писала Анненкову:

«Вы когда-то спросили меня: что̀ такое была Пр. А. Осипова? Мнѣ кажется, я теперь вотъ могу это сказать почти безошибочно. Съ тѣхъ поръ, какъ она скончалась, я долго объ ней думала, и она мнѣ теперь ясно нарисовалась. Это была далеко не пошлая личность— будьте увѣрены, и я очень понимаю снисходительность и нѣжность къ ней Пушкина. Я вамъ только скажу о ней два факта, которые тотчасъ вызовутъ ваше вниманіе. Ихъ было двѣ сестры; не знаю, какихъ лѣтъ онѣ лишились матери, но знаю, что онѣ росли и воспитывались подъ надзоромъ строгаго и своенравнаго отца Александра Максимовича Вындомскаго. Сестра ея, увлеченная сердцемъ, вышла противъ желанія отца за Ганнибала (отсюда я понимаю ихъ сближеніе съ семействомъ Пушкина); она, то-есть, сестра Прасковьи Александровны, бѣжала изъ дома родительскаго. Онъ не могъ ее простить и лишилъ наслѣдства, отдавъ все П. А. Вульфъ; послѣ смерти отца Прасковья Александровна раздѣлила имѣнье (состоявшее изъ 1200 душъ) на двѣ равныя части и подѣлилась имъ съ сестрою. Скажите: многіе ли бы это сдѣлали? У Прасковьи Александровны было тогда пятеро дѣтей, у той—только двое... Второе—то, что она, которая жила въ средѣ необразованной, или же что̀ еще хуже, полуобразованной, и имѣя старшаго сына (Алексѣя) записаннаго нажемъ (по протекціи и съ помощью Петра Ивановича Вульфа, который тогда служилъ при дворѣ кавалеромъ при великихъ князьяхъ Николаѣ Павловичѣ и Михаилѣ Павловичѣ), она пожелала и осуществила свое желаніе, отдавъ сына въ Дерптскій университетъ...

«Странное дѣло: она меня всегда любила — и въ дѣтствѣ, и въ молодости, и въ зрѣломъ возрастѣ, не смотря на то, что отъ безхарактерности дѣлала вредъ, почти что положительное зло. Я тогда сердилась на нее, но всегда потомъ ей прощала; она была такъ ласкова, такъ нѣжна со мною, какъ никто изъ моихъ близкихъ, ни одна изъ моихъ родныхъ тетокъ. Растолкуйте мнѣ, напримѣръ, эту странность: она была очень строга въ дѣтствѣ съ Анной Николаевною; мнѣ разсказывали (то-есть, не мнѣ, а при мнѣ, что̀ все равно: дѣти все записываютъ на своихъ памятныхъ скрижаляхъ), что она была даже жестока съ нею ребенкомъ, била ее, когда учила (весьма безтолково, надо сознаться, учила), драла за уши до крови и проч., и проч. Вообразите, что она при мнѣ этого никогда не дѣлала. Что̀ жь такое была я для нее? Дѣвочка однихъ лѣтъ съ ея дочерью. Не боялась же она меня встревожить такимъ обращеніемъ съ се-

строю, которую я, при первой нашей встрѣчѣ, принялась любить изъ всѣхъ силъ, она — также, и я до сихъ поръ не встрѣчала дѣтей и молодыхъ особъ, такъ привязанныхъ другъ къ другу, какъ мы съ Анной Николаевною.

«Когда мы съѣхались въ Берновѣ, намъ было по восьми лѣтъ и пока не пріѣзжала ожидаемая гувернантка, мы учились у своихъ матерей. Иногда Прасковья Александровна меня къ себѣ брала ночевать, и я съ радостью вставала зимой со свѣчею, оттого что такъ будили Анну Николаевну, и мы съ нею вмѣстѣ учили уроки и пили я — чай, а она — смородину у пылающаго камина очень весело и дружелюбно. Никогда, повторяю, Прасковья Александровна не кричала на свою дочь и не била ея при мнѣ. Это—фактъ. Но отсюда не зародилось постоянной привязанности нашей, и особенно со стороны сестры; она была любящая тоже, но въ ней было меньше элементовъ глубокихъ чувствъ,—потому я не всегда была ею довольна. Впрочемъ, Euphrosine [1]) мнѣ сказала, когда я послѣ ея смерти выразила при встрѣчѣ съ нею это сомнѣніе: «Elle n'a aimé de sa vie personne autant que vous. Vous étiez son idéal».

«Когда насъ отдали на руки гувернанткѣ m-lle Bénoît (тоже знаменитость въ своемъ родѣ: она была привезена по требованію двора изъ Англіи вмѣстѣ съ m-lle Sybourg, тоже швейцаркой, которой предложила вмѣсто себя занять мѣсто при ея высочествѣ Аннѣ Павловнѣ, а сама ограничилась скромнымъ званіемъ деревенской воспитательницы въ провинціи), то мы вмѣстѣ учились и спальню имѣли общую возлѣ комнаты m-lle Bénoît. Когда же случалось, что я заболѣвала, то уходила во флигель и переписывалась съ Анной Николаевною. Кстати вспомнить, что она сохранила мои записочки десятилѣтняго возраста и показывала ихъ мнѣ, когда я къ ней пріѣхала замужняя.

«И такъ мнѣ рисуется Прасковья Александровна въ тѣ времена! Она, кажется, никогда не была хороша собою: ростъ ниже средняго гораздо, впрочемъ въ размѣрахъ; станъ выточенный, кругленькій, очень пріятный; лицо продолговатое, довольно умное (Алексѣй на нее похожъ); носъ прекрасной формы; волосы каштановые, мягкіе, тонкіе, шелковые; глаза добрые, каріе, но не блестящіе; ротъ ея

1) Младшая сестра Анны Николаевны Вульфъ, Евпраксія Николаевна, бывшая за барономъ Б. А. Вревскимъ.

только не нравился никому: онъ былъ не очень великъ и не непріятенъ особенно, но нижняя губа такъ выдавалась, что это ее портило. Я полагаю, что она была бы просто маленькая красавица, еслибы не этотъ ротъ. Отсюда раздражительность характера.

«Она являлась всегда пріятно и поэтически настроенною: приходила читать у насъ что-нибудь (когда позволяла m-lle Bénoît), то учиться по англійски вмѣстѣ съ нами; она была очень любознательна. И какъ же — скажите — ей теперь это не вмѣнить въ достоинство? Вѣдь этому — безъ одного года пятьдесять лѣтъ! Иногда она приходила показать намъ какой-нибудь нарядъ, выписанный ей дядюшкой Н. И. Вульфомъ и наконецъ привезенный изъ Петербурга. Она мало заботилась о своемъ туалетѣ, а дядюшка былъ большой мастеръ выбирать и покупать. Она же только читала и читала и училась. Она знала языки: французскій порядочно и нѣмецкій хорошо, и — понятно! Любимое ея чтеніе когда-то былъ Клопштокъ (кажется, въ первое время пребыванія Пушкина въ Михайловскомъ). Согласитесь, что, долго живучи въ семьѣ, гдѣ только думали покушать, отдохнуть, погулять и опять что-нибудь покушать (чистая обломовщина!), большое достоинство было женщинѣ двадцати-шести или двадцати-семи лѣтъ сидѣть въ классной комнатѣ, слушать, какъ учатся, и самой читать и учиться».

Наставница, приглашенная для воспитанія и обученія двухъ двоюродныхъ сестеръ, была дѣйствительно замѣчательная и оригинальная женщина: не смотря на французскую фамилію, это была воспитательница въ чисто англійскомъ стилѣ. «M-lle Bénoît», пишетъ Анна Петровна въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ (въ *Русскомъ Архивѣ*), — «была очень серьезная, сдержанная дѣвица 47 лѣтъ, съ очень пріятною, умною и доброю наружностію. Одѣта она была всегда въ бѣлое и такъ любила этотъ цвѣтъ, что въ восторгъ пришла отъ бѣлаго заячьяго мѣха и сдѣлала на немъ салопъ изъ дорогой шелковой матеріи. У нея зябли ноги, и она держала ихъ всегда на мѣшечкѣ съ горячими косточками изъ чернослива. Она сама одѣвалась и сама убирала комнату; когда же въ ней все было готово, то растворяла двери и приглашала насъ къ себѣ завтракать. Намъ подавали кофе, чай, яйца, хлѣбъ съ масломъ и медъ. За обѣдомъ она всегда пила рюмку бѣлаго вина послѣ супа и такую же послѣ обѣда и любила очень черный хлѣбъ. Послѣ завтрака мы гуляли по парку и саду, не смотря ни на какую погоду; потомъ сади-

лись за уроки. Всѣ предметы мы учили, разумѣется, по французски и русскому языку учились только шесть недѣль во время вакацій, на которыя пріѣзжалъ изъ Москвы студентъ Марчинскій. M-lle Bénoît такъ умѣла пріохотить насъ къ ученью разнообразіемъ занятій, терпѣливымъ и яснымъ толкованіемъ, безъ возвышенія даже голоса, кроткимъ и ровнымъ обращеніемъ и безукоризненною справедливостію, что мы занимались, нисколько не тяготясь, цѣлый день, за исключеніемъ времени прогулокъ и часовъ обѣда, завтрака и ужина. Мы любили наши уроки и занятія (въ родѣ вязанья и шитья) подлѣ m-lle Bénoît, потому что любили и уважали ее и благоговѣли предъ ея властью надъ нами, исключавшею всегда другую волю. Намъ никто не смѣлъ слова сказать! Она заботилась и о нашемъ туалетѣ, отростила намъ волосы, обвязала головы коричневыми бархатками, схожими съ моими глазами. Она принимала живѣйшее участіе во всемъ, касавшемся насъ и нашихъ семействъ, сочувствовала всѣмъ страдавшимъ и была такъ сердобольна, что сама промывала и перевязывала раны на ногахъ у моего больного дяди, не смотря на свою чопорность, брезгливость и прюдство. Въ сумеркахъ она заставляла насъ ложиться на полъ, чтобы выправлять спины, или приказывала ходить по комнатѣ и кланяться на ходу, скользя, или ложилась на кровать и учила насъ, стоявшихъ у кровати, пѣть французскіе романсы. Разсказывала про своихъ ученицъ въ Лондонѣ, про Вильгельма Телля и Швейцарію. У насъ была маленькая дѣтская библіотека съ m-me Genlis, Ducray-Duminil и другими тогдашними писателями, и мы въ свободные часы по праздникамъ и воскресеньямъ читали съ жадностью. Любимыми нашими сочиненіями были «Les veillées du château» и «Les veillées de la chaumière». Встрѣчая въ читанномъ скабрёзныя мѣста, мы оставались къ нимъ безучастны, такъ какъ эти мѣста были намъ непонятны. Мы воспринимали изъ книгъ только то, что̀ понятно сердцу, что̀ окрыляло воображеніе, что̀ согласно было съ нашею душевною чистотой, соотвѣтствовало нашей мечтательности и создавало въ нашей игривой фантазіи поэтическіе образы и представленія. Грязное отскакивало отъ нашихъ душъ; онѣ всасывали въ себя только свѣтлую, непорочную поэзію».

Изображая свою воспитательницу, Анна Петровна, по видимому, довольно удачно представила характеръ и направленіе ея педагогической дѣятельности и вѣрно намѣтила возможные результаты по-

слѣдней, но едвали сама разскащица могла ими воспользоваться, такъ какъ недолго находилась подъ руководствомъ m-lle Bénoît: лѣтомъ 1812 года Анна Петровна съ матерью оставили Берново и возвратились въ Малороссію, въ городъ Лубны, гдѣ проживалъ Петръ Марковичъ Полторацкій. Такимъ образомъ, по тринадцатому году настоящее воспитаніе для Анны Петровны прекратилось, и въ отношеніи духовнаго развитія она была вполнѣ предоставлена самой себѣ, а въ матеріальномъ смыслѣ пребывала подъ ферулой отца. «Въ Лубнахъ», разсказываетъ она, — «я прожила въ родительскомъ домѣ до замужества, учила брата и сестеръ, мечтала въ рощахъ и за книгами, танцовала на балахъ, выслушивала похвалы посторонннихъ и порицанія родныхъ; участвовала въ домашнихъ спектакляхъ... и вообще вела жизнь довольно пошлую, какъ и большинство провинціальныхъ барышенъ. Батюшка продолжалъ быть строгимъ со мною, и я дѣвушкой его также боялась, какъ и въ дѣтствѣ. Противорѣчить ему въ чемъ-либо или возстать противъ его рѣшенья мнѣ казалось положительно невозможнымъ, и я покорялась всему безмолвно... Я вѣчно была въ ужасѣ отъ него».

Переходъ къ такому патріархальному порядку вещей отъ разумной воспитательной системы m-lle Bénoît былъ слишкомъ разителенъ и не могъ не оставить самыхъ тяжелыхъ слѣдовъ на молодомъ существѣ. Быть можетъ, воспитаніе подъ руководствомъ иностранной гувернантки, педантически убѣжденной въ непререкаемомъ совершенствѣ своихъ педагогическихъ пріемовъ, удалило бы отчасти дѣвушку отъ дѣйствительной жизни, и въ особенности сдѣлало бы ее чуждою русскому быту, но это руководство развило бы въ ней и самостоятельность характера, и твердые нравственные принципы; когда же на смѣну всѣмъ этимъ воспитательнымъ мѣрамъ явилась одна безпрерывная отцовская гроза, то она, подавляя всякую свободу духа, могла возбудить въ Аннѣ Петровнѣ только одну мысль, одно желаніе — скорѣе уйти изъ родительскаго дома. Она горячо любила свою мать, но это была женщина крайне слабая, безъ всякой воли, давно забитая суровымъ нравомъ своего мужа, такъ что привязанность къ ней уже не могла служить въ сердцѣ дочери противовѣсомъ тому тяжелому чувству, какое внушалъ ей грубый отцовскій произволъ. Умная дѣвушка не замедлила однако противопоставить этому произволу извѣстную изворотливость. Между тѣмъ какъ Петръ Марковичъ жестоко нападалъ на свою жену за то, что на

какомъ-нибудь балу ихъ дочь два раза кряду танцовала съ однимъ и тѣмъ же кавалеромъ, эта самая дочь, еще подростокъ, едва достигшій шестнадцати лѣтъ, уже умѣла окружать себя мужчинами, которые восхищались ея красотой и осыпали ее комплиментами. Такимъ образомъ на глазахъ у того самого пѣстуна, который хотѣлъ удержать Анну Петровну въ предѣлахъ строжайшей нравственности, воспиталось ея кокетство. Да въ сущности оно и не могло быть иначе: едва дѣвушкѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, какъ сами родители стали думать о выдачѣ ея замужъ, то-есть, о томъ, что составляло предметъ и ея собственныхъ пламенныхъ желаній. Разногласіе могло тутъ обнаружиться только въ вопросѣ о томъ, какой бракъ будетъ для нея выгоднѣе и блистательнѣе. Такъ оно и случилось; но здѣсь мы должны опять предоставить слово самой разскащицѣ:

«Тогда стоялъ у насъ егерскій полкъ, и офицеры его и даже командиръ старикъ Экельнъ были моими поклонниками. Но родители мои не находили никого изъ нихъ достойнымъ меня. Но явился дивизіонный генералъ Керн[1]), начальникъ дивизіи, въ которой состоялъ тотъ полкъ, и родители нашли его достойнымъ меня, стали поощрять его поклоненія и стариковскія ухаживанія, столь невыносимыя, и сдѣлались со мною ласковы. Отъ любезничаній генеральскихъ меня тошнило, я съ трудомъ заставляла себя говорить съ нимъ и быть учтивою, а родители все пѣли похвалы ему. Имѣя его въ виду, они отказывали многимъ искавшимъ моей руки и ждали генеральскаго предложенія съ нетерпѣніемъ. Ожиданіе ихъ продолжалось недолго. Вскорѣ послѣ знакомства генералъ Керн прислалъ ко мнѣ одну изъ жившихъ у насъ родственницъ съ просьбой выслушать его. Зная желаніе родителей, я отвѣчала ему, что готова его выслушать, но прошу только недолго и немного разговаривать. Я знала, что судьба моя рѣшена родителями, и не видѣла возможности измѣнить ихъ рѣшеніе. Передательницу генеральскаго желанія я спросила: «А буду я его любить, когда сдѣлаюсь его женою?» Она сказала «да» и ввела генерала. «Не противенъ ли я вамъ?» спросилъ онъ меня и, получивъ отвѣтъ: «нѣтъ», пошелъ къ родителямъ и сдѣлался моимъ женихомъ. Его поселили въ нашемъ домѣ и заставляли меня быть почаще съ нимъ. Но я не могла преодо-

1) Ермолай Ѳедоровичъ, род. въ 1765 г., ум. въ 1841.

лѣть отвращенія къ нему и не умѣла скрыть этого. Онъ часто высказывалъ огорченіе по этому поводу и разъ написалъ на лежавшей предъ нимъ бумагѣ:

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ...

Я прочла и сказала: «Старая пѣсня!» «Я покажу, что она будетъ не старая», вскричалъ онъ и хотѣлъ еще что-то продолжать, но я убѣжала. Меня за это сильно распекли. Батюшка сторожилъ меня какъ евнухъ, ублажая въ пользу противнаго мнѣ генерала, и слѣдилъ за всѣми, кто могъ открыть мнѣ глаза на предстоявшее супружество. Онъ жестоко разругалъ мою компаньонку за то, что она говорила мнѣ часто: «несчастная», и онъ это слышалъ. Онъ употреблялъ возможныя старанія, чтобы бракъ мой не разстроился, и старался увѣнчать его успѣхомъ. Я вѣнчалась съ Керномъ 8-го генваря 1817 года въ соборѣ. Всѣ восхищались, многіе завидовали; а я тутъ кстати замѣчу, что бивакъ и поле битвы не такія мѣста, на которыхъ вырабатываются мирныя семейныя достоинства, и что боевая жизнь не развиваетъ тѣхъ чувствъ и мыслей, какія необходимы для семейнаго счастія. Я знаю это изъ опыта».

Дѣйствительно, А. П. Керн не нашла счастія въ супружествѣ. Страсть къ картамъ была едва ли не меньшимъ изъ золъ, которыя Е. Ѳ. Керн принесъ подъ семейный кровъ. Но надобно сказать правду: сама Анна Петровна едва ли много заботилась о счастіи своего супруга. Она любила выѣзды и балы, любила, чтобъ ее окружали поклонники, и разумѣется, ихъ всегда было много около хорошенькой и любезной женщины; а генералъ былъ на бѣду ревнивъ и во всякомъ шагѣ своей жены, которая скорѣе годилась ему въ дочери, находилъ предлогъ къ ссорѣ съ нею. Не будемъ разбирать эту супружескую тяжбу; но вѣрно то, что живой нравъ Анны Петровны и ея желаніе нравиться давали поводъ къ разговорамъ и сплетнямъ, которые въ свою очередь возбуждали подозрительность и ревность мужа; такъ напримѣръ, одинъ изъ сослуживцевъ генерала Керна, въ то время еще молодой человѣкъ, нѣкто Докудовскій [1]), нерѣдко посѣщавшій П. М. Полторацкаго въ его имѣніи

1) Василій Абрамовичъ Докудовскій всю жизнь провелъ въ военной службѣ, при чемъ много лѣтъ проживалъ въ царствѣ Польскомъ; умеръ въ 1874 г. въ чинѣ генералъ-маіора.

подъ Лубнами, гдѣ тогда жила и Анна Петровна, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что про него былъ пущенъ слухъ, будто онъ ухаживалъ за генеральшею Кернъ, состоялъ у нея на ординарцахъ и «при отъѣздѣ ея къ старикашкѣ-мужу провожалъ ее до города Пирятина и возвратился только на другой день» [1]).

Что Анна Петровна хорошо знала обаяніе своей красоты, и что она умѣла имъ пользоваться, это ясно видно изъ тѣхъ воспоминаній, которыя она написала уже на седьмомъ десяткѣ. Приведемъ въ доказательство одинъ изъ ея разсказовъ, повѣствующій о первой встрѣчѣ ея съ императоромъ Александромъ Павловичемъ въ 1817 году:

«Въ Полтавѣ готовился смотръ корпуса генерала Сакена, въ которомъ мужъ мой Кернъ служилъ дивизіоннымъ командиромъ. Немного прибитая на цвѣту, какъ говорятъ въ Малороссіи, необыкновенно робкая, выданная замужъ и слишкомъ рано, и слишкомъ неразборчиво, я привезена была въ Полтаву. Тутъ меня повезли на смотръ и на балъ, гдѣ я увидѣла императора. У меня была подруга еще моложе меня и вышедшая замужъ тоже за генерала старѣе гораздо ея, но образованнаго, пріятнаго и умнаго человѣка, который умѣлъ съ нею обращаться, и мы съ нею вмѣстѣ ѣздили на смотръ и вмѣстѣ стояли на этомъ балѣ противъ группы, гдѣ стоялъ императоръ, Сакенъ и его état-major. Я находила, что эта моя подруга гораздо лучше меня одѣта: на ней была куафюра съ перомъ, очень украшавшая ея молодое, почти дѣтское личико, и она мнѣ сказала, что мужъ выписалъ ей эту куафюру потому, что государь любилъ подобный головной уборъ безъ другихъ украшеній. Какъ мнѣ досаденъ сдѣлался мой голубой съ серебряными листьями цвѣтокъ!

«Сакенъ былъ со мною знакомъ проѣздомъ черезъ Лубны, гдѣ я жила у отца до замужества, останавливался у насъ въ домѣ и весьма благоволилъ ко мнѣ. Его позволеніе Керну на мнѣ жениться было какое-то нѣжное поздравленіе близкаго родственника болѣе, чѣмъ начальника. Онъ и указалъ государю на меня и сказалъ ему, кто я. Императоръ имѣлъ обыкновеніе пропустить нѣсколько паръ въ польскомъ прежде себя и потомъ, взявъ даму, идти за другими. Эта тонкая разборчивость, только ему одному сродная, и весь онъ,

1) *Труды Рязанской ученой архивной коммиссіи* 1897 г., т. XII, вып. I, стр. 28.

съ его обаятельною граціей и непзъяснимою добротой, невозможными ни для какого другого смертнаго, даже для другого царя, восхитили меня, ободрили, воодушевили, и робость моя изчезла совершенно. Не смѣя ни съ кѣмъ говорить доселѣ, я съ нимъ заговорила какъ съ давнишнимъ другомъ и обожаемымъ отцомъ. Онъ заговорилъ, и я была на седьмомъ небѣ и отъ ласковости этихъ рѣчей, и отъ снисходительности къ моимъ дѣтскимъ понятіямъ и взглядамъ! Онъ говорилъ о мужѣ моемъ между прочимъ: «C'est un brave soldat!» (Это тогда такъ занимало ихъ!) Потомъ сказалъ: «Venez à Pétersbourg chez moi». Я съ величайшею наивностью сказала, что это не возможно, что мой мужъ на службѣ. Онъ улыбнулся и сказалъ очень серьезно: «Il peut prendre un semestre». На это я такъ расхрабрилась, что сказала ему: «Venez plutôt à Loubny! C'est si beau Loubny!» Онъ опять засмѣялся и сказалъ: «Je viendrai absolument, je viendrai!»

«Я возвратилась домой такая счастливая и восторженная, разсказала мужу весь разговоръ съ царемъ и умоляла устроить мнѣ возможность еще разъ взглянуть на него, что̀ онъ и исполнилъ. Я поѣхала къ обѣднѣ въ маленькую полковую церковь, разбитую шатромъ на полѣ Полтавской битвы, у дубоваго лѣска, и имѣла счастіе его увидѣть, имъ любоваться и получить сперва серьезный поклонъ, потомъ, уходя, ласковый, улыбающійся.

«По городу ходили слухи — вѣроятно, несправедливые — что будто императоръ спрашивалъ, гдѣ наша квартира, и хотѣлъ сдѣлать визитъ.... Потомъ много толковали, что онъ сказалъ, что я похожа на Прусскую королеву. На основаніи этихъ слуховъ губернаторъ Тутолминъ, очень ограниченный человѣкъ, даже поздравилъ Керна, на что̀ тотъ съ удивительнымъ благоразуміемъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, съ чѣмъ тутъ поздравлять. Сходство съ королевой было въ самомъ дѣлѣ, потому что въ Петербургѣ одинъ офицеръ, бывшій камеръпажемъ во дворцѣ при пріѣздѣ королевы, это говорилъ моей теткѣ, когда меня увидѣлъ. Можетъ быть, это сходство повліяло на расположеніе императора къ такой неловкой и робкой тогда провинціалкѣ».

Можно извинить старухѣ, жизнь которой не была богата радостями, желаніе порисоваться, такъ ярко выступающее въ этихъ ея воспоминаніяхъ о своей молодости. Но этотъ же разсказъ свидѣтельствуетъ, что и въ свою цвѣтущую пору Анна Петровна не

только любила собирать дань похвалъ, но кажется, была твердо убѣждена въ своемъ правѣ на нихъ и въ обязанности всѣхъ и каждаго, отъ мала до велика, приносить ихъ къ ея ногамъ.

Такова была женщина, написавшая «Воспоминанія о Пушкинѣ» и рѣшившаяся откровенно разсказать въ нихъ о страсти, которую она внушила поэту, и за которую сама заплатила ему живымъ увлеченіемъ. Мы уже замѣтили выше, что эта часть памятныхъ записокъ Анны Петровны отличается наибольшею простотой и безыскусственностью, что̀ и придаетъ имъ особую цѣну. Сочинительница не обладала особеннымъ литературнымъ талантомъ; но она ведетъ свой разсказъ ясно и умно, не безъ извѣстной ловкости оттѣняя различныя подробности. Такъ, напримѣръ, очень удачно отмѣтила она различіе между первою своею встрѣчею съ Пушкинымъ въ 1819 году, когда она, будучи уже замужнею женщиной, увидѣла его почти юношей, не задолго предъ тѣмъ кончившимъ курсъ въ лицеѣ, и второю встрѣчей въ 1825 году, когда Пушкинъ предсталъ предъ нею въ сіяніи своей поэтической славы, какъ избранникъ и любимецъ своего поколѣнія, носитель его лучшихъ стремленій, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ страдалецъ за свои идеи. Не все, конечно, въ разсказахъ Анны Петровны о Пушкинѣ должно быть принимаемо какъ безусловно точное и вѣрное; но во всякомъ случаѣ ея воспоминанія должны занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду біографическихъ матеріаловъ о великомъ поэтѣ.

Воспоминанія о Пушкинѣ.

Вамъ захотѣлось, почтенная и добрая Е. П., узнать нѣкоторыя подробности моего знакомства съ Пушкинымъ. Спѣшу исполнить ваше желаніе. Начну съ начала и выдвину передъ вами еще, кромѣ Пушкина, нѣсколько лицъ, вамъ очень знакомыхъ и всѣмъ извѣстныхъ.

Я воспитывалась въ Тверской губерніи, въ домѣ родного дѣда моего по матери, вмѣстѣ съ двоюродною сестрою моею, извѣстною вамъ Анною Николаевною Вульфъ, до двѣнадцатилѣтняго возраста. Въ 1812 году меня увезли отъ дѣдушки въ Пол-

тавскую губернію, а шестнадцати лѣтъ выдали замужъ за генерала Керна.

Въ 1819 году я пріѣхала въ Петербургъ съ мужемъ и отцемъ, который между прочимъ представилъ меня въ домъ его родной сестры, Олениной [1]). Тутъ я встрѣтила двоюроднаго брата моего Полторацкаго [2]), съ сестрами котораго я была еще дружна въ дѣтствѣ. Онъ сдѣлался моимъ спутникомъ и чичероне въ кругу незнакомаго для меня большого свѣта. Мнѣ очень нравилось бывать въ домѣ Олениныхъ, потому что у нихъ не играли въ карты; хотя тамъ и не танцовали по причинѣ траура при дворѣ, но за то играли въ разныя занимательныя игры и преимущественно въ charades en action, въ которыхъ принимали иногда участіе и наши литературныя знаменитости — Иванъ Андреевичъ Крыловъ, Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ и другіе.

Въ первый визитъ мой къ тетушкѣ Олениной батюшка, казавшійся очень немногимъ старше меня, встрѣтясь въ дверяхъ гостиной съ Крыловымъ, сказалъ ему: «Рекомендую вамъ меньшую сестру мою». Иванъ Андреевичъ улыбнулся, какъ только онъ умѣлъ улыбаться, и протянувъ мнѣ обѣ руки, сказалъ: «Радъ, очень радъ познакомиться съ сестрицей». На одномъ изъ вечеровъ у Олениныхъ я встрѣтила Пушкина и не замѣтила его; мое вниманіе было поглощено шарадами, которыя тогда разыгрывались, и въ которыхъ участвовали Крыловъ, Плещеевъ [3]) и другіе. Не помню, за какой-то фантъ Крылова заставили прочитать одну изъ его басенъ. Онъ сѣлъ на стулъ по серединѣ залы; мы всѣ столпились вкругъ него, и я никогда не забуду, какъ онъ былъ хорошъ, читая своего «Осла»! И теперь еще мнѣ слышится его голосъ и видится его разумное лицо и комическое выраженіе, съ которымъ онъ произнесъ:

Оселъ былъ самыхъ честныхъ правилъ!

Въ чаду такого очарованія мудрено было видѣть кого бы то ни было, кромѣ виновника поэтическаго наслажденія, и вотъ почему

---

1) Елизаветы Марковны (род. въ 1768 г., ум. въ 1838), жены Алексѣя Николаевича Оленина (род. въ 1763 г., ум. въ 1843).

2) Александръ Александровичъ.

3) Александръ Алексѣевичъ (род. ок. 1775 г., ум. 1827 г.), родственникъ Карамзина, пріятель А. И. Тургенева и В. А. Жуковскаго, одинъ изъ членовъ Арзамаса.

я не замѣтила Пушкина. Но онъ вскорѣ далъ себя замѣтить. Во время дальнѣйшей игры на мою долю выпала роль Клеопатры, и когда я держала корзинку съ цвѣтами, Пушкинъ, вмѣстѣ съ братомъ Александромъ Полторацкимъ, подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ на корзинку и, указывая на брата, сказалъ: «Et c'est sans doute monsieur qui fera l'aspic?» Я нашла это дерзкимъ, ничего не отвѣтила и ушла. Послѣ этого мы сѣли ужинать. У Олениныхъ ужинали на маленькихъ столикахъ, безъ церемоній и, разумѣется, безъ чиновъ. Да и какіе могли быть чины тамъ, гдѣ просвѣщенный хозяинъ цѣнилъ и дорожилъ только науками и искусствами? За ужиномъ Пушкинъ усѣлся съ братомъ моимъ позади меня и старался обратить на себя мое вниманіе льстивыми возгласами, какъ напримѣръ: «Est-il permis d'être aussi jolie!» Потомъ завязался между ними шутливый разговоръ о томъ, кто грѣшникъ и кто нѣтъ, кто будетъ въ аду и кто попадетъ въ рай. Пушкинъ сказалъ брату: «Во всякомъ случаѣ, въ аду будетъ много хорошенькихъ, тамъ можно будетъ играть въ шарады. Спроси у madame Kern: хотѣла ли бы она попасть въ адъ?» Я отвѣчала очень серьезно и нѣсколько сухо, что въ адъ не желаю. «Ну, какъ же ты теперь, Пушкинъ?» спросилъ братъ. «Je me ravise», отвѣтилъ поэтъ, — «я въ адъ не хочу, хотя тамъ и будутъ хорошенькія женщины...» Вскорѣ ужинъ кончился и стали разъѣзжаться. Когда я уѣзжала, и братъ сѣлъ со мною въ экипажъ, Пушкинъ стоялъ на крыльцѣ и провожалъ меня глазами. Впечатлѣніе его встрѣчи со мною онъ выразилъ въ извѣстныхъ стихахъ.

Я помню чудное мгновенье, и проч.

Вотъ тѣ мѣста въ VIII-й главѣ «Онѣгина», которыя относятся къ его воспоминаніямъ о нашей встрѣчѣ у Олениныхъ:

...Но вотъ толпа заколебалась,
По залѣ шепотъ пробѣжалъ...
Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный генералъ.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ притязаній на успѣхъ,
Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,

Безъ подражательныхъ затѣй...
Все тихо, просто было въ ней.
Она казалась вѣрный снимокъ
Du comme il faut... Шишковъ, прости!
Не знаю какъ перевести!
Къ ней дамы подвигались ближе,
Старушки улыбались ей,
Мужчины клапялися ниже,
Ловили взоръ ея очей;
Дѣвицы проходили тише
Предъ ней по залѣ, и всѣхъ выше
И носъ, и плечи подымалъ
Вошедшій съ нею генералъ.....
Но обращаюсь къ нашей дамѣ.
Безпечной прелестью мила,
Она сидѣла у стола...
Сомнѣнья нѣтъ! Увы, Евгеній
Въ Татьяну, какъ дитя, влюбленъ.
Въ тоскѣ любовныхъ помышленій
И день, и ночь проводитъ онъ.
Ума не внемля строгимъ пенямъ,
Къ ея крыльцу, стекляннымъ сѣнямъ
Онъ подъѣзжаетъ каждый день;
За ней онъ гонится, какъ тѣнь.
Онъ счастливъ, если ей накинетъ
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ея руки, или раздвинетъ
Предъ нею пестрый полкъ ливрей,
Или платокъ подниметъ ей [1]).

Проживъ нѣсколько времени въ Дерптѣ, въ Ригѣ, въ Псковѣ, я возвратилась въ Полтавскую губернію къ моимъ родителямъ. Въ

1) Разскащица здѣсь ошибается, и довольно простодушно: по преданію, въ приведенныхъ строфахъ изъ VIII-й главы «Онѣгина» изображена вовсе не она, а графиня Наталія Викторовна Строганова, рожденная Кочубей, которую Пушкинъ видалъ еще очень молодою дѣвицей, когда самъ былъ въ лицеѣ, а послѣ встрѣчалъ свѣтскою дамой (см. Сочиненія Пушкина, т. III, стр. 387).

теченіе шести лѣтъ я не видѣла Пушкина, но отъ многихъ слышала про него, какъ про славнаго поэта, и съ жадностію читала «Кавказскаго плѣнника», «Бахчисарайскій фонтанъ», «Разбойниковъ» и I-ю главу «Онѣгина», которые доставлялъ мнѣ сосѣдъ нашъ Аркадій Гавриловичъ Родзянко, милый поэтъ, умный, любезный и весьма симпатичный человѣкъ [1]). Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ и имѣлъ счастіе принимать его у себя въ деревнѣ, Полтавской губерніи Хорольскаго уѣзда. Пушкинъ, возвращаясь съ Кавказа, прискакалъ къ нему съ ближайшей станціи верхомъ, безъ сѣдла, на почтовой лошади, въ хомутѣ...

Во время пребыванія моего въ Полтавской губерніи я постоянно переписывалась съ двоюродною сестрою моею, Анною Николаевною Вульфъ, жившею у матери своей въ Тригорскомъ, Псковской губерніи Опочецкаго уѣзда, близъ деревни Пушкина Михайловскаго. Пушкинъ часто бывалъ у нихъ въ домѣ, она говорила съ нимъ обо мнѣ и потомъ сообщала мнѣ въ своихъ письмахъ различныя его фразы: такъ, въ одномъ изъ нихъ она писала: «Vous avez produit une vive impression sur Pouchkine à votre rencontre chez Olénine; il dit partout: «Elle était trop brillante». Въ одномъ изъ ея писемъ Пушкинъ приписалъ сбоку изъ Байрона: «Une image qui a passé devant nous, que nous avons vue et que nous ne reverrons jamais!» [2]) Когда же онъ узналъ, что я видаюсь съ Родзянкомъ, то переслалъ черезъ меня къ нему письмо, въ которомъ были разспросы обо мнѣ и стихи:

Намѣстникъ Феба, иль Пріапа!
Твоя соломенная шляпа
Покойнѣй, чѣмъ иной вѣнецъ,
Твой Римъ — деревня, ты — мой папа,
Благослови жь меня, пѣвецъ!...

---

1) Арк. Г. Родзянко (род. въ 1793 г., ум. около 1850) служилъ въ молодости въ военной службѣ и жилъ въ Петербургѣ, гдѣ имѣлъ случай, въ 1818-1820 годахъ, познакомиться съ Пушкинымъ; въ 1821 году онъ оставилъ службу и поселился въ своемъ полтавскомъ имѣніи, гдѣ сблизился съ А. П. Керн. Родзянко занимался литературой и писалъ стихи, которые печатались въ журналахъ и альманахахъ; но между его произведеніями были и такія, которые оказывались неудобными для печати по своему пріапическому содержанію.

2) А. П. Керн, по видимому, хочетъ указать на слова Байрона, находящіяся въ началѣ посвященія къ «Чайльдъ-Гарольду», но приводитъ ихъ, конечно, на память и — неточно.

Далѣе, въ томъ же письмѣ онъ говоритъ: «Ты написалъ «Хохлачку», Баратынскій — «Чухонку», я — «Цыганку»; что̀ скажетъ Аполлонъ?» и проч. Дальше не помню, а невѣрно цитировать не хочу [1]). Послѣ этого мнѣ съ Роздянкомъ вздумалось полюбезничать съ Пушкинымъ, и мы вмѣстѣ написали ему шуточное посланіе въ стихахъ. Родзянко въ немъ упоминалъ о моемъ отъѣздѣ изъ Малороссіи и о несправедливости намековъ Пушкина на любовь ко мнѣ. Посланіе наше было очень длинно, но я помню только послѣдній стихъ:

Прощайте, будьте въ дуракахъ!

Отвѣтомъ на это посланіе были слѣдующіе стихи, отданные мнѣ Пушкинымъ, когда я черезъ мѣсяцъ послѣ этого встрѣтилась съ нимъ въ Тригорскомъ. Вотъ они:

Ты обѣщалъ о романтизмѣ,
О семъ парнасскомъ аѳеизмѣ,

---

1) Эта переписка А. П. Вульфъ съ А. П. Керн и Пушкина съ Родзянкомъ дѣйствительно подготовила ближайшее знакомство между Анной Петровною и поэтомъ; но кажется, что сочинительница «Воспоминаній» передаетъ здѣсь факты не вполнѣ согласно съ истиной, по крайней мѣрѣ скрываетъ сдѣланные ею первые шаги къ сближенію. «Объясни мнѣ, милый: что̀ такое А. П. Керн, которая написала много нѣжностей обо мнѣ своей кузинѣ», спрашивалъ Пушкина Родзянка въ письмѣ отъ 8-го декабря 1824 года (*Русское Обозрѣніе* 1897 г., № 2, стр. 524). Родзянко отвѣчалъ пріятелю только въ маѣ 1825 года: каялся въ своей неизмѣнной лѣни и признавался въ привязанности къ m-me Керн. «Итакъ», писалъ онъ, — «одна трудность перемѣны и искренность моей привязанности составляютъ мою добродѣтель. *Слѣдовательно*, говоритъ Анна Петровна, — *немного стоитъ добродѣтель ваша.* А она соблюдаетъ молчаніе, знакъ согласія, и справедливо». Письмо это было писано въ присутствіи самой Анны Петровны. «Je vous proteste qu'il n'est pas dans mes fers», приписываетъ она въ письмѣ Родзянка. «А чья вина?» продолжаетъ затѣмъ онъ самъ.—«Вотъ теперь вздумала мириться съ Ермолаемъ Ѳедоровичемъ: снова пришло остывшее давно желаніе имѣть законныхъ дѣтей, и я пропалъ. Тогда можно было извиниться молодостью и неопытностью, а теперь чѣмъ? Ради Бога, будь посредникомъ». «Ей Богу, я этихъ строкъ не читала!» приписываетъ опять Анна Петровна, и Родзянко снова берется за перо: «Но заставила ихъ прочесть себѣ десять разъ. Тѣмъ-то Анна Петровна и очаровательнѣе, что со всѣмъ умомъ и чувствительностію образованной женщины она изобилуетъ такими дѣтскими хитростями» (А. С. Пушкинъ. Новонайденные матеріалы, изданные *П. Бартеневымъ*. Кн. II. М. 1885, стр. 125 и 126). Уже изъ этой переписки Пушкинъ могъ составить себѣ понятіе объ А. П. Керн прежде, чѣмъ встрѣтился съ нею въ Тригорскомъ.

Потолковать еще со мной;
Полтавскихъ музъ повѣдать тайны, —
А пишешь лишь объ ней одной.
Нѣтъ, это ясно, милый мой,
Нѣтъ, ты влюбленъ, Пиронъ Украйны!
Ты правъ, что̀ можетъ быть важнѣй
На свѣтѣ женщины прекрасной?
Улыбка, взоръ ея очей
Дороже злата и честей,
Дороже славы разногласной;
Поговоримъ опять объ *ней*.
Хвалю, мой другъ, ея охоту,
Поотдохнувъ, рожать дѣтей,
Подобныхъ матери своей,
И счастливъ, кто раздѣлитъ съ ней
Сію пріятную заботу:
Не наведетъ она зѣвоту.
Дай Богъ, чтобъ только Гименей
Межъ тѣмъ продлилъ свою дремоту!
Но не согласенъ я съ тобой,
Не одобряю я развода:
Вопервыхъ, вѣры долгъ святой,
Законъ и самая природа...
А вовторыхъ, замѣчу я,
Благопристойные мужья
Для умныхъ женъ необходимы:
При нихъ домашніе друзья
Иль чуть замѣтны, иль незримы.
Повѣрьте, милые мои,
Одно другому помогаетъ,
И солнце брака затмеваетъ
Звѣзду стыдливую любви.

А. Пушкинъ.

Михайловское.

Восхищенная Пушкинымъ, я страстно хотѣла увидѣть его, и это желаніе исполнилось во время пребыванія моего въ домѣ тетки моей въ Тригорскомъ, въ 1825 году въ іюнѣ мѣсяцѣ. Вотъ какъ это было. Мы сидѣли за обѣдомъ и смѣялись надъ привычкой

одного господина Рокотова [1]), повторявшаго безпрестанно: «Pardonnez ma franchise; je tiens beaucoup à votre opinion». Вдругъ вошелъ Пушкинъ съ большою, толстою палкой въ рукахъ. Онъ послѣ часто къ намъ являлся во время обѣда, но не садился за столъ; онъ обѣдалъ у себя, гораздо раньше, и ѣлъ очень мало. Приходилъ онъ всегда съ большими дворовыми собаками, chien-loup. Тетушка, подлѣ которой я сидѣла, мнѣ его представила; онъ очень низко поклонился, но не сказалъ ни слова: робость видна была въ его движеніяхъ. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы нескоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было съ нимъ вдругъ сблизиться; онъ былъ очень неровенъ въ обращеніи: то шумно веселъ, то грустенъ, то робокъ, то дерзокъ, то нескончаемо любезенъ, то томительно скученъ, и нельзя было угадать, въ какомъ онъ будетъ расположеніи духа черезъ минуту. Разъ онъ былъ такъ нелюбезенъ, что самъ въ этомъ сознался сестрѣ, говоря: «Ai-je été assez vulgaire aujourd'hui?» Вообще же надо сказать, что онъ не умѣлъ скрывать своихъ чувствъ, выражалъ ихъ всегда искренно и былъ неописанно хорошъ, когда что-нибудь пріятное волновало его. Такъ, одинъ разъ, мы восхищались его тихою радостью, когда онъ получилъ отъ какого-то помѣщика при любезномъ письмѣ, охотничій рогъ на бронзовой цѣпочкѣ, который ему нравился. Читая это письмо и любуясь рогомъ, онъ сіялъ удовольствіемъ и повторялъ: «Charmant, charmant!» Когда же онъ рѣшался быть любезнымъ, то ничто не могло сравниться съ блескомъ, остротой и увлекательностью его рѣчи. Въ одномъ изъ такихъ настроеній онъ, собравши насъ въ кружокъ, разсказалъ сказку про чорта, который ѣздилъ на извощикѣ на Васильевскій островъ. Эту сказку съ его же словъ написалъ нѣкто Титовъ и помѣстилъ, кажется, въ *Подснѣжникѣ* [2]). Пушкинъ былъ невыразимо милъ, когда задавалъ себѣ тему угощать и занимать общество. Однажды съ этою цѣлью явился онъ въ Тригорское со своею большою черною книгою, на поляхъ которой были начерчены ножки и головки, и сказалъ, что онъ принесъ ее для меня. Вскорѣ мы усѣлись вокругъ него, и онъ прочиталъ

1) Сосѣдъ Пушкиныхъ и Осиповой по имѣнью, Иванъ Матвѣевичъ.

2) Въ 1829 и 1830 годахъ дѣйствительно появлялся альманахъ *Подснѣжникъ*, издаваемый Е. Аладьинымъ, но въ немъ не было помѣщено никакой сказки про чорта, и никакой Титовъ въ немъ не участвовалъ.

намъ своихъ «Цыганъ» [1]). Впервые мы слышали эту чудную поэму, я никогда не забуду того восторга, который охватилъ мою душ Я была въ упоеніи какъ отъ текучихъ стиховъ этой чудной поэм такъ и отъ его чтенія, въ которомъ было столько музыкальност что я истаевала отъ наслажденія; онъ имѣлъ голосъ пѣвучій, мел дическій, какъ онъ говоритъ про Овидія въ своихъ «Цыганахъ»:

И голосъ шуму водъ подобный.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого чтенія тетушка предложил намъ всѣмъ послѣ ужина прогулку въ Михайловское. Пушкин очень обрадовался этому, и мы поѣхали. Погода была чудесна лунная іюльская ночь дышала прохладой и ароматомъ полей. М ѣхали въ двухъ экипажахъ: тетушка съ сыномъ въ одномъ, сестр Пушкинъ и я — въ другомъ. Ни прежде, ни послѣ я не видала е такъ добродушно веселымъ и любезнымъ. Онъ шутилъ безъ острот и сарказмовъ, хвалилъ луну, не называлъ ея глупою, а говорилъ «J'aime la lune quand elle éclaire un beau visage». Хвалилъ приро и говорилъ, что онъ торжествуетъ, воображая въ ту минуту, буд Александръ Полторацкій остался на крыльцѣ у Олениныхъ, а он уѣхалъ со мною; это былъ намекъ на то, какъ онъ завидовалъ, пр нашей первой встрѣчѣ, Александру Полторацкому, когда тотъ уѣхал со мною. Пріѣхавши въ Михайловское, мы не вошли въ домъ, пошли прямо въ старый, запущенный садъ,

пріютъ задумчивыхъ дріадъ,

съ длинными аллеями старыхъ деревъ, корни которыхъ, сплетясь вились по дорожкамъ, что̀ заставляло меня спотыкаться, а моег спутника вздрагивать. Тетушка, пріѣхавши туда вслѣдъ за нами сказала: «Mon cher Pouchkine, faites les honneurs de votre jardin madame». Онъ быстро подалъ мнѣ руку и побѣжалъ скоро, скоро какъ ученикъ, неожиданно получившій позволеніе прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню; онъ вспоминалъ нашу пер вую встрѣчу у Олениныхъ, выражался о ней увлекательно, восто женно и въ концѣ разговора сказалъ: «Vous aviez un air si virginal n'est ce pas que vous aviez sur vous quelque chose comme une croix?»

На другой день я должна была уѣхать въ Ригу вмѣстѣ с

1) Черновая запись «Цыганъ» дѣйствительно находится въ тетради, переплетенной въ черную кожу и нынѣ хранящейся въ числѣ рукописей Московскаго Публичнаго музея подъ № 2368.

сестрою, Анною Николаевною Вульфъ. Онъ пришелъ утромъ и на прощанье принесъ мнѣ экземпляръ II-й главы «Онѣгина», въ не разрѣзанныхъ листкахъ, между которыхъ я нашла въ четверо сложенный почтовый листъ бумаги со стихами:

Я помню чудное мгновенье и проч.

Когда я сбиралась спрятать въ шкатулку поэтическій подарокъ, онъ долго на меня смотрѣлъ, потомъ судорожно выхватилъ и не хотѣлъ возвращать; на силу выпросила я ихъ опять; что̀ у него промелькнуло тогда въ головѣ, не знаю. Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который ихъ помѣстилъ въ своихъ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*. Мих. Ив. Глинка сдѣлалъ на нихъ прекрасную музыку и оставилъ ихъ у себя.

Во время пребыванія моего въ Тригорскомъ, я пѣла Пушкину стихи Козлова:

Ночь весенняя дышала
Свѣтлоюжною красой,
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной, и проч.

Мы пѣли этотъ романсъ Козлова, на голосъ «Benedetta sia la madre», баркароллы венеціанской. Пушкинъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ эту музыку и писалъ въ это время Плетневу: «Скажи старцу Козлову, что здѣсь есть одна прелесть, которая поетъ его «Ночь». Какъ жаль, что онъ ея не увидитъ! Дай Богъ ему ее слышать!» [1])

Итакъ, я переѣхала въ Ригу. Тутъ гостили у меня сестра, пріѣхавшая со мною, и тетушка со всѣмъ семействомъ. Пушкинъ писалъ изъ Михайловскаго къ нимъ обѣимъ; въ одномъ изъ своихъ

1) Упоминаемое стихотвореніе И. И. Козлова называется: «Венеціанская ночь. Фантазія» и посвящено П. А. Плетневу. Далѣе, въ отрывкѣ изъ письма Пушкина, приводится еще стихъ изъ этой піесы. Въ письмѣ отъ 3-го августа 1825 года къ Плетневу Пушкинъ дѣйствительно писалъ: «Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелесть, которая небесно поетъ его «Венеціанскую ночь» на голосъ гондольерскаго речитатива; я обѣщалъ о томъ извѣстить милаго вдохновеннаго слѣпца. Жаль, что онъ не увидитъ ея, но пусть вообразитъ себѣ красоту и задушевность; по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее слышать. Questo è scritto in presenza della donna, come ognun può veder» (Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 144).

писемъ тетушкѣ онъ очертилъ мой портретъ такъ: «Voulez vous savoir ce que c'est que madame Kern? Elle est souple, elle comprend tout; elle s'afflige facilement et se console de même; elle est timide dans les manières et hardie dans les actions; mais elle est bien attrayante» [1]). Его письмо къ сестрѣ очень забавно и остро; выписываю здѣсь то, что относилось ко мнѣ: «Tout Trigorsky chante:

Не мила ей прелесть ночи,

et cela me serre le coeur; hier m-r Alexis et moi, nous avons parlé 4 heures de suite. Jamais nous n'avons eu une aussi longue conversation. Devinez ce qui nous a uni tout-à-coup. Ennui? Conformité de sentiment? Je n'en sais rien; je me promène toutes les nuits dans mon jardin, je dis: «Elle était là». La pierre qu'elle a heurtée est sur ma table [2]), auprès d'une héliotrope fanée [3]). J'écris beaucoup de vers; tout cela, si vous voulez, ressemble beaucoup à de l'amour, mais je vous jure qu'il n'en est rien. Si j'étais amoureux, j'aurais eu dimanche des convulsions de rage et de jalousie, et je n'ai été que piqué... [4]) Cependant l'idée que je ne suis rien pour elle, qu' après avoir éveillé, occupé son imagination, je n'ai qu'amusé sa curiosité, que mon souvenir ne la rendra pas un moment plus distraite au milieu de ses triomphes, ni plus sombre dans ses jours de tristesse, que ses beaux yeux s'attacheront sur quelque fat de Riga avec la même expression déchirante et voluptueuse — non, cette idée m'est insupportable; dites-lui que j'en mourrai; — non, ne le lui dites pas, elle s'en moquerait, cette délicieuse créature! Mais dites lui, que si son coeur n'a pas pour moi une tendresse secrète, un penchant mélancolique et mystérieux, je la méprise, entendez-vous? Oui, je la méprise,

---

1) Письма Пушкина къ П. А. Осиповой, гдѣ находились бы эти строки, не извѣстно; но въ одномъ изъ напечатанныхъ его писемъ есть намекъ на это утраченное. Приводимые ниже отрывки изъ писемъ Пушкина мы имѣли возможность свѣрить съ подлинниками.

2) Никакого не было камня въ саду, а споткнулась я о переплетенные корни деревъ.

А. К.

3) Вѣточку геліотропа онъ точно выпросилъ у меня.

А. К.

4) Ему досадно было, что братъ поѣхалъ провожать сестру свою и меня и сѣлъ вмѣстѣ съ нами въ карету.

А. К.

malgré tout l'étonnement que doit lui causer un sentiment aussi nouveau' (21-го іюля).

Вскорѣ ему захотѣлось завязать со мною переписку, и онъ написалъ мнѣ слѣдующее письмо: «J'ai eu la faiblesse de vous demander la permission de vous écrire et vous—l'étourderie ou la coquetterie de me le permettre. Une correspondance ne mène à rien, je le sais; mais je n'ai pas la force de résister au désir d'avoir un mot de votre jolie main. Votre visite à Trigorsky m'a laissé une impression plus forte et plus pénible, que celle, qu'avait produite jadis notre rencontre chez Оленинъ. Ce que j'ai de mieux à faire au fond de mon triste village, est de tâcher de ne plus penser à vous. Vous devriez me le souhaiter aussi pour peu que vous ayez de la pitié dans l'âme, mais la frivolité est toujours cruelle, et vous autres, tout en tournant des têtes à tort et à travers, vous êtes enchantées de savoir une âme souffrante en votre honneur et gloire. Adieu, divine, j'enrage et je suis à vos pieds. Mes tendresses à Ермолай Ѳедоровичъ et mes compliments à m. Woulf. 25 juillet.

Je reprends la plume car je meurs d'ennui et ne puis m'occuper que de vous — j'espère que vous lirez cette lettre en cachette — la cacherez-vous encore dans votre sein? Me répondrez vous bien longuement? Écrivez moi tout ce qui vous passera par la tête, je vous en conjure. Si vous craignez ma fatuité, si vous ne voulez pas vous compromettre, contrefaites votre écriture, signez un nom de fantaisie, mon coeur saura vous reconnaître. Si vos expressions seront aussi douces que vos regards, hélas! je tâcherai d'y croire, ou de me tromper, c'est égal. Savez vous bien qu'en relisant ces lignes, je suis honteux de leur ton sentimental? Que dira Анна Николаевна? Ахъ вы чудотворка или чудотворица!»

Получа это письмо, я тотчасъ ему отвѣчала и съ нетерпѣніемъ ждала отъ него второго письма; но онъ это второе письмо вложилъ въ пакетъ тетушкинъ, а она не только не отдала мнѣ его, но даже не показала. Тѣ, которые его читали, говорили, что оно было прелесть какъ мило. Въ другомъ письмѣ его было: «Ecrivez moi en long, en large et en diagonale». Мнѣ бы хотѣлось сдѣлать много выписокъ изъ его писемъ; онѣ всѣ были очень милы, но ограничусь еще однимъ: «N'est-ce pas que je suis beaucoup plus aimable par poste qu'en face? Hé bien, si vous venez, je vous promets d'être extrêmement aimableije serai gai lundi, exalté mardi, tendre mercredi, leste jeudi,

vendredi, samedi et dimanche; je serai tout ce qu'il vous plaira et toute la semaine à vos pieds. Adieu. 28 août» [1]).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я переѣхала въ Петербургъ и, уѣзжая изъ Риги, послала ему послѣднее изданіе Байрона, о которомъ онъ такъ давно хлопоталъ, и получила еще одно письмо, чуть ли не самое любезное изъ всѣхъ прочихъ,—такъ онъ былъ признателенъ за Байрона! Не воздержусь, чтобы не выписать вамъ его здѣсь: «Je ne m'attendais guère, enchanteresse, à votre souvenir; c'est du fond de mon âme que je vous en remercie. Byron vient d'acquérir pour moi un nouveau charme: toutes ses héroïnes vont revêtir dans mon imagination des traits qu' on ne peut oublier. C'est

---

1) Занявшись выписками изъ писемъ Пушкина, Анна Петровна сдѣлала пропускъ въ своемъ разсказѣ и потомъ, послѣ появленія «Воспоминаній» въ печати, вздумала пополнить его въ письмѣ къ П. В. Анненкову отъ 6-го іюня 1859 года. Такъ какъ это дополненіе хронологически относится къ осени 1825 года, то мы помѣщаемъ его здѣсь:

«Я вамъ забыла разсказать и въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ» забыла упомянуть о своемъ вторичномъ посѣщеніи тетушки въ Тригорскомъ, уже съ мужемъ (съ Керномъ). Вы видѣли изъ писемъ Пушкина, что она сердилась на меня за выраженіе въ письмѣ къ Алексѣю Вульфу: «Je méprise ta mère». Еще бы! И было за что! Кернъ предложилъ мнѣ поѣхать; я не желала, потому что Пушкинъ изъ угожденія къ тетушкѣ пересталъ мнѣ писать, а она сердилась. Я сказала мужу, что мнѣ не ловко ѣхать къ тетушкѣ, когда она сердится; онъ, ни въ чемъ не сомнѣвающійся, какъ и слѣдуетъ храброму генералу, объявилъ, что беретъ на себя насъ помирить. Я согласилась. Онъ устроилъ романическую сцену въ саду (надъ которой мы послѣ съ Анной Николаевною очень смѣялись). Онъ пошелъ впередъ, оставивъ меня въ экипажѣ; я черезъ лѣсъ и садъ пошла послѣ—и упала въ объятія этой милой, смѣшной, всегда оригинальной маленькой женщины, вышедшей ко мнѣ на встрѣчу въ толпѣ всего семейства. Когда она меня облобызала, тогда всѣ бросились ко мнѣ, Анна Николаевна первая. Пушкина тутъ не было, но я его нѣсколько разъ видѣла; онъ очень не поладилъ съ мужемъ, а со мною опять былъ по прежнему и даже больше нѣженъ, боясь всѣхъ глазъ, на него и на меня обращенныхъ».

Въ объясненіе этихъ словъ А. П. Кернъ приводимъ слѣдующія строки изъ письма къ ней Пушкина отъ 22-го сентября 1825 года: «Vous me jurez vos grands dieux que vous ne faites la coquette avec personne, et vous tutoyez votre cousin, vous lui dites: «je méprise ta mère». C'est affreux; il fallait dire: «votre mère» et même il ne fallait dire rien du tout, car la phrase a diablement eu de l'effet». А въ октябрѣ 1825 года Пушкинъ писалъ А. Н. Вульфу въ Дерптъ слѣдующее о второмъ пріѣздѣ А. П. Керна въ Тригорское: «Вы, конечно, уже знаете все, что касается проѣзда Анны Петровны. Мужъ ея—очень милый человѣкъ; мы познакомились и подружились».

vous que je verrai dans Gulnare et dans Leila — l'idéal de Byron lui-même ne pouvait être plus divin. C'est donc vous, c'est toujours vous que le sort envoie pour enchanter ma solitude! Vous êtes l'ange de consolation, mais je ne suis qu'un ingrat, puisque je murmure encore. Vous allez à Pétersbourg, mon exil me pèse plus que jamais. Peut-être que le changement qui vient d'arriver me rapprochera de vous, je n'ose l'espérer. Ne croyons pas à l'espérance, ce n'est qu' une jolie femme, elle nous traîte en vieux maris. Que fait le vôtre, mon doux génie? Savez vous que c'est sous ses traits que j'imagine les ennemis de Byron, y compris sa femme. 8 decembre.

«Je reprends la plume pour vous dire que je suis à vos genoux, que je vous aime toujours, que je vous déteste quelquefois, qu'avant hier j'ai dit de vous des horreurs, que je vous baise vos belles mains, que je les rebaise encore en attendant mieux, que je n'en peux plus, que vous êtes divine etc.»

Съ Пушкинымъ я опять увидѣлась въ Петербургѣ въ домѣ его родителей, гдѣ я бывала почти всякій день, и куда онъ пріѣхалъ изъ своей ссылки въ 1827 году, проживъ въ Москвѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ былъ тогда веселъ, но чего-то ему недоставало. Онъ какъ будто не былъ такъ доволенъ собою и другими, какъ въ Тригорскомъ и Михайловскомъ. Я полагаю, что императоръ Александръ I, заставляя его жить долго въ Михайловскомъ, много содѣйствовалъ развитію его генія. Тамъ, въ тиши уединенія, созрѣла его поэзія, сосредоточились мысли, душа окрѣпла и осмыслилась. Друзья не покидали его въ ссылкѣ. Нѣкоторые посѣщали его, а именно: Дельвигъ, Баратынскій и Языковъ [1]), а другіе переписывались съ нимъ, и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ богатымъ запасомъ выработанныхъ мыслей. Тотчасъ по пріѣздѣ онъ усердно началъ писать, и мы его рѣдко видѣли. Онъ жилъ въ трактирѣ Демута, его родители — на Фонтанкѣ у Семеновскаго моста, я съ отцемъ и сестрою — близъ Обухова моста, и онъ иногда заходилъ къ намъ, отправляясь къ своимъ родителямъ. Мать его Надежда Осиповна, горячо любившая дѣтей своихъ, гордилась имъ и была очень рада и счастлива, когда онъ посѣщалъ ихъ и оставался обѣдать. Она заманивала его къ обѣду печенымъ картофелемъ, до котораго Пушкинъ былъ большой охотникъ. Въ годъ возвращенія

1) Анна Петровна ошибается: Боратынскій не пріѣзжалъ въ Михайловское.

его изъ Михайловскаго именины свои праздновалъ онъ въ домѣ родителей, въ семейномъ кружку и былъ очень милъ. Я въ этотъ день обѣдала у нихъ и имѣла удовольствіе слушать его любезности. Послѣ обѣда Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ, подойдя ко мнѣ съ Пушкинымъ, сказалъ: «Неужели вы ему сегодня ничего не подарили, а онъ такъ много вамъ писалъ прекрасныхъ стиховъ?» «И въ самомъ дѣлѣ», отвѣчала я, — «мнѣ бы надо подарить васъ чѣмъ-нибудь: вотъ вамъ кольцо моей матери, носите его на память обо мнѣ». Онъ взялъ кольцо, надѣлъ на свою маленькую прекрасную ручку и сказалъ, что дастъ мнѣ другое. Въ этотъ вечеръ мы говорили о Львѣ Сергѣевичѣ, который въ то время служилъ на Кавказѣ, и я, припомнивъ стихи, написанные имъ ко мнѣ, прочитала ихъ Пушкину. Вотъ они:

Какъ можно не сойти съ ума,
Внимая вамъ, на васъ любуясь!
Венера древняя мила,
Чудеснымъ поясомъ красуясь;
Алкмена, Геркулеса мать,
Съ ней въ рядъ, конечно, можетъ стать;
Но чтобъ молили и любили
Ихъ такъ усердно, какъ и васъ,
Васъ спрятать нужно имъ отъ насъ:
У нихъ вы лавку перебили!

Л. Пушкинъ.

Пушкинъ остался доволенъ стихами брата и сказалъ очень наивно: «И онъ *тоже* очень уменъ. Il a aussi beaucoup d'esprit!»

На другой день Пушкинъ привезъ мнѣ обѣщанное кольцо съ тремя брилліантами и хотѣлъ было провести у меня нѣсколько часовъ; но мнѣ нужно было ѣхать съ графинею Ивеличъ [1]), и я предложила ему прокатиться къ ней въ лодкѣ. Онъ согласился, и я опять увидѣла его почти такимъ же любезнымъ, какимъ онъ бывалъ въ Тригорскомъ. Онъ шутилъ съ лодочникомъ, уговаривая его быть осторожнымъ и не утопить насъ. Потомъ мы заговорили о Веневитиновѣ, и онъ сказалъ: «Pourquoi l'avez vous laissé mourir? Il était aussi amoureux de vous, n'est ce pas?» На это я отвѣчала ему, что

1) Графиня Екатерина Марковна, которую Пушкинъ называлъ «милою кузиной» (Сочиненія, т. VII, стр. 92).

Веневитиновъ оказывалъ мнѣ только нѣжное участіе и дружбу, и что сердце его давно уже принадлежало другой. Тутъ кстати я разсказала ему о нашихъ бесѣдахъ съ Веневитиновымъ, полныхъ той высокой чистоты и нравственности, которыми онъ отличался, о желаніи его нарисовать мой портретъ и о моей скорби, когда я получила отъ Хомякова его посмертное изображеніе. Пушкинъ слушалъ мой разсказъ внимательно, выражая только по временамъ досаду, что такъ рано умеръ чудный поэтъ... Вскорѣ мы пристали къ берегу, и наша бесѣда кончилась.

Коснувшись свѣтлыхъ воспоминаній о Веневитиновѣ, я не могу воздержаться, чтобы не выписать стиховъ Дельвига, написанныхъ на смерть его въ моемъ черномъ альбомѣ, рядомъ съ портретомъ Веневитинова: они напоминаютъ прекрасную душу такъ рано оставившаго насъ поэта.

На смерть Веневитинова.

Дѣва.

Юноша милый, на мигъ ты въ наши игры вмѣшался!
Розѣ подобный красой, какъ филомела ты пѣлъ,
Сколько любовь потеряла въ тебѣ поцѣлуевъ и пѣсенъ,
Сколько желаній и ласкъ новыхъ, прекрасныхъ, какъ ты!

Роза.

Дѣва, не плачь! Я на прахѣ его въ красотѣ разцвѣтаю,
Сладость онъ жизни вкусивъ, горечь оставилъ другимъ.
Ахъ, и любовь бы измѣною душу пѣвца отравила!
Счастливъ, кто прожилъ, какъ онъ, вѣкъ соловьиный и мой.

Зимой 1828 года Пушкинъ писалъ «Полтаву» и, полный ея поэтическихъ образовъ и гармоническихъ стиховъ, часто входилъ ко мнѣ въ комнату, повторяя послѣдній, написанный имъ стихъ; такъ онъ разъ вошелъ, громко произнося:

Ударилъ бой, Полтавскій бой!

Онъ это дѣлалъ всегда, когда его занималъ какой-нибудь стихъ, удавшійся ему, или почему-нибудь запавшій ему въ душу. Онъ, напримѣръ, въ Тригорскомъ безпрестанно повторялъ:

Обманетъ, не придетъ она!

Посѣщая меня, онъ разсказывалъ иногда о своихъ бесѣдахъ

съ друзьями и однажды, встрѣтивъ у меня Дельвига съ женою, передалъ свой разговоръ съ Крыловымъ, во время котораго между прочимъ былъ споръ о томъ, можно ли сказать: «бывывало». Кто-то замѣтилъ, что можно даже сказать «бывывывало». «Очень можно», проговорилъ Крыловъ,—«да только этого и трезвому не выговорить!» Разсказавъ это, Пушкинъ много шутилъ. Во время этихъ шутокъ ему попался подъ руку мой альбомъ, совершенный слѣпокъ съ того уѣздной барышни альбома, который описалъ Пушкинъ въ «Онѣгинѣ», и онъ сталъ въ немъ переводить французскіе стихи на русскій языкъ и русскіе на французскій. Въ альбомѣ было написано:

Oh, si dans l'immortelle vie
Il existait un être parfait,
Oh, mon aimable et douce amie,
Comme toi, sans doute, il est fait, etc.

Пушкинъ перевелъ:

Если въ жизни поднебесной
Существуетъ духъ прелестный,
То тебѣ подобенъ онъ;
Я скажу тебѣ резонъ:
Не возможно!

Подъ какими-то весьма плохими стихами было подписано «Ecrit dans mon exil». Пушкинъ приписалъ:

Amour, exil!...
Какая гиль!

Дмитрій Николаевичъ Барковъ написалъ одни всѣмъ извѣстныя стихи не совсѣмъ правильно, и Пушкинъ вмѣсто перевода написалъ слѣдующее:

Не смѣю вамъ стихи Баркова
Благопристойно перевесть,
И даже имени такова
Не смѣю громко произнесть!

Такъ нѣсколько часовъ было проведено среди самыхъ живыхъ шутокъ, и я никогда не забуду его игривой веселости, его дѣтскаго смѣха, которымъ оглашались въ тотъ день мои комнаты. Въ подобномъ расположеніи духа, онъ разъ пришелъ ко мнѣ и, заставъ меня

за письмомъ къ меньшой сестрѣ моей въ Малороссію, приписалъ въ немъ:

Когда помилуетъ насъ Богъ,
Когда не буду я повѣшенъ,
То буду я у вашихъ ногъ
Въ тѣни убранскихъ черешенъ.

Въ этотъ самый день я восхищалась чтеніемъ его «Цыганъ» въ Тригорскомъ и сказала: «Вамъ бы слѣдовало однако жь подарить мнѣ экземпляръ «Цыганъ» въ воспоминаніе того, что вы ихъ мнѣ читали». Онъ прислалъ ихъ въ тотъ же день съ надписью на оберткѣ всѣми буквами: «Ея превосходительству А. П. Кернъ отъ господина Пушкина, усерднаго ея почитателя. Трактиръ Демутъ № 10». Нѣсколько дней спустя, онъ пріѣхалъ ко мнѣ вечеромъ и, усѣвшись на маленькой скамеечкѣ (которая хранится у меня какъ святыня), написалъ на какой-то запискѣ:

Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны,
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивый.

Я ѣхалъ прочь: иные сны...
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло!

Мечтанью вѣчному въ тиши
Такъ предаемся мы, поэты,
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души.

Написавши эти строки и напѣвая ихъ своимъ звучнымъ голосомъ, онъ при стихахъ:

И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло

замѣтилъ смѣясь: «Разумѣется, съ лѣвой, потому что ѣхалъ назадъ!» Это посѣщеніе, какъ и многія другія, полно было шутокъ и поэтическихъ разговоровъ.

Въ это время онъ очень усердно ухаживалъ за одною особой, къ которой были написаны стихи:

Городъ пышный, городъ бѣдный!

II

Предъ ней, задумавшись, стою [1]).

Не смотря однако жь на чувство, которое проглядываетъ въ этихъ прелестныхъ стихахъ, онъ никогда не говорилъ объ ней съ нѣжностію и однажды, разсуждавъ о маленькихъ ножкахъ, сказалъ: «Вотъ, напримѣръ, у ней вотъ какія маленькія ножки, да чортъ ли въ нихъ?» Въ другой разъ, разговаривая со мною, онъ сказалъ: «Сегодня Крыловъ просплъ, чтобы я написалъ что-нибудь въ ея альбомъ». «А вы что̀ сказали?» спросила я. «А я сказалъ: Ого! Въ такомъ родѣ онъ часто выражался о предметѣ своихъ вздыханій. Когда Дельвигъ съ женою уѣхали въ Харьковъ, я съ отцемъ и сестрою перешла на ихъ квартиру. Пушкинъ заходилъ къ намъ узнавать о нихъ и разъ поручилъ мнѣ переслать стихи къ Дельвигу, говоря: «Да смотрите, сами не читайте, и не заглядывайте». Я свято это исполнила и послѣ уже узнала, что они состояли въ слѣдующемъ:

Какъ въ ненастные дни собирались они,
Часто
Гнули, Богъ ихъ прости, отъ пятидесяти
На сто
И отписывали, и приписывали
Мѣломъ.
Такъ въ ненастные дни занимались они
Дѣломъ.

Эти стихи онъ написалъ у князя Голицына, во время карточной игры, мѣломъ на рукавѣ [2]). Пушкинъ очень любилъ карты и говорилъ, что это его единственная привязанность. Онъ былъ, какъ всѣ игроки, суевѣренъ, и разъ, когда я попросила у него денегъ для одного бѣднаго семейства, онъ, отдавая послѣдніе пятьдесятъ рублей,

1) Эти стихи, равно какъ приведенные выше («Я ѣхалъ къ вамъ...») написаны Пушкинымъ къ Аннѣ Алексѣевнѣ Олениной, вышедшей впослѣдствіи за мужъ за полковника Андрò.

2) Приведенные стихи принадлежатъ не Пушкину, а К. Ѳ. Рылѣеву. По преданію, сообщенному М. Н. Лонгиновымъ, у князя Сергѣя Григорьевича Голицына, носившаго въ обществѣ прозваніе Фирса, Пушкинымъ тоже были написаны стихи о карточной игрѣ, но совсѣмъ другіе, и притомъ гораздо позже (*Библіографическія Записки* 1858 года, ст. 494 — 496).

сказалъ: «Счастье ваше, что я вчера пропгралъ». По отъѣздѣ отца и сестры изъ Петербурга я перешла на маленькую квартирку въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Дельвигъ, и была свидѣтельницею свиданія его съ Пушкинымъ. Послѣдній, узнавши о пріѣздѣ Дельвига, тотчасъ пріѣхалъ, быстро пробѣжалъ черезъ дворъ и бросился въ его объятія; они цѣловали другъ у друга руки и, казалось, не могли наглядѣться одинъ на другаго. Они всегда такъ встрѣчались и прощались: была обаятельная прелесть въ ихъ встрѣчахъ и разставаніяхъ. Въ эту зиму Пушкинъ часто бывалъ по вечерамъ у Дельвига, гдѣ собирались два раза въ недѣлю лицейскіе товарищи его: Лангеръ, князь Эристовъ, Яковлевъ, Комовскій и Илличевскій [1]). Кромѣ этихъ, приходили на вечера Подолинскій, Щастный, молодые поэты, которыхъ выслушивалъ и благословлялъ Дельвигъ, какъ патріархъ [2]). Иногда также являлись Сергѣй Голицынъ и Мих. Ив.

---

1) Илличевскій написалъ мнѣ слѣдующее посланіе:

Близъ тебя, въ восторгѣ нѣмъ,
Пью отраду и веселье;
Безъ тебя я жадно ѣмъ
Фабрики твоей издѣлье.
Ты такъ сладостно мила!
Люди скажутъ: «Небылица,
«Чтобъ тебя подъ часъ могла
«Мнѣ напоминать горчица».
Безъ горчицы всякій столъ
Мнѣ теперь сухоѣденье:
Честолюбцу льститъ престолъ,
Мнѣ жь—горчичницей владѣнье.
Но угодно такъ судьбѣ,
Ни вдова ты, ни дѣвица,
И моя любовь къ тебѣ
Послѣ ужина горчица.

Онъ называлъ меня:

Сердецъ царица,
Горчична мастерица!

Отецъ мой имѣлъ горчичную фабрику.

А. К.

2) Изъ числа названныхъ лицъ только М. Л. Яковлевъ, С. Д. Комовскій и А. Д. Илличевскій были прямыми товарищами и однокурсниками Пушкина по лицею; В. П. Лангеръ и князь Д. А. Эристовъ принадлежали ко второму курсу лицеистовъ. Андрей Ивановичъ Подолинскій и Василій Николаевичъ Щастный не имѣли никакого отношенія къ лицею.

Глинка, геній музыки, добрый и любезный человѣкъ, какъ и свой
ственно геніальному существу [1]). Тутъ кстати замѣтить, что Пушкин
говорилъ часто: «Злы только дураки и дѣти». Не смотря однако
на это убѣжденіе, и онъ бывалъ часто золъ на словахъ, но всегд
раскаявался. Такъ однажды, когда онъ мнѣ сказалъ какую-то зл
фразу, и я ему замѣтила: «Ce n'est pas bien de s'attaquer à une pe
sonne aussi inoffensive», — обезоруженный моею фразою, он
искренно началъ извиняться. Въ поступкахъ онъ всегда былъ доб
и великодушенъ. На вечера къ Дельвигу являлся и Мицкевич
Вотъ кто былъ постоянно любезенъ и пріятенъ! Какое безподобн
существо! Намъ было всегда весело, когда онъ пріѣзжалъ. Н
помню, встрѣчался ли онъ часто съ Пушкинымъ, но знаю, ч
Пушкинъ и Дельвигъ его уважали и любили. Да что̀ мудрена
Онъ былъ такъ мягокъ, благодушенъ, такъ ласково приноровля
ко всякому, что всѣ были отъ него въ восторгѣ. Часто онъ уса
вался подлѣ насъ, разсказывалъ намъ сказки, которыя онъ тутъ
сочинялъ, и былъ занимателенъ для всѣхъ и каждаго. Сказки
нашемъ кружкѣ были въ модѣ, потому что многіе изъ насъ вѣр
въ чудесное, въ привидѣнія и любили все сверхъестественное. Сре
такихъ бесѣдъ многіе изъ тогдашнихъ писателей читали свои п
изведенія. Такъ напримѣръ, Щастный читалъ намъ «Фарис
переведеннаго имъ тогда, и заслужилъ всеобщее одобреніе. За это
переводъ Дельвигъ очень благоволилъ къ нему, хотя вооб
Щастный, какъ поэтъ, былъ гораздо ниже другихъ второстеп
ныхъ писателей. Среди этихъ послѣднихъ видное мѣсто занима
Подолинскій, и многими его стихами восхищался Пушкинъ. Особен
нравились ему слѣдующіе:

Портретъ.

Когда, стройна и свѣтлоока,
Передо мной стоитъ она,
Я мыслю: гурія пророка
Съ небесъ на землю сведена.
Коса и кудри темпорусы,
Нарядъ небрежный и простой,

---

1) М. И. Глинка оставилъ нѣсколько сочувственныхъ воспоминаній
А. П. Кернъ въ своихъ запискахъ.

И на груди роскошной бусы
Роскошно зыблются порой.
Весны и лѣта сочетанье
Въ живомъ огнѣ ея очей
Рождаютъ нѣгу и желанье
Въ груди тоскующей моей.

И окончаніе стиховъ подъ заглавіемъ «Къ ней»:

Такъ ночью лѣтнею младенца,
Земли роскошной поселенца,
Звѣзда манитъ издалека,
Но онъ къ ней тянется напрасно....
Звѣзды златой, звѣзды прекрасной
Не досягнетъ его рука.

Пушкинъ въ эту зиму бывалъ часто мрачнымъ, разсѣяннымъ и апатичнымъ. Въ минуты разсѣянности онъ напѣвалъ какой-нибудь стихъ и разъ былъ очень забавенъ, когда повторялъ безпрестанно стихъ барона Розена:

Неумолимая, ты не хотѣла жить,

передразнивая его и голосъ, и выговоръ.

Зима прошла. Пушкинъ уѣхалъ въ Москву, и хотя послѣ женитьбы и возвратился въ Петербургъ, но я не болѣе пяти разъ съ нимъ встрѣчалась. Когда я имѣла несчастіе лишиться матери и была въ очень затруднительномъ положеніи, то Пушкинъ пріѣхалъ ко мнѣ и, отыскивая мою квартиру, бѣгалъ со свойственною ему живостью по всѣмъ сосѣднимъ дворамъ, пока наконецъ нашелъ меня. Въ этотъ пріѣздъ онъ употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы утѣшить меня, и я увидѣла его такимъ же, какимъ онъ бывалъ прежде. Онъ предлагалъ мнѣ свою карету, чтобы съѣздить къ одной дамѣ, которая принимала во мнѣ участіе; ласкалъ мою маленькую дочь Ольгу, забавляясь, что она на вопросъ: «Какъ тебя зовутъ?» отвѣчала: «Воля!» и вообще былъ такъ трогательно внимателенъ, что я забыла о своей печали и восхищалась имъ, какъ геніемъ добра. Пусть этимъ словомъ окончатся мои воспоминанія о великомъ поэтѣ.

Послѣ того, какъ «Воспоминанія о Пушкинѣ» были напечата
сочинительница замѣтила въ нихъ кое-какіе недосмотры и пробѣ
Первымъ ея движеніемъ было изложить свои дополненія и попра
въ письмахъ къ П. В. Анненкову, который помогалъ ей въ обрабо
первой статьи; но затѣмъ планы ея разрослись, и она напис
цѣлую новую статью, наполнивъ ее разсказами не только о Пу
кинѣ, но и о нѣкоторыхъ его современникахъ. Выше мы уже
пользовались отчасти позднѣйшими разсказами Анны Петров
здѣсь соберемъ изъ нихъ все остальное, что̀ можетъ служить
теріаломъ для характеристики великаго поэта и его литературн
круга.

Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ отрывковъ говоритъ о «прос
душіи геніевъ» — о той неподдѣльной, почти безсознательной искр
ности, съ которою геніальный человѣкъ можетъ высказывать с
задушевныя мысли и убѣжденія, какъ бы ни противорѣчили о
ходячимъ мнѣніямъ, и о той свободной откровенности, съ котор
онъ дѣйствуетъ, не скрывая своихъ поступковъ, хотя бы они мо
навлечь на него осужденіе со стороны дюжинныхъ людей. Эта св
ственная геніямъ черта характера рѣзко проявлялась въ само
Пушкинѣ; онъ отчетливо сознавалъ ее въ себѣ и не затруднял
обнаруживать. Она была хорошо извѣстна близкимъ ему людямъ,
томъ числѣ А. П. Кернъ, и какъ умная женщина, она отмѣтила
въ своихъ «Воспоминаніяхъ». «Il a aussi beaucoup d'ésprit», сказа
однажды поэтъ Аннѣ Петровнѣ, говоря о своемъ братѣ Львѣ, но
сущности имѣя въ виду преимущественно самого себя, — и эта н
пвная и въ то же время вполнѣ сознательная похвальба не усколь
знула отъ вниманія собесѣдницы. Другой подобный случай разск
зываетъ она въ одномъ изъ своихъ полурусскихъ, полуфранцузски
писемъ къ Анненкову:

«Тетушка Прасковья Александровна сказала ему однажд
«Qu'est ce qu'il y a de si spirituel dans vos vers:

Ахъ тетушка, ахъ Анна Львовна!»

«Et Pouchkine qui lui répondit par cette phrase si originale,
bien de lui: «J'éspère, madame, qu'il est bien permis à moi et au bar
Delvig de ne pas toujours avoir de l'ésprit» [1]).

1) Сочиненіе этихъ шуточныхъ стиховъ дѣйствительно принадлежа
Пушкину вмѣстѣ съ Дельвигомъ.

«Puis encore je me suis rappellée de ce mot de Крыловъ. Il faut vous dire qu'il s'était endormi au beau milieu d'une causerie littéraire. Ces messieurs continuèrent, quoique le poète continuait à ronfler; mais discussion se portant sur Pouchkine et son talent, les interlocuteurs desirairent avoir de suite son opinion sur Pouchkine, et sans se géner ils reveillerènt Крыловъ pour lui demander d'emblée: «Иванъ Андреевичъ, что̀ такое Пушкинъ?» «Геній», проговорилъ быстро Крыловъ и опять уснулъ».

Изъ «Воспоминаній о Пушкинѣ» видно, что во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ А. П. Керн поселилась въ Петербургѣ. Въ это время она окончательно разсталась съ мужемъ, но сохранила близкую связь съ П. А. Осиповою, которая, когда пріѣзжала въ Петербургъ, даже останавливалась у нея, съ С. Л. и Н. О. Пушкиными, съ ихъ дочерью Ольгой Сергѣевною, вышедшею замужъ за Н. И. Павлищева, съ А. А. Дельвигомъ, его женой и пр. Анна Петровна пользовалась общею любовью за свой умъ живой и наблюдательный, за свое доброе сердце и пріятный характеръ. Отголосокъ тѣхъ дружескихъ симпатій, которыми она была окружена послѣ разрыва съ невыносимымъ супругомъ, сохранился въ воспоминаніяхъ сына одной изъ ея пріятельницъ, Л. Н. Павлищева, и мы охотно приводимъ его слова, какъ одно изъ цѣнныхъ свидѣтельствъ въ ея пользу: «Присущая Аннѣ Петровнѣ веселость и врожденное, вполнѣ однако добродушное, можно сказать — милое кокетство подавало зачастую пищу недоброжелательнымъ, злымъ языкамъ, распускавшимъ объ Аннѣ Петровнѣ ни на чемъ не основанные, самые неправдоподобные слухи. Распускаемые сплетни вызвали Александра Сергѣевича... написать всѣмъ извѣстное стихотвореніе:

Когда твои младыя лѣта
Позоритъ шумная молва...

«Гораздо болѣе хладнокровно своихъ друзей относилась къ подлымъ сплетнямъ сама ихъ виновница. Незлобная Анна Петровна сказала однажды Александру Сергѣевичу и моей матери, какъ это сообщила мнѣ послѣдняя, слѣдующія слова: «Неужели, друзья мои, вы думаете, что я такая пошлая дура, чтобы не вникнуть въ мораль басни: «Собаки полаютъ, собаки отстанутъ»? Совѣсть моя совершенно чиста: никому зла не дѣлала, не дѣлаю, дѣлать не буду, зла не желала, не желаю и желать тоже не стану, а кто не въ мою

пользу открываетъ широкій ротъ, тому отъ души прощаю, да низко кланяюсь: большому дураку — большое почтеніе» [1]).

Особенно пріятно чувствовала себя Анна Петровна въ семействѣ Дельвиговъ. Баронъ принадлежалъ къ числу людей, способныхъ по своему привѣтливому характеру сдѣлаться средоточіемъ извѣстнаго круга, и такъ оно дѣйствительно сталось во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, не смотря на то, что духовнымъ главой тогдашняго литературнаго движенія естественно и законно являлся Пушкинъ. А. П. Керинъ вѣрно понимала такую роль Дельвига, и потому въ разсказахъ, написанныхъ ею въ дополненіе къ ея первымъ «Воспоминаніямъ», барону отведено почти столько же мѣста, какъ и Пушкину. Вотъ что она разсказываетъ:

«Дельвигъ соединялъ въ себѣ всѣ качества, изъ которыхъ слагается симпатичная личность. Любезный, радушный хозяинъ, онъ умѣлъ счастливить всѣхъ, имѣвшихъ къ нему доступъ. Благодаря своему истинно британскому юмору онъ шутилъ всегда остроумно, не оскорбляя никого. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ рѣзко отъ него отличался: у Пушкина часто проглядывало безпокойное расположеніе духа. Великій поэтъ не былъ чуждъ странныхъ выходокъ, нерѣдко напоминавшихъ фразу Фигаро: «Ah, qu'ils sont bêtes, les gens d'ésprit!» и его шутка часто превращалась въ сарказмъ, который, вѣроятно, имѣлъ основаніе въ глубоко возмущенномъ дѣйствительностью духѣ поэта... Мы никогда не видали Дельвига скучнымъ или непріязненнымъ къ кому-либо. Можетъ быть, та же самая любовь къ спокойствію, которая мѣшала ему быть дѣятельнымъ, дѣлала его до крайности снисходительнымъ ко всѣмъ, и даже въ особенности къ слугамъ. Они обращались съ нимъ за панибрата, и что бы ни сдѣлали они, вмѣсто выраженія гнѣва Дельвигъ говорилъ только: «Забавно!» Но очень можетъ быть, что причина его снисходительности къ служащимъ ему людямъ была разумнѣе и глубже и заключалась въ терпимости, даже въ великодушіи.

«Дельвигъ любилъ доставлять другимъ удовольствія и мастерски былъ устраивать ихъ и изобрѣтать. Не помню, чтобы онъ одинъ или съ женою, ѣзжалъ когда-нибудь на балы или танцовальные вечера, но за то любилъ загородныя поѣздки, катанья экспромтомъ или же ужинъ дома съ хорошимъ виномъ, которымъ любилъ подчи-

1) Изъ семейной хроники. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ *Льва Павлищева*, стр. 170.

вать дамъ, подсмѣиваясь, что дѣйствіе вина всегда весело и благодѣтельно. Между многими катаньями за городъ мнѣ памятна одна зимняя поѣздка въ Красный Кабачокъ [1]), куда Дельвигъ возилъ насъ на вафли. Мы тамъ нашли совершенно пустую залу и одну бѣдную дѣвушку, арфянку, которая чрезвычайно обрадовалась нашему посѣщенію и пѣла намъ съ особеннымъ усердіемъ. Подъ звуки ея арфы мы протанцовали мазурку, и освѣщенные луною, возвратились домой. Въ катаньи участвовали, кромѣ Дельвига, жены его и меня, Сомовъ [2]), всегда интересный собесѣдникъ и усердный сотрудникъ Дельвига по изданію *Сѣверныхъ Цвѣтовъ*, и двоюродный братъ мой А. Н. Вульфъ.

«Кромѣ прелести неожиданныхъ импровизированныхъ удовольствій, Дельвигъ любилъ, чтобы при нихъ были и хорошее вино, и вкусный столъ. Онъ съ дѣтства привыкъ къ хорошей кухнѣ; эта слабость вошла у него въ привычку. Любя хорошо поѣсть, онъ избѣгалъ обѣдовъ у хозяевъ-негастрономовъ; такъ, однажды, по случаю обѣда у Пушкиныхъ, не любившихъ роскошнаго стола, онъ написалъ Александру Сергѣевичу шуточное четверостишіе, которое начинается такъ:

Другъ Пушкинъ, хочешь ли отвѣдать?...

«Юморъ Дельвига, его гостепріимство и деликатность часто наводили меня на мысль о Вальтерѣ Скоттѣ, съ которымъ, казалось мнѣ, у него было сходство въ домашней жизни. Въ его поэтической душѣ была какая-то дѣтская ясность, сообщавшая собесѣдникамъ безмятежное чувство счастія, которымъ проникнутъ былъ самъ поэтъ. Этою особенностью Дельвига восхищался Пушкинъ. Прочитавъ въ Одессѣ романсъ Дельвига:

Прекрасный день, счастливый день!
И солнце, и любовь! [3])

---

1) Трактиръ на Петергофской дорогѣ, извѣстный съ половины прошлаго вѣка.

2) Орестъ Михайловичъ Сомовъ, литераторъ, участвовавшій во многихъ журналахъ и альманахахъ двадцатыхъ годовъ, былъ главнымъ помощникомъ Дельвига по изданію *Литературной Газеты* и въ 1831 году, послѣ смерти барона, продолжалъ нѣкоторое время ея изданіе.

3) Этотъ романсъ былъ напечатанъ въ *Полярной Звѣздѣ* на 1824 годъ. Пушкинъ еще въ январѣ того года имѣлъ эту книгу въ рукахъ въ Одессѣ (Сочиненія, т. VII, стр. 70).

въ которомъ такъ много ясности и счастія, онъ говорилъ, что прочувствовалъ вполнѣ это младенческое изліяніе души Дельвига, и что самое стихосложеніе этого романса вѣрно передало ему всю свѣтлость чистаго чувства любви поэта. Онъ восхищался притомъ другими піесами Дельвига, равно какъ и поэзіей Баратынскаго. Эти три поэта были связаны глубокою симпатіей. Баратынскій присылалъ Дельвигу свои сочиненія до отсылки въ печать, и послѣдній отдавалъ ихъ переписывать женѣ. Баратынскій никогда не ставилъ знаковъ препинанія, кромѣ запятой; Дельвигъ зналъ эту особенность своего друга и, отдавая женѣ стихи его, всегда говорилъ: «Пиши, Сонинька, до точки». Дельвигъ разсказывалъ однажды, будто Баратынскій спрашивалъ у него: «Что̀ называешь ты родительнымъ падежомъ?»

«Дельвигъ жилъ на Владимірской улицѣ, въ домѣ Кувшинникова, нынѣ Алферовскаго. По утрамъ онъ обыкновенно занимался въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, отдѣленномъ отъ передней простою изъ зеленой тафты перегородкой. Въ этомъ кабинетикѣ случилось однажды несчастіе съ «Пѣснями» Беранже: ихъ разорвалъ маленькій щенокъ тернёвъ, и Дельвигъ воспѣлъ это несчастіе въ юмористическихъ стихахъ, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, я помню только слѣдующіе:

Хвостова кипа тутъ лежала,
А Беранже не уцѣлѣлъ!
За то его собака съѣла,
Что въ пѣсняхъ онъ собаку съѣлъ.

«Эта пѣсня была включена въ репертуаръ, который распѣвали мы у него по вечерамъ цѣлымъ хоромъ. Два раза въ недѣлю собирались къ нему лицеисты-товарищи и друзья. Какъ веселы бывали эти бесѣды!

«Одно время я занимала маленькую квартиру въ томъ же домѣ. Софья Михайловна, жена Дельвига, приходила по утрамъ въ мой кабинетъ заниматься корректурою *Сѣверныхъ Цвѣтовъ;* потомъ мы вмѣстѣ читали, работали и учились итальянскому языку у Лангера, тоже лицеиста. Остальную часть дня я проводила въ семействѣ Дельвига. У нихъ собирались не съ одною только цѣлью бесѣдовать, но и читать что-нибудь новое, написанное посѣтителями, и услышать мнѣніе Дельвига, пользовавшагося репутаціей проницательнаго и безпристрастнаго цѣнителя. Во всемъ кружкѣ была родственная простота и симпатія; дружба, шутка и забавные эпитеты, которые

придавались чуть ли не каждому члену маленькой республики, могутъ служить характеристикой этой дѣтски веселой семьи.

«Однажды Дельвигъ и его жена отправились, взявъ съ собою и меня, къ одному знакомому ему семейству; представляя жену, Дельвигъ сказалъ: «Это — моя жена», и потомъ, указывая на меня: «А это — вторая». Шутка эта получила право гражданства въ нашемъ кружкѣ, и Дельвигъ повторилъ ее, надписавъ на подаренномъ мнѣ экземплярѣ поэмы Боратынскаго «Балъ»: «Женѣ № 2-й отъ мужа безнумернаго». Кромѣ этого подарка на память, онъ написалъ въ мой альбомъ свои стихи: «Дѣва и роза (на смерть Веневитинова)». Въ семьѣ Дельвига я чувствовала себя какъ дома, а когда они уѣхали въ Харьковъ [1]), баронесса пересылала мнѣ экспромты Дельвига. Изъ числа ихъ я помню слѣдующій:

Я въ Курскѣ, милые друзья,
И въ Полторацкаго тавернѣ
Живѣе вспоминаю я
О дѣвѣ Лизѣ, дамѣ Кернѣ [2]).

«Преданный друзьямъ, Дельвигъ въ то же время былъ нѣженъ и къ роднымъ. Я помню, какъ ласкалъ онъ своихъ маленькихъ братьевъ семи- и восьмилѣтнихъ малютокъ, выписавъ ихъ вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ Харькова. Старшаго, Александра, онъ звалъ классикомъ, а младшаго, Ивана,—романтикомъ и подъ этими именами представилъ ихъ однажды Пушкину. Александръ Сергѣевичъ нѣжно ласкалъ ихъ, и когда Дельвигъ объявилъ, что меньшой уже сочинилъ стихи, онъ пожелалъ ихъ услышать, и малютка-поэтъ, не конфузясь ни мало, медленно и внятно произнесъ, положивъ обѣ ученки въ руки Пушкина:

Индіяди, Индіяди, Индія!
Индіяпда, Индіяпда, Индія!

«Александръ Сергѣевичъ, погладивъ поэта по головѣ, поцѣловалъ и сказалъ: «Онъ точно романтикъ».

«Дружба Пушкина съ Дельвигомъ такъ тѣсно соединяла ихъ,

1) Эта поѣздка барона и баронессы Дельвигъ въ Харьковъ относится къ веснѣ 1828 года.

2) Въ сочиненіяхъ Пушкина, изданія литературнаго фонда (т. VII, стр. 205), эти стихи ошибочно приписаны Пушкину. «Дѣва Лиза»—сестра Анны Петровны, бывшая впослѣдствіи за г. Решко.

что, вспоминая о послѣднемъ, нельзя умолчать о Пушкинѣ, завоевавшемъ себѣ вниманіе всего кружка и бывшемъ часто предметомъ разговоровъ и даже переписки его дружныхъ членовъ. Такъ, напримѣръ, не задолго до женитьбы Пушкина Софья Михайловна Дельвигъ писала мнѣ съ дачи въ городъ: «Léon [1]) est parti hier (онъ проѣзжалъ тогда съ Кавказа). Александръ Сергѣевичъ est arrivé hier. Il est, dit-on, plus amoureux que jamais, cependant il ne parle presque pas d'*elle*. La noce se fera en septembre». Дѣйствительно, въ этотъ періодъ, передъ женитьбой своею, Пушкинъ казался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ былъ серьезенъ, важенъ, молчаливъ; замѣтно было, что его постоянно проникало сознаніе великой обязанности счастливить любимое существо, съ которымъ онъ готовился соединить свою судьбу, и можетъ быть, предчувствіе тѣхъ не отвратимыхъ обстоятельствъ, которыя могли родиться въ будущемъ отъ серьезнаго и новаго его шага въ жизни и самой перемѣны его положенія въ обществѣ. Встрѣчая его послѣ женитьбы всегда такимъ же серьезнымъ, я убѣдилась, что въ характерѣ поэта произошла глубокая, разительная перемѣна [2]).

«Но мои воспоминанія о домѣ Дельвига относятся болѣе ко времени первой, безпечной поры жизни Пушкина. Помню, какъ онъ, узнавъ о возвращеніи Дельвига изъ Харькова и спѣша обнять его, вбѣжалъ во дворъ; помню его развивающійся плащъ и сіяющее радостію лицо... Другое воспоминаніе мое о Пушкинѣ относится къ свадьбѣ сестры его. Дельвигъ былъ тогда въ отлучкѣ. Въ его квартирѣ я съ Александромъ Сергѣевичемъ встрѣчала и благословляла новобрачныхъ... Мать Пушкина, Надежда Осиповна, вручая мнѣ икону и хлѣбъ, сказала: «Remplacez moi, chère amie, avec cette image, que je vous confie pour bénir ma fille». Я съ любовью приняла это трогательное порученіе, и распросивъ о порядкѣ обряда,

1) Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ.

2) Слѣдующій за симъ разсказъ А. П. Кернъ о выходѣ Ольги Сергѣевны замужъ не совсѣмъ сходится съ тѣмъ, что сообщается объ этомъ событіи въ книгѣ Л. Н. Павлищева, который говоритъ, что и дѣдъ, и бабка одинаково противились браку его матери (Изъ семейной хроники. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, стр. 48). Но противорѣчія двухъ разсказовъ могутъ быть примирены, если мы признаемъ, что сопротивленіе браку Ольги Сергѣевны оказывалъ только отецъ ея, а не мать. Кажется, что оно такъ и было; да и несогласіе скупого Сергѣя Львовича въ свое время объяснили главнымъ образомъ его нежеланіемъ расходоваться на свадьбу дочери.

отправилась вмѣстѣ съ Александромъ Сергѣевичемъ въ старой фамильной каретѣ его родителей на квартиру Дельвига, которая была приготовлена для новобрачныхъ. Былъ январь мѣсяцъ, морозъ трещалъ страшный; Пушкинъ, всегда задумчивый и грустный въ торжественныхъ случаяхъ, не прерывалъ молчанія. Но вдругъ, стараясь показаться веселымъ, вздумалъ замѣтить, что еще никогда не видалъ меня одну: «Voilà pourtant la première fois que nous sommes seuls, madame». Мнѣ показалось, что эта фраза была внушена желаніемъ скрыть свои размышленія по случаю важнаго событія въ жизни нѣжно любимой имъ сестры, а потому безъ лишнихъ объясненій, я сказала только, что этотъ необыкновенный случай отмѣченъ сильнымъ морозомъ. «Vous avez raison, vingt-sept degrés», повторилъ Пушкинъ, плотнѣе закутываясь въ шубу. Такъ кончилась эта попытка завязать разговоръ и быть любезнымъ. Она уже не возобновилась во всю дорогу. Стужа давала себя чувствовать, и въ квартирѣ Дельвига, долго дожидаясь пріѣзда молодыхъ, я прохаживалась по комнатѣ, укутываясь въ кацавейку; по поводу ея Пушкинъ сказалъ, что я похожа въ ней на царицу Ольгу. Поэтъ старался любезностью и вниманіемъ выразить свою благодарность за участіе, принимаемое мною въ столь важномъ событіи въ жизни его сестры.

«Онъ всегда сочувствовалъ великодушному порыву добрыхъ стремленій. Такъ, однажды отецъ госпожи Н., разсказывая Пушкину про случай съ однимъ семействомъ, при которомъ необходимо было присутствіе близкаго человѣка, осуждалъ неблагоразумную чувствительность своей дочери, которая прямо съ постели, накинувъ салопъ, побѣжала къ нуждавшимся въ ея помощи, сказалъ: «И эта дура, не смотря на морозную ночь, въ одной почти рубашкѣ побѣжала черезъ Фонтанку». Пушкинъ сидѣлъ на диванѣ, поджавъ ноги; услышавъ этотъ разсказъ, онъ вскочилъ и, схвативъ обѣ руки у госпожи Н., съ жаромъ поцѣловалъ ихъ. Живо воспринимая добро, Пушкинъ однако, какъ мнѣ кажется, не увлекался имъ въ женщинахъ; его гораздо болѣе очаровывало въ нихъ остроуміе, блескъ и внѣшняя красота. Кокетливое желаніе ему понравиться не разъ привлекало вниманіе поэта гораздо болѣе, чѣмъ истинное и глубокое чувство, имъ внушенное. Самъ онъ почти никогда не выражалъ чувствъ; онъ какъ бы стыдился ихъ и въ этомъ былъ сыномъ своего вѣка, про который самъ же сказалъ, что «чувство было дико и смѣшно». Острое, красное словцо, la repartie vive — вотъ что̀ несказанно тѣ-

шило его. Впрочемъ Пушкинъ увлекался не однѣми остротами; ему, напримѣръ, очень понравилось однажды, когда я на его рѣзкую выходку отвѣчала выговоромъ: «Pourquoi vous attaquer à moi, qui suis si inoffensive?» И онъ повторялъ: «Comme c'est réellement cela: si inoffensive!» Продолжая далѣе, онъ замѣтилъ: «Да съ вами не весело и ссориться: voilà votre cousine [1]), avec elle on trouve à qui s'en prendre».

«Причина того, что Пушкинъ скорѣе очаровывался блескомъ, нежели достоинствомъ и простотой въ характерѣ женщинъ, заключалась, конечно, въ его невысокомъ о нихъ мнѣніи, бывшемъ совершенно въ духѣ того времени. При этомъ мнѣ пришла на память еще одна забавная сцена, разыгравшаяся Пушкинымъ въ квартирѣ Дельвига, занимаемой мною съ семействомъ по случаю отсутствія хозяевъ. Сестра его и я сидѣли у окна, читая книгу. Пушкинъ подсѣлъ ко мнѣ и между прочими нѣжностями сказалъ: «Дайте ручку, c'est si satin!» Я отвѣчала: «Satan!» Тогда сестра поэта замѣтила, что не понимаетъ, какъ можно отказывать просьбамъ Пушкина, и это такъ понравилось поэту, что онъ бросился передъ нею на колѣни; въ эту минуту входитъ А. Н. Вульфъ и хлопаетъ въ ладоши...

«Сюда же можно отнести и отзывъ поэта о постоянствѣ въ любви, которою онъ — казалось — всегда шутилъ, какъ и поцѣлуемъ руки; но это, по всей вѣроятности, было притворною данью вѣку... Однажды, говоря о женщинѣ, которая его страстно любила, онъ сказалъ: «Et puis, vous savez qu'il n' y a rien de si insipide que la patience et la résignation». Но, какъ я уже замѣтила, женитьба произвела въ характерѣ поэта глубокую перемѣну. Съ того времени онъ на все сталъ смотрѣть серьезнѣе, а все-таки остался вѣренъ привычкѣ своей скрывать чувство и стыдиться его. Въ отвѣтъ на поздравленіе съ неожиданною способностью женатымъ вести себя, какъ прилично любящему мужу, онъ шутя отвѣчалъ: «Je ne suis qu'un hypocrite».

«Послѣ женитьбы я видѣла его разъ у его родителей во время ихъ обѣда. Онъ сидѣлъ за столомъ, но ничего не ѣлъ. Старики подчивали его то тѣмъ, то другимъ кушаньемъ, но онъ ото всего отказывался и, восхищаясь аппетитомъ своего батюшки, улыбнулся, когда отецъ сказалъ ему, предлагая гуся съ кислою капустою: «C'est un plat écossais», замѣтивъ при этомъ, что онъ никогда ничего не ѣстъ до обѣда, а обѣдаетъ въ шесть часовъ. Бывъ холостымъ,

1) Анна Николаевна Вульфъ.

онъ рѣдко обѣдалъ у родителей, а послѣ женитьбы — почти никогда; когда же это случалось, то послѣ обѣда на него иногда находила хандра. Однажды, въ такомъ мрачномъ расположеніи духа онъ стоялъ въ гостиной у камина, заложивъ назадъ руки... Подошелъ къ нему Илличевскій и сказалъ:

У печки, погруженъ въ молчанье,
Поднявши фракъ, онъ спину грѣлъ
И никого во всей компаньѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

«Это развеселило Пушкина, и онъ сдѣлался очень любезенъ.

«Потомъ я его еще разъ встрѣтила съ женою у родителей, незадолго до смерти матери. Она уже тогда не вставала съ постели, которая стояла посреди комнаты головами къ окнамъ; Пушкины сидѣли рядомъ на маленькомъ диванѣ у стѣны. Надежда Осиповна смотрѣла на нихъ ласково, съ любовію, а Александръ Сергѣевичъ, не спуская глазъ съ матери, держалъ въ рукѣ конецъ боа своей жены и тихонько гладилъ его, какъ бы выражая тѣмъ ласку къ женѣ и ласку къ матери; онъ при этомъ ничего не говорилъ».

Изъ разсказовъ Анны Петровны Керн видно, что послѣ женитьбы Пушкина она встрѣчалась съ нимъ очень рѣдко и случайно. Есть основаніе думать, что женатый Пушкинъ самъ избѣгалъ поддерживать знакомство съ особами, за которыми ухаживалъ въ прежнее время; это подтверждается между прочимъ отзывомъ объ А. П. Керн, который находится въ одномъ изъ его писемъ къ женѣ [1]). Къ тому же послѣ брака измѣнился и тотъ кругъ, въ которомъ ему пришлось вращаться, или лучше сказать, Пушкинъ съ тѣхъ поръ оставилъ многихъ прежнихъ своихъ знакомыхъ и вступилъ въ иной кругъ. Поэтому въ воспоминаніяхъ Анны Петровны нечего искать свѣдѣній о послѣднихъ годахъ жизни поэта.

Анна Петровна Керн находилась во второмъ бракѣ за Александромъ Васильевичемъ Марковымъ-Виноградскимъ и пережила его. Послѣдніе годы своей жизни она провела въ большой нуждѣ, и когда скончалась, то по странной случайности, ея гробъ повстрѣчался съ памятникомъ Пушкина, который ввозили въ Москву, къ Тверскимъ воротамъ.

1) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКІЙ и ПУШКИНЪ

ОБЪ ОЗЕРОВѢ.

(По матеріаламъ Остафьевскаго архива).

Владиславъ Александровичъ Озеровъ скончался 5-го сентября 1816 года, послѣ тяжкой и долговременной болѣзни, сопровождавшейся даже помраченіемъ ума. Причину его помѣшательства современники видѣли, съ одной стороны, въ обидахъ, нанесенныхъ ему на служебномъ поприщѣ, а съ другой — въ непріятностяхъ, которыя онъ потерпѣлъ при постановкѣ на сцену своей послѣдней трагедіи «Поликсена». Эта піеса, которую авторъ считалъ лучшимъ своимъ произведеніемъ, была въ первый разъ исполнена на петербургскомъ театрѣ 14-го мая 1809 года, и хотя имѣла меньше успѣха, чѣмъ «Эдипъ въ Аѳинахъ», «Фингалъ» и «Димитрій Донской», все же была принята публикой довольно благосклонно; тѣмъ не менѣе, ее сняли съ репертуара послѣ перваго же представленія, какъ не обѣщавшую доходовъ театру, и авторъ ея былъ лишенъ слѣдовавшаго ему вознагражденія. Молва приписывала это распоряженіе интригамъ служившаго при театрѣ князя А. А. Шаховского, и по смерти Озерова въ журналахъ того времени дѣлались намеки на это обстоятельство. Такъ, въ *Сынѣ Отечества* 1816 года (ч. 33, № 45, стр. 267) появилась слѣдующая эпиграмма:

Угасъ нашъ Озеровъ, лучъ славы россіанъ,
Умолкъ пѣвецъ Фингала, Поликсены!
Рыдайте, певскія камены,
Ликуй, Аристофанъ!

Подъ именемъ Аристофана тутъ, очевидно, разумѣлся авторъ комедіи Шаховской. Лицеистъ Пушкинъ, уже знакомый въ то время

съ кружкомъ враждебнаго Шаховскому Арзамаса, также воспользовался случаемъ пустить стрѣлу сатиры въ заподозрѣннаго въ интригахъ комика. Въ своемъ посланіи къ Жуковскому, написанномъ въ серединѣ 1817 года, онъ обращался къ поэтамъ, «друзьямъ истины», со слѣдующими словами:

Смотрите: пораженъ враждебными стрѣлами,
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, месть!

Въ послѣдніе годы жизни Озеровъ не давалъ согласія на перепечатку даже тѣхъ изъ своихъ трагедій, которыя имѣли вполнѣ блестящій успѣхъ, «Поликсена» же оставалась вовсе не изданною. Но со смертью автора этотъ запретъ потерялъ силу, и издатели поспѣшили удовлетворить требованіямъ публики: въ самый годъ кончины поэта предприняты были два изданія его произведеній, и къ обоимъ (оконченнымъ уже въ 1817 году) была приложена статья о жизни и сочиненіяхъ Озерова, написанная княземъ П. А. Вяземскимъ.

Статья эта была первымъ опытомъ молодого автора въ критико-біографическомъ родѣ, въ которомъ онъ прославился впослѣдствіи. Писать объ Озеровѣ было ему не легко: князь не зналъ его лично, и потому въ біографической части статьи онъ принужденъ былъ довольствоваться чужими сообщеніями. Изъ писемъ Вяземскаго, относящихся ко второй половинѣ 1816 года, видно, какъ онъ былъ озабоченъ собираніемъ матеріаловъ для своего труда. 27-го сентября онъ писалъ Александру Ивановичу Тургеневу: «Пришли новое изданіе Озерова, а я тебѣ деньги вышлю. Оно мнѣ нужно: я хочу писать о немъ... Дай себѣ трудъ отыскать первую трагедію Озерова, которой я имени не упомню. Она, кажется, была представлена разъ одинъ въ пользу Яковлева. Блудовъ вѣрно знаетъ. Также спроси у него: нѣтъ ли еще чего-нибудь Озеровова, мало извѣстнаго? Онъ перевелъ героиду Элопзы — Колардо. Гдѣ она? Что она? Ради Бога, господа, помогите мнѣ. Озеровъ стоитъ, чтобы объ немъ похлопотать: грѣшно забвеніе, въ которое ввергли мы его. Все, что отыскать можешь печатнаго или письменнаго Озерова, пришли мнѣ»[1]). Дмитрій Николаевичъ Блудовъ приходился съ родни

1) Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. I. Переписка князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. Т. I, стр. 53 и 54.

Озерову, и Тургеневъ дѣйствительно обратился къ нему за содѣйствіемъ, Блудовъ оказалъ его съ радостью; но Вяземскій, не смотря на полученіе матеріаловъ, все еще чувствовалъ себя недостаточно подготовленнымъ для исполненія задуманнаго труда. 16-го октября онъ писалъ Тургеневу: «Благодарю Кассандру (арзамасское прозвище Блудова) за пророческую ея радость. Я теперь и жалѣю, что объявилъ желаніе свое писать объ Озеровѣ. Помню пословицу: собака лежитъ на сѣнѣ. Самъ ничего хорошаго не сдѣлаю, а другихъ отведу» [1]). Немного позже Вяземскій писалъ и самому Блудову: «Возвращаю вамъ, любезнѣйшій Дмитрій Николаевичъ, «Смерть Олега», которую я списалъ съ вашего позволенія. «Смерть Олега» не предсказывала безсмертія Озерову, хотя и видны въ ней нѣкоторыя поэтическія замашки. Въ переводѣ героиды найдешь болѣе признаковъ грядущаго Озерова. Ее возвращу вамъ немедленно. Посторонніе занятія не позволили мнѣ идти скорыми шагами къ цѣли, мнѣ вами предположенной. Надѣюсь теперь быть поворотливѣе. Ожидаю отвѣта вашего на мои распросы и присылки нужныхъ матеріаловъ» [2]). Оказалось однако, что въ жизни Озерова было немало печальныхъ обстоятельствъ, оглашеніе которыхъ, по крайней мѣрѣ въ то время, представлялось неудобнымъ: поэтому біографическій отдѣлъ въ статьѣ Вяземскаго вышелъ очень невеликъ, и главное мѣсто отведено въ ней оцѣнкѣ произведеній покойнаго трагика.

Князь Вяземскій говоритъ о литературной дѣятельности Озерова съ большимъ увлеченіемъ. Онъ провозглашаетъ его преобразователемъ русской трагедіи и заслугу его въ этомъ отношеніи сравниваетъ съ заслугой Карамзина въ дѣлѣ преобразованія нашего прозаическаго языка. Трагедіи предшественниковъ Озерова были, по мнѣнію Вяземскаго, «мертвыми подражаніями французской классической трагедіи, въ которыхъ иногда кое-какъ сохранены узаконенныя условія, проповѣдуемыя драматическими піитиками. Трагедіи Озерова... и въ самыхъ погрѣшностяхъ своихъ представляютъ намъ отступленія отъ правилъ, исполненныя жизни и носящія свой образъ. Какъ трагикъ, Озеровъ неоспоримо стоитъ въ лѣтописи отечественной словесности побѣдителемъ своихъ предшественниковъ и опаснымъ соперникомъ для послѣдователей... Озеровъ-трагикъ можетъ

1) Остафьевскій архивъ. I, стр. 57 и 58.
2) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1887 годъ, стр. 220 и 221.

и долженъ служить образцомъ на театрѣ нашемъ». Достаточно этой небольшой выписки, чтобы видѣть, что Вяземскій, когда писалъ свою статью объ Озеровѣ, стоялъ еще на уровнѣ общераспространенныхъ тогда мнѣній, опиравшихся на образцы, данные почти исключительно французскою литературой и критикой. Понятно поэтому, что статья его была встрѣчена общимъ одобреніемъ; впослѣдствіи она еще три раза перепечатывалась при повторявшихся изданіяхъ сочиненій Озерова (въ 1824, 1827 и 1828 годахъ), безъ измѣненій. Только въ изданіи 1828 года къ ней присоединено было слѣдующее примѣчаніе: «Преждевременная смерть Озерова, внезапно похитившая пріятнѣйшія надежды русской Мельпомены, сильно поразила всѣхъ любителей словесности. Князь П. А. Вяземскій, будучи тогда двадцати-четырехъ лѣтъ, написалъ помѣщаемую здѣсь біографію нашего трагика. Каковы бы ни были теперь мнѣнія автора о драматической поэзіи, его замѣчанія драгоцѣнны, какъ первыя движенія чувствительности, свѣжіе цвѣты, принесенные имъ на гробницу поэта».

Очевидно, это примѣчаніе не принадлежитъ самому автору статьи; но написанное постороннею рукой, оно все-таки любопытно, вопервыхъ, какъ свидѣтельство объ общемъ сочувствіи, вызванномъ въ свое время статьей Вяземскаго объ Озеровѣ, и вовторыхъ, по содержащемуся тутъ указанію на измѣнившіяся литературныя мнѣнія князя. Такое заявленіе едва ли могло быть сдѣлано безъ его собственнаго согласія. Дѣйствительно, князь Вяземскій очень скоро послѣ напечатанія статьи почувствовалъ необходимость произвести въ ней существенныя перемѣны. Еще въ августѣ 1819 года онъ писалъ Тургеневу: «Сдѣлай одолженіе кстати, отыщи мою статью объ Озеровѣ: мнѣ ее хочется дополнить. Я и то, кажется, въ ней нападаю на французскій покрой нашего драматическаго искусства; теперь хочу разорвать въ клочки французскія фижмы нашей Мельпомены. У меня много скопилось мыслей на этотъ счетъ: введу ихъ въ статью объ Озеровѣ или напишу другую». Высказанное въ этихъ словахъ намѣреніе осталось не исполненнымъ. Но въ теченіе двадцатыхъ годовъ князь много и сильно ратовалъ на поприщѣ критики, и хотя въ сущности никогда не являлся крайнимъ литературнымъ новаторомъ, его сужденія дѣйствительно значительно отдалились въ это время отъ той точки зрѣнія, на которой онъ еще могъ стоять въ 1816 году. Такъ напримѣръ, въ одной изъ его ста-

тей 1826 года, гдѣ между прочимъ сообщалось, что Пушкинъ пишетъ трагедію «Борисъ Годуновъ», можно было прочесть слѣдующія разсужденія, имѣющія отношенія и къ Озерову: «По моему, должно надѣяться, что онъ (Пушкинъ) подаритъ насъ образцовымъ опытомъ первой трагедіи народной и вырветъ ее изъ колеи, проведенной у насъ Сумароковымъ не съ легкой, а развѣ съ тяжелой руки. Благоговѣя предъ поэтическимъ геніемъ Расина, сожалѣю, что онъ завѣщалъ почти всѣмъ русскимъ послѣдователямъ не тайну стиховъ своихъ, а одну обрѣзанную, накрахмаленную и по закону тогдашняго общества сшитую мантію своей парижской Мельпомены. Какъ жаль, что Озеровъ, при поэтическомъ своемъ дарованіи, не дерзнулъ переродить трагедію нашу! Тѣмъ болѣе опытъ Пушкина любопытенъ и важенъ».

Много лѣтъ спустя, не задолго до своей кончины, князь Вяземскій, приготовляя къ печати собраніе своихъ сочиненій, самъ бросилъ критическій взглядъ на свой ранній этюдъ. Онъ говоритъ о немъ съ отеческою нѣжностью; признаетъ, что его произведеніе «слабо, неполно», но вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ, что въ немъ «многое угадано и выражено если не совсѣмъ вѣрно, то иногда довольно удачно и ново». Не скрываетъ онъ и недостатковъ своего молодого труда: «Есть кое-гдѣ неправильность въ языкѣ: какая-то напряженность, излишняя искусственность въ выраженіи вслѣдствіе короткаго знакомства моего съ французскими образцами стараго времени, длина, растянутость нѣкоторыхъ періодовъ». Кромѣ того, Вяземскій добросовѣстно отрекается отъ двухъ своихъ прежнихъ утвержденій—что заслуга Озерова можетъ быть сравнена съ заслугой Карамзина, и что Озеровъ можетъ и долженъ служить образцомъ для нашихъ трагиковъ.

Въ богатомъ литературными памятниками Остафьевскомъ архивѣ князя П. А. Вяземскаго отыскался еще одинъ замѣчательный документъ, имѣющій отношеніе къ его этюду объ Озеровѣ. Сохранился печатный экземпляръ этой статьи [1]) съ проложенными бѣлыми листами (въ нихъ водяной знакъ 1825 года), на которыхъ, а равно на поляхъ печатнаго текста, находится рядъ критическихъ замѣтокъ, какъ о статьѣ Вяземскаго, такъ и о самомъ Озеровѣ. Замѣтки эти принадлежатъ А. С. Пушкину. Надобно думать, что онѣ набросаны

1) Отдѣльный оттискъ изъ изданія 1816 года, на веленевой бумагѣ.

не ранѣе сентября 1826 года, когда Пушкинъ впервые увидѣлся съ Вяземскимъ по возвращеніи изъ ссылки, и не позже первыхъ мѣсяцевъ 1828 года, когда была закончена перепечатка статьи Вяземскаго съ вышеупомянутымъ примѣчаніемъ. Весьма возможно, что именно въ виду этой перепечатки князь Петръ Андреевичъ еще разъ обратился было къ мысли передѣлать свою прежнюю статью и потому пожелалъ узнать о ней мнѣніе Пушкина; но затѣмъ мысль о переработкѣ стараго труда опять была оставлена. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что замѣтки Пушкина относятся къ періоду его зрѣлости, когда уже созданъ былъ «Борисъ Годуновъ», а «Евгеній Онѣгинъ» приближался къ окончанію.

Критическіе пріемы Вяземскаго Пушкинъ очень любилъ, хотя нерѣдко расходился съ нимъ въ литературныхъ сужденіяхъ. Въ 1827 году, сравнивая два московскіе журнала между собою, онъ писалъ Погодину: «*Московскій Вѣстникъ*, по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію, лучшій изъ нашихъ журналовъ. Въ *Телеграфѣ* похвально одно ревностное трудолюбіе, а хороши однѣ статьи Вяземскаго; но за то за одну статью Вяземскаго въ *Телеграфѣ* отдамъ три дѣльныхъ статьи *Московскаго Вѣстника*. Его критика, положимъ, несправедлива; но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны; онъ мыслитъ, сердитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста». Это же мнѣніе Пушкинъ высказывалъ и въ печати, на столбцахъ *Литературной Газеты* 1830 года. За много лѣтъ передъ тѣмъ, еще въ 1823 году, онъ писалъ А. А. Бестужеву: «Признаюсь, ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется спорить, какъ съ тобою да съ Вяземскимъ: вы одни можете разгорячить меня». Замѣчанія Пушкина на статью объ Озеровѣ, въ своей живой, отрывочной формѣ, являются именно какъ бы образцомъ такого спора. Прибавимъ къ тому, что въ данномъ случаѣ Пушкинъ находился въ особенно выгодномъ положеніи: онъ разсматривалъ почти юношескій трудъ Вяземскаго, трудъ, защищать который на всѣхъ пунктахъ не желалъ и самъ авторъ спустя десять лѣтъ по его написаніи. И должно сказать, Пушкинъ не пощадилъ своего пріятеля.

Замѣчанія Пушкина равно касаются и внѣшней формы статьи, и ея содержанія. Писатели двадцатыхъ годовъ были вообще внимательнѣе, чѣмъ нынѣшніе, къ построенію своихъ произведеній, къ ихъ отдѣлкѣ и особенно къ слогу. Пушкинъ придавалъ большое

значеніе этой сторонѣ литературнаго труда и даже свои мелкія прозаическія статьи обработывалъ такъ же тщательно, какъ стихотворенія. Поэтому, разсматривая критико-біографическій опытъ Вяземскаго, онъ не могъ оставить безъ вниманія и внѣшнюю форму этой статьи.

Что касается ея слога, то, какъ мы уже видѣли выше, самъ Вяземскій, въ старости, признавалъ его слишкомъ искусственнымъ и недостаточно точнымъ. Мастерство изложенія, которымъ Вяземскій отличался впослѣдствіи, онъ проявилъ не сразу, а выработалъ постепенно, въ особенности въ теченіе первой половины двадцатыхъ годовъ, когда ему пришлось вести дѣятельную журнальную полемику. И Пушкинъ первый привѣтствовалъ этотъ успѣхъ своего пріятеля. «Слогъ твой чудесно шагнулъ впередъ», писалъ онъ князю въ 1824 году по поводу одной изъ его полемическихъ статей, а годъ спустя, по поводу другой, снова повторялъ: «Твой слогъ живой и оригинальный тутъ еще живѣе и оригинальнѣе». Но это говорилось уже въ ту пору, когда Вяземскій сталъ опытнымъ журнальнымъ бойцомъ. Подъ такими-то впечатлѣніями пришлось Пушкину перечитывать ранній опытъ Вяземскаго: естественно, что слогъ этой статьи непріятно поразилъ его своимъ приподнятымъ тономъ. «Да говори просто: ты довольно уменъ для этого», восклицаетъ Пушкинъ, встрѣтивъ въ статьѣ объ Озеровѣ слѣдующую пышную фразу: «Изъ нашихъ драматическихъ твореній всякое болѣе или менѣе ознаменовано печатію отверженія, наложенною на нашъ театръ рукою Таліи и Мелпомены». На другой страницѣ той же статьи Пушкинъ прочелъ такія слова: «главнымъ свойствомъ его сердца была любовь къ друзьямъ» — и спѣшитъ замѣтить: «любовь къ друзьямъ — по русски *дружба*, не свойство, а страсть развѣ». Много неудачныхъ выраженій Вяземскаго Пушкинъ просто зачеркиваетъ или замѣняетъ своею поправкою; такъ напримѣръ, противъ словъ: «и совсѣмъ поглотила его бездна забвенія» онъ пишетъ: «и совсѣмъ его забыли (проще и лучше)». Въ одномъ случаѣ Вяземскій не удержался отъ игры словами: «Новѣйшіе, рабски слѣдуя древнимъ, приняли ихъ мѣрку, не заботясь о выкройкѣ ихъ». Пушкинъ самъ былъ мастеръ на острословіе; но въ данномъ случаѣ, когда дѣло шло о размѣрахъ древней и новой трагедіи, онъ счелъ неумѣстнымъ примѣненіе терминовъ портняжнаго ремесла къ поэзіи и отечески пожурилъ пріятеля: «Перестань, не шали!» Лишь изрѣдка счастливый оборотъ рѣчи

у Вяземскаго вызываетъ одобреніе Пушкина, выражаемое словами: «Хорошо», «прекрасно»; но и въ такихъ случаяхъ дѣло не всегда обходится безъ поправки: такъ, выраженіе Вяземскаго: «въ льдистомъ сосудѣ» понравилось поэту, очевидно, по своей образности; онъ написалъ на полѣ: «Хорошо, смѣло», но тутъ же предложилъ и исправленіе: «не въ ледяномъ ли?»

Кромѣ того, въ этюдѣ Вяземскаго Пушкинъ находилъ, съ одной стороны, ненужныя распространенія, а съ другой — кое-гдѣ недосказанность. Длинно̀ты онъ зачеркнулъ въ самомъ текстѣ, отмѣтивъ притомъ на поляхъ: «лишнее», «повтореніе уже сказаннаго», а тамъ, гдѣ видѣлъ неполноту изложенія, ставилъ знакъ вопроса или писалъ: «гдѣ? какъ?» или: «почему? пзъясни». Особенно недоволенъ онъ остался тѣмъ, какъ Вяземскій разсказалъ исторію сердечныхъ треволненій Озерова. «Все это сбивчиво», пишетъ Пушкинъ на полѣ;— «ты сперва говоришь о его любви, потомъ о его романизмѣ въ трагедіяхъ, потомъ о дружбѣ, потомъ опять о любви, опять о щекотливости, опять о любви. Болѣе методы, ясности!» Среди этихъ упрековъ Пушкинъ не замѣтилъ и не оцѣнилъ даже очень вѣрнаго замѣчанія Вяземскаго, что чтеніе старинныхъ романовъ дало особый характерный оттѣнокъ вымысламъ фантазіи Озерова. Въ одномъ изъ подобныхъ замѣчаній Пушкина слышится даже нѣкоторая жесткость. Вяземскій, вспоминая, что Озеровъ въ молодости перевелъ героиду Колардо «Элоиза къ Абелару», замѣчаетъ, что было бы несправедливо «не признать грядущаго поэта» въ этомъ трудѣ, а Пушкинъ противъ этихъ словъ приписываетъ на полѣ: «Какъ тебѣ не стыдно распространяться объ этомъ! Все это лишнее».

Всего важнѣе и любопытнѣе однако тѣ замѣчанія Пушкина, которыя касаются не внѣшней формы и строя статьи Вяземскаго, а литературныхъ сужденій, высказанныхъ въ ней авторомъ. Какъ уже было замѣчено, Вяземскій первоначально воспитался на французской классической литературѣ XVII и XVIII столѣтій, и таковъ именно онъ былъ въ 1816 году, когда писалъ объ Озеровѣ. Вскорѣ затѣмъ его литературный горизонтъ значительно расширился подъ вліяніемъ знакомства съ Байрономъ, Вальтеромъ Скоттомъ, Шиллеромъ, Гёте и Шекспиромъ и подъ впечатлѣніемъ творчества Жуковскаго и особенно Пушкина. Тотъ же путь развитія подъ иностранными вліяніями прошелъ и Пушкинъ, но по силѣ своего даро-

ванія онъ воспринялъ ихъ гораздо глубже всѣхъ своихъ современниковъ и затѣмъ, постепенно освободившись отъ чужихъ вліяній, вышелъ на путь самостоятельнаго творчества. Въ ту пору, когда онъ перечитывалъ молодой трудъ Вяземскаго, онъ былъ уже вполнѣ самобытный художникъ и имѣлъ самостоятельныя воззрѣнія на поэзію, выработанныя собственнымъ опытомъ гораздо болѣе, чѣмъ изученіемъ образцовъ. Преданія старой, отживающей критики утратили для него всякое значеніе, и къ сужденіямъ, въ которыхъ еще чувствовался ихъ слѣдъ, онъ не могъ относиться равнодушно. Этимъ объясняется характеръ его возраженій противъ сужденій, высказанныхъ Вяземскимъ въ статьѣ объ Озеровѣ.

Въ критической части своего этюда Вяземскій, прежде чѣмъ представить оцѣнку произведеній Озерова, счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ его предшественникахъ на поприщѣ русской драматургіи. О Сумароковѣ онъ судитъ очень строго, и хотя признаетъ въ немъ умъ и дарованіе, относительно его сочиненій замѣчаетъ только, что «въ трагедіяхъ Сумароковъ такъ же выше комедій своихъ, какъ Княжнинъ въ комедіяхъ выше трагедій Сумарокова и своихъ собственныхъ». Пушкинъ тоже былъ невысокаго мнѣнія о Сумароковѣ: въ одной изъ своихъ критическихъ статей онъ называетъ его «несчастнѣйшимъ изъ подражателей», а трагедіи его — «вялыми и холодными», «исполненными противомыслія, написанными варварскимъ языкомъ». Согласно съ такимъ мнѣніемъ, и въ замѣткахъ на статью объ Озеровѣ противъ сдѣланнаго Вяземскимъ сопоставленія Сумарокова съ Княжнинымъ онъ пишетъ: «Изъ этого не вижу: въ немъ все дрянь, кромѣ нѣкоторыхъ одъ». Это послѣдняя оговорка представляется намъ не совсѣмъ понятною: трудно догадаться, какія стихотворенія Сумарокова поэтъ могъ исключать изъ «дряни», наполняющей многотомное собраніе его сочиненій; не разумѣлъ ли онъ, быть можетъ, тѣ немногія піесы, въ которыхъ Сумароковъ пользовался мотивами и выраженіями народной поэзіи? Такая догадка становится допустимою, когда мы прочтемъ слѣдующія—впрочемъ, не совсѣмъ справедливыя—слова, которыми Пушкинъ заключаетъ свое сужденіе объ «отцѣ русскаго театра»: «NB. Сумароковъ прекрасно зналъ русскій языкъ (лучше, нежели Ломоносовъ)».

Къ Княжнину Вяземскій отнесся въ своей статьѣ очень благосклонно: «Княжнинъ первый положилъ твердое основаніе какъ трагическому, такъ и комическому слогу. Лучшая комедія въ стихахъ

на нашемъ театрѣ есть неоспоримо «Хвастунъ», хотя и въ ней критика найдетъ много недостатковъ, и вкусъ не всѣ стихи освятилъ своею печатью. Но за то сколько сценъ истинно комическихъ, являющихъ блестящія дарованія автора! Сколько счастливыхъ стиховъ, вошедшихъ непримѣтно въ пословицы! Сколько цѣлыхъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ, такъ сказать, о зрѣлости слога Княжнина!... «Утѣшенная вдова» до сего времени можетъ служить у насъ образцовою (комедіей) по достоинству прозаическаго и комическаго слога, тонкой насмѣшки и веселости». Излишество въ этихъ похвалахъ не могло не поразить Пушкина; еще въ 1825 году, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Бестужеву, онъ съ иронією говорилъ, что у насъ «Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою»; въ замѣткахъ на статью Вяземскаго онъ счелъ необходимымъ предостеречь его отъ подобныхъ увлеченій. «Хвастунъ», напоминаетъ ему Пушкинъ, — «переводъ изъ «L'Important»; я не читалъ подлинника, пересмотри»; а по поводу «Утѣшенной вдовы» онъ прибавляетъ: «Полно, такъ ли?» О Княжнинѣ, какъ авторѣ трагедій, Вяземскій судилъ болѣе строго и находилъ даже, что «главный недостатокъ Княжнина происходитъ отъ свойствъ души его: онъ не рожденъ трагикомъ». «То-есть, онъ просто не поэтъ», коротко поясняетъ со своей стороны Пушкинъ. Впослѣдствіи, когда Вяземскій писалъ свою книгу о Фонвизинѣ, онъ самъ почувствовалъ необходимость поумѣрить похвалы Княжнину и высказался о немъ гораздо осторожнѣе.

Кстати о Фонвизинѣ. Вяземскій, признавшій нужнымъ благосклонно отозваться о прозаической комедіи Княжнина, упомянулъ о піесахъ Фонвизина лишь вскользь, въ подстрочномъ примѣчаніи. Очевидно, въ глазахъ Вяземскаго еще сохраняли значеніе понятія старинной литературной теоріи, по которымъ комедія въ прозѣ считалась ниже, чѣмъ комедія въ стихахъ. Пушкина такія соображенія уже не могли стѣснять. «Фонвизинъ»—говорится въ примѣчаніи Вяземскаго—«умѣлъ быть оригинальнымъ и хорошимъ стихотворцемъ, но писалъ прозою комедіи, донынѣ лучшія на нашемъ театрѣ, и даже единственныя, какъ по силѣ представленныхъ нравовъ и характеровъ, такъ и по разговору, который блистаетъ непринужденнымъ остроуміемъ». «Не поэтому», возражаетъ въ своей замѣткѣ къ приведеннымъ словамъ Пушкинъ. — «Но о Фонвизинѣ поговоримъ послѣ». Къ сожалѣнію, Пушкинъ не привелъ своего намѣренія въ исполненіе. Несомнѣнно однако, что онъ цѣнилъ Фонвизина высоко, и

не за силу его сатиры или за его остроуміе, а за жизненность образовъ, созданныхъ его творчествомъ: довольно вспомнить его восторженный отзывъ про «Разговоръ у княгини Халдиной». Когда Вяземскій въ концѣ двадцатыхъ годовъ принялся за большой трудъ о Фонвизинѣ, Пушкинъ горячо привѣтствовалъ это предпріятіе и, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ князю въ уясненіи и разработкѣ его задачи.

Вообще, какъ извѣстно, въ русской литературѣ XVIII вѣка Пушкинъ, хорошо ее знавшій, признавалъ только три крупныя дарованія — Ломоносова, Фонвизина и Державина. Такъ, и при разборѣ статьи Вяземскаго, прочитавъ его слова, что стихи Державина къ Озерову «отзываются старостью поэта и не стоютъ прозы Озеровой», Пушкинъ поспѣшилъ замѣтить: «Милый мой, уважай отца Державина, не равняй его стиховъ съ прозой Озерова!» А между тѣмъ никто лучше Пушкина не видѣлъ недостатковъ Державинскаго стихотворства.

Мы уже упоминали о томъ, что князь Вяземскій, въ своей статьѣ, рѣшился даже провести паралель между заслугами Озерова, какъ «преобразователя русской трагедіи», и заслугами Карамзина, «преобразователя прозаическаго языка». «Оба», говорилъ онъ, — «оставили между собою и предшественниками своими великое разстояніе. Судя по твореніямъ, которыя застали они, нельзя не признать, что ими вдругъ подвинулось искусство, и если бы не при насъ случилось сіе важное преобразованіе, трудно было бы повѣрить, что оно не приготовлено было твореніями, отъ насъ утраченными. Но для нѣкоторыхъ людей сей геркулесовскій подвигъ не существуетъ». Въ этихъ послѣднихъ словамъ Вяземскій намекаетъ на Шишкова, который одинаково враждебно высказывался и противъ Карамзина, и противъ Озерова, предпочитая послѣднему даже Сумарокова. Пушкинъ, разумѣется, не желалъ да и не могъ оказаться единомышленникомъ адмирала-литератора; тѣмъ не менѣе, онъ не находилъ справедливымъ сопоставленіе, сдѣланное Вяземскимъ. «Большая разница», спѣшитъ онъ отвѣтить на слова послѣдняго; — «Карамзинъ — великій писатель во всемъ смыслѣ этого слова, а Озеровъ — очень посредственный. Озеровъ сдѣлалъ шагъ въ слогѣ, но искусство чуть ли не отступило. Геркулесовскаго въ немъ нѣтъ ничего». Нѣсколько далѣе Вяземскій, впадая отчасти въ противорѣчіе съ самимъ собою, замѣчаетъ, что, не смотря на дѣ-

ятельность Озерова, «драматическое искусство у насъ еще въ колыбели». Пушкинъ немедленно подхватываетъ это выраженіе и пишетъ на полѣ противъ него: «Гдѣ же геркулесовскій подвигъ Озерова?» Еще далѣе Вяземскій высказываетъ мнѣніе, что «Эдипъ въ Аѳинахъ» поставилъ Озерова «на степень первѣйшаго нашего трагика». Пушкинъ подчеркиваетъ слово *первѣйшій* и сбоку приписываетъ:

Въ Москвѣ считался знаменитымъ,
Затѣмъ что былъ одинъ.

Наконецъ, встрѣтивъ въ статьѣ Вяземскаго собственное признаніе Озерова, что чтеніе стиховъ ничтожнаго французскаго поэта прошлаго вѣка Колардо «открыло ему путь парнасскій», Пушкинъ тонко замѣчаетъ: «Это даетъ мнѣ мѣрку дарованія Озерова». Все это показываетъ, что Пушкинъ признавалъ талантъ автора «Димитрія Донского» блѣднымъ и слабымъ, и между прочимъ неспособнымъ именно къ творчеству драматическому.

Какъ и слѣдовало ожидать, князь Вяземскій отводитъ въ своей статьѣ много мѣста разбору отдѣльныхъ трагедій Озерова. Эта часть статьи, по видимому, мало удовлетворила Пушкина, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвала съ его стороны лишь небольшое число замѣчаній. Въ разборѣ «Эдипа въ Аѳинахъ» онъ просто зачеркиваетъ отдѣльныя выраженія и цѣлыя фразы, ему не понравившіяся, но только въ рѣдкихъ случаяхъ сопровождаетъ эти помарки своими замѣчаніями. Должно признать, что ни авторъ статьи, ни его критикъ не были на столько хорошо знакомы съ Софокломъ, чтобъ основательно судить, какъ далеко Озеровъ отступилъ отъ своего греческаго образца; притомъ, оба они упустили изъ виду, что русскій трагикъ руководствовался не прямо трагедіей древняго поэта, а ея плохими передѣлками, принадлежавшими XVIII вѣку. При такихъ условіяхъ замѣчанія Вяземскаго объ «Эдипѣ въ Аѳинахъ» получили характеръ нѣсколько случайный и нетвердый, и въ свою очередь возраженія на нихъ со стороны Пушкина какія-то отрывочныя и недосказанныя. Такъ, у Вяземскаго встрѣчается, напримѣръ, такая фраза: «Отнимая у Эдипа все то, что, такъ сказать, теряется для глазъ нашихъ, — его несчастіе, благородная твердость, нѣжная любовь его дочери имѣютъ еще довольно правъ на состраданіе, и повѣсть Эдипа останется всегда богатымъ и счастливымъ наслѣд-

ствомъ древнихъ, которымъ успѣшно могутъ пользоваться и новѣйшіе трагики». Читая эту фразу, трудно догадаться, что въ первой половинѣ ея авторъ намекаетъ на значеніе рока, судьбы въ жизни Эдипа, значеніе, соотвѣтственное языческимъ представленіямъ древнихъ грековъ, но совершенно чуждое нашимъ христіанскимъ понятіямъ. Пушкинъ, быть можетъ, и чувствовалъ неясность этого намека, но со своей стороны ограничился лишь слѣдующею, тоже неопредѣленною оговоркой противъ вышеприведенной фразы: «Критика слишкомъ незрѣлая». Далѣе, въ своей попыткѣ сравнить Озеровскаго «Эдипа въ Аѳинахъ» съ Софокловымъ «Эдипомъ въ Колонѣ» Вяземскій проводитъ параллель между тѣмъ, какимъ образомъ древній и новый поэты привели трагедію къ развязкѣ. У Софокла трагедія кончается смертью Эдипа, но самая эта смерть облечена покровомъ таинственности: Эдипъ загадочно погибаетъ въ святилищѣ мстительныхъ Евменидъ. Таково было древнее преданіе, и Софоклъ остался ему вѣренъ. Напротивъ того, Озеровъ отступилъ отъ него самымъ произвольнымъ образомъ: у него Эдипъ, послѣ всѣхъ своихъ злоключеній, остается живъ, а умираетъ его врагъ Креонъ, и такимъ образомъ наивно достигается нравоучительная цѣль трагедіи: порокъ наказанъ, а добродѣтель торжествуетъ. Странность такой развязки — кстати сказать, совершенно не соотвѣтствующей древнему преданію, ибо надъ Эдипомъ все-таки тяготѣетъ преступленіе, хотя и невольное, — не ускользнула отъ строгаго осужденія со стороны Вяземскаго: «Озеровъ, какъ сказываютъ, сперва и хотѣлъ перенести въ свою трагедію прекрасный конецъ Софокловой; но одинъ актеръ, въ школѣ Сумарокова воспитанный, испугалъ его, предсказывая, что публика дурно приметъ конецъ, столь противный общимъ понятіямъ о цѣли драматическихъ твореній, и родилъ въ немъ мысль развязать трагедію смертію Креона. Озеровъ принялъ этотъ совѣтъ и лишилъ себя и насъ счастливаго, можетъ быть, единственнаго случая познакомиться съ сверхъестественными окончаніями древняго театра. Такимъ образомъ вкоренѣлые предразсудки и уполномоченные представители ихъ въ обществѣ загражданютъ произвольными межами путь генію, еще не довольно возмужавшему, чтобы съ постоянною смѣлостью презрѣть ихъ въ полетѣ своемъ». Замѣчаніе Вяземскаго сводится въ концѣ концовъ лишь къ тому заключенію, что развязка трагедіи въ томъ видѣ, въ какомъ представилъ ее Софоклъ, могла бы быть эффектною и на современ-

ной сценѣ; о чисто же античномъ свойствѣ этой развязки, въ смыслѣ примиренія невольнаго преступника (а съ нимъ вмѣстѣ и зрителей) съ неизбѣжною силой рока, князь Вяземскій и не думалъ; онъ даже прямо говоритъ, что не дѣло трагическаго поэта заботиться о жребіи и приговорѣ Провидѣнія. Еще менѣе Пушкинъ думалъ о томъ, какъ древніе разумѣли конечную судьбу Эдипа; въ своей замѣткѣ къ послѣднимъ изъ приведенныхъ словъ Вяземскаго онъ предлагаетъ только частную поправку: «Тутъ не было ни генія, ни смѣлаго полета, — просто вкусъ». То-есть, *дурной вкусъ* Озерова и его совѣтниковъ; словомъ, Пушкинъ остается при своемъ убѣжденіи на счетъ слабости дарованія Озерова; но изъ его поправки нельзя заключить, сочувствовалъ ли онъ справедливому сожалѣнію Вяземскаго объ устраненіи Софокловой развязки. Вообще, по вопросу о нравственномъ значеніи трагедіи, поднятому Вяземскимъ по поводу «Эдипа въ Аѳинахъ», Пушкинъ старается или вовсе не высказываться, или переноситъ его на чисто эстетическую почву. Слова Вяземскаго, что «трагикъ не есть уголовный судія», вызываютъ у него восклицаніе: «прекрасно!» Но когда, вслѣдъ затѣмъ, Вяземскій впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою и говоритъ: «Обязанность его (трагика) и всякаго писателя есть согрѣвать любовію къ добродѣтели и воспалять ненависть къ пороку... Великіе трагики и изъ новѣйшихъ чувствовали сію истину, и Вольтеръ, поражая Зонира и щадя Магомета, не былъ ни гонителемъ добродѣтели, ни льстецомъ порока», — Пушкинъ спѣшитъ возразить на это разсужденіе слѣдующими горячими словами: «Ни чуть! Поэзія выше нравственности, или по крайней мѣрѣ, совсѣмъ иное дѣло. Господи Іисусе! Какое дѣло поэту до добродѣтели и порока? Развѣ — ихъ одна поэтическая сторона». Было бы излишне входить въ толкованіе этихъ словъ: понятыя слишкомъ буквально, они, конечно, могутъ показаться односторонними; но буквальное объясненіе отдѣльной, отрывочной фразы недостаточно и не можетъ быть правильнымъ; въ замѣткѣ Пушкина рѣчь идетъ не о томъ, что поэтъ въ своемъ творчествѣ не связанъ высшимъ нравственнымъ закономъ, а о томъ, что свобода созданія есть его неоспоримое, естественное право.

По поводу другой трагедіи Озерова «Фингалъ» князь Вяземскій возбуждаетъ вопросъ о томъ, на сколько поэмы Оссіана, служившія въ данномъ случаѣ источникомъ для русскаго автора, во-

обще способны представить матеріалъ для трагедіи. Между тѣмъ какъ «воображеніе Гомера богато, роскошно и разноцвѣтно, какъ вѣчная весна, царствующая на отеческихъ его поляхъ», почему и произведенія его открываютъ «богатый рудникъ трагикамъ», — «воображеніе Оссіана сурово, мрачно, однообразно, какъ вѣчные снѣга его родины. У него одна мысль, одно чувство: любовь къ отечеству, и сія любовь согрѣваетъ его въ холодномъ царствѣ зимы и становится обильнымъ источникомъ его вдохновенія. Его герои—ратники, поприще ихъ славы — бранное поле, алтари — могилы храбрыхъ... Сѣверный поэтъ переносится подъ небо, сходное съ его небомъ, созерцаетъ природу, сродную его природѣ, встрѣчаетъ въ нравахъ сыновъ ея простоту, въ подвигахъ ихъ — мужество, которыя рождаютъ въ немъ темное, но живое чувство убѣжденія, что предки его горѣли тѣмъ же мужествомъ, имѣли ту же простоту въ нравахъ, и что свойства сихъ однородныхъ дикихъ сыновъ сѣвера отлиты были природою въ общемъ льдистомъ сосудѣ.... Но» продолжаетъ Вяземскій, — «ровное и, такъ сказать, одноцвѣтное поле Оссіановыхъ поэмъ обѣщаетъ ли богатую жатву для трагедіи, требующей дѣйствія сильныхъ страстей, безпрестаннаго ихъ боренія и великихъ послѣдствій? Не думаю». Мотивовъ этого отрицательнаго отвѣта Вяземскій уже не развиваетъ далѣе, ибо отчасти указалъ ихъ выше, при самой постановкѣ вопроса. Мнѣніе критика остается такимъ образомъ не вполнѣ выясненнымъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя отказать ему въ справедливости. Макферсоновъ «Оссіанъ» вовсе не является наивнымъ созданіемъ пастоящаго народнаго эпоса, въ которомъ таятся разнообразные источники дальнѣйшаго поэтическаго развитія. Та доля оригинальности, которая должна быть признана за поэмами, изданными Макферсономъ, заключается не въ ихъ эпическихъ темахъ, а въ новыхъ, дотолѣ невѣдомыхъ литературѣ формахъ лиризма; лиризмъ этотъ былъ вызванъ къ жизни вѣяніями своего времени и отвѣчалъ новымъ потребностямъ тогдашнихъ образованныхъ людей — пробужденію въ нихъ склонности къ меланхолическому созерцанію красотъ дикой природы, теоретическому ихъ увлеченію простыми и чистыми нравами людей, не испорченныхъ цивилизаціей. Такимъ образомъ, въ лучшей, самой жизненной сторонѣ поэмъ, приписываемыхъ Оссіану, дѣйствительно не было матеріала для разработки трагическихъ сюжетовъ; въ этомъ смыслѣ и слѣдуетъ признать вѣрною мысль, высказанную Вяземскимъ.

даже еслибъ онъ самъ не давалъ себѣ полнаго отчета въ ея основаніяхъ.

Не больше отчетливости мы можемъ ожидать и во взглядѣ Пушкина на поэмы Оссіана. Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ забывать, что среди разныхъ литературныхъ вліяній, пережитыхъ Пушкинымъ, имъ была заплачена, въ очень ранней юности, нѣкоторая дань и каледонскому барду; онъ былъ, слѣдовательно, знакомъ съ особенностями и настроеніемъ Оссіановской поэзіи. Въ бѣглой замѣткѣ, написанной Пушкинымъ противъ вышеприведеннаго вопросо-отвѣта Вяземскаго, онъ говоритъ: «Что общаго между однообразіемъ Оссіановскихъ поэмъ и трагедіей, которая заимствуетъ у нихъ единый слогъ?» Слово *слогъ* здѣсь нужно понимать, конечно, не въ тѣсномъ значеніи правильнаго и краснаго выраженія, а въ томъ смыслѣ, который данъ ему въ знаменитомъ афоризмѣ Бюффона: «Le style est l'homme même». Подъ слогомъ Пушкинъ разумѣетъ здѣсь не только стройность рѣчи, но и ея соотвѣтствіе съ мыслями и чувствами писателя. Такимъ образомъ, Пушкинъ признаетъ, что въ «Фингалѣ» Озеровъ умѣлъ усвоить себѣ настроеніе Оссіановскихъ поэмъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря, что Озеровъ заимствовалъ въ своемъ источникѣ «единый слогъ», онъ даетъ понять, что русскій авторъ отклонился отъ Оссіана въ разработкѣ избранной имъ темы. Дѣйствительно, сюжетъ трагедіи Озерова почерпнутъ изъ III-й пѣсни приписываемой Оссіану поэмы «Фингалъ», но русскій авторъ значительно передѣлалъ его по-своему или, лучше сказать, въ духѣ псевдоклассической трагедіи, а главное — измѣнилъ и даже исказилъ характеры дѣйствующихъ лицъ. Въ подлинникѣ они проще и цѣльнѣе, въ русской передѣлкѣ на нихъ наложена печать искусственности. У Оссіана Фингалъ — открытая, прямодушная натура, у Озерова — утонченный кавалеръ въ родѣ героевъ позднѣйшихъ рыцарскихъ романовъ; врагъ его Старнъ въ Оссіановой поэмѣ является во всей первобытной несдержанности своей дикой и злобной натуры, между тѣмъ какъ у Озерова это мстительный хитрецъ. Пушкинъ, очевидно, не одобрялъ Озерова за такія передѣлки; онъ видѣлъ въ нихъ неспособность русскаго автора освободиться отъ ложноклассическаго преданія. Слѣдующее замѣчаніе Пушкина подтверждаетъ наше толкованіе. Вяземскій хвалитъ Озерова за «искусство», съ которымъ онъ «умѣлъ противопоставить мрачному и злобному Старну, таящему въ глубинѣ печальной души преступныя надежды,... благородство и

довѣрчивость Фингала». Пушкинъ на это отвѣчаетъ: «Противоположности характеровъ — вовсе не искусство, но пошлая пружина французскихъ трагедій».

Этими немилостивыми словами оканчиваются замѣчанія Пушкина по поводу разбора отдѣльныхъ трагедій Озерова. Разсужденія Вяземскаго о «Поликсенѣ» и «Димитріи Донскомъ» онъ оставилъ вовсе безъ возраженій; но изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что по крайней мѣрѣ о «Димитріи» онъ былъ самаго невысокаго мнѣнія. Въ его наброскѣ «О драмѣ», относящемся къ 1830 году, встрѣчаются слѣдующія ироническія строки: «Озеровъ попытался дать намъ трагедію народную и вообразилъ, что для сего довольно будетъ, если выберетъ предметъ изъ народной исторіи, забывъ, что... самыя народныя трагедіи Шекспира заимствованы имъ изъ италіанскихъ новеллъ». Авторъ «Бориса Годунова» и не могъ иначе отнестись къ попыткѣ Озерова.

Послѣднія страницы своей статьи князь Вяземскій посвятилъ общей оцѣнкѣ таланта Озерова и его литературной дѣятельности. Пушкинъ оставилъ эти страницы безъ всякихъ замѣчаній и только отчеркнулъ карандашемъ слѣдующую фразу: «Трагедіи Озерова... уже нѣсколько принадлежатъ къ новѣйшему драматическому роду, такъ-называемому *романтическому*, который принятъ нѣмцами отъ испанцевъ и англичанъ». Не будемъ входить въ сужденіе о томъ, какое значеніе имѣетъ здѣсь слово *романтическій*, и какъ вообще смотрѣли на романтизмъ Вяземскій и Пушкинъ въ двадцатыхъ годахъ; замѣтимъ только, что съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ первато послѣдній не могъ быть согласенъ, ибо видѣлъ въ Озеровѣ, не смотря на всѣ его пресловутыя «отступленія отъ правилъ», вѣрнаго послѣдователя псевдоклассической піитики.

Вслѣдъ за концомъ этюда Вяземскаго Пушкинъ написалъ и свое заключеніе, въ которомъ высказалъ свой общій отзывъ объ этой статьѣ и свое окончательное мнѣніе объ Озеровѣ. Вотъ эти строки.

«Часть критическая вообще слаба, слишкомъ слаба. Слогъ имѣетъ твои недостатки, не имѣя твоихъ достоинствъ. Лучше написать совсѣмъ новую статью, чѣмъ передавать печати это сбивчивое и невѣрное изображеніе. Озерова я не люблю не отъ зависти (сего гнуснаго чувства, какъ говорятъ), но изъ любви къ искусству. Ты самъ признаешь, что слогъ его нехорошъ, а я не вижу въ немъ

и тѣни драматическаго искусства. Слава Озерова уже вянетъ, а лѣтъ черезъ десять, при появленіи истинной критики, совсѣмъ изчезнетъ. Озерова перевели; переводъ есть оселокъ драматическаго писателя; посмотри же, что̀ изъ него вышло во французской прозѣ».

Князь Вяземскій, безъ сомнѣнія, имѣлъ передъ глазами эти строки въ 1876 году, когда набрасывалъ приписку къ одному изъ первыхъ своихъ литературныхъ опытовъ. Въ этой припискѣ онъ между прочимъ говорилъ: «Пушкинъ Озерова не любилъ, и онъ часто бывалъ источникомъ нашихъ живыхъ и горячихъ споровъ. Оба мы были неуступчивы и нѣсколько заносчивы, я — еще болѣе, нежели Пушкинъ. Онъ не признавалъ въ Озеровѣ никакого дарованія; я, можетъ быть, дарованіе его преувеличивалъ. Со временемъ, вѣроятно, мы сошлись бы на полудорогѣ». Такъ тотъ изъ двухъ друзей-спорщиковъ, которому суждено было надолго пережить своего собесѣдника, приносилъ, на старости лѣтъ, покаяніе въ своихъ молодыхъ увлеченіяхъ, сохраняя въ то же время убѣжденіе, что и его упрямый, но добродушный противникъ пошелъ бы со временемъ на уступки со своей стороны.

ПУШКИНЪ О БАТЮШКОВѢ.

Батюшковъ началъ печатать свои стихотворенія съ 1805 года, и съ появленія первыхъ же піесъ его въ разныхъ журналахъ и сборникахъ блестящій талантъ его былъ замѣченъ лучшею частью читателей; когда же, въ 1817 году, вышли въ свѣтъ его сочиненія отдѣльнымъ изданіемъ, С. С. Уваровъ привѣтствовалъ появленіе «Опытовъ» Батюшкова критическою статьей, въ которой, проводя параллель между нимъ и Жуковскимъ, поставилъ ихъ обоихъ во главѣ молодого поколѣнія русскихъ поэтовъ.

Одинъ изъ первыхъ, на комъ сказалось литературное вліяніе Батюшкова еще до изданія его «Опытовъ», былъ тотъ геніальный юноша, который воспитывался въ ту пору въ Царскосельскомъ лицеѣ: самыя раннія стихотворенія Пушкина, относящіяся къ 1812—1815 годамъ, отзываются подражаніемъ Батюшкову. Еще въ 1814 году Пушкинъ пишетъ ему посланіе, въ которомъ наивно высказываетъ свое преклоненіе предъ его талантомъ:

Философъ рѣзвый и пѣвецъ,
Парнасскій счастливый лѣнивецъ,
Харитъ изнѣженный любимецъ,
Наперсникъ милыхъ аонидъ!
Почто на арфѣ златострунной
Умолкнулъ, радости пѣвецъ?...
Довольный счастливымъ началомъ,
Цвѣтовъ парнасскихъ вновь не рвешь;
Не слышенъ намъ Парни россійскій.

Пой, юноша! Пѣвецъ тійскій
Въ тебя вліялъ свой пѣжный духъ,
Съ тобою твой прелестный другъ,
Лилета, красныхъ дней отрада:
Пѣвцу любви любовь награда...
Любви пѣтъ болѣ счастья въ мірѣ;
Люби и пой ее на лирѣ...
Описывай въ стихахъ игривыхъ
Веселье, шумъ гостей болтливыхъ
Вокругъ накрытаго стола,
Стаканъ, кипящій пѣной бѣлой,
И стукъ блестящаго стекла...
Во звучны струны смѣло грянь,
Съ Жуковскимъ пой кроваву брань
И грозну смерть на ратномъ полѣ...
Иль, вдохновенный Ювеналомъ,
Вооружись сатиры жаломъ,
Подъ часъ прими ея свистокъ,
Рази, осмѣивай порокъ!
Шутя показывай смѣшное,
И если можно, насъ исправь;
Но Тредьяковскаго оставь
Въ столь часто рушимомъ покоѣ.
Увы, довольно безъ него
Найдемъ безсмысленныхъ поэтовъ;
Довольно въ мірѣ есть предметовъ,
Пера достойныхъ твоего!...
Доколѣ, музами любимый,
Ты піэридъ горишь огнемъ,
Доколь, сраженъ стрѣлой незримой,
Въ подземный ты ни спидешь домъ,
Мірскія забывай печали,
Играй: тебя, младой Назонъ,
Эротъ и граціи вѣнчали,
А лиру строилъ Аполлонъ.

Изъ этого стихотворенія видно, что въ пору своей ранней юности, Пушкинъ равно цѣнилъ у Батюшкова и его антологическія

піесы въ эпикурейскомъ духѣ, и сатирическія, направленныя противъ бездарныхъ писателей старой школы. Значительнѣйшія изъ этихъ сатиръ, «Видѣніе на берегахъ Леты» (1809 г.) и «Пѣвецъ въ Бесѣдѣ славянороссовъ» (1813 г.), оставались въ то время не напечатанными, но ходили въ спискахъ, и любопытно, что Пушкинъ, при всемъ своемъ благоговѣніи къ Батюшкову, не воздержался по поводу ихъ отъ нѣкотораго критическаго намека: насмѣшки надъ бездарностью Тредіаковскаго еще въ то время показались ему запоздалымъ общимъ мѣстомъ.

По всему вѣроятію, это посланіе Пушкина доставило ему случай лично познакомиться съ Батюшковымъ, который съ половины 1814 года по февраль 1815 прожилъ въ Петербургѣ и уже давно состоялъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ отцомъ и особенно съ дядей своего юнаго поклонника. Очень вѣроятно, что Батюшковъ присутствовалъ, въ январѣ 1815 года, на томъ публичномъ лицейскомъ экзаменѣ, на которомъ юноша Пушкинъ привелъ въ восторгъ Державина. Однако, съ первой же встрѣчи новыхъ знакомцевъ обнаружилось между ними нѣкоторое разногласіе: въ 1814—1815 годахъ Батюшковъ былъ уже не тотъ, какимъ его знали по его раннимъ стихотвореніямъ. Подъ впечатлѣніемъ міровыхъ событій, совершавшихся на его глазахъ, и подъ бременемъ сердечныхъ треволненій, которыя отняли у него надежду на личное счастіе, въ немъ произошелъ нравственный переворотъ: онъ разстался со своимъ эпикурейскимъ міросозерцаніемъ прежнихъ лѣтъ и сталъ искать новыхъ путей для мысли и новыхъ мотивовъ для поэтическаго творчества; онъ готовъ былъ сомнѣваться, найдетъ ли онъ ихъ для своего собственнаго таланта, но по крайней мѣрѣ другимъ дарованіямъ онъ указывалъ болѣе возвышенныя задачи, чѣмъ одни страстные гимны любви и красотѣ. Такъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобы Жуковскій принялся наконецъ за давно задуманную имъ поэму о Владимірѣ Святомъ; такъ, и юношѣ Пушкину подалъ онъ совѣтъ посвятить свой талантъ важной эпопеѣ.

А ты пѣвецъ забавы
И другъ пермесскихъ дѣвъ,
Ты хочешь, чтобы славы
Стезею полетѣвъ,
Простясь съ Анакреономъ,

Спѣшилъ я за Мароиомъ
И пѣлъ при звукахъ лиръ
Войны кровавый пиръ.

Таково свидѣтельство Пушкина о совѣтѣ, данномъ ему Батюшковымъ; оно находится во второмъ посланіи къ сему послѣднему, написанномъ уже въ 1815 году. Но этотъ совѣтъ не могъ быть понятенъ юношѣ, котораго еще манили къ себѣ всѣ радости жизни, и со свойственною ему искренностью онъ отклонилъ сдѣланный ему вызовъ:

Дано мнѣ мало Фебомъ:
Охота — скудный даръ;
Пою подъ чуждымъ небомъ,
Вдали домашнихъ ларъ,
И съ дерзостнымъ Икаромъ
Страшась летать, не даромъ
Бреду своимъ путемъ:
«Будь всякій при своемъ!»

Не подлежитъ сомнѣнію, что значеніе этого отказа, въ которомъ такъ ясно выразилось желаніе юноши сохранить за собою самостоятельность развитія, было оцѣнено Батюшковымъ по всей справедливости; года два спустя, говоря о своемъ талантѣ въ одномъ изъ писемъ къ Гнѣдичу, онъ почти буквально повторилъ слова Пушкина: «Ни за кѣмъ не брожу, иду своимъ путемъ».

Слова эти были сказаны Батюшковымъ въ одинъ изъ немногихъ счастливыхъ моментовъ его жизни, въ ту свѣтлую пору, когда онъ написалъ лучшія свои произведенія и могъ сознавать, что талантъ его достигъ полной зрѣлости. Эти произведенія — любовныя элегіи 1815 года, посланіе «Къ другу», «Пѣснь Гаральда Смѣлаго», «Переходъ черезъ Рейнъ», «Гезіодъ и Омиръ соперники», «Умирающій Тассъ» — еще не существовали въ то время, когда Пушкинъ сталъ подражать Батюшкову и писалъ ему посланія, а въ печати они появились большею частью въ «Опытахъ» 1817 года. Такимъ образомъ не ранѣе какъ къ этой эпохѣ должны быть отнесены послѣдніе уроки, полученные Пушкинымъ отъ Батюшкова въ искусствѣ выковывать русскій стихъ и сообщать ему плавность и гармонію. Но какъ сказано выше, въ данный моментъ вліяніе Батюшкова на Пушкина не ограничивалось одною сферой стихотворной техники;

оно касалось и выбора предметовъ для поэтическаго творчества. По всей вѣроятности, еще при первомъ свиданіи въ 1815 году они обмѣнялись мыслями о возможности поэмы на мотивы изъ русскаго сказочнаго міра; по крайней мѣрѣ Пушкинъ, вспоминая объ этой встрѣчѣ годъ спустя въ письмѣ къ князю Вяземскому, утверждалъ, что Батюшковъ тогда «завоевалъ у него Бову Королевича» [1]). Черезъ нѣсколько времени Батюшковъ, въ одномъ изъ писемъ къ Гнѣдичу, выражаетъ желаніе пересмотрѣть сборники русскихъ сказокъ и былинъ, а въ 1817 году набрасываетъ планъ поэмы «Русалка»; въ то же время возникаетъ у него мысль и о другой поэмѣ уже не на сказочныя темы, а изъ древнѣйшей русской исторіи — о Рюрикѣ. Подобныя же теченія мысли замѣчаемъ мы одновременно у Пушкина: еще въ послѣдній годъ своего пребыванія въ лицеѣ задумываетъ онъ «Руслана», а осенью 1818 года уже оканчиваетъ его вчернѣ; какъ ни условно въ этомъ произведеніи изображеніе отдаленной русской древности, Пушкинъ для обработки поэмы, очевидно, занимался изученіемъ памятниковъ русскаго народнаго творчества. Немного позже онъ обращается и къ русскимъ историческимъ сюжетамъ и въ 1822 году пишетъ «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ». Сходство поэтическихъ задачъ у обоихъ поэтовъ не ограничивается одними указанными, спеціально русскими темами. Едва окончивъ «Умирающаго Тасса», Батюшковъ въ іюлѣ 1817 года пишетъ Гнѣдичу: «Овидій въ Скиѳіи: вотъ предметъ счастливѣе самого Тасса»; Пушкинъ, живя въ Бессарабіи, также вспоминаетъ о ссылкѣ римскаго поэта и въ 1821 году пишетъ посланіе «Къ Овидію». Не будемъ настаивать на томъ, чтобы во всѣхъ этихъ случаяхъ обнаружилось прямое вліяніе Батюшкова на Пушкина; но нельзя, кажется, не признать, что совпаденіе поэтическихъ задачъ, одновременно ихъ занимавшихъ, имѣетъ нѣкоторое значеніе; въ особенности склонны мы думать, что мысль о «Русланѣ и Людмилѣ» зародилась у Пушкина подъ впечатлѣніемъ бесѣдъ съ Батюшковымъ. Познакомившись съ нѣкоторыми отрывками поэмы, Батюшковъ привѣтствовалъ ихъ горячими похвалами, но самому ему не суждено было написать ничего въ томъ же родѣ.

---

1) Сочиненія Пушкина, изданіе литературнаго фонда, т. VII, стр. 2. И Батюшковъ, и Пушкинъ, очевидно, считали Бову за одного изъ героевъ національнаго русскаго эпоса.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ стали у Батюшкова обнаруживаться признаки умственнаго разстройства, которое отняло его у литературы и общества. Пушкинъ въ то время находился въ Кишиневѣ, и когда, въ половинѣ 1822 года, до него дошли извѣстія объ этой болѣзни, онъ сперва не хотѣлъ вѣрить печальной новости; но вскорѣ М. Ѳ. Орловъ, пріѣхавшій въ Бессарабію изъ Крыма, гдѣ онъ видѣлъ больного, подтвердилъ достовѣрность первыхъ смутныхъ сообщеній [1]). Послѣ того Пушкину только однажды случилось видѣть Батюшкова. Это было въ Москвѣ, въ 1830 году. 3-го апрѣля, въ домѣ, гдѣ жилъ Батюшковъ, была отслужена, по желанію его тетки Е. Ѳ. Муравьевой, всенощная; затѣмъ, присутствовавшій при службѣ Пушкинъ вошелъ въ комнату больного и заговорилъ съ нимъ; но Батюшковъ не узналъ его, какъ впрочемъ не узнавалъ обыкновенно и другихъ лицъ, прежде коротко ему знакомыхъ.

Тяжкая болѣзнь Батюшкова, въ которой онъ прожилъ почти тридцать-пять лѣтъ вдали отъ всѣхъ знавшихъ его прежде, была причиной тому, что исторія началась для него заживо. Задолго до его кончины о немъ стали судить, какъ о покойникѣ, о дѣятелѣ прошлаго; дважды перепечатывались собранія его сочиненій безъ его вѣдома; онъ не зналъ, что критика поставила его въ рядъ русскихъ классическихъ писателей, непосредственныхъ предшественниковъ Пушкина. Но хорошо зналъ это самъ Пушкинъ и всегда сохранялъ глубокое уваженіе къ его таланту, къ «не созрѣвшимъ надеждамъ», имъ внушеннымъ, и къ его дѣйствительнымъ заслугамъ на литературномъ поприщѣ. Памятникомъ этого уваженія остается экземпляръ «Опытовъ» Батюшкова, находившійся въ рукахъ Пушкина, и вторая часть котораго, содержащая въ себѣ стихи, испещрена его рукописными замѣтками. Экземпляръ этотъ принадлежитъ старшему сыну поэта А. А. Пушкину. Благодаря содѣйствію П. И. Бартенева, мы имѣли возможность разсмотрѣть эту драгоцѣнность, списали замѣтки Пушкина и предлагаемъ ихъ здѣсь, сопровождая нашими объясненіями.

Прежде всего скажемъ о томъ, къ какому времени слѣдуетъ относить замѣчанія Пушкина.

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что вслѣдъ за появленіемъ въ свѣтъ «Опытовъ» Батюшкова осенью 1817 года они были прочтены Пушкинымъ; но нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что

1) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 37 и 47.

онъ впервые читалъ ихъ именно по экземпляру, нами разсмотрѣнному, и тогда же снабдилъ его своими замѣтками. Напротивъ того, есть полное основаніе думать, что онѣ написаны значительно позже. Такъ, по поводу «Умирающаго Тасса» Пушкинъ ссылается на стихотвореніе Байрона, а съ произведеніями британскаго поэта онъ сталъ знакомиться не ранѣе какъ въ 1820 году. Далѣе, въ одной изъ замѣтокъ Пушкина говорится, что такіе-то стихи — любимые самого Батюшкова, въ другой — что такіе-то особенно нравились князю Вяземскому, въ третьей приводится мнѣніе И. И. Дмитріева, осуждавшаго цезуру въ первыхъ стихахъ элегіи «Тѣнь друга». Пушкинъ вообще мало зналъ Дмитріева, а до 1826 года и вовсе не былъ знакомъ съ нимъ; съ самимъ Батюшковымъ знакомство Пушкина было не особенно короткое, и притомъ очень непродолжительное; поэтому можно предполагать, что мнѣнія Дмитріева и самого автора «Опытовъ» не лично слышаны отъ нихъ Пушкинымъ, а сообщены ему другимъ лицомъ, вѣроятнѣе всего, княземъ Вяземскимъ, — съ Вяземскимъ же Пушкинъ хотя подружился очень рано, но до 1826 года видался очень рѣдко. Какъ ни мелки эти обстоятельства, они достаточны для того, чтобы навести на мысль, что замѣчанія на разсмотрѣнномъ нами экземплярѣ «Опытовъ» сдѣланы Пушкинымъ около вышеозначеннаго года. Но есть тому еще болѣе вѣское доказательство. Въ экземплярѣ «Опытовъ», бывшемъ въ рукахъ Пушкина, обѣ части переплетены въ одну книгу, и на бѣломъ листѣ, находящемся передъ заднею доскою переплета, вписано рукою Пушкина извѣстное стихотвореніе Батюшкова:

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ...

Оно не вошло въ стихотворный отдѣлъ «Опытовъ», потому что было написано уже въ 1819 году; въ печати же оно появилось только въ 1828 году въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ;* впрочемъ, еще годъ за два предъ тѣмъ оно стало извѣстно друзьямъ больного поэта. Вяземскій вписалъ его, какъ свѣжую новость, въ свою записную книжку въ іюлѣ 1826 года [1]). Что же касается Пушкина, онъ могъ узнать эту піесу лишь нѣсколько позже, то-есть, уже по своемъ пріѣздѣ въ Москву изъ деревенской ссылки, слѣдовательно, не ранѣе сентября того же года.

1) Сочиненія князя Вяземскаго, т. IX, стр. 86.

Таковы соображенія, заставляющія насъ думать, что замѣчанія находящіяся въ разсмотрѣнномъ нами экземплярѣ «Опытовъ» Батюшкова, сдѣланы Пушкинымъ не ранѣе второй половины 1826 года и, можетъ быть, не позже 1828 года, когда вышеупомянутая піеса Батюшкова появилась въ печати. Весьма вѣроятно также, что замѣтки писались не въ одинъ пріемъ: по крайней мѣрѣ однѣ изъ нихъ, и притомъ бо̀льшая часть, написаны карандашемъ, другія — перомъ; перомъ же вписана и піеса: «Есть наслажденіе...»

Единственное возраженіе, которое мы можемъ предвидѣть противъ изложенныхъ соображеній, заключается въ слѣдующемъ: въ 1825 году, когда подготовлялось первое изданіе мелкихъ стихотвореній Пушкина, онъ писалъ по этому поводу изъ Михайловскаго въ Петербургъ своему брату Льву и Плетневу: «Въ порядкѣ піесъ держитесь вашего благоусмотрѣнія. Только не подражайте изданію Батюшкова — исключайте, марайте съ плеча» [1]). Изъ этихъ словъ можно заключать, что, по тогдашнему мнѣнію Пушкина, стихотворенія Батюшкова были выбраны для помѣщенія въ «Опытахъ» безъ достаточной критики. Такъ какъ подобное же мнѣніе высказано Пушкинымъ въ одномъ изъ замѣчаній на экземплярѣ «Опытовъ», бывшемъ у него въ рукахъ, то можно бы, пожалуй, предположить, что бо̀льшая часть этихъ замѣчаній набросана имъ около 1825 года. Но и такая догадка не приводила бы къ очень раннему ихъ происхожденію; во всякомъ случаѣ, пріурочивать эти замѣтки можно только къ серединѣ двадцатыхъ годовъ, когда дарованіе Пушкина окончательно созрѣло и вышло на свою настоящую дорогу.

Стихотворная часть «Опытовъ» дѣйствительно была издана довольно безтолково: піесы напечатаны безъ всякихъ хронологическихъ указаній и въ случайномъ порядкѣ; соотвѣтственно тому и замѣчанія Пушкина разбросаны на страницахъ книги также случайно; поэтому передавать ихъ здѣсь въ той же послѣдовательности нѣтъ никакого интереса, ни нужды. Самая форма ихъ изложенія очень отрывочна. Обыкновенно Пушкинъ ограничивается двумятремя словами одобренія или порицанія, нерѣдко даже однимъ; иногда лишь карандашная помѣта намекаетъ на то, что тѣ или другіе стихи обратили на себя вниманіе читателя: то сбоку отмѣтитъ онъ рядъ стиховъ, то подчеркнетъ отдѣльную строку или отдѣльное

1) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 114.

слово, то длинною чертой, проведенною черезъ все стихотвореніе, проявитъ свое неодобреніе. Но рядомъ съ этими отмѣтками, смыслъ которыхъ не всегда ясенъ, и съ краткими приговорами въ двухъ-трехъ словахъ попадаются замѣчанія болѣе значительнаго объема. Они, разумѣется, всего важнѣе, такъ какъ по нимъ можно уловить общій взглядъ Пушкина на поэзію Батюшкова. Они и послужатъ намъ путеводною нитью для распредѣленія замѣчаній на извѣстныя группы [1]).

Мы видѣли уже, что въ своей ранней молодости Пушкинъ восхищался не только піесами Батюшкова въ антологическомъ родѣ, но и его сатирическими стихотвореніями. Не такъ уже думалъ онъ въ то время, когда писалъ свои замѣчанія. Большія сатирическія піесы Батюшкова не были включены въ «Опыты», но мы встрѣчаемъ здѣсь нѣсколько его эпиграммъ; нѣкоторыя изъ нихъ Пушкинъ проходитъ молчаніемъ; три («Какъ трудно Бибрису...», Оп., 222; Соч. I. 72. — «Памфилъ забавенъ...», Оп., 222; Соч., I, 220 — «На книгу подъ названіемъ: Смѣсь», Оп., 207; Соч., I, 33) просто зачеркиваетъ въ знакъ неодобренія [2]); наконецъ, о трехъ остальныхъ дѣлаетъ замѣтки. Такъ, по поводу эпиграммы: «Всегдашній гость...» (Оп., 222; Соч., I, 128) сказано: «Это не Батюшкова, а Блудова. и то переводъ». Дѣйствительно, эпиграмма переведена изъ Лебрена. Кстати замѣтимъ, что Пушкинъ не довѣрялъ литературному вкусу «маркиза» Блудова [3]). По случаю «Мадригала новой Сафѣ» (Оп., 223; Соч., I, 72) замѣчено: «Переведенное остроуміе — плоскость». Эпиграмма эта, хотя и направлена Батюшковымъ противъ А. П. Буниной, основана на мотивѣ, тоже взятомъ у Лебрена. Такое же замѣ-

1) Въ дальнѣйшемъ изложеніи, рядомъ съ замѣтками Пушкина, намъ придется либо приводить стихи Батюшкова, ихъ вызвавшіе, либо дѣлать ссылки на его стихотворенія. Ссылки сдѣланы какъ на вторую часть «Опытовъ», такъ и на I-й томъ того изданія сочиненій Батюшкова, которое вышло въ 1885—1887 годахъ. Это послѣднее изданіе гораздо полнѣе «Опытовъ»; но замѣчанія Пушкина имѣли въ виду поэтическую дѣятельность Батюшкова лишь въ томъ объемѣ, въ какомъ она явилась во II-й части «Опытовъ».

2) По поводу эпиграммы: «Памфилъ забавенъ...» кстати будетъ напомнить, что существуетъ похожая на нее эпиграмма на Льва Сергѣевича Пушкина, сочиненіе которой прежде приписывалось его брату-поэту; однако по новѣйшимъ свѣдѣніямъ оказывается, что сочинилъ ее С. А. Соболевскій (Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 342).

3) Сочиненія, т. VII, стр. 130.

чаніе: «какая плоскость!» читаемъ мы и по поводу «Мадригала Мелинѣ, которая называла себя нимфою» (Оп., 207; Соч., I, 72).

Подтвержденіе этимъ строгимъ приговорамъ объ эпиграммахъ Батюшкова находимъ въ слѣдующей замѣткѣ Пушкина по поводу шутливаго «Отвѣта» А. И. Тургеневу (Оп., 153 — 156; Соч., I, 148 — 150): «Какъ неудачно почти всегда шутитъ Батюшковъ! Но его «Видѣніе» умно и смѣшно». Сатира «Видѣніе на берегахъ Леты» принадлежала къ числу стихотвореній, составившихъ первоначальную славу Батюшкова, и отзывъ Пушкина примыкаетъ къ общему мнѣнію объ этой піесѣ; но самъ авторъ, хотя и былъ доволенъ ею, однако сознавался, что «этакіе стихи слишкомъ легко писать, и чести большой не приносятъ».

Въ «Опытахъ» было помѣщено нѣсколько стихотворныхъ посланій Батюшкова къ друзьямъ, и въ томъ числѣ: «Мои Пенаты. Посланіе къ Жуковскому и Вяземскому» (Оп., 121 — 137; Соч., I, 130 — 141). Въ этомъ стихотвореніи, напечатанномъ въ 1811 году, поэтъ воспѣваетъ прелести мирной жизни у сельскаго домашняго очага. «Я назвалъ свое посланіе», писалъ Батюшковъ къ Вяземскому, — «посланіемъ къ Пенатамъ», потому что ихъ призываю въ началѣ, подъ ихъ покровительство зову къ себѣ въ гости и друзей, и дѣвокъ, и нищихъ, и, наконецъ, умирая, желаю, чтобъ они лежали и на моей гробницѣ». Посланіе вызвало стихотворные отвѣты со стороны тѣхъ, къ кому было обращено, и затѣмъ породило множество подражаній разныхъ авторовъ, въ томъ числѣ Пушкина, когда онъ былъ еще въ лицеѣ и даже позже, напримѣръ, стихотвореніе 1821 года. «Къ моей чернильницѣ». Вотъ какое сужденіе о «Моихъ Пенатахъ» находимъ мы въ замѣткахъ Пушкина: «Главный порокъ въ семъ прелестномъ посланіи есть слишкомъ явное смѣшеніе древнихъ обычаевъ мѳологіи съ обычаями жителя подмосковной деревни. Музы — существа идеальныя; христіанское воображеніе наше къ нимъ привыкло; но *норы* и *кельи*, гдѣ лары разставлены, слишкомъ переносятъ насъ въ греческую хижину, гдѣ съ неудовольствіемъ находимъ столъ съ изорваннымъ сукномъ и передъ каминомъ — Суворовскаго солдата съ двуструнной балалайкой. Это все другъ другу слишкомъ уже противорѣчитъ». Упоминаніе образовъ изъ греко-римской мѳологіи составляло необходимую принадлежность въ стихотворствѣ псевдоклассическаго періода и не выходило изъ обычая даже ближайшихъ предшественниковъ Пушкина; онъ самъ, въ раннюю пору

своей дѣятельности, еще грѣшилъ этою привычкой, но онъ же впослѣдствіи освободилъ отъ нея русскую лирику. Въ этомъ смыслѣ и любопытно, между прочимъ, его сужденіе о «Пенатахъ» Батюшкова».

Далѣе, перечитывая это посланіе, Пушкинъ останавливается на его отдѣльныхъ мѣстахъ. Онъ перечеркиваетъ стихи 45-й—48-й:

Развратные счастливцы,
Придворные друзья,
И блѣдны горделивцы,
Надутые князья!

какъ бы считая эти строки неумѣстными, однако сбоку пишетъ: «Сильные стихи». Стихи 139-й — 143-й также перечеркнуты, вѣроятно, по своей неудовлетворительности. Въ концѣ посланія, по поводу стиховъ 301-го — 304-го:

Къ чему сіи куренья
И колокола вой,
И томны псалмопѣнья
Надъ хладною доской?

находимъ такую замѣтку: «Стихи прекрасные, но опять тоже противорѣчіе». Этими словами Пушкинъ возвращается къ своей прежней мысли о смѣшеніи образовъ христіанскихъ съ языческими. Дѣло въ томъ, что Батюшковъ, за нѣсколько строкъ предъ описаніемъ панихиды, намекаетъ на свою смерть тѣмъ, что

Парки тощи
Нить жизни допрядутъ.

Заключительное замѣчаніе Пушкина показываетъ всю ту цѣну, какую онъ придавалъ знаменитому посланію: «Это стихотвореніе дышетъ какимъ-то упоеньемъ роскоши, юности и наслажденья, слогъ такъ и трепещетъ, такъ и льется, гармонія очаровательна».

Изъ другихъ стихотвореній Батюшкова въ томъ же родѣ Пушкину нравилось посланіе къ Жуковскому (Оп., 148 — 152; Соч., I. 145—147), написанное вслѣдъ за «Пенатами» и отчасти служащее дополненіемъ къ этой піесѣ. Вотъ какъ отзывается Пушкинъ объ этомъ посланіи: «Прекрасно, достойно блестящихъ и небрежныхъ шалостей французскаго остроумія, — и вездѣ языкъ поэзіи».

Менѣе благосклонны отзывы Пушкина объ остальныхъ посланіяхъ, помѣщенныхъ въ «Опытахъ». Такъ, о стихахъ, обращенныхъ къ графу М. Ю. Віельгорскому (Оп., 138—141; Соч., I, 65—66), находимъ такое строгое сужденіе: «Преглупая піеса». Многія строки этого стихотворенія подчеркнуты въ знакъ неодобренія, а иныя снабжены замѣтками. Такъ, по поводу стиха 7-го:

И новый *регламентъ*, и новые законы

сказано: «Mauvais goût — это рѣдкость у Батюшкова». О стихѣ 15-мъ:

Какими бъ и у насъ гордилась красота

замѣтка: «Какъ дурно!» По поводу стиховъ 25-го — 29-го:

О мой любезный другъ, отдай, отдай назадъ
Зарю прошедшихъ дней и съ прежними бѣдами,
Съ любовью и войной!
Или, волшебникъ мой,
Одушеви мое музыкой пѣснопѣнье...

читаемъ: «Не понимаю этого перехода». По поводу стиховъ 32-го и 33-го:

И камни приводить въ движенье,
И горы, и лѣса!

замѣтка: «плоско». Къ стиху 34-му:

Тогда я съ сильфами взлечу на небеса

приписано: «Вотъ сунуло куда!» Наконецъ, стихи 39-й—43-й отмѣчены чертою съ боку и вызываютъ слѣдующее восклицаніе Пушкина: «Сильваны, нимфы и наяды—*межъ* сыромъ выписнымъ и гамбургскимъ журналомъ!» Указывая на странное сочетаніе всѣхъ этихъ предметовъ въ стихахъ Батюшкова, Пушкинъ, очевидно, имѣлъ ту же мысль, которую высказалъ по поводу «Монхъ Пенатовъ».

Также строги замѣчанія на посланіе къ А. И. Тургеневу (Оп., 142—145; Соч., I, 243—245). Къ стихамъ 19-му и 20-му:

Лишь «дайте имъ!» промолви—въ мигъ
Онѣ очутятся съ серьгами

приписано: «какъ плоско!» Къ стихамъ 27-му и 28-му:

Былъ бѣденъ. Умеръ. Отъ долговъ
Опъ слѣдственно спокоенъ

относится замѣтка: «Какая холодная шутка!» Слово *но*, дважды

встрѣчающееся въ стихахъ 29-мъ и 30-мъ, даетъ поводъ къ отмѣткѣ: «Что̀ за слогъ!» Стихи 37-й — 39-й:

Прекрасно, славно, спору нѣтъ!
Но... здѣшній свѣтъ
Не рай—мнѣ сказывалъ мой дѣдъ

снабжены ироническою замѣткой: «Стихи достойные В. Л.» (то-есть, Василья Львовича Пушкина). Въ стихѣ 50-мъ:

И стала грація *точь въ точь*

послѣднія слова подчеркнуты, и къ нимъ приписано: «опять!» потому что тотъ же оборотъ рѣчи уже встрѣчался выше въ стихѣ 21-мъ. Заключительные стихи піесы:

Онѣ предъ образомъ, конечно,
Затеплятъ чистую свѣчу,
За чье здоровье — умолчу:
Ты угадаешь, другъ сердечной!

сопровождаются такою припиской: «Я не угадаю; если за здоровье Тургенева, то это плоско; если нѣтъ, такъ изъяснись. Охота печатать всякій вздоръ! Батюшковъ не виноватъ!» Изъ послѣднихъ словъ надобно заключать, что Пушкинъ приписывалъ редакцію «Опытовъ» не самому автору, а Гнѣдичу; на самомъ же дѣлѣ послѣдній былъ только издателемъ и печаталъ сборникъ по рукописи, доставленной Батюшковымъ; Гнѣдича можно винить лишь за то, что онъ не удержалъ своего друга отъ помѣщенія въ «Опыты» нѣсколькихъ слабыхъ піесъ.

Въ стихотвореніи «Отвѣтъ Гнѣдичу» (Оп., 147; Соч., I, 67—68) начальные стихи:

Твой другъ тебѣ на вѣкъ отнынѣ
Съ рукою сердце отдаетъ

вызываютъ со стороны Пушкина шутку: «Батюшковъ женится на Гнѣдичѣ!»

О посланіи къ И. М. Муравьеву-Апостолу (Оп., 160—166; Соч., I, 205—206) Пушкинъ отозвался такъ: «Цѣль посланія не довольно ясна; недостаточно то, что̀ выполнено прекрасно». Дѣйствительно, въ первыхъ строкахъ піесы Батюшковъ говоритъ, что

Отъ первыхъ впечатлѣній,
Отъ первыхъ, свѣжихъ чувствъ заемлетъ силу геній,

а далѣе, въ стихахъ 33-мъ—36-мъ, предлагаетъ слѣдующій вопросъ:

Не тамъ ли, гдѣ роскошная природа
И раскаленный Фебъ съ безоблачнаго свода
Обиліемъ поля счастливыя даритъ,
Таланта колыбель и область піэридъ?

Эти стихи кажутся Пушкину не соотвѣтствующими основной мысли піесы, и по поводу ихъ онъ замѣчаетъ: «Это дѣло десятое; не о томъ дѣло; см. ст. 1». Неясность мысли находитъ онъ и въ послѣднихъ двухъ строкахъ посланія и пишетъ противъ нихъ: «темно». Кромѣ этихъ замѣчаній, относящихся къ неопредѣленной идеѣ стихотворенія, еще двѣ замѣтки касаются слога. Противъ стиха 72-го:

И день, чудесный день, безъ ночи, безъ *зарей*

поставлена поправка «зорь», а противъ стиховъ 79-го—81-го написано: «вяло».

Посланіе къ Гнѣдичу (Оп., 75—76; Соч., I, 41—42: «Только дружба обѣщаетъ...») было написано Батюшковымъ въ раннюю пору его поэтической дѣятельности, въ 1807 году. Пушкинъ угадалъ это своимъ критическимъ чутьемъ и противъ первыхъ строкъ этой піесы отмѣтилъ: «Что за дѣтскіе стихи!» Но заключительныя строки посланія ему понравились, и онъ пишетъ: «Послѣдніе 4 стиха очень милы».

Къ посланію къ Д. В. Дашкову (Оп., 77—80; Соч., I, 151—153) Пушкинъ отнесся съ похвалою. По поводу стиховъ 6-го — 8-го:

Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ,
Я на распутьи видѣлъ ихъ...

онъ замѣчаетъ: «прекрасное повтореніе», а противъ стиховъ 23-го — 26-го:

И тамъ, гдѣ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ...

пишетъ: «прелесть!» Въ Пушкинскихъ наброскахъ 1822 года есть даже подражаніе этимъ стихамъ:

На тихихъ берегахъ Москвы
Церквей, вѣнчанныя крестами,
Сіяютъ ветхія главы
Надъ монастырскими стѣнами;

Кругомъ простерлись по холмамъ
Во вѣкъ не рубленныя рощи;
Издавна почивали тамъ
Угодниковъ святыя мощи...[1]).

Менѣе нравилось Пушкину посланіе къ Н. М. Муравьеву (Оп., 199—201; Соч., I, 270—271). Въ припискѣ къ заглавію онъ называетъ его: «подражаніе старымъ трубадурамъ» и отмѣчаетъ неловкое выраженіе въ стихахъ 31-мъ и 32-мъ:

Что вы для нихъ, для сихъ *сердецъ*,
Природой *вскормленныхъ* для сѣчи?

По поводу стиха 40-го:

Мы «Хвалимъ Господа» поемъ

онъ пишетъ: «*Te Deum laudamus*, а по нашему должно бы: *Царю Небесный*». За то стихъ 53-й:

Спокойся! Съ первыми громами

встрѣтилъ его одобреніе и сопровождается словомъ: «прекрасно!»

Совершенно не по вкусу Пушкина пришлось посвященіе, которое Батюшковъ предпослалъ стихотворному отдѣлу своихъ «Опытовъ», подъ заглавіемъ: «Къ друзьямъ» (Соч., I, 275—276); онъ отмѣтилъ въ этой піесѣ слабыя рѣомы въ стихахъ 2-мъ и 3-мъ (*драгоцѣненъ* и *увѣренъ*), а подъ послѣднею строкой подписалъ: «весьма дурные стихи».

Какъ всѣ писатели стараго времени, Батюшковъ испытывалъ свой талантъ въ различныхъ родахъ поэзіи, писалъ даже басни и сказки. Въ «Опытахъ» была помѣщена его басня «Сонъ Могольца» (Оп., 186—188; Соч., I, 47—48); хотя и переведенная изъ Лафонтена, она встрѣтила со стороны Пушкина очень неблагосклонное сужденіе: «Монгольская басня, какъ называетъ ее самъ Батюшковъ». Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что эта піеса, написанная еще въ 1808 году, была включена въ «Опыты» противъ воли автора, по желанію Гнѣдича.

Немного снисходительнѣе отзывъ Пушкина о сказкѣ «Странствователь и домосѣдъ» (Оп., 208—229; Соч., I, 207—219). Пуш-

1) Сочиненія, т. I, стр. 289.

кинъ читалъ ее очень внимательно и снабдилъ многими замѣтками. Такъ, по поводу стиха 4-го:

Какъ трудно быть своихъ привычекъ властелиномъ

написано: «Стихъ не сказочный, натянутый». По поводу стиха 24-го:

Такіе завели другъ съ другомъ разговоры

читаемъ: «*Они* тутъ необходимо; *другъ съ другомъ* — нарѣчіе, а не существительныя имена». Въ стихахъ 34-мъ и 35-мъ подчеркнуты бѣдныя риѳмы: *несходенъ* и *неспособенъ*. Въ стихѣ 97-мъ:

Отъ скуки самъ съ собой въ полголосъ разсуждая

сдѣлана поправка: вмѣсто *въ полголосъ* поставлено «въ полголоса». Съ этого же стиха начинаются указанія на растянутость піесы; такъ, стихи 97-й—163-й перечеркнуты и сопровождаются надписями: «лишнее», «дурно», «холодно», «все это лишнее». Затѣмъ, противъ стиховъ 210-го—219-го, означенныхъ чертою сбоку, отмѣчено: «прекрасно»; но далѣе опять длинные ряды зачеркнутыхъ строкъ: стихи 226-й—246-й, 249-й—251-й, 268-й—276-й, 296-й—300-й, и надпись: «лишнее». Противъ стиховъ 307-го—315-го примѣчаніе: «прекрасно, но не въ томъ дѣло». Подъ послѣдними стихами піесы читается окончательный приговоръ Пушкина: «Конецъ прекрасенъ. Но плана никакого нѣтъ, цѣли не видно—все вообще холодно, растянуто, ничего не доказываетъ и пр.» Батюшкову хотѣлось показать своею сказкой, что стремленіе къ славѣ и общественнымъ успѣхамъ становится дѣломъ безплоднымъ, если оно не опирается на дѣйствительныя заслуги предъ обществомъ; но развивая эту старую истину въ своемъ повѣствованіи, авторъ не сумѣлъ удержаться въ предѣлахъ своей задачи и обременилъ свое произведеніе множествомъ отступленій, не всегда удачныхъ. Обстоятельства личной жизни поэта объясняютъ отчасти, почему вздумалось ему взяться за разработку этой темы, и въ этомъ кроется причина, въ силу которой ему нравилось написанное; къ тому же, ему казалось, что онъ удачно сладилъ со сказочною рѣчью. Оттого хотѣлъ онъ знать сужденіе Крылова о «Странствователѣ и домосѣдѣ»: но кажется, отзывъ баснописца остался неизвѣстенъ Батюшкову. За то не безъ горечи узналъ онъ мнѣніе Вяземскаго, что сказка его «никуда не годится». Вяземскому, безъ сомнѣнія, не понравилось то, что въ ней проскальзываетъ мѣстами сомнѣніе въ плодотворности умственнаго просвѣщенія. По всему вѣ-

роятію, и Пушкинъ осудилъ сказку Батюшкова съ той же точки зрѣнія.

Батюшковъ не оставилъ бы замѣтнаго слѣда въ нашей литературѣ, еслибъ его поэтическое наслѣдіе заключалось только въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя были до сихъ поръ помянуты; поэтому и отзывы о нихъ Пушкина представляютъ интересъ лишь относительный. Обращаемся теперь къ важнѣйшей части замѣчаній Пушкина, относящейся къ тѣмъ произведеніямъ Батюшкова, въ которыхъ наиболѣе проявилась сила его дарованія: это—піесы въ антологическомъ родѣ, оригинальныя и переводныя, подражанія древнимъ и, наконецъ, рядъ элегій.

Извѣстно, что Батюшковъ воспитался на французской литературѣ: онъ много изучалъ Парни и немало переводилъ изъ него; кое-что заимствовалъ онъ изъ Мильвуа, и наконецъ, при помощи французскихъ переводовъ, знакомился съ Горапіемъ и Тибулломъ, заглядывая впрочемъ и въ латинскіе подлинники. Пушкинъ, въ ранней юности, шелъ отчасти тѣмъ же путемъ. Посмотримъ же, какъ онъ оцѣнивалъ достоинство переводовъ Батюшкова.

Изъ Тибулла Батюшковъ заимствовалъ три элегіи; переводы его неблизкіе, что̀ называлось въ старину «вольные», но они удачно сохраняютъ характеръ подлинника. Переводъ X-й элегіи I-й книги далъ Пушкину поводъ лишь къ слѣдующимъ замѣткамъ. Къ стиху 29-му:

Мы *учинимъ* предъ нимъ обильны *возліянья*

— «проза». Къ стихамъ 30-му и 31-му:

Иль на чело его, въ знакъ *мирнаго вѣнчанья*
Возложимъ мы вѣнки изъ миртовъ и лилей

приписано: «Увѣнчаемъ въ знакъ вѣнчанья!!!» Къ стиху 44-му:

Обрызганъ кровію, *вынгрываетъ бой*,

— «проза». Наконецъ, стихи 46-й—48-й:

О подвигахъ своихъ разсказываетъ древній воинъ,
Товарищъ юности и, сидя за столомъ,
Мнѣ лагерь начертитъ веселыхъ чашъ виномъ

вызываютъ со стороны Пушкина слѣдующую любопытную оговорку: «Было прежде: *чашъ пролитыхъ виномъ* — точнѣе». По этому примѣру можно судить, какъ внимательно младшій поэтъ изучалъ стар-

шаго, и какъ хорошо помнилъ то, что̀ особенно нравилось ему и особенно поражало въ произведеніяхъ учителя. Въ первоначальной редакціи Батюшковскаго перевода, помѣщенной въ *Вѣстникѣ Европы* 1810 года и въ «Образцовыхъ Сочиненіяхъ», стихъ 48-й дѣйствительно читается такъ:

Пусть ратный станъ чертитъ *чашъ пролитыхъ виномъ.*

«Точнѣе» въ словахъ Пушкина слѣдуетъ разумѣть не по отношенію къ болѣе вѣрной передачѣ подлинника, а къ большей точности русскаго выраженія; переводъ же Батюшкова въ обоихъ случаяхъ неблизокъ, какъ можно видѣть по сравненію съ настоящими стихами Тибулла:

Ut mihi potanti possit sua dicere facta
Miles, et in mensa pingere castra mero.

Переводъ III-й элегіи III-й книги вызвалъ со стороны Пушкина также немного замѣчаній. Онъ подчеркнулъ въ немъ два плохіе стиха, а именно стихъ 23-й:

Въ богатствѣ ль счастіе? Въ немъ призракъ, тщетный видъ!

и стихъ 39-й:

Когда суровыхъ *сестръ противно вретено....*

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ послѣдній стихъ поразилъ Пушкина своею какофоніей, столь необычною въ гармоническихъ строкахъ Батюшкова. Кромѣ того, въ стихѣ 25-й:

Колѣнъ *предъ случаемъ* во вѣкъ не преклоняетъ

Пушкинъ нашелъ неудачнымъ или, можетъ быть, слишкомъ архаичнымъ употребленіе слова *случай* и приписалъ: «faveur — не то»; а въ стихѣ 38-мъ:

.... Когда же паркъ *сужденье*

предложилъ замѣнить послѣднее слово другимъ болѣе точнымъ выраженіемъ «приговоръ». Всего же любопытнѣе приписка, сдѣланная Пушкинымъ въ концѣ піесы: «Стихи замѣчательные по счастливымъ усѣченіямъ; мы слишкомъ остерегаемся усѣченій, придающихъ много живости стихамъ». Эти слова могутъ служить примѣромъ того, какъ изъ наблюденій надъ стихомъ Батюшкова Пушкинъ выводилъ общія правила стихотворной техники.

Третье заимствованіе Батюшкова изъ Тибулла, вольный переводъ III-й элегіи I-й книги (Оп., 19—26; Соч., I, 194—198), также вызвалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній со стороны Пушкина. Стихи 29-й и 30-й сопровождаются отмѣткой: «вяло»; противъ стиха 54-го приписано: «лишній стихъ»; стихи 67-й, 68-й, 72-й, 74-й—76-й подчеркнуты какъ слабые или сопровождающіеся плохими риѳмами; противъ стиха 83-го:

До гроба я носилъ твои оковы нѣжны

приписано съ боку: «узы»; а къ стихамъ 104-му и 105-му:

Ужасный *Энкеладъ* и *Тифій преогромный*
Питаетъ жадныхъ птицъ утробою своей

предложена поправка: «и Тифій тамъ» (огромный) и сдѣлано примѣчаніе: «Ошибка миѳологическая и грамматическая». Въ отношеніи грамматики критикъ призналъ здѣсь погрѣшностью, вѣроятно, употребленіе сказуемаго въ единственномъ числѣ при двухъ подлежащихъ; что же касается ошибки миѳологической, то Пушкинъ едва ли былъ правъ въ ея указаніи. Правда, въ подлинникѣ Тибулла Энкеладъ не упоминается рядомъ съ Тифіемъ (Tityus): онъ прибавленъ Батюшковымъ; но упоминаніе двухъ гигантовъ вмѣсто одного не противорѣчитъ смыслу, такъ какъ, по миѳу, оба они были повержены Зевсомъ подъ Этну. Далѣе, стихи 119-й—127-й отчеркнуты съ боку, и противъ нихъ отмѣчено: «прелесть»; въ концѣ же піесы заключительный отзывъ: «прекрасный переводъ».

Переводы Батюшкова изъ Парни также встрѣчаютъ себѣ большею частью одобрительный отзывъ Пушкина, что̀ впрочемъ не мѣшаетъ ему высказывать частныя замѣчанія разнаго рода, иногда довольно строгія. Больше всего сдѣлано ихъ по поводу піесы «Мщеніе» (Оп., 35—38; Соч., I, 240—242). Такъ, въ стихахъ 4-мъ и 5-мъ подчеркнуты бѣдныя риѳмы: *невозвратно* и *пріятной*. О стихахъ 9-мъ и 10-мъ замѣчено: «лишнее и вялое». Стихи 12-й—15-й:

Ты здѣсь, подобная лилеѣ бѣлоснѣжной,
Взлелѣянной Авророй и весной,
Подъ сѣнью безмятежной
Цвѣла невинностью близъ матери *твоей*

сопровождаются критическимъ замѣчаніемъ: «И у Парни это мѣсто дурно, у Батюшкова хуже. Любовь не изъясняется пошлыми и рас-

тянутыми сравненіями». Кромѣ того, къ послѣднему слову стиха 15-го предложена поправка: «своей» вмѣсто *твоей*. Далѣе, противъ стиха 17-го:

Здѣсь жертвы приносилъ у мирныхъ алтарей

замѣчено: «Что такое?» Въ стихѣ 22-мъ подчеркнуто некрасивое слово *краснѣяся*, а стихъ 32-й:

Тому сей дикій боръ нѣмой свидѣтель былъ

сопровождается восклицаніемъ: «Какой оборотъ!» Къ стиху 48-му:

И жребій съ трепетомъ читаетъ

опять приписана поправка: «Должно быть: *свой* жребіи». О стихѣ 55-мъ:

Гдѣ юность пылкая *и взоръ считаетъ свой*

замѣчено: «темно», а по поводу заключительныхъ строкъ піесы:

Скажу: будь счастлива, въ послѣдній жизни часъ,
И тщетны будутъ всѣ любовника молитвы

читаемъ:

«Je dirai: qu'elle soit heureuse!
«Et ce voeu ne pourra te donner le bonheur!

«Какая разница!»

Въ стихотвореніи «Источникъ» (Оп., 81—83; Соч., I, 115—116), переведенномъ съ прозы Парни, подчеркнуто нѣсколько слабыхъ стиховъ, а въ концѣ замѣчено: «Не стоитъ ни прелестной прозы Парни, ни даже слабаго подражанія Мильвуа».

Въ піесѣ «Привидѣніе» (Оп., 39—42; Соч., I, 98—100) отмѣчены бѣдныя рѳмы въ стихахъ 40-мъ и 41-мъ: *томной* и *подобной*, и подчеркнутъ дурной стихъ 58-й:

Часъ блаженнѣйшій!.... по ахъ!

За то стихи 31-й—34-й:

Если пламень потаенной
По лапитамъ пробѣжалъ,
Если поясъ сокровенной
Развязался и упалъ

сопровождаются отзывомъ: «прелесть».

Стихотвореніе «Ложный страхъ» (Оп., 183—185; Соч., I, 108—109) заслужило со стороны Пушкина только похвалы; такъ, про-

тивъ стиховъ 21-го—28-го написано: «очень мило», а противъ стиховъ 29-го—44-го: «прекрасно». Кромѣ того, о стихѣ 16-го замѣчено: «стихъ Муравьева» (то-есть, Михаила Никитича Муравьева, воспитателя Батюшкова), а къ стиху 44-му:

Подѣлюсь, мой другъ, съ тобой

предложена такая поправка:

Подѣлился бы съ тобой.

Наконецъ, знаменитая «Вакханка» (Оп., 175—176; Соч., I, 261—262) дала поводъ лишь къ слѣдующимъ замѣткамъ Пушкина. Къ стихамъ 11-му и 12-му:

Нагло ризы поднимали
И свивали ихъ клубкомъ

— «смѣло и счастливо», а къ стихамъ 27-му и 28-му:

И по рощѣ раздавались
«Эвоэ» и нѣги гласъ

— «можетъ быть, слишкомъ громкое слово». Кромѣ того, въ концѣ стихотворенія читаемъ: «Подражаніе Парни, но лучше подлинника живѣе». Самымъ яркимъ доказательствомъ тому, какъ высоко ставилъ Пушкинъ мастерскую отдѣлку этой піесы, служитъ сдѣланный имъ совершенно въ той же манерѣ переводъ стихотворенія Парни «Прозерпина».

У современника Парни, но далеко не равнаго ему по таланту Мильвуа Батюшковъ взялъ два стихотворенія: «Послѣдняя весна» и «Гезіодъ и Омиръ соперники», но перевелъ ихъ, по мнѣнію Пушкина, далеко не съ равнымъ успѣхомъ. О «Послѣдней весны» (Оп., 72—74; Соч., I, 231—232) онъ прямо говоритъ: «неудачное подражаніе Мильвуа» и, подчеркнувъ въ этой піесѣ стихи 26-й—[illegible] пишетъ съ боку: «чортъ знаетъ что такое», а противъ стиховъ 33-го и 34-го отмѣчаетъ: «дурно».

За то переводъ «Гезіода и Омира» (Оп., 91—100; Соч., I, 249—251) встрѣченъ горячими похвалами Пушкина. Изъ сдѣланныхъ къ нему замѣтокъ лишь одна содержитъ въ себѣ неодобреніе, да и тутъ погрѣшность падаетъ, можетъ быть, не на самого Батюшкова, а на его издателя Гнѣдича. Дѣло въ томъ, что въ стихѣ 1-мъ говорится о *Колхидѣ*, что̀ подало поводъ къ такому восклицанію Пушкина:

на: «невѣжество непростительное». Дѣйствительно, вмѣсто Колды слѣдовало упомянуть Халкиду (городъ на островѣ Евбеѣ), ибо подлинникѣ читается Chalcis, а не Colchide. Далѣе, стихи 17-й—й сопровождаются замѣткой: «прекрасно». Къ стиху 23-му:

Пройдя изъ края въ край *гостепріимный міръ*

юсится слѣдующее замѣчаніе: «Въ концѣ сказано: *Рожденный въ мость* и пр.: противурѣчіе». Это ссылка на послѣднія строки стиворенія, въ которыхъ дѣйствительно говорится, что слѣпецъ Гонигдѣ въ Элладѣ не находитъ себѣ пристанища, а потому ь въ отношеніи къ нему не можетъ быть названъ «гостепріимъ». Затѣмъ, къ стихамъ 35-му—39-му замѣтка: «прекрасно». Къ ху 42-му:

О нѣжны дочери суровой Мнемозины!

зачѣмъ *суровой*?» Къ стихамъ 65-му и 66-му:

и вѣчны боги
Отверзли для тебя заоблачны чертоги,

вотъ примѣръ удачной перемѣны цезуры». Къ стиху 67-му:

И что жь? Въ юдоли сей страдалецъ искони

библеизмъ неумѣстный». Общее сужденіе Пушкина объ этомъ отвореніи видно изъ слѣдующихъ словъ, набросанныхъ подъ ѣдними строками піесы: «Вся элегія превосходна — жаль, что водъ».

Вліяніе французской поэзіи, современной Батюшкову, сказалось на тѣхъ его стихотвореніяхъ, которыя написаны въ формѣ ровъ: подобные сентиментальные романсы сочинялись въ то я во Франціи въ большомъ количествѣ. Мы видѣли уже, что ъ «style troubadour» Пушкинъ подмѣтилъ въ посланіи Батюшкъ Н. М. Муравьеву. Еще рѣзче тотъ же харктеръ выступъ въ такихъ піесахъ, какъ «Разлука» (Гусаръ, на саблю опь...), «Любовь въ челнокѣ» и «Плѣнный». Піесы эти не удовлеяли Пушкина, хотя въ ранней юности онъ самъ грѣшилъ подніемъ имъ, напримѣръ, въ стихотвореніи 1816 года «Слеза». бовь въ челнокѣ» (Оп., 189—191; Соч., I, 201—202) онъ то зачеркнулъ въ знакъ неодобренія, а о «Разлукѣ» (Оп., 180—Соч., I, 181—182) отозвался въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Цирлихъ манирлихъ; съ Д. Давыдовымъ не должно и спорить». «Плѣнный» (Оп., 86—90; Соч., I, 183—185) подалъ ему поводъ къ нѣсколькимъ замѣчаніямъ, любопытнымъ въ разныхъ отношеніяхъ. В 2-й строфѣ этой піесы ему не понравились стихи 2-й и 4-й, а въ 3-й-стихъ 8-й; по крайней мѣрѣ, строки эти подчеркнуты. За то строфа сопровождается отмѣткой: «прекрасно». Въ строфѣ 7-й къ стиху 5-му

Покрытый въ зиму яркимъ снѣгомъ

приписано: «было прежде: *бѣлымъ снѣгомъ*». И дѣйствительно, такой варіантъ находится въ «Образцовыхъ Сочиненіяхъ», гдѣ стихотвореніе Батюшкова было сперва напечатано. Въ строфѣ 8-й, въ стихѣ 2-мъ:

Гдѣ ждетъ меня *краса*

указано неправильное словоупотребленіе: «вмѣсто *красавица;* неудачно». Въ совершенно другомъ родѣ замѣтка къ послѣднимъ стихамъ строфы 2-й:

Съ полей побѣды похищенный
Одинъ толпой враговъ

— «любимые стихи князя Петра Вяземскаго». Затѣмъ, въ концѣ стихотворенія набросано нѣсколько строкъ, въ которыхъ Пушкинъ соединилъ извѣстіе о происхожденіи піесы съ общимъ о ней отзывомъ: «Левъ Васильевичъ Давыдовъ въ плѣну у французовъ говорилъ одной женщинѣ: «Rendez-moi mes frimas». Батюшкову это подало мысль написать своего «Плѣннаго». Онъ неудаченъ, хотя полонъ прекрасными стихами. Русскій казакъ поетъ какъ трубадуръ слогомъ Парни, куплетами французскаго романса». Л. В. Давыдовъ, братъ партизана, подобно ему былъ близокъ съ Батюшковымъ и Вяземскимъ, который въ 1815 году также воспѣлъ его плѣнъ въ стихотвореніи «Русскій плѣнникъ въ стѣнахъ Парижа».

Кромѣ заимствованій изъ Тибулла и французскихъ поэтовъ, есть въ «Опытахъ» Батюшкова два подражанія италіанскому поэту Касти. Одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Счастливецъ» (Оп., 192—194; Соч., I, 122—124), Пушкинъ, очевидно, находилъ слабымъ: оно все, кромѣ двухъ послѣднихъ четверостишій, перечеркнуто въ его экземплярѣ «Опытовъ». Напротивъ того, другое заимствованіе изъ Касти, озаглавленное «Радость» (Оп., 196—198; Соч., I, 120—121), нравилось ему по стиху, и онъ написалъ: «Вотъ Батюшковская гармонія!

Мелкія стихотворенія Батюшкова въ антологическомъ родѣ — то, что̀ онъ называлъ «легкою поэзіей», — вошли въ «Опыты» лишь въ небольшомъ числѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ вовсе оставлены Пушкинымъ безъ вниманія, и лишь о двухъ онъ обронилъ свое сужденіе. О стихотвореніи: «Въ день рожденія N.» (Оп., 65; Соч., I, 106) онъ замѣтилъ: «есть чувство», а о піесѣ «Бесѣдка музъ» (Оп., 254 — 256; Соч., I, 272 — 273) выразился однимъ, но вѣскимъ словомъ: «прелесть». Воспоминаніе объ этой «прелести» находится и въ «Евгеніи Онѣгинѣ», но здѣсь оно окрашено нѣсколько инымъ оттѣнкомъ. Надобно сказать, что «Бесѣдка музъ» написана Батюшковымъ весной 1817 года, когда, среди сельской жизни, онъ оканчивалъ отдѣлку сборника своихъ стихотвореній и, подъ освѣжающими впечатлѣніями поэтическаго труда, успѣлъ на время возвратить миръ и спокойствіе своей вѣчно мятущейся душѣ. Поэтъ умоляетъ музъ сохранить ему эту душевную тишину и вдохновеніе и въ концѣ стихотворенія выражаетъ такое желаніе:

Пускай и въ сѣдинахъ, но съ бодрою душой,
Безпеченъ, какъ дитя всегда безпечныхъ грацій,
Онъ нѣкогда придетъ вздохнуть *въ тѣни густой*
Своихъ черемухъ и акацій.

Такое же идиллическое настроеніе Пушкинъ придаетъ одному изъ дѣйствующихъ лицъ своего романа. Въ VI-й его главѣ, въ которой глубокое чувство соединяется съ самымъ тонкимъ юморомъ, нѣсколько строкъ посвящено характеристикѣ Зарѣцкаго, являющагося къ Онѣгину въ качествѣ секунданта отъ Ленскаго. Вотъ въ это-то изображеніе остепенившагося удальца и буяна, списанное отчасти съ извѣстнаго графа Ѳ. И. Толстого, Пушкинъ и вставилъ намекъ на стихотвореніе Батюшкова:

Какъ я сказалъ, Зарѣцкій мой,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрывшись наконецъ,
Живетъ какъ истинный мудрецъ,
Капусту садитъ, какъ Горацій,
Разводитъ утокъ и гусей
И учитъ азбукѣ дѣтей.

Намекъ очевиденъ, но сдѣланъ онъ, конечно, безъ злого умысла и лишь для того, чтобы воспоминаніемъ о личности автора «Бесѣдки

музъ», столь противоположной съ личностью Зарѣцкаго, усилить комическія черты въ характеристикѣ послѣдняго.

Лучшія жемчужины поэзіи Батюшкова находятся въ его элегіяхъ. Изъ всѣхъ родовъ лирики Батюшковъ всегда ставилъ элегію особенно высоко, и едва ли не первымъ его стихотвореніемъ была элегія «Мечта», написанная, когда ему было всего семнадцать лѣтъ. Онъ особенно любилъ своего первенца, неоднократно передѣлывалъ эту піесу и пожелалъ помѣстить ее даже въ «Опыты» 1817 года (Оп., 106—118; Соч., I, 263—269). Пушкинъ зналъ это стихотвореніе и въ его ранней редакціи, и въ позднѣйшей переработкѣ, даже подражалъ ему въ юности, но ни въ какомъ видѣ оно само по себѣ ему не нравилось. Вотъ что̀ написалъ онъ о «Мечтѣ» на экземплярѣ «Опытовъ», бывшемъ у него въ рукахъ: «Писано въ молодости поэта. Самое слабое изъ всѣхъ стихотвореній Батюшкова». Этому строгому приговору соотвѣтствуютъ и частныя замѣтки Пушкина объ отдѣльныхъ мѣстахъ піесы; порицаній здѣсь гораздо больше, чѣмъ похвалъ. Правда, противъ стиховъ 8-го—14-го написано: «гармонія»; противъ стиховъ 26-го и 27-го—«прекрасно». Но далѣе все чаще и чаще выражается неодобреніе; такъ, послѣ стиховъ 32-го—39-го, гдѣ упоминается скальдъ, «царь пѣвцовъ», читаемъ: «Скальдъ и бардъ одно и то же, по крайней мѣрѣ для нашего воображенія». Стихи 46-й—66-й зачеркнуты, и надъ первыми изъ нихъ надпись: «дѣтскіе стихи». Противъ стиха 74-го:

Въ восторгѣ скальдъ поетъ

— «опять все то же». Стихи 104-й—108-й сопровождаются отмѣткою «дурно», дважды написанною. Противъ стиховъ 109-го—137-го трижды означено: «какая дрянь!» Къ стихамъ 138-му—143-му замѣтка: «немного опять похоже на Батюшкова», а о стихахъ 143-мъ и 144-мъ:

Ночь сладострастія тебѣ даетъ призраки
И нектаромъ любви кропитъ лѣнивы маки

говорится: «Катенинъ находилъ эти два стиха достойными Баркова». Это, вѣроятно, воспоминаніе изъ 1817—1819 годовъ, когда Пушкинъ часто встрѣчался въ Петербургѣ съ П. А. Катенинымъ, въ которомъ вообще признавалъ большое критическое дарованіе. Далѣе опять рядъ строгихъ большею частью сужденій; такъ, къ стихамъ 145-му—149-му замѣтка: «дурно, вяло», къ стихамъ 151-му—172-му: «дурно, слабо, дурно, пошло»; только о стихахъ 174-мъ—177-мъ ска-

зано: «хорошіе 4 стиха». Стихи 178-й—186-й зачеркнуты, а стихи 187-й и 188-й сопровождаются припискоі: «прекрасно». Наконецъ, противъ стиховъ 188-го—199-го дважды отмѣчено: «дрянь».

Не нравилась Пушкину и другая элегія Батюшкова «Воспоминаніе» (Оп., 27 — 29), написанная въ 1809 году и также впослѣдствіи неоднократно подвергавшаяся авторскимъ передѣлкамъ. Въ «Опытахъ» была помѣщена только первая половина ея, которую и имѣлъ въ виду Пушкинъ [1]). На своемъ экземплярѣ «Опытовъ» онъ отмѣтилъ въ концѣ стихотворенія: «писано въ первой молодости поэта», подчеркнулъ въ разныхъ мѣстахъ піесы строки, показавшіяся ему особенно неудовлетворительными (стихи 12-й, 20-й, 24-й, 28-й—30-й, 32-й и 33-й), противъ стиха 20-го написалъ: «слабо», а противъ стиховъ 27-го—31-го — «неудачный оборотъ и дурные стихи».

Между ранними стихотвореніями Батюшкова встрѣчается однако піеса, о которой мы имѣемъ самый благосклонный отзывъ Пушкина: это — «Выздоровленіе» (Оп., 33 — 34; Соч., I, 49), стихотвореніе написанное въ 1808 году. «Одна изъ лучшихъ элегіи Батюшкова», говоритъ о немъ Пушкинъ. Въ текстѣ элегіи подчеркнутъ только стихъ 1-й:

Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца...

сопровождаемый любопытнымъ замѣчаніемъ, свидѣтельствующимъ о томъ, какъ строго Пушкинъ наблюдалъ точность въ поэтическихъ изображеніяхъ и поэтической рѣчи: «Не подъ *серпомъ*, а подъ *косою*: ландышъ растетъ въ лугахъ и рощахъ — не на пашняхъ засѣянныхъ». Не одинъ Пушкинъ, но и Вяземскій, и Жуковскій находили, что Батюшковъ недостаточно отдѣлываетъ свои стихи; но эти упреки, по видимому, задѣвали ихъ друга за живое, и однажды онъ отвѣчалъ Жуковскому слѣдующими словами, въ которыхъ обнаружилось его затронутое самолюбіе: «Твои отеческія наставленія — какъ писать стихи, я принимаю съ истинною благодарностью; признаюсь однакоже, что ими воспользоваться не могу. Я пишу мало и пишу довольно медленно; но останавливаться на всякомъ словѣ, на всякомъ стихѣ, переписывать, марать, скоблить... нѣтъ, мой милый другъ, это не стоитъ того: стихи не стоятъ того времени, которое погубишь за ними, а я знаю, какъ его употреблять съ пользою: у меня есть, благодаря Бога, вино, друзья, табакъ...» Объясненіе едва

1) Болѣе полный и болѣе исправный текстъ этого стихотворенія см. въ Сочиненіяхъ Батюшкова, I, 89 — 90.

ли вполнѣ искреннее и вполнѣ правдивое. Черновыхъ рукописей Батюшкова не сохранилось; но безъ сомнѣнія, онъ не могъ бы выработать своего прекраснаго стиха, если бы вмѣстѣ съ вдохновеніемъ не отдавался и поэтическому труду, тому же упорному труду, о которомъ живое свидѣтельство представляютъ намъ черновыя рукописи Пушкина; не даромъ же Батюшковъ сознавался, что пишетъ медленно, и что только такіе стихи, какъ «Видѣніе на берегахъ Леты», которые онъ самъ цѣнилъ невысоко, легко выливались изъ-подъ его пера.

Полное развитіе таланта Батюшкова относится къ тѣмъ немногимъ годамъ послѣ Отечественной войны, въ которые онъ еще предавался творчеству. Въ 1814 году написана элегія «Тѣнь друга», а въ 1815 — рядъ любовныхъ элегій, которыя еще до появленія въ печати были сообщены Батюшковымъ на судъ Жуковскаго и встрѣчены послѣднимъ съ горячимъ одобреніемъ. Такими же похвалами сопровождаетъ ихъ и Пушкинъ въ разсмотрѣнномъ нами экземплярѣ «Опытовъ»; здѣсь сосредоточены его главныя сужденія объ особенностяхъ таланта Батюшкова, и если среди многихъ выраженій одобренія встрѣчаются иногда замѣчанія отрицательнаго свойства, то они имѣютъ лишь самое ограниченное значеніе. Такъ, о «Тѣни друга» (Оп., 48—51; Соч., I, 186—188) Пушкинъ говоритъ: «Прелесть и совершенство—какая гармонія!» Кромѣ того, о начальныхъ строкахъ этого стихотворенія онъ записалъ слѣдующее: «Дмитріевъ осуждалъ цезуру двухъ этихъ стиховъ, кажется, несправедливо».

Къ 1813—1815 годамъ относится, какъ извѣстно, періодъ несчастной любви Батюшкова. Поэтъ нелегко пережилъ свою сердечную драму, какъ свидѣтельствуетъ рядъ написанныхъ имъ въ 1815 году элегій; мы разумѣемъ слѣдующія піесы: «Таврида», «Разлука» (Напрасно покидалъ страну моихъ отцовъ....), «Пробужденіе», «Воспоминанія», «Мой геній». «О Таридѣ» (Оп., 68—70; Соч., I, 221—222) Пушкинъ написалъ: «По чувству, по гармоніи, по искусству стихосложенія, по роскоши и небрежности воображенія—лучшая элегія Батюшкова». И тутъ же, по поводу стиховъ 21-го—24-го, сообщается: «Любимые стихи Батюшкова самого». О «Разлукѣ» (Оп., 66—67; Соч., I, 223—224) отзывъ въ одномъ словѣ: «прелесть». «Пробужденіе» (Оп., 65; Соч., I, 225) дало случай къ двумъ замѣткамъ: къ стиху 9-му:

Ни быстрый бѣгъ копя ретива

—«усѣченіе гармоническое», и къ послѣднимъ стихамъ:

И гордый умъ не побѣдитъ
Любви, холодными словами

—«смыслъ выходитъ: *холодными словами любви*; запятая не поможетъ».

Къ «Воспоминанію» (Оп., 30—32; Соч., I, 226—229), піесѣ, которая въ «Опытахъ» была напечатана безъ второй, лучшей своей половины, относится лишь нѣсколько мелкихъ замѣтокъ. Такъ, о стихахъ 10-мъ и 11-мъ сказано: «вяло»; къ стиху 24-му:

Средь *бурей* и *недугъ*

приписаны поправки: «бурь», «недуговъ»; къ стиху 48-му:

Обитель древняя и доблести, и *нравовъ!*

отмѣтка: «галлицизмъ». Затѣмъ о стихахъ 50-мъ—55-мъ, которыми піеса кончается въ «Опытахъ», читаемъ: «Послѣдніе стихи славны своей гармоніей».

Элегія «Мой геній» (Оп., 44; Соч., I, 230) вызываетъ такое сужденіе Пушкина: «прелесть, кромѣ первыхъ 4» (стиховъ).

Къ 1815 году относятся еще два стихотворенія Батюшкова, замѣчательныя не только своимъ поэтическимъ достоинствомъ, но и тѣмъ, что въ нихъ особенно ярко выразилась перемѣна, совершившаяся въ ту пору въ душевномъ настроеніи и въ міросозерцаніи поэта. По поводу одного изъ нихъ, названнаго «Надежда» (Оп., 9—10; Соч., I, 233—234), Пушкинъ приписалъ къ заглавію: «Точнѣе бы *Вѣра*». Но такая поправка едва ли вполнѣ справедлива: данное Батюшковымъ заглавіе, по видимому, указываетъ на то, что въ тревожной душѣ поэта еще не было полной и твердой вѣры.

Дополненіемъ къ этому стихотворенію является другое, надписанное «Къ другу» (Оп., 101—105; Соч., I, 235—237), въ которомъ поэтъ говоритъ, что онъ утратилъ способность наслажденія, что для него изчезла возможность земного счастія, и онъ стремится въ иной міръ, къ жизни загробной. Это стихотвореніе произвело сильное впечатлѣніе на Пушкина, какъ своимъ возвышеннымъ строемъ, такъ и красотою своей формы, что̀ ясно видно изъ тѣхъ замѣчаній, которыми онъ сопровождаетъ строфы этой дѣйствительно прекрасной піесы. Такъ, послѣ строфы 7-й онъ пишетъ: «Прелесть! — Да и все прелесть!» Къ первымъ двумъ стихамъ строфы 9-й:

Нравъ тихій ангела, даръ слова, тонкій вкусъ,
Любви и очи, и ланиты

онъ приписываетъ: «Звуки италіанскіе! Что за чудотворецъ этотъ Батюшковъ!» Въ 11-й строфѣ стихъ 2-й:

Она въ страданіяхъ почила

даетъ поводъ къ восклицанію: «прекрасно!» Въ 14-й строфѣ даже нѣсколько сомнительный стихъ 2-й:

И *Кліи* мрачныя скрижали

комментированъ въ пользу Батюшкова: «*Кліо*, какъ *дело*, не склоняется; но это правило было бы затруднительно». Сравненіе, развитое въ строфѣ 15-й, вызываетъ Пушкина на такое замѣчаніе: «подражаніе «Torrismondo» и Ломоносову». «Torrismondo» — трагедія Тасса, изъ которой Батюшковъ взялъ эпиграфъ къ «Умирающему Тассу»; на эти стихи и намекаетъ Пушкинъ. Что же касается Ломоносова, то очевидно, имѣется въ виду вторая строфа изъ его «Вечерняго размышленія о Божіемъ величествѣ». Весь этотъ рядъ похвалъ Пушкинъ заключаетъ слѣдующими словами въ концѣ піесы: «Сильное, полное и блистательное стихотвореніе».

Оканчиваемъ изложеніе замѣчаній Пушкина на произведенія Батюшкова сообщеніемъ его отзывовъ о такъ-называемыхъ историческихъ элегіяхъ, которыхъ у Батюшкова насчитывается нѣсколько. Такъ въ тѣ времена называли лирическія піесы, въ которыхъ вдохновеніе поэта избирало своимъ предметомъ какое-нибудь достопамятное событіе или лицо, способное возбудить скорбное воспоминаніе. Наиболѣе подходятъ къ этому типу слѣдующія элегіи Батюшкова: «На развалинахъ замка въ Швеціи», «Пѣснь Гаральда Смѣлаго» «Умирающій Тассъ» и «Переходъ черезъ Рейнъ». Самъ авторъ очень дорожилъ этими своими произведеніями и говорилъ, что желалъ ими «расширить область элегіи»; что же касается Пушкина, то есть полное основаніе думать, что историческая элегія не пользовалась его сочувствіемъ. Изъ его произведеній видно, что скорбное настроеніе вовсе не представлялось ему обязательнымъ при обращеніи къ прошлому: онъ относился къ нему свободно, съ тою широкою объективностью, которая свойственна эпосу, тогда какъ историческая элегія по самой своей сущности предполагаетъ извѣстную узость или односторонность чувства, которымъ вдохновляется поэтъ. Эту

особенность воззрѣній Пушкина нельзя не имѣть въ виду при обзорѣ его сужденій объ историческихъ элегіяхъ Батюшкова. Такъ, въ элегіи «На развалинахъ замка въ Швеціи» (Оп., 11—18; Соч., I, 189—193) Пушкину нравились многія отдѣльныя мѣста; противъ послѣднихъ четырехъ стиховъ 9-й строфы онъ пишетъ: «Вотъ стихи прелестные, собственно Батюшкова — вся строфа прекрасна»; противъ послѣднихъ стиховъ 11-й строфы опять: «прекрасно»; противъ стиховъ 5-го и 6-го въ строфѣ 13-й: «живо, прекрасно», и только первые стихи 7-й строфы сопровождаются замѣткой: «вяло»; но въ цѣломъ элегія не удовлетворяетъ Пушкина, и окончательный приговоръ его таковъ: «Вообще мысли пошлыя, и стихи не довольно живы». Пошлость мысли въ этой піесѣ заключается въ томъ, что поэтъ оплакиваетъ проходимость всего земного: тема слишкомъ избитая, развитія которой, на взглядъ Пушкина, не искупаютъ ни красота стиховъ, ни яркость образовъ.

«Пѣснь Гаральда Смѣлаго» (Оп., 172—174; Соч., I, 238—239) дала Пушкину поводъ лишь къ частнымъ замѣткамъ. Въ 1-й строфѣ стихъ 7-й:

Когда мы, *содвинувъ стьной корабли*,

сопровождается вопросительнымъ знакомъ; стихи 8-й во 2-й строфѣ и 4-й въ строфѣ 3-й подчеркнуты, но безъ всякихъ объясненій, и только стихъ 6-й въ 3-й строфѣ отмѣченъ словомъ: «прекрасно».

Самая извѣстная изъ элегій Батюшкова, его любимое произведеніе, «Умирающій Тассъ» (Оп., 243—253; Соч., I, 253—258), встрѣтила въ Пушкинѣ очень строгаго критика. Частныхъ замѣчаній тутъ немного: только къ стиху 66-му въ первой рѣчи Тасса, гдѣ онъ жалуется, что нигдѣ не могъ спасти себя отъ преслѣдованій судьбы, приписано: «Добродушіе историческое, но вовсе не поэтическое»; да въ концѣ Тассовой рѣчи, къ стихамъ 147-му и 148-му:

Тамъ, тамъ—о счастіе!—средь непорочныхъ женъ,
Средь ангеловъ Элеонора встрѣтитъ

сдѣлана замѣтка: «Остроуміе, а не чувство. Это—покровенная глава Агамемнона въ картинѣ» (намекъ на извѣстную картину Лемуана, изображающую принесеніе Ифигеніи въ жертву ея отцомъ, который представленъ тутъ съ покрытою головой). За то въ началѣ элегіи читаемъ общее о ней сужденіе очень неблагосклонное: «Эта элегія, конечно, ниже своей славы. Я не видалъ французской элегіи, дав-

шей Батюшкову поводъ къ своему стихотворенію; но сравните «Сѣтованія Тасса» поэта Байрона съ этимъ тощимъ произведеніемъ. Тассъ дышалъ любовью и всѣми страстями, а здѣсь, кромѣ славолюбія и добродушія (см. замѣчанія), ничего не видно. Это — умирающій Василій Львовичъ, а не Торквато».

Не будемъ входить въ полную оцѣнку того, на сколько справедливо это сужденіе Пушкина, но нѣсколько объясненій все-таки кажутся намъ не лишними.

Пушкинъ правъ, когда указываетъ на существованіе французской элегіи на тему о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ Тассомъ: такая элегія, подъ заглавіемъ: «Les malheurs et le triomphe du Tasse», была написана Лагарпомъ, извѣстнымъ авторомъ «Лицея», то-есть, курса словесности [1]). Пушкину не случилось читать ее, Батюшковъ же вѣроятно, зналъ эту весьма слабую піесу; но сходства между нею и элегіей русскаго поэта нѣтъ ни въ чемъ, кромѣ общаго основного мотива. Какъ бы предвидя возможность указаній на подражаніе [2]), Батюшковъ говорилъ въ одномъ изъ писемъ къ Гнѣдичу въ 1816 году: «И сюжетъ, и все — мое. Собственная простота». Извѣстно, что судьба Тасса занимала Батюшкова съ ранней юности: онъ прочелъ о немъ все, что̀ могъ, и видѣлъ въ немъ олицетвореніе дарованія, преслѣдуемаго завистью и клеветой. Батюшкову нравилось проводить параллель между несчастіями Тасса и печальными обстоятельствами своей собственной жизни. Конечно, онъ сильно преувеличивалъ степень этого сходства; за то, изображая страданія «пѣвца Іерусалима», онъ тѣмъ охотнѣе и тѣмъ свободнѣе вносилъ въ это изображеніе свои чувства и свои настроенія; несомнѣнно, что въ элегіи Батюшкова много есть чертъ автобіографическихъ. При такихъ условіяхъ образъ Тасса, созданный Батюшковымъ, естественно оказался не таковъ, какимъ является авторъ «Освобожденнаго Іерусалима» въ стихахъ Байрона; но вѣдь и Байронъ сдѣлалъ въ сущности то же, что̀ нашъ поэтъ: онъ также представилъ

1) Элегія Лагарпа не была намъ извѣстна, когда мы составляли примѣчанія къ «Умирающему Тассу» въ изданіи сочиненій Батюшкова 1885—1887 гг.; впослѣдствіи мы ее нашли въ сборникѣ «Encyclopédie poétique», составленномъ де-Гинемъ (de Guigne) и изданномъ въ Парижѣ въ 1780 году, въ 17 томахъ.

2) А указанія такого рода дѣйствительно были дѣлаемы, напримѣръ, В. К. Кюхельбекеромъ (см. его Дневникъ подъ 28-мъ апрѣля 1834 года, въ *Русской Старинѣ* 1883 г., т. XXXIX, стр. 262).

Тасса по своему подобію, также вложилъ въ его душу свои собственныя чувства; различіе же между двумя изображеніями опредѣляется, съ одной стороны, глубокимъ различіемъ въ характерѣ обоихъ авторовъ, а съ другой — конечно, степенью ихъ дарованія. Во всякомъ случаѣ, оба они мало заботились объ исторической правдѣ, и каждый изъ нихъ довольствовался тѣмъ, что по своему толковалъ общераспространенное преданіе о гонимомъ поэтѣ. Нѣтъ повода осуждать Пушкина за то, что толкованію Батюшкова онъ предпочиталъ образъ, созданный Байрономъ, но конечно, только ради шутки назвалъ онъ Батюшковскаго Тасса умирающимъ Васпліемъ Львовичемъ. Строгій приговоръ Пушкина о знаменитой элегіи всего проще объясняется нерасположеніемъ критика къ самому роду исторической элегіи, допускавшему подмѣсь чисто личнаго чувства къ объективному поэтическому представленію историческихъ событій и лицъ.

Послѣднее изъ стихотвореній Батюшкова, о которомъ мы имѣемъ отзывъ Пушкина, есть «Переходъ черезъ Рейнъ» (Оп., 231—241; Соч., I, 176—180). Вовсе не существенно, принадлежитъ ли оно къ разряду историческихъ элегій, но замѣчательно, что это произведеніе, вообще мало оцѣненное въ нашей литературѣ, заслужило отъ Пушкина столь высокую похвалу: «Лучшее стихотвореніе поэта — сильнѣйшее и болѣе всѣхъ обдуманное». Кромѣ этого общаго отзыва, противъ строфы 15-й написано: «прелесть», а противъ 11-й замѣчено: «темно; дѣло идетъ о Елизаветѣ Алексѣевнѣ». Быть можетъ, эту строфу, посвященную супругѣ императора Александра, Пушкинъ вспоминалъ въ 1819 году, когда самъ писалъ «Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны».

Таковы замѣчанія Пушкина; какъ ни отрывочны они, по нимъ все-таки можно составить ясное понятіе объ его взглядѣ на поэзію Батюшкова. Написанныя въ ту пору, когда самъ Пушкинъ вполнѣ достигъ самостоятельности въ творчествѣ, они свободны отъ преклоненія предъ оцѣниваемымъ поэтомъ; ко многому, что̀ въ юности безусловно восхищало Пушкина въ стихахъ Батюшкова, онъ, болѣе созрѣвшій, относится критически; онъ уже не сталъ бы теперь подражать тому, кто прежде былъ его любимымъ образцомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уваженіе Пушкина къ таланту своего предшественника стало и глубже, и сознательнѣе; немногими, но мѣткими отзывами

онъ выставляетъ на видъ особенности и достоинства его дарованія. Содержаніе поэзіи Батюшкова уже мало удовлетворяетъ Пушкина: отъ его проницательности не ускользаетъ ни сентиментальность въ романсахъ Батюшкова, ни обнаруживающаяся у него иногда холодная напыщенность, ни неопредѣленность или робость его мысли. Самъ Пушкинъ такъ широко раздвинулъ кругозоръ русской поэзіи, внесъ такъ много простоты и искренности въ нашу лирику, что уже не могъ мириться съ тою условностью образовъ и выраженій, которая еще замѣтна въ лирикѣ Батюшкова. Между тѣмъ какъ послѣдній искалъ только внѣшнихъ способовъ, чтобы расширить область элегіи, подъ вліяніемъ Пушкина даже его послѣдователи и сверстники сумѣли это сдѣлать безъ большого труда: вспомнимъ сосредоточенный, глубокій лиризмъ поэзіи Боратынскаго, котораго Пушкинъ любилъ сравнивать съ Батюшковымъ, и которому еще въ 1822 году предсказывалъ, что онъ превзойдетъ автора «Тѣни друга» и «Тавриды» [1]).

Но если содержаніе лирики Батюшкова казалось Пушкину скуднымъ, если въ произведеніяхъ его онъ находилъ невыдержанность, а иные изъ его поэтическихъ пріемовъ считалъ устарѣлыми, за то художественную технику его цѣнилъ онъ очень высоко. Онъ восхищался «гармоніей» стиховъ Батюшкова и любовался его искусствомъ пользоваться даже такъ-называемыми поэтическими вольностями въ родѣ усѣченія окончаній или переноса цезуры для того, чтобы придать своимъ стихамъ новыя красоты — гибкость и звучность. Въ этомъ смыслѣ трудно было бы сказать въ пользу Батюшкова что-нибудь сильнѣе той высокой похвалы, которая выражена въ слѣдующихъ словахъ Пушкина: «Батюшковъ, счастливый соперникъ Ломоносова, сдѣлалъ для русскаго языка то же самое, что̀ и Петрарка для италіанцевъ» [2]). Сравненіе это тѣмъ удачнѣе, что Батюшковъ дѣйствительно любилъ наслаждаться «музыкальными звуками авзоніискаго языка»; именно въ италіанской словесности искалъ онъ образцовъ для гармоніи русскаго стиха. Въ его письмахъ къ друзьямъ разсѣяно много указаній на этотъ предметъ, сильно его занимавшій. Стремленіе выработать гармоническій стихъ онъ одинъ изъ первыхъ угадалъ въ «маленькомъ» Пушкинѣ и въ вопросахъ

1) Сочиненія, т. VII, стр. 27 и 28.
2) Сочиненія, т. V, стр. 20.

этого рода не затруднялся ссылаться на «чуткое ухо» юнаго поэта. Со своей стороны и Пушкинъ, даже въ періодъ полнаго развитія своего дарованія, не отказывался признавать Батюшкова своимъ учителемъ въ стихотворной техникѣ. Въ 1828 году московскій литераторъ Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ, желая имѣть стихи Пушкина въ своемъ альбомѣ, просилъ его объ этомъ: Пушкинъ вписалъ свою піесу «Муза» и на вопросъ: отчего именно эти стихи пришли ему на память прежде всѣхъ другихъ, отвѣчалъ: «Я ихъ люблю: они отзываются стихами Батюшкова» [1]).

---

1) Сочиненія Батюшкова, I (біографія), стр. 255—257.

ВОСПОМИНАНІЯ ШЕВЫРЕВА О ПУШКИНѢ.

I.

Многимъ еще памятно то сильное впечатлѣніе, которое произвело въ обществѣ и особенно въ литературныхъ кругахъ изданіе сочиненій Пушкина, вышедшее въ 1855 году подъ наблюденіемъ П. В. Анненкова. Среди однообразія тогдашней литературы какою свѣжестью пахнуло отъ этихъ красиво напечатанныхъ страницъ, на которыхъ читатели, рядомъ съ давно знакомыми и давно любимыми произведеніями славнаго поэта, встрѣтили новыя, дотолѣ неизвѣстныя въ печати откровенія его музы и затерянныя въ старыхъ журналахъ яркія блестки его геніальнаго дарованія и могучаго ума! Какою драгоцѣнностью казались свѣдѣнія о жизни и творчествѣ Пушкина, собранныя во введеніи, которое авторъ-издатель скромно назвалъ «Матеріалами для біографіи поэта»! Что изданіе Анненкова не вполнѣ исчерпало литературное наслѣдіе, уцѣлѣвшее въ бумагахъ Пушкина, — объ этомъ стало извѣстно очень скоро, и самъ издатель поспѣшилъ пополнить по возможности пробѣлы своего труда, выпустивъ въ 1857 году седьмой, дополнительный томъ къ шести изданнымъ за два года передъ тѣмъ. Но сила впечатлѣнія, произведеннаго изданіемъ, зависѣла не отъ новыхъ дополненій, а отъ того, что въ трудѣ Анненкова созданія поэта являлись впервые въ исправномъ, не испорченномъ опечатками текстѣ, расположенныя въ правильномъ хронологическомъ порядкѣ и умно объясненныя трудолюбивымъ и внимательнымъ біографомъ. На читателя благотворно дѣйствовало то благоговѣніе, съ которымъ издатель относился къ своему дѣлу. Если за Бѣлинскимъ остается заслуга первой пол-

ной критической оцѣнки Пушкина въ связи съ общимъ развитіемъ новой русской литературы, то прекрасное начало научному истолкованію художнической дѣятельности поэта въ связи съ событіями его жизни положено было, безъ сомнѣнія, П. В. Анненковымъ.

Въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ Анненковъ самъ разсказалъ о тѣхъ цензурныхъ затрудненіяхъ, какія встрѣтило въ 1854 и 1855 годахъ предпринятое имъ дѣло. Но общая исторія его издательскаго труда остается до сихъ поръ мало извѣстною. Поэтому не безполезно будетъ привести здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой сторонѣ предпріятія. Почерпаемъ ихъ изъ бумагъ самого издателя, доступъ къ которымъ открытъ намъ любезностью его наслѣдниковъ.

Извѣстно, что по кончинѣ Пушкина выпущено было такъ-называемое посмертное изданіе его сочиненій: восемь томовъ его были отпечатаны въ 1838 году, а остальные три—въ 1841. Вскорѣ обнаружились многочисленные и разнообразные недостатки этого изданія; тѣмъ не менѣе оно, разумѣется, было жадно раскуплено и въ исходѣ сороковыхъ годовъ было уже рѣдкостью въ книжной торговлѣ. Въ 1850 году Н. Н. Ланская пришла къ мысли сдѣлать новое изданіе произведеній своего перваго мужа. Въ то время Иванъ Васильевичъ Анненковъ, братъ Павла Васильевича, занимался дѣлами Натальи Николаевны, по дружбѣ къ ея семейству. «Она», разсказываетъ П. В. Анненковъ,—«обратилась ко мнѣ за совѣтомъ и прислала на домъ къ намъ два сундука его бумагъ. При первомъ взглядѣ на бумаги я увидалъ, какія сокровища въ нихъ таятся, но мысль о принятіи на себя труда изданія мнѣ тогда и въ голову не приходила. Я только сообщилъ Ланской планъ, по которому, казалось мнѣ, должно быть предпринято новое изданіе». Мысль эта была однако очень соблазнительна, и мало по малу Павелъ Васильевичъ сталъ съ нею свыкаться. Въ концѣ 1850 года онъ уже сталъ собирать кое-какіе матеріалы для біографіи поэта. Между тѣмъ Иванъ Васильевичъ велъ переговоры съ Н. Н. Ланскою о пріобрѣтеніи права на изданіе. Въ 1851 году онъ заключилъ съ нею формальное условіе по этому предмету и осенью того же года привезъ извѣстіе о томъ въ Москву, гдѣ жилъ тогда Павелъ Васильевичъ. Понятно, что въ рукахъ послѣдняго сосредоточилось все дѣло; онъ повелъ его столь энергично, что къ концу 1852 года уже успѣлъ вчернѣ набросать біографію поэта. Тѣмъ не менѣе, онъ еще долго оставался въ неувѣренности на счетъ успѣшнаго хода затѣяннаго имъ труда, какъ

это видно изъ слѣдующихъ словъ въ его не изданныхъ замѣткахъ: «Страхъ и сомнѣніе въ удачѣ обширнаго предпріятія, на которое требовались, кромѣ нравственныхъ силъ, и большія денежныя затраты, не покидали меня и въ то время, когда, уже по разнесшейся вѣсти о немъ, я черезъ Гоголя познакомился съ Погодинымъ, а черезъ Погодина — съ Бартеневымъ (П. Ив.), Нащокинымъ и другими лицами, имѣвшими біографическія свѣдѣнія о поэтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я принялся за перечитку журналовъ 1817—1825 годовъ». Дѣйствительно, въ бумагахъ Анненкова сохранились цѣлыя тетради его выписокъ и извлеченій изъ журналовъ не только этого, но и болѣе поздняго времени (изъ *Вѣстника Европы*, *Московскаго Телеграфа*, *Московскаго Вѣстника*, *Атенея*, *Телескопа* и т. д.). Очевидно, біографъ придавалъ особое значеніе старинной журнальной полемикѣ и справедливо искалъ въ ней указаній на то, какъ постепенно слагалось въ русскомъ обществѣ воззрѣніе на поэтическую дѣятельность Пушкина.

Рядомъ со старыми журналами, другимъ важнымъ источникомъ служило для Анненкова живое преданіе. Въ то время, когда онъ принялся за свой трудъ, еще жили и здравствовали многіе изъ учениковъ Пушкина по лицею, а также многіе другіе близкіе къ нему люди. Анненковъ обратился къ содѣйствію ихъ памяти. Въ числѣ лицъ, сообщившихъ ему письменныя свѣдѣнія, важнѣйшія были слѣдующія: младшій братъ поэта Левъ Сергѣевичъ, ихъ своякъ Н. И. Павлищевъ, П. А. Катенинъ, В. И. Даль и нѣкоторые изъ лицейскихъ товарищей Пушкина, изложившіе свои воспоминанія въ одной общей запискѣ. Все это были біографическія свидѣтельства первостепенной важности, и Анненковъ воспользовался ими обильно. Впослѣдствіи почти всѣ они появились въ печати, и не напечатанными остались только воспоминанія Катенина. Къ сожалѣнію, рукописи ихъ не находится и въ той части бумагъ Анненкова, которая была намъ сообщена. Впрочемъ, и относительно воспоминаній Катенина мы можемъ привести слѣдующее свидѣтельство Павла Васильевича, найденное нами въ одномъ не изданномъ письмѣ его къ И. С. Тургеневу отъ января 1853 года: «Катенинъ прислалъ мнѣ записку о Пушкинѣ — и требовалъ мнѣнія. Въ этой запискѣ, между прочимъ, «Борисъ Годуновъ» осуждался потому, что не годится для сцены, а «Моцартъ и Сальери» — потому, что на Сальери взведено даромъ преступленіе, въ которомъ онъ неповиненъ. На послѣднее я отвѣчалъ, что никто не думаетъ о настоящемъ Сальери, а что

это—только типъ даровитой зависти. Катенинъ возразилъ: стыдитесь; вѣдь вы, полагаю, честный человѣкъ и клевету одобрять не можете. Я на это: искусство имѣетъ другую мораль, чѣмъ общество. А онъ мнѣ: мораль одна, и писатель долженъ еще болѣе беречь чужое имя, чѣмъ гостиная, деревня или городъ. Да вотъ десятое письмо по этому эѳически-эстетическому вопросу и обмѣниваемъ».

Нѣкоторыя изъ лицъ, допрошенныхъ Анненковымъ, дѣлились съ нимъ только устными разсказами. Много важнаго, любопытнаго и характернаго имѣлъ онъ случай услышать отъ П. В. Нащокина, П. А. Плетнева, М. П. Погодина; но уже въ самомъ свойствѣ ихъ сообщеній заключалась извѣстная слабая сторона: изустные разсказы не могли не быть отрывочными и не представляли той опредѣленности и полноты, какой можно ожидать отъ воспоминаній, изложенныхъ на письмѣ, болѣе тщательно обдуманныхъ и нерѣдко подкрѣпленныхъ справками въ современныхъ документахъ. По видимому, впрочемъ, не всѣ друзья Пушкина, даже опытные въ литературныхъ дѣлахъ, чувствовали себя въ силахъ послѣдовательно высказать всѣ тѣ впечатлѣнія, какія сохранили они отъ близкихъ сношеній съ великимъ человѣкомъ. Такъ, П. А. Плетневъ, напечатавшій о Пушкинѣ небольшую статью въ 1838 году и призывавшій другихъ къ сообщенію свѣдѣній о немъ, самъ не рѣшался впослѣдствіи взяться за перо, чтобъ изложить свои собственныя воспоминанія, какъ можно было бы ожидать отъ его дружбы. А между тѣмъ разсказы о Пушкинѣ были одною изъ любимыхъ темъ въ его бесѣдахъ, и кто имѣлъ случай слышать ихъ, согласится съ нами, что чувство, которое питалъ Плетневъ къ дорогому покойнику, нельзя назвать иначе, какъ обожаніемъ. Казалось, все одинаково нравилось Плетневу въ личности Пушкина. Пишущему эти строки почтенный Петръ Александровичъ разсказывалъ однажды о прекрасной памяти поэта, и разсказъ этотъ сопровождался выраженіемъ самаго горячаго удивленія къ этой счастливой его способности [1]). «Какъ онъ дышалъ!» воскликалъ Плетневъ при другомъ случаѣ, вспоминая о своихъ прогулкахъ съ Пушкинымъ въ окрестностяхъ Лѣсного института. П. В. Анненковъ передавалъ, что другой пріятель великаго поэта, М. Л. Яковлевъ, извѣстный «староста» лицейскихъ годовщинъ перваго

1) См. нашу замѣтку по поводу VII-го тома изданія *Анненкова* въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858 года.

выпуска, разсказывая ему о послѣднемъ изъ этихъ праздниковъ, въ которомъ участвовалъ Пушкинъ (19-го октября 1836 года), забылъ упомянуть о характерномъ обстоятельствѣ, при томъ случившемся: Пушкинъ сталъ было читать въ кругу товарищей свою послѣднюю «Лицейскую годовщину», но внезапно остановился и залился слезами. Анненковъ выражалъ сожалѣніе, что не имѣлъ возможности внести эту подробность въ текстъ біографіи. Дѣйствительно, въ его сочиненіи упоминается объ этомъ только въ подстрочномъ примѣчаніи, прибавленномъ уже послѣ того, какъ текстъ біографіи былъ подвергнутъ особой высшей цензурѣ и затѣмъ уже не подлежалъ измѣненіямъ. «Много алмазныхъ искръ Пушкина разсыпались тутъ и тамъ въ потемкахъ; иныя уже угасли, и едва ли не навсегда»: такъ выражается Даль въ своихъ воспоминаніяхъ о поэтѣ, составленныхъ черезъ семь лѣтъ послѣ его смерти, и тутъ же высказываетъ сожалѣніе, что многія подробности его жизни, извѣстныя въ разныхъ концахъ Россіи, остаются не записанными. Анненкову прежде многихъ пришлось убѣдиться въ справедливости этого сѣтованія: потому-то и оказался въ біографіи Пушкина, написанной всего спустя пятнадцать лѣтъ по его кончинѣ, недостатокъ въ живыхъ подробностяхъ для его характеристики.

Въ числѣ матеріаловъ, находившихся въ распоряженіи Анненкова, были, сверхъ вышеупомянутыхъ, еще замѣтки о Пушкинѣ, записанныя со словъ С. П. Шевырева. Судя по сохранившейся рукописи, записывалъ ихъ не самъ Анненковъ, а кто-то другой, едва ли не Н. В. Бергъ. Двѣ уцѣлѣвшія на листѣ помѣты — 23-го декабря 1850 года и 3-го января 1851 года — указываютъ на время записи. Она сдѣлана довольно обстоятельно, безъ сомнѣнія, потому, что самъ разскащикъ постарался придать нѣкоторый порядокъ своему сообщенію. Шевыревъ говорилъ не только о своихъ личныхъ сношеніяхъ съ поэтомъ, но передалъ и нѣкоторыя свѣдѣнія объ его дѣтствѣ и его родинѣ. Анненковъ придавалъ большую цѣну этимъ извѣстіямъ и многія изъ нихъ помѣстилъ въ своемъ трудѣ, однако не изчерпалъ всего ихъ содержанія. Пользуясь ими въ свою очередь, постараемся на ихъ основаніи, а также при пособіи другихъ источниковъ, представить очеркъ отношеній Шевырева къ Пушкину.

II.

Степанъ Петровичъ Шевыревъ родился въ 1806 году, въ Саратовѣ, но былъ москвичъ по воспитанію, по общественнымъ и литературнымъ связямъ и служебной дѣятельности. Привезенный въ Москву одиннадцати лѣтъ, питомецъ университетскаго благороднаго пансіона и нѣкоторое время слушатель Московскаго университета, Шевыревъ началъ службу въ Московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и такимъ образомъ въ двадцатыхъ годахъ принадлежалъ къ числу «архивныхъ юношей», увѣковѣченныхъ Пушкинымъ въ VII-й главѣ «Евгенія Онѣгина». Въ 1834 году, послѣ трехлѣтняго пребыванія за границей, Шевыревъ занялъ каѳедру русской словесности въ Московскомъ университетѣ, а состоявшаяся въ томъ же году женитьба его на дочери покойнаго князя Бориса Владиміровича Голицына породнила его съ тогдашнимъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, извѣстнымъ княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ. Съ тѣхъ поръ Шевыреву случалось неоднократно посѣщать подмосковную Голицыныхъ, село Вяземы (въ 15 верстахъ отъ Звенигорода), въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ которымъ находилось сельцо Захарьино или Захарово, усадьба бабки Пушкина, Маріи Алексѣевны Ганнибалъ. Здѣсь живали съ 1806 года и родители поэта, и самъ онъ до двѣнадцатилѣтняго возраста. Это обстоятельство доставило Шевыреву возможность собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о первыхъ годахъ его жизни. Кромѣ того, Степанъ Петровичъ еще въ ранней молодости могъ встрѣчаться въ московскомъ обществѣ съ отцомъ поэта и въ особенности съ его дядей, Василіемъ Львовичемъ, извѣстнымъ литераторомъ. Итакъ, вотъ что̀ разсказывалъ Шевыревъ о дѣтствѣ Пушкина и его родинѣ:

«Пушкинъ родился въ Москвѣ. Отецъ его, Сергѣй Львовичъ, человѣкъ ограниченнаго ума, больше любившій свѣтскую жизнь, подобно брату своему Василью Львовичу (имѣвшему свой домъ на Басманной и славившемуся отличнымъ поваромъ Власомъ, котораго онъ называлъ Blaise; этотъ умеръ въ Охотномъ ряду въ послѣднюю холеру), не могъ внушить большой привязанности къ себѣ въ сынѣ своемъ. Гораздо больше могла имѣть вліянія на послѣдняго мать—Надежда Осиповна, женщина, отличавшаяся умомъ. Изъ другихъ членовъ семейства есть еще братъ нашего поэта, Левъ Сергѣевичъ,

который теперь служитъ въ Одессѣ при карантинѣ, добрый малый, чрезвычайно похожій лицомъ на покойнаго поэта, и сестра Ольга Сергѣевна, къ которой Пушкинъ питалъ особенную привязанность: она за Павлищевымъ, что̀ служитъ въ Варшавѣ и нѣсколько занимается литературой. Пушкины постоянно жили въ Москвѣ, но на лѣто уѣзжали въ деревню Захарьино, верстахъ въ сорока отъ Москвы, принадлежавшую родственникамъ Надежды Осиповны. Это сельцо теперь принадлежитъ помѣщицѣ Орловой. Здѣсь Пушкинъ провелъ первое свое дѣтство, до 1811 года. Старый домъ, гдѣ они жили, срытъ; уцѣлѣлъ флигель. Мѣстоположеніе хорошее. Указываютъ нѣсколько березъ, и на нѣкоторыхъ вырѣзаны надписи, сдѣланныя, по словамъ теперешняго владѣльца Орлова, самимъ будто Пушкинымъ, но это, должно быть, выдумка, потому что бо̀льшая часть надписей—явно новыя. Особенно замѣтить слѣдуетъ, что деревня была богатая: въ ней раздавались русскія пѣсни, устраивались праздники, хороводы, и стало быть, Пушкинъ имѣлъ возможность принять народныя впечатлѣнія. Въ сельцѣ до сихъ поръ живетъ женщина Марья, дочь знаменитой няни Пушкина, выданная за здѣшняго крестьянина. Эта Марья съ особеннымъ чувствомъ вспоминаетъ о Пушкинѣ, разсказываетъ о его добротѣ, о подаркахъ ей, когда она прихаживала къ нему въ Москву, и между прочимъ объ одномъ замѣчательномъ обстоятельствѣ: предъ женитьбой Пушкинъ пріѣхалъ въ деревню (которая уже была перепродана) изъ тройкѣ, быстро обѣжалъ всю мѣстность и, кончивъ, замѣтилъ Марьѣ, что все теперь здѣсь идетъ не по прежнему. Ему, можетъ быть, хотѣлось возобновить предъ рѣшительнымъ дѣломъ жизни впечатлѣнія дѣтства. Болѣе слѣдовъ Пушкина нѣтъ въ Захарьинѣ. Деревня эта не имѣетъ церкви, и жители ходятъ въ село Вяземы, въ двухъ верстахъ; здѣсь положенъ братъ Пушкина (Николай), родившійся 1802 года, умершій въ 1807 году. Пушкинъ ѣздилъ сюда къ обѣднѣ. Село Вяземы принадлежало Годунову; тамъ доселѣ пруды, ему приписываемые; старая церковь тоже съ воспоминаніями о Годуновѣ; стало быть, Пушкинъ въ дѣтствѣ могъ слышать о немъ.

На первыхъ страницахъ своихъ «Матеріаловъ для біографіи Пушкина» Анненковъ изложилъ приведенныя здѣсь свѣдѣнія, дополнивъ ихъ кое-чѣмъ со словъ сестры поэта и приведя нѣсколько строкъ о Захарьинѣ или Захаровѣ изъ лицейскаго посланія Пушкина къ П. М. Юдину (1815 г.). Еще прежде появленія «Матеріаловъ» въ

печати, въ *Москвитянинѣ* 1851 года (№№ 9 и 10) Н. В. Бергъ описалъ свою поѣздку въ то же сельцо; но здѣсь мы находимъ въ сущности не больше данныхъ, чѣмъ въ разсказѣ Шевырева, — только у Берга они облечены въ болѣе литературную форму. Подобно Шевыреву, Анненковъ признаетъ, что въ Захаровѣ Пушкинъ получилъ первыя впечатлѣнія народной жизни, а въ Вяземахъ имѣлъ случай видѣть памятники Годуновскаго времени и слышать преданія о царѣ Борисѣ. Поэтому не лишнимъ будетъ сопоставить эти соображенія со слѣдующимъ старинным описаніемъ Вязем: «Это село отличалось каменнымъ господскимъ домомъ, съ регулярнымъ садомъ и прекрасными окружающими селеніе рощами. А паче обратила на себя вниманіе наше въ Вяземахъ церковь каменная о двухъ ярусахъ, довольно великая, строенія еще царя Бориса Годунова. И снаружи, и во внутренности ея, по счастію, вся древность соблюдена; даже внутри хотя расписаніе возобновлено, но ничего не перемѣнено изъ древняго. Примѣчательнаго въ ней усмотрѣли мы, что въ церкви на стѣнахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на подмазкѣ вырѣзаны или начерчены были ножичкомъ или какимъ другимъ острымъ орудіемъ слова польскимъ языкомъ, а литерами латинскими, кои мы разобрать не могли, однако видны изображенные цифирью 1611, 1618 и 1620 годы и нѣкоторыя имена польскихъ пановъ». Это описаніе находится въ путевыхъ запискахъ, веденныхъ митрополитомъ Платономъ во время путешествія въ Кіевъ въ 1804 году, то-есть, очень незадолго передъ тѣмъ, какъ ребенка Пушкина стали возить по сосѣдству въ имѣніе его бабки. Такимъ образомъ, когда впослѣдствіи онъ встрѣтилъ названіе Годуновскаго села въ разсказѣ Карамзина о подмосковныхъ воинскихъ потѣхахъ самозванца и о приближеніи Марины Мнишекъ къ Москвѣ по Смоленской дорогѣ (Исторія Государства Россійскаго, т. XI, гл. IV), то могъ дополнить картину повѣствованія изъ собственныхъ воспоминаній о Вяземахъ.

О школьныхъ годахъ Пушкина, о свѣтской жизни его въ Петербургѣ, о годахъ ссылки, проведенныхъ поэтомъ на югѣ Россіи и въ псковской деревнѣ, въ разсказахъ Шевырева говорится очень мало: очевидно, онъ избѣгалъ распространяться о такихъ эпизодахъ жизни Пушкина, которыхъ не былъ прямымъ свидѣтелемъ, или о которыхъ не имѣлъ свѣдѣній изъ источниковъ, заслуживавшихъ особеннаго довѣрія. Принимая это во вниманіе, можно думать, что

слѣдующія немногія подробности изъ этого періода жизни Пушкина переданы Шевыревымъ со словъ лицъ, близкихъ къ поэту въ то время.

«Лицей былъ заведеніе совершенно на западный ладъ; здѣсь получались иностранные журналы для воспитанниковъ, которые въ играхъ своихъ устраивали между собою палаты, спорили, говорили рѣчи, издавали между собою журналы и пр.; вообще свободы было очень много. Лицейскій анекдотъ: однажды императоръ Александръ ходя по классамъ, спросилъ: «Кто здѣсь первый?» «Здѣсь нѣтъ, ваше императорское величество, первыхъ; всѣ вторые», отвѣчалъ Пушкинъ.

«Когда вышелъ «Русланъ и Людмила», за разные вольные стихи, особенно за «Оду на свободу», императоръ Александръ рѣшился отправить Пушкина въ Соловки. Здѣсь спасъ его Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ: онъ отправился къ Карамзинымъ, упросилъ жену Карамзина, чтобъ она допустила его въ кабинетъ мужа, который за своею «Исторіей» никого, даже жену, не принималъ,— разсказалъ Карамзину положеніе дѣла, и тотъ тотчасъ отправился къ Маріи Оеодоровнѣ, къ которой имѣлъ свободный доступъ, и у нея исходатайствовалъ, чтобы Пушкина послали на югъ. За этотъ поступокъ Пушкинъ благодарилъ Чаадаева однимъ стихотвореніемъ въ четвертомъ томѣ «Къ Ч—ву». Еще въ Петербургѣ былъ начатъ «Евгеній Онѣгинъ». Послѣ позволено было ему жить въ деревнѣ, гдѣ много было написано».

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что эти свѣдѣнія переданы Шевыревымъ со словъ самого Петра Яковлевича Чаадаева, съ которымъ онъ находился, не смотря на различіе убѣжденій, въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Подружившись съ Пушкинымъ еще въ бытность его въ лицеѣ, Чаадаевъ всегда съ удовольствіемъ и даже съ гордостью вспоминалъ о своемъ удачномъ вмѣшательствѣ въ дѣло ссылки поэта. Убѣждаемый Погодинымъ, онъ даже самъ собирался написать воспоминанія о своемъ другѣ, но, къ сожалѣнію, не приступилъ этого намѣренія въ исполненіе, потому что не зналъ, «какъ быть съ тѣмъ, чего сказать нельзя». За то онъ былъ крайне щекотливъ ко всякому намеку въ печати касательно его отношеній къ великому поэту. Такъ, когда, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ П. И. Бартеневъ сталъ печатать свои статьи о молодости Пушкина, Чаадаевъ пришелъ въ большое негодованіе и выразилъ свой протестъ слѣдующимъ письмомъ къ С. П. Шевыреву:

«Я на дняхъ заходилъ къ вамъ, почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ, чтобы поговорить съ вами о Бартеневскихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Вы, конечно, замѣтили, что, описывая молодость Пушкина и года, проведенные имъ въ лицеѣ, авторъ статей ни слова не упоминаетъ обо мнѣ, хотя въ то же время и выписываетъ нѣсколько стиховъ изъ его ко мнѣ посланія и даже намекаетъ на извѣстное приключеніе въ его жизни, въ которомъ я имѣлъ участіе, но приписывая это участіе исключительно другому лицу. Признаюсь, это умышленное забвеніе отношеній моихъ къ Пушкину глубоко тронуло меня. Давно ли его не стало, и вотъ какъ правдолюбивое потомство, въ угодность своимъ взглядамъ, хранитъ преданія о немъ! Пушкинъ *гордился моею дружбой;* онъ говоритъ, что *я спасъ отъ погибели его и его чувства*, что *я воспламенялъ въ немъ любовь къ высокому;* а г. Бартеневъ находитъ, что до этого никому нѣтъ дѣла, полагая, вѣроятно, что обращенное потомство вмѣсто стиховъ Пушкина будетъ читать его «Матеріалы». Надѣюсь однакожь, что будущіе біографы поэта заглянутъ и въ его стихотворенія.

«Не пустое тщеславіе побуждаетъ меня говорить о себѣ, но уваженіе къ памяти Пушкина, котораго дружба принадлежитъ къ лучшимъ годамъ жизни моей, къ тому счастливому времени, когда каждый мыслящій человѣкъ питалъ въ себѣ живое сочувствіе ко всему доброму, какого бы цвѣта оно ни было, когда каждая разумная и безкорыстная мысль чтилась выше самого безпредѣльнаго поклоненія прошедшему и будущему. Я увѣренъ, что настанетъ время, когда у насъ всѣмъ и каждому воздастся должное; но нельзя же между тѣмъ видѣть равнодушно, какъ современники безчестно прячутъ правду отъ потомковъ. Никому, кажется, нельзя лучше васъ въ этомъ случаѣ заступиться за истину и за минувшее поколѣніе, котораго теплоту и безкорыстіе сохраняете въ душѣ своей; но если думаете, что мнѣ самому должно взяться за покинутое перо, то послѣдую вашему совѣту, au risque de fournir à m. Barténief une nouvelle preuve du peu d'importance qu'il faut attacher à l'amitié que m'accordait Pouchkine. — Въ среду постараюсь зайти къ вамъ изъ клуба за совѣтомъ. Искренно и душевно преданный вамъ Петръ Чаадаевъ.

«Написавъ эти строки, узналъ, что г. Б. оправдываетъ себя тѣмъ, что, говоря о лицейскихъ годахъ друга моего, онъ не пола-

галъ нужнымъ говорить о его отношеніяхъ со мною, предоставляя себѣ упомянуть обо мнѣ въ послѣдующихъ статьяхъ. Но неужто г. Б. думаетъ, что встрѣча Пушкина въ то время, когда его могучія силы только что стали развиваться, съ человѣкомъ, котораго впослѣдствіи онъ называлъ своимъ лучшимъ другомъ, не имѣла никакого вліянія на это развитіе? Если не ошибаюсь, то первое условіе біографа есть знаніе человѣческаго сердца» [1]).

Чтобы объяснить себѣ всю придирчивость этого письма, нужно имѣть въ виду слѣдующее: въ первой изъ статей П. И. Бартенева, гдѣ говорится о Пушкинѣ въ лицеѣ (*Московскія Вѣдомости* 1854 года, №№ 71, 117 и 119), о Чаадаевѣ упоминается только вскользь и безъ означенія его фамиліи; но во второй статьѣ, гдѣ описывается жизнь Пушкина въ Петербургѣ послѣ лицея (*Московскія Вѣдомости* 1855 г., №№ 142, 144 и 145), Чаадаевъ уже названъ прямо, отношенія къ нему Пушкина очерчены довольно обстоятельно, а касательно ссылки замѣчено, что подробности этого происшествія еще не могутъ быть разъяснены, но что смягченію участи поэта способствовалъ одинъ изъ его друзей, обратившійся къ содѣйствію Карамзина. Все это могло бы, кажется, удовлетворить самолюбіе Чаадаева а между тѣмъ письмо его къ Шевыреву писано уже послѣ появленія второй статьи П. И. Бартенева, такъ какъ только въ ней приводятся отрывки изъ посланій Пушкина. Какъ бы то ни было, Чаадаевъ, приглашая Шевырева вступиться за него, очевидно, помнилъ, что Степану Петровичу хорошо извѣстно то печальное обстоятельство жизни Пушкина, которое требовалось разъяснить, и которое подало ему поводъ написать свое извѣстное посланіе:

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ....

Этихъ соображеній намъ, въ сущности, совершенно достаточно для подтвержденія высказанной выше догадки объ источникѣ разсказа Шевырева; а тѣмъ самымъ и разсказъ этотъ, не смотря на свою краткость, пріобрѣтаетъ значеніе цѣннаго біографическаго свидѣтельства. Въ особенности любопытно въ немъ указаніе на участіе императрицы Маріи Ѳеодоровны въ облегченіи участи, грозившей

1) Бо́льшая часть этого письма была издана въ *Вѣстникѣ Европы* 1871 г., № 11, стр. 342 и 343; но сдѣланныя въ немъ сокращенія отнимали у него настоящій смыслъ. Мы печатаемъ письмо цѣликомъ по подлиннику, сохранившемуся въ бумагахъ С. П. Шевырева, которыя поступили въ 1893 году въ Императорскую Публичную Библіотеку.

Пушкину: въ другихъ сообщеніяхъ о томъ же происшествіи не упоминается объ этомъ обстоятельствѣ.

Зная, отъ какого близкаго къ Пушкину лица идутъ разсказы Шевырева о лицейскомъ періодѣ жизни поэта, нельзя оставить безъ вниманія и встрѣчающіяся тутъ подробности о внутреннемъ бытѣ лицея. Чертъ этого рода немного, и нѣкоторыя изъ нихъ оказываются новыми даже послѣ сообщеній Я. К. Грота и В. П. Гаевскаго о томъ же предметѣ.

III.

Непосредственное знакомство Шевырева съ Пушкинымъ состоялось во второй половинѣ 1826 года, и должно сказать, никогда не было особенно близкимъ; тѣмъ не менѣе, съ означеннаго времени разсказы Шевырева о Пушкинѣ становятся наиболѣе любопытными.

«Во время коронаціи государь послалъ за Пушкинымъ парочнаго курьера (обо всемъ этомъ самъ Пушкинъ разсказывалъ) везти его немедленно въ Москву. Пушкинъ передъ тѣмъ писалъ какое-то сочиненіе въ возмутительномъ духѣ, и теперь, воображая, что его везутъ не на добро, дорогой обдумывалъ это сочиненіе; а между тѣмъ извѣстно, какой пріемъ сдѣлалъ ему великодушный императоръ; тотчасъ послѣ этого Пушкинъ уничтожилъ свое возмутительное сочиненіе и болѣе не поминалъ о немъ.

«Москва приняла его съ восторгомъ; вездѣ его носили на рукахъ. Онъ жилъ вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Соболевскимъ на Собачьей площадкѣ, въ теперешнемъ домѣ Левенталя; Соболевскаго звалъ онъ Калибаномъ, Фальстафомъ, животнымъ. Насмѣшки и презрѣніе къ Полевымъ, особенно къ Ксенофонту, за его «Михаила Васильевича Ломоносова». Здѣсь въ 1827 году читалъ онъ своего «Бориса Годунова»; вообще читалъ онъ чрезвычайно хорошо. Утро, когда онъ читалъ наизусть своего «Нулина» Шевыреву у Веневитиновыхъ. На балѣ у послѣднихъ (Веневитиновы жили тогда на Мясницкой, почти противъ церкви Евпла, въ угловомъ домѣ) Пушкинъ пожелалъ познакомиться съ Шевыревымъ. Веневитиновъ представилъ Шевырева ему; Пушкинъ сталъ хвалить ему только что тогда напечатанное его стихотвореніе «Я есмь» и даже самъ наизусть повторилъ ему нѣсколько стиховъ, что было «самымъ доро-

гимъ орденомъ» для Шевырева. Послѣ онъ постоянно оказывалъ ему знаки своего расположенія.

«Въ Москвѣ объявилъ онъ свое живое сочувствіе тогдашнимъ молодымъ литераторамъ, въ которыхъ особенно привлекала его новая художественная теорія Шеллинга, и подъ вліяніемъ послѣдней, проповѣдывавшей освобожденіе искусства, были написаны стихи «Чернь». Сблизившись съ этими молодыми писателями, Пушкинъ принялъ дѣятельное участіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, который явился какъ противодѣйствіе *Телеграфу*. Этого журнала Пушкинъ не терпѣлъ и не помѣстилъ въ немъ ни одной пьесы. Пушкинъ очень любилъ играть въ карты; между прочимъ, онъ употребилъ въ уплату карточнаго долга тысячу рублей, которые заплатилъ ему *Московскій Вѣстникъ* за годъ его участія въ немъ.

«Пушкинъ очень часто читалъ по домамъ своего «Бориса Годунова» и тѣмъ повредилъ отчасти его успѣху при напечатаніи. Москва неблагородно поступила съ нимъ: послѣ неумѣренныхъ похвалъ и лестныхъ пріемовъ охладѣли къ нему, начали даже клеветать на него, взводить на него обвиненія въ ласкательствѣ, наушничествѣ и шпіонствѣ передъ государемъ. Это и было причиной, что онъ оставилъ Москву. Императоръ прочиталъ «Бориса Годунова» и совѣтовалъ издать его какъ романъ, чтобы вышло нѣчто въ родѣ романовъ Вальтера Скотта. Такимъ совѣтомъ воспользовался Загоскинъ въ «Юріи Милославскомъ». Пушкинъ самъ говорилъ, что намѣренъ писать еще «Лжедимитрія» и «Василія Шуйскаго», какъ продолженіе «Бориса Годунова», и еще нѣчто взять изъ междуцарствія: это было бы въ родѣ Шекспировскихъ хроникъ. Шекспира (а равно Гёте и Шиллера) онъ не читалъ въ подлинникѣ, а во французскомъ старомъ переводѣ, поправленномъ Гизо, но понималъ его геніально. По англійски выучился онъ гораздо позже, въ С.-Петербургѣ, и читалъ Вордсворта.

«Пушкинъ просился за границу, но государь не пустилъ его, боялся его пылкой натуры,—вообще же съ нимъ былъ чрезвычайно обходителенъ.

«Въ обращеніи Пушкинъ былъ добродушенъ, неизмѣненъ въ своихъ чувствахъ къ людямъ: часто въ свѣтскихъ отношеніяхъ не смѣлъ отказаться отъ приглашенія къ какому-нибудь балу, а между тѣмъ свѣтскія отношенія нанесли ему много горя, были причиной его смерти. Воспріимчивость его была такова, что стоило ему что-

либо прочесть, чтобы потомъ навсегда помнить. Знавъ русскую исторію до малыхъ подробностей, любилъ объ ней говорить и спорить съ Погодинымъ и цѣнилъ драмы послѣдняго именно за ихъ историческую важность.

«Особенная страсть Пушкина была поощрять и хвалить труды своихъ близкихъ друзей. Про Боратынскаго стихи при немъ нельзя было и говорить ничего дурного; онъ сердился на Шевырева за то, что тотъ разъ, разбирая стихи Боратынскаго, дурно отозвался объ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Онъ досадовалъ на московскихъ литераторовъ за то, что они разбранили «Андромаху» Катенина, хотя «Андромаха» эта довольно была плохая вещь. Катенинъ имѣлъ огромное вліяніе на Пушкина; послѣдній принялъ у него всѣ пріемы, всю быстроту своихъ движеній; смотря на Катенина, можно было безпрестанно вспоминать Пушкина. Катенинъ былъ человѣкъ очень умный, зналъ въ совершенствѣ много языковъ и владѣлъ особеннымъ умѣньемъ читать стихи, такъ что его собственные дурные стихи изъ устъ его казались хорошими. Будучи откровененъ съ друзьями своими, не скрывая своихъ литературныхъ трудовъ и плановъ, радушно сообщая о своихъ занятіяхъ людямъ, интересующимся поэзіей, Пушкинъ терпѣть не могъ, когда съ нимъ говорили о стихахъ его и просили что-нибудь прочесть въ большомъ свѣтѣ. У княгини Зинаиды Волконской бывали литературныя собранія понедѣльничныя; на одномъ изъ нихъ пристали къ Пушкину, чтобы прочесть. Въ досадѣ онъ прочелъ «Чернь» и, кончивъ, съ сердцемъ сказалъ: «Въ другой разъ не станутъ просить».

«Когда Шевыревъ, уѣзжая за границу въ 1829 году, былъ въ Петербургѣ, Пушкинъ предложилъ ему нѣсколько своихъ стихотвореній, въ томъ числѣ «Утопленникъ» и переводъ изъ «Валленрода», говоря, что онъ даритъ ихъ ему и совѣтуетъ издать въ особомъ альманахѣ, но за отъѣздомъ тотъ передалъ ихъ Погодину.

«Послѣдній разъ Шевыревъ видѣлъ Пушкина весною 1836 года; онъ останавливался у Нащокина, въ Дегтярномъ переулкѣ. Въ это посѣщеніе онъ сообщилъ Шевыреву, что занимается «Словомъ о полку Игоревѣ», и сказалъ между прочимъ свое объясненіе первыхъ словъ. Послѣднее свиданіе было въ домѣ Шевырева; за ужиномъ онъ превосходно читалъ русскія пѣсни. Вообще, это былъ удивительный чтецъ: вдохновеніе такъ плѣняло его, что за чтеніемъ «Бориса Годунова» онъ показался Шевыреву красавцемъ».

Вотъ все, что̀ могло быть записано со словъ Шевырева объ его собственномъ знакомствѣ съ поэтомъ. При всей своей краткости, эти разсказы имѣютъ свою цѣну: они производятъ пріятное впечатлѣніе теплотою чувства, которымъ проникнуты, а главное — любопытны тѣмъ, что касаются такихъ отношеній, о которыхъ свидѣтельство Шевырева важнѣе, чѣмъ показанія другихъ лицъ. Необходимо только, при оцѣнкѣ этихъ сообщеній, не упускать изъ виду личности самого разскащика и той точки зрѣнія, съ которой онъ излагалъ свои воспоминанія. О способѣ сужденія Шевырева есть очень вѣрное замѣчаніе у Н. В. Станкевича; въ 1834 году этотъ даровитый юнопа писалъ своему пріятелю въ Петербургъ по поводу извѣстной картины Брюллова: «Что̀ «L'ultimo giorno di Pompei», о которой Шевыревъ a priori составилъ невыгодное мнѣніе, отозвавшееся по обычаю въ головѣ Мельгунова? Они говорятъ, что картина основана на эфектахъ, что мысль представить въ картинѣ мгновеніе неестественна, что, вопервыхъ.... но все это похоже на сужденіе знатоковъ о представленіи «Донъ-Жуана» въ «Fantasien-Stücke» [1]). Дѣйствительно, сужденія Шевырева часто бывали предвзятыя: нерѣдко фактъ подгонялся у него подъ извѣстную мысль и оттого терялъ свои дѣйствительные размѣры. Слѣды особенныхъ воззрѣній Шевырева замѣтны и въ приведенныхъ разсказахъ его о Пушкинѣ, а потому приложить къ нимъ критику представляется особенно необходимымъ.

IV.

Вызовъ Пушкина изъ деревенской ссылки былъ одною изъ милостей, объявленныхъ по случаю коронованія императора Николая Павловича. 8-го сентября 1826 года Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву и прожилъ здѣсь около двухъ мѣсяцевъ; въ началѣ ноября онъ снова отправился въ Михайловское.

Шевыревъ не только въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ разсказываетъ о томъ восторгѣ, съ какимъ его встрѣтила тогда Москва; еще въ 1841 году онъ говорилъ объ этомъ въ печати:

«Пріѣздъ поэта.... составлялъ событіе въ жизни нашего обще-

1) Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Переписка его и біографія, написанная *П. В. Анненковымъ*. М. 1857, стр. 95, 96.

ства.... Вспомнимъ первое появленіе Пушкина, и можемъ гордиться такимъ воспоминаніемъ. Мы еще теперь видимъ, какъ во всѣхъ обществахъ, на всѣхъ балахъ, первое вниманіе устремлялось на нашего гостя, какъ въ мазуркѣ и котильонѣ наши дамы выбирали поэта безпрерывно. Пріемъ отъ Москвы Пушкину — одна изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ его біографіи» [1]). Въ прекрасномъ сочиненіи Н. П. Барсукова о жизни и трудахъ М. П. Погодина живыми свидѣтельствами современниковъ изображено то сильное впечатлѣніе, какое было произведено неожиданнымъ появленіемъ любимаго поэта на московскую молодежь. Менѣе извѣстно, какъ подѣйствовало на самого Пушкина знакомство съ московскимъ обществомъ, которое до тѣхъ поръ было мало ему извѣстно, такъ какъ онъ не видалъ Москвы съ отроческихъ лѣтъ. «Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе», писалъ онъ князю П. А. Вяземскому 9-го ноября 1826 года, по возвращеніи въ деревню. Но не слѣдуетъ придавать этимъ словамъ безусловное значеніе: Пушкинъ не могъ не цѣнить выгодъ непосредственнаго общенія съ образованными людьми, чего былъ почти лишенъ въ деревенской глуши. Тѣмъ не менѣе, можно догадываться, что новыя московскія знакомства не вполнѣ удовлетворили его.

Дѣло въ томъ, что получившему свободу Пушкину хотѣлось принять дѣятельное участіе въ журнальномъ движеніи. Руководимый этою мыслью, онъ и сталъ присматриваться къ московскимъ литераторамъ. Связать себя какими-нибудь обязательными отношеніями со старшимъ литературнымъ поколѣніемъ онъ, разумѣется, не могъ: представитель этого поколѣнія, издаваемый Каченовскимъ *Вѣстникъ Европы* былъ ему явно враждебенъ. Съ издателемъ *Московскаго Телеграфа* Н. А. Полевымъ Пушкинъ, давно уже печатавшій стихи въ этомъ журналѣ, познакомился теперь лично, но не сблизился съ нимъ коротко и даже прекратилъ свое участіе въ *Телеграфѣ*, не смотря на то, что давній другъ поэта князь Вяземскій оставался по прежнему сотрудникомъ Полевого. Пушкинъ желалъ стать вдохновителемъ одного изъ журналовъ, но не хотѣлъ принимать на себя редакторскія обязанности во всей ихъ полнотѣ. «Мы», писалъ онъ Вяземскому, — «слишкомъ лѣнивы, чтобы переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала, вотъ зачѣмъ

1) *Москвитянинъ* 1841 г., ч. I, стр. 522.

издатель и существуетъ». Но именно для этого-то дѣла Пушкинъ и не считалъ Полевого годнымъ, такъ какъ находилъ его недостаточно образованнымъ и въ то же время легкомысленнымъ и самонадѣяннымъ. Предубѣжденіе его противъ Полевого шло такъ далеко, что онъ готовъ былъ предпочесть ему въ качествѣ редактора мелкую въ литературномъ смыслѣ личность Н. В. Сушкова или даже своего кишеневскаго знакомца А. С. Завальевскаго, вовсе неизвѣстнаго на поприщѣ словесности [1]). Очевидно, руководить людьми ничтожными Пушкину казалось удобнѣе, чѣмъ держать въ рукахъ бойкаго и наторѣлаго въ журнальномъ дѣлѣ Полевого.

При такихъ-то обстоятельствахъ произошло знакомство Пушкина съ кружкомъ начинающихъ писателей, во главѣ котораго сталъ Д. В. Веневитиновъ. Веневитиновъ доводился Пушкину дальнимъ родственникомъ, а главное — былъ уже извѣстенъ ему заочно, какъ единственный критикъ первой главы «Евгенія Онѣгина», высказавшій объ этомъ произведеніи самостоятельное сужденіе. По пріѣздѣ въ Москву Пушкинъ, чрезъ пріятеля своего С. А. Соболевскаго, лично познакомился съ Веневитиновымъ, а черезъ него — и съ его кружкомъ, къ которому принадлежали между прочими М. П. Погодинъ и С. П. Шевыревъ. И о нихъ Пушкинъ уже имѣлъ кое-какія свѣдѣнія еще до пріѣзда въ Москву. О первомъ писалъ ему въ исходѣ 1825 года Вяземскій: «Здѣсь есть Погодинъ, университетскій и, по видимому, хорошихъ правилъ; онъ издаетъ альманахъ въ Москвѣ на будущій годъ и проситъ у тебя Христа ради. Дай ему что-нибудь изъ «Онѣгина» или что-нибудь изъ мелочей» [2]). Альманахъ, о которомъ тутъ говорится, есть *Уранія*. Пушкинъ прислалъ для помѣщенія въ ней нѣсколько эпиграммъ, и книжка появилась въ началѣ 1826 года. По этому случаю Боратынскій написалъ Пушкину письмо, въ которомъ обратилъ его вниманіе на стихотворные опыты Шевырева: «Посылаю тебѣ *Уранію*, милый Пушкинъ: не велико сокровище, но блаженъ, кто и малымъ доволенъ... Однакожь, позволь тебѣ указать на піесу подъ заглавіемъ: «Я есмь». Сочинитель — мальчикъ лѣтъ восмнадцати и, кажется, подаетъ надежду. Слогъ не всегда точенъ, но есть поэзія, особенно сначала. На концѣ метафизика, слишкомъ темная для стиховъ». Оттого-то Пушкинъ, при

1) Сочиненія, т. VII, стр. 187.
2) *Русскій Архивъ* 1879 г., кн. II, стр. 477.

первомъ знакомствѣ съ Шевыревымъ, и могъ обрадовать его похвалами его стихотворенію.

Въ письмѣ, изъ котораго приведенъ отрывокъ, Боратынскій сообщалъ Пушкину важную новость. «Надо тебѣ сказать», писалъ онъ, — «что московская молодежь помѣшана на трансцендентальной философіи. Не знаю, хорошо ли это, или худо: я не читалъ Канта и, признаюсь, не слишкомъ понимаю новѣйшихъ эстетиковъ. Галичъ выдалъ піитику на нѣмецкій ладъ. Въ ней поновлены откровенія Платоновы и съ нѣкоторыми прибавленіями приведены въ систему. Не зная нѣмецкаго языка, я очень обрадовался случаю познакомиться съ нѣмецкой эстетикой. Нравится въ ней собственная ея поэзія, но начала ея, мнѣ кажется, можно опровергнуть философически. Впрочемъ, какое о томъ дѣло, особливо тебѣ? Твори прекрасное, и пусть другіе ломаютъ надъ нимъ голову»[1]). Итакъ, еще до прибытія въ Москву, Пушкинъ былъ предупрежденъ, что встрѣтитъ тамъ молодыхъ людей, увлекающихся германскою наукой и поэзіей. Слова Боратынскаго относились именно къ Веневитиновскому кружку, въ которомъ преимущественно занимались изученіемъ Шеллинга, а на Гёте смотрѣли какъ на идеалъ поэта.

Пушкинъ, писавшій въ то время «Онѣгина», уже отчасти затронулъ новый типъ русскихъ романтиковъ «на нѣмецкій ладъ» въ лицѣ Ленскаго; но въ сущности онъ, подобно Боратынскому, не былъ знакомъ съ германскими мыслителями и даже мало читалъ германскихъ поэтовъ. Какъ бо̀льшая часть образованныхъ людей того времени, онъ воспитался сперва на французской литературѣ, и если вообще умѣстно говорить объ его философскомъ образованіи, то источниковъ его слѣдуетъ искать только въ Вольтерѣ, въ энциклопедистахъ и вообще во французскомъ умственномъ движеніи XVIII вѣка. Чувствовалъ ли Пушкинъ, по крайней мѣрѣ въ 1826 году, потребность отрѣшиться отъ этого круга идей, это — еще вопросъ. Несомнѣнно только то, что онъ успѣлъ уже освободиться отъ узкихъ и односторонихъ воззрѣній на искусство, которыя еще господствовали во французской словесности. Но къ этому освобожденію онъ пришелъ совершенно самостоятельно и чисто практическимъ путемъ: убѣжденіе въ свободѣ художественнаго творчества онъ извлекъ изъ знакомства съ Байрономъ, Вальтеромъ Скоттомъ и Шекс-

1) Сочиненія Е. А. Боратынскаго. Казань. 1884, стр. 504, 505.

пиромъ. Напомнимъ его замѣчанія по поводу спора Байрона съ Боульсомъ о томъ, что̀ выше — вдохновеніе или искусство; напомнимъ также замѣчаніе Шевырева (по поводу задуманнаго Пушкинымъ около 1825 года ряда русскихъ историческихъ драмъ), что Шекспира онъ понималъ «геніально»[1]). Но рѣшивъ для себя вопросъ о свободѣ творчества, Пушкинъ уже не вдавался въ философскую разработку эстетическихъ принциповъ, и безъ сомнѣнія, съ сочувствіемъ прочелъ тѣ строки въ письмѣ Боратынскаго, въ которыхъ послѣдній совѣтовалъ ему «творить прекрасное», не задумываясь объ его философскомъ значеніи.

Шевыревъ удачно выразился, сказавъ, что Пушкинъ, послѣ знакомства съ Веневитиновскимъ кружкомъ, «объявилъ ему свое живое сочувствіе»; но едва ли вѣрно понялъ Шевыревъ причину этого сочувствія: конечно, Пушкинъ могъ радоваться, найдя въ мнѣніяхъ кружка согласіе съ его собственными литературными убѣжденіями, но онъ получилъ ихъ не оттуда, и стало быть, не эстетическія воззрѣнія молодыхъ шеллингистовъ привлекли къ нимъ Пушкина, а вообще ихъ честный образъ мыслей, ихъ умъ, даровитость и въ особенности ихъ искренняя, безкорыстная преданность интересамъ литературы и искусства.

Прямымъ слѣдствіемъ связи, установившейся между новою литературною группой и Пушкинымъ (который снова появился въ Москвѣ въ половинѣ декабря 1826 года и прожилъ здѣсь до мая 1827), было основаніе новаго журнала—*Московскаго Вѣстника*. Программа его была проектирована Веневитиновымъ, но ему не суждено было принять участіе въ ея исполненіи: въ концѣ октября 1826 года онъ покинулъ Москву, а въ мартѣ слѣдующаго скончался въ Петербургѣ. Редакторомъ новаго журнала избранъ былъ, по общему согласію сотрудниковъ, Погодинъ.

Характеръ *Московскаго Вѣстника* и его положеніе въ тогдашней журналистикѣ уже не разъ были разъясняемы въ нашей литературѣ; но обстоятельства его внутренней исторіи все еще не вполнѣ раскрыты, между прочимъ по неполнотѣ обнародованныхъ матеріаловъ. Не входя здѣсь въ большія подробности, замѣтимъ, что Погодинъ по мѣрѣ силъ трудился надъ изданіемъ журнала, ревностно

1) Кстати замѣтимъ одну неточность Шевырева: Пушкинъ началъ учиться англійскому языку еще въ 1820 году, а не позже, какъ утверждаетъ Шевыревъ.

поддерживаемый Шевыревымъ, Н. М. Рожалинымъ, В. П. Титовымъ и другими сотрудниками, преимущественно изъ членовъ Веневитиновскаго кружка; Пушкинъ оказался усерднымъ вкладчикомъ и, кромѣ того, привлекъ къ участію въ *Московскомъ Вѣстникѣ* нѣкоторыхъ своихъ друзей. Въ особенности разчитывалъ онъ на содѣйствіе Н. М. Языкова, съ которымъ провелъ лѣто 1826 года въ своемъ Михайловскомъ и въ сосѣднемъ съ нимъ Тригорскомъ П. А. Осиповой. «Языковъ живописными стихами нарисовалъ ландшафтъ Тригорскаго. Памятно мнѣ», вспоминалъ впослѣдствіи Шевыревъ,—«какъ Пушкинъ въ 1826 году привезъ это стихотвореніе въ Москву и съ восторгомъ читалъ его намъ. Чувства свои онъ выразилъ въ посланіи къ Языкову. Онъ сказалъ ему, что Ипокрена его

. . . . не хладной льется влагой,
Но пѣнится хмѣльною брагой;
Она размывчива, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородный,
Сліянье рому и вина,
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.

Пушкинъ кланялся стиху Языкова»[1]).

Не смотря на всѣ старанія, новый журналъ вышелъ не совсѣмъ такимъ, какимъ задумывалъ его Веневитиновъ, и успѣхъ изданія не оправдалъ свѣтлыхъ надеждъ, питаемыхъ членами редакціи: въ ея составѣ не обнаружилось полнаго единодушія и не нашлось человѣка, который обладалъ бы практическимъ умѣньемъ вести сложное журнальное дѣло. Веневитиновъ, еще видѣвшій первыя двѣ книжки *Московскаго Вѣстника* на 1827 годъ, писалъ Погодину: «Публика ожидаетъ отъ него статей дѣльныхъ и даже безъ всякой примѣси этого вздора, который украшаетъ другіе журналы... Двѣ книжки кажутся немного бѣдными, особенно первая, а вотъ тому причины: вопервыхъ, мало листовъ, вовторыхъ, слишкомъ крупны статьи; наконецъ, нѣтъ почти никакихъ современныхъ извѣстій»[2]).

1) *Московскій городской листокъ* 1847 г., № 6: Некрологъ Н. М. Языкова, написанный Шевыревымъ.

2) *Барсуковъ.* Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. II, стр. 76.

Пушкинъ тоже не былъ удовлетворенъ журналомъ, но его сужденіе было совершенно противоположно мнѣнію Веневитинова. Вотъ что̀ писалъ Пушкинъ Погодину въ августѣ 1827 года: «Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная; проза, можетъ быть, еще лучше, но вотъ бѣда: въ ней слишкомъ мало вздору... Повѣсти должны быть непремѣнно существенною частью журнала, какъ моды у *Телеграфа*. У насъ не то, что въ Европѣ, — повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ. Ваша индѣйская сказка «Переправа» въ европейскомъ журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености, — у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глупою. Чувствуете разницу?... *Московскій Вѣстникъ*, по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію, — лучшій изъ русскихъ журналовъ. Въ *Телеграфѣ* похвально одно ревностное трудолюбіе, а хороши однѣ статьи Вяземскаго; но за то за одну статью Вяземскаго въ *Телеграфѣ* отдамъ три дѣльныхъ статьи *Московскаго Вѣстника*. Его критика, положимъ, несправедлива; но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны; онъ мыслитъ, сѣрдитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста» [1]). Еще прежде этого письма Погодинъ имѣлъ случай говорить съ Пушкинымъ по поводу журнала, и вотъ что̀ потомъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Пушкинъ декламировалъ противъ философіи, а я не могъ возражать дѣльно и больше молчалъ, хотя очень увѣренъ въ нелѣпости того, что̀ онъ говорилъ» [2]). Эта замѣтка очень знаменательна и ясно свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ вовсе не увлекался мечтательными умозрѣніями, которыя предлагались читателямъ на страницахъ *Московскаго Вѣстника*. Предубѣжденіе противъ отвлеченностей германскаго идеализма Пушкинъ сохранилъ и впослѣдствіи: говоря о характерѣ московской журналистики въ 1834 — 1835 годахъ, онъ замѣтилъ, что нѣмецкая философія нашла себѣ въ Москвѣ, «можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей», и что если вліяніе ея было полезно, то лишь въ томъ отношеніи, что «спасло нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма и удалило ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя

1) Сочиненія, т. VII, стр. 196.
2) *Барсуковъ*, кн. II, стр. 71.

имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія» [1]).

Подобно Веневитинову и Пушкину, другіе ближайшіе сотрудники *Московскаго Вѣстника*, напримѣръ, Титовъ, находили, что Погодинъ плохо ведетъ журналъ; самъ же редакторъ не вполнѣ ладилъ со своимъ помощникомъ Рожалинымъ, который, въ свою очередь, тяготился своимъ положеніемъ. Бѣда была, конечно, не столько въ серьезномъ направленіи журнала, сколько въ неумѣньи редакціи придать ему занимательность. Несомнѣнно, что приведенное выше мнѣніе Пушкина близко сходилось съ мнѣніемъ огромнаго большинства публики: дѣйствительно, она мало поддержала изданіе и не доставила ему матеріальнаго обезпеченія.

Во второй половинѣ 1827 года возникли между членами редакціи недоразумѣнія и по хозяйственной сторонѣ дѣла. Надобно знать, что, по «ультиматуму», то-есть, по первоначальному письменному соглашенію главныхъ участниковъ *Московскаго Вѣстника* [2]), было положено: съ проданныхъ 1200 экземпляровъ журнала платить Пушкину 10000 рублей ежегодно, а прочимъ главнымъ сотрудникамъ (Шевыреву, Титову, Веневитинову, Рожалину, Мальцову и Соболевскому) — по сту рублей за листъ оригинальной статьи и по пятидесяти рублей за листъ перевода; «если подписчиковъ будетъ менѣе 1200, то плата раскладывается пропорціонально»; помощнику редактора назначено было 600 рублей, а весь могущій быть съ журнала доходъ, за вычетомъ вышеозначеннаго гонорара и типографскихъ издержекъ, предоставлялся въ пользу редактора. Такъ какъ деньги хранились у него, то онъ и производилъ разчеты. Пушкинъ, при самомъ началѣ изданія, получилъ тысячу рублей, которые, по словамъ Шевырева, употребилъ на уплату карточнаго долга; всего же за 1827 годъ, какъ достовѣрно извѣстно [3]), ему было выдано не десять, а только пять тысячъ: слѣдовательно, и къ нему было примѣнено постановленіе о пропорціональности вознагражденія къ количеству подписчиковъ. Пушкинъ безпрекословно покорился такому сокращенію своего гонорара. Видя, что Погодинъ безпокоится о судьбѣ предпріятія, которая становилась сомнительною, поэтъ принялся даже утѣшать редактора; онъ говорилъ объ этомъ въ томъ самомъ

1) Сочиненія, т. V, стр. 220.

2) *Барсуковъ*, кн. II, стр. 46.

3) Матеріалы для біографіи Пушкина въ изданіи *Анненкова*, стр. 177.

письмѣ къ Погодину отъ 31-го августа, въ которомъ высказалъ ему свое сужденіе о *Московскомъ Вѣстникѣ;* вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣждалъ его не издавать второй книжки *Уранiи*, обѣщалъ на будущее время свое безусловное сотрудничество въ журналѣ и лишь въ заключеніи письма позволилъ себѣ маленькое наставленіе своему слишкомъ разчетливому корреспонденту: «Издатель журнала долженъ всѣ мѣры употребить, дабы сдѣлать свой журналъ какъ можно совершеннымъ, а не бросаться за барышомъ. Лучше ужь прекратить изданіе; по сіе было бы стыдно» [1]).

Почти въ то же время, какъ Погодинъ получилъ это письмо, онъ сообщилъ Соболевскому отчетъ въ расходованіи журнальныхъ суммъ. По странной прихоти составителя, отчетъ былъ изложенъ «на клочкѣ бумаги, общими и круглыми итогами и съ недосмотрѣніями». Такъ, по крайней мѣрѣ, выразился Соболевскій, когда, уѣхавъ въ Петербургъ, рѣшился письменно упрекнуть Погодина въ небрежности. Письмо это (отъ 10-го сентября), впрочемъ было написано въ самомъ дружескомъ тонѣ и главнымъ образомъ выражало опасенія на счетъ дальнѣйшаго участія Пушкина въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. «Я въ вашемъ дѣлѣ человѣкъ посторонній», писалъ Соболевскій,—«ибо я былъ, такъ сказать, посредникомъ между вами и Пушкинымъ. Мнѣ было больно видѣть неминуемый разрывъ его съ такими людьми, которыхъ я люблю, а можетъ быть, и уважаю.... Дѣлайте впередъ съ Пушкинымъ, что̀ хотите; рѣшительно отрекаюсь отъ такого дѣла, гдѣ надобно говорить правду или молчать» [2]).

Погодинъ хотя и водилъ пріязнь съ Соболевскимъ, но внутренно не любилъ его и въ своемъ дневникѣ нерѣдко честилъ очень жесткими словами; письмо Соболевскаго показалось ему обиднымъ. Точно также не понравилось ему предложеніе Титова и Одоевскаго замѣнить Рожалина Шевыревымъ. На послѣднее впрочемъ Погодинъ долженъ былъ согласиться; на упреки же Соболевскаго онъ отвѣчалъ не то пріятельски, не то бранчиво, и кромѣ того, опираясь на письмо Пушкина, нашелъ себѣ защитниковъ въ лицѣ Рожалина и Шевырева. Въ особенности Рожалинъ выступилъ миротворцемъ. «Пушкинъ», писалъ онъ Соболевскому 13-го сентября, — «прислалъ намъ двѣ піесы: отрывокъ изъ «Онѣгина» и еще мелкое стихотво-

1) Сочиненія, т. VII, стр. 197.
2) *Барсуковъ*, кн. II, стр. 131.

реніе, очень хорошее. Шевыревъ и прежде не согласенъ былъ покинуть *Вѣстникъ*, а теперь ты видишь, что планы *Телеграфа* рушились, и слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности измѣнять общему дѣлу. Сообщили ли тебѣ свои планы Титовъ и Одоевскій? Я ихъ одобряю, и они непремѣнно будутъ выполнены; тогда дѣла наши пойдутъ очень хорошо. Ты съ своей стороны не приводи Пушкина въ отчаяніе: если продолжать журналъ на слѣдующій годъ, то онъ необходимъ, и его отказъ былъ бы смертельнымъ ударомъ для *Вѣстника*. Погодину мы не позволимъ писать къ нему о разчетахъ; слѣдовательно, пять тысячъ остаются за нимъ, а на слѣдующій годъ онъ получитъ больше. Не говори и ты ему о разчетахъ. Шевыревъ свѣрялъ показанія Погодина и утверждаетъ, что въ нихъ нѣтъ нисколько обмана. Итакъ, успокойся, пріѣзжай сюда самъ и повѣрь самъ». Въ другомъ письмѣ Рожалина, отъ 18-го сентября, читаемъ слѣдующее: «Погодинъ получилъ твою нотацію и будетъ отвѣчать немедленно: онъ, кажется, виноватъ въ одномъ нерадѣніи и неакуратности, а фальши за нимъ никакой не замѣчено. Онъ доставитъ тебѣ счетъ самый подробный, на гербовой бумагѣ, подписанный Шпряевымъ [1]) и всѣми нами. Удержи его у себя или отправь Пушкину, какъ хочешь; но не отчаявайся въ *Вѣстникѣ*.... Имѣю причины надѣяться всего хорошаго при перемѣнахъ, которыя мы намѣрены сдѣлать.... Мнѣ кажется, ты можешь смѣло говорить за свою московскую братью передъ Пушкинымъ. Увѣрь пожалуйста и себя, и его, что отчаяніе въ своемъ дѣлѣ и въ своихъ силахъ вредитъ каждому пуще всего на свѣтѣ».

Приведемъ также оправданіе самого Погодина, заключающееся въ письмѣ отъ 21-го сентября: «Я получилъ письмо твое, любезный Сергѣй Александровичъ. За форму его, которая была для меня совершенною новостью, и новостью пріятною, на тебѣ спасибо, а за содержаніе — подай назадъ. Мы всѣ сообща дѣлаемъ теперь счетъ на подлинныхъ документахъ и на голландскомъ листѣ пришлемъ его тебѣ и Пушкину. Тебѣ данъ былъ эскизъ, сдѣланный не по всѣмъ даннымъ.... Но впрочемъ мнѣ низко и объясняться объ этомъ, ибо какъ можно было увѣрять, что $2 \times 2 = 5$, а не 4, между тѣмъ какъ ты (при переплетѣ) приписываешь мнѣ это увѣреніе. Яснѣе: ты за-

1) Московскій книгопродавецъ, принимавшій подписку на *Московскій Вѣстникъ*.

пѣлъ Лазаря, потому что тебѣ не хочется, какъ уже прежде замѣтилъ, толковать объ этомъ дѣлѣ; а Пушкинъ и ты сваливаете все на меня. Я подниму, и ты напрасно не поступилъ откровеннѣе. Или молчать, или спорить, — но кто проститъ тебя молчать, и нужно ли твое молчаніе? Это стыдно написать. Не понимаю, какъ можно было написать такое письмо по долговременномъ размышленіи. Это вспышка минуты, и вспышка въ твоемъ родѣ. Но форма и кое-что изъ содержанія мнѣ доставило много удовольствія, показало какъ будто новый face твой. За нее я прощаю тебя».

Шевыревъ вступился за Погодина со всею горячностью восемнадцатилѣтняго юноши и даже придалъ своему протесту нѣсколько торжественный видъ. Вотъ что̀ писалъ онъ:

«Соболевскому отъ Шевырева

Объясненіе.

«Ты уже думаешь, что ты правъ совершенно. Такъ разсказалъ, что и возраженія нѣтъ,—торжествуешь! Вотъ поэтому только пишу тебѣ; хочется вывести тебя изъ очарованія, а не то писать бы нечего, потому что и безъ тебя все сдѣлалось: Пушкинъ прямо нашъ, потому что онъ честенъ, и въ немъ человѣкъ равняется поэту. По видимому, мы объ немъ гораздо лучшее имѣемъ понятіе, нежели ты. Ты представляешь двѣ бумаги, одну—твою, другую—ultimatum Погодина. Эти бумаги различны; слѣдовательно, надобно одной держаться, всѣми подписанной. Ну, не нелѣпо ли ты говоришь: «изъ двухъ бумагъ явствуетъ»? Первой бумаги, то-есть, твоей, я никогда не видалъ и видѣть не хочу.... Держусь второй, она теперь передо мною. Тамъ вотъ что̀ сказано».... И затѣмъ Шевыревъ приводитъ уже извѣстное намъ соглашеніе о пропорціональности гонорара. Далѣе читаемъ: «Ну, видишь ли? Разсуждай же! Если *пропорціонально*, то вѣдь и я потребую, по скольку будетъ слѣдовать съ экземпляра, и ты — за «Выписку о португальской словесности», и самъ Погодинъ—за редакцію. Кто же будетъ вѣдать издержки? Вѣдь дѣло-то общее. Кому нужда? Вѣдь всѣ — издатели. Погодинъ — редакторъ, Погодинъ — прикащикъ нашъ, по твоему же сужденію. Какая ему нужда? И если Пушкинъ не хочетъ знать издержекъ, такъ я не хочу, и никто не хочетъ. Что жь изъ этого слѣдуетъ? Что Собо-

левскій—нелѣпъ.... Ты блюдешь пользы Пушкина и друзей твоихъ. Вѣрно они лучше тебя знаютъ свою пользу. Съ Пушкина денегъ требовать не будутъ не потому, что ты не приказываешь (ибо на твой голосъ мы не смотримъ, когда на нашей сторонѣ больше ихъ), а потому, что Пушкинъ — уже нашъ, по его личному увѣренію. Ты блюдешь пользы друзей своихъ, ты стараешься объ общемъ дѣлѣ, а предлагалъ Полевому сотрудничество Пушкина! Какъ ты нелѣпъ, Соболевскій! Нѣтъ, ты не блюдешь нравственной пользы друзей своихъ!» [1])

Многорѣчивое объясненіе Шевырева имѣетъ еще продолженіе, но мы не приводимъ его, потому что оно не прибавило бы ничего существеннаго къ сообщенной выпискѣ. Замѣтимъ только, что вся эта буря въ стаканѣ воды кончилась благополучно: *Московскій Вѣстникъ* продолжалъ издаваться въ 1828 году; Погодинъ остался его редакторомъ, а Шевыревъ принялъ на себя обязанности его помощника; затѣмъ однако, вопреки предложеніямъ другихъ сотрудниковъ, не послѣдовало никакихъ перемѣнъ въ планѣ журнала, направленіе его осталось, разумѣется, прежнее, — лишь редакторъ пріобрѣлъ больше самостоятельности. Не измѣнились и отношенія Пушкина къ журналу: не сдѣлавшись руководителемъ *Московскаго Вѣстника* въ первый годъ его существованія, онъ уже не стремился теперь къ этой цѣли, но усердно ободрялъ Погодина съ Шевыревымъ и охотно украшалъ журналъ своими стихами. По свидѣтельству Шевырева [2]), онъ печаталъ ихъ теперь «совершенно безвозмездно», хотя, какъ видно изъ одного письма Пушкина къ Соболевскому (отъ первой половины 1829 года), онъ считалъ еще за *Вѣстникомъ* старые долги. Какъ бы то ни было, если *Московскій Вѣстникъ* могъ просуществовать нѣсколько лѣтъ, то безъ сомнѣнія, благодаря многочисленнымъ вкладамъ поэта, которые составляли въ этомъ изданіи главную привлекательную силу для читателей.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній Пушкина, появившимся на страницахъ *Вѣстника* (1829 г., № 1), была «Чернь». По словамъ Шевырева, Пушкинъ написалъ эту піесу подъ вліяніемъ

1) Какъ это письмо Шевырева, такъ и вышеприведенныя письма Рожалина и Погодина, извлечены нами изъ бумагъ Соболевскаго, принадлежащихъ нынѣ графу С. Д. Шереметеву, которому приносимъ искреннюю благодарность за любезное дозволеніе ими воспользоваться.

2) *Москвитянинъ* 1841 г., ч. V, стр. 205.

художественной теоріи Шеллинга, проповѣдовавшей освобожденіе искусства, и съ которою Пушкинъ познакомился въ кружкѣ Веневитинова. Мнѣніе Шевырева было принято Анненковымъ и положено въ основу его сужденій о позднѣйшей поэтической дѣятельности Пушкина. Слѣдуетъ ли однако считать это мнѣніе безусловно справедливымъ?

Безъ сомнѣнія, въ кружкѣ молодыхъ московскихъ поклонниковъ нѣмецкой философіи Пушкинъ слышалъ не мало толковъ о Шеллингѣ и его воззрѣніяхъ на искусство. Но если судить по тѣмъ статьямъ *Московскаго Вѣстника*, въ которыхъ дѣлались попытки познакомить русскихъ читателей съ идеями германскаго мыслителя, то придется заключить, что авторы указанныхъ статей, Шевыревъ и Титовъ, сами — по крайней мѣрѣ въ то время — не далеко ушли въ разумѣніи излагаемыхъ ими воззрѣній. Шевыревъ характеризуетъ эстетическое ученіе Шеллинга тѣмъ, что оно проповѣдывало освобожденіе искусства. Но, по самому ходу германской литературы, освобожденіе искусства отъ условныхъ правилъ было для Шеллинга дѣломъ уже рѣшеннымъ, и онъ даже не распространялся о немъ, какъ о вопросѣ художественной техники. Мы видѣли, что къ такому же рѣшенію пришелъ и Пушкинъ, но пришелъ совершенно самостоятельно, независимо отъ чужихъ критическихъ указаній. Итакъ, не въ этомъ отрицательномъ выводѣ была заслуга Шеллинга, и если допускать возможность его вліянія на Пушкина, то слѣдуетъ искать его не здѣсь, а въ дѣлѣ болѣе важномъ, въ томъ, что вопросъ объ искусствѣ твердо поставленъ Шеллингомъ на почву философіи. Вслѣдъ за Платономъ германскій мыслитель признавалъ красоту одною изъ врожденныхъ человѣку идей наравнѣ съ истиной и благомъ и вывелъ отсюда высокое значеніе искусства, какъ свободнаго творчества человѣческаго духа. Въ одной изъ первыхъ книжекъ *Московскаго Вѣстника* (1827 г., № 7) есть попытка изложить это воззрѣніе; она находится въ статейкѣ «О достоинствѣ поэта», написанной В. П. Титовымъ. Но изложеніе имѣетъ здѣсь характеръ такого наивнаго ученическаго упражненія, что представляется совершенно невозможнымъ допустить догадку о вліяніи подобныхъ слабыхъ опытовъ на Пушкина. Его мысль должна была подняться очень высоко надъ этими юношескими писаніями, чтобы создать такія произведенія, какъ «Чернь» и другія стихотворенія, въ которыхъ онъ говоритъ о призваніи и назначеніи поэта. Въ виду этихъ соображе-

ній мы рѣшительно отвергаемъ достовѣрность показанія Шевырёва о происхожденіи «Черни» и охотно присоединяемся къ слѣдующему мнѣнію, выраженному Н. Н. Страховымъ: «Говорятъ, въ Москвѣ въ то время (въ половинѣ двадцатыхъ годовъ) начало распространяться нѣмецкое ученіе о великомъ значеніи поэтовъ, и нѣкоторые приписываютъ вліянію этого ученія тогдашнія высокомѣрныя стихотворенія Пушкина. Кажется однако же, они могутъ быть вполнѣ объяснены тѣмъ, что̀ совершалось тогда съ самимъ Пушкинымъ. Прямо изъ своей собственной жизни онъ вынесъ горькую необходимость уединиться отъ народа, такъ или иначе перенести его равнодушіе и остаться самимъ собою. Съ нимъ случилось то самое, что̀ онъ вообще предвѣщаетъ поэту:

Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной» [1]).

О «Черни» у насъ было много писано; ее толковали на разные лады. Но кажется, главною ошибкой большинства критиковъ было то, что они (въ числѣ ихъ, очевидно, и Шевыревъ) искали въ Пушкинскомъ стихотвореніи того, чего и не думалъ давать авторъ, именно искали цѣльной художественной теоріи, и объяснивъ по своему найденное, одни одобряли мысль поэта, другіе осуждали ее.

Чтобы не выйти изъ предѣловъ мысли, намѣченныхъ авторомъ «Черни», слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, что въ рукописи эта піеса была названа «Ямбомъ» [2]), по примѣру «Ямбовъ» Андрея Шенье, то-есть, тѣхъ произведеній, въ которыхъ столь любимый Пушкинымъ французскій поэтъ бросалъ укоры и обличенія своимъ

1) *Н. Страховъ.* Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ. С.-Пб. 1888, стр. 8 и 9.

2) Это было указано Анненковымъ въ его изданіи Пушкина (т. II, стр. 474) на основаніи рукописи, намъ неизвѣстной. Въ одной изъ записныхъ тетрадей Пушкина, хранящихся въ Московскомъ публичномъ музеѣ (№ 2371), есть набросокъ «Черни», но онъ ничего не даетъ для объясненія происхожденія піесы; заглавія «Ямбъ» здѣсь нѣтъ. Въ изданіи литературнаго фонда (т. II, стр. 27), въ числѣ черновыхъ набросковъ, отнесенныхъ къ 1827 году, напечатаны четыре шестистопные стиха, по видимому, имѣющіе отношеніе къ «Черни». Замѣтимъ кстати, что Пушкинъ, приготовляя, незадолго до смерти, новое изданіе своихъ стихотвореній, рѣшилъ измѣнить заглавіе «Черни» и назвалъ эту піесу «Поэтъ и толпа». Это видно изъ хранящейся въ Московскомъ публичномъ музеѣ рукописи № 2393.

обезумѣвшимъ современникамъ. Тотъ же смыслъ жесткой сатиры имѣетъ и «Чернь» русскаго поэта: въ спорѣ между толпой и пѣвцомъ Пушкинъ изображаетъ два различные взгляда на поэзію: одинъ — принадлежащій людямъ, не посвященнымъ въ тайны творчества, и другой — свойственный самому художнику. Сопоставленіе двухъ воззрѣній естественно требовало, чтобы каждое изъ нихъ было очерчено въ краскахъ рѣзко различныхъ, чтобы грубому требованію пользы было противопоставлено спокойное служеніе свободному вдохновенію. Между тѣмъ какъ въ желаніи толпы услышать смѣлые уроки звучитъ голосъ лицемѣрія, поэтъ отвѣчаетъ ей равнодушіемъ и презрѣніемъ и предпочитаетъ уйти въ свѣтлый, ему одному доступный міръ творчества. Таковъ смыслъ послѣднихъ четырехъ строкъ стихотворенія, тѣхъ самыхъ, которыя всего больше подвергались критическимъ пересудамъ. Въ упоминаніи «звуковъ сладкихъ и молитвъ» хотѣли видѣть убѣжденіе поэта, будто вся задача искусства заключается въ мастерствѣ изящнаго исполненія, въ художественной отдѣлкѣ формы. Но для того, чтобы признать, какъ далеко такое объясненіе отъ прямой мысли Пушкина, достаточно припомнить, что въ одинъ годъ съ «Чернью» написаны имъ «Воспоминаніе», «26-е мая 1828» (Даръ напрасный, даръ случайный), «Предчувствіе», «Анчаръ», «Опричникъ», «Полтава» и другія произведенія, въ которыхъ совершенство художественной формы сочетается съ глубокимъ нравственнымъ смысломъ. Такъ всегда было въ поэтической дѣятельности Пушкина послѣ того, что онъ пережилъ періодъ раннихъ юношескихъ увлеченій. А между тѣмъ, обвиненіе въ безнравственности было однимъ изъ обычныхъ пріемовъ нападенія, къ которымъ прибѣгали современные Пушкину критики, относившіеся къ нему враждебно.

Обвиненія такого рода начались еще очень давно, съ появленія «Руслана и Людмилы»; не прекращались они и во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, когда, по возвращеніи Пушкина изъ ссылки, различныя обстоятельства обязывали его къ особливой осторожности, чтобы не подвергаться новымъ стѣсненіямъ: это было время, когда онъ получалъ моральныя и литературныя наставленія даже отъ такого любителя словесности, какъ графъ Бенкендорфъ, и оказывался въ необходимости оправдываться противъ выговоровъ [1]). Не можетъ

1) См., напримѣръ, Сочиненія, т. VII, стр. 207.

подлежать сомнѣнію, что стихотвореніе «Чернь» есть именно отвѣтъ со стороны поэта его непризваннымъ, лицемѣрнымъ судьямъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ журналистикѣ. Что Пушкинъ обращался въ немъ не къ народной черни, а къ пустой толпѣ свѣтской, это видно, между прочимъ, изъ любопытнаго разсказа Шевырева о чтеніи стихотворенія самимъ авторомъ въ салонѣ княгини З. А. Волконской. Что же касается журнальныхъ судей, толковавшихъ о безнравственности произведеній Пушкина, — достаточно будетъ привести слѣдующія строки, сказанныя въ защиту его въ первой книжкѣ *Московскаго Вѣстника* за 1828 годъ (стр. 69, 70): «Мы замѣтили изъ разныхъ отзывовъ о произведеніяхъ Пушкина странныя отъ него требованія. Хотятъ, чтобъ онъ создавалъ въ своихъ поэмахъ существа чисто нравственныя, образцы добродѣтели. Напомнимъ строгимъ аристархамъ, что не дѣло поэта преподавать уроки нравственности. Онъ изображаетъ всякое сильное ощущеніе въ жизни, всякій характеръ, носящій на себѣ оригинальную печать или одной мысли, или одного чувства. Если поэзія есть живая картина необыкновенной человѣческой жизни, то не ангеловъ совершенныхъ должны представлять намъ поэты, но человѣковъ съ ихъ добромъ и зломъ, разумѣется, выходящихъ изъ тѣснаго круга свѣтской жизни, не вседневныхъ, но такихъ людей, которые сильнѣе мыслятъ, сильнѣе чувствуютъ, и потому живѣе дѣйствуютъ. Если впечатлѣнія, произведенныя поэтомъ, привели душу въ желанное согласіе, они нравственны, и поэтъ совершилъ свое дѣло. Если иногда таковыя впечатлѣнія производятъ дѣйствіе нравственно злое на душу человѣка,— не поэта обвиняйте, который воленъ, какъ сама природа въ созданіи людей и какъ судьба, съ созданіи происшествій, картинъ порока или добра, но обвиняйте нечистую душу, нечисто принимающую сіи впечатлѣнія».

Эти умныя и справедливыя строки написаны Шевыревымъ. Но тутъ нѣтъ никакихъ особенныхъ слѣдовъ Шеллингова воззрѣнія на искусство: это просто разсужденія честнаго и добросовѣстнаго писателя. И едва ли ошибемся мы, сказавъ, что эти качества Пушкинъ цѣнилъ въ Шевыревѣ больше, чѣмъ его философскую подготовку. По этой простой причинѣ, а вовсе не изъ увлеченія идеями Шеллинга, Пушкинъ сблизился въ Москвѣ съ сотрудниками *Московскаго Вѣстника*, принялъ участіе въ ихъ журналѣ и постоянно поддерживалъ любезныя отношенія къ его редактору

и главному сотруднику. Но тѣсной внутренней связи между ними и поэтомъ, связи, основанной на единствѣ убѣжденій, все-таки не образовалось.

Причиной разногласія послужило нѣкоторое различіе въ собственно литературныхъ мнѣніяхъ. Пушкинъ не одобрялъ многихъ критическихъ отзывовъ, появлявшихся на страницахъ *Московскаго Вѣстника* и принадлежавшихъ большею частью Шевыреву. Въ этомъ сознается и самъ Шевыревъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Такъ, въ написанномъ имъ обозрѣніи русской словесности за 1827 годъ (*Московскій Вѣстникъ* 1828 г., кн. I) онъ холодно отозвался о стихотвореніяхъ Боратынскаго, — и Пушкинъ, по прочтеніи этихъ строкъ, написалъ Погодину: «Грѣхъ Шевыреву не чувствовать Боратынскаго, но Богъ ему судья!» Еще строже, въ томъ же обозрѣніи, Шевыревъ отнесся къ трагедіи Катенина «Андромаха» и свой разборъ ея заключилъ слѣдующими жесткими словами: «Все, все обнаруживаетъ въ сей трагедіи не оригинальнаго поэта, а слабаго подражателя». Пушкинъ не былъ согласенъ съ такимъ приговоромъ: онъ имѣлъ высокое мнѣніе о литературныхъ способностяхъ Катенина и даже утверждалъ, что «изъ нашихъ Шлегелей одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло», то-есть, правильно понимаетъ пріемы драматическаго творчества; объ его «Андромахѣ», которая — кстати замѣтить — была не переводомъ изъ Расина, а попыткой самостоятельно обработать древнее сказаніе для сцены, Пушкинъ говорилъ, что это — «можетъ быть, лучшее произведеніе нашей драмы по силѣ истинныхъ чувствъ, по духу истинно трагическому» [1]). Наконецъ, не разъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* появлялись возраженія на статьи князя Вяземскаго, печатавшіяся въ *Московскомъ Телеграфѣ*; Пушкинъ и самъ расходился иногда съ мнѣніями своего друга, но ему, конечно, была не по сердцу полемика *Вѣстника* противъ Вяземскаго. Такимъ образомъ понятно, почему между Пушкинымъ и *Московскимъ Вѣстникомъ* могло произойти мало по малу охлажденіе; въ особенности обнаружилось оно въ 1830 году, когда возникла *Литературная Газета* Дельвига; здѣсь Пушкинъ помѣстилъ даже нѣсколько полемическихъ замѣтокъ противъ *Вѣстника* [2]).

Какъ видно изъ воспоминаній Шевырева, нѣкоторыя литера-

1) Сочиненія, т. VII, стр. 200 и 206; т. V, стр. 144.
2) Сочиненія, т. V, стр. 89—91.

турныя сужденія Пушкина онъ объяснялъ исключительностью его литературныхъ симпатій. То же мнѣніе было высказано Шевыревымъ вскорѣ послѣ смерти поэта въ разборѣ первой книжки *Современника* на 1837 годъ: «Дружба была для него чѣмъ-то святымъ, религіознымъ. Она доходила въ немъ даже до литературнаго пристрастія: часто въ поэтѣ онъ любилъ и защищалъ только своего друга»[1]). Должно признать, что въ этомъ замѣчаніи есть значительная доля правды: дружеское одобреніе Пушкина переходило иногда черезъ край, но конечно, только по его добродушію, а не по односторонности или ограниченности его литературнаго пониманія. «Не всякій судья искусства есть геній; но всякій геній есть природный судья: проба всѣхъ правилъ въ немъ самомъ». Этотъ старый афоризмъ Лессинга вполнѣ примѣняется къ Пушкину — и косвенно имѣетъ приложеніе къ Шевыреву. Пушкинъ, когда его не соблазняло дружеское пристрастіе, являлся глубокимъ цѣнителемъ искусства и строгость своего критическаго сужденія обращалъ прежде всего на самого себя. «Ахъ, какую рецензію написалъ бы я на своихъ «Цыганъ»», сказалъ онъ однажды Погодину по поводу разбора этой поэмы, появившихся вслѣдъ за изданіемъ ея въ 1827 году. «Онъ видно досадовалъ», прибавляетъ Погодинъ, вспоминая эти слова поэта[2]), — «что читатели его не понимаютъ, а онъ самъ не можетъ раскрыть имъ свои цѣли». Въ противоположность Пушкину Шевыревъ принадлежалъ къ числу тѣхъ судей искусства, которымъ эстетическое чувство нерѣдко измѣняло; Пушкинъ намекнулъ на этотъ недостатокъ по поводу отзыва Шевырева о Боратынскомъ; другіе и не малочисленные примѣры могутъ быть безъ труда указаны въ критическихъ статьяхъ Шевырева, какъ ранняго, такъ и поздняго времени. Подобные промахи не могли ускользать отъ художнической проницательности Пушкина, и потому-то, читая въ *Московскомъ Вѣстникѣ* разборы Шевырева и отдавая полную справедливость его образованію и любви къ литературѣ, поэтъ все-таки долженъ былъ прійти къ заключенію, что не въ этомъ критикѣ онъ найдетъ настоящаго толкователя своихъ произведеній и — порой — совѣтника въ развитіи своей творческой дѣятельности. Въ тридцатыхъ годахъ, когда, при дѣятельномъ участіи Шевырева, возникъ

1) *Московскій Наблюдатель* 1837, іюнь, кн. 1-я, стр. 313.

2) Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ П. В. Анненкову (1874 г.).

Московскій Наблюдатель, Пушкинъ согласился принять въ немъ участіе, но въ то же время «тихонько» отъ «Наблюдателей» заводилъ сношенія съ Бѣлинскимъ, только что выступившимъ на литературное поприще въ *Молвѣ* и *Телескопѣ* и уже открывшимъ полемику противъ Шевырева.

V.

Сношенія Шевырева съ Пушкинымъ въ періодъ изданія *Московскаго Вѣстника* составляютъ главный моментъ во всей исторіи ихъ знакомства. Поэтому и мы распространились о нихъ съ большею подробностью, и если нѣкоторыя изъ сообщеній Шевырева, относящихся къ тому времени, подали намъ поводъ къ возраженіямъ, то это объясняется значительною долей самомнѣнія въ Шевыревѣ, его желаніемъ дать понять, что онъ былъ дѣйствительно близкимъ человѣкомъ къ Пушкину и даже могъ имѣть вліяніе на него. Подобные намеки попадаются и въ печатныхъ статьяхъ Шевырева; но что́ гораздо важнѣе, въ этихъ послѣднихъ можно найти кое-какія фактическія дополненія къ воспоминаніямъ, записаннымъ со словъ Шевырева для Анненкова. Примѣры тому уже были приведены выше. Воспользуемся здѣсь остальнымъ разбросаннымъ матеріаломъ въ этомъ родѣ и сопоставимъ его со свидѣтельствами воспоминаній.

О личномъ характерѣ Пушкина и объ его положеніи въ обществѣ Шевыревъ сообщаетъ немногое, но понималъ онъ ихъ вѣрно. Еще въ 1841 году, говоря о «Египетскихъ ночахъ», онъ первый высказалъ слѣдующее справедливое замѣчаніе: «Въ Чарскомъ Пушкинъ едва ли не представилъ собственныхъ своихъ отношеній къ свѣту: онъ не любилъ, когда въ гостиной обращеніемъ напоминали ему о высокомъ его званіи, и предпочиталъ обыкновенное обхожденіе свѣтское» [1]). Безъ сомнѣнія, не ошибался Шевыревъ, находя, что свѣтскія отношенія много повредили Пушкину и приблизили катастрофу его кончины. Очень цѣнно свидѣтельство Шевырева объ охлажденіи московскаго общества къ поэту послѣ первыхъ успѣховъ его въ зиму 1826—1827 годовъ. Къ сожалѣнію, подробностей объ этомъ обстоятельствѣ извѣстно очень мало, но даже коротенькое замѣчаніе Шевырева можетъ служить подтвержденіемъ тому объясненію происхожденія «Черни», какое представлено выше.

1) *Москвитянинъ* 1841 г., ч. V, стр. 264.

Тотъ же самый Пушкинъ, который готовъ былъ скрывать свой высокій даръ въ свѣтскомъ обществѣ, производилъ обаятельное впечатлѣніе своимъ умомъ среди людей, способныхъ понимать его геніальную природу. Шевыревъ запомнилъ кое-какіе отрывки изъ его бесѣдъ въ тѣсномъ кружкѣ. Такъ, къ первой порѣ ихъ знакомства относятся ихъ разговоры о Шекспирѣ, въ которыхъ Пушкинъ обнаружилъ «геніальное» пониманіе великаго англійскаго драматурга. Извѣстно, что въ 1826 году Пушкинъ явился въ Москву съ только что оконченнымъ «Борисомъ Годуновымъ» и съ замыслами о цѣломъ еще рядѣ драмъ историческихъ и иныхъ. Шевыревъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, говоритъ о намѣреніи Пушкина продолжать драматическую хронику Смутнаго времени, а въ одной изъ своихъ критическихъ статей утверждаетъ, что еще въ 1826 году поэтъ задумывалъ «Каменнаго гостя» и «Русалку». «Еще» читаемъ мы въ той же статьѣ,—«былъ у него проектъ драмы «Ромулъ и Ремъ», въ которой однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ намѣревался онъ вывести волчиху, кормилицу двухъ близнецовъ» [1]). Эти показанія Шевырева отличаются точностью: въ относящемся къ 1826 году собственноручномъ спискѣ драмъ, задуманныхъ Пушкинымъ, названы между прочимъ: «Ромулъ и Ремъ», «Донъ-Гуанъ», «Дмитрій и Марина»; ошибся Шевыревъ, вѣроятно, лишь относительно «Русалки»: по крайней мѣрѣ, такого заглавія не оказывается въ упомянутомъ спискѣ, и есть основательные поводы считать, что это произведеніе было задумано позже.

Выше мы замѣтили, что Пушкинъ, встрѣтившись въ Москвѣ съ членами Веневитиновскаго кружка, близко сошелся съ ними, но не слишкомъ увлекся ихъ эстетическими теоріями, возникшими на почвѣ нѣмецкаго романтизма. Изъ позднѣйшаго признанія Шевырева оказывается, что непосредственное общеніе съ геніальнымъ поэтомъ положило начало отрезвленію самихъ молодыхъ эстетиковъ отъ крайнихъ умозрительныхъ увлеченій. По свидѣтельству одного изъ учениковъ Шевырева, Н. С. Тихонравова, онъ «съ жадностію прислушивался къ задушевнымъ домашнимъ импровизаціямъ Пушкина о поэзіи и искусствѣ; изъ нихъ онъ хотѣлъ извлечь матеріалы для теоріи поэзіи. «Бесѣды съ Пушкинымъ о поэзіи и русскихъ пѣсняхъ», говорилъ онъ, — «чтеніе Пушкинымъ этихъ пѣсенъ на-

1) *Москвитянинъ* 1841 г., ч. V, стр. 245.

пзусть принадлежатъ къ числу тѣхъ плодотворныхъ впечат
которыя содѣйствовали образованію моего вкуса и развитію в
истинныхъ понятій о поэзіи» [1]).

Къ тридцатымъ годамъ, къ одной изъ тогдашнихъ поѣ
Пушкина въ Москву, относится разговоръ съ нимъ Шевы
новой французской словесности. «Изъ новыхъ поэтовъ Фра
сообщаетъ Шевыревъ,—«сколько мы знаемъ, одинъ Альфредъ
нравился ему своимъ «Spectacle dans un fauteuil». Вѣроятв
слѣдняя часть этого сочиненія, маленькая поэма «Hassan» въ
роновомъ стилѣ, пришлась особенно по вкусу Пушкина. Д
замѣтить, что А. Мюссе изо всей школы современныхъ стихо
цевъ Франціи болѣе отличается мастерствомъ и оконченност
отдѣлкѣ стиха. Прочіе поэты, по прежнему примѣру Гюго,
пренебрегаютъ, особенно въ драматическомъ родѣ... Пушкинъ
истинный художникъ формы и первый мастеръ своего поко
не могъ сочувствовать такому искаженію формъ. Кромѣ того
не могъ раздѣлять и воззрѣнія поэтовъ французскихъ на жи
искусство» [2]). Въ этихъ словахъ Шевырева слѣдуетъ однако
чать его догадки отъ фактическихъ указаній. Пушкинъ дѣй
тельно питалъ мало расположенія къ французскимъ романти
талантъ Гюго признавалъ лишь второстепеннымъ и только пе
поэтическіе опыты Мюссе встрѣтилъ открытымъ сочувствіем
и у него онъ хвалилъ не изящество формы, а самобытны
явленія творчества въ драматическомъ очеркѣ «Les marrons de
«живость необыкновенную» — въ стихотворной повѣсти «Port
умѣнье схватить тонъ шуточныхъ произведеній Байрона, «что
не шутка», — въ другой, тоже стихотворной повѣсти «Mardoch
Напротивъ того, въ своемъ отзывѣ о Мюссе Пушкинъ вовсе не
минаетъ о той поэмѣ его въ Байроновомъ стилѣ, которую Шевы
называетъ «Hassan», хотя въ подлинникѣ ея названіе «Namo

Шевыреву случалось присутствовать при бесѣдахъ Пушки
Погодинымъ, въ которыхъ поэтъ обнаруживалъ свои глубокія
нія въ русской исторіи. Погодинъ самъ сохранилъ воспоминані
одной изъ этихъ бесѣдъ. Въ 1841 году издателю *Москвит*
пришлось разбирать въ своемъ журналѣ книжку Н. Д. Иван

1) Сочиненія Тихонравова, т. III, ч. 2, стр. 223.
2) *Московскій Наблюдатель* 1837 г., іюнь, кн. 1-я, стр. 318, 319.
3) Сочиненія Пушкина, т. V, стр. 363, 139, 140.

Писарева «Вечеръ въ Симоновѣ», и онъ обратилъ здѣсь вниманіе на одно примѣчаніе, въ которомъ говорится, что авторъ «имѣлъ случай видѣть собственноручныя строки Петра Великаго, начертанныя въ минуты сильныхъ душевныхъ тревогъ о цѣлости и благѣ царства: такова инструкція Шафирову въ лагерѣ на берегахъ Прута... Строки отца отечества остались, дабы слезы русскихъ падали на нихъ, какъ и на безсмертное письмо его въ сенатъ». Къ этой нѣсколько высокопарной тирадѣ Писаревъ прибавляетъ: «Подлинникъ хранится въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ» [1]). Эта послѣдняя замѣтка особенно заинтересовала Погодина. «Я обрадовался», пишетъ онъ въ своей рецензіи,—«извѣстію г. Писарева, потому что Пушкинъ увѣрялъ меня въ противномъ; онъ съ горестію говорилъ мнѣ, что нашелъ доказательство о невѣрности извѣстія о письмѣ Петровомъ отъ Прута. Письмо хранится въ Московскомъ архивѣ; въ слѣдующемъ же нумерѣ я извѣщу читателей, разсмотрѣвъ оное внимательно. Я до такой степени былъ увѣренъ Пушкинымъ, что даже на лекціи не смѣлъ говорить о происшествіи подъ Прутомъ безъ оговорки» [2]). Оказывается однако, что Пушкинъ былъ правъ, а Погодинъ введенъ въ заблужденіе неясностью послѣднихъ словъ Иванчина-Писарева: авторъ «Вечера въ Симоновѣ» видѣлъ въ Московскомъ архивѣ не письмо Петра въ сенатъ изъ Прутскаго лагеря, а инструкцію, данную царемъ Шафирову для переговоровъ съ визиремъ въ то время, когда турки окружали русское войско; въ архивѣ дѣйствительно существуетъ подлинникъ этой инструкціи, съ него она была напечатана Соловьевымъ въ XVI-мъ томѣ его «Исторіи Россіи»; что же касается письма Петра въ сенатъ, то оно извѣстно въ подлинникѣ, и хотя о содержаніи его разсказывается въ «Анекдотахъ» Штелина, однако самое существованіе этого документа отвергается весьма дѣльными возраженіями Устрялова [3]).

Живой интересъ, который обнаруживалъ Пушкинъ къ изученію русской старины, народности и языка, опережая въ этомъ отношеніи многихъ современныхъ ему писателей, долженъ былъ вызывать въ Шевыревѣ полнѣйшее сочувствіе по самому характеру его направленія. Шевыревъ упоминаетъ о томъ въ своихъ воспоминаніяхъ; неоднократно говорилъ онъ объ этомъ предметѣ и въ своихъ печат-

1) Вечеръ въ Симоновѣ, стр. 84, 85.
2) *Москвитянинъ* 1841 г., ч. II, стр. 502.
3) Въ особой статьѣ, помѣщенной въ «Мѣсяцесловѣ» на 1859 годъ.

ныхъ трудахъ, выставляя примѣръ Пушкина въ поученіе другимъ литераторамъ. Итакъ, соберемъ здѣсь эти свидѣтельства Шевырева.

«Никто такъ не уважалъ правильности формъ языка и русской просодіи, какъ Пушкинъ. Мы слышали отъ него много рѣзкихъ и остроумныхъ грамматическихъ замѣчаній, которыя показывали, как глубоко изучалъ онъ отечественный языкъ» [1]).

«Извѣстно, съ какимъ усердіемъ Пушкинъ изучалъ памятник древней словесности. «Слово о полку Игоревѣ» онъ помнилъ отъ на чала до конца наизусть и готовилъ ему объясненіе. Оно было люб мымъ предметомъ его послѣднихъ разговоровъ. Нерѣдко въ бесѣд приводилъ онъ цѣликомъ слова изъ государственныхъ грамотъ лѣтописей. Начертать характеръ Пимена могъ онъ только по г бокомъ изученіи духа и языка нашихъ лѣтописей. Кто изъ зн шихъ коротко Пушкина не слыхалъ, какъ онъ прекрасно читыва русскія пѣсни? Кто не помнитъ, какъ онъ любилъ ловить жив рѣчь изъ устъ простого народа?» [2])

«Извѣстно, что Пушкинъ готовилъ изданіе «Слова о полку И ревѣ». Съ глубокимъ уваженіемъ говорилъ онъ объ его поэтическ достоинствахъ и не сочувствовалъ нисколько мнѣніямъ скептик которые всего сильнѣе дѣйствовали въ его время. Нельзя не пожал что онъ не успѣлъ докончить труда своего.... Я слышалъ лично Пушкина объ его трудѣ. Онъ объяснилъ мнѣ изустно вступленіе тораго смыслъ, по мнѣнію Пушкина, былъ тотъ, что авторъ С отказываясь отъ *старыхъ словесъ* и *замышленія Боянова*, предпочита говорить о полку Игоревомъ по былинамъ своего времени» [3]).

Любопытныя слова эти не требуютъ объясненій: многочис ныя подтвержденія имъ легко могутъ быть найдены въ сочинен Пушкина. Но сочувственное сужденіе Шевырева имѣетъ въ номъ случаѣ серьезное значеніе, такъ какъ онъ самъ, въ свое в много потрудился надъ изученіемъ нашей письменной старины обще, воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ, даже при нѣкот односторонности въ освѣщеніи извѣстныхъ фактовъ, представл несомнѣнный интересъ для біографіи великаго русскаго поэта.

1) *Московскій Наблюдатель* 1837 г., іюнь, кн. 1-я, стр. 318, примѣчан

2) *Москвитянинъ* 1843 г., ч. III, стр. 237.

3) Исторія русской словесности. Лекціи *Ст. Шевырева*. Части первая рая. Изданіе 3-е, ч. II, стр. 145 и 173.

ЗНАКОМСТВО ПУШКИНА СЪ СЕМЕЙСТВОМЪ УШАКОВЫХЪ

(1826—1830).

Въ числѣ стихотвореній Пушкина, написанныхъ въ исходѣ двадцатыхъ годовъ, есть нѣсколько небольшихъ піесъ, помѣченныхъ буквами Е. Н. У. Издатели сочиненій Пушкина обыкновенно относятъ ихъ всѣ къ одному лицу, именно — къ Екатеринѣ Николаевнѣ Ушаковой. Въ такомъ объясненіи есть нѣкоторая неточность. Съ благосклоннаго согласія А. И. Киселевой [1]) и благодаря любезному посредничеству А. Н. Гонецкаго и А. В. Верещагина мы имѣли возможность ознакомиться съ нѣкоторыми бумагами изъ домашняго архива семейства Киселевыхъ, и это обстоятельство позволяетъ намъ представить болѣе вѣрныя свѣдѣнія какъ о помянутыхъ стихотвореніяхъ, такъ и о лицахъ, которымъ они посвящены [2]).

Когда въ 1826 году, во время коронаціи императора Николая, Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву, ему пришлось сдѣлать множество

1) Вдовы Петра Сергѣевича Киселева, братъ котораго Николай Сергѣевичъ, извѣстенъ въ нашей литературѣ изданіемъ записокъ А. С. Шишкова и «Памятника протекшихъ временъ» А. Т. Болотова.

2) Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя бумаги изъ Киселевскаго архива были извѣстны составителю біографіи Пушкина, помѣщенной въ «Альбомѣ Московской Пушкинской выставки 1880 года» (М. 1882), А. А. Венкштерну. Но сдѣланныя имъ извлеченія не исчерпываютъ матеріала, бывшаго у него подъ руками, а нѣкоторыя сообщенныя имъ свѣдѣнія (напримѣръ, о прекращеніи знакомства Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ) не отличаются точностью.

новыхъ знакомствъ въ разныхъ слояхъ общества. Къ числу этихъ новыхъ знакомыхъ поэта принадлежало между прочимъ семейство Ушаковыхъ. Оно состояло изъ отца — Николая Васильевича, матери — Софіи Андреевны, двухъ дочерей — Екатерины и Елизаветы и трехъ сыновей и занимало довольно видное положеніе въ московскомъ большомъ свѣтѣ. Нѣкоторое понятіе объ этомъ почтенномъ семействѣ можно составить по слѣдующему отрывку изъ воспоминаній Елизаветы Николаевны Киселевой, младшей дочери Н. В. Ушакова.

Воспоминаніе былого, но счастливаго времени.

Какъ недавно чувствовала себя доброю и здоровою, и вотъ настала старость (мнѣ 52-й годъ); память видимо мнѣ измѣняетъ: происшествіе, случившееся вчера, не помню; что̀ прочитала сегодня, завтра забыла. Но вотъ странность: протекшая жизнь моя красуется во всей свѣжести моему воображенію. Изложу перечувствованное мною въ продолженіе сорока лѣтъ.

Въ 1821 году я была ребенокъ одиннадцати лѣтъ. Мои родители съ семействомъ жили въ городѣ Твери, гдѣ отецъ мой служилъ при принцѣ Ольденбургскомъ. Послѣ кончины бабушки состояніе моего отца видимо улучшилось. Старшій братъ и сестра были въ такихъ лѣтахъ, что слѣдовало серьезно заняться ихъ воспитаніемъ. Въ домѣ жила для присмотра дѣтей русская барышня г-жа Анучина, а для старшаго брата — эмигрантъ французъ г. Жуазель. Насъ было у родителей пять человѣкъ: три сына и двѣ дочери. Старшій братъ и старшая сестра были до крайности избалованы, и намъ, младшимъ, часто доставалось отъ нихъ и за нихъ.

Отецъ, рѣшившись переѣхать въ Москву, купилъ на Прѣсненскомъ домъ, въ самой отдаленной и глухой части города. Какъ теперь помню, въ 1821 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, мы пріѣхали въ древнюю столицу. На улицахъ была темнота, фонари такъ тускло горѣли, что недостаточно удовлетворяли нашему дѣтскому любопытству видѣть Москву. Послѣ довольно долгой ѣзды отъ Тверской заставы до Прѣсни мы остановились у большого двухэтажнаго дома, гдѣ ожидала насъ грозная наша экономка Степанида Ивановна, со свѣчею въ рукѣ и привѣтствіемъ: «Милости просимъ въ добрый часъ!» Всякая перемѣна нравится дѣтямъ. На другое утро, обѣгавъ и

осмотрѣвъ домъ и садъ и вставши для этого очень рано,—насъ посадили въ отдѣльную комнату за уроки, и время пошло опять своимъ чередомъ. Въ первые дни нашего пріѣзда пріѣзжало къ намъ много гостей, по большей части родственники и родственницы, которыхъ мы знали по наслышкѣ. Насъ, дѣтей, они желали видѣть, и всякій разъ за нами приходили въ классъ и уводили для осмотра и знакомства съ нашею родней. Но наконецъ и эта церемонія кончилась, и дни за днями шли одинаковымъ порядкомъ. Я была рѣзвый ребенокъ, шаловливый, но не капризный, и могу сказать, съ добрымъ сердцемъ — что̀ до моральнаго; въ физическомъ отношеніи я не понимала не только въ отношеніи себя, но и въ другихъ мало различала красоту отъ безобразія. Называли меня стрекозой по рѣзвости, утинымъ носомъ, совиными глазами и прочими названіями, которыя меня вовсе не обижали.

Насталъ 1825 годъ. До сего времени дни проходили для меня беззаботны. Въ сентябрѣ, 9-го числа, мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ. Тогда гостилъ у насъ пріѣхавшій изъ Петербурга старинный пріятель моего отца Александръ Александровичъ Витовтовъ, статсъ-секретарь императора Александра I; онъ прибылъ въ Москву съ порученіемъ осмотрѣть фабрики въ Москвѣ и ея окрестностяхъ и имѣлъ какіе-то бланки, по которымъ его допускали до тщательнаго и малѣйшаго осмотра фабрикъ, машинъ, въ нихъ находящихся, и порядковъ, существующихъ для рабочихъ людей. Отецъ мой воспользовался этимъ случаемъ познакомить насъ съ окрестностями Москвы, и мы ѣздили въ двухъ, а иногда въ нѣсколькихъ экипажахъ и проводили время весело и пріятно. Но я отклонилась отъ 9-го сентября — день моего рожденія. Утромъ того дня — я была еще въ постели — горничная наша Дуняша (она была одна у насъ обѣихъ) вошла въ комнату, подойдя ко мнѣ, поздравила меня и подала мнѣ букетъ. Онъ былъ составленъ очень искусно изъ разныхъ цвѣтовъ. Пока я восхищалась имъ, Дуня мнѣ говорила: «Это вамъ Александръ Александровичъ приказалъ отдать и поздравить со днемъ вашего рожденія». Это вниманіе мнѣ было пріятно, потому что относилось лично ко мнѣ: я не была избалована привѣтствіями и потому оцѣнила вполнѣ атенцію Витовтова, который зналъ, что я любила цвѣты. Чай обыкновенно разливала матушка въ столовой, куда поспѣшила я. Вошедши въ комнату, нашла въ ней одного Витовтова, стоявшаго у открытаго окна.

«Благодарю за букетъ. Какія прекрасныя розы!» (Въ особенности я ихъ любила).

«Да ты, мой другъ, лучше и свѣжѣе ихъ!»

«Сестра лучше!» И убѣжала, чтобы отыскать матушку.

А между тѣмъ слова старика звучали у меня въ ушахъ. «Отчего», думала я, — «онъ, да старая моя няня Алексѣевна меня находятъ красавицей?» Матушка встрѣтилась въ корридорѣ: «Теперь ты взрослая барышня; пора остепениться, козой не прыгать и скакать; возьми примѣръ съ сестры!» И, поцѣловавъ меня, пошла разливать чай. «Опять сестра въ примѣръ! Нѣтъ, не могу, какъ она, ходить съ пожилыми по дорожкѣ! Скучно мнѣ!» Вспомнила, какъ накапунѣ въ Царицынѣ, пока вся компанія шла медленными шагами по дорожкѣ возлѣ пруда, я взбѣжала — признаюсь — какъ коза на гору въ бесѣдку Миловиду и оттуда закричала, довольная собою: «Какъ вы далеко отъ меня и какіе маленькіе!» За эти невинныя рѣчи велѣно мнѣ сойти съ высоты моего величія, и побранили меня порядкомъ — казалось бы, за что?

Въ концѣ ноября матушка съ сестрой поѣхали къ дядѣ Ѳ. А. Ушакову; оттуда возвратилась матушка разстроенная и вся въ слезахъ. Причина тому была кончина императора Александра I. Когда эту печальную вѣсть сообщила матушка Витовтову, онъ поблѣднѣлъ, упалъ на диванъ и залился слезами. Эдакое горе въ мужчинѣ меня поразило; мнѣ стало его жаль: стала за нимъ ухаживать, принесла воды и одеколонъ. Черезъ нѣсколько дней, распростившись съ нами уѣхалъ въ Петербургъ. Простившись со мной, сказалъ: «Хорошо, что я — старикъ и съ тобою разстаюсь, а то пожалуй.... предоставляю въ тебя молодымъ влюбляться. Прощай!» Во время его у насъ пребыванія нападки на мою рѣзвость не были такъ часты; онъ меня всегда защищалъ: «Оставьте ее порѣзвиться! Придетъ время — будетъ резонабельнѣе Кати!» Какъ его слова вскорѣ сбылись!

Отецъ страстный былъ охотникъ до музыки (нѣкогда самъ игралъ на скрипкѣ) и возымѣлъ желаніе дать учителя пѣнія сестрѣ; для этого приглашенъ былъ тогдашній единственный учитель Мисорп для преподаванія уроковъ. Тогда въ Москвѣ была италіанская труппа, составленная по тогдашнему изъ очень хорошихъ артистовъ: примадонна — Анти, контральто — Перуцци, теноръ — Перуцци, басъ—Този, буфъ—Замбони и пр. Мы были абонированы постоянно: хотя были еще молоды, чтобы вполнѣ понимать красоту произведе-

піи Россини, Моцарта, Беллини и пр., но этими частыми посѣщеніями оперы нашъ музыкальный вкусъ развился чрезвычайно; не учившись пѣть, я пѣла всѣ аріи, то-есть, главныя темы, наизусть, конечно — безъ словъ.

Каждое воскресенье у насъ обѣдали артисты, которые пѣли и проводили цѣлый день. Разъ подошелъ ко мнѣ Тоди и сказалъ ломанымъ французскимъ языкомъ: «Когда вы будете учиться пѣть, мнѣ бы хотѣлось съ вами пропѣть дуетъ». «Что̀ дожидаться, когда я выучусь? Давайте пѣть теперь La ci darem la mana!» Онъ удивился моимъ словамъ; но, подойдя къ Геништѣ (извѣстный музыкантъ и сочинитель), который имъ акомпанировалъ, сказалъ: Accompagnez il duetto: «La ci darem»; la signorina Lise veut chanter con me». И вотъ, къ удивленію всѣхъ предстоящихъ, я начинаю пѣть съ Тоди. Не зная словъ, я довольствовалась тянуть ноты на *a*, *b*, *c*. Adagio кончилось благополучно при громкихъ рукоплесканіяхъ снисходительныхъ артистовъ. Но нечаянно глаза мои повернулись въ ту сторону, гдѣ сидѣла сестра съ матушкой; я увидѣла, что первая пожимала плечами и говорила что-то матушкѣ, которая въ свою очередь покачивала головой. Я знала, что мнѣ пора начинать; Геништа повторилъ ужь въ третій разъ ритурнель; я слышала слова Тоди: «Commencez donc!» Я — ни гугу. Мысль, что мнѣ достанется за мою дерзость и желаніе выказаться, все это меня такъ смутило, что покраснѣла до ушей, слезы навернулись на моихъ глазахъ. Тогда отецъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ и сказалъ: «Ты меня утѣшила; завтра ты начнешь учиться пѣнію; я не воображалъ, что у тебя есть голосъ». Геништа нашелъ, что timbre моего голоса контральто былъ очень пріятенъ и грудной, — отчего всѣ были довольны моею выходкой, одна сестра въ неудовольствіи: впослѣдствіи я это узнала. Учитель Мисири былъ замѣненъ извѣстнымъ Брабурой; съ нимъ-то начала я учиться пѣнію и сдѣлала въ непродолжительное время большіе успѣхи. Голосъ мой былъ гибкій, и хотя я не могла отчетливо выдѣлывать рулады, за то онъ былъ такъ звученъ и пріятенъ, что слышавшіе меня приходили въ восторгъ; въ особенности восхищались моимъ голосомъ знаменитый Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ и профессоръ Рейцъ; у нихъ мы собирались каждую недѣлю въ назначенный день пѣть хоромъ «Requiem» Моцарта, «Stabat Mater» Перголезе. Концерты посѣщали усердно, не пропуская ни одного; по большей части ѣздили съ отцомъ: матушка

избавлялась по слабости здоровья. Иногда концерты у насъ были, на которые были приглашаемы одни лишь любители музыки. День оперы я ожидала съ большимъ нетерпѣніемъ. Признаюсь, не одна музыка привлекала меня туда. Нѣтъ! Въ первомъ ряду креселъ я замѣтила постояннаго посѣтителя оперы: то былъ Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ. Онъ былъ мужчина среднихъ лѣтъ, не красавецъ, но физіономіи очень пріятной. Имъ-то сердце мое наполнилось, мысль о немъ меня смущала: я полюбила его страстно, но, будучи скрытнаго характера, — конечно, долго никто не подозрѣвалъ о моей къ нему любви. Да и могъ ли кто думать, чтобъ рѣзвушка, бряпская коза, могла серьезно чѣмъ-либо заняться?

Наступилъ 1826 годъ, коронація императора Николая. Мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ. Красота моей сестры иногда затмѣвалась: многіе находили, что я ея лучше, поклонники раздѣлились на двѣ партіи. Характеръ мой перемѣнился, я стала серьезнѣе, холоднѣе и обдуманнѣе въ обращеніи. Сердце билось, и мысли наполнились однимъ... Гвардейцы лучшихъ фамилій посѣщали нашъ домъ, иные дерзнули свататься за меня, но отказъ былъ всѣмъ по молодости моихъ лѣтъ. Сергѣй Дмитріевичъ къ намъ не ѣздилъ. Вокругъ меня были разговоры, что онъ никуда не ѣздитъ, оттого что занимается примадонной Анти (послѣ узнала, что она была его любовница), которая никуда его не пускаетъ отъ себя. По просьбѣ и убѣжденіямъ дяди, Дмитрія Петровича Свѣчина, который меня очень любилъ, меня вывезли вмѣстѣ съ сестрой на балы въ благородное собраніе, къ графинѣ Орловой, въ маскерадъ въ театрѣ (въ русскомъ костюмѣ) и многіе другіе...

На этихъ словахъ прерываются воспоминанія Ел. Н. Киселевой, и читая ея живой разсказъ, нельзя не пожалѣть, что она не удосужилась продолжать его, такъ какъ въ ея дальнѣйшемъ повѣствованіи несомнѣнно долженъ былъ выступить Пушкинъ, въ исходѣ двадцатыхъ годовъ нерѣдко посѣщавшій Москву и Ушаковскій домъ на Средней Преснѣ. Старшая сестра Елизаветы Николаевны, Екатерина Николаевна, бывшая впослѣдствіи за-мужемъ за Дмитріемъ Михайловичемъ Наумовымъ, также собиралась написать воспоминанія о годахъ своей молодости, о встрѣчахъ съ Пушкинымъ и объ его женитьбѣ, но также не исполнила своего намѣренія. Тѣмъ

не менѣе, разсмотрѣнныя нами бумаги, и въ особенности замѣтки Николая Сергѣевича Киселева, основанныя на разсказахъ матери и тетки, даютъ возможность отчасти возстановить то, что̀ мы нашли бы въ запискахъ обѣихъ сестеръ.

Мы уже знаемъ, что въ домѣ Н. В. Ушакова собирались всѣ извѣстные въ Москвѣ музыканты и пѣвцы. Посѣщали его также и представители литературы: изъ болѣе стараго поколѣнія писателей — рьяный карамзинистъ и, подобно хозяину, любитель музыки Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ, и слащавый князь П. И. Шаликовъ, издатель *Дамскаго Журнала*; изъ писателей молодого поколѣнія — князь П. А. Вяземскій. Пушкина Ушаковы увидѣли въ первый разъ въ театрѣ. Извѣстно, что вызовъ опальнаго поэта изъ ссылки въ самую пору коронаціонныхъ празднествъ 1826 года былъ крупнымъ общественнымъ событіемъ того времени. «По словамъ моей матери», сообщаетъ Н. С. Киселевъ, — «впечатлѣніе, произведенное на публику появленіемъ Пушкина въ Московскомъ театрѣ послѣ возвращенія изъ ссылки, можетъ сравниться только съ волненіемъ толпы въ залѣ дворянскаго собранія, когда вошелъ въ нее Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, только что оставившій кавказскую армію. Мгновенно разнеслась по залѣ вѣсть, что Пушкинъ въ театрѣ; имя его повторялось въ какомъ-то общемъ гулѣ; всѣ лица, всѣ бинокли обращены были на одного человѣка, стоявшаго между рядами и окруженнаго густою толпой».

Въ домѣ Ушаковыхъ Пушкинъ сталъ бывать съ той же зимы 1826—1827 годовъ. Въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому отъ декабря 1826 года онъ уже упоминаетъ о нихъ. Вскорѣ онъ сдѣлался тамъ своимъ человѣкомъ. «Пушкинъ», записываетъ Н. С. Киселевъ, — «ѣзжалъ къ Ушаковымъ часто, иногда во время дня заѣзжалъ раза три. Бывало, разсуждая о Пушкинѣ, старый выѣздной лакей Ушаковыхъ Иванъ Евсѣевъ говаривалъ, что сочинители все дѣлаютъ не по людски: «Ну что̀ — прости, Господи!—вчера онъ къ мертвецамъ-то ѣздилъ? Вѣдь до разсвѣта прогулялъ на Ваганьковѣ!» Это значило, что Александръ Сергѣевичъ, уѣзжая вечеромъ отъ Ушаковыхъ, велѣлъ кучеру повернуть изъ воротъ направо, и что на разсвѣтѣ видѣли карету его возвращающеюся обратно по Преснѣ. Часто пріѣзжалъ онъ верхомъ, и если случалось ему быть на бѣлой лошади, то всегда вспоминалъ слова какой-то извѣстной петербургской предсказательницы (которую посѣтилъ онъ вмѣстѣ

съ актеромъ Сосницкимъ и другими молодыми людьми), что онъ умретъ или отъ бѣлой лошади, или отъ бѣлокураго человѣка—изъ-за жены. Кстати, объ этомъ предсказаніи. Пушкинъ разсказывалъ, что когда онъ былъ возвращенъ изъ ссылки и въ первый разъ увидѣлъ императора Николая Павловича, онъ подумалъ: не это ли—тотъ бѣлокурый человѣкъ, отъ котораго зависитъ его судьба».

Охотно бесѣдовалъ Пушкинъ со старухой Ушаковой и часто просилъ ее диктовать ему извѣстныя ей русскія народныя пѣсни и повторять ихъ напѣвы. Еще болѣе находилъ онъ удовольствія въ обществѣ ея дочерей. Обѣ онѣ были красавицы, отличались живымъ умомъ и чувствомъ изящнаго. Въ ихъ пользу много говоритъ то обстоятельство, что и на склонѣ жизни онѣ дорожили памятью своихъ сношеній съ великимъ поэтомъ. По старинному обычаю, у обѣихъ сестеръ были альбомы, въ которыхъ знакомые литераторы и не-литераторы писали стихотворные комплименты и диѳирамбы красотѣ и любезности обладательницъ. Пушкинъ тоже приносилъ имъ свою поэтическую дань и, сверхъ того, набрасывалъ въ ихъ альбомахъ рисунки и каррикатуры. Какъ извѣстно, искуснымъ рисовальщикомъ онъ не былъ, но въ его бойкихъ наброскахъ проявлялось умѣнье мѣтко уловить характерныя черты изображаемыхъ имъ физіономій и другихъ предметовъ. Въ числѣ рисунковъ Пушкина, сохранившихся въ Киселевскихъ бумагахъ, есть, напримѣръ, портреты князя Шаликова и извѣстнаго драматурга князя А. А. Шаховскаго, не чуждые каррикатурнаго оттѣнка, но въ то же время поразительные по своему сходству.

Къ сожалѣнію, изъ Ушаковскихъ альбомовъ сохранился только одинъ, принадлежавшій младшей сестрѣ; два же другихъ, обладательницей которыхъ была старшая, Екатерина Николаевна, были, по словамъ ея племянника Н. С. Киселева, «сожжены ея мужемъ М. Д. Наумовымъ, ревность котораго не пощадила этого драгоцѣннаго собранія». Такимъ образомъ погибли нѣкоторые изъ бывшихъ въ семьѣ Ушаковыхъ автографовъ и рисунковъ Пушкина, но два стихотворенія, посвященныя имъ Екатеринѣ Николаевнѣ, все-таки уцѣлѣли: мы нашли ихъ среди разсмотрѣнныхъ нами бумагъ въ двухъ копіяхъ, ею самою сдѣланныхъ, при чемъ одна изъ этихъ копій—судя по бумагѣ—восходитъ еще къ двадцатымъ годамъ. На томъ же пожелтѣломъ листкѣ списано также рукой Екатерины Николаевны посвященное ей стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго

оно помѣщено въ собраніи его сочиненій подъ 1827 годомъ (т. III, стр. 448). Оба помянутыя стихотворенія Пушкина также существуютъ въ печати: они были изданы въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1859 года, какъ списанныя «съ автографа Пушкина изъ альбома Е. Н. Ушаковой». Но копія, доставленная въ редакцію журнала (безъ согласія самой Екатерины Николаевны, какъ это видно изъ письма ея къ Н. С. Киселеву), представляетъ нѣкоторыя отличія отъ списковъ, сдѣланныхъ ею собственноручно. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ воспроизвести здѣсь оба Пушкинскія стихотворенія въ томъ именно видѣ, въ какомъ они сохранились въ Киселевскихъ бумагахъ:

I.

Когда, бывало, въ старину
Являлся духъ иль привидѣнье,
То прогоняло сатану
Простое это изреченье:
«Аминь, аминь, разсыпься!» Въ наши дни
Гораздо менѣе бѣсовъ и привидѣній;
Богъ вѣдаетъ, куда дѣвался они.
Но ты, мой злой иль добрый геній,
Когда я вижу предъ собой
Твой профиль и глаза, и кудри золотыя,
Когда я слышу голосъ твой
И рѣчи рѣзвыя, живыя,
Я очарованъ, я горю
И содрогаюсь предъ тобою,
И сердцу, полному мечтою,
«Аминь, аминь, разсыпься!» говорю.

Важнѣйшіе варіанты въ текстѣ, даннымъ *Библіографическими Записками*, слѣдующіе: въ стихѣ 4-мъ *пустое* вмѣсто «простое», въ предпослѣднемъ стихѣ:

И *сердца пылкаго* мечтою...

Происхожденіе списковъ, которыми мы пользовались, заставляетъ насъ предпочесть ихъ текстъ тексту журнала (повторенному и послѣдующими издателями), тѣмъ болѣе, что и по смыслу своему

варіанты послѣдняго менѣе удовлетворительны. Замѣтимъ впро-
чемъ, что въ *Библіографическихъ Запискахъ* піеса сопровождается
помѣтой «3 апр. 1827», не имѣющеюся въ нашихъ спискахъ, н
представляющею всѣ признаки достовѣрности.

II.

Vers de Pouchkine à son départ à Pétersbourg, faits chez nous.

Въ отдаленіи отъ васъ
Съ вами буду неразлученъ,
Томныхъ устъ и томныхъ глазъ
Буду памятью размученъ;
Изнывая въ тишинѣ,
Не хочу я быть утѣшенъ,—
Вы жь вздохнете ль обо мнѣ,
Если буду я повѣшенъ?

16 мая 1827.

Въ *Библіографическихъ Запискахъ* сообщенъ тотъ же текстъ
этого восьмистишія, но безъ всякой даты, лишь съ примѣчаніемъ:
«Писано передъ отъѣздомъ Пушкина на Кавказъ». Во второй *позд-
нѣйшей* копіи этой піесы Екатерина Николаевна также не выста-
вила даты ея и озаглавила ее слѣдующимъ образомъ: «Экспромтъ
при отъѣздѣ на Кавказъ, сказанный въ мазуркѣ на балѣ у князя
Голицына». На основаніи подобныхъ показаній издатели сочиненій
Пушкина относятъ вышеприведенный экспромтъ къ 1829 году.
Но слѣдуетъ замѣтить, что о поѣздкѣ на Кавказъ онъ сталъ ду-
мать еще года за два до того, какъ осуществилъ ее; а опредѣленная
помѣта на первомъ *старшемъ* спискѣ стихотворенія устраняетъ воз-
можность датировать его иначе, какъ 1827 годомъ. Затѣмъ, былъ
ли экспромтъ сочиненъ въ домѣ Ушаковыхъ, или же на балу у
князя Д. В. Голицына,—это уже не имѣетъ существеннаго значенія.

По словамъ Н. С. Киселева, Пушкинъ питалъ къ Екатерин
Николаевнѣ Ушаковой нѣжное чувство; но, уѣхавъ въ Петербургъ
въ исходѣ 1827 года, онъ увлекся тамъ другою красавицей—Анно
Алексѣевною Олениной. Есть извѣстіе, что онъ даже сватался з
нее, но получилъ отказъ. Затѣмъ, когда Пушкинъ возвратился в
Москву (вѣроятно, уже въ мартѣ 1829 года), то «при первомъ по

сѣщеніи Прѣсненскаго дома, онъ узналъ плоды своего непостоянства: Екатерина Николаевна помолвлена за князя Д—го. «Съ чѣмъ же я-то остался?» вскрикиваетъ Пушкинъ. «Съ оленьими рогами», отвѣчаетъ ему невѣста. Впрочемъ, этимъ не кончились отношенія Пушкина къ бывшему своему предмету. Собравъ свѣдѣнія о Д—мъ, онъ упрашиваетъ Н. В. Ушакова разстроить эту свадьбу. Доказательства о поведеніи жениха, вѣроятно, были слишкомъ явны, потому что упрямство старика было побѣждено, а Пушкинъ остался прежнимъ другомъ дома».

Дѣйствительно, въ теченіе 1829 года — и до поѣздки на Кавказъ, и послѣ нея — мы видимъ Пушкина постояннымъ посѣтителемъ семейства Ушаковыхъ. Доказательства тому мы находимъ въ сохранившемся альбомѣ младшей изъ дѣвицъ, Елизаветы Николаевны [1]). Это — небольшаго формата тетрадка въ 96 листковъ съ золотымъ обрѣзомъ, но въ очень простой бумажной обложкѣ. Первоначально это былъ чистенькій альбомъ, который разныя неизвѣстныя въ литературѣ лица украшали своими русскими и французскими стихами; но потомъ тетрадка была предоставлена въ распоряженіе Пушкина, и онъ испестрилъ ее своими рисунками. Видно, что все это набрасывалось въ теченіе долгихъ безцеремонныхъ бесѣдъ въ домашнемъ кругу. Рисунки Пушкина изображаютъ то мужскія лица, то женскія головки, то мужскія и женскія фигуры большею частью въ восточныхъ костюмахъ — безъ сомнѣнія, воспоминанія изъ его кавказской поѣздки 1829 года. Какъ мужскія лица, такъ и женскія головки — вѣроятно, большею частью портреты; по крайней мѣрѣ, въ числѣ первыхъ можно узнать князя Шаликова съ его длиннымъ грузинскимъ носомъ и съ лорнетомъ въ рукѣ, С. Д. Киселева, князя П. А. Вяземскаго въ видѣ сборщика на церковь, съ тарелкой и колокольчикомъ [2]), Льва Пушкина въ офицерскомъ мундирѣ и самого Александра Сергѣевича. Одно изъ изображеній представляетъ поэта въ монашеской рясѣ и въ клобукѣ, искушаемаго бѣсомъ, который показываетъ ему языкъ; подпись: «не искушай (сай)

1) Этотъ альбомъ находился на Московской Пушкинской выставкѣ 1880 года, и нѣкоторые рисунки изъ него помѣщены въ «Альбомѣ» этой выставки.

2) Князь П. А. Вяземскій дѣйствительно былъ церковнымъ старостой въ приходѣ Вознесенія на Большой Никитской. На свое званіе приходскаго старосты князь намекаетъ въ своемъ упомянутомъ выше стихотвореніи 1827 года, которое посвящено Ек. Н. Ушаковой.

меня безъ нужды». На другой картинкѣ изображенъ человѣкъ вер-
хомъ на лошади, въ буркѣ и въ круглой шляпѣ, съ пикой на пере-
вѣсъ въ рукѣ: это Пушкинъ во время одной изъ схватокъ съ Тур-
ками (14-го іюня 1829 года), когда онъ дѣйствительно бросился съ
жаромъ впередъ и чуть не былъ раненъ или взятъ въ плѣнъ не-
пріятелемъ. Къ числу кавказскихъ воспоминаній относится и вид
восточнаго города, съ плоскими крышами домовъ и минаретами; на
бросавъ этотъ видъ, Пушкинъ подписалъ надъ нимъ: «Арзрум
взятый помощію Божіей и молитвами Екатерины Николаевны 27-г
іюня 1829 отъ Р. Х.», а другая, по видимому, женская рука вста
вила въ эту подпись, послѣ слова «взятый», еще слѣдующія: *мно
А. П.*

Разумѣется, не всѣ женскія головки и фигуры, нарисованны
Пушкинымъ въ описываемомъ альбомѣ, имѣютъ прямое отношен
къ дѣйствительности; иныя же, какъ та, напримѣръ, фигура полн
и некрасивой особы, подъ которою Пушкинъ подписалъ «Варва
мученица», хотя, вѣроятно, и представляютъ дѣйствительныхъ лиц
но кого именно—не извѣстно. На одномъ изъ листковъ альбома м
видимъ старуху въ чепчикѣ и шушунѣ, съ ключами въ рукахъ; п
всему вѣроятію, это — та самая ключница Ушаковыхъ, о которо
Елизавета Николаевна упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ. С
полною достовѣрностью можно указать въ числѣ рисунковъ Пу
кина на изображеніе самихъ дѣвицъ Ушаковыхъ. Такъ, на одном
изъ листковъ альбома представлена красивая молодая барышня с
нѣсколько гордымъ видомъ, въ нарядномъ платьѣ по модѣ то
времени; подъ изображеніемъ находится и подпись рисовавшаго
«Трудись надъ образомъ прекрасной и проч. и проч. и проч. 1 d'aw
1829». По поводу этого рисунка Н. С. Киселевъ замѣчаетъ, ч
тутъ изображена его тетка Екатерина Николаевна, и что подпи
составляетъ начало еще одного стихотворенія Пушкина, котор
однако не сохранилось. Тотъ же профиль повторяется въ альбом
еще нѣсколько разъ, и кромѣ того, сохранился, съ тою же подпис
въ видѣ рисунка на особомъ листкѣ, принадлежащемъ нын
Н. К. Шпиндлеръ. Онъ находился на Петербургской Пушкинск
выставкѣ 1880 года.

Кстати замѣтить, что въ Киселевскихъ бумагахъ сохранилс
на отдѣльномъ листѣ въ водяномъ знакомъ 1828 года, еще од
начерченное Пушкинымъ, изображеніе молодого женскаго лица

тонкими, изящными чертами; не подлежитъ сомнѣнію, что и этотъ профиль, съ кудрями, вѣроятно, золотистыми, представляетъ ту же особу, которую поэтъ, въ стихахъ къ ней, называлъ своимъ злымъ иль добрымъ геніемъ.

Понятно, что и самой обладательницѣ альбома, Елизаветѣ Николаевнѣ Ушаковой, отведено въ рисункахъ Пушкина не мало мѣста. Изъ ея собственнаго разсказа мы уже знаемъ, что она выступила въ свѣтъ очень молодою, какъ младшая сестра одной изъ извѣстныхъ московскихъ красавицъ; но вскорѣ у Елизаветы Николаевны явились свои поклонники и даже искатели ея руки, между тѣмъ какъ собственный выборъ ея юнаго сердца остановился на человѣкѣ уже не первой молодости, но обладавшемъ большими достоинствами. Ея раннее расположеніе къ Сергѣю Дмитріевичу Киселеву, не ускользало отъ вниманія нѣкоторыхъ лицъ, близкихъ къ семейству Ушаковыхъ, между прочимъ отъ проницательности князя Вяземскаго и Пушкина, которые къ тому же находились въ пріятельскихъ связяхъ съ С. Д. Киселевымъ. Въ этомъ обстоятельствѣ, при короткости отношеній домашняго круга, оказался матеріалъ для намековъ и шутокъ, впрочемъ, самаго невиннаго свойства. Такъ, въ разсмотрѣнныхъ нами бумагахъ нашелся листокъ со слѣдующими собственноручно написанными стихами князя Вяземскаго, которые въ свое время не были напечатаны.

Біографія Елизаветы Николаевны Ушаковой.

Въ цвѣтникахъ красоты
На зарѣ незакатной
Расцвѣтаютъ цвѣты
Въ тишинѣ благодатной.

. . . . . туберозы [1]),
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . и красивыя розы.

Нѣтъ въ цвѣтахъ лучше розъ,
Въ розахъ нѣтъ лучше майской:

1) Дождемся весны, чтобы пріискать цвѣты, которые здѣсь недостаютъ. *Кн. В.*

Въ міръ ее къ намъ занесъ
Богъ любви съ нивы райской.

Ей сказалъ: «Всѣхъ дивн
«Красотою чудесной,
«Упоенье любви
«Разливай въ поднебесной.

«Кто къ тебѣ подойдетъ,
«Пусть почувствуетъ сладость,
«Пусть въ немъ сердце замретъ
«На упынье и радость!

«Ты не знай знойныхъ грозъ,
«Бурь и хлада угрозы:
«Будь царицею розъ
«Тамъ, гдѣ царствуютъ розы!»

Онъ сказалъ, и шипокъ
Озарилъ онъ улыбкой,
И попынѣ цвѣтокъ
Слѣдъ хранитъ его зыбкой.

Передъ тѣмъ, какъ вспорхнулъ,
Далъ онъ два поцѣлуя
И двѣ ямки вдавнулъ,
Чаши двѣ образуя.

Въ этихъ чашахъ есть медъ,
Благовонное злато,
Пчелъ небесныхъ онъ сотъ,
И хранится онъ свято.

Онъ хранимъ у судьбы
Про счастливца младаго,
Чьи услышатъ мольбы —
Сердца первое благо,

Про того, кто въ цвѣткѣ
Пламень чувства надышетъ
И, пріявши вѣнокъ,
Счастья голосъ услышитъ:

«Ты своей именуй
«Розу, прелесть младую,
«И что̀ далъ поцѣлуй,
«Ты присвой поцѣлую».

Москва. 19-го Февраля 1828.

Приписка, сдѣланная на томъ же листкѣ рукой С. А. Соболевского, разъясняетъ сокровенный смыслъ этой аллегоріи: «Мнѣніе въ этихъ стихахъ: *слово*, *добро*, *како*.... (С. Д. К.=Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ)».

Листокъ со стихами князя Вяземскаго принадлежалъ также къ альбому Елизаветы Николаевны Ушаковой, но не къ тому, который нынѣ передъ глазами и описанъ выше, а къ другому, нынѣ утраченному. Къ тому же утраченному альбому принадлежалъ и другой сохранившійся листокъ со слѣдующими стихами Пушкина, писанными его рукой:

Вы избалованы природой;
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется докучной модой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ любить не мудрено,
Что нѣжнымъ взоромъ вы Армида,
Что легкимъ станомъ вы сильфида,
Что ваши алыя уста
Какъ гармоническая роза....
И наши рѳмы, наша проза
Предъ вами шумъ и суета.
Но красоты воспоминанье
Намъ сердце трогаетъ тайкомъ,
И строкъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.
Авось на память по неволѣ
Придетъ вамъ тотъ, кто васъ пѣвалъ
Въ тѣ дни, какъ *Пресненское* поле
Еще заборъ не заграждалъ.

Александръ Пушкинъ.

Во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина эта піеса считается

посвященною Екатеринѣ Николаевнѣ Ушаковой; но, по надежн
свидѣтельству Н. С. Киселева, она написана ея младшей сестрѣ,
матери. Пушкинъ называлъ эти стихи «небрежными строками»,
одна изъ его черновыхъ тетрадей [1]), сохранившая ихъ въ дву
черновыхъ наброскахъ, свидѣтельствуетъ, что эта небольшая пі
стоила автору значительнаго труда. Первый изъ набросковъ е
совершенно отрывочный; второй тоже сопровождается помарка
но все-таки стихотвореніе возстановляется изъ нихъ въ слѣду
щемъ видѣ:

Вы избалованы природой;
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша страстная хвала
Вамъ кажется докучной модой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ любить не мудрено,
Что ваши взоры — сердцу жалы,
Что ваши ножки очень малы,
Что вы чувствительны, остры,
Что вы умны, что вы добры,
Что можно васъ любить сердечно;
Но вы не знаете, конечно,
Что и болтливая Москва
Порою правды не умалитъ,
Что иногда и сердце хвалитъ,
Хоть и кружится голова.

Однако, и такою редакціей своихъ стиховъ поэтъ не удовл
творился; дѣйствительно, сравнивая ее съ піесой въ окончательном
видѣ, въ какомъ она была отдана Елизаветѣ Николаевнѣ, нельз
не признать, что только послѣ этой послѣдней отдѣлки стихотвор
ніе получило вполнѣ легкую и изящную форму. Несомнѣнно и то
что въ этомъ видѣ поэтъ остался доволенъ своимъ пропзведеніем
оно тогда же явилось въ печати въ журналѣ *Галатея* (1829 г., ч. III
и вслѣдъ затѣмъ перешло въ собраніе его стихотвореній (изд. 1829 г.
ч. II). Замѣтимъ кстати, что только въ этомъ изданіи въ піесу бы
внесена послѣдняя поправка: въ стихѣ 4-мъ вмѣсто *модой* читается
«одой».

1) Рукопись Московскаго публичнаго музея, № 2371.

Этотъ замѣчательный примѣръ той художнической заботливости, съ которою Пушкинъ отдѣлывалъ свои, даже мимолетныя, вызванныя случайными обстоятельствами произведенія, придаетъ особенную цѣну разсказу Н. С. Киселева о томъ, какъ Пушкинъ передалъ Елизаветѣ Николаевнѣ посвященные ей стихи: «Когда Пушкинъ принесъ ихъ матушкѣ, они были безъ подписи; на вопросъ матушки: зачѣмъ онъ не подписалъ своего имени: онъ отвѣчалъ, какъ будто оскорбленный этимъ требованіемъ: «Такъ вы находите, что подъ стихами Пушкина нужна подпись? Проститесь съ этимъ листкомъ: онъ недостоинъ чести быть въ вашемъ альбомѣ». И Пушкинъ уже былъ готовъ уничтожить его; тутъ началась борьба, кончившаяся тѣмъ, что драгоцѣнный листокъ остался въ рукахъ матушки, совершенно измятый и съ оторваннымъ угломъ. Пушкинъ былъ побѣжденъ и долженъ былъ подписать свое имя подъ трофеемъ, который матушка еще держала обѣими руками». Дѣйствительно, на этомъ уцѣлѣвшемъ понынѣ, измятомъ и оборваномъ листкѣ стоитъ полная подпись поэта въ томъ видѣ, какъ онъ подписывался на дѣловыхъ бумагахъ, но сдѣлана она имъ не тѣми чернилами и не тѣмъ перомъ, которыми написано самое стихотвореніе.

Разсказанный анекдотъ характеризуетъ степень короткости, которою Пушкинъ пользовался въ домѣ Ушаковыхъ. Понятно поэтому, что уцѣлѣвшій альбомъ Елизаветы Николаевны, бывшій у насъ въ рукахъ, хранитъ многіе слѣды его шалостей. Къ числу ихъ относятся тѣ рисунки, въ которыхъ можно видѣть намеки на расположеніе обладательницы альбома къ С. Д. Киселеву. Своими набросками Пушкинъ какъ бы предсказываетъ ихъ супружество. Онъ нѣсколько разъ рисуетъ профиль Елизаветы Николаевны, и притомъ всегда изображаетъ барышню уже въ чепчикѣ, въ костюмѣ молодой дамы. Одинъ изъ рисунковъ представляетъ ее съ кошкой на рукахъ, и подъ нимъ стоитъ подпись: «Al. Pouch. pinxit. 5 октября 1829». Дважды рисуетъ онъ и самого С. Д. Киселева, въ очкахъ и придавая ему видъ пожилого толстяка. Еще одна картинка изображаетъ Елизавету Николаевну, опять въ чепчикѣ, окруженную котятами и устремляющую свои вооруженные очками глаза на жирнаго кота, тоже въ очкахъ, который сидитъ передъ нею съ поднятою лапкой. Подъ этою картинкой подпись: «Елизавета Миколавна въ день ангела Д.-Жуана». Понятно, кто въ данномъ случаѣ разумѣлся подъ

этимъ именемъ. Дѣло въ томъ, что обладательница прекрасныхъ черныхъ глазъ Елизавета Николаевна была очень близорука и, когда пѣла, должна была надѣвать очки, чтобы видѣть ноты, положенныя на высокомъ пюпитрѣ. Въ такомъ видѣ и нарисовалъ ее Пушкинъ, а передъ нею — помѣстившагося на томъ же пюпитрѣ кота, который дирижируетъ лапкой. Она поетъ одну изъ тѣхъ арій, исполненіемъ которыхъ особенно восхищался С. Д. Киселевъ. По семейному преданію, его любимую арію изъ «Севильскаго Цирюльника» Россини: «Una voce poco fa» она спѣла ему въ первый разъ въ день его ангела. Напоминаніемъ объ этомъ Пушкинъ любилъ поддразнивать Елизавету Николаевну, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда она отказывалась пѣть по его просьбѣ; рисунокъ же, сейчасъ описанный, онъ называлъ: «Будущее семейное счастіе Лизаветы Миколавны». Случалось, что, желая сконфузить ее намекомъ на того, кто ей нравился, Пушкинъ неожиданно принимался мяукать или звать кошку: «кисъ, кисъ, кисъ», какъ бы произнося начальные звуки фамиліи Сергѣя Дмитріевича. Иногда Пушкинъ называлъ Елизавету Николаевну «кисанькой» и, согласно съ такимъ названіемъ, нарисовалъ на одномъ листкѣ альбома кошку, которой придалъ профиль его обладательницы; у ея ногъ лежатъ трупы двухъ крысъ, а вдали побѣдоносно шествуетъ очень маленькаго роста Донъ-Жуанъ, на котораго «кисанька» ласково поглядываетъ.

Въ Киселевскихъ бумагахъ уцѣлѣлъ еще одинъ рисунокъ Пушкина, имѣющій, по свидѣтельству Н. С. Киселева, отношеніе къ тѣмъ же обстоятельствамъ. Рисунокъ сдѣланъ на отдѣльномъ листкѣ, и вотъ по какому случаю: однажды, когда бракъ Елизаветы Николаевны и Сергѣя Дмитріевича уже былъ рѣшенъ и объявленъ, женихъ и невѣста въ присутствіи Пушкина мечтали о своемъ будущемъ житьѣ; этотъ разговоръ навелъ Александра Сергѣевича на мысль набросать картинку слѣдующаго содержанія: внутренность крестьянской избы, отведенной подъ квартиру женатому офицеру; стѣсненные хозяева забрались на полати и оттуда съ любопытствомъ слѣдятъ за хлопотами своихъ постояльцевъ; посреди избы люлька, въ ней ребенокъ, первенецъ вновь поселившейся здѣсь четы; отецъ нѣжно его укачиваетъ, между тѣмъ какъ мать, по видимому, з... нята на сосѣдней лавкѣ неприхотливою стряпней; около матери си... дятъ, поджавъ лапки, нѣсколько котятъ — предзнаменованіе буду... щаго многочисленнаго потомства молодыхъ супруговъ. По преданію

сохранившемуся въ семьѣ Киселевыхъ, кошки были вообще любимымъ произведеніемъ Пушкинскаго карандаша; онъ рисовалъ ихъ всегда и вездѣ — въ альбомѣ знакомой барышни, на случайно подвернувшемся клочкѣ бумаги, на зеленомъ сукнѣ ломбернаго стола, рисовалъ ихъ всегда однимъ и тѣмъ же пріемомъ, въ одномъ и томъ же видѣ, то-есть, свернутыми калачикомъ, — и этими рисунками, въ которыхъ заключался извѣстный намекъ, немало досаждалъ Елизаветѣ Николаевнѣ. За то «Пушкинская кошка» и получила въ ея семействѣ особенное, завѣтное значеніе.

По видимому, въ домѣ Ушаковыхъ, гдѣ, какъ говорилось въ старину, были двѣ дочери на выданьи, никогда не смотрѣли на Пушкина, какъ на подходящаго, желаннаго жениха. Быть можетъ, благодаря именно этому обстоятельству онъ имѣлъ возможность стать въ семействѣ Ушаковыхъ на короткую ногу. Но если онъ не стѣснялся тамъ въ шуткахъ и шалостяхъ, то въ свою очередь молодыя хозяйки нерѣдко обращали на него свое остроуміе. Въ особенности корили его за непостоянство его сердца, и Пушкинъ откровенно винился въ обиліи своихъ сердечныхъ увлеченій: въ альбомѣ Елизаветы Николаевны онъ собственноручно написалъ имена женщинъ, которыми въ теченіе своей жизни, съ ранней юности, онъ увлекался. Точнѣе говоря, мы имѣемъ тутъ не одинъ, а два такихъ списка, которые и помѣщены въ двухъ разныхъ мѣстахъ альбома: между тѣмъ какъ въ одномъ спискѣ находятся женскія имена, большею частію не поддающіяся объясненію, въ другомъ читаются имена женщинъ, хорошо извѣстныхъ по біографіи поэта и дѣйствительно имѣвшихъ въ его жизни большее или меньшее значеніе [1]). Можно догадываться, что въ этомъ послѣднемъ перечнѣ «царицъ его души» подъ именемъ «Екатерины IV» разумѣлась старшая изъ дѣвицъ Ушаковыхъ; но уже самое появленіе ея имени въ ряду другихъ свидѣтельствуетъ, что когда списокъ составлялся, это увлеченіе было пережито, и Пушкинъ могъ признаваться въ немъ шутя, безъ душевнаго волненія.

Есть въ альбомѣ Елизаветы Николаевны Ушаковой рядъ еще другихъ свидѣтельствъ о сердечныхъ увлеченіяхъ Пушкина: это — также рисунки, но не руки Пушкина, а другой, еще менѣе искусной,

1) Оба списка воспроизведены въ «Альбомѣ Московской Пушкинской выставки 1880 года», первый — на лл. 5-мъ и 6-мъ, а второй — на л. 4-мъ.

по крайней мѣрѣ, менѣе твердой[1]), и сопровождаются они надписями, которыя сдѣланы почти всѣ женскимъ почеркомъ, едва ли не Екатерины Николаевны Ушаковой. На одномъ изъ этихъ рисунковъ изображенъ прудъ, на берегу котораго стоитъ нарядная молодая особа и удитъ; на поверхности воды видно нѣсколько мужскихъ головъ; вдали, на берегу, стоитъ молодой человѣкъ въ круглой шляпѣ, съ тростью въ рукѣ. Противъ мужской фигуры написано: «Madame, il est temps de finir», а противъ женской:

Какъ поймаю рыбочку
Я себѣ на удочку,
То-то буду рада,
То-то позабавлюсь,
То-то разгуляюсь!

По объясненію Н. С. Киселева, представленная здѣсь молодая особа есть Анна Алексѣевна Оленина. Въ мужчинѣ, стоящемъ на берегу, слѣдуетъ угадывать Пушкина, хотя изображеніе и не отличается сходствомъ. Барышню съ тѣмъ же профилемъ, какой мы видимъ на сейчасъ описанной картинкѣ, можно узнать и на другомъ рисункѣ: тутъ она протягиваетъ руку молодому человѣку, который ее почтительно цѣлуетъ. Здѣсь мужская фигура, съ лицомъ, обрамленнымъ бакенбардами, уже гораздо болѣе напоминаетъ портреты Пушкина. Къ этой картинкѣ относится слѣдующая подпись:

Прочь, прочь отойди!
Какой безпокойный!
Прочь, прочь! Отвяжись,
Руки недостойный!

Другой молодой особѣ женскаго пола посвящены въ томъ же альбомѣ три наброска. На одномъ она изображена en face съ протянутою рукой, на другомъ — спиной, съ обращенною влѣво головой и тоже съ протянутою правою рукой; къ этой женской рукѣ тянутся съ края листка двѣ мужскія (самой мужской фигуры не нарисовано

1) По сообщеннымъ намъ свѣдѣніямъ, Н. С. Киселевъ и эти рисунки приписывалъ Пушкину; но отличіе въ манерѣ ихъ исполненія отъ рисунковъ, несомнѣнно исполненныхъ Пушкинымъ, не позволяетъ намъ присоединиться къ такому мнѣнію.

за недостаткомъ мѣста): въ лѣвой рукѣ письмо, а правая украшена очень длинными ногтями. Извѣстно, что у Пушкина была привычка носить длинные ногти. На обѣихъ картинкахъ у барышни нарисованы большія ноги, и на второмъ рисункѣ написаны произносимыя ею слова: «Какъ вы жестоки! Мнѣ въ эдакихъ башмакахъ нельзя ходить: они мнѣ слишкомъ узки, жмутъ ноги: мозоли будутъ». Кромѣ этихъ надписей, на обоихъ рисункахъ есть еще по припискѣ, сдѣланной непзвѣстнымъ почеркомъ: на первомъ — «Kars, Kars, и на второмъ — «Карсъ, Карсъ, братъ! Братъ, Карсъ!» Та же особа представлена еще на одной картинкѣ, о чемъ можно заключать по надписи на ней, сдѣланной женскимъ почеркомъ: «О горе мнѣ! Карсъ, Карсъ! Прощай, бѣлъ свѣтъ! Умру!» Здѣсь изображена обращенная спиной женская фигура въ пестромъ платьѣ, съ шляпкой на головѣ и съ вѣеромъ въ рукѣ, на которомъ написано: «Stabat Mater dolorosa». Дополненіемъ къ этимъ тремъ рисункамъ является еще четвертый, изображающій очень отчетливо нарисованное — быть можетъ, Пушкинымъ — лицо пожилой женщины суроваго вида, въ чепцѣ съ подписью (непзвѣстнаго почерка): «Маменька Карса».

Преданіе, сохраненное Н. С. Киселевымъ, даетъ ключъ къ объясненію этихъ рисунковъ: Пушкинъ называлъ Карсомъ Наталью Николаевну Гончарову, которая уже нравилась ему въ то время, но казалась столь же неприступною, какъ знаменитая турецкая крѣпость. Имя «Наталіи» уже внесено въ тотъ списокъ «царицъ его души», о которомъ мы говорили выше, и занимаетъ въ немъ послѣднее, заключительное мѣсто, послѣ «Екатерины IV» и «Анны». «Маменька Карса», какъ извѣстно, долго держала влюбленнаго поэта на искусѣ, и, по свидѣтельству Н. С. Киселева, Пушкинъ намекалъ на это испытаніе, когда въ альбомѣ Елизаветы Николаевны Ушаковой рисовалъ себя облеченнымъ въ монашескую рясу и клобукъ.

Почти двухлѣтній искусъ Пушкина былъ для него временемъ тяжелыхъ волненій и тревогъ, когда онъ буквально не находилъ себѣ мѣста: его видѣли то въ Москвѣ, то на берегахъ Невы, то за Кавказомъ, то въ Тверской или въ Нижегородской губерніи. Въ концѣ 1829 года и въ началѣ слѣдующаго онъ жилъ въ Петербургѣ и отсюда въ январѣ 1830 года написалъ Екатеринѣ Николаевнѣ Ушаковой слѣдующее посланіе:

Отвѣтъ.

Я васъ узналъ, о мой оракулъ,
Не по узорной нестротѣ
Сихъ не дописанныхъ каракуль,
Но по веселой остротѣ,
Но по привѣтствіямъ лукавымъ,
Но по насмѣшливости злой
И по упрекамъ... столь неправымъ
И этой прелести живой.
Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ
Я перечитываю васъ
И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
«Пора! Въ Москву! Въ Москву сейчасъ!»
Здѣсь городъ чопорный, унылой,
Здѣсь рѣчи—ледъ, сердца—гранитъ,
Здѣсь нѣтъ и вѣтрености милой,
Ни музъ, ни Прѣсни, ни харитъ!

Въ первомъ стихотвореніи, посвященномъ тому же лицу въ 1828 году, слышанъ голосъ нѣжнаго чувства, которому поэтъ какъ бы не хочетъ дать разгорѣться; въ только что приведенныхъ стихахъ порывъ сердечнаго увлеченія смѣнился уже привѣтомъ спокойной дружбы. Таковы именно были отношенія Пушкина къ Ушаковымъ въ то время, памятникомъ котораго остается описанный выше альбомъ. Піеса 1827 года была слишкомъ интимнаго характера, и потому понятно, что она осталась не напечатанною въ свое время. «Отвѣтъ» 1830 года уже свободенъ отъ этого оттѣнка задушевности, и Пушкинъ, едва написавъ посланіе, не замедлилъ пустить его въ печать: оно явилось въ третьемъ нумерѣ *Литературной Газеты*, въ январѣ 1830 года. Мы привели его здѣсь, какъ необходимое дополненіе къ изложеннымъ выше объясненіямъ: лицо, къ которому обращено посланіе Пушкина, ничѣмъ нельзя лучше очертить, какъ собственными словами поэта.

Въ половинѣ марта 1830 года Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву и вскорѣ имѣлъ случай видѣться съ Ушаковыми; вслѣдъ затѣмъ онъ писалъ князю Вяземскому: «Киселевъ женится на Лизаветѣ Ушаковой, и Катерина говоритъ, что они счастливы до гадости». Эти

слова составляютъ послѣдній, сколько мы знаемъ, слѣдъ сношеній Пушкина съ семействомъ, въ которомъ онъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ принимаемъ съ привѣтливостью дружбы, и гдѣ, въ непринужденной обстановкѣ, не разъ отводилъ душу отъ тревогъ своей бурной жизни.

Заключимъ нашъ разсказъ о знакомствѣ Пушкина съ семьею Ушаковыхъ еще одною замѣткой Н. С. Киселева:

«Пушкинъ носилъ на лѣвой рукѣ, между плечомъ и локтемъ, золотой браслетъ съ зеленою яшмой съ турецкою надписью. Браслетъ этотъ былъ подаренъ имъ Екатеринѣ Николаевнѣ Ушаковой, которая, выходя за-мужъ за М. Д. Наумова, удовлетворяя ревнивымъ требованіямъ послѣдняго, должна была уничтожить альбомы, исписанные и исчерченные рукой Пушкина, и разстаться съ браслетомъ; золото было обращено въ лорнетъ, а камень былъ отданъ отцу, Н. В. Ушакову, который, по смерти Пушкина, велѣлъ вырѣзать на оборотной сторонѣ камня начальныя буквы *А. П.* и обдѣлать въ перстень. Въ такомъ видѣ, по смерти дѣдушки, попалъ онъ въ руки его любимой ключницы, продавшей его моему отцу. Въ день помолвки сестры моей перстень съ зеленымъ камнемъ былъ подаренъ ея жениху, Николаю Григорьевичу Ребиндеру».

О ПОѢЗДКѢ ПУШКИНА НА КАВКАЗЪ ВЪ 1829 ГОДУ.

Пушкинъ неоднократно выражалъ сожалѣніе о бѣдности нашей біографической и автобіографической литературы; произведеніямъ этого рода онъ всегда придавалъ большое значеніе и самъ неоднократно принимался вести дневникъ и писать свои мемуары. Но къ сожалѣнію, его собственныя записки остались только въ черновыхъ наброскахъ и отрывкахъ, либо совершенно утратились, а нѣкоторыя ихъ части были даже уничтожены самимъ авторомъ. Только дневникъ Кавказской поѣздки 1829 года былъ имъ вполнѣ обработанъ и пущенъ въ печать: «Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года» составляетъ не только прекрасное литературное произведеніе, но и драгоцѣнный матеріалъ для біографіи поэта. Значеніе этого путевого дневника возвышается еще однимъ обстоятельствомъ: при посѣщеніи Кавказскаго края въ 1829 году Пушкинъ встрѣтилъ тамъ нѣсколько старыхъ знакомыхъ и пріобрѣлъ не мало новыхъ: нѣкоторые изъ нихъ записали свои воспоминанія о тогдашнихъ сношеніяхъ своихъ съ нимъ, и ихъ разсказы служатъ полезнымъ дополненіемъ къ тому, что̀ самъ поэтъ сообщилъ о своемъ пребываніи въ Грузіи, въ арміи Паскевича и на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Одинъ изъ такихъ разсказовъ, доселѣ не изданный, представляемъ здѣсь; но предварительно изложимъ нѣсколько замѣчаній о путевыхъ запискахъ самого Пушкина.

I.

«Путешествіе въ Арзрумъ» было напечатано Пушкинымъ лишь въ 1836 году, въ первой книжкѣ предпринятаго имъ *Современника*.

Но еще прежде того, въ 1830 году, отрывокъ изъ этой статьи, подъ заглавіемъ «Военная Грузинская дорога (извлеченіе изъ путевыхъ записокъ А. Пушкина)», былъ помѣщенъ въ *Литературной Газетѣ* барона Дельвига (№ 8). Изданіе этого отрывка чисто описательнаго характера было косвеннымъ отвѣтомъ на воззванія газетъ, которыя, извѣщая о поѣздкѣ Пушкина въ Кавказскую армію, приглашали его воспѣвать подвиги русскихъ войскъ. По справедливому замѣчанію Анненкова, «поэтъ сдѣлалъ наперекоръ ожиданіямъ ихъ. Онъ не терпѣлъ посторонняго вмѣшательства въ дѣло творчества, и обращенія газетъ къ его музѣ производили на него непріятное впечатлѣніе. Онъ никакъ не могъ понять, а еще менѣе допустить права распоряжаться его вдохновеніемъ, назначать предметы для труда и преслѣдовать жизнь его такимъ образомъ до самыхъ тайныхъ его помысловъ и побужденій». Воздерживаясь отъ печатанія стихотвореній, внушенныхъ поѣздкой, и давая только отрывокъ изъ путевого дневника, поэтъ, разумѣется, не удовлетворилъ журналистовъ, — и *Сѣверная Пчела* не замедлила выразить ему свое негодованіе. Въ разборѣ VII-й главы «Евгенія Онѣгина», помѣщенномъ въ № 37 этой газеты за 1830 годъ, было сказано: «Мы думали, что авторъ «Руслана и Людмилы» устремился на Кавказъ, чтобы напитаться высокими чувствами поэзіи, обогатиться новыми впечатлѣніями и въ сладкихъ пѣсняхъ передать потомству великіе подвиги русскихъ современныхъ героевъ. Мы думали, что великія событія на востокѣ, удивившія міръ и стяжавшія Россіи уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, возбудятъ геній нашихъ поэтовъ: мы ошиблись! Лиры знаменитыя остались безмолвными, и въ пустынѣ нашей поэзіи опять явился Онѣгинъ, блѣдный, слабый...» Пушкинъ не забылъ этого упрека и отвѣчалъ на него въ предисловіи къ «Путешествію», написанномъ уже въ 1835 году: «*Искать вдохновенія*», говорилъ тутъ Пушкинъ, — «всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудой. Пріѣхать на войну съ тѣмъ, чтобъ воспѣвать будущіе подвиги, было бы для меня, съ одной стороны, слишкомъ самолюбиво, а съ другой — слишкомъ непристойно. Я не вмѣшиваюсь въ военныя сужденія. Это не мое дѣло». Въ черновомъ проектѣ предисловія отвѣтъ Пушкина изложенъ въ выраженіяхъ еще болѣе рѣзкихъ [1]).

1) *Русская Старина* 1884 г., ноябрь, стр. 373 и 374.

Однако, эта попытка Пушкина установить на «Путешествіе» взглядъ какъ на простой дорожный дневникъ, откровенно и безпритязательно излагающій впечатлѣнія очевидца, но совершенно чуждый задней мысли восхвалять либо порицать видѣнное, не достигла цѣли. Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ *Сѣверная Пчела* стояла рѣшительно во главѣ той литературной партіи, которая избрала Пушкина мишенью для своихъ нападеній. Когда появилась въ свѣтъ первая книжка *Современника* на 1836 годъ, Булгаринъ, въ своей газетѣ № 129), отозвался о дорожномъ дневникѣ Пушкина въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Есть ли что-нибудь... въ «Путешествіи въ Арзрумъ»? Виденъ ли тутъ поэтъ съ пламеннымъ восторгомъ, съ сильною душою? Гдѣ геніальные взгляды, гдѣ дивныя картины, гдѣ пламень? И въ какую пору былъ авторъ въ этой чудной странѣ! Во время знаменитаго похода! Кавказъ, Азія и война! Ужь въ этихъ трехъ словахъ есть поэзія, а «Путешествіе въ Арзрумъ» есть не что иное, какъ холодныя записки, въ которыхъ нѣтъ и слѣда поэзіи. Новаго здѣсь — извѣстія о тифлисскихъ баняхъ; но люди, бывшіе въ Тифлисѣ, говорятъ, что и это не вѣрно».

Пусть бы однако таково было мнѣніе одного критика *Сѣверной Пчелы*. Но «Путешествіе въ Арзрумъ» показалось вещью заурядною даже такому почитателю Пушкина, каковъ былъ Бѣлинскій. Вотъ что̀ писалъ онъ въ статьѣ о первой книжкѣ *Современника*: «Путешествіе въ Арзрумъ» самого издателя есть одна изъ тѣхъ статей, которыя хороши не по своему содержанію, а по имени, которое подъ ними подписано. Въ самомъ дѣлѣ, если есть на свѣтѣ такіе люди, которые за что̀ бы не принялись, все портятъ, которые ничего не умѣютъ порядочно сдѣлать, то есть и такіе, которые ничего не умѣютъ сдѣлать дурно. Статья Пушкина не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что̀ бы вы, прочтя ее, могли пересказать, что̀ бы васъ особенно поразило; но ее нельзя читать безъ увлеченія, нельзя не дочитать до конца, если начнешь читать»[1]).

Окончательная обработка путевого дневника Пушкина относится уже къ 1835 году. Но при помѣщеніи его въ *Современникъ* авторъ не могъ издать его въ совершенной полнотѣ, какъ онъ былъ написанъ; пришлось сдѣлать два значительные пропуска въ I-й главѣ

1) Сочиненія Бѣлинскаго, т. II, стр. 264. Первоначально статья Бѣлинскаго появилась въ *Молвѣ* при *Телескопѣ* 1836 г., т. 32.

и нѣсколько мелкихъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ I-й главѣ были исключены: разсказъ о свиданіи съ Ермоловымъ (этотъ пропускъ былъ сдѣланъ, очевидно, самимъ Пушкинымъ) и разсужденіе о необходимости христіанской проповѣди на Кавказѣ (вышущено по указанію А. Х. Бенкендорфа). Съ такими сокращеніями «Путешествіе» вошло въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина и въ изданіе Анненкова, и лишь нѣсколько лѣтъ спустя по выходѣ послѣдняго указанные отрывки появились въ печати (въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1859 года и въ *Русскомъ Архивѣ* 1863 года). Впослѣдствіи они были включены, вмѣстѣ съ другими, болѣе мелкими дополненіями, въ дальнѣйшія изданія сочиненій Пушкина; наиболѣе согласно съ бѣловымъ автографомъ «Путешествія», сохранившимся въ бумагахъ поэта въ Московскомъ публичномъ музеѣ, текстъ этой статьи воспроизведенъ въ изданіи литературнаго фонда.

Кромѣ указанныхъ пропусковъ, при первомъ изданіи «Путешествія» фамиліи всѣхъ почти лицъ, упоминаемыхъ Пушкинымъ, были означены лишь начальными буквами. Такъ было сдѣлано и въ изданіи Анненкова, но еще онъ высказалъ въ примѣчаніи надежду, что будущіе издатели Пушкина, вѣроятно, раскроютъ эти анонимы. Надежда эта исполнилась до сихъ поръ только отчасти: даже въ изданіи литературнаго фонда разъяснены не всѣ сокращенія въ означеніи фамилій. Восполнить эти пробѣлы можно только при содѣйствіи лицъ, коротко знакомыхъ съ исторіей русскаго владычества на Кавказѣ. Одинъ изъ знатоковъ ея, живущій въ Тифлисѣ, почтенный Е. Г. Вейденбаумъ, любезно доставилъ намъ нѣсколько цѣнныхъ указаній по этому предмету, и мы предлагаемъ ихъ здѣсь, отчасти дополнивъ собственными справками, а также свѣдѣніями, сообщенными намъ П. И. Бартеневымъ со словъ участника кампаніи 1829 года, покойнаго Михаила Владиміровича Юзефовича.

Въ главѣ I-й (т. IV, стр. 420 и 425) лицо, означенное буквою Ш. и въ разговорѣ съ Пушкинымъ упоминавшее объ Иматрѣ, есть финляндецъ Эмилій Карловичъ Шернваль, зять тутъ (и выше на стр. 415) упомянутаго графа Владиміра Алексѣевича Мусина-Пушкина и братъ извѣстной красавицы Авроры Карловны Карамзиной. Въ той же главѣ (стр. 422 и 424) подъ буквою Ч. слѣдуетъ разумѣть маіора Бориса Чиляева, управлявшаго въ 1829 году горскими народами, обитающими близъ Военно-Грузинской дороги. Г. Ог., также упоминаемый въ I-й главѣ (стр. 423), есть командиръ піонерной

роты путей сообщенія подполковникъ Николай Гавриловичъ Огаревъ, впослѣдствіи состоявшій при Паскевичѣ. Во II-й главѣ два лица обозначены буквою С.: одно изъ нихъ, упоминаемое какъ покойникъ (стр. 428), есть Тифлисскій военный губернаторъ, генералъ-адъютантъ Николай Мартьяновичъ Сипягинъ, умершій въ Тифлисѣ 10-го октября 1828 года, а другое, по выраженію Пушкина, «извѣстный гастрономъ» (стр. 429), генералъ-адъютантъ Степанъ Степановичъ Стрекаловъ, преемникъ Сипягина по должности Тифлисскаго губернатора. Въ той же главѣ (стр. 432) говорится о графѣ Николаѣ Александровичѣ Бутурлинѣ, который въ то время былъ адъютантомъ военнаго министра А. И. Чернышева; преданіе приписываетъ Бутурлину сообщеніе въ Петербургъ извѣстія о томъ, что Н. Н. Раевскій оказывалъ покровительство находившимся на Кавказѣ декабристамъ. Въ главахъ III-й и V-й неоднократно рѣчь идетъ, подъ буквою П., о Михаилѣ Ивановичѣ Пущинѣ: это братъ лицейскаго товарища Пушкина, Ив. Ив. Пущина, подобно ему декабристъ. Въ главѣ V-й (стр. 452) вмѣстѣ съ М. И. Пущинымъ поминается еще нѣкто Д.: это Руфинъ Иванович Дороховъ, сынъ партизана 1812 года; онъ былъ извѣстенъ своимъ неукротимымъ и буйнымъ нравомъ, изъ-за котораго имѣлъ нѣсколько дуэлей, нѣсколько столкновеній со своими начальниками и нѣсколько разъ подвергался разжалованію въ рядовые; едва ли не бо́льшую часть своего служебнаго поприща провелъ онъ солдатомъ; онъ былъ убитъ 18-го января 1852 года въ Малой Чечнѣ, во время одного неудачнаго набѣга, при р. Гойтѣ. Въ главахъ IV-й и V-й (стр. 441, 443, 449 и 450) Пушкинъ говоритъ о полковникѣ А., котораго Паскевичъ между прочимъ посылалъ навѣстить женъ Арзрумскаго паши: это — флигель-адъютантъ Романъ Романовичъ Анрепъ, командиръ сводnаго уланскаго полка, умершій въ 1830 году въ чинѣ генералъ-маіора. Наконецъ, въ главѣ V-й (стр. 450) мелькомъ упомянутъ К.: это — графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, въ то время рядовой одного изъ полковъ кавказской арміи; онъ былъ разжалованъ въ нижніе чины за участіе въ дѣлѣ 14-го декабря и умеръ на Кавказѣ въ 1830 году.

Кромѣ этихъ лицъ, еще нѣсколько упоминаются Пушкинымъ въ разныхъ мѣстахъ «Путешествія въ Арзрумъ»; но эти анонимы, впрочемъ уже не многочисленные, остаются пока не раскрытыми.

Однако, и этимъ рядомъ послѣдовательныхъ дополненій и разъясненій еще не вполнѣ исчерпывается исторія текста «Путешествія

въ Арзрумъ» въ печати. Въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1885 года (№ 11) П. К. Мартьяновъ сообщилъ еще одну дотолѣ неизвѣстную «страничку», которую онъ считаетъ принадлежащею къ «Путешествію въ Арзрумъ», и въ которой разсказывается о встрѣчѣ Пушкина съ А. А. Бестужевымъ (Марлинскимъ). Подлинность этой «странички» г. Мартьяновъ признаетъ несомнѣнною. «Копія съ нея», говоритъ онъ,—«снята въ 1835 году поэтомъ (?) Александромъ Дмитріевичемъ Комовскимъ (впослѣдствіи сенаторъ и статсъ-секретарь), когда подлинная рукопись Пушкина, по возвращеніи ея отъ императора Николая, съ его помарками, находилась въ канцеляріи шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа. Отъ Комовскаго она и дошла до насъ».

Нельзя не согласиться, что «страничка», изданная г. Мартьяновымъ, представляетъ интересъ: Пушкинъ питалъ дружескія чувства къ Бестужеву и, безъ сомнѣнія, встрѣтился бы съ нимъ съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ встрѣчался на Кавказѣ съ другими своими старыми знакомыми изъ декабристовъ. Тѣмъ не менѣе, изданіе литературнаго фонда не включило отрывокъ, найденный г. Мартьяновымъ, въ составъ «Путешествія въ Арзрумъ» и въ примѣчаніи къ этой статьѣ объяснило, что не извѣстно, куда именно слѣдуетъ помѣстить его.

По словамъ г. Мартьянова, встрѣча двухъ друзей произошла въ то время, когда Пушкинъ еще только направлялся въ армію Паскевича: «Проѣхавъ Тифлисъ и углубившись, слѣдуя направленію военной дороги, въ горы, онъ встрѣтилъ тамъ совершенно неожиданно Александра Александровича Бестужева». Изъ III-й главы «Путешествія въ Арзрумъ» видно, что Пушкинъ пріѣхалъ изъ Тифлиса въ лагерь Паскевича при Инжа-су 13-го іюня; слѣдовательно, съ Бестужевымъ онъ долженъ былъ бы встрѣтиться за нѣсколько дней передъ тѣмъ, то-есть, въ первыхъ числахъ того же мѣсяца. Между тѣмъ, изъ письма Бестужева къ матери, отъ 15-го августа 1829 года [1]), оказывается, что въ іюнѣ этого года онъ еще не былъ на Кавказѣ, а проживалъ въ Иркутскѣ, озабоченный хлопотами о своемъ переводѣ въ Кавказскую дѣйствующую армію.

Указанія на столь грубое хронологическое разногласіе было бы совершенно достаточно, чтобъ отвергнуть всякую вѣроятность

1) *Русскій Вѣстникъ* 1870 г., № 6, стр. 495.

встрѣчи, а слѣдовательно, и подлинность разсказа о ней. Но предположимъ нѣкоторое недоразумѣніе со стороны г. Мартьянова и допустимъ, что онъ ошибся только тѣмъ, что пріурочилъ загадочное свиданіе къ первому времени пребыванія Пушкина на Кавказѣ. Допустить это вполнѣ возможно, ибо дѣйствительно Бестужевъ приѣхалъ былъ на Кавказъ прежде, чѣмъ Пушкинъ успѣлъ покинуть его. Переѣздъ свой изъ Иркутска до границъ Кавказа Бестужевъ совершилъ съ удивительною быстротой: изъ вышеупомянутаго письма его къ матери обнаруживается, что 4-го іюля Бестужевъ оставилъ Иркутскъ, а 3-го августа прибылъ уже въ Екатеринодаръ, гдѣ въ то время начиналась Военно-Грузинская дорога. Между тѣмъ Пушкинъ уже находился въ это время на обратномъ пути изъ арміи. 1-го августа онъ возвратился въ Тифлисъ, 6-го выѣхалъ оттуда на сѣверъ и 10-го достигъ Владикавказа. Если предположить, что Бестужевъ выѣхалъ изъ Екатеринограда безотлагательно, то-есть, въ самый день прибытія туда—3-го августа, и что затѣмъ по Военно-Грузинской дорогѣ онъ слѣдовалъ съ быстротой своего прежняго путешествія, то въ Тифлисъ онъ могъ явиться 7-го или 8-го августа. Такимъ образомъ, встрѣчу друзей можно предполагать лишь на Военно-Грузинской дорогѣ, а время ея—около 7-го или 8-го числа.

Но состоялась ли эта встрѣча на самомъ дѣлѣ? Категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ слѣдующихъ словахъ Бестужева въ письмѣ его къ Н. А. Полевому, отъ 9-го марта 1833 года: «Давно ли, часто ли вы съ Пушкинымъ? Мнѣ онъ очень любопытенъ: я не сержусь на него именно потому, что его люблю. Скажите, что нѣтъ судьбы! Я сломя голову скакалъ по утесамъ Кавказа, встрѣтя его повозку: мнѣ сказали, что онъ у Бориса Чиляева, моего стараго однокашника; спѣшу, пріѣзжаю—гдѣ онъ?... Сейчасъ лишь уѣхалъ, и какъ нарочно, ему дали провожатаго по новой околесной дорогѣ, такъ что онъ со мной и не встрѣтился!... Я рвалъ на себѣ волосы съ досады,—сколько вещей я бы ему высказалъ, сколько узналъ бы отъ него, и случай развелъ насъ на долгіе, можетъ быть на безконечные годы!» [1])

Итакъ, Пушкинъ и Бестужевъ дѣйствительно проѣзжали по Военно-Грузинской дорогѣ одновременно, но тѣмъ не менѣе свиданія между ними не произошло. Слѣдовательно, и пресловутая «стр

1) *Русскій Вѣстникъ* 1861 г., № 4, стр. 436.

ничка», отысканная г. Мартьяновымъ, и въ которой онъ «узналъ перо» Пушкина, есть не болѣе какъ вымыселъ, поддѣлка, совершенная чьею-то чужою рукой. О включеніи этой «странички» въ путевой дневникъ Пушкина не должно быть и рѣчи.

II.

Изъ всѣхъ лицъ, оставившихъ воспоминанія о своихъ встрѣчахъ съ Пушкинымъ на Кавказѣ въ 1829 году, первое мѣсто принадлежитъ, безъ сомнѣнія, Михаилу Ивановичу Пущину. Между тѣмъ какъ М. В. Юзефовичъ лишь впервые познакомился съ поэтомъ «на боевыхъ поляхъ Малой Азіи» [1]), а Н. Б. Потокскій хотя и видѣлъ его прежде, въ 1824 году, но ни тогда, ни позже не былъ съ нимъ сколько-нибудь близокъ [2]), — М. И. Пущинъ еще въ Петербургѣ, до 1820 года, принадлежалъ къ тому же кругу, въ которомъ Пушкинъ вращался по преимуществу.

М. И. Пущинъ воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1816 году былъ выпущенъ въ офицеры, а въ 1824 году уже командовалъ гвардейскимъ конно-піонернымъ эскадрономъ въ чинѣ капитана. Замѣшанный въ дѣло 14-го декабря, онъ былъ разжалованъ въ рядовые и сосланъ въ Сибирь, но вскорѣ переведенъ на Кавказъ, такъ что могъ принять участіе въ Персидской и Турецкой кампаніяхъ 1827—1829 годовъ подъ начальствомъ Паскевича. Объ этомъ періодѣ жизни Пущина сохранился его собственный разсказъ или, точнѣе сказать, извлеченіе изъ его записокъ, составленное баономъ А. Е. Розеномъ [3]). Изъ этого разсказа видно, что Пущинъ ользовался большимъ вниманіемъ и даже довѣріемъ Паскевича; акія отношенія ихъ подтверждаются и свидѣтельствомъ другихъ ицъ: о дѣятельности Пущина въ 1828 и 1829 годахъ неоднократно оминается въ «Исторіи военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи», писанной генераломъ Ушаковымъ подъ руководствомъ самого Па-

1) *Русскій Архивъ* 1880 г., ч. III, стр. 430—446: «Памяти Пушкина».
2) *Русская Старина* 1880 г., т. XXVIII, стр. 575—584: «Встрѣчи съ А. С. ушкинымъ въ 1824 и 1829 годахъ». Слѣдуетъ замѣтить, что воспоминанія Потокскаго содержатъ въ себѣ нѣсколько свѣдѣній, требующихъ подтвержденія, напримѣръ, объ «открытой ссорѣ» между Пушкинымъ и Паскевичемъ.
3) *Русская Старина* 1884 г., т. XLI, стр. 303—338: «Декабристы на Кавказѣ».

скевича, а о характерѣ этой дѣятельности говоритъ декабристъ А.
Гангебловъ въ своихъ запискахъ. «Болѣе всѣхъ»—сказано тамъ—
былъ на виду Михаилъ Ивановичъ Пущинъ, бывшій командир
лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона. Съ самаго поступленія в
отрядъ, еще въ Персіи, онъ оставленъ былъ при штабѣ. Паскевич
далъ полный просторъ дѣятельности и энергіи Пущина. Въ свое
солдатской шинели, Пущинъ распоряжался въ отрядѣ, какъ у себ
дома, переводя офицеровъ и генераловъ съ ихъ частями войскъ о
мѣста на мѣсто по своему усмотрѣнію; онъ руководилъ и мелкими
и крупными работами, отъ вязанія фашинъ и туровъ, отъ работ
киркой и лопатой до устройства переправъ и мостовъ, до трасиров
и возведенія укрѣпленій, до веденія апрошей, и кромѣ того, испо
нялъ множество важныхъ порученій. Онъ же, въ той же солдатск
шинели, присутствовалъ на военныхъ совѣтахъ у главнокоманд
ющаго, гдѣ его мнѣнія почти всегда одерживали верхъ (о чемъ м
извѣстно было чрезъ Вальховскаго и Ушакова). Этотъ человѣ
какъ бы имѣлъ даръ одновременно являться въ разныхъ мѣстах
Штурмъ Ахалцыха (15-го августа 1828 года) положилъ конецъ
дѣятельности: тамъ (какъ и на другихъ штурмахъ — впереди шту
мовой колонны) Пущинъ былъ раненъ пулею въ грудь на вылетъ
Въ этой характеристикѣ есть впрочемъ неточности: Пущинъ, х
и не совсѣмъ исцѣлившійся послѣ раны, участвовалъ въ кампан
1829 года съ прежнимъ успѣхомъ; поэтому-то онъ и могъ встрѣтит
съ Пушкинымъ въ лагерѣ Паскевича. Еще по окончаніи Персидск
кампаніи Пущинъ былъ произведенъ въ прапорщики, а по окончан
второй Турецкой—въ поручики. Въ 1831 году онъ оставилъ К
казъ и военную службу; впослѣдствіи онъ находился въ служ
гражданской, но въ 1865 году переименованъ въ генералъ-маіо
и умеръ комендантомъ Бобруйской крѣпости 25-го мая 1869 го
М. И. Пущинъ былъ женатъ на Маріѣ Яковлевнѣ Подколзиной.

Въ вышеупомянутомъ извлеченіи изъ записокъ М. И. Пущ
можно найти нѣсколько извѣстій о пребываніи Пушкина въ пох
1829 года; но гораздо болѣе подробно Пущинъ описалъ свои
гдашнія сношенія съ Пушкинымъ въ особой запискѣ, которая сох
нилась въ бумагахъ П. В. Анненкова. Записка эта была доставл
ему въ 1857 году чрезъ посредство графа Л. Н. Толстого, изъ пис

1) Воспоминанія декабриста А. С. Гангеблова, стр. 199 и 200.

котораго позволяемъ себѣ привести нѣсколько строкъ: «Посылаю вамъ, дорогой Павелъ Васильевичъ, записку Пущина, съ которымъ мы живемъ вмѣстѣ въ Clarens, canton de Vaud. Записка презабавная, но разсказы его изустные — прелесть. Вообще это видно была безалаберная эпоха Пушкина. Пущинъ этотъ — прелестный и добродушный человѣкъ. Они съ женой здѣсь трогательно милы, и я ужасно радъ ихъ сосѣдству».

Печатаемъ записку Пущина безъ всякихъ сокращеній. Лишь въ концѣ выпущено нѣсколько стиховъ Пушкина, неудобныхъ къ печати.

Встрѣча съ А. С. Пушкинымъ за Кавказомъ.

Въ 1829 году, въ маѣ мѣсяцѣ, дождавшись главнокомандующаго на границѣ въ крѣпости Цалкѣ, съ нимъ я отправился въ Карсъ, откуда сдѣлано было нами движеніе къ Ардагану,—гдѣ, отдѣливъ отъ себя Муравьева на подкрѣпленіе Бурцова подъ Ахалцыхомъ, мы съ главнокомандующимъ возвратились въ Карсъ; Бурцовъ же, подкрѣпленный Муравьевымъ, не замедлилъ разбить турецкаго пашу, желавшаго отнять у насъ Ахалцыхъ, и прибылъ къ намъ въ Карсъ, подкрѣпивши Бебутова гарнизонъ въ Ахалцыхѣ. По собраніи всего отряда въ Карсѣ мы присоединились къ Паскратьеву, который выдвинутъ былъ на Арзерумскую дорогу. Тутъ, не смотря на всѣ убѣжденія двигаться впередъ, Паскевичъ откладывалъ движеніе со дня на день, боясь Гагки-паши, расположеннаго влѣво отъ насъ, въ урочищѣ Дели-муса-фурни, чтобы при движеніи впередъ не имѣть его въ тылу нашемъ.

Во время этого бездѣйствія я, который занимался развѣдываніемъ о непріятелѣ и составлялъ карты движенія къ Арзеруму, по обязанности своей долженъ былъ дѣлать рекогносцировки и каждую ночь ихъ удачно дѣлалъ съ партіей линейныхъ казаковъ, чаще всего съ Гребенскими. Однажды, уже въ іюнѣ мѣсяцѣ, возвращаясь изъ разъѣзда, на этотъ разъ очень удачнаго, до самаго лагернаго расположенія турокъ на высотѣ Мелидюза, которое въ подробности имѣлъ возможность разсмотрѣть, — я сошелъ съ лошади прямо въ палатку Николая Раевскаго, чтобы перваго его порадовать скорою неминуемою встрѣчею съ непріятелемъ, встрѣчею, которой всѣ въ

отрядѣ съ петерпѣніемъ ожидали. Не могу описать моего удивленія и радости, когда тутъ А. С. Пушкинъ бросился меня цѣловать, и первый его вопросъ былъ: «Ну, скажи, Пущинъ: гдѣ турки, и увижу ли я ихъ; я говорю о тѣхъ туркахъ, которые бросаются съ крикомъ и оружіемъ въ рукахъ. Дай пожалуйста мнѣ видѣть то, за чѣмъ сюда съ такими препятствіями пріѣхалъ!» «Могу тебя порадовать: турки не замедлятъ представиться тебѣ на смотръ; полагаю даже, что они сегодня вызовутъ насъ изъ нашего бездѣйствія; если же они не атакуютъ насъ, то я съ Бурцовымъ завтра непремѣнно постараюсь заставить ихъ бросить свою позицію, съ фронта неприступную, движеніемъ обходнымъ, планъ котораго отсюда же понесу къ Паскевичу, когда онъ проснется».

Живые разговоры съ Пушкинымъ, Раевскимъ и Сакеномъ (начальникомъ штаба, вошедшимъ въ палатку, когда узналъ, что я возвратился), за стаканами чая, приготовили насъ встрѣтить турокъ грудью. Пушкинъ радовался какъ ребенокъ тому ощущенію, которое его ожидаетъ. Я просилъ его не отдѣляться отъ меня при встрѣчѣ съ непріятелемъ, обѣщалъ ему быть тамъ, гдѣ болѣе опасности, между тѣмъ какъ не желалъ бы его видѣть ни раненымъ, ни убитымъ. Раевскій не хотѣлъ его отпускать отъ себя, а самъ на этотъ разъ, по своему высокому положенію, хотѣлъ держать себя какъ можно дальше отъ выстрѣла турецкаго, особенно же отъ ихъ сабли или курдинской пики,—Пушкину же мое предложеніе болѣе улыбалось. Въ это время вошелъ Семичевъ (маіоръ Нижегородскаго драгунскаго полка, сосланный на Кавказъ изъ Ахтырскаго гусарскаго полка) и предложилъ Пушкину находиться при немъ, когда онъ выѣдетъ впередъ съ фланкерами полка. На чемъ Пушкинъ остановился—не знаю, потому что меня позвали къ главнокомандующему, который вслѣдствіе моихъ донесеній послалъ подкрѣпить аванпосты, приказавъ соблюдать величайшую бдительность; всему отряду приказано было готовиться къ дѣйствію.

По сказанному какъ по писанному. Еще мы не кончили обѣда у Раевскаго съ Пушкинымъ, его братомъ Львомъ и Семичевымъ, какъ пришли сказать, что непріятель показался у аванпостовъ. Всѣ мы бросились къ лошадямъ, съ утра осѣдланнымъ. Не успѣлъ я выѣхать, какъ уже попалъ въ схватку казаковъ съ наѣздниками турецкими, и тутъ же встрѣчаю Семичева, который спрашиваетъ меня: не видалъ ли я Пушкина? Вмѣстѣ съ нимъ мы поскакали его искать

и нашли отдѣлившагося отъ фланкирующихъ драгунъ и скачущаго, съ саблею на-голо̀, противъ турокъ, на него летящихъ. Приближеніе наше, а за нами уланъ съ Юзефовичемъ, скакавшимъ насъ выручать, заставило турокъ въ этомъ пунктѣ удалиться, — и Пушкину не удалось попробовать своей сабли надъ турецкою башкой, и онъ, хотя съ неудовольствіемъ, но насъ болѣе не покидалъ, тѣмъ болѣе, что нападеніе турокъ со всѣхъ сторонъ было отражено, и кавалерія наша, преслѣдовавъ ихъ до самого укрѣпленнаго ихъ лагеря, возвратилась на прежнюю позицію до наступленія ночи.

Быстрое отраженіе Гагки-паши, съ незначительною потерею нѣсколькихъ казаковъ убитыхъ и раненыхъ, вывело главнокомандующаго изъ бездѣйствія, всѣхъ сердившаго. Мы стали подвигаться впередъ, но съ большою осторожностію. Черезъ нѣсколько дней, въ ночномъ своемъ разъѣздѣ, я наткнулся на все войско сераскира, выступившее изъ Гассанъ-Кале намъ на встрѣчу. По сообщеніи извѣстія объ этомъ Пушкину, въ немъ разыгралась африканская кровь, и онъ сталъ прыгать и бить въ ладоши, говоря, что на этотъ разъ онъ непремѣнно схватится съ туркомъ; но схватиться опять ему не удалось, потому что онъ не могъ изъ вѣжливости оставить Паскевича, который не хотѣлъ его отпускать отъ себя не только во время сраженія, но на привалахъ, въ лагерѣ, и вообще всегда, на всѣхъ гéros и въ свободное отъ занятій время, за нимъ посылалъ и порядочно — по словамъ Пушкина — ему надоѣлъ. Правду сказать, со всѣмъ желаніемъ Пушкина убить или побить турка, ему уже на то не было возможности, потому что непріятель уже болѣе насъ не атаковалъ, а вездѣ, до самой сдачи Арзерума, безъ оглядки бѣжалъ, и всѣ сраженія, громкія въ реляціяхъ, были только преслѣдованія непріятеля, который бросалъ на дорогѣ орудія, обозы, лагери и отсталыхъ своихъ людей. Всегда, когда мы сходились съ Пушкинымъ у меня или Раевскаго, онъ бѣсился на турокъ, которые не хотятъ принимать столь желаннаго имъ сраженія, — я же напротивъ радовался тому, что могъ чаще ѣхать въ коляскѣ и отдыхать, потому что дѣлалъ походъ 1829 года еще съ не залѣченною раной въ грудь, полученною въ 1828 году на штурмѣ Ахалцыха, и всякая усиленная верховая ѣзда чрезвычайно мнѣ вредила.

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ занятія Арзерума, имѣвъ обѣщаніе Паскевича, по занятіи его, меня отпустить къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Терпѣніе мое не истощилось: 27-го іюня занятъ

Арзерумъ. Но мнѣ еще оставалось на нѣсколько дней работы: по порученію главнокомандующаго долженъ былъ составить проектъ укрѣпленія города на случай нападенія турокъ. Проектъ составить было легко, потому что нападенія со стороны турокъ никакъ нельзя было ожидать; армія ихъ такъ вся разбрелась, что никакая человѣческая воля не могла ее собрать.

Въ первыхъ числахъ іюля я выѣхалъ изъ Арзерума съ порученіемъ отъ главнокомандующаго проводить плѣнныхъ пашей до Тифлиса: порученіе непріятное, которое задержало меня въ дорогѣ и въ карантинѣ болѣе, чѣмъ я желалъ. Въ Тифлисъ я прибылъ съ пашами въ концѣ іюля. Тамъ ко мнѣ, для слѣдованія въ Пятигорскъ къ водамъ, присоединился Дороховъ, съ которымъ я впередъ условился ѣхать вмѣстѣ въ моей коляскѣ до первой драки съ кѣмъ бы то ни было.

Изъ Тифлиса выѣхали мы вдвоемъ съ Дороховымъ; но его денщикъ и мой человѣкъ, вмѣстѣ и поваръ, остались въ Тифлисѣ закупать провизію на дорогу черезъ горы. Въ Душетѣ они должны были догнать, а мы ихъ ожидать. Люди наши замѣшкались и прибыли съ провизіей и вьюками Дорохова довольно поздно вечеромъ. Дороховъ, котораго желчь уже давно разыгрывалась, началъ тузить своего денщика; тотъ сложилъ вину промедленія на повара моего Степана, который въ несовершенно трезвомъ видѣ ему что-то грубо отвѣчалъ. Увидавъ это, я приказалъ денщику своему Кирилову запрягать лошадей и объявилъ Дорохову, что такъ какъ условіе нарушено и не желая другой разъ быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, я его оставляю и предпочитаю ѣхать одинъ, чтобъ оборонить отъ побоевъ людей моихъ и его не вводить въ искушеніе. Дороховъ давалъ мнѣ новыя клятвенныя обѣщанія вести себя прилично, только чтобы я позволилъ ему вмѣстѣ со мною ѣхать, но я остался непреклоненъ: сѣлъ въ коляску, весьма скоро запряженную четверкою лошадей, отдохнувшихъ въ теченіе цѣлаго дня, и пустился по ночи впередъ по дорогѣ ко Владикавказу.

Во Владикавказѣ пришлось мнѣ ожидать нѣсколько дней оказіи. На канунѣ того дня, какъ я долженъ былъ выѣхать вмѣстѣ съ отрядомъ, при орудіи, назначенномъ конвоировать собравшихся со мной путешественниковъ и обозы, неожиданно прибѣгаетъ ко мнѣ Пушкинъ, объявляя, что онъ меня догонялъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать на воды. Понятно, какъ я обрадовался такому товарищу. Послѣ пер-

выхъ распросовъ другъ у друга Пушкинъ мнѣ объявляетъ, что у него есть до меня просьба, и впередъ проситъ не отказать въ исполненіи ея. Конечно, я порадовался чѣмъ-нибудь служить ему. Дѣло состояло въ томъ, чтобы я позволилъ Дорохову ѣхать вмѣстѣ съ нами, что Дороховъ проситъ у меня прощенья и позволяетъ мнѣ прибить себя, если онъ кого-нибудь при мнѣ ударитъ. Долго я не хотѣлъ на это согласиться, увѣряя Пушкина, что Дороховъ по натурѣ своей не можетъ не драться. Пушкинъ все свое краснорѣчіе употреблялъ, чтобы меня уговорить согласиться на его просьбу, находя тьму граціи въ Дороховѣ и много прелести въ его товариществѣ. Въ этомъ я былъ совершенно съ нимъ согласенъ и наконецъ согласился на убѣдительную его просьбу принять Дорохова въ наше товарищество. Пушкинъ побѣжалъ за Дороховымъ и привелъ его ко мнѣ съ повинною вытянутою фигурою, до того комическою, что мы съ Пушкинымъ расхохотались, и я Дорохову на мировую протянулъ руку, но только позволилъ себѣ сдѣлать съ обоими новый уговоръ — во все время нашего слѣдованія въ товариществѣ до водъ въ карты между собою не играть. Скрѣпя сердце, оба дали мнѣ въ этомъ честное слово. Пушкинъ приказалъ притащить ко мнѣ свои и Дорохова вещи, и между прочимъ, ящикъ отличнаго рейнвейна, который ему Раевскій далъ на дорогу. Мы тутъ же роспили нѣсколько бутылокъ.

Все прекрасно обошлось во время медленнаго нашего слѣдованія отъ Владикавказа до Екатериноградa и оттуда до Горячеводска или Пятигорска. Ѣхали мы втроемъ въ коляскѣ; иногда Пушкинъ садился на казачью лошадь и ускакивалъ отъ отряда, отыскивая приключеній или встрѣчи съ горцами, встрѣтивъ которыхъ намѣревался, ускакивая отъ нихъ, навести ихъ на нашъ конвой и орудіе; но ни приключеній, ни горцевъ во всю дорогу онъ не нашелъ. Тяжело было обоимъ во время приваловъ и ночлеговъ: одинъ не смѣлъ бить своего денщика, а другой не смѣлъ запкнуться о картахъ, пытаясь однако у меня нѣсколько разъ о сложеніи тягостнаго для него уговора. Одинъ рейнвейнъ услаждалъ общую нашу скуку, и въ ящикѣ немного его осталось, когда четверка лошадей уже не шагомъ, а рысью повезла насъ изъ Екатериноградa въ Пятигорскъ.

Въ Пятигорскѣ я не намѣренъ былъ оставаться; для раны моей мнѣ надлежало ѣхать прямо въ Кисловодскъ. Пріѣхавши въ Пятигорскъ, я собрался сейчасъ же все осмотрѣть и приглашалъ съ собою

Пушкина; но онъ отказался, говоря, что знаетъ тутъ все, какъ свои пальцы, что очень усталъ и желаетъ отдохнуть. Это уже было въ началѣ августа; мнѣ нужно было спѣшить къ Нарзану, и потому я объявилъ Пушкину, что на другой же день намѣренъ туда ѣхать, и если онъ со мной не поѣдетъ, то когда мнѣ его ожидать? «Могу тебѣ только то сказать, что не замедлю здѣсь лишняго дня; только завтра съ тобою ѣхать не въ состояніи: хочу здѣсь день-другой отдохнуть».

Получивши этотъ отвѣтъ Пушкина, я пошелъ осматривать источники, гулянья и городъ, что̀ заняло меня на нѣсколько часовъ. Возвращаясь домой послѣ заката солнца къ вечернему чаю, нахожу Пушкина, играющаго въ банкъ съ Дороховымъ и офицеромъ Павловскаго полка Астафьевымъ. «La glace est rompue», говоритъ мнѣ Пушкинъ;—«довольно мы терпѣли, связанные словомъ, но вѣдь слово дано было до водъ; на водахъ мы выходимъ изъ-подъ твоей опеки, и потому не хочешь ли поставить карточку? Вотъ господинъ Астафьевъ мечетъ отвѣтный». «Ты совершенно правъ, Пушкинъ. Слово было дано — не играть между собою до водъ; ты сдержалъ слово благородно, и мнѣ остается только удивляться твоему милому и покладливому характеру». Пушкинъ въ этотъ вечеръ выигралъ нѣсколько червонцевъ; Дороховъ пропгралъ, кажется, болѣе, чѣмъ желалъ пропграть; Астафьевъ и Пушкинъ кончили игру въ веселомъ расположеніи духа, а Дороховъ отошелъ угрюмый отъ стола.

Когда Астафьевъ ушелъ, я просилъ Пушкина разсказать мнѣ, какъ случилось, что, не будучи никогда знакомъ съ Астафьевымъ, я нашелъ его у себя съ нимъ играющаго. «Очень просто», отвѣчалъ Пушкинъ; — «мы, какъ ты ушелъ, послали за картами и начали играть съ Дороховымъ; Астафьевъ, проходя мимо, зашелъ познакомиться; мы ему предложили поставить карточку, и оказалось, что онъ — добрый малый и любитъ въ карты попграть». «Какъ бы я желалъ, Пушкинъ, чтобы ты скорѣй пріѣхалъ въ Кисловодскъ и далъ мнѣ обѣщаніе съ Астафьевымъ въ карты не играть». «Нѣтъ, братъ, дудки! Обѣщанія не даю, Астафьева не боюсь и въ Кисловодскъ пріѣду скорѣй, чѣмъ ты думаешь». Но на повѣрку вышло не такъ: болѣе недѣли Пушкинъ и Дороховъ не являлись въ Кисловодскъ, наконецъ пріѣхали вмѣстѣ, оба продувшіеся до конѣйки. Пушкинъ пропгралъ тысячу червонцевъ, взятыхъ имъ на дорогу у Раевскаго. Пріѣхалъ ко мнѣ съ твердымъ намѣреніемъ вести жизнь

правильную и много заниматься; приказалъ моему Кирилову приводить ему по утрамъ одну изъ лошадей моихъ и ѣздилъ кататься верхомъ (лошади мои паслись въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кисловодска). Мнѣ странна показалась эта новая прихоть; но скоро узналъ я, что въ Солдатской слободкѣ около Кисловодска поселился Астафьевъ, и Пушкинъ всякое утро къ нему заѣзжалъ. Ожидая, что̀ изъ этого выйдетъ, я скрывалъ отъ Пушкина мои розысканія о немъ. Однажды, возвратившись съ прогулки, онъ высыпалъ при мнѣ нѣсколько червонцевъ на столъ. «Откуда, Пушкинъ, такое богатство?» «Долженъ тебя признаться, что я всякое утро заѣзжаю къ Астафьеву и довольствуюсь каждый разъ выигрышемъ у него нѣсколькихъ червонцевъ. Я его мелкимъ огнемъ бью, и вотъ сколько ужь вытащилъ у него моихъ денегъ». Всего было имъ напграно червонцевъ двадцать. Долго бы пришлось Пушкину отыгрывать свои тысячу червонцевъ, еслибъ Астафьевъ не разсудилъ скоро оставить Кисловодскъ.

Не смотря на намѣреніе свое много заниматься, Пушкинъ, живя со мною, мало чѣмъ занимался. Вообще мы вели жизнь разгульную, часто обѣдали у Шереметева, Петра Васильевича, жившаго съ нами въ домѣ Реброва. Шереметевъ кормилъ насъ отлично и къ обѣду своему собиралъ всегда довольно большое общество. Разумѣется, послѣ обѣда

....въ ненастные дни
Занимались они
Дѣломъ:
И приписывали,
И отписывали
Мѣломъ.

Тутъ явилась замѣчательная личность, которая очень была привлекательна для Пушкина, сарапульскій городничій Дуровъ, братъ той Дуровой, которая служила въ какомъ-то гусарскомъ полку во время 1812 года, получила георгіевскій крестъ и послѣ не оставляла мужского платья, въ которомъ по наружности ея, рябой и мужественной, никто не могъ ее принять за дѣвицу. Цинизмъ Дурова восхищалъ и удивлялъ Пушкина; забота его была постоянная заставлять Дурова что-нибудь разсказывать изъ своихъ приключеній, которыя заставляли Пушкина хохотать отъ души; съ утра онъ отыскивалъ Дурова и поздно вечеромъ разставался съ нимъ.

Приближалось время отъѣзда; онъ условился съ нимъ ѣхать до Москвы; но ни у того, ни у другаго не было денегъ на дорогу. Я снабдилъ ими Пушкина на путевыя издержки; Дуровъ пріютился къ нему. Изъ Новочеркаска Пушкинъ мнѣ писалъ, что Дуровъ оказался chevalier d'industrie, выигралъ у него пять тысячъ рублей, которые Пушкинъ досталъ у наказного атамана, и заплативши Дурову, въ Новочеркасскѣ съ нимъ разъѣхался, поскакалъ одинъ въ Москву и, вѣроятно, съ Дуровымъ никогда болѣе не встрѣтится.

Въ память нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ со мною на водахъ, Пушкинъ написалъ стихи на виньеткахъ изъ «Евгенія Онѣгина» въ бывшемъ у меня «Невскомъ Альманахѣ». Альманахъ этотъ не сохранился, но сохранились въ памяти нѣкоторые стихи, карандашемъ имъ написанные. Вотъ они:

Вотъ, перешедши мостъ Кокушкинъ,
Опершись ...ой о гранитъ,
Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
Съ monsieur Онѣгинымъ стоитъ.
Не удостоивая взглядомъ
Твердыню власти роковой,
Онъ къ крѣпости сталъ гордо задомъ...
Не плюй въ колодезь, милый мой!

На виньеткѣ представлена была набережная Невы съ видомъ на крѣпость и Пушкинъ, стоящій опершись о гранитъ и разговаривающій съ Онѣгинымъ. Другая надпись, которую могу припомнить, была сдѣлана къ виньеткѣ, представляющей Татьяну въ рубашкѣ, спущенной съ одного плеча, читающую записку при лунѣ, свѣтящей въ раскрытое окно, и состояла изъ двѣнадцати стиховъ, изъ которыхъ первыхъ четырехъ не могу припомнить....

Записка М. И. Пущина дѣйствительно составляетъ прекрасный комментарій къ «Путешествію въ Арзрумъ»: ея содержаніе обнимаетъ собою почти все время пребыванія Пушкина на Кавказѣ, или по крайней мѣрѣ, періодъ съ момента его появленія въ лагерѣ Паскевича (13-го іюня) до отъѣзда поэта съ минеральныхъ водъ въ исходѣ сентября 1829 года. Эта послѣдняя часть кавказской экскурсіи Пушкина только и извѣстна, что изъ записки Пущина. Нѣкоторые изъ

его разсказовъ находятъ себѣ подтвержденіе въ другихъ источникахъ. Такъ, о внезапномъ появленіи Пушкина на аванпостахъ во время перестрѣлки съ турками 14-го іюня упомянуто вскользь въ «Путешествіи въ Арзрумъ» и болѣе подробно въ сочиненіи генерала Ушакова. «Перестрѣлка 14-го іюня 1829 года»—говорится здѣсь—«замѣчательна потому, что въ ней участвовалъ славный поэтъ нашъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Онъ прибылъ къ нашему корпусу въ день выступленія на Саганлугъ и былъ обласканъ графомъ Эриванскимъ. Когда войска, совершивъ трудный переходъ, отдыхали въ долинѣ Инжа-су, непріятель внезапно атаковалъ передовую цѣпь нашу, находившуюся подъ начальствомъ подполковника Басова. Поэтъ, въ первый разъ услышавъ около себя столь близкіе звуки войны, не могъ не уступить чувству энтузіазма. Въ поэтическомъ порывѣ онъ тотчасъ выскочилъ изъ ставки, сѣлъ на лошадь и мгновенно очутился на аванпостахъ. Опытный маіоръ Семичевъ, посланный генераломъ Раевскимъ вслѣдъ за поэтомъ, едва настигнулъ его и вывелъ насильно изъ передовой цѣпи казаковъ въ ту минуту, когда Пушкинъ, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схвативъ пику послѣ одного изъ убитыхъ казаковъ, устремился противу непріятельскихъ всадниковъ. Можно повѣрить, что донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидѣвъ предъ собою незнакомаго героя въ круглой шляпѣ и въ буркѣ. Это былъ первый и послѣдній военный дебютъ любимца музъ на Кавказѣ» [1]). Едва ли не слѣдуетъ отдать преимущество предъ этимъ повѣствованіемъ простому разсказу Пущина: послѣдній, можетъ быть, ошибся лишь тѣмъ, что изобразилъ поэта съ саблей на-голо; по крайней мѣрѣ самъ Пушкинъ, безъ сомнѣнія, припоминая описанный случай, нарисовалъ себя съ пикой, въ буркѣ и въ круглой шляпѣ — въ альбомѣ Ел. Н. Ушаковой [2]). Другой разсказъ Пущина—о похожденіяхъ поэта съ городничимъ Дуровымъ — находитъ себѣ если не подтвержденіе, то соотвѣтствіе въ воспоминаніяхъ самого Пушкина о знакомствѣ съ этимъ Дуровымъ [3]).

---

1) Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ. Варшава. 1843, ч. II, стр. 303.

2) Рисунокъ этотъ изданъ въ «Альбомѣ Московской Пушкинской выставки» 1880 года.

3) Сочиненія Пушкина, т. V, стр. 198.

Вообще, записка Пущина по своей правдивости достойна стать на ряду съ «Путешествіемъ въ Арзрумъ». Быть можетъ, Пущинъ и не слишкомъ увлекался поэзіей своего друга; по свидѣтельству барона Розена, этотъ стойкій и мужественный человѣкъ «дышалъ геройскою и боевою жизнью», но «не былъ поэтомъ, не восхищался красотами природы»; за то онъ любилъ Пушкина какъ человѣка, и зная его порывистыя увлеченія, нянчился съ нимъ, ходилъ за нимъ, какъ старый дядька за молодымъ барченкомъ. Эта трогательная черта дружбы ярко выступаетъ въ печатаемой запискѣ—разумѣется, помимо воли ея автора. Пушкину минуло уже тридцать лѣтъ, когда онъ пріѣхалъ на Кавказъ; но пылкая натура его далеко еще не перекипѣла, и тогдашняя жизнь его была дѣйствительно безалаберная: еще не одинъ годъ послѣ того ему приходилось расплачиваться за увлеченія той поры. Удержать его отъ нихъ вполнѣ Пущинъ оказался не въ силахъ, но все же ему удалось охранить поэта отъ нѣкоторыхъ крайностей.

Любопытно замѣчаніе Пущина, что на водахъ Пушкинъ намѣревался много заниматься, а на самомъ дѣлѣ занимался очень мало. Творческая работа художника, съ ея своеобразнымъ процессомъ, по видимому, ускользала отъ вниманія его друга; но по собственнымъ записямъ Пушкина видно, что и въ Кисловодскѣ, среди увлеченія карточною игрой, его посѣщало вдохновеніе и претворяло его путевыя впечатлѣнія въ художественные образы: числовыя помѣты подъ стихотвореніями «Делибашъ», «Монастырь на Казбекѣ», «Кавказъ» относятся къ сентябрю 1829 года. Это были первые поэтическіе итоги кавказской поѣздки Пушкина, и за ними должны были слѣдовать другіе: задуманы были созданія болѣе крупныя, какъ видно по не конченному и не вполнѣ отдѣланному отрывку «Галуба»; но обстоятельства сложились такъ, что этимъ проектамъ не суждено было осуществиться.

Наталья Кирилловна Загряжская.

Столбовой москвичъ, сановитый Фамусовъ защищалъ передъ вольнодумцемъ Чацкимъ авторитетъ старыхъ московскихъ барынь. — А дамы? говорилъ онъ, —

Сунься кто, попробуй, овладѣй,
Судьи всему вездѣ, надъ ними пѣтъ судей!
За картами когда возстанутъ общимъ бунтомъ,
Дай Богъ терпѣніе! Вѣдь самъ я былъ женатъ.
Скомандовать велите передъ фруптомъ,
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!

И въ самомъ дѣлѣ, въ древней столицѣ россійскаго дворянства, какъ называлъ Москву Карамзинъ, эти сѣдыя представительницы старинныхъ родовъ пользовались большимъ уваженіемъ и играли видную роль. Лѣтописецъ допожарной Москвы С. П. Жихаревъ, въ своемъ «Дневникѣ студента», сохранилъ драгоцѣнныя черты для характеристики этого отжившаго теперь типа, и правъ былъ высокодаровитый художникъ нашего времени, когда изображая московское общество начала нынѣшняго вѣка, вывелъ одну изъ такихъ барынь въ числѣ дѣйствующихъ лицъ своего превосходнаго романа-хроники.

Встрѣчались такія особы и въ петербургскомъ обществѣ, но не столь ярко выдѣлялись на его общемъ фонѣ. Это зависѣло отъ самого характера общественнаго быта Петербурга, который всегда отличался отъ московскаго. Тотъ же Карамзинъ мѣтко указалъ на это различіе. «Со временъ Екатерины Великой», говорилъ онъ, —

«Москва прослыла республикою. Тамъ, безъ сомнѣнія, болѣе свободы, но не въ мысляхъ, а въ жизни; болѣе разговоровъ, толковъ о дѣлахъ общественныхъ, нежели здѣсь, въ Петербургѣ, гдѣ умы развлекаются дворомъ, обязанностями службы, исканіемъ, личностями... Здѣсь сцена, тамъ зрители; здѣсь дѣйствуютъ, тамъ судятъ — не всегда справедливо, но всегда съ любовію къ справедливости». Петербургскія представительницы высшаго общества были почти исключительно придворныя дамы или жены сановниковъ, и ихъ роль опредѣлялась большею частью офиціальнымъ положеніемъ ихъ мужей. Исключенія въ этомъ отношеніи были рѣдки. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ ряду ихъ представляется Наталья Кирилловна Загряжская, дочь послѣдняго гетмана Малороссіи, графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго. Въ теченіе своей долгой жизни она видѣла смѣну шести царствованій и во все это время не переставала занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ; она была почти взрослою дѣвушкой при воцареніи Екатерины II и пережила Пушкина, который любилъ слушать ея воспоминанія о старинѣ.

Происхожденіе и возвышеніе Разумовскихъ извѣстны. Сынъ реестроваго казака Козелецкаго повѣта Григорія Розума Алексѣй въ началѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка былъ взятъ съ родины въ придворные пѣвчіе и вскорѣ вошелъ въ милость цесаревны Елисаветы Петровны. Когда она стала императрицей, Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій получилъ первенствующее значеніе при дворѣ и, если вѣрить преданію, былъ даже обвѣнчанъ съ государыней. Послѣ того, въ 1742 году, онъ выписалъ изъ Малороссіи своего младшаго брата, четырнадцатилѣтняго Кирилла. Ему дали образованіе, для чего онъ былъ отправленъ на два года за границу. Кириллъ Григорьевичъ возвратился изъ путешествія дѣйствительно не безъ свѣдѣній и съ хорошимъ знаніемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ. Елисавета обогатила Разумовскихъ множествомъ имѣній, а Вѣнскій дворъ возвелъ ихъ въ достоинство графовъ Римской имперіи. Алексѣй Григорьевичъ мало вмѣшивался въ государственныя дѣла, но его младшему брату, когда онъ пріѣхалъ изъ западной Европы «совершеннымъ кавалеромъ», открылось поприще блестящей государственной дѣятельности: въ 1746 году онъ былъ назначенъ президентомъ академіи наукъ, а въ 1750 возведенъ въ гетманское достоинство. Въ промежутокъ между этими двумя назначеніями со-

стоялся бракъ Кирилла Григорьевича съ внучатною сестрой императрицы, Екатериной Ивановною Нарышкиной. Потомство отъ этого брака и составило родъ Разумовскихъ, угасшій нынѣ въ Россіи, но за границей еще имѣющій представителей по мужской линіи.

Наталья Кирилловна была первенцемъ отъ брака своихъ родителей. Она явилась на свѣтъ 5-го сентября 1747 года и трехъ съ небольшимъ лѣтъ была отвезена въ Глуховъ, гдѣ происходило въ то время избраніе отца ея въ гетманы; въ 1752 году супруги Разумовскіе съ дѣтьми возвратились въ Петербургъ, и съ тѣхъ поръ Наталья Кирилловна прожила здѣсь бо́льшую часть своей жизни. Это была дѣвочка живая и умная, любимица всей семьи. О ея воспитаніи и ученіи сохранилось мало свѣдѣній; извѣстно однако, что къ ней, какъ и къ ея сестрамъ, приставлены были «мадамы» и ходили учителя. Историкъ семейства Разумовскихъ утверждаетъ, что тѣ и другіе приглашались Кирилломъ Григорьевичемъ «послѣ строгаго разбора». Это довольно вѣроятно, если принять въ соображеніе его заботы о воспитаніи сыновей; однако, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ благія намѣренія гетмана осуществлялись не безъ затрудненій; вотъ что̀ разсказываетъ одинъ изъ учителей, преподававшихъ молодымъ графамъ, знаменитый Шлецеръ: «Гетманъ хотѣлъ дать своимъ сыновьямъ хорошее воспитаніе, потому что былъ хорошій человѣкъ и желалъ, чтобъ они были раньше образованы, чѣмъ онъ. Состоянія на это у него было достаточно: въ то время годовые доходы гетмана оцѣнивали въ 600000 рублей. Но мамаша, какъ говорили, затрудняетъ хорошее воспитаніе этихъ подростающихъ сыновей. Поэтому какой-то благоразумный человѣкъ (вѣроятно, Таубертъ) посовѣтовалъ отцу удалить ихъ отъ матери, не высылая изъ Петербурга». Такъ и было сдѣлано: для молодыхъ Разумовскихъ и нѣсколькихъ ихъ однолѣтковъ устроено было, на средства гетмана, небольшое учебно-воспитательное заведеніе, принесшее несомнѣнную пользу своимъ питомцамъ.

Но что̀ удалось отцу сдѣлать для сыновей, то было, конечно, немыслимо для дочерей; онѣ неизбѣжно оставались подъ вліяніемъ баловницы-матери. Какъ она, такъ и отецъ, были до излишества снисходительны къ своей любимицѣ, графинѣ Натальѣ; всѣ ея затѣи исполнялись безпрекословно, и съ раннихъ лѣтъ у дѣвушки, очень доброй по природѣ, сложился тотъ причудливый, упрямый и настойчивый нравъ, которымъ она была извѣстна впослѣдствіи.

Приставленныя къ молодой графинѣ мадамы были, конечно, француженки; преподаваніе учителей происходило, безъ сомнѣнія, также на французскомъ языкѣ; вслѣдствіе того она усвоила себѣ привычку думать и писать по французски, а на русскомъ изъяснялась не безъ труда. Пушкинъ, записавшій нѣсколько ея разсказовъ, искусно сохранилъ въ нихъ эту особенность ея рѣчи. Въ религіозномъ отношеніи образованіе молодой графини было очень недостаточно и не шло дальше соблюденія постовъ и другихъ внѣшнихъ обрядовъ. Эта черта ея личности также не ускользнула отъ вниманія ея знакомыхъ изъ позднѣйшихъ поколѣній; въ памятныхъ замѣткахъ А. О. Смирновой, относящихся уже къ тридцатымъ годамъ, о Натальѣ Кирилловнѣ сказано: «Она еще большая волтеріанка, хотя и бываетъ въ церкви». Нѣтъ однако повода думать, чтобы вольномысліе XVIII вѣка дѣйствительно коснулось Натальи Кирилловны; интересы отвлеченной мысли, какъ и изящной словесности, по видимому, были ей совершенно чужды; по крайней мѣрѣ, въ воспоминаніяхъ о ней нѣтъ на то ни малѣйшаго намека; на старости она могла быть расположена къ Пушкину, какъ къ мужу одной изъ своихъ двоюродныхъ внучекъ [1]), и въ то же время не подозрѣвать, что ея собесѣдникъ — великій поэтъ, мощно двигавшій сердцами и умами. Вообще говоря, не учителя, не книги, не произведенія искусства и фантазіи, а дѣйствительная жизнь, безпрерывное обращеніе въ сложномъ мірѣ свѣтскихъ отношеній воспитали живой и даже тонкій, но нѣсколько холодный умъ этой оригинальной женщины.

Графинѣ Натальѣ не было еще пятнадцати лѣтъ, когда она появилась при дворѣ. Это было въ кратковременное царствованіе Петра III, о которомъ она любила воспоминать впослѣдствіи. «Я была очень смѣшлива», говаривала она на старости. — «Государь часто ѣзжалъ къ матушкѣ; бывало, нарочно смѣшитъ меня разными гримасами; онъ не похожъ былъ на государя». Въ роковые для Петра III іюньскіе дни 1762 года графиня Наталья съ матерью находилась въ Петергофѣ, въ числѣ дамъ, приглашенныхъ на придворныя празднества, но вмѣсто нихъ ей пришлось быть свидѣтельницею послѣднихъ распоряженій смущеннаго императора, противъ котораго поднялось открытое возстаніе. По окончательномъ воцареніи

1) Надежда Николаевна Пушкина была дочь Натальи Ивановны Гончаровой, рожденной Загряжской.

Екатерины II Наталья Кирилловна, очевидно, пользовавшаяся ея расположеніемъ, была пожалована во фрейлины. Въ то время ихъ было немного, и молодой графинѣ часто приходилось бывать на дежурствѣ; тѣмъ не менѣе, ей было разрѣшено, во вниманіе къ ея отцу, жить при родителяхъ, а не во дворцѣ.

Такъ минуло девять лѣтъ; Натальѣ Кирилловнѣ шелъ уже двадцать-пятый годъ, и она засидѣлась въ дѣвицахъ; правда, она была не красива лицомъ и къ тому же «кривобокая», какъ выразилась про нее одна изъ ея современницъ; за то она была умна и богатая невѣста. Разумѣется, многіе искали ея руки; но ея родители принуждены были отказывать женихамъ по требованію дочери. Историкъ рода Разумовскихъ А. А. Васильчиковъ полагаетъ, что двѣ смерти, почти одновременно послѣдовавшія въ ихъ семьѣ (графа Алексѣя Григорьевича — 11-го іюля 1771 года, и графини Екатерины Ивановны — 22-го іюля того же года), заставили Наталью Кирилловну перемѣнить свое рѣшеніе на счетъ брака; но кажется, что своенравная дѣвушка просто выжидала такого жениха, который своимъ тихимъ и покладливымъ характеромъ могъ бы дѣйствительно обезпечить ей счастіе въ супружествѣ. Наконецъ, ей удалось найти такое сокровище. «Въ маѣ 1771 года», разсказываетъ А. А. Васильчиковъ, — «возвращаясь изъ Зимняго дворца съ дежурства, Наталья Кирилловна встрѣтила въ передней отца молодаго измайловскаго офицера, лицо котораго ей особенно понравилось. Она зашла къ родителямъ и объявила имъ, что охотно выйдетъ замужъ за только что посѣтившаго отца молодаго офицера». То былъ Николай Александровичъ Загряжскій, пріѣзжавшій благодарить графа Разумовскаго какъ начальника, по званію подполковника лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, за участіе, которое тотъ принялъ въ поразившемъ его несчастіи: онъ лишился молодой и красивой жены, Елизаветы Николаевны, рожденной Чоглоковой. «Родители Разумовскіе были поражены этимъ выборомъ дочери. Между тѣмъ, несчастіе поразило и семейство Разумовскихъ... Молодой Загряжскій, тронутый сочувствіемъ своего начальника, всячески старался быть полезнымъ и въ свою очередь высказывать сочувствіе графу и всему его семейству. Общее горе связало его съ Разумовскими. Онъ безпрестанно посѣщалъ ихъ домъ, тѣмъ болѣе, что и грусть его, и трауръ закрывали ему всѣ другіе дома въ Петербургѣ. Графу Кириллу Григорьевичу молодой человѣкъ былъ по сердцу.... Видя часто Загряжскаго

и тронутая его сочувствіемъ, Наталья Кирилловна поняла, что она не ошиблась, когда указала на него своимъ родителямъ. Всѣ к нему привязались въ домѣ Разумовскихъ, гдѣ онъ сталъ какъ сво человѣкъ». Наконецъ, Николай Александровичъ сдѣлалъ предложе ніе, и оно было принято. Бракосочетаніе было отпраздновано пр дворѣ 24-го октября 1772 года.

Наталья Кирилловна не замедлила дать понять своему мужу что̀ отъ него требуется. «Однажды» — продолжаемъ опять разказ А. А. Васильчикова,—«почти сейчасъ послѣ свадьбы, мужъ отъ не потребовалъ ѣхать къ близкимъ родственникамъ и знакомымъ с свадебными визитами. Наталья Кирилловна возразила, что была государыни и у отца и ни къ кому болѣе не поѣдетъ. Послѣ нѣко тораго спора Николай Александровичъ объявилъ, что онъ этог требуетъ, что карета готова, и чтобы Наталья Кирилловна немедл одѣлась для визитовъ. Послѣдняя побѣжала въ свои комнаты, на скоро надѣла совершенно новое платье и сѣла въ карету, не говоря ни слова. Когда молодые подъѣхали къ первому дому, назначенному для визита и находившемуся довольно далеко отъ квартиры Загряжскихъ, оказалось, что Наталья Кирилловна обрѣзала взятыми съ собою ножницами весь низъ платья, такъ что молодымъ по не волѣ пришлось вернуться домой, не отдавъ никому визита». Исто рикъ умалчиваетъ, возобновлялъ ли послѣ того Николай Александ ровичъ свои настоянія передъ супругой.

Въ первые годы супружества Загряжскіе жили въ домѣ граф К. Г. Разумовскаго. Дѣтей у нихъ не было, и хотя Наталья Кирил ловна еще не обзавелась своимъ особымъ салономъ, уже тогда ясно обозначились тѣ интересы, которые одни могли наполнять жизнь ея личную и близкаго къ ней круга: то былъ міръ придворныхъ и свѣтскихъ отношеній и, въ конечной цѣли, борьба изъ-за вліянія ступеней трона, какъ говорили наши дѣды. Наталья Кирилловна питала къ своимъ братьямъ и сестрамъ самую нѣжную привязан ность; свой умъ, свою любезность, свое умѣнье говорить она с увлеченіемъ отдавала на поддержку своей родни. Особенно дружна она была съ третьимъ своимъ братомъ, графомъ Андреемъ. Въ т время это былъ блестящій молодой человѣкъ, первый щеголь и пер вый ловеласъ въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, мѣнявшій своих любовницъ, какъ перчатки. Нѣтъ, сомнѣнія, что Наталья Кирил ловна очень снисходительно смотрѣла на подобные подвиги своег

братца, вопервыхъ, потому, что это былъ ея братъ, а вовторыхъ, потому, что нравственная точка зрѣнія совершенно упускалась изъ виду въ томъ обществѣ, гдѣ Загряжская жила. Но цѣли этого утонченно безнравственнаго, бездушнаго эгоиста не ограничивались одними свѣтскими успѣхами; онъ желалъ проложить себѣ путь къ первостепенной роли въ государствѣ; занятіе этой роли онъ считалъ чуть ли не своимъ правомъ, назначеннымъ ему судьбою. Ровно черезъ годъ послѣ свадьбы Натальи Кирилловны состоялся бракъ великаго князя Павла Петровича съ принцессой Вильгельминой, получившей при муропомазаніи имя Натальи Алексѣевны. Разумовскій былъ очень близокъ съ великимъ княземъ и успѣлъ пріобрѣсти расположеніе великой княгини, которую вздумалъ руководить въ ея отношеніяхъ къ императрицѣ. Наталья Кирилловна также посѣщала малый дворъ и, конечно, тоже поддерживала виды брата. Но со смертью великой княгини (10-го апрѣля 1776 года) обнаружились прописки и тайныя намѣренія графа Андрея Кирилловича: онъ былъ высланъ въ Ревель, а его сестра потеряла довѣріе Екатерины; съ тѣхъ поръ государыня въ разговорахъ съ своимъ секретаремъ Храповицкимъ называла ее искательницею приключеній.

Въ 1777 году состоялось однако назначеніе молодого Разумовскаго посланникомъ въ Неаполь. Онъ поѣхалъ туда не спѣша и задержался въ Вѣнѣ. Явилась даже опасность, что его назначеніе будетъ отмѣнено. Наталья Кирилловна постоянно писала ему, сообщала придворныя новости и предостерегала отъ поступковъ, которые могли бы снова возбудить противъ него гнѣвъ государыни. Очень характерны слѣдующія слова въ одномъ изъ ея писемъ по поводу возможной отмѣны назначенія, даннаго графу Андрею: «Il y a, je crois, quelqu'un qui vous en veut, car on me dit que l'impératrice-reine n'avait pas envie que vous alliez à Naples, parce qu'elle ne voulait absolument pas, que vous couchiez avec sa fille» [1]).

Въ бытность свою фрейлиной Наталья Кирилловна не взлюбила Орловыхъ, игравшихъ первую роль при дворѣ въ первое десятилѣтіе Екатерининa царствованія. «Orlof», разсказывала она впослѣдствіи про графа Алексѣя Григорьевича,—«était mal élevé et avait un très mauvais ton. Однажды у государыни сказалъ онъ при насъ: по

1) Дочь императрицы Маріи-Терезіи Каролина была королевой Обѣихъ Сицилій.

одёжкѣ держи ножки. Je trouvai cette expression bien triviale et bien inconvenante: c'était un homme d'esprit, et depuis je crois qu'il s'est formé. Il avait l'air de brigand avec sa balafre». Но когда возвысился Потемкинъ, а на самоё Наталью Кирилловну стали смотрѣть косо, она рѣшилась искать сближенія съ новымъ временщикомъ и скоро достигла своей цѣли. «Потемкинъ очень меня любилъ; не знаю, что̀ бы онъ для меня не сдѣлалъ», говаривала она Пушкину и приводила примѣры одолженій со стороны Потемкина, дѣйствительно совершенно необыкновенныхъ. О своемъ послѣднемъ свиданіи съ княземъ Таврическимъ она вспоминала послѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ, свидѣтельствующихъ какъ объ искренней близости между ними, такъ и объ ея проницательномъ умѣ: «Потемкинъ пріѣхалъ со мною проститься. Я сказала ему: «Ты не повѣришь, какъ я о тебѣ грущу». «А что такое?» «Не знаю, куда мнѣ будетъ тебя дѣвать». «Какъ такъ?» «Ты моложе государыни, ты ее переживешь; что̀ тогда изъ тебя будетъ? Я знаю тебя, какъ свои руки: ты никогда не согласишься быть вторымъ человѣкомъ». Потемкинъ задумался и сказалъ: «Не безпокойся; я умру прежде государыни, я умру скоро». И предчувствіе его сбылось. Ужь я больше его не видала».

Между тѣмъ годы шли; Наталья Кирилловна входила въ лѣта, около нихъ подымалось новое поколѣніе, возвышались новые люди. Но домъ Натальи Кирилловны по прежнему оставался однимъ изъ главныхъ центровъ для свѣтскаго петербургскаго общества, и сама она по прежнему жила тою же придворною суетой, тою же смѣсью милостей и опалъ, которыя занимали ее смолоду. «Я очень часто бываю у г-жи Загряжской», пишетъ въ 1792 году Ѳ. В. Растопчинъ графу С. Р. Воронцову;—«она принимаетъ порядочное, образованное общество, въ которомъ не встрѣчаю ничего, что̀ отталкивало бы меня». Одинъ изъ непріятелей Растопчина поясняетъ эти слова: бывшій московскій главнокомандующій потѣшалъ Наталью Кирилловну своими шуточками, за которыя она его и жаловала. Каждый вечеръ собиралось у нея большое общество: бесѣдовали, играли въ лото и въ карты; хозяйка сама очень любила бостонъ и обыкновенно торопила начать партію; запоздалаго партнера она встрѣчала вопросомъ: «Чтой-то, батюшка, вѣрно ночевать пріѣхалъ?»

Въ суровое царствованіе Павла, когда всѣ жили въ нѣмомъ страхѣ, гостепріимство Натальи Кирилловны было особенно дорого

По восшествіи Павла на престолъ ея мужъ былъ пожалованъ гофмейстеромъ, а года два спустя она сама стала кавалерственною дамой. Вообще, сперва Загряжскіе были въ большой чести, но нѣкоторое время спустя государь прекратилъ къ нимъ свои милости. Наталья Кирилловна, не имѣя родныхъ дѣтей, воспитывала свою племянницу, Марью Васильевну Васильчикову, и очень желала выдать ее за Виктора Павловича Кочубея, только что пожалованнаго графомъ и вице-канцлеромъ. Государю этотъ бракъ, состоявшійся въ 1799 году, не понравился: онъ имѣлъ въ виду для Кочубея другую невѣсту. «Неудовольствіе Павла», разсказываетъ А. А. Васильчиковъ,— «высказалось немедля. Натальѣ Кирилловнѣ дано было знать отъ имени государя, что ему извѣстно, что она на балахъ проходитъ мимо статсъ-дамы княгини Е. И. Лопухиной, ей не кланяясь, и что онъ допускать такого невѣжества не намѣренъ. Въ тотъ же день, когда Натальею Кирилловною полученъ былъ этотъ грозный приказъ, вечеромъ былъ, чуть ли не при дворѣ, очень многолюдный балъ. Наталья Кирилловна туда отправилась и, подмѣтивъ ту минуту, когда княгиню Лопухину окружили всѣ царедворцы, она къ ней подошла, низко ей поклонилась и громко во всеуслышаніе проговорила: «По именному его величества приказанію, мною сегодня полученному, честь имѣю поклониться вашей свѣтлости». Понятенъ переполохъ, который произошелъ въ залѣ. На другое утро Наталья Кирилловна получила приказаніе немедля выѣхать изъ Петербурга... Не слишкомъ вѣря послушанію Натальи Кирилловны, императоръ Павелъ отправилъ къ ней вечеромъ флигель-адъютанта своего, князя П. М. Волконскаго, и приказалъ узнать, что̀ она дѣлаетъ. Волконскій, пріѣхавъ въ домъ, съ удивленіемъ увидѣлъ, что пріемъ происходилъ по обыкновенному, что гостиныя Натальи Кирилловны были наполнены гостями.... Испуганный посланецъ спросилъ у приближенныхъ, что̀ это значитъ, а они подвели его тихонько къ отдаленному окошку и показали на дворѣ уже готовую къ отъѣзду дорожную карету. Князь поспѣшилъ извѣстить о томъ государя, который отправилъ Волконскаго обратно къ Натальѣ Кирилловнѣ съ извѣщеніемъ, что онъ ее прощаетъ». Прощеніе состояло въ отсрочкѣ высылки. Черезъ нѣсколько времени Загряжская все-таки уѣхала — сперва къ отцу въ Батурины, а оттуда черезъ Кіевъ за границу. Ее сопровождала М. В. Кочубей.

Въ Дрезденѣ, гдѣ Наталья Кирилловна прожила около полутора

года, составился въ то время значительный кружокъ русскихъ, ей знакомыхъ лицъ; нашлись даже молодые люди, которые являлись къ ней на поклонъ, что̀ она очень любила. Отъ одного изъ своихъ молодыхъ дрезденскихъ знакомыхъ, Ѳ. П. Лубяновскаго, она требовала отчета въ занятіяхъ и знакомствахъ и объясняла: «Не хотѣлось бы мнѣ, мой милый, чтобы ты избаловался». Тутъ же встрѣтилась она съ давнимъ своимъ знакомцемъ, графомъ А. Г. Орловымъ, но и теперь онъ не произвелъ на нее благопріятнаго впечатлѣнія. «Orlof était régicide dans l'âme: c'etait comme une mauvaise habitude», разсказывала она Пушкину.—«Я встрѣтилась съ нимъ въ Дрезденѣ, въ загородномъ саду. Онъ сѣлъ подлѣ меня на лавочкѣ. Мы разговорились о П. «Что за уродъ! Какъ его терпятъ?» «Ахъ, батюшка, да что̀ же ты прикажешь дѣлать? Вѣдь не задушить же его?» «А почему же и нѣтъ, матушка?» «Какъ! И ты согласился, чтобы дочь твоя Анна Алексѣевна вмѣшалась въ это дѣло?» «Не только согласился бы, а былъ бы очень тому радъ!» Вотъ каковъ былъ человѣкъ!»

Любопытно, что, не смотря на свое иностранное воспитаніе и на полное почти незнакомство съ жизнью внутри Россіи, Наталья Кирилловна томилась своимъ пребываніемъ за границей. По воцареніи императора Александра она поспѣшила направиться въ Петербургъ. Проѣздомъ черезъ Берлинъ она съ особеннымъ удовольствіемъ посѣтила домъ русскаго посольства и затѣмъ, прощаясь съ нашимъ посланникомъ бароном Крюднеромъ, со слезами на глазахъ благодарила его за простоту и привѣтливость оказаннаго ей пріема. «Votre manière est vraiment celle des bonnes gens», говорила она,— «et je ne l'oublierai jamais». Ея стѣсняла нѣмецкая церемонность, и въ бытность свою въ Германіи, она избѣгала представленія владѣтельнымъ особамъ; въ Берлинѣ Наталья Кирилловна не могла однако избѣжать вполнѣ знакомства съ королевскимъ семействомъ: она дважды была у супруги принца Фердинанда, а когда отправилась съ М. В. Кочубей осматривать Шарлоттенбургъ, то ихъ увидѣлъ, во время своей прогулки, король и свернулъ со своего пути, чтобы поговорить съ ними. Къ такимъ знакамъ вниманія самолюбивая Наталья Кирилловна, разумѣется, не была нечувствительна.

Утверждая, что нигдѣ не живется такъ хорошо и пріятно, какъ на берегахъ Невы, Загряжская удивлялась тѣмъ русскимъ, которые предпочитали долго жить въ Западной Европѣ. Ей не нравилось

даже самое слово européen. «Ma chère, qu'est ce que ce mot d'européen qu'on a inventé à présent; sans être européen on valait mieux de notre temps», говорила она на старости. А. А. Васильчиковъ находитъ даже въ ея сужденіяхъ сходство съ позднѣйшими мнѣніями славянофиловъ: «Она говаривала, что Петръ изуродовалъ Россію, что онъ былъ извергъ, и что всѣ его реформы были только слѣдствіемъ слѣпой привязанности къ иностранцамъ и необузданной его природы. «C'était un nouveau Jean le Terrible», говаривала Наталья Кирилловна, доказывая, что онъ былъ еще хуже своего предмѣстника, такъ какъ ко всему родному не питалъ никакого почтенія. «Безъ него», продолжала она,—«Россія, быть можетъ, не такъ скоро играла бы роль въ Европѣ, но она бы развилась такъ, какъ ей слѣдовало, на своихъ исконныхъ вѣрованіяхъ и не стала бы плохимъ подражаніемъ чуждаго ей строя». Несомнѣнно, если эти рѣчи Натальи Кирилловны переданы вѣрно, онѣ должны были очень поражать петербургское свѣтское общество, гдѣ принято было говорить не иначе, какъ съ благоговѣніемъ о геніи Петра, создателя новой столицы.

По возвращеніи въ Россію Н. К. Загряжская поселилась въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Кочубеями, предоставивъ мужу жить на особой квартирѣ. Съ тѣхъ поръ она только дважды покидала берега Невы: въ 1801 году — чтобы повидаться въ Батуринѣ съ престарѣлымъ отцомъ, уже близившимся къ кончинѣ, и затѣмъ — въ 1812, когда ожидалось нашествіе Наполеона; 30-го іюня ее видѣла у графа Л. К. Разумовскаго, подъ Москвой, извѣстная московская умница, фрейлина М. А. Волкова, и на другой день писала своей пріятельницѣ: «Кромѣ насъ, гостей никого не было, такъ что я свободно могла наблюдать за сестрой графа, г-жей Загряжской, о которой постоянно слышала разговоры съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, и которую мнѣ вчера пришлось видѣть въ первый разъ. Недоставало четвертаго партнера, и меня усадили играть въ бостонъ съ ней, съ Апраксиной и съ графомъ Львомъ. Это—три особы, нисколько не похожія другъ на друга, но всѣ онѣ такъ любезны, что я съ удовольствіемъ играла съ ними въ скучнѣйшую игру, которую я очень плохо знаю».

По смерти графа К. Г. Разумовскаго въ 1803 году его многочисленное потомство оказалось разбросаннымъ въ разныхъ мѣстахъ въ Россіи и за границей. Старшая по лѣтамъ, умная и вліятельная въ обществѣ, Наталья Кирилловна стала теперь душой семьи и представительницей интересовъ разныхъ членовъ ея. Ея заступни-

чество представлялось во многихъ случаяхъ тѣмъ необходимѣе, что у Разумовскихъ разнаго рода семейныя, такъ-сказать, неправильности были почти обычнымъ дѣломъ. У нѣкоторыхъ изъ братьевъ Натальи Кирилловны были незаконныя дѣти; графъ Левъ Кирилловичъ женился на особѣ очень милой и любезной, но разводкѣ отъ живого мужа; графъ Григорій Кирилловичъ былъ двоеженцемъ. Наталья Кирилловна принимала живое участіе во всѣхъ этихъ семейныхъ неустройствахъ. Хотя браку графа Льва Кирилловича и предшествовалъ разводъ его жены съ первымъ ея супругомъ, родня послѣдняго, многочисленная и вліятельная, громко возставала противъ совершившагося факта. Наталья Кирилловна взяла молодую графиню Марью Григорьевну подъ свое покровительство и особенно сблизилась съ нею послѣ того, какъ императоръ Александръ любезно отнесся къ ней въ бытность свою въ Москвѣ въ 1809 году и тѣмъ, такъ-сказать, узаконилъ этотъ бракъ, считавшійся до тѣхъ поръ не совсѣмъ правильнымъ. Что касается графа Григорія Кирилловича, жившаго постоянно за границей, то онъ въ первый разъ женился еще при жизни отца, въ 1790 году, на баронессѣ Генріеттѣ Мальсенъ, но три года спустя разошелся съ нею и въ 1806 году вступилъ въ бракъ съ баронессой Шенкъ де-Кастель. Получивъ о томъ извѣстіе, графиня Генріетта, съ своею матерью, поспѣшила въ Петербургъ, чтобъ отстоять свои права и доказать незаконность второго брака графа Григорія. Сперва никто изъ родства Разумовскихъ не хотѣлъ принимать графиню Генріетту, но у нея были письма къ поселившимся въ Россіи эмигрантамъ отъ ихъ заграничныхъ друзей; особенно сблизился съ нею графъ Жозефъ де-Местръ, черезъ котораго графиня и ея мать познакомились съ значительною частью высшаго петербургскаго общества. У С. П. Свѣчиной онѣ встрѣтили Н. Н. Новосильцова, А. И. и Н. И. Тургеневыхъ, а черезъ послѣднихъ графиня Генріетта, очень умная и образованная женщина, познакомилась съ Жуковскимъ. Вообще эти дамы имѣли успѣхъ въ лучшихъ петербургскихъ гостиныхъ и даже добились разрѣшенія представиться ко двору. Наталья Кирилловна долгое время держала себя враждебно относительно графини Генріетты, но въ концѣ концовъ примирилась съ нею и оцѣнила ея качества. Ихъ сближеніе имѣло такое вліяніе на общество, что когда въ 1814 году графъ Григорій Кирилловичъ пріѣхалъ въ Петербургъ со своею второю женой, эта чета была встрѣчена всѣми непріязненно, а Наталья Кирилловна

открыто поссорилась съ братомъ. Тѣмъ не менѣе, графинѣ Генріеттѣ не удалось добиться возстановленія своихъ законныхъ правъ; въ 1816 году она уѣхала за границу и поселилась въ Парижѣ. Здѣсь, въ ея скромной гостиной, собирались замѣчательнѣйшіе люди тогдашней Франціи—Гизо, Кузенъ, Вильменъ, Тьерри, Броль, Ремюза, и здѣсь же посѣщали ее русскіе ея гости, братья Тургеневы и Жуковскій. О Натальѣ Кирилловнѣ графиня Генріетта сохранила самое лучшее воспоминаніе и однажды, уже въ 1827 году, писала Жуковскому: «Cher ami, j'ai une prière à vous faire qui me tient fort à coeur. Tachez de trouver un moment pour voir m-me Zagriatsky. Je ne sais pas ce que le temps a laissé d'elle, mais quoiqu'il en reste, ce reste m'est cher. Je retrouverai le tout dans une meilleure vie. Je voudrais que l'expression de ma tendre affection lui arriva par votre bouche. Dites-lui tout ce que vous pourrez de plus tendre de ma part. Elle ne m'écrit plus, et pourtant je suis persuadée qu'elle ne pense à moi qu'avec amitié. Malgré la difference de nos âges il y a une veritable sympathie entre nous».

«Одно изъ первыхъ вашихъ посѣщеній вы должны сдѣлать Натальѣ Кирилловнѣ, а если она по болѣзни не принимаетъ, то графинѣ Кочубей. Я увѣренъ, что вы приняты будете со всѣмъ возможнымъ благопріятствомъ». Такъ писалъ, въ 1818 году, своей дочери и ея воспитательницѣ Сперанскій изъ своей пензенской ссылки. Свѣтскій авторитетъ Загряжской стоялъ все еще незыблемо, хотя рука времени и наложила уже на нее свою печать. Она сильно состарѣлась, потеряла мужа (въ 1823 году), но все еще принимала гостей и не отказывала никому въ своей помощи. По словамъ А. А. Васильчикова, «покровительство Натальи Кирилловны много значило, и когда, въ глубокой старости, она не въ силахъ была сама писать, то записочки, писанныя чужою рукою, но съ ея подписью *N. Z.*, часто доставляли бѣднымъ существованіе». Но случалось и такъ, что она принималась хлопотать о вещахъ совершенно не исполнимыхъ. Такъ, однажды, она обратилась къ своему давнему пріятелю, князю С. М. Голицыну, съ такою просьбой: «Я знаю, что ты очень коротко знакомъ съ Филаретомъ: не можешь ли ты къ нему написать письмо объ одной хорошо мнѣ знакомой игуменьѣ: близъ ея монастыря протекаетъ рѣка, то нельзя ли отъ этой рѣки провести воду, чтобъ она протекала ближе къ монастырю?» Князь отвѣчалъ ей: «Помилуй, Наталья Кирилловна, можно ли мнѣ писать къ нему о

подобныхъ дѣлахъ? Онъ подумаетъ, что я помѣшался». «Я наперед знала, что ты мнѣ откажешь; ты никогда для меня ничего не хочешь сдѣлать. Ну, хорошо, по крайней мѣрѣ вотъ что сдѣлай; скажи ты ему, чтобъ онъ самъ ко мнѣ пріѣхалъ; я сама буду его просить». На это князь Голицынъ уже не могъ не согласиться, и дѣйствительно, убѣдилъ митрополита посѣтить Загряжскую. Когда Филаретъ пріѣхалъ, она не замедлила изложить ему свою просьбу, и митрополитъ только и могъ отговориться отъ ея настоящій тѣмъ объясненіемъ, что монастырь, столь заботившій Загряжскую, находится не въ его митрополіи. Отказывать Натальѣ Кирилловнѣ въ ея просьбахъ было очень трудно, и самъ императоръ Николай Павловичъ ихъ опасался. «Хочется мнѣ заѣхать въ Кочубею», говорилъ онъ однажды князю С. М. Голицыну.—«Какое бы было время удобнѣе, а то Наталья Кирилловна меня, пожалуй, встрѣтитъ».

Бывали однако случаи, когда особы Царскаго семейства навѣщали Загряжскую. Вотъ ея собственный разсказъ объ одномъ изъ такихъ посѣщеній: «Каждый вторникъ привыкла я дѣлать свои счеты и не успѣла ихъ еще докончить, какъ докладываютъ, что императрица Марія Ѳеодоровна пожаловала; нечего дѣлать, надобно было идти встрѣчать ее. Спустя нѣсколько времени, входитъ императрица Елизавета Алексѣевна; посидѣвъ у меня немного, встаетъ и говоритъ мнѣ: «Какъ мнѣ жаль, Наталья Кирилловна, что я не могу долѣе у васъ пробыть: спѣшу въ Патріотическій институтъ, гдѣ нынче назначенъ экзаменъ». Тогда я сказала ей: «Государыня, я думаю, никто никогда въ такомъ затруднительномъ положеніи не находился, какъ я теперь. Ваше величество осчастливили меня своимъ посѣщеніемъ, и я обязанностію считаю васъ провожать, — какимъ же образомъ могу я это сдѣлать тогда, какъ императрица ваша матушка у меня находится?» Императрица Елизавета успокоила растерявшуюся старуху, отказавшись отъ проводовъ.

Общее вниманіе и уваженіе, окружавшія Наталью Кирилловну въ ея престарѣлые годы, безъ сомнѣнія, поддерживали ея слабѣющія силы. Но и въ самой дряхлости она сохраняла удивительную живость. Однажды — это было уже въ тридцатыхъ годахъ — она сказала великому князю Михаилу Павловичу: «Не хочу умереть скоропостижно. Придешь на небо какъ угорѣлая и въ попыхахъ; а мнѣ нужно сдѣлать Господу Богу три вопроса: кто былъ Лжедимитрій, кто—Желѣзная Маска, и шевалье д'Еонъ—мужчина или жен-

щина. Говорятъ также, что Людовикъ XVII увезенъ изъ Тампля и остался живъ; мнѣ и объ этомъ надо спросить». — «Такъ вы увѣрены, что будете на небѣ?» замѣтилъ великій князь. Старуха обидѣлась и съ рѣзкостью отвѣчала: «А вы думаете, я родилась, чтобы маяться въ чистилищѣ?» Вотъ этотъ-то разсказъ, переданный А. О. Смирновой, и заставилъ ее замѣтить, что Загряжская была большая вольтеріанка.

Къ числу лицъ, познакомившихся съ Натальей Кирилловной, когда ей было уже за восемьдесятъ лѣтъ, принадлежали князь П. А. Вяземскій и Пушкинъ. Пушкинъ явился къ ней въ качествѣ жениха ея родственницы и вслѣдъ затѣмъ описалъ свое посѣщеніе въ письмѣ къ своей невѣстѣ: «Пріѣзжаю; обо мнѣ докладываютъ; она меня принимаетъ за своимъ туалетомъ, какъ хорошенькая женщина прошедшаго столѣтія». «Вы женитесь на моей племянницѣ?» «Точно такъ». «Какъ же это? Я очень удивлена: меня объ этомъ не извѣщали. Наташа ничего мнѣ не писала. (Это не о васъ она говорила, а о maman). Я отвѣчалъ ей на это, что бракъ былъ рѣшенъ весьма недавно, что разстроенныя дѣла Аѳанасія Николаевича, Натальи Ивановны и пр., и пр. Она не приняла моихъ резоновъ: — «Наташа знаетъ, какъ я люблю ее, Наташа мнѣ всегда писала во всѣхъ случаяхъ своей жизни, Наташа мнѣ напишетъ и теперь; такъ какъ мы теперь въ родствѣ, то надѣюсь, вы будете посѣщать меня часто». Потомъ она много разспрашивала о maman, о Николаѣ Аѳанасьевичѣ, о васъ; она повторила мнѣ комплименты государя на вашъ счетъ, и мы разстались друзьями». Съ тѣхъ поръ Пушкинъ дѣйствительно сталъ навѣщать Загряжскую, и впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ этого знакомства, было, безъ сомнѣнія, близко къ тому, что̀ отмѣтилъ о Натальѣ Кирилловнѣ князь Вяземскій въ своей «Старой записной книжкѣ»: «Въ новомъ обществѣ, въ домѣ родственниковъ своихъ, князя и княгини Кочубеевъ, у которыхъ жила, Загряжская была какою-то историческою представительницею временъ и царствій давно прошедшихъ. Она была, какъ эти старые семейные портреты, писанные кистью великаго художника, которые украшаютъ стѣны салоновъ новѣйшаго поколѣнія. Наряды, многія принадлежности этихъ изображеній давнымъ давно отжили; но черты лица, но сочувственное выраженіе физіономіи, обаяніе творчества, которое создало и передало потомству это изображеніе, все вмѣстѣ пробуждаетъ вниманіе и очаровываетъ васъ. Вы съ утончен-

нымъ и почтительнымъ чувствомъ удовольствія вглядываетесь въ эти портреты; вы засматриваетесь на нихъ; вы, такъ сказать, ихъ заслушиваетесь. Такъ и Пушкинъ заслушивался разсказовъ Натальи Кирилловны: онъ ловилъ при ней отголоски поколѣній и общества, которыя уже сошли съ лица земли; онъ въ бесѣдѣ съ нею находилъ необыкновенную прелесть историческую и поэтическую, потому что и въ исторіи много истинной и возвышенной поэзіи, и въ поэзіи есть своя доля исторіи. Нѣкоторыя драгоцѣнныя частички этихъ бесѣдъ имъ сохранены; но самое сокровище осталось почти непочатымъ».

Въ этомъ очеркѣ все безусловно справедливо, кромѣ, быть можетъ, самыхъ послѣднихъ строкъ. Не все сокровище впечатлѣній Пушкина унесено имъ въ могилу. Обыкновенно говорятъ, что въ «Пиковой Дамѣ» образъ старой графини напоминаетъ одну изъ современницъ Загряжской, княгиню Н. П. Голицыну, которую Пушкинъ также засталъ въ живыхъ. Одна его собственная замѣтка подала поводъ къ такому заключенію, и нѣтъ причины не вѣрить автору; но Наталью Кирилловну онъ зналъ ближе, чѣмъ Голицыну, и трудно не допустить предположенія, чтобы Пушкинъ не вспоминалъ и Загряжскую, когда писалъ «Пиковую Даму».

Въ послѣдніе годы жизни Наталья Кирилловна спокойно глядѣла въ лицо смерти. Въ концѣ іюня 1834 года скончался ея зять, князь В. П. Кочубей. При первомъ извѣстіи эта смерть ея встревожила, но о дальнѣйшихъ ея впечатлѣніяхъ вотъ что̀ писалъ своей женѣ Пушкинъ: «Наталья Кирилловна сердится на всѣхъ, особенно на князя Кочубея, зачѣмъ онъ умеръ и тѣмъ огорчилъ ея Машу. На княгиню также дуется и говоритъ: «Mon Dieu, nous toutes nous avons perdu nos maris, et cependant nous nous sommes consolés».

О послѣднихъ дняхъ Н. К. Загряжской приведемъ слова А. А. Васильчикова: «Здоровое ея сложеніе, которое она такъ хорошо умѣла сохранить, начало наконецъ на 90-мъ году ослабѣвать. Она потеряла хорошій сонъ, зрѣніе начало ей измѣнять. «J'emballe», говорила она, — «скоро ѣду». Чувствуя разстройство желудка, она говорила доктору: «Quand la dépense est plus forte que la recette, on fait banqueroute». Съ христіанскою твердостью приняла она за всѣ свои предсмертныя распоряженія. Въ совершенной памяти она въ одну недѣлю два раза пріобщилась. Никогда не оставляя своего образа жизни, за одинъ день до кончины она въ послѣдній разъ

взошла въ свою гостиную, наполненную родными и знакомыми. Всѣ подходили къ ней и со слезами цѣловали ея руку. Она сыграла одинъ туръ въ любимый свой бостонъ и оставила навсегда столь долго обновляемый живымъ умомъ ея кругъ знакомыхъ».

Н. К. Загряжская скончалась 19-го марта 1837 года и похоронена въ Свято-Духовской церкви Александро-Невской лавры.

ПУШКИНЪ И ДАЛЬ.

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большого свѣта и двора

пришлось Пушкину провести послѣдніе годы своей жизни, послѣ женитьбы. Но въ немъ постоянно горѣлъ яркій пламень творчества и высокой мысли. Отвлекаемый свѣтскими обязанностями, онъ особенно дорожилъ тѣми счастливыми минутами, когда могъ свободно отдаваться художественному или умственному труду, или наконецъ, живой бесѣдѣ съ людьми, способными возвыситься до глубокихъ созерцаній его мысли. Онъ искалъ такихъ людей не только среди старыхъ пріятелей, кругъ которыхъ уже начиналъ рѣдѣть и разсѣиваться, но и между новыми знакомыми, съ которыми сводили его обстоятельства. Къ числу новыхъ лицъ, сблизившихся съ нимъ въ эти годы, принадлежалъ, между прочимъ, Владиміръ Ивановичъ Даль. Далю было въ то время тридцать лѣтъ. Онъ еще не пользовался извѣстностью въ литературномъ мірѣ, но умственный складъ его уже вполнѣ опредѣлился; онъ не искалъ покровительства Пушкина, какъ многіе начинающіе писатели, но радъ былъ найти въ немъ нравственную поддержку тѣмъ занятіямъ, которымъ съ раннихъ лѣтъ посвящалъ свой досугъ, и которыя мало по малу сдѣлались господствующимъ интересомъ его жизни.

Датчанинъ по происхожденію, но русскій по воспитанію, сперва кадетъ Морского корпуса и мичманъ флота, а затѣмъ студентъ Дерптскаго университета и, въ качествѣ военнаго врача, участникъ Турецкой и Польской кампаній, Даль въ своихъ многочисленныхъ странствованіяхъ по разнымъ концамъ Россіи пріобрѣлъ страстную

охоту къ наблюденіямъ надъ народнымъ языкомъ и бытомъ. Дѣло это, еще совершенно новое у насъ въ то время, уже давно занимало Пушкина, который самъ, во время своей невольной деревенской жизни, записывалъ съ устъ народа пѣсни и сказки, прислушивался къ народному говору и даже, къ немалому смущенію своихъ критиковъ, вносилъ въ свои произведенія плоды своихъ наблюденій — живыя черты народнаго языка и быта. Къ сознательному убѣжденію въ пользѣ и необходимости этихъ изученій Пушкинъ пришелъ совершенно самостоятельно и раньше многихъ ученыхъ. То же убѣжденіе, и также не изъ книгъ, а изъ живого опыта, выработалось у Даля, и онъ съ увлеченіемъ отдался занятіямъ народностью. Въ 1830 году онъ напечаталъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* небольшую повѣсть «Цыганка», занимательный, просто и тепло написанный разсказъ изъ быта молдаванъ и молдавскихъ цыганъ. По обилію этнографическихъ чертъ повѣсть эта обнаруживала въ авторѣ внимательнаго и тонкаго наблюдателя народныхъ обычаевъ, нравовъ и типовъ, но она прошла въ литературѣ не замѣченною; только самъ издатель *Телеграфа* назвалъ ее «превосходною», отдавая читателямъ отчетъ о своемъ журналѣ за 1830 годъ [1]). Въ 1832 году Даль рѣшился сдѣлать первое примѣненіе изъ своего знакомства съ русскою народною рѣчью, издавъ въ Петербургѣ небольшое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Русскія сказки, изъ преданія изустнаго на грамоту гражданскую переложенныя, къ быту житейскому приноровленныя и поговорками ходячими украшенныя казакомъ Луганскимъ. Пятокъ первый». Появленіе этой книжки и подало поводъ къ сближенію Даля съ Пушкинымъ на почвѣ дѣла, которое ихъ обоихъ занимало.

Вскорѣ послѣ изданія «Русскихъ сказокъ» Даль оставилъ Петербургъ, но въ 1833 году, когда Пушкинъ предпринялъ путешествіе въ восточную Россію для осмотра мѣстностей, гдѣ происходилъ Пугачевскій бунтъ, Даль встрѣтился съ поэтомъ, въ половинѣ сентября, въ Оренбургѣ, объѣхалъ съ нимъ окрестности города и провелъ нѣсколько дней въ дружескихъ бесѣдахъ. Наконецъ, предъ

1) *Московскій Телеграфъ*, 1830 г., ч. 36, стр. 544. Повѣсть Даля помѣщена въ той же части; впослѣдствіи авторъ перепечатывалъ ее въ сборникахъ своихъ разсказовъ съ нѣкоторыми передѣлками и прибавкой новыхъ этнографическихъ подробностей. Въ изданіи сочиненій Даля, вышедшемъ въ 1861 году, повѣсть эта помѣщена въ III-мъ томѣ.

самою кончиной Пушкина, Далю случилось пріѣхать въ Петербургъ и быть свидѣтелемъ послѣднихъ дней поэта.

Итакъ, сношенія Даля съ Пушкинымъ были непостоянны, даже не особенно коротки, но Даль сохранилъ о нихъ благодарное воспоминаніе и, семь лѣтъ спустя послѣ его смерти, написалъ разсказъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ. Дѣло это онъ справедливо считалъ долгомъ всѣхъ, кто близко зналъ великаго поэта, и со своей стороны исполнилъ его, какъ умѣлъ. Къ сожалѣнію, прочіе друзья Пушкина не сдѣлали того же, и потому, вмѣсто цѣльнаго образа, начертаннаго дружескою рукой, мы имѣемъ о Пушкинѣ только отрывочные разсказы. Благодаря тонкой наблюдательности Даля и его глубокому уваженію къ Пушкину, а также благодаря тому, что Пушкинъ проявлялся въ бесѣдахъ съ нимъ самыми существенными чертами своей личности, воспоминанія Даля, не смотря на свою краткость, должны занять видное мѣсто въ ряду матеріаловъ для біографіи величайшаго представителя русской литературы. Рукопись своихъ воспоминаній Даль передалъ въ распоряженіе П. В. Анненкова, когда послѣдній сталъ собирать матеріалы для біографіи Пушкина. Но Анненкову не пришлось воспользоваться этимъ источникомъ, и рукопись Даля осталась въ его бумагахъ не изданная [1]). Печатаемъ этомъ разсказъ Даля цѣликомъ, а за нимъ помѣщаемъ нѣсколько замѣчаній и дополненій, къ которымъ онъ подаетъ поводъ.

Воспоминанія о Пушкинѣ.

Крыловъ былъ въ Оренбургѣ младенцемъ; Скобелевъ чуть ли не стаивалъ въ немъ на часахъ; у Карамзиныхъ есть въ Оренбургской губерніи родовое помѣстье. Пушкинъ пробылъ въ Оренбургѣ нѣсколько дней въ 1833 году, когда писалъ «Пугача», а Жуковскій—въ 1837 году, провожая государя цесаревича.

Пушкинъ прибылъ нежданный и нечаянный и остановился въ загородномъ домѣ у военнаго губернатора Василія Алексѣевича Перовскаго, а на другой день перевезъ я его оттуда, ѣздилъ съ нимъ въ историческую Бердинскую станицу, толковалъ, сколько слышалъ и

1) Напечатана была только другая записка Даля—о смерти Пушкина. См. *Московскую Медицинскую Газету* 1860 года, № 49.

зналъ мѣстность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевымъ; указывалъ на Георгіевскую колокольню въ предмѣстьи, куда Пугачъ поднялъ было пушку, чтобы обстрѣливать городъ, на остатки земляныхъ работъ между Орскихъ и Сакмарскихъ воротъ, приписываемыхъ преданіемъ Пугачеву, на Зауральскую рощу, откуда воръ пытался ворваться по льду въ крѣпость, открытую съ этой стороны; говорилъ о незадолго умершемъ здѣсь священникѣ, котораго отецъ высѣкъ за то, что мальчикъ бѣгалъ на улицу собирать пятаки, копии Пугачъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ въ городъ вмѣсто картечи, о такъ-называемомъ секретарѣ Пугачева Сычуговѣ, въ то время еще живомъ, и о бердинскихъ старухахъ, которыя помнятъ еще «золотыя» палаты Пугача, то-есть, обитую мѣдною латунью избу.

Пушкинъ слушалъ все это—извините, если не умѣю иначе выразиться,—съ большимъ жаромъ и хохоталъ отъ души слѣдующему анекдоту: Пугачъ, ворвавшись въ Берды, гдѣ испуганный народъ собрался въ церкви и на паперти, вошелъ также въ церковь. Народъ разступался въ страхѣ, кланялся, падалъ ницъ. Приявъ важный видъ, Пугачъ прошелъ прямо въ алтарь, сѣлъ на церковный престолъ и сказалъ вслухъ: «Какъ я давно не сидѣлъ на престолѣ!» Въ мужицкомъ невѣжествѣ своемъ онъ воображалъ, что престолъ церковный есть царское сѣдалище. Пушкинъ назвалъ его за это свиньей и много хохоталъ.

Мы поѣхали въ Берды, бывшую столицу Пугача, который сидѣлъ тамъ — какъ мы сейчасъ видѣли — на престолѣ. Я взялъ съ собою ружье, и съ нами было еще человѣка два охотниковъ. Пора была рабочая, казаковъ ни души не было дома; но мы отыскали старуху, которая знала, видѣла и помнила Пугача. Пушкинъ разговаривалъ съ нею цѣлое утро; ему указали, гдѣ стояла изба, обращенная въ золотой дворецъ, гдѣ разбойникъ казнилъ нѣсколько вѣрныхъ долгу своему сыновъ отечества; указали на гребни, гдѣ, по преданію, лежитъ огромный кладъ Пугача, зашитый въ рубаху, засыпанный землей и покрытый трупомъ человѣческимъ, чтобы отвесть всякое подозрѣніе и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это — простая могила. Старуха спѣла также нѣсколько пѣсенъ, относившихся къ тому же предмету, и Пушкинъ далъ ей на прощанье червонецъ.

Мы уѣхали въ городъ, но червонецъ надѣлалъ большую суматоху. Бабы и старики не могли понять, на что было чужому пріѣ-

ѣзжему человѣку разспрашивать съ такимъ жаромъ о разбойникѣ и самозванцѣ, съ именемъ котораго было связано въ томъ краю столько страшныхъ воспоминаній; но еще менѣе постигали они, за что было отдать червонецъ. Дѣло показалось имъ подозрительнымъ: чтобы-де послѣ не отвѣчать за такіе разговоры, чтобы опять не дожить до грѣха да напасти! И казаки на другой же день снарядили подводу въ Оренбургъ, привезли и старуху, и роковой червонецъ и донесли: «Вчера-де пріѣзжалъ какой-то чужой господинъ, примѣтами: собой не великъ, волосъ черный, кудрявый, лицомъ смуглый, и подбивалъ подъ «пугачевщину» и дарилъ золотомъ; долженъ быть антихристъ, потому что вмѣсто ногтей на пальцахъ когти» [1]). Пушкинъ много тому смѣялся.

До пріѣзда Пушкина въ Оренбургъ я видѣлся съ нимъ всего только раза два или три; это было именно въ 1832 году, когда я, по окончаніи Турецкаго и Польскаго походовъ, пріѣхалъ въ столицу и напечаталъ первые опыты свои. Пушкинъ, по обыкновенію своему, засыпалъ меня множествомъ отрывчатыхъ замѣчаній, которыя всѣ шли къ дѣлу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что̀, казалось, у всякаго изъ насъ на умѣ вертится, только что съ языка не срывается. «Сказка сказкой», говорилъ онъ, — «а языкъ нашъ самъ по себѣ, и ему-то нигдѣ нельзя дать этого русскаго раздолья, какъ въ сказкѣ. А какъ это сдѣлать?.. Надо бы сдѣлать, чтобы выучиться говорить по русски и не въ сказкѣ... Да нѣтъ, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смыслъ, какой толкъ въ каждой поговоркѣ нашей! Что за золото! А не дается въ руки, нѣтъ!»

По пути въ Берды Пушкинъ разсказывалъ мнѣ, чѣмъ онъ занятъ теперь, что̀ еще намѣренъ и надѣется сдѣлать. Онъ усердно убѣждалъ меня написать романъ и — я передаю слова его въ его память, забывая въ это время, къ кому они относятся, — и повторялъ: «Я на вашемъ мѣстѣ сейчасъ бы написалъ романъ, сейчасъ; вы не повѣрите, какъ мнѣ хочется написать романъ, но нѣтъ, не могу: у меня начато ихъ три, — начну прекрасно, а тамъ недостаетъ терпѣнія, не слажу». Слова эти вполнѣ согласуются съ пылкимъ духомъ поэта и думнымъ творческимъ долготерпѣніемъ художника; эти два рѣдкія качества соединялись въ Пушкинѣ, какъ двѣ край-

1) Пушкинъ носилъ ногти необыкновенной длины: это была причуда его. *Примѣчаніе Даля.*

ности, два полюса, которые дополняютъ другъ друга и составляютъ одно цѣлое. Онъ носился во снѣ и на яву цѣлые годы съ какимъ-нибудь созданіемъ, и когда оно дозрѣвало въ немъ, являлось передъ духомъ его уже созданнымъ вполнѣ, то изливалось пламеннымъ потокомъ въ слова и рѣчь: металлъ мгновенно стынетъ въ воздухѣ, и созданіе готово. Пушкинъ потомъ воспламенился въ полномъ смыслѣ слова, коснувшись Петра Великаго, и говорилъ, что непремѣнно, кромѣ дѣянисанія объ немъ, создастъ и художественное въ память его произведеніе: «Я еще не могъ доселѣ постичь и обнять вдругъ умомъ этого исполина: онъ слишкомъ огроменъ для насъ близорукихъ, и мы стоимъ еще къ нему близко—надо отодвинуться на два вѣка,—но постигаю его чувствомъ; чѣмъ болѣе его изучаю, тѣмъ болѣе изумленіе и подобострастіе лишаютъ меня средствъ мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться; надобно освоиться съ предметомъ и постоянно имъ заниматься; время это исправитъ. Но я сдѣлаю изъ этого золота что-нибудь. О, вы увидите: я еще много сдѣлаю! Вѣдь даромъ что товарищи мои всѣ посѣдѣли да оплѣшивѣли, а я только что перебѣсился; вы не знали меня въ молодости, каковъ я былъ; я не такъ жилъ, какъ жить бы должно; бурный небосклонъ позади меня, какъ оглянусь я...»

Послѣднія слова свѣжо отдаются въ памяти моей, почти въ ушахъ, хотя этому прошло уже семь лѣтъ. Слышавъ много о Пушкинѣ, я никогда и нигдѣ не слыхалъ, какъ онъ думаетъ о себѣ и о молодости своей, оправдываетъ ли себя во всемъ, доволенъ ли собою, или нѣтъ; а теперь услышалъ я это отъ него самого, видѣлъ передъ собою не только поэта, но и человѣка. Переломъ въ жизни нашей, когда мы, проспавъ нѣсколько лѣтъ дѣтьми въ личинкѣ, сбрасываемъ съ себя кожуру и выходимъ на свѣтъ вновь родившимся, полнымъ твореніемъ, дѣлаемся изъ дѣтей людьми,—переломъ этотъ не всегда обходится безъ напряжій и не всякому становится дешево. Въ человѣкѣ будничномъ перемѣна не велика; чѣмъ болѣе необыкновеннаго готовится въ юношѣ, чѣмъ онъ болѣе изъ ряду вонъ, тѣмъ сильнѣе порывы закованной въ желѣзныя путы души.

Мнѣ достался отъ вдовы Пушкина дорогой подарокъ: перстень его съ изумрудомъ, который онъ всегда носилъ послѣднее время и называлъ—не знаю почему—талисманомъ; досталась отъ В. А. Жуковскаго послѣдняя одежда Пушкина, послѣ которой одѣли его,

только чтобы положить въ гробъ. Это черный сюртукъ съ небольшою, въ поготокъ, дырочкою противъ праваго паха. Надъ этимъ можно призадуматься. Сюртукъ этотъ должно бы сберечь и для потомства; не знаю еще, какъ это сдѣлать; въ частныхъ рукахъ онъ легко можетъ затеряться, а у насъ некуда отдать подобную вещь на всегдашнее сохраненіе [1]).

Пушкинъ, я думаю, былъ иногда въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ суевѣренъ; онъ говаривалъ о примѣтахъ, которыя никогда его не обманывали, и угадывая глубокимъ чувствомъ какую-то таинственную, непостижимую для ума связь между разнородными предметами и явленіями, въ коихъ, по видимому, нѣтъ ничего общаго, уважалъ тысячелѣтнее преданіе народа, допскивался въ немъ смыслу, будучи убѣжденъ, что смыслъ въ немъ есть и быть долженъ, если не всегда легко его разгадать. Всѣмъ близкимъ къ нему извѣстно странное происшествіе, которое спасло его отъ неминуемой большой бѣды. Пушкинъ жилъ въ 1825 году въ псковской деревнѣ, и ему запрещено было изъ нея выѣзжать. Вдругъ доходятъ до него темные и несвязные слухи о кончинѣ императора, потомъ объ отреченіи отъ престола цесаревича; подобныя событія проникаютъ молніемъ сердца каждаго, и мудрено ли, что въ смятеніи и волненіи чувствъ участіе и любопытство деревенскаго жителя неподалеку отъ столицы возросло до не одолимой степени? Пушкинъ хотѣлъ узнать положительно, сколько правды въ носящихся разнородныхъ слухахъ, что̀ дѣлается у насъ и что̀ будетъ; онъ вдругъ рѣшился выѣхать тайно изъ деревни, разсчитавъ время такъ, чтобы прибыть въ Петербургъ поздно вечеромъ и потомъ черезъ сутки же возвратиться. Поѣхали; на самыхъ выѣздахъ была уже не помню какая-то дурная примѣта, замѣченная дядькою, который исполнялъ приказаніе барина своего на этотъ разъ очень неохотно. Отъѣхавъ немного отъ села, Пушкинъ сталъ уже раскаяваться въ предпріятіи этомъ, но ему совѣстно было отъ него отказаться, казалось малодушнымъ. Вдругъ дядька указываетъ съ отчаяннымъ возгласомъ на зайца, который перебѣжалъ впереди коляски дорогу; Пушкинъ съ большимъ удовольствіемъ уступилъ убѣдительнымъ просьбамъ дядьки, сказавъ, что, кромѣ того, позабылъ что-то нужное дома, и воротился. На другой день

1) Я подарилъ его М. П. Погодину.

Позднѣйшее примѣчаніе Даля.

никто уже не говорилъ о поѣздкѣ въ Питеръ, и все осталось по старому. А еслибы Пушкинъ не послушался на этотъ разъ зайца, то пріѣхалъ бы въ столицу поздно вечеромъ 13-го декабря и остановился бы у одного изъ товарищей своихъ по лицею, который кончилъ жалкое и бѣдственное поприще свое на другой же день... Прошу сообразить всѣ обстоятельства эти и найти средства и доводы, которые бы могли оправдать Пушкина впослѣдствіи по крайней мѣрѣ отъ слишкомъ естественнаго обвиненія, что онъ пріѣхалъ не безъ цѣли и зналъ о преступныхъ замыслахъ своего товарища.

Пусть бы всякій сносилъ въ складчину все, что̀ знаетъ не только о Пушкинѣ, но и о другихъ замѣчательныхъ мужахъ нашихъ. У насъ все родное теряется въ молвѣ и памяти, и внуки наши должны будутъ искать назиданія въ жизнеописаніяхъ людей не русскихъ; къ своимъ же по неволѣ охладѣютъ, потому что ознакомиться съ ними не могутъ; свои будутъ для нихъ чужими, а чужіе сдѣлаются близкими. Хорошо ли это?

Много алмазныхъ искръ Пушкина разсыпались тутъ и тамъ въ потемкахъ; иныя уже угасли и едва ли не навсегда; много подробностей жизни его извѣстно на разныхъ концахъ Россіи: ихъ надо бы снести въ одно мѣсто. А. П. Брюлловъ сказалъ мнѣ однажды, говоря о Пушкинѣ: «Читая Пушкина, кажется, видишь, какъ онъ жжетъ молніемъ выжигу изъ обносковъ: въ одинъ ударъ тряпье въ золу, и блеститъ чистый слитокъ золота».

Было уже упомянуто, что поводомъ къ знакомству Пушкина съ Далемъ послужило появленіе въ 1832 году «Перваго пятка» «Русскихъ сказокъ» казака Луганскаго. Въ этомъ сборникѣ заключались слѣдующія сказки: 1) «О Иванѣ молодомъ сержантѣ, удалой головѣ, безъ роду, безъ племени, спроста безъ прозвища»; 2) «О Шемякинскомъ судѣ и о воеводствѣ и о прочемъ; была когда-то быль, а нынѣ сказка будничная»; 3) «О Рогволодѣ и Могучанѣ царевичахъ, равно и о третьемъ единоутробномъ ихъ братѣ, о славныхъ подвигахъ и дѣяніяхъ ихъ и о новомъ княжествѣ и княженіи»; 4) «Новинка-диковинка или невиданное чудо, неслыханное диво», и 5) «О похожденіяхъ чортопослушника, Сидора Поликарповича, на морѣ

и на сушѣ, о неудачныхъ соблазнительныхъ попыткахъ его и объ окончательной пристройкѣ его по части письменной». Изданіе этихъ «Сказокъ» произвело нѣкоторое волненіе въ обществѣ и въ литературѣ. Едва вышли онѣ въ свѣтъ, какъ Булгаринъ подалъ на автора доносъ, въ которомъ содержаніе двухъ сказокъ (именно первой и пятой) было безсовѣстно перетолковано; вслѣдствіе того Даль былъ арестованъ, и только ходатайство Жуковскаго и академика Паррота, знавшихъ автора по Дерпту, выручило его изъ бѣды [1]). Книжка была изъята изъ обращенія въ публикѣ; понятно поэтому, что журналы ни словомъ не упомянули о ней, но въ литературныхъ кружкахъ она подала поводъ къ толкамъ. По словамъ самого Даля, за «Сказки» «и похвалили, и побранили писателя, погладили по головѣ и попросили садиться, между тѣмъ какъ другіе просили его ходить и жаловать только на задній дворъ» [2]). Это послѣднее мнѣніе принадлежало, разумѣется, литературнымъ старовѣрамъ, которымъ введеніе выраженій простонароднаго языка въ изящную словесность казалось непозволительною ересью. И самому Пушкину не разъ высказывались осужденія въ томъ же смыслѣ. О мнѣніи тѣхъ, кто хвалилъ «Сказки» Даля, мы имѣемъ свидѣтельство—нѣсколько позднѣйшее—И. С. Тургенева. Въ своемъ разборѣ сочиненій Даля, напечатанномъ въ 1846 году, онъ сообщаетъ слѣдующее: «Когда... появились первыя розсказни казака Луганскаго, онѣ обратили на себя всеобщее вниманіе читателей русскимъ складомъ ума и рѣчи, изумительнымъ богатствомъ чисто русскихъ поговорокъ и оборотовъ. Нельзя было признать въ нихъ особеннаго художественнаго достоинства со стороны содержанія, но своимъ неподдѣльнымъ и свѣжимъ колоритомъ онѣ рѣзко отличались отъ пошлаго балагурства не признанныхъ народныхъ писателей» [3]). Пушкинъ, разумѣется, былъ на сторонѣ Даля; по словамъ П. И. Мельникова, онъ былъ въ восхищеніи отъ «Сказокъ» Луганскаго, подъ вліяніемъ ихъ написалъ лучшую свою сказку «О рыбакѣ и рыбкѣ» и подарилъ ее Далю въ

1) «Воспоминанія о В. И. Далѣ» П. И. Мельникова — *Русскій Вѣстникъ* 1873 г., № 3, стр. 299. Въ 1861 году «Сказки» Даля были перепечатаны въ собраніи его сочиненій.

2) «Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ», статья Даля въ *Москвитянинѣ* 1842 г., кн. II, стр. 549.

3) Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева. С.-Пб. 1891, т. X, стр. 365.

рукописи, съ надписью: «Твоя отъ твоихъ! Сказочнику казаку Луганскому сказочникъ Александръ Пушкинъ» [1]).

Не смотря на успѣхъ «Сказокъ», Даль находилъ, что никто не понялъ цѣли, съ какою онъ издалъ ихъ. Десять лѣтъ спустя по выходѣ ихъ въ свѣтъ онъ объяснялъ эту цѣль слѣдующимъ образомъ [2]): «Не сказки по себѣ были ему важны, а русское слово, которое у насъ въ такомъ загонѣ, что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода, — и сказка послужила предлогомъ. Писатель задалъ себѣ задачу познакомить земляковъ своихъ сколько-нибудь съ народнымъ языкомъ, съ говоромъ, которому открывался такой вольный разгулъ и широкій просторъ въ народной сказкѣ. Еслибы тотъ же самый писатель вздумалъ когда-нибудь издать собраніе русскихъ сказокъ, то, конечно, написалъ бы ихъ проще и незатѣйливѣе. Я бы желалъ, чтобы кто-нибудь изъ благомыслящихъ людей, не искавшій въ помянутыхъ «Сказкахъ» того, о чемъ здѣсь говорится, прочелъ ихъ теперь съ особеннымъ вниманіемъ на языкъ, на духъ и складъ рѣчи и на самыя слова. Можетъ быть, это былъ бы и не совсѣмъ напрасный трудъ. Но здѣсь опять необходима оговорка, чтобы не выворотили на нашемъ братѣ тулупъ на изнанку, изъ *Луки* сдѣлали *акулу:* сказочникъ никогда не ставилъ «Сказки» свои въ примѣръ слога и языка, не говорилъ и не говоритъ, что такъ именно должно писать по русски. Нѣтъ, онъ хотѣлъ только на первый случай показать небольшой образчикъ — и право, не съ казоваго конца — образчикъ *запасовъ*, о которыхъ мы мало или вовсе не заботились, между тѣмъ какъ рано или поздно безъ нихъ не обойтись» [3]).

Дѣйствительно, читая Далевы «Сказки» 1832 года, нельзя не видѣть, вопервыхъ, что это не подлинныя народныя сказки, записанныя изъ устъ народа, а собственное сочиненіе казака Луганскаго едва-едва намекающее на народные мотивы, и вовторыхъ, что авторъ ихъ обладалъ богатымъ знаніемъ словъ и оборотовъ народной рѣчи. Но что касается ея «склада» или слога, то очевидно, Даль имѣлъ въ этомъ отношеніи понятія очень односторонніе. Складъ рѣчи въ Далевыхъ «Сказкахъ»—говоря его же словами—затѣйливъ,

1) Мельниковъ—въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1873 г., № 3, стр. 298.
2) Даль говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.
3) *Москвитянинъ* 1842 г., кн. II, стр. 540 и 550.

непростъ и даже кудрявъ. По большей части это особенная, размѣренная или риомованная проза, притомъ обильно приправленная поговорками, присловьями и прибаутками, проза, въ концѣ концовъ столь же искусственная, однообразная и утомительная, какъ высокопарный слогъ старинныхъ риторовъ. Замѣчательно также, что при всемъ стараніи точно соблюсти народность своей рѣчи Даль далеко не вполнѣ выдерживаетъ этотъ пріемъ: не рѣдко въ «Сказкахъ» рядомъ съ русскою формою словъ встрѣчаются славянизмы, и произошло это, по видимому, отъ того, что образцами служили автору сказки не только изъ живой устной передачи, но и изъ лубочныхъ изданій, уже усвоившихъ себѣ нѣкоторую долю книжности. Короче говоря, своими «Сказками» Даль показалъ, что онъ много наблюдалъ и изучалъ народную рѣчь, но свободно владѣть ею не умѣлъ.

Это обстоятельство не могло ускользнуть отъ вниманія такого великаго мастера русскаго языка, какимъ былъ Пушкинъ, и его необходимо имѣть въ виду, читая разсказъ Даля о томъ, что̀ говорилъ ему Пушкинъ по поводу «Сказокъ» казака Луганскаго: не о сочиненіи Даля повелъ онъ рѣчь, не о томъ, на сколько сказочникъ умѣетъ владѣть народнымъ языкомъ, а о самомъ этомъ языкѣ, о его богатствѣ и выразительности. Даль интересовалъ Пушкина какъ собиратель сокровищъ, «запасовъ» народнаго слова, и въ этомъ направленіи поэтъ горячо поддерживалъ его, какъ и свидѣтельствуетъ о томъ самъ Даль въ своей автобіографической запискѣ, доставленной имъ Я. К. Гроту [1]).

Мы привели выше слова Даля, которыми онъ отстраняетъ отъ себя приписанное ему притязаніе дать въ «Сказкахъ» 1832 года образцы настоящаго слога для русской прозы, и думаемъ, что онъ не кривилъ душой въ этомъ случаѣ: по крайней мѣрѣ свои повѣсти и бытовые очерки онъ писалъ обыкновеннымъ литературнымъ языкомъ, а тотъ особенный «складъ рѣчи», который употребленъ въ книжкѣ 1832 года, приберегалъ онъ исключительно для сказокъ [2]). Даль былъ упрямъ и не отступалъ отъ этой манеры даже въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ такого рода,— за то и критика, въ

1) «Воспоминаніе о В. И. Далѣ» *Я. К. Грота* — въ *Сборникѣ II-го отдѣленія Имп. Академіи Наукъ*, т. X, стр. 42.

2) Слѣдуетъ однако замѣтить, что настоящія народныя сказки, вошедшія съ записей Даля въ сборникъ А. Н. Аѳанасьева, отличаются простотой рѣчи, безъ всякихъ кудрявыхъ прикрасъ.

лицѣ Бѣлинскаго, постоянно преслѣдовала его за эту искусственность, хотя тотъ же Бѣлинскій очень цѣнилъ и хвалилъ бытовые очерки и разсказы казака Луганскаго не только за содержаніе, но и за изложеніе. Что же касается Пушкина, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что онъ вовсе не былъ расположенъ къ коренной и притомъ искусственной перестройкѣ русскаго литературнаго языка; еще въ 1825 году, говоря объ его историческомъ развитіи, онъ выразился слѣдующими словами: «Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго, но впослѣдствіи они сблизились, и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей» [1]). Онъ впрочемъ не отрицалъ, что языкъ нашей прозы еще не выработанъ; но постепенное, а не насильственное сближеніе книжной рѣчи съ народною всегда оставалось его твердымъ убѣжденіемъ; это же убѣжденіе, какъ основанное не на отвлеченномъ принципѣ, а на здравомъ смыслѣ и живомъ художественномъ чувствѣ, унаслѣдовали отъ геніальнаго поэта лучшіе писатели послѣпушкинскаго періода: напомнимъ Тургенева [2]).

Послѣ всего сказаннаго считаемъ себя въ правѣ не согласиться съ мнѣніемъ Далева біографа Мельникова о томъ, что сказка «О рыбакѣ и рыбкѣ» написана подъ вліяніемъ перваго пятка «Сказокъ» казака Луганскаго. Можно только предположить, что отъ Даля Пушкинъ получилъ матеріалъ для своей сказки. Но еще раньше зна-

1) Сочиненія Пушкина, т. V, стр. 27.

2) Извѣстно, какъ высоко цѣнилъ Пушкинъ силы и средства русскаго языка. Такой же отзывъ находимъ у Тургенева въ его обращеніи къ молодымъ писателямъ: «Берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, преданное намъ нашими предшественниками, въ челѣ которыхъ блистаетъ... Пушкинъ! Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ: въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи творить чудеса!» (Сочиненія Тургенева, т. X, стр. 113). Авторъ «Записокъ охотника» является достойнымъ ученикомъ автора «Онѣгина» въ художественномъ умѣньи пользоваться народною рѣчью для литературнаго языка. Замѣчательно между прочимъ, что эстетическое чувство, столь тонкое у Бѣлинскаго, измѣнило ему въ оцѣнкѣ этого искусства Тургенева: въ письмѣ къ П. В. Анненкову, 1847 года, Бѣлинскій, по поводу первыхъ очерковъ изъ «Записокъ охотника», замѣчалъ, что авторъ ихъ «пересаливаетъ въ употребленіи словъ орловскаго языка, даже отъ себя употребляя слово *зеленя*, которое также безсмысленно, какъ *мяспя* и *хлѣбена* вмѣсто мяса и хлѣба» (П. В. Анненковъ и его друзья. I. С.-Пб. 1892, стр. 610). Позднѣйшая критика отвергла этотъ строгій приговоръ (ср. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, *А. Н. Пыпина*, т. II, стр. 324).

комства съ Далемъ и съ его сборникомъ Пушкинъ сталъ перекладывать въ стихи народныя сказки, слышанныя имъ отъ своей няни; затѣмъ попалась ему въ руки книга Мериме съ псевдо-сербскими пѣснями и тоже дала матеріалъ для нѣсколькихъ переложеній, но рядомъ съ нею Пушкинъ пользовался сборникомъ и настоящихъ сербскихъ пѣсенъ Вука Караджича. Разнообразя въ этихъ опытахъ характеръ и тонъ изложенія и самый размѣръ, поэтъ, очевидно, искалъ наиболѣе подходящей формы для подобныхъ произведеній въ духѣ народнаго творчества. Сказка «О рыбакѣ и рыбкѣ» была однимъ изъ такихъ опытовъ, и безъ сомнѣнія, самымъ счастливымъ. Извѣстно, что Пушкинъ первоначально предполагалъ включить эту сказку въ составъ «Пѣсенъ западныхъ славянъ» [1]); она и сложена тѣмъ же сербскимъ эпическимъ размѣромъ, который онъ употребилъ для нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ. Простота рѣчи, какъ и вымысла, въ этомъ превосходномъ произведеніи не встрѣчаетъ ничего подобнаго себѣ въ «Сказкахъ» казака Луганскаго. Итакъ, не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что подарокъ, сдѣланный Пушкинымъ Далю, заключалъ въ себѣ нѣкоторый косвенный урокъ ему или, по крайней мѣрѣ, наглядный примѣръ того, какъ слѣдуетъ пересказывать народныя сказки? Даль, къ сожалѣнію, не воспользовался этимъ урокомъ и не освободился отъ своихъ искусственныхъ пріемовъ изложенія даже тогда, когда вздумалъ написать сказку «О Георгіи Храбромъ и сѣромъ волкѣ», содержаніе которой было сообщено ему Пушкинымъ [2]).

Когда, черезъ годъ послѣ своихъ петербургскихъ бесѣдъ съ авторомъ «Русскихъ сказокъ», Пушкинъ встрѣтился съ нимъ во время поѣздки въ восточную Россію, то имѣлъ случай узнать и оцѣнить Даля съ новой стороны — на поприщѣ непосредственныхъ сношеній съ народомъ и собиранія живой народной старины. Какъ видно изъ разсказа Даля, онъ неразлучно провелъ съ Пушкинымъ тѣ пять дней, которые поэтъ прожилъ въ Оренбургѣ — съ 18-го по 23-е сентября [3]). Собираясь писать «Исторію Пугачевскаго бунта», Пушкинъ желалъ прислушаться къ мѣстнымъ преданіямъ и народнымъ разсказамъ о Пугачевщинѣ. Онъ хорошо зналъ, что народныя пре-

1) Сочиненія Пушкина, т. III, стр. 514, примѣчаніе.
2) Сочиненія Даля. С.-Пб. 1861, ч. IV, стр. 311.
3) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 326, 327.

данія драгоцѣнны и незамѣнимы для историка, потому что даютъ его разсказу печать живой современности, но не забывалъ также, что они требуютъ строгой повѣрки и осмотрительности [1]); поэтому, собственно въ «Исторіи» онъ пользовался ими умѣренно: изъ преданій, сообщенныхъ Далемъ или при его посредствѣ, онъ внесъ въ нее только одно—о пушкѣ, поднятой на колокольню въ предмѣстьи Оренбурга, для обстрѣливанія города [2]). За то народныя воспоминанія о Пугачевской смутѣ, которыхъ Пушкинъ собралъ во время своей поѣздки не мало, отразились очень ярко въ «Капитанской дочкѣ».

Съ особенною силой эти воспоминанія охватили поэта, когда онъ посѣтилъ Бердинскую слободу и нашелъ здѣсь живыхъ свидѣтельницъ дикаго бунта. Объ одной изъ нихъ онъ писалъ тогда же своей женѣ: «Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ шесть мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune—нашелъ 75-ти-лѣтнюю казачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ; виноватъ, и про̀ тебя не подумалъ» [3]). Это была дѣйствительно замѣчательная женщина, и не одинъ Пушкинъ обращалъ на нее вниманіе. Вотъ что̀ писала о ней одна молодая москвичка, проживавшая въ Оренбургѣ въ 1833 году и видѣвшая знакомую Пушкину казачку два мѣсяца спустя послѣ того, какъ посѣтилъ ее поэтъ [4]):

«Мы вчера ѣздили въ Берды къ старушкѣ, которая разсказывала Пушкину о Пугачевѣ. Мы посѣтили ее съ тою же цѣлью. Взяли съ собою бумаги и карандашъ, чтобы записывать, если она будетъ намъ, какъ и Пушкину, пѣть пѣсни. Вошедши въ избу, мы увидѣли ее сидящею на печи, окруженною молоденькими дѣвочками и маленькими дѣтьми. Я сначала не думала, чтобъ эта была она: старуха свѣжая, здоровая, даже не беззубая, а говоритъ, что при Пугачевѣ была лѣтъ двадцати. П. И. сказалъ ей, что мы къ ней пріѣхали, такъ какъ слышали, что она помнитъ Пугачева. «Да, ба-

1) Сочиненія Пушкина, т. VI, стр. 207.

2) Тамъ же, стр. 20. Кромѣ того, въ 22-мъ примѣчаніи къ «Исторіи» приведенъ отрывокъ изъ одной солдатской пѣсни, записанной Пушкинымъ во время поѣздки на Уралъ.

3) Тамъ же, т. VII, стр. 327.

4) Письмо, изъ котораго приводится нижеслѣдующая выписка, писано изъ Оренбурга 26-го ноября 1833 года; любезнымъ сообщеніемъ его мы обязаны В. З. Воронпной.

тюшка», отвѣчала она, проворно слѣзая съ печки и низко кланяясь,— «нечего грѣха таить, моя вина». «Какая же это вина, старушка, что ты знала Пугачева?» «Знала, батюшка, знала; какъ теперь на него гляжу: мужикъ былъ плотный, здоровенный, плечистый, борода русая, окладистая, ростомъ не больно высокъ и не малъ, немного пониже вашего благородія. Какъ же! Хорошо знала его и присягала ему вмѣстѣ съ другими. Бывало, онъ сидитъ, на колѣни положитъ платокъ, на платокъ руку; по сторонамъ сидятъ его енаралы: одинъ держитъ серебряный топоръ, того и гляди, что срубитъ, другой — серебряный мечъ; супротивъ висѣлица, а около мы на колѣнахъ присягаемъ; присягнемъ, да поочередно, перекрестившись, руку у него поцѣлуемъ, а межь тѣмъ на висѣлицу-то безпрестанно вздергиваютъ. Видишь все это, скрѣпя сердце. Ужь никого намъ такъ жалко не было, какъ коменданта [1]): предобрый былъ баринъ; всѣ мы его любили, словно отца родного. Какъ его повѣсили, такъ мы и залились слезами всѣ до единаго, — куда и страхъ дѣвался! Жена его также была барыня добрая, прекрасная; ее да ея брата, барина молодого, Пугачевъ взялъ къ себѣ, съ мѣсяцъ держалъ ихъ у себя, а тамъ и велѣлъ разстрѣлять изъ двѣнадцати ружей, да чтобъ больше ихъ напугать, велѣлъ прежде выстрѣлить мимо, а въ другой разъ застрѣлить ужь до смерти. Батюшка мой также былъ въ службѣ у Пугачева, а которымъ онъ приказалъ разстрѣливать-то, у мого отца были подъ начальствомъ, — такъ ужь онъ ихъ упросилъ застрѣлить несчастныхъ сразу. На другой день батюшка пошелъ на это мѣсто, чтобы поплакать надъ ними и похоронить какъ-нибудь,— что же бы думали? Когда ихъ разстрѣливали, то разставили такъ далеко другъ отъ дружки, а тутъ батюшка нашелъ ихъ обнявшись. Видно, ихъ не до смерти убили,— такъ они сползлись, обнялись да такъ и померли».

«Много еще она намъ разсказывала, какъ ихъ, молодыхъ дѣвушекъ, когда нагрянула шайка Пугачева, попрятали въ сусѣки, просомъ засыпали.... Все это происходило въ крѣпости Озерной, гдѣ жила тогда разскащица наша. Эта крѣпость нѣсколько времени была резиденціей Пугачева; онъ жилъ тамъ въ мирное время, отъѣзжалъ только иногда въ Уральскъ къ своей «барынѣ», какъ говорила старуха. Потомъ сказывала намъ сочиненныя въ то время пѣсни, и мы

1) Капитана Сурина.

записали ихъ. Начавши говорить намъ эти пѣсни, она вдругъ сказала со слезами на глазахъ: «Я говорю, а сердце-то у меня не на мѣстѣ. Кто знаетъ, зачѣмъ вы распрашиваете меня объ Пугачѣ? Онамедни тоже пріѣзжали господа, и одинъ все меня заставлялъ разсказывать; а другія бабы пришли да и говорятъ: «Смотри, старуха, не наболтай на свою голову, вѣдь это—антихристъ». Мы старались ее разувѣрить: «Да и я думаю такъ: вѣдь я говорю правду, не выдумываю,—такъ, кажись, что̀ тутъ за бѣда? Онъ же—дай Богъ ему здоровья!—наградилъ меня за разсказы. Да тутъ же съ нимъ былъ и пріятель нашъ, полковникъ Артюковъ[1]); ужь онъ бы не захотѣлъ ввести насъ въ бѣду. А бабы-то какъ было меня напугали! Много ихъ набѣжало, когда тотъ баринъ меня распрашивалъ, и пѣсни я ему пѣла про Пугача. Показалъ онъ мнѣ патретъ: красавица такая написана. «Вотъ», говоритъ,—«она станетъ твои пѣсни пѣть». Только онъ со двора, бабы всѣ такъ на меня и накинулись. Кто говоритъ, что его подослали, что меня въ тюрьму засадятъ за мою болтовню; кто говоритъ: «Антихристъ! Видѣла когти-то у него какія. Да и въ Писаніи сказано, что антихристъ будетъ любить старухъ, заставлять ихъ пѣсни пѣть и деньгами станетъ дарить». Слегла я со страху, велѣла телегу заложить везти меня въ Оренбургъ къ начальству. Такъ и говорю: «Смилуйтесь, защитите, коли я чего наплела на свою голову; захворала я съ думы». Тѣ смѣются, «Не бойся», говорятъ;—«это ему самъ государь позволилъ объ Пугачѣ вездѣ распрашивать». Ну, ужь я и успокоилась, никого не стала слушать».

Разсказы о былыхъ ужасахъ, услышанные на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они совершались, могущественнымъ образомъ подѣйствовали на воображеніе Пушкина: въ «Исторіи» онъ пріурочиваетъ къ Бердинской слободѣ изображеніе внутренняго состоянія пугачевскихъ скопищъ, а въ повѣсти цѣлая глава, подъ названіемъ «Мятежная слобода», рисуетъ рядъ яркихъ картинъ этого быта; тутъ, между прочимъ, упомнается о золотыхъ палатахъ Пугачева, про которыя разсказывала Пушкину бердинская казачка. Въ 22-мъ примѣчаніи къ

1) По сообщеннымъ намъ свѣдѣніямъ, «полковникъ Артюковъ былъ всѣми любимый, добрѣйшій и популярнѣйшій человѣкъ. Во время несчастнаго похода въ Хиву при Перовскомъ (1840 года) онъ, не смотря на свое крѣпкое здоровье, возвратился съ изнурительною лихорадкой, которая вскорѣ и свела его въ могилу».

«Исторіи Пугачевскаго бунта» приведены четыре стиха изъ одной пѣсни, записанной Пушкинымъ и касающейся коменданта Сурина[1]), а въ эпиграфахъ къ нѣкоторымъ главамъ повѣсти и въ ея текстѣ авторъ также помѣстилъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ — быть можетъ, изъ числа тѣхъ, которыя пѣла ему та же бердинская его знакомка[2]). Въ главѣ восьмой, гдѣ описанъ военный совѣтъ у Пугачева и слѣдовавшая за нимъ попойка, приводится «заунывная бурлацкая пѣсня», которую на прощанье передъ сномъ затянули пировавшіе, и вслѣдъ затѣмъ разскащикъ—герой повѣсти—прибавляетъ: «Не возможно разсказать, какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ, и безъ того выразительнымъ,—все потрясало меня какимъ-то піитическимъ ужасомъ». Въ этихъ словахъ Гринева легко угадать собственное настроеніе поэта въ ту пору, когда народныя воспоминанія переносили его воображеніе ко временамъ и въ обстановку Пугачевской смуты.

Разсказъ Даля прекрасно передаетъ живость и силу впечатлѣній, пережитыхъ Пушкинымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходило народное волненіе; отъ вниманія наблюдательнаго собесѣдника не ускользнуло и то, что эти впечатлѣнія претворялись уже въ душѣ Пушкина въ поэтическіе образы. Едва пріѣхавъ въ Оренбургъ, онъ писалъ своей женѣ: «Ужь чувствую, что дурь на меня находитъ — я и въ коляскѣ сочиняю, что̀ жь будетъ въ постелѣ?»[3]) Извѣстно, что сюжетъ «Капитанской дочки» взятъ Пушкинымъ изъ анекдота,

---

1) Цѣликомъ эта пѣсня напечатана въ Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1889 годъ, стр. 56, при описаніи поступившихъ въ нее бумагъ Пушкина. Запись пѣсенъ, упомянутыхъ въ вышеприведенномъ письмѣ, къ сожалѣнію, не сохранилась.

2) По разсказу Даля, старуха пѣла пѣсни, относившіяся до Пугачевщины. Должно однако замѣтить, что въ народѣ сохранилось мало пѣсенъ касательно этого событія: въ 9-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго помѣщено всего восемь пѣсенъ, имѣющихъ отношеніе къ Пугачевскому бунту и связаннымъ съ нимъ событіямъ, да еще одна пѣсня сообщена М. Л. Михайловымъ въ его «Уральскихъ очеркахъ» (*Морской Сборникъ* 1859 г., № 9). Изъ пѣсенъ, находящихся въ сборникѣ Кирѣевскаго, только двѣ записаны въ Оренбургскомъ краѣ, и въ томъ числѣ одна—Далемъ. Поэтому можно думать, что бердская старуха пѣла Пушкину вообще казацкія пѣсни, а не только изъ временъ Пугачевщины.

3) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 326. Онъ любилъ писать, лежа въ постелѣ.

который былъ ему разсказанъ въ Оренбургскомъ краѣ [1]). Въ бесѣдахъ съ Далемъ поэтъ совѣтовалъ ему приняться за романъ и сознался, что самъ занятъ такою же задачей, что у него начато цѣлыхъ три романа. Дѣйствительно, къ 1831 и 1832 годамъ относится рядъ его набросковъ повѣствовательнаго содержанія, а два года спустя послѣ этого разговора, онъ набросалъ программу «Русскаго Пелама», большого романа, въ которомъ должна была развернуться картина русскаго общества двадцатыхъ годовъ. Но всѣ эти замыслы не было суждено Пушкину выполнить, какъ не осуществилъ онъ и другого своего намѣренія — написать исторію Петра Великаго.

Въ высшей степени любопытно въ разсказѣ Даля то, что̀ Пушкинъ говорилъ ему о Петрѣ. Подготовительными работами для его исторіи Пушкинъ сталъ заниматься съ 1831 года и не покидалъ ихъ почти до самой смерти. Но едва ли можно утвердительно сказать, чтобы задуманный имъ историческій трудъ былъ непремѣнно доведенъ до конца, еслибы даже судьба продлила дни автора. Вѣрно лишь то, что Пушкинъ много размышлялъ о значеніи и характерѣ Петровскаго переворота, и что онъ старался постигнуть во всей полнотѣ личность великаго преобразователя; а еще вѣрнѣе, что рядомъ съ выясненіемъ исторической задачи въ немъ развивалась потребность художественной обработки того же предмета. Первыя замѣчанія о личности и дѣлѣ Петра были набросаны Пушкинымъ еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ, и вскорѣ затѣмъ явились у него первыя попытки поэтически изобразить геніальную личность — въ главахъ не оконченнаго романа объ арапѣ Ганнибалѣ, въ извѣстныхъ «Стансахъ». Попытки эти продолжались и позже, въ періодъ архивныхъ разысканій; но чѣмъ болѣе расширялся кругъ историческихъ свѣдѣній Пушкина, тѣмъ менѣе удовлетворялся онъ своимъ прежнимъ представленіемъ о царѣ Петрѣ, въ которомъ живой человѣкъ, со всею его геніальностью и пороками, еще заслонялся условными чертами обычной апоѳеозы. Это смутное состояніе мысли Пушкина отразилось на словахъ о Петрѣ, сказанныхъ имъ Далю. Но прозрѣніе художника опережало въ немъ кропотливость изслѣдователя, и изъ той же бесѣды Даль сохранилъ драгоцѣнное свидѣтельство, что у Пушкина возникла уже мысль о большомъ поэтическомъ произведеніи, въ которомъ Петръ явился бы въ цѣльномъ образѣ.

1) Сочиненія Пушкина; т. IV, стр. 275.

Припоминая совершенно черновой характеръ всего того, что̀ осталось отъ исторической работы Пушкина надъ Петромъ, только этимъ свидѣтельствомъ можно объяснить слѣдующія слова поэта въ его письмѣ къ женѣ, писанномъ въ маѣ 1834 года: «Ты спрашиваешь меня о «Петрѣ»? Идетъ по маленьку; скопляю матеріалы — привожу въ порядокъ — и вдругъ вылью мѣдный памятникъ, котораго нельзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ»[1]). Конечно, ближайшій смыслъ этихъ словъ имѣетъ въ виду только предпринятый Пушкинымъ историческій трудъ, но смыслъ болѣе глубокій, внутренній мѣтитъ, безъ сомнѣнія, на творческое созданіе. Какъ изъ разысканій о Пугачевщинѣ возникла не только «Исторія» бунта, но и «Капитанская дочка», такъ историческое изученіе «крутого и кроваваго переворота, произведеннаго мощнымъ самодержавіемъ Петра»[2]), быть можетъ, вдохновило бы Пушкина на созданіе поэтической картины той эпохи въ формѣ романа или драмы, съ личностью самого преобразователя на первомъ планѣ и съ яркимъ изображеніемъ тѣхъ противорѣчій и борьбы, какія представляла русская жизнь Петрова времени.

П. В. Анненковъ, въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», говоритъ, что черновая подготовка матеріаловъ для творческаго созданія длилась у великаго поэта иногда очень долго, пока наконецъ счастливый порывъ вдохновенія не обращалъ ихъ въ свѣтлыя и мощныя произведенія искусства. Это глубокое сочетаніе размышленія и вдохновенія Анненковъ подмѣтилъ, изучая рукописи Пушкина. Изъ воспоминаній Даля видно, что онъ путемъ живого наблюденія пришелъ къ тому же заключенію. Тонкое замѣчаніе Даля свидѣтельствуетъ, что онъ не только питалъ глубокое уваженіе къ Пушкину, но и прекрасно понималъ его геніальную природу; поэтому-то онъ и желалъ, чтобы обстоятельства жизни Пушкина были изучены подробно, и чтобы свѣдѣнія о нихъ были тщательно собраны прежде, чѣмъ они изгладятся изъ памяти людей, близкихъ къ поэту. Оттого̀ къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ о немъ Даль присоединилъ нѣсколько чужихъ разсказовъ — о суевѣріи Пушкина объ его попыткѣ выѣхать изъ деревни при первомъ извѣстіи о

1) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 351.

2) Слова Пушкина, сказанныя въ 1834 году (Сочиненія, т. V, стр. 250).

кончинѣ императора Александра. Любопытно также, что Даль въ своихъ воспоминаніяхъ обратилъ вниманіе на непрерывно совершавшееся развитіе Пушкина, на то, какъ поэтъ на четвертомъ десяткѣ своей жизни судилъ самъ о годахъ своей молодости. Существуетъ мнѣніе, что Пушкинъ не только сложился вполнѣ въ Александровскую эпоху, но и впослѣдствіи неизмѣнно оставался представителемъ того времени. Если вообще справедливо, что обстоятельства молодыхъ лѣтъ образуютъ основу характера въ каждомъ человѣкѣ, и если это, конечно, должно быть примѣнено и къ Пушкину, то съ другой стороны, совершенство его поэтическихъ созданій, написанныхъ въ послѣдніе десять лѣтъ его жизни, должно служить доказательствомъ, что пора полнаго разцвѣта и зрѣлости наступила для Пушкина именно въ эти позднѣйшіе годы. Такъ смотрѣлъ на себя и самъ великій художникъ, и потому тѣ слова осужденія, съ которыми онъ отнесся о своей молодости въ дружеской бесѣдѣ съ Далемъ за четыре года до своей смерти, должны обратить на себя вниманіе его біографовъ.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

Абазъ-Абада, крѣпость — 37.
Аббазъ-Мирза, принцъ — 37.
Аврора — 302.
Агамемнонъ — 313.
Адеркасъ Фридрихъ-Вильгельмъ—183.
Азія Малая — 385.
Академія наукъ — 398.
„Аккерманскія степи“, Мицкевича—106.
Аккерманъ, городъ — 74, 108, 110.
Акмангытъ, селеніе — 110.
Аксаковъ Сергѣй Тимоѳеевичъ — 13.
Аладьинъ Егоръ Васильевичъ — 241.
Александро-Невская лавра — 413.
Александръ I — 47, 48, 49, 50, 51, 54, 63, 64, 66, 68, 70, 75, 80, 90, 104, 105, 106, 178, 223, 232, 233, 247, 315, 326, 357, 358, 406, 408, 420, 433.
Александръ II — 416.
Александръ Македонскій — 99.
Алексѣевна, няня Ел. Ник. Ушаковой—358.
Алексѣевъ Николай Степановичъ — 124, 125, 127.
Алексѣй, слуга И. И. Пущина—78, 79, 81.
Алибей-улу, озеро — 108.
Алкмена — 248.
Алферовскій, домовладѣлецъ — 260.
Alfieri — 177.
Аминовъ, эскадр. командиръ — 200.
Анакреонъ — 286.
Анапа, крѣпость — 40.
Андро, полковникъ — 252.
Андро Анна Алексѣевна, рожд. Оленина — 251, 252, 364, 374.
„Андромаха“, трагедія Катенина—331, 348.
„Анекдоты о Петрѣ Великомъ“, собр. Як. Штелинымъ — 353.
Анжелика — 72.
Аничковъ, офицеръ — 204.
Анна Николаевна — 45.
Анна Павловна, великая княжна—47, 49, 51, 226.
Анненковъ Иванъ Васильевичъ — 319.
Анненковъ Павелъ Васильевичъ — 2, 3, 4, 49, 56, 57, 79, 83, 88, 91, 119, 141, 142, 150, 223, 224, 246, 256, 318, 319, 320, 321, 322, 324, 325, 332, 339, 344, 345, 349, 350, 379, 381, 386, 387, 416, 425, 432.
Анрепъ Романъ Романовичъ — 382.
Анти, примадонна — 358, 360.
Антипьевна, въ стих. А. Пушкина—60.
Антологія греческая — 31, 87.
Антонинъ, римск. императоръ, его дорожникъ — 108.
Анучина, дѣвица — 356.

„Анчаръ“, стих. А. Пушкина — 346.
Аполлонъ, — 239, 285, 297.
Апраксина, — 407.
Аракъ, рѣка — 37.
Араповъ Пименъ Николаевичъ — 145.
„Арапъ Петра Великаго“, ром. А. Пушкина — 177, 431.
Ардаганъ, крѣпость — 38, 387.
Арзамасъ, общество — 235, 267.
Арзрумъ — 38, 166, 366, 387, 389, 390.
Арина Родіоновна, няня Пушкина — 78, 79, 81, 82, 83, 165, 324.
Армида — 369.
Арсеньевы — 217.
Артюковъ, полковникъ — 429.
Астафьевъ, офицеръ Павловскаго полка — 392, 393.
Астрахань — 153, 155.
„Атеней“, журналъ — 42, 320.
Атриды — 193.
Аустерлицъ — 131.
Ахалкалаки, крѣпость — 38.
Ахалцыхъ, городъ — 24, 38, 386, 387, 389.
„Ахъ тетушка, ахъ Анна Львовна!“, стих. А. Пушкина — 256.
Ачхой-Ханкарикъ, аулъ — 39.
Аѳанасьевъ Александръ Николаевичъ — 424.

Байбуртъ, крѣпость — 38.
Байкалъ — 85.
Байронъ Дж.-Г. — 10, 87, 92, 128, 140, 144, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 157, 158, 159, 183, 187, 189, 191, 238, 246, 247, 273, 290, 314, 315, 335, 336, 352.
Бакунина Варвара Александровна — 208.
Бакунина Екатерина Павловна — 62, 90.
Бакунинъ Александръ Павловичъ — 62.
Бакунинъ Александръ Михайловичъ — 208, 213.
Бакунины, дочери Александра Михайловича — 208, 218.
Балта — 103,
„Балъ“, поэма Е. А. Боратынскаго — 261.
Бальзакъ Онорэ — 201, 203, 204.
Бальшъ Тодоръ — 8, 127.
Барковъ Дмитрій Николаевичъ — 250.
Барковъ Иванъ — 308.
„Barnave“, ром. J. Janin — 205.
Барсуковъ Николай Платоновичъ — 3, 30, 90, 333, 337, 338, 339, 340.
Бартеневъ Петръ Ивановичъ — 56, 90, 141, 142, 239, 289, 320, 326, 327, 328, 381.
„Барыня“, плясовая — 111.
Басманная — 323.
Басовъ, подполковникъ — 395.
Батуринъ, городъ — 405, 407.
Батюшковъ Константинъ Николаевичъ — 120, 130, 138, 284—317.
Бахметева Викторія Станиславовна, рожд. гр. Потоцкая, по первому браку гр. Шуазёль-Гуфье — 105, 106.
Бахметевъ Алексѣй Николаевичъ — 104, 116, 120.
„Бахчисарайскій фонтанъ“, А. Пушкина — 9, 145, 151, 238.
Бебутовъ кн. — 387.
Беклешова Александра Ивановна, рожд. Осипова — 182, 186, 187.
Беклешовъ, Псковскій полиціймейстеръ — 182, 186, 187.
Беллини, композиторъ — 359.
Беллокъ г-жа — 189.
Бельведеръ, въ Варшавѣ — 186.
Бендеры — 110, 117, 127.
„Benedetta sia la madre“, баркаролла — 243.
Бенкендорфъ гр. Александръ Христофоровичъ — 180, 221, 346, 381, 383.
Bénoît, m-lle — 226, 227, 228, 229.
Беранже — 260.
Бергъ Николай Васильевичъ — 322, 325.
Бердинская станица — 416, 417, 418, 427, 429.
Берлинъ — 406.
Берново, имѣніе И. П. Вульфъ — 224, 226, 229.

Berold de Savoie, герой повѣсти — 176.
Бессарабія — 6, 9, 74, 76, 92, 93, 94, 97, 100, 102, 103, 104, 106, 107, 109, 110, 111, 112, 117, 120, 121, 127, 128, 129, 133, 134, 136, 288, 289.
Бестужева Прасковья Михайловна — 383, 384.
Бестужевъ Александръ Александровичъ (Марлинскій) — 21, 160, 271, 275, 383, 384.
Бестужевъ Михаилъ Александровичъ — 21.
„Бесѣдка музъ“, стих. Батюшкова—307, 308.
„Библіографическія Записки“ — 14, 31, 42, 90, 252, 321, 363, 364, 381.
„Библіотека для чтенія“ — 209, 210, 216, 223.
„Bibliothèque des villes et de campagne“ — 176.
Блавацкая Елена Петровна — 28.
Благородный пансіонъ при Главномъ педагогическомъ институтѣ—14, 15, 18, 37.
„Близъ тебя, въ восторгѣ нѣмъ“, посланіе А. Д. Илличевскаго къ А. П. Кернъ — 253.
Блудовъ гр. Дмитрій Николаевичъ — 267, 268, 292.
Бобруйскъ, крѣпость — 386.
Бова Королевичъ — 288.
Богушевскій Алексѣй Дмитріевичъ — 179, 185.
Болотовъ Андрей Тимофѣевичъ — 355.
Болохоръ, селеніе — 38.
Бонниваръ („Шильонскій узникъ“ Байрона) — 158.
Боратынскій Евгеній Абрамовичъ—19, 181, 239, 247, 260, 261, 316, 331, 334, 335, 336, 348, 349.
„Боратынскому изъ Бессарабіи“, посланіе А. Пушкина — 102.
Борисъ, дядька А. Ѳ. Вельтмана — 98.
„Борисъ Годуновъ“, А. Пушкина — 11, 142, 143, 144, 145, 146, 160, 161, 177, 199, 221, 270, 271, 282, 320, 329, 330, 331, 351.
„Boris, nouvelle“ соч. А. Сентъ-Ипполита — 138, 139.
Бородино — 54.
Босвель — 2.
Боткинъ Василій Петровичъ — 34.
Боульсъ (Bowles William-Leslie) — 336.
Бравура, учитель пѣнія — 359.
„Братья-разбойники“, А. Пушкина — 9, 124, 127, 128, 133, 134, 141, 143, 145, 152, 153, 154, 156, 157, 158, 159, 160, 238.
Бреславль, городъ — 183.
Брестъ-Литовскъ — 178, 179, 203.
Бретань — 113.
Брогліо гр. Сильверій Ф. — 63.
Броль, герцогъ Ахиллъ — 409.
Бронниковъ, домовладѣлецъ — 42.
Бронницы, городъ — 42.
Брюлловъ Александръ Павловичъ — 421.
Брюлловъ Карлъ Павловичъ — 332.
Буджакъ — 106, 110, 111.
Булацель Павелъ Ильичъ — 187, 199, 200.
Булгаринъ Ѳаддей Венедиктовичъ—19, 216, 380, 422.
Булгарія — 107.
Булгарія, улица въ Кишиневѣ — 127.
Бунина Анна Петровна — 292.
Бурнасоло, озеро — 108.
Бурцовъ Алексѣй Петровичъ — 25.
Бурцовъ Иванъ Григорьевичъ — 69, 387, 388.
Бутурлинъ гр. Николай Александровичъ — 382.
Бухарестъ — 117.
Быкъ, рѣка — 120, 128.
Быхово, мѣстечко — 193.
Бѣгичевы — 208.
„Бѣглецъ“, повѣсть А. Ѳ. Вельтмана — 135.
Бѣлая Церковь, городъ Кіевской губ.— 142, 143, 144.
Бѣлинскій Виссаріонъ Григорьевичъ— 34, 35, 36, 100, 159, 160, 161, 318, 350, 380, 425.

Бѣловѣжская пуща — 193.
Бѣльцы, городъ — 112.
Бюффонъ — 281.

Ваганьковское кладбище въ Москвѣ—361.
Вадулуй-Исаки, селеніе въ Буджакѣ — 106.
„Вакханка“, стих. Батюшкова — 304.
Валахія — 105, 116, 117, 119, 129.
Валентини, авторъ — 194.
„Валленштейнъ“, Шиллера — 143, 145.
Валуева — 63.
Вальмонъ, герой **„Les liaisons dangereuses“**, Лакло — 165.
Варлаамъ, дѣйств. лицо въ „Борисѣ Годуновѣ“ — 221.
Варна, крѣпость — 184.
Варницы, селеніе — 110.
Варшава — 167, 168, 178, 179, 185, 188, 201, 202, 203, 206, 218, 324.
Варѳоломей Егоръ Кирилловичъ—121, 122, 123, 124.
Варѳоломей Марья Дмитріевна — 122.
Варѳоломей Пульхерія Егоровна (по мужу Мано) — 105, 106, 121—124.
„Василій Шуйскій“, предполагавшаяся драма А. Пушкина — 330.
Васильевскій островъ — 241.
Васильчикова Марья Васильевна — см. гр. Кочубей.
Васильчиковъ Александръ Алексѣевичъ — 399, 401, 402, 405, 407, 409, 412.
„Веверлей“, романъ В. Скотта — 149.
Вейденбаумъ Е. Г. — 381.
„Veillées de la chaumière“ (Les) — 228.
„Veillées du château“ (Les) — 228.
Вельо, бароны — 65.
Вельтманъ Александръ Ѳомичъ — 92—137.
„Vendetta“ (La), романъ Бальзака—201.
Веневитиновъ Дмитрій Владиміровичъ — 248, 249, 261, 329, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 344, 351.
Веневитиновы — 329.
Венера — 248.
„Венеръ отъ Лаисы при посвященіи ей зеркала“, стих. А. Пушкина — 87.
„Венеціанская ночь“, стих. И. И. Козлова — 243, 244.
Венкштернъ Алексѣй Алексѣевичъ — 355.
Верещагинъ Александръ Васильевичъ — 355.
„Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ“, Ломоносова — 312.
„Вечеръ въ Симоновѣ“, соч. Н. Д. Иванчина-Писарева — 353.
Вигель Филиппъ Филипповичъ — 128, 133.
„Видѣніе на берегахъ Леты“, сатира Батюшкова — 286, 293, 310.
Вильменъ, критикъ — 409.
Витовтовъ Александръ Александровичъ — 357, 358.
Виттъ гр. Иванъ Осиповичъ — 192.
Витуева, станица — 40.
Віельгорскій гр. Михаилъ Юрьевичъ — 295.
Владикавказъ — 384, 390, 391.
Владимиреско Ѳедоръ — 116, 118, 119.
Владимірская улица, въ Петербургѣ — 260.
Владиміръ Святой — 286.
Владиславъ, король Польскій — 113.
„Властитель острововъ“, повѣсть В. Скотта — 149.
Власъ, поваръ В. Л. Пушкина — 323.
„Водопадъ“, стих. Языкова — 181.
Воейкова Александра Андреевна, рожд. Протасова — 181.
Воейковъ Александръ Ѳедоровичъ — 19, 181, 196.
„Военная грузинская дорога (извлеченіе изъ путевыхъ записокъ А. Пушкина)“ — 379.
Военно-Грузинская дорога — 381, 384.
„Война“, стих. А. Пушкина — 119, 120.
„Война и миръ“, романъ гр. Л. Н. Толстого — 397.
„Война мышей и лягушекъ“, перев. Жуковскаго — 181.

„Войнаровскій“, поэма К. Ѳ. Рылѣева — 144, 146, 151.
Воиновъ Александръ Львовичъ — 194.
Волга — 153, 154, 155.
Волкова Марья Аполлоновна — 407.
Волконская княжна Варвара Михайловна — 63, 64.
Волконская княгиня Зинаида Александровна — 331, 347.
Волконскій кн. Петръ Михайловичъ — 63, 64, 68, 405.
Вольней, авторъ — 199.
Вольтеръ — 220, 279, 335.
Вольфъ г-жа — 179, 180, 182.
Вольховскій Владиміръ Дмитріевичъ — 69, 386.
Вордсвортъ Вилльямъ — 147, 149, 330.
Воронина Вѣра Захаровна — 427.
Воронцова кн. Елисавета Ксаверьевна, рожд. гр. Браницкая — 77.
Воронцовъ кн. Михаилъ Семеновичъ — 9, 76, 77, 79.
Воронцовъ гр. Семенъ Романовичъ — 404.
„Воспоминаніе“, стих. А. Пушкина — 346.
„Воспоминаніе (Къ Пущину)“, стих. А. Пушкина — 58, 59.
„Воспоминаніе объ А. А. Воейковой“, стих. Языкова — 181.
„Воспоминанія“, элегія Батюшкова — 309, 310, 311.
„Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, стих. А. Пушкина — 4, 14, 61.
„Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ“, стих. А. Пушкина — 65.
„Вотъ, перешедши мостъ Конушкинъ“, стихи А. Пушкина — 394.
Вревская — см. Трескина.
Вревская бар. Евпраксія Николаевна, рожд. Вульфъ — 171, 199, 206, 226.
Вревскій бар. Борисъ Александровичъ — 171, 208, 226.
Вревскій бар. Павелъ Александровичъ — 169.
Вревскій бар. Степанъ Борисовичъ — 169, 208.
Вревъ, имѣніе бар. Е. Н. Вревской — 206.
Вронскій, капитанъ — 192.
Вронченко Михаилъ Павловичъ — 183.
„Всегдашній гость, мучитель мой“, эпигр. Батюшкова — 292.
Вукъ Караджичъ — 426.
„Вульфу А. Н.“, посланіе Языкова — 207.
Вульфъ Алексѣй Николаевичъ — 11, 162—222, 225, 226, 244, 246, 259, 264.
Вульфъ, Анна Николаевна — 164, 171, 182, 186, 199, 224, 225, 226, 227, 228, 234, 238, 239, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 264.
Вульфъ Валеріанъ Николаевичъ — 171, 217.
Вульфъ Евпраксія Николаевна — см. бар. Вревская.
Вульфъ Екатерина Ивановна — см. Полторацкая.
Вульфъ Иванъ Петровичъ — 169, 170, 213, 221, 234.
Вульфъ Михаилъ Николаевичъ — 171, 178, 179.
Вульфъ Николай Ивановичъ — 169, 170, 213, 224, 227.
Вульфъ Петръ Ивановичъ — 225.
Вульфъ Прасковья Александровна — см. Осипова.
Вульфы — 80.
„Въ альбомъ И. И. Пущину“, стих. А. Пушкина — 55, 56.
„Въ день рожденія N.“, стих. Батюшкова — 307.
„Въ отдаленіи отъ васъ...“, стих. А. Пушкина 1827 г. — 364.
„Выздоровленіе“, элегія Батюшкова — 309.
Вындомская Елизавета Александровна — см. Ганнибалъ.
Вындомская Прасковья Александровна — см. Осипова.
Вындомская Прасковья Аристарховна, рожд. Кашкина — 170.

Вындомскій Александръ Максимовичъ — 170, 225.
„Выписка о португальской словесности“, статья С. А. Соболевскаго — 342.
Вѣна — 113, 403.
„Вѣстникъ Европы“, журналъ — 57, 86, 87, 94, 198, 301, 320, 328, 333.
Вяземскій кн. Петръ Андреевичъ — 2, 14, 15, 19, 20, 22, 27, 31, 89, 141, 150, 151, 153, 160, 266 — 283, 290, 293, 299, 306, 309, 333, 334, 338, 348, 361, 362, 363, 365, 367 — 369, 376, 411.
Вяземы, село подъ Москвою, — 323, 324, 325.

Гаврило, слуга — 179.
Гавріилъ (Банулеско), митрополитъ Кишиневскій — 104.
Гага, рѣка — 110.
Гагки-паша — 38, 387, 389.
Гаевскій Викторъ Павловичъ — 12, 13, 14, 329.
Галатея — 123.
„Галатея“, журналъ — 370.
Галерій, императоръ — 107.
Галиція — 112, 192.
Галичъ Александръ Ивановичъ—335.
Галль Франсуа-Жозефъ — 53.
„Галубъ“, поэма А. Пушкина — 396.
„Гамлетъ“, траг. Шекспира — 183.
Гангебловъ Александръ Семеновичъ—386.
Ганнибалъ Абрамъ Петровичъ — 170, 177, 218, 431.
Ганнибалъ Александръ Яковлевичъ — 170.
Ганнибалъ Евгенія Яковлевна — 170.
Ганнибалъ Елисавета Александровна, рожд. Вындомская — 170, 225.
Ганнибалъ Марья Алексѣевна, рожд. Пушкина — 323, 325.
Ганнибалъ Яковъ Исаковичъ—170, 225.
Ганнибалы — 218.
Ганъ Елена Андреевна — 28.
Гассанъ-Кале — 389.
Гауеншильдъ Ѳедоръ Матвѣевичъ—57, 60.
„Гезіодъ и Омиръ соперники“, стих. Батюшкова — 287, 304, 305.
Геништа I., музыкантъ — 359.
Георгіевская колокольня въ Оренбургѣ — 417.
Геркулесъ — 248.
Геродотъ — 108.
Гёте — 87, 113, 183, 200, 220, 273, 300, 335.
Гетскія пустыни — 103.
Гизо — 330, 409.
Гименей, богъ брака — 240.
де-Гинь (de-Guigne) — 314.
Гирсовъ, городъ — 108.
Главный педагогическій институтъ — 48, 50.
Глинка Михаилъ Ивановичъ—15, 223, 243, 254.
Глинка Сергѣй Николаевичъ — 13.
Глуховъ, городъ — 399.
Гнѣдичъ Николай Ивановичъ — 287, 288, 296, 297, 298, 304, 314.
Гоголь Николай Васильевичъ — 98, 135, 320.
Годуновъ Борисъ, царь — 324, 325.
Гойта, рѣка — 40, 382.
Голицына княг. Наталья Петровна — 412.
Голицына княжна Екатерина Дмитріевна — 76.
Голицынъ кн. — 252.
Голицынъ кн. Александръ Николаевичъ — 68.
Голицынъ кн. Борисъ Владиміровичъ — 323.
Голицынъ кн. Дмитрій Владиміровичъ — 76, 77, 90, 323, 364.
Голицынъ кн. Сергѣй Григорьевичъ—252, 253.
Голицынъ кн. Сергѣй Михайловичъ—409, 410.
Головинскій портъ — 39.
„Голосъ“, газета — 222.
Голубининъ, офицеръ — 200.

Гомеръ — 280, 305.
Гонецкій А. Н. — 355.
Гончарова Наталья Ивановна рожд. Загряжская — 375, 400, 411.
Гончарова Наталья Николаевна — см. Пушкина.
Гончаровъ Аѳанасій Николаевичъ — 411.
Гончаровъ Николай Аѳанасьевичъ — 411.
Горацій — 300, 307.
„Горе отъ ума“, Грибоѣдова—76, 81, 82, 180.
Горный Кадетскій корпусъ—173, 174, 175, 197.
Городище, монастырь — 112, 113.
„Городокъ“, стих. А. Пушкина — 87.
„Городъ пышный, городъ бѣдный“, стих. А. Пушкина — 252.
Горчакова княжна Елена Михайловна — см. Кантакузинъ.
Горчаковъ кн. Александръ Михайловичъ — 44, 61.
Горчаковъ Владиміръ Петровичъ—122.
Горячеводскъ — 391.
Гостиный дворъ — 216.
Граббе гр. Павелъ Христофоровичъ — 40, 155, 156.
„Графъ Нулинъ“, А. Пушкина—166, 177, 329.
Грецiя — 63, 116, 119.
„Греческія стихотворенія“ Н. Ѳ. Щербины — 29.
Гречъ Николай Ивановичъ — 19, 210.
Грибоѣдовъ Александръ Сергѣевичъ — 76.
Григорьевъ Аполлонъ Александровичъ — 158.
Гриневъ, герой „Капитанской дочки“ — 430.
Гродненская губернія — 193.
Грозная, крѣпость — 39.
„Громобой“, баллада Жуковскаго—139.
Гропень на Дунаѣ — 108.
Гротъ Яковъ Карловичъ—91, 115, 156, 329, 424.
Грубешовъ, городъ — 200.
Грузія — 180, 378.
Гурьева Александра Андреевна — 45.
Гурьевъ К. — 44, 45, 49.
Гюго Викторъ — 352.
Гюльнара (изъ Байрона) — 217.
Гюмишъ-Кале, городъ — 38.
„Гяуръ“, поэма Байрона—144, 146, 148.

Давыдовъ Денисъ Васильевичъ — 25, 59, 306.
Давыдовъ Левъ Васильевичъ — 306.
Дакія, страна — 107.
Даль Владиміръ Ивановичъ — 320, 322, 414—433.
„Дамскій журналъ“ — 361.
Дантъ — 191.
Дантесъ-Геккеренъ Жоржъ — 221, 222.
Дарій, царь — 108.
Дашковка, деревня — 138.
Дашковъ Дмитрій Васильевичъ — 297.
„26-е мая 1828“ („Даръ напрасный, даръ случайный“) стих. А. Пушкина — 346.
„Два маіора“, повѣсть А. Ѳ. Вельтмана — 121.
„Девятнадцатое октября 1825“ стих. А. Пушкина — 48, 50, 80, 90, 91.
„Девятнадцатое октября 1827“, стих. А. Пушкина — 85.
„Девятнадцатое октября 1836“, стих. А. Пушкина — 322.
„XIX вѣкъ“, статья И. В. Кирѣевскаго — 180.
„Девятнадцатый вѣкъ“, изд. П. И. Бартенева — 90.
Дегтярный переулокъ въ Москвѣ—331.
„Делибашъ“, стих. А. Пушкина — 396.
Дели-муса-фурни, урочище — 387.
Дельвигъ бар. Александръ Антоновичъ — 261.
Дельвигъ, бар. Антонъ Антоновичъ, отецъ поэта — 67.
Дельвигъ, бар. Антонъ Антоновичъ— 5, 11, 12, 19, 22, 50, 59, 61, 67, 68, 74, 135, 223, 243, 247, 249, 250, 252,

253, 254, 256, 257, 258 — 263, 264, 348, 379.
Дельвигъ бар. Иванъ Антоновичъ — 261.
Дельвигъ бар. Марья Антоновна — 61.
Дельвигъ бар. Софья Михайловна, рожд. Салтыкова — 250, 252, 257, 258, 259, 260, 261, 262.
Демута гостинница — 247, 251.
Департаментъ духовныхъ дѣлъ — 20, 37.
Департаментъ министерства народнаго просвѣщенія — 47.
„Деревня“, стих. А. Пушкина — 70.
Державинъ Гавріилъ Романовичъ — 13, 61, 89, 102, 115, 276, 286.
Дерптскій университетъ — 163, 165, 180, 183, 195, 222, 225, 414.
Дерптъ — 11, 50, 163, 164, 165, 167, 173, 181, 184, 207, 237, 246, 422.
Джевицкій, офицеръ — 192.
„Димитрій Донской“, траг. В. А. Озерова — 266, 277, 282.
Димитрій (Сулима), епископъ Бендерскій — 104.
Дмитріевъ Иванъ Ивановичъ — 59, 89, 150, 290, 310.
Дмитріевъ-Мамоновъ А. — 42.
„Дмитрій и Марина“, предполагавшаяся драма А. Пушкина — 351.
„Дмитрій Самозванецъ“, трагедія Хомякова — 194.
„Дневникъ студента“, С. П. Жихарева — 397.
Днѣпръ — 153.
Днѣстръ (Тирасъ), рѣка — 103, 104, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 117.
Добружская область — 107.
Докудовскій Василій Абрамовичъ — 231, 232.
Долгорукій кн. Яковъ Ѳедоровичъ — 33.
„Доминъ въ Коломнѣ“, А. Пушкина — 12.
Донской монастырь въ Москвѣ — 31.
Донъ, рѣка — 154.
„Донъ-Гуанъ“ — см. „Каменный гость“.
„Донъ-Жуанъ“, Байрона — 148, 182, 183.
„Донъ-Жуанъ“ — 332.
Дороховъ Иванъ Семеновичъ — 382.
Дороховъ Руфинъ Ивановичъ — 382, 390, 391, 392.
Дохтуровъ, генералъ-маіоръ — 39.
„Дочери Карагеоргія“, стих. А. Пушкина — 133.
„Дочь купца Жолобова“, ром. И. Т. Калашникова — 185.
Дрезденъ — 405, 406.
„Другъ Пушкинъ, хочешь ли отвѣдать?...“, четверостишіе бар. Дельвига — 259.
Drouineau G. — 210.
Дубоссары — 103, 104, 112.
Дувыдулуй (Овидулуй), озеро — 109.
Дука, Савва — 119, 134.
„Думы“ Рылѣева — 82, 89.
Дунай — 107, 108, 113, 119.
Дуняша, горничная Ушаковыхъ — 357.
Дурова Надежда Андреевна — 393.
Дуровъ Василій Андреевичъ — 393, 394, 395.
Душетъ — 390.
„Дѣва“, стих. А. Пушкина — 106.
„Дѣва озера“, повѣсть В. Скотта — 149.
Ducray-Duminil — 228.
Dupuis Charles-François — 199.

Евбея, островъ — 305.
„Евгеній Онѣгинъ“ — 7, 10, 11, 20, 21, 124, 125, 126, 143, 145, 199, 236, 237, 238, 243, 250, 271, 307, 323, 326, 334, 335, 340, 379, 394.
Евгеній Виртембергскій, принцъ — 194.
Евмениды — 278.
Евпла св. церковь — 329.
„Европеецъ“, журналъ — 180, 181.
„Египетскія ночи“, А. Пушкина — 11, 350.
Екатерина II — 51, 224, 397, 398, 401, 402, 403, 404.
Екатериноградъ — 384, 391.
Екатеринославъ — 6, 74, 76, 133, 153.

Елизавета Алексѣевна, императрица — 47, 49, 63, 64, 66, 88, 89, 315, 410.
Елизавета Петровна, императрица — 398, 399.
Елисаветполь — 23.
„Encyclopédie poétique“, сборникъ де-Гиня — 314.
д'Еонъ, кавалеръ — 410, 411.
Ермакъ Тимоѳеевичъ — 193.
„Ермакъ“, трагедія Хомякова—193, 194.
Ермолаевы — 209, 210.
Ермоловъ Алексѣй Петровичъ — 361, 381.
Ершовъ Петръ Павловичъ — 84.
Есаковъ Семенъ Семеновичъ — 65.
Есауловъ Андрей Петровичъ — 135.
„Если въ жизни поднебесной“, четверостишіе А. Пушкина — 250.
„Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ“ (изъ Байрона), стих. Батюшкова — 290, 291.
Ефремовъ Петръ Александровичъ — 14.

Жандръ Алексѣй Андреевичъ — 186.
Janin Jules — 204, 205.
Ждановъ Иванъ Николаевичъ — 161.
Желѣзная Маска — 410.
Genlis, графиня — 228.
Жихаревъ Степанъ Петровичъ — 397.
Жуазель, гувернеръ Ушаковыхъ—356.
Жуковскій Василій Андреевичъ—5, 19, 98, 120, 130, 138, 139, 142, 144, 146, 149, 180, 181, 235, 267, 273, 284, 285, 286, 293, 294, 309, 310, 408, 409, 416, 419, 422.
„Журналъ для всѣхъ“ — 88.

Заваліевскій Александръ Степановичъ — 334.
Загоскинъ Михаилъ Николаевичъ — 181, 330.
Загряжская Елизавета Александровна — см. Пушкина.
Загряжская Елизавета Николаевна, рожд. Чоглокова — 401.
Загряжская Наталья Ивановна — см. Гончарова.
Загряжская Наталья Кирилловна—397—413.
Загряжскій Николай Александровичъ —401, 402, 405, 407, 409.
Заикинъ Иванъ Ивановичъ, книгопродавецъ — 22.
Замбони, пѣвецъ — 358.
Замосць, городъ — 187.
„Записки охотника“, И. С. Тургенева — 425.
Зарѣцкій, дѣйствующее лицо въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ — 307, 308.
Зауральская роща въ Оренбургѣ — 417.
Захаржевскій Яковъ Васильевичъ — 70.
Захарьино (Захарово), сельцо — 323, 324, 325.
Звенигородъ — 323.
„Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой“, посланіе А. Пушкина — 164.
Зевсъ — 302.
Зеленецкій Константинъ Петровичъ — 27.
Зеленская Софья Борисовна—см. Шевырева.
„Земля и море“, стих. А. Пушкина — 31.
Земфира (изъ „Цыганъ“) — 130.
Зердушъ — 199.
Зимній дворецъ — 401.
Золотаревъ, лицейскій экономъ — 53.
Зопиръ — 279.
Зубковъ Василій Петровичъ — 76.

Ивановъ Николай Алексѣевичъ — 216.
Иванчинъ-Писаревъ Николай Дмитріевичъ — 317, 352, 353, 361.
Иванъ Грозный — 407.
Иванъ Евсѣевъ, кучеръ Ушаковыхъ — 361.
Ивеличъ гр. Екатерина Марковна — 248.
Игорь, князь Новгородъ-Сѣверскій — 178.

„Ижорскій“, мистерія Кюхельбекера — 87.
„Изгнаніе французовъ изъ Москвы“, соч. А. Ѳ. Вельтмана — 120.
Измайловъ Владиміръ Васильевичъ — 57.
Измаилъ, крѣпость — 107, 108.
Икаръ — 287.
Илличевскій Алексѣй Демьяновичъ — 67, 68, 253, 265.
„Илья Ларинъ“, разсказъ А. Ѳ. Вельтмана — 134, 135.
Иматра, водопадъ — 381.
„Important“ (L'), комедія — 275.
Инжа-су, мѣстность — 383, 395.
Инзовъ Иванъ Никитичъ — 6, 7, 8, 76, 120, 121, 124.
„Иностранкѣ (Въ Альбомъ)“, стих. А. Пушкина — 9, 10.
„И останешься съ вопросомъ“, стих. А. Пушкина — 65.
Ипокрена — 337.
Ипсиланти кн. Александръ — 116, 117, 118, 119, 120, 133, 134.
Ипсиланти кн. Дмитрій — 116.
Ипсиланти кн. Николай — 116.
Иркутскъ — 383, 384.
„Исповѣдь“ Ж.-Ж. Руссо — 191.
„Историческій Вѣстникъ“ — 42, 383.
„Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи“, соч. генер. Ушакова—385, 395.
„Исторія государства Россійскаго“ Карамзина — 2, 5, 161, 178, 325, 326.
„Исторія Пугачевскаго бунта“ А. Пушкина—155, 156, 208, 416, 426, 427, 429, 430, 432.
„Исторія Россіи“, соч. С. М. Соловьева — 353.
„Исторія Русскаго народа“ Н. А. Полевого — 209.
„Источникъ“, стих. Батюшкова — 303.
„Histoire de Berold de Savoie“, повѣсть — 176.
Ифигенія — 313.
„Кавказскій плѣнникъ“ — 6, 9, 124, 139, 141, 144, 146, 152, 238.
Кавказскія минеральныя воды — 139, 217, 378, 389, 390, 391, 394, 396.
Кавказъ — 6, 7, 23, 24, 25, 27, 31, 93, 137, 153, 217, 238, 248, 262, 364, 365, 375, 378—393.
„Кавказъ“, стих. А. Пушкина — 396.
Кагулецъ, озеро — 108.
Кагулъ, озеро — 107.
Кагульская гр. Наталья — 143, 145.
Кагульскіе — 143, 145.
Казнаковъ Всеволодъ Ивановичъ—218.
Кайдановъ Иванъ Кузьмичъ — 60.
Каиръ-Лы, селеніе — 38.
„Какъ въ ненастные дни“, стих. Рылѣева — 252, 393.
„Какъ можно не сойти съ ума“, стих. Л. Пушкина — 248.
„Какъ трудно Бибрису“, эпигр. Батюшкова — 292.
Калашниковъ Иванъ Тимоѳеевичъ — 185.
Калибанъ — 329.
Калишъ, городъ — 202.
Каллимахи, господарь Валахіи — 116.
Каменецъ-Подольскъ — 120.
Каменка, имѣніе Раевскихъ — 139.
„Каменный гость“, А. Пушкина — 351.
Кантакузинъ, княг. Елена Михайловна, рожд. кн. Горчакова — 61, 116.
Кантакузинъ, кн. Александръ Матвѣевичъ — 116.
Кантакузинъ, кн. Георгій Матвѣевичъ — 119.
Кантемиръ, кн. Дмитрій Константиновичъ — 109, 112.
Кантъ Эммануилъ — 335.
„Капитанская дочка“, повѣсть А. Пушкина — 427, 430, 431, 432.
Карабаба, селеніе — 37.
Каравія Василій — 119.
Карагеоргій — 133.
Карагеоргія дочь — 133.
Карамзина Аврора Карловна, рожд. Шернваль — 381.

Карамзина Екатерина Андреевна — 326.
Карамзинъ Николай Михайловичъ — 2, 3, 5, 19, 89, 138, 139, 143, 145, 160, 161, 177, 178, 209, 235, 268, 270, 276, 325, 328, 339, 397, 398.
Карамзины — 89, 326, 416.
Карачусъ, озеро — 108.
Карлъ XII, король Шведскій — 110.
Каролина, королева Обѣихъ Сицилій — 403.
Карпаты — 112.
Карсъ — 38, 387.
Карталъ, озеро — 108.
Карцовъ Яковъ Ивановичъ — 60, 61.
Касти, италіанскій поэтъ — 306.
Катенинъ Павелъ Александровичъ — 194, 308, 320, 321, 331, 348.
Катонъ — 71, 174.
Каушаны, мѣстечко — 110.
Кафланъ-Ку, горы — 37.
Качеповскій Михаилъ Трофимовичъ — 333.
Кашкина Прасковья Аристарховна — см. Вындомская.
Кашкины — 208.
Квитка-Основьяненко Григорій Ѳедоровичъ — 215.
Кемерскій Леонтій, дядька — 53.
„Керимъ-Гирей, Крымскій ханъ“, трилогія кн. А. А. Шаховского — 145.
Керн Анна Петровна, рожд. Полторацкая, по второму браку Марковa-Виноградская — 170, 180, 207, 208, 223 — 265.
„Керн А. П.“, стихотвореніе А. Пушкина — 223.
Керн Ермолай Ѳедоровичъ — 230, 231, 232, 233, 235, 239, 245, 246, 257.
Керн Ольга Ермолаевна — 255.
Килія, крѣпость — 108.
Кирджали, разбойникъ — 134.
„Кирджали“, повѣсть А. Пушкина — 134.
Кирилловъ денщикъ М. И. Пущина — 390, 393.
Кирхгофъ, гадалка — 6.
Кирѣевскій Иванъ Васильевичъ — 132, 158, 159, 160, 180, 181.
Кирѣевскій Петръ Васильевичъ — 430.
Киселева Аделаида Ивановна — 355.
Киселева .....Сергѣевна — см. Ребиндеръ.
Киселева Елизавета Николаевна — см. Ушакова.
Киселевъ Николай Сергѣевичъ — 355, 361, 362, 363, 364, 366, 370, 371, 372, 374, 375, 377.
Киселевъ гр. Павелъ Дмитріевичъ — 71.
Киселевъ Павелъ Сергѣевичъ — 355.
Киселевъ Сергѣй Дмитріевичъ — 360, 365, 367, 371, 372, 376, 377.
Кисловодскъ — 391, 392, 393, 396.
Кишиневъ — 7, 8, 9, 16, 74, 76, 82, 86, 92, 93, 94, 95, 100, 101, 104, 105, 106, 115, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 131, 133, 134, 135, 289.
Кіевецъ, городъ — 108.
Кіевская губернія — 139, 142.
Кіевъ — 34, 108, 325.
Кій — 108.
Кіосъ-Магометъ-паша — 38.
Clarens, сел. въ canton de Vaud — 387.
Клейнмихель гр. Петръ Андреевичъ — 69.
Клеопатра — 236.
Кліо, муза — 312.
Клопштокъ Фридрихъ-Готтлибъ — 227.
Кнабенау, полковникъ — 66.
Княжнинъ Яковъ Борисовичъ — 274, 275.
Кобеко Дмитрій Ѳомичъ — 23.
„Когда помилуетъ насъ Богъ“, четверостишіе А. Пушкина — 251.
„Когда твои младыя лѣта...“, стих. А. Пушкина — 223, 257.
Козелецкій повѣтъ — 398.
Козловскій кн. Іона Михайловичъ — 209.
Козловъ Иванъ Ивановичъ — 144, 146 151, 243.

Кокушкинъ мостъ — 394.
Кокъ, Поль де-, романистъ — 186.
Колардо Пьеръ — 267, 273, 277.
Колосовъ Владиміръ Ивановичъ—166.
Колошинъ Павелъ Ивановичъ — 69.
Колхида — 304, 305.
Кольриджъ Самуилъ — 144, 146, 149, 150, 151.
Комовскій Александръ Дмитріевичъ—383.
Комовскій Сергѣй Дмитріевичъ — 253.
Конвай, замокъ — 113.
„Конекъ-Горбунокъ“, сказка П. П. Ершова — 84.
Коновницынъ гр. Петръ Петровичъ—382.
Конрадъ, герой „Корсара“ Байрона—157, 158, 159.
„Конрадъ Валленродъ“, поэма Мицкевича, отрывокъ изъ нея въ переводѣ А. Пушкина — 331.
„Considérations sur la révolution française“, соч. m-me Staël — 73.
Константинополь — 113, 117, 177.
Константинъ Павловичъ, великій князь—47, 49, 420.
„Contes drôlatiques“ (Les), Бальзака — 204.
„Contrat social“ (Du), Ж.-Ж. Руссо — 190, 191.
„Конь“, стих. Языкова — 181,
Копѣйкинъ, дѣйствующее лицо въ „Мертвыхъ душахъ“ — 135.
„Кормчая книга“ — 174.
Корниловъ Александръ Алексѣевичъ — 49.
Корсаковъ Николай Александровичъ — 61.
„Корсаръ“, поэма Байрона — 157, 159.
Корфъ гр. Модестъ Андреевичъ — 57.
„Космополисъ“ — 28.
Костешти, селеніе — 114, 115.
Костюшко Ѳаддей — 66.
Кохренъ, пѣшеходъ — 126.
Коцебу Августъ-Фридрихъ — 118.
Кочубей гр. Викторъ Павловичъ — 405, 407, 410, 411.
Кочубей гр. Марья Васильевна, рожд. Васильчикова — 405, 406, 407, 409, 411, 412.
Кочубей гр. Наталья Викторовна — см. гр. Строганова.
Кошанскій Николай Ѳедоровичъ — 54, 56, 86, 87.
Кошкуль, товарищъ А. Н. Вульфа—184.
„Кощей Безсмертный“, соч. А. Ѳ. Вельтмана — 99.
Краковское воеводство — 192.
„Красавицѣ, которая нюхала табакъ“, стих. А. Пушкина — 61.
Красный Кабачокъ, трактиръ — 259.
Креонъ — 278.
Крестовскій островъ — 46.
Крестовые походы — 121.
„Кристабель“, повѣсть Кольриджа — 149.
Кріулянская почтовая станція — 103.
Крупенскій Тодоръ — 104, 118.
Крыловъ Иванъ Андреевичъ — 2, 223, 235, 250, 252, 257, 299, 416.
Крымъ — 7, 138, 289.
Крюднеръ бар. Алексѣй Ивановичъ — 406.
Кубань — 24.
Кувшинниковъ, домовладѣлецъ — 260.
Кузенъ Викторъ — 409.
Кулевчанское дѣло — 183.
Кульпа, селеніе 37.
Куницынъ Александръ Петровичъ — 48, 50, 61, 68, 72.
Куперъ Фениморъ — 140.
Курбскій кн. Андрей Михайловичъ — 178.
Курскъ — 261.
„Cours de littérature“, Ла-Гарпа — 87.
„Курьеръ Варшавскій“, газета — 202.
Кусовниковъ Петръ Петровичъ (?) — 198.
Куяльникъ, — рѣка 110, 111.
„Къ *“** (А. П. Кернъ), стих. А. Пушкина — 223.

Къ Батюшкову“, 1-е посланіе А. Пушкина — 284, 285, 286.
Къ Батюшкову“, 2-е посланіе А. Пушкина — 286, 287.
Къ Н. И. Гнѣдичу“, стих. Батюшкова — 297.
Къ Д. В. Дашкову“, стих. Батюшкова — 297.
Къ другу“, посланіе Батюшкова — 287, 311, 312.
Къ другу стихотворцу“, стих. А. Пушкина — 87.
Къ друзьямъ“, стих. Батюшкова — 298.
Къ живописцу“, стих. А. Пушкина — 62.
Къ В. А. Жуковскому“, посланіе Батюшкова — 294.
Къ Жуковскому“, посланіе А. Пушкина — 267.
Къ Машѣ“, стих. А. Пушкина — 61.
Къ моей чернильницѣ“, стих. А. Пушкина — 293.
Къ Н. М. Муравьеву“, посланіе Батюшкова — 298, 305.
Къ ней“, стих. А. И. Подолинскаго — 255.
Къ нянѣ А. С. Пушкина“, стих. Языкова — 165.
Къ Н. Я. П.“, стих. А. Пушкина („Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь Е. И. В. Г. И. Елисаветы Алексѣевны“) — 88, 89.
Къ Овидію“, стих. А. Пушкина — 9, 288.
Къ И. И. Пущину“, стих. А. Пушкина — 62.
Къ Юрьеву“, посланіе А. Пушкина — 324.
юстенджи, крѣпость — 107.
юхельбекеръ Вильгельмъ Карловичъ — 15, 62, 85, 87, 314.

агарпъ Жанъ-Франсуа — 57, 87, 314.
ажечниковъ Иванъ Ивановичъ — 216.
азарева фортъ — 40.
азенки, въ Варшавѣ — 186.
актанцій, писатель — 107.
Лангеръ Валеріанъ Платоновичъ — 253, 260.
Ланская Наталья Николаевна — см. Пушкина.
Ланской, генералъ — 198.
Лапласъ П.-Симонъ — 175.
Ларинъ, дѣйств. лицо въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ — 125, 126.
Ларинъ Илья — 125, 126, 134, 135.
„**La ci darem la mana**“, арія — 359.
Лафатеръ Іоганнъ-Гаспаръ — 57.
Лафонтенъ — 298.
Лебренъ Пьеръ — 292.
Левашовъ Василій Васильевичъ — 66, 67.
Левенталь, домовладѣлецъ — 329.
Легуве Ж.-Б. — 150.
Леила — 247.
Лейтгангъ, товарищъ А. Н. Вульфа — 184.
Лемуанъ, живописецъ — 313.
Ленскій, дѣйств. лицо въ „Евгеніи Онѣгинѣ — 199, 307, 335.
Ленчинскій обводъ Мазовецкаго воеводства — 193.
Лермонтовъ Михаилъ Юрьевичъ — 217, 218.
Лессингъ — 349.
Лжедимитрій — 410.
„**Лжедимитрій**“, предполагавшаяся драма А. Пушкина — 330.
„**Livre des cent-et-un**“ (Le) — 204.
Липканы, мѣстечко — 114.
Липранди Иванъ Петровичъ — 86, 93, 94, 101, 124, 125, 128, 131, 133, 134.
„**Литературная Газета**“ — 135, 259, 271, 348, 376, 379.
„**Лицей**“, Лагарпа — 314.
„**Лицейскія годовщины**“ — 41.
„**Liaisons dangereuses**“ (Les), ром. Шодерло-де-Ланкло — 165.
Лобановъ-Ростовскій кн. Алексѣй Борисовичъ — 145.
Ловеласъ — 165.
Лоди Петръ Дмитріевичъ — 45.
„**Ложный страхъ**“, стих. Батюшкова — 303, 304.

Ломоносовъ Михаилъ Васильевичъ — 274, 276, 312, 316.
Ломоносовъ Сергѣй Григорьевичъ — 44, 45.
Лонгиновъ Михаилъ Николаевичъ — 88, 252.
Лондонъ — 228.
Лопухина кн. Евдокія Ивановна — 405.
Лореръ Николай Ивановичъ — 14, 24, 31, 37, 137.
Лубны, городъ — 229, 232, 233.
Лубяновскій Ѳедоръ Петровичъ — 406.
Луга, городъ — 198.
Луиза, королева Прусская — 233.
Лѣтній садъ — 45, 72.
Люблинское воеводство — 192, 193.
Люблинъ, городъ — 201.
„Любовь въ челнокѣ“, стих. Батюшкова — 305.
Людовикъ XVI — 198.
Людовикъ XVII — 411.
Лѣсной институтъ въ С.-Петербургѣ — 321.
Ляминъ, садовникъ — 63.
Лясковскій Валерій — 181.

Маврокордато Марія — 118.
Магометъ — 279.
Магометъ IV — 113.
Магура, гора — 112, 115.
„Мадригалъ Мелинѣ, которая называла себя нимфою“, эпигр. Батюшкова — 293.
„Мадригалъ новой Сафѣ“, эпигр. Батюшкова — 292.
Мазовецкое воеводство — 193.
„Макбетъ“, траг. Шекспира — 183.
Маколей Томасъ — 147.
Максимовичъ Михаилъ Александровичъ — 30.
Макферсонъ — 280.
„Malheurs et le triomphe du Tasse“ (Les), элегія Лагарпа — 314.
Малина, урочище — 126.
Малинники, деревня А. Н. Вульфа — 200, 206, 207, 217, 224.
Малиновскій Василій Ѳедоровичъ — 45, 46, 47, 48, 49, 51, 56.
Малиновскій Иванъ Васильевичъ — 45, 57, 59.
Малороссія — 88, 113, 224, 229, 232, 239, 240, 251, 398.
Мальсенъ баронесса — 408.
Мальсенъ бар. Генріетта — см. гр. Разумовская.
Мальцовъ Иванъ Сергѣевичъ — 339.
Мангалія, городъ — 109.
Мангытъ, селеніе — 110.
Мано, греческій консулъ — 123.
Мано Георгій — 119.
Мано Пульхерія Егоровна — см. Варфоломей.
Мануйловъ — 200.
„Манфредъ“, драма Байрона — 183.
„Mardoche“, повѣсть А. Мюссе — 352.
Марина Мнишекъ — 325.
Маріула, дѣйств. лицо въ „Цыганахъ“ Пушкина — 8.
Марія-Терезія, императрица — 403.
Марія Ѳеодоровна, императрица — 47. 49, 51, 326, 328, 410.
Маркевичъ Болеславъ Михайловичъ — 28—31, 35.
Маркевичъ Николай Андреевичъ — 15, 88.
Маркова-Виноградская Анна Петровна — см. Кернъ.
Марковъ-Виноградскій Александръ Васильевичъ — 265.
„Марміонъ“, повѣсть В. Скотта — 144, 146, 149.
„Marrons de feu“ (Les), А. Мюссе — 352.
Мартанское ущелье — 39.
Мартыновъ Иванъ Ивановичъ — 47, 48.
Мартьяновъ Петръ К. — 383—385.
Марчинскій, студентъ — 228.
Маршинцы, селеніе — 114.
Марья, дочь Арины Родіоновны — 324.
„Марѳа Посадница“, повѣсть Карамзина — 139.
Марѳушка, въ стих. А. Пушкина — 60.
Масловъ Дмитрій Николаевичъ — 72.

Маякъ, селеніе — 109.
Медора (изъ „Корсара“ Байрона) — 157.
Мелидюзъ, высоты — 387.
Мельгуновъ Николай Александровичъ — 15, 332.
Мелькъ, монастырь на Дунаѣ — 113.
Мельниковъ Павелъ Ивановичъ — 422, 423, 425.
Мельпомена — 269, 270, 272.
Меншиковъ Александръ Сергѣевичъ — 104.
Меримé Просперъ — 134, 426.
Мескіага, рѣка — 40.
Местръ гр. Жозефъ — 408.
„**Мечта**“, элегія Батюшкова — 308, 309.
Мизія — 107.
Миллотъ, аббатъ — 197.
Милорадовичъ гр. Михаилъ Андреевичъ — 43, 44, 75, 105, 186.
Мильвуа Шарль — 300, 303, 304.
Министерство внутреннихъ дѣлъ — 25, 39.
Министерство иностранныхъ дѣлъ — 5, 6, 69, 76.
Минчешти, селеніе — 114.
Мирабо Габріель — 205.
Мисаилъ, дѣйствующее лицо въ „Борисѣ Годуновѣ“ — 221.
Мисори, учитель пѣнія — 358, 359.
Михайловское, село — 3, 10, 11, 21, 69, 76, 77, 83, 86, 89, 142, 162, 163, 164, 165, 176, 199, 220, 221, 224, 227, 238, 240, 242, 243, 247, 248, 291, 326, 332, 337, 420, 432.
Михайловъ Михаилъ Ларіоновичъ — 430.
„**Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ**“, соч. Кс. А. Полевого — 329.
Михаилъ Павловичъ, великій князь — 51, 225, 410, 411.
Мицкевичъ Адамъ — 106, 254.
Міанъ, городъ — 37.
Мнемозина, муза — 305.
Могилевъ — 74.
Модлинъ, городъ — 202.
„**Мой геній**“, элегія Батюшкова — 310, 311.
Мойка — 44.
„**Мои Пенаты. Посланіе къ Жуковскому и Вяземскому**“, Батюшкова — 293, 294, 295.
„**Молва**“, журналъ — 350, 380.
Молдавія — 105, 111, 112, 113, 114, 116, 117, 118, 119, 127, 129, 134.
„**Монастыръ на Казбекѣ**“, стих. А. Пушкина — 396.
Montesquieu — 176.
Морской кадетскій корпусъ — 414.
„**Морской Сборникъ**“, журналъ — 430.
Москва — 4, 12, 14, 28, 30, 38, 70, 76, 77, 80, 83, 86, 90, 95, 97, 120, 131, 135, 155, 177, 204, 213, 214, 224, 228, 247, 255, 265, 289, 290, 297, 319, 323, 324, 325, 329, 330, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 345, 347, 351, 352, 355, 356, 357, 361, 364, 375, 376, 394, 397, 398, 407, 408.
„**Москвитянинъ**“ — 2, 3, 4, 27, 99, 121, 122, 325, 333, 343, 350, 351, 352, 353, 354, 422, 423.
Московія — 156.
Московская губернія — 97.
„**Московская Медицинская Газета**“ — 416.
Московская оружейная палата — 97.
Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ — 323, 353.
„**Московскій Вѣстникъ**“ — 132, 271, 320, 330, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 347, 348, 349, 350.
„**Московскій городской листокъ**“, газета — 125, 337.
Московскій мѣновой дворъ — 155.
„**Московскій Наблюдатель**“, журналъ — 349, 350, 352, 354.
Московскій Публичный музей — 2, 31, 88, 94, 162, 177, 242, 345, 370, 381.
„**Московскій Телеграфъ**“ — 271, 320, 330, 333, 338, 341, 348, 415.
Московскій университетскій благородный пансіонъ — 95, 120, 323.
Московскій университетъ — 323.

„МосковскіяВѣдомости“, газета—327, 328.
Мосхъ, поэтъ — 31.
Моцартъ — 359.
„Моцартъ и Сальери“, А. Пушкина—320.
„Мудрость“, стих. Д. В. Давыдова — 59.
„Муза“, стих. А. Пушкина — 317.
Муравьева Александра Григорьевна, рожд. гр. Чернышева — 84.
Муравьева Екатерина Ѳедоровна—289.
Муравьевъ Александръ Михайловичъ — 69.
Муравьевъ Михаилъ Никитичъ — 304.
Муравьевъ гр. Михаилъ Николаевичъ (Виленскій) — 69.
Муравьевъ Никита Михайловичъ — 84, 298, 305.
Муравьевъ Николай Николаевичъ — 95, 96, 97, 100, 387.
Муравьевъ-Апостолъ Иванъ Матвѣевичъ — 235, 296.
Мурдаръ, аулъ — 39.
Мурузи, господарь — 121.
Муръ Томасъ — 150, 151, 152, 189.
Мусинъ-Пушкинъ гр. Владиміръ Алексѣевичъ — 381.
Мустафа-паша — 38.
„Мщеніе“, перев. изъ Парни Батюшкова — 302, 303.
„Мы недавно отъ печали . . .“, пародія А. Пушкина — 59.
„Мѣдный Всадникъ“, А. Пушкина — 35, 36.
Мюссе Альфредъ — 352.
Мясницкая, улица въ Москвѣ — 329.

Набокова Екатерина Ивановна, рожд. Пущина — 77.
Набоковъ Иванъ Александровичъ—77.
„На возвращеніе государя изъ Парижа“, стих. А. Пушкина — 54.
„Надежда“, стих. Батюшкова — 311.
Надеждинъ Николай Ивановичъ — 181.
„На книгу подъ названіемъ: Смѣсь“, эпигр. Батюшкова — 292.
„Наливайко“, поэма К. Ѳ. Рылѣева — 144, 146.
„На лицейскаго дядьку Сазонова, оказавшагося убійцей“, стих. А. Пушкина — 53.
„Наложница“ („Цыганка“), поэма Боратынскаго — 181.
„Namouna“, повѣсть Альфреда Мюссе — 352.
Наполеонъ I — 33, 34, 95, 99, 189, 198, 221, 407.
„Наполеонъ“, стих. А. Пушкина — 131.
Наполеонъ III — 63.
„Наполеонъ на Эльбѣ“, стих. А. Пушкина — 4, 14.
„На развалинахъ замка въ Швеціи“, элегія Батюшкова — 312, 313.
Нарзанъ, источникъ — 392.
Нарышкина Екатерина Ивановна — см. гр. Разумовская.
„На смерть Веневитинова“, стих. бар. Дельвига — 249, 261.
Наталья Алексѣевна, великая княгиня — 403.
Наташа, горничная Валуевой — 63.
„На тихихъ берегахъ Москвы...“, стихотв. набросокъ А. Пушкина — 297, 298.
Наумова Екатерина Николаевна — см. Ушакова.
Наумовъ Дмитрій Михайловичъ — 360, 362, 377.
Нахичевань — 37.
Нащокинъ Павелъ Воиновичъ — 30, 135, 320, 321, 331.
Неаполь — 403.
Нева — 71, 375, 394, 406, 407.
„Невскій Альманахъ“ — 394.
„Незаконная дочь“, драма Гёте — 200.
Незеленовъ Александръ Ильичъ — 157.
Неккеръ — 198.
Некрасова Екатерина Степановна — 94.
„Nec timere, nec timide“, стих. — 29, 30.
Ненельскъ, мѣстечко — 39.
„Не смѣю вамъ стихи Баркова . . .“, четверостишіе А. Пушкина — 250.
Нижегородская губернія — 375.
Никитская Большая, улица въ Москвѣ — 365.

Николай I — 12, 26, 48, 51, 107, 177, 178, 198, 202, 203, 208, 221, 225, 329, 330, 332, 355, 360, 362, 383, 410, 411, 429.
Нилъ, рѣка — 121.
„Новая Элоиза“, Ж.-Ж. Руссо — 189.
Новороссія — 9.
Новоселицы, мѣстечко — 114.
Новосильцовъ Николай Николаевичъ — 408.
Новочеркасскъ — 394.
Норовъ Абрамъ Сергѣевичъ — 156, 248.
„Ночь темна; въ небесномъ полѣ....“, стих. А. Пушкина — 29, 31.
„Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина“, статья И. В. Кирѣевскаго — 132.

„Образцовыя стихотворенія“ — 301, 306.
Обуховъ мостъ на Фонтанкѣ — 247.
„Объ эпиграммѣ и надписи у древнихъ“, ст. И. И. Пущина — 57, 87.
Овидій — 102, 108, 109, 242, 285, 288.
Овидіополь, городъ — 108, 109.
„Овидію“, стих. А. Пушкина — 124, 125.
Овидулуй, озеро — 109.
Огаревъ Николай Гавриловичъ — 381, 382.
„О Георгіи Храбромъ и сѣромъ волкѣ“, сказка В. И. Даля — 426.
„Ода на свободу“ А. Пушкина — 70, 326.
Одесса — 3, 9, 10, 21, 27, 28, 37, 40, 76, 79, 117, 123, 134, 140, 141, 142, 259, 324.
Одоевскій кн. Владиміръ Ѳедоровичъ — 340, 341.
„О достоинствѣ поэта“, статья В. П. Титова — 344.
„О драмѣ“, отрывокъ А. Пушкина — 282.
„О драмѣ А. С. Пушкина „Борисъ Годуновъ“ — проф. И. Н. Жданова — 161.
Озерная, крѣпость — 428.
Озеровъ Владиславъ Александровичъ — 266 — 283.
Оленина Анна Алексѣевна — см. Андро.
Оленина Елизавета Марковна, рожд. Полторацкая — 235.
„Олениной А. А.“, стих. А. Пушкина — 251, 252.
Олениныъ Алексѣй Николаевичъ — 235, 236, 238, 242, 245.
Олимпіотъ Іоргаки — 118.
Ольга, княгиня — 263.
Ольденбургскій, принцъ — 356.
Ольхіопія, городъ — 112.
Онуты, селеніе — 114.
Онѣгинъ (герой) — 11, 199, 237, 307, 394.
„Опасный замокъ“, ром. В. Скотта — 203.
„Опасный сосѣдъ“ В. Л. Пушкина — 4.
Опочецкій уѣздъ — 76, 162, 238.
„Опричникъ“, стих. А. Пушкина — 346.
„О путешественникахъ“, ст. И. И. Пущина — 57.
„Опытъ науки изящнаго“, соч. А. И. Галича — 335.
„Опыты въ стихахъ и прозѣ“ Батюшкова — 284, 287, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 296, 298, 306, 307, 308, 309, 310, 311.
Оранскій принцъ — 167.
Оренбургская губернія — 416.
Оренбургъ — 415, 416, 417, 418, 426, 427, 429, 430.
„Origines de toutes les cultes“, соч. Dupuis — 199.
Орлова графиня Анна Алексѣевна — 360.
Орлова княжна Анна Алексѣевна — 406.
Орлова Екатерина Николаевна, рожд. Раевская — 7.
„Орлову“, стих. А. Пушкина — 14.
Орловъ гр. Алексѣй Григорьевичъ — 403, 404, 406.
Орловъ кн. Алексѣй Ѳедоровичъ — 6, 14, 71.
Орловъ Михаилъ Ѳедоровичъ — 8, 289.
Орловы гр. — 403.
Орловы, помѣщики — 324.
Орскія ворота въ Оренбургѣ — 417.
Орхеевскій уѣздъ — 112.
Орхеевское озеро — 112.
Орхей, городъ — 112.
„Осада Коринѳа“, Байрона — 149.

„Освобожденный Іерусалимъ“, Т. Тасса—314.
„Оселъ“, басня Крылова — 235.
Осипова Александра Ивановна — см. Беклешова.
Осипова Прасковья Александровна, рожд. Вындомская, по первому браку Вульфъ — 11, 162, 163, 164, 165, 168, 170, 171, 172, 173, 182, 185, 186, 188, 197, 206, 208, 213, 219, 220, 224, 225—227, 238, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 256, 257, 337.
„Осиповой П. А.“, стих. Языкова — 165, 200, 220.
Осиповъ Иванъ Софроновичъ — 173, 182, 224.
Осиповы — 11.
Османъ-паша — 38.
Османъ, султанъ — 113.
Оссіанъ — 280, 281.
Остафьевскій архивъ — 266, 267, 268, 270.
Осташево (Долгоглядье), Александровское тожь, село — 97.
Островъ, городъ — 77, 217.
„Отвѣтъ (Екат. Ник. Ушаковой)“, стих. А. Пушкина — 375, 376.
„Отвѣтъ Н. И. Гнѣдичу“, стих. Батюшкова — 296.
„Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Елизаветы Алексѣевны“, стих. А. Пушкина — 49, 88, 89, 315.
„Отвѣтъ А. И. Тургеневу“, стих. Батюшкова — 293.
„Отечественныя записки“—12, 35, 98, 215.
„Отъ всенощной, вечоръ, идя домой . . .“, стих. А. Пушкина — 60.
Офіуса, городъ — 108.
Охотный рядъ — 323.
„Очкину А. Н.“, стих. Языкова — 180.
Очкинъ Амплій Николаевичъ — 180.

Павелъ I — 403, 404, 405, 406.
Павлищева Ольга Сергѣевна, рожд. Пушкина — 3, 80, 185, 186, 188, 201, 205, 206, 207, 208, 257, 262, 263, 264, 324.
Павлищевъ Левъ Николаевичъ — 14, 18, 23, 25, 257, 258, 262.
Павлищевъ Николай Ивановичъ — 3, 185, 186, 257, 262, 263, 320, 324.
Паланкъ, селеніе — 108, 109.
„Памфилъ забавенъ за столомъ . . .“ эпигр. Батюшкова — 292.
„Памятникъ претекшихъ времянъ“, А. Т. Болотова — 355.
Панафидины — 218.
Панкратьевъ — 203.
Панкратьевъ — 387.
Парижъ — 37, 54, 139, 204, 409.
Парканскій карантинъ — 117.
Парлу Василій — 119.
Парни Эваристъ — 284, 300, 302, 303, 304, 306.
Парротъ Георгъ-Фридрихъ — 422.
Парѳенонъ, храмъ — 147.
Паскевичъ-Эриванскій кн. Иванъ Ѳедоровичъ — 37, 38, 180, 185, 192, 378, 382, 383, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 394, 395.
Патріотическій институтъ — 410.
Пафнутьевъ — 130, 131.
„Пегасъ“, стих. А. Ѳ. Вельтмана—136.
Пендедека, етеристъ — 134.
Первый Кадетскій корпусъ — 385.
Перголезе, композиторъ —359.
„Переправа“, индѣйская сказка, переводъ В. П. Титова — 338.
„Переходъ черезъ Рейнъ“, элегія Батюшкова — 287, 312, 315.
Перовскій Василій Алексѣевичъ—416, 429.
Персія — 386.
Перуцци, нѣвецъ — 358.
Перуцци, нѣвица — 358.
Петербургская губернія — 77.
С.-Петербургскій университетъ — 84.
„С.-Петербургскія Вѣдомости“ — 180.
Петербургъ — 4, 6, 9, 11, 14, 15, 16, 18, 20, 22, 25, 27, 47, 50, 57, 69, 70, 74, 75, 77, 80, 84, 88, 95, 137, 155, 166,

173, 176, 181, 185, 186, 188, 201, 206, 207, 211, 213, 214, 217, 221, 222, 227, 233, 235, 238, 246, 247, 253, 255, 257, 286, 291, 308, 325, 326, 328, 330, 331, 332, 336, 340, 357, 358, 364, 375, 382, 385, 397, 398, 399, 401, 405, 406, 407, 408, 415, 416, 418, 420, 421.
Петергофскій праздникъ — 213, 214.
Петергофъ — 400.
Петрарка — 316.
Петръ Великій — 31 — 36, 155, 176, 177, 178, 218, 221, 353, 407, 419, 431, 432.
„Петръ Великій“, стих. Л. С. Пушкина — 31—35, 36, 218.
Петръ III, императоръ — 400.
Пешель, Францъ Осиповичъ, врачъ — 53.
Пещуровъ Алексѣй Никитичъ — 76.
„Пиковая Дама“, А. Пушкина — 412.
Пилецкій-Урбановичъ Мартынъ Степановичъ — 46, 47, 51.
Пименъ (изъ „Бориса Годунова“) — 354.
Пиронъ — 240.
„Пирующіе студенты“, стих. А. Пушкина — 55, 62.
„Пиръ Петра Великаго“ А. Пушкина — 35, 36.
Пирятинъ, городъ — 232.
Платонъ, философъ — 335, 344.
Платонъ (Левшинъ), митрополитъ — 325.
Плаутинъ Николай Ѳедоровичъ — 188.
Плеско, пасторъ — 95.
Плетневъ Петръ Александровичъ — 2, 11, 19, 22, 84, 160, 243, 291, 321.
Плещеевъ Александръ Алексѣевичъ — 235.
Плонскъ, городъ — 39.
„Плѣнный“, стих. Батюшкова—305, 306.
Плюскова Наталья Яковлевна — 63, 89.
Плюшаръ Адольфъ Александровичъ — 215, 216.
„Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ“, Гоголя — 135.
„Погасло дневное свѣтило“, элегія А. Пушкина — 7, 141.
Погодинъ Михаилъ Петровичъ — 2, 3, 98, 100, 271, 320, 321, 326, 331, 333, 334, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 348, 349, 352, 353, 420.
„Поденная записка Петра Великаго“, изд. кн. М. М. Щербатовымъ — 176.
Подколзина Марья Яковлевна — см. Пущина.
Подолинскій Андрей Ивановичъ—253, 254, 255.
Подольская губернія — 103, 104.
„Подснѣжникъ“, альманахъ — 241.
Полевой Ксенофонтъ Алексѣевичъ — 329.
Полевой Николай Алексѣевичъ — 2, 161, 209, 210, 329, 333, 334, 343, 384.
„Поликсена“, траг. В. А. Озерова — 266, 267, 282.
Полонскій Яковъ Петровичъ — 27, 28, 31.
Полтава — 232.
„Полтава“ А. Пушкина—11, 35, 36, 199, 200, 249, 346.
Полтавская губернія — 234, 237, 238.
Полторацкая Анна Петровна — см. Кернъ.
Полторацкая Екатерина Ивановна, рожд. Вульфъ — 180, 224, 229, 230, 234, 248, 255.
Полторацкая Елизавета Марковна—см. Оленина.
Полторацкая Елизавета Петровна—см. Решко.
Полторацкая Татьяна Петровна — 251.
Полторацкіе — 224.
Полторацкіе, дѣти Петра Марковича — 229.
Полторацкій — 261.
Полторацкій Александръ Александровичъ — 235, 236, 242.
Полторацкій Алексѣй Марковичъ — 213.
Полторацкій Маркъ Ѳедоровичъ — 224.
Полторацкій Петръ Марковичъ — 224, 229, 230, 231, 232, 235, 247, 252, 253.
Полторацкій Сергѣй Дмитріевичъ — 15.
Полторацкія, дѣвицы — 219, 235.

Польша — 25, 113, 185, 192, 202.
„Полярная Звѣзда“, альманахъ — 21, 82, 144, 145, 160, 259.
„Полярная Звѣзда“ Герцена — 42.
Попъ Александръ — 147.
„Portia“, повѣсть А. Мюссе — 352.
„Портретъ“, стих. А. И. Подолинскаго — 254, 255.
„Посланіе графу М. Ю. Віельгорскому“, Батюшкова — 295.
„Посланіе И. М. Муравьеву-Апостолу“, Батюшкова — 296, 297.
„Посланіе къ Л. С. Пушкину“, А. Пушкина — 16.
„Посланіе къ А. И. Тургеневу“, Батюшкову — 295, 296.
„Посланіе къ Языкову“, стих. Боратынскаго — 181.
„Послѣдняя весна“, стих. Батюшкова — 304.
Потемкинъ-Таврическій кн. Григорій Александровичъ — 115, 404.
Потокскій Н. Б. — 385.
Потоцкая гр. Викторія Станиславовна — см. Бахметева.
„Поэту“, сонетъ А. Пушкина — 345.
„Поэтъ и толпа“, стих. А. Пушкина — см. „Чернь“.
„Превращенія“ Овидія — 102.
„Предки Калимероса“, соч. А. Ѳ. Вельтмана — 99.
„Предчувствіе“, стих. А. Пушкина — 346.
„Предъ ней, задумавшись, стою...“, стих. А. Пушкина — 252.
„Привидѣніе“, стих. Батюшкова — 303.
„Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго“, соч. А. Ѳ. Вельтмана — 99.
Приморскій бульваръ, въ Одессѣ — 28.
Пріапъ — 238.
„Пробужденіе“, элегія Батюшкова — 310, 311.
Пробъ, императоръ — 107.
Прокофьевъ, дядька — 53.
„Пророчество Данте“, Байрона — 191.
„Прощайте, вѣрныя дубравы...“, стих. А. Пушкина — 163.
„Прощальная пѣсня“, Дельвига — 67, 68.
Прутъ, рѣка — 34, 106, 107, 111, 112, 114, 115, 119, 353.
Прѣсня Средняя, въ Москвѣ — 356, 360, 361, 376.
Псезуапе, рѣка — 40.
Псковская губернія — 3, 10, 77, 162, 170, 199, 207, 213, 238.
Псковъ — 77, 84, 85, 198, 237.
Публичная Библіотека — 138, 268, 328, 430.
Пугачевскій бунтъ — 415, 426, 427, 430, 432.
Пугачевъ Емельянъ — 153, 154, 155, 156, 208, 417, 418, 427, 428, 429, 430.
Пултускъ, городъ — 39.
„Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года“, А. Пушкина — 378, 379, 380, 381, 382, 383, 394, 395, 396.
Путята Николай Васильевичъ — 97.
Пушкина Елизавета Александровна, рожд. Загряжская — 27.
Пушкина Марья Алексѣевна — см. Ганнибалъ.
Пушкина Надежда Осиповна — 3, 14, 162, 163, 170, 176, 180, 206, 208, 217, 218, 220, 247, 248, 257, 262, 264, 265, 323, 324.
Пушкина Наталья Николаевна, рожд. Гончарова, по второму браку Ланская — 2, 26, 85, 131, 132, 208, 221, 262, 265, 318, 375, 400, 411, 412, 419, 427, 430, 432.
Пушкина Ольга Сергѣевна — см. Павлищева.
„Пушкину Л. С.“, посланіе Боратынскаго — 19.
„Пушкину А. С.“, стих. Языкова — 165.
Пушкинъ Александръ Александровичъ — 2, 289.
Пушкинъ Василій Львовичъ — 4, 31, 44, 45, 46, 77, 296, 314, 315, 323.
Пушкинъ Левъ Сергѣевичъ — 1 — 40, 80, 164, 179, 180, 181, 182, 188, 201,

202, 204, 206, 208, 217, 218, 248, 256, 262, 291, 292, 320, 323, 324, 365, 388.
Пушкинъ Николай Сергѣевичъ — 324.
Пушкинъ Сергѣй Львовичъ — 3, 4, 6, 16, 20, 46, 73, 76, 202, 206, 208, 220, 247, 248, 257, 262, 264, 265, 323.
Пущина, сестра Ив. Ив. Пущина — 74.
Пущина Марья Яковлевна, рожд. Подколзина — 386, 387.
„Пущину И. И.“, посланіе А. Пушкина — 84, 85.
„Пущину И. И.“, стих. Дельвига — 67.
Пущины, сестры И. И. Пущина — 46.
Пущинъ Иванъ Ивановичъ 41 — 91, 220, 221, 382.
Пущинъ Иванъ Петровичъ — 45, 77.
Пущинъ Михаилъ Ивановичъ — 84, 382, 385 — 396.
Пущинъ Петръ Ивановичъ — 43, 44, 45.
Пущинъ Петръ Павловичъ—43, 44, 45.
Пущинъ Павелъ Сергѣевичъ — 8, 82.
Пыпинъ Александръ Николаевичъ — 35, 425.
„Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“ стих. Жуковскаго — 98, 120, 138.
„Пѣвецъ въ Бесѣдѣ славянороссовъ“, сатира Батюшкова — 286.
„Пѣсни“ Беранже — 260.
„Пѣсни западныхъ славянъ“, А. Пушкина — 134, 426.
„Пѣснь Гаральда Смѣлаго“, стих. Батюшкова — 287, 312, 313.
„Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“, стих. А. Пушкина — 288.
„Пѣснь послѣдняго менестреля“, повѣсть В. Скотта — 149.
„Пѣсня“ Карамзина — 231.
Пяски, мѣст. — 193.
Пятигорскъ — 390, 391.

Раблэ Франсуа — 204.
„Радой“, повѣсть А. Ѳ. Вельтмана — 119.
„Радость“, стих. Батюшкова — 306.
Раевская Екатерина Николаевна — см. Орлова.
Раевскіе — 6, 7, 139, 153.
Раевскій Александръ Николаевичъ — 7, 120, 138, 141.
Раевскій Василій Ѳедосѣевичъ — 81, 86, 125.
Раевскій Николай Николаевичъ, отецъ — 6, 7, 23, 24, 26, 27, 39, 40, 86, 137, 138, 139, 382, 395.
Раевскій Николай Николаевичъ, сынъ — 137—161, 387, 388, 389, 391, 392.
Раевскія, дочери Николая Николаевича — 140.
„Разговоръ у княгини Халдиной“, Фонвизина — 276.
Разинъ Стенька — 153, 154, 155, 156, 177.
„Разлука“, элегія Батюшкова — 305, 306, 310.
Разумовская гр. Генріетта, рожд. бар. Мальсенъ — 408, 409.
Разумовская гр. Екатерина Ивановна, рожд. Нарышкина — 399, 400, 401.
Разумовская гр. Елизавета, рожд. бар. Шенкъ-де-Кастель — 408.
Разумовская гр. Марья Григорьевна — 408.
Разумовскіе гр. — 398, 399, 401, 402, 408.
Разумовскіе гр., сыновья гр. Кирилла Григорьевича — 399, 402.
Разумовскій гр. Алексѣй Кирилловичъ — 43, 44, 46, 47, 49, 51, 57, 398, 401.
Разумовскій гр. Андрей Кирилловичъ — 402, 403.
Разумовскій гр. Григорій Кирилловичъ — 408.
Разумовскій гр. Кириллъ Григорьевичъ — 398, 399, 401, 402, 405, 407.
Разумовскій гр. Левъ Кирилловичъ — 407, 408.
Разумовскія гр., дочери Кирилла Григорьевича — 399, 402.
Ракитна, рѣчка — 114.
Рамъ, товарищъ А. Н. Вульфа — 184, 187, 196.
Расинъ — 170, 220, 270, 348.
Растопчинъ гр. Ѳедоръ Васильевичъ — 404.

„Ратиборъ Холмоградскій“, соч. А. Ѳ. Вельтмана — 99.
Рашка, аулъ — 39.
Рашковцы, селеніе — 114.
Ребиндеръ, рожд. Киселева — 377.
Ребиндеръ Николай Григорьевичъ — 377.
Ребровъ, домовладѣлецъ — 393.
Ревель — 95, 403.
„Revue des deux mondes“ — 215.
Резень, почтовая станція — 115.
„Résignée“, par G. Drouineau — 210.
Рейцъ, профессоръ — 359.
„Requiem“ Моцарта — 359.
Ремюза Абель — 409.
Рени — 107.
Ретлеръ, замокъ — 5.
Реутъ, рѣка — 112.
Решко — 261.
Решко Елизавета Петровна, рожд. Полторацкая — 261.
Рига, городъ — 237, 242, 243, 244, 246.
Ридигеръ гр. Оедоръ Васильевичъ — 192.
Ришельевскій лицей — 27.
Рогатинъ, селеніе — 114.
Родзянко Аркадій Гавриловичъ — 238, 239.
„Родзянко А. Г.“, 1-е посланіе А. Пушкина — 239.
„Родзянко А. Г.“, 2-е посланіе А. Пушкина — 238.
Рожалинъ Николай Матвѣевичъ — 337, 339, 340, 341, 343.
Розенъ бар. — 37.
Розенъ бар. Андрей Евгеньевичъ — 385, 396.
Розенъ бар. Евгеній Андреевичъ — 255.
Розумъ Григорій — 398.
Рокотовъ Иванъ Матвѣевичъ — 241.
Роллень Шарль — 197.
„Романсъ“ Дельвига („Прекрасный день...“) — 259, 260.
„Ромулъ и Ремъ“, предполагавшаяся драма А. Пушкина — 351.
Россини — 359, 372.
„Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ“, изд. Ѳ. Булгарина — 216.
Ростовцевъ Яковъ Ивановичъ — 194.
Royou, Jacques — 196, 197, 198, 199.
„Rouge et le noir“ (Le), ром. Стендаля — 184.
Румянцовъ гр. Сергій Петровичъ — 145.
Румянцовъ-Задунайскій гр. Петръ Александровичъ — 107.
„Русалка“, поэма А. Пушкина — 288, 351.
„Русланъ и Людмила“ А. Пушкина — 5, 145, 288, 326, 346, 379.
„Русская Бесѣда“, сборникъ — 215.
„Русская Старина“ — 15, 16, 86, 88, 98, 101, 176, 177, 222, 223, 314, 379, 385.
„Русскій Архивъ“ — 14, 28, 41, 86, 90, 93, 101, 124, 131, 134, 137, 141, 156, 163, 167, 170, 216, 224, 227, 334, 381, 385.
„Русскій Вѣстникъ“ — 21, 30, 199, 221, 383, 384, 422.
„Русскій Инвалидъ“ — 196, 197.
„Русскій Пеламъ“, предполагавшійся романъ А. Пушкина — 431.
„Русскій плѣнникъ въ стѣнахъ Парижа“, стих. кн. Вяземскаго — 306.
„Русскія Вѣдомости“ — 86.
„Русскія сказки.....“ В. И. Даля — 415, 421, 422, 423, 424, 425, 426.
„Русское Обозрѣніе“ — 239.
Руссо Жанъ-Жакъ — 189, 190, 191.
Рылѣевъ Кондратій Ѳедоровичъ — 70, 82, 89, 144, 151, 252.
„Ruines“ (Les), соч. Вольнея — 199.
Рюрикъ — 288.
Рябининъ — 44, 46.
Рязанская ученая архивная коммисія — 232.

Саганлугъ — 395.
Сазоновъ, дядька — 53.
Саитовъ Владиміръ Ивановичъ — 139.
Сакенъ, генералъ — 232, 388.

Сакмарскія ворота въ Оренбургѣ — 417.
Саксонскій садъ въ Варшавѣ — 201.
„Саламандра“, ром. Е. Сю — 202.
Сальери Антоній — 320, 321.
Самосъ, островъ — 305.
Сандомирское воеводство — 192.
Сарата, рѣка — 110.
Саратовъ, городъ — 323.
Сардаръ-Абадъ, крѣпость — 37.
Сасикъ (Кундукъ), озеро — 108.
Сатуново, селеніе — 108.
„Сборникъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ“ — 424.
Свиньинъ Павелъ Петровичъ — 2.
Свѣчина Софья Петровна — 408.
Свѣчинъ Дмитрій Петровичъ — 360.
Святогорскій монастырь — 77, 220, 221.
„Святославичъ, вражій питомецъ“, соч. А. Ѳ. Вельтмана — 99.
Святославъ, князь — 178.
„Севильскій Цирюльникъ“, оп. Россини — 372.
Селезневъ Иванъ Яковлевичъ — 86.
Селимъ-Гирей, аулъ — 39.
Семевскій Михаилъ Ивановичъ — 21, 163, 199, 220, 221.
„Семейные Вечера“, журналъ — 223.
Семеновскій мостъ на Фонтанкѣ — 247.
Семеновъ — 69.
Семичевъ, маіоръ — 388, 395.
Сенковскій Осипъ Ивановичъ — 210, 216.
Saint-Hippolyte, А. — 139.
Сердечкины — 65.
Сердобинъ бар. Михаилъ — 208.
Сибирь — 41, 42, 75, 84, 86, 193, 385.
Симбирскъ — 207.
Симоничъ гр. — 38.
Сипягинъ Николай Мартьяновичъ — 382.
„Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ“ А. Пушкина — 422, 423, 425, 426.
Скалонъ, г-жа — 53.
Скиѳія — 107, 108, 288.
Скобелевъ Иванъ Никитичъ — 416.
Скоттъ Вальтеръ — 140, 145, 149, 203, 259, 273, 330, 335.
Скулянское дѣло (1821 г.) — 119, 127.
Скуляны, мѣстечко — 114, 115, 119.
Скуфо Николай — 119.
„Слеза“, стих. А. Пушкина — 305.
„Слово о полку Игоревѣ“ — 331, 354.
Слѣпушкинъ Ѳедоръ Никифоровичъ — 130, 131.
„Смерть Олега“, траг. В. А. Озерова — 268.
Смирдинъ Александръ Филипповичъ — 215, 216.
Смирнова Александра Осиповна — 400, 411.
Смоленская дорога — 325.
Собачья площадка, въ Москвѣ — 329.
Соболевскій Сергѣй Александровичъ — 15, 25, 26, 30, 208, 292, 329, 334, 339, 340, 341, 342, 343, 369.
Собѣсскій Марко — 113.
Собѣсскій Яковъ — 113.
„Современникъ“, журналъ — 84, 88, 97, 349, 378, 380.
Солдатская слободка, около Кисловодска — 393.
Соловки, монастырь — 326.
Соловьевъ Сергѣй Михайловичъ — 353.
Сологубъ гр. Владиміръ Александровичъ — 215.
Сомовъ Орестъ Михайловичъ — 135, 259.
„Сонъ Могольца“, басня Батюшкова — 298.
„Соревнователь просвѣщенія и благотворенія“, журналъ — 88.
Сорóки (Соколы), мѣстечко — 112, 113.
Сороть, рѣка — 165.
Сосницкій Иванъ Ивановичъ — 362.
Соути Робертъ — 150.
Софіано — 201.
Софоклъ — 277, 278, 279.
Спарта — 173.
„Spectacle dans un fauteuil“, соч. Альфреда Мюссе — 352.
Сперанская Елизавета Михайловна (Фролова-Багрѣева) — 409.

Сперанскій гр. Михаилъ Михайловичъ — 409.
„Stabat Mater“, Перголезе — 359, 375.
Staël m-me — 73.
Станкевичъ Николай Владиміровичъ — 332.
„Стансы“, А. Пушкина („Въ надеждѣ славы и добра“) — 35, 36, 431.
Старая Басманная, улица въ Москвѣ — 31.
„Старина и Новизна“, предполагавшійся сборникъ кн. П. А. Вяземскаго — 2.
Старицкій уѣздъ — 166, 207, 216.
Старнъ (у Оссіана) — 281.
„Старый матросъ“, повѣсть Кольриджа — 149.
Стендаль (Marie-Henri Beyle) — 184.
„Стенька Разинъ“, стих. А. Пушкина — 177.
Степанида Ивановна, экономка Ушаковыхъ — 356, 366.
Степанъ, поваръ М. И. Пущина — 390.
Стойковичъ Аоанасій Ивановичъ — 125.
„Сто русскихъ литераторовъ“, сборникъ — 128.
„Странникъ“, соч. А. Ѳ. Вельтмана — 99, 109, 129, 131, 135.
„Странствователь и домосѣдъ“, сказка Батюшкова — 298 — 300.
Страховъ Николай Николаевичъ — 345.
Стрекаловъ Степанъ Степановичъ — 382.
Строганова гр. Наталья Викторовна, рожд. Кочубей — 237.
Стрюйсъ, путешественникъ — 156.
Субаши, рѣка — 39.
„Souvenirs sur Mirabeau“ (Les) — 205.
Суворовъ-Рымникскій гр. Александръ Васильевичъ — 108.
Сумароковъ Александръ Петровичъ — 270, 274, 276, 278.
Суринъ, капитанъ — 428, 430.
Сута Можиле, курганы — 115.
Сухомлиновъ Михаилъ Ивановичъ — 221.
Сухтеленъ гр. Павелъ Петровичъ — 37.
Суццо Александръ — 116.
Суццо Григорашъ — 119.
Суццо кн. Михаилъ — 118.
Суццо Ралу — 118.
Сушковъ Николай Васильевичъ — 334.
„Счастливецъ“, стих. Батюшкова — 306.
„Сынъ Отечества“, журналъ — 266.
Сычуговъ, приближенный Пугачева — 417.
„Сѣверная Пчела“, газета — 379, 380.
„Сѣверные Цвѣты“, альманахъ — 19, 79, 90, 243, 259, 260, 290.
„Сѣтованія Тасса“, стих. Байрона — 314.
Sue Eugène — 202.
Sybourg, m-lle — 226.
Suger, аббатъ — 198.

„Таврида“, элегія Батюшкова — 310, 316.
Тавризъ — 37.
Талія, муза — 272.
Тамань — 7, 24, 39.
Тампль — 411.
„Тассо“, драма Гёте — 200.
Тассъ — 287, 288, 290, 312, 313, 314, 315.
Татьяна, героиня „Евгенія Онѣгина“ — 21, 199, 237, 394.
Таубертъ Иванъ Андреевичъ — 399.
Таушевъ Александръ Ѳедоровичъ — 130, 131.
Тверская губернія — 166, 207, 234, 375.
Тверская застава, въ Москвѣ — 356.
Тверскія ворота, въ Москвѣ — 265.
Тверской уѣздъ — 209.
Тверь — 213, 356.
Теленешти, селеніе — 114.
„Телескопъ“, журналъ — 181, 320, 350, 380.
Телль Вильгельмъ — 228.
Тепперъ де-Фергюссонъ — 68.
Терликовы, братья — 95.
„Тибуллова элегія III. Изъ III книги“, перев. Батюшкова — 301.
„Тибуллова элегія X-я изъ I книги“, перев. Батюшкова — 300, 301.

Тибуллъ — 300, 301, 302, 306.
Тигинъ (Бендеры), городъ — 110.
Тирасполь — 117.
Тираспольская крѣпость — 81, 86.
Тирасъ, колонія — 108.
Титовъ — 241.
Титовъ Владиміръ Павловичъ — 337, 339, 340, 341, 344.
Тифій (Tityus) — 302.
Тифлисъ — 380, 381, 382, 383, 384, 390.
Тихонравовъ Николай Саввичъ — 351, 352.
„**Тлѣнность**“, стих. Жуковскаго — 5.
Тобольскъ — 84.
Този, нѣвецъ — 358, 359.
Толстой гр. Александръ Петровичъ — 213.
Толстой гр. Левъ Николаевичъ — 386, 387, 397.
Толстой гр. Петръ Александровичъ — 213.
Толстой гр. Ѳедоръ Ивановичъ — 222, 307.
Томы, городъ — 109.
„**Torrismondo**“, трагедія Тасса — 312.
Траяновъ валъ — 106, 107, 111.
Траянъ, императоръ — 106, 107.
Тредіаковскій Василій Кирилловичъ — 285, 286.
Трескина, рожд. Вревская — 182.
Тригорское, село — 11, 80, 162, 163, 164, 165, 167, 168, 169, 182, 185, 186, 200, 206, 207, 217, 220, 222, 224, 238, 239, 240, 243, 245, 246, 247, 248, 249, 251, 337.
„**Тригорское**“, стих. Языкова — 165, 337.
Тульчинъ — 103.
Туманскій Василій Ивановичъ — 30.
Тургеневы, братья — 19.
Тургеневъ Александръ Ивановичъ — 2, 77, 89, 139, 235, 267, 268, 269, 293, 295, 296, 408, 409.
Тургеневъ Иванъ Сергѣевичъ — 35, 320, 422, 425.
Тургеневъ Николай Ивановичъ — 72, 73, 408, 409.
Турція — 113, 114, 127.
„**Tour de Montlhéry**“ (La), романъ — 198.
Тутолминъ Павелъ Васильевичъ — 233.
Тырковъ Александръ Дмитріевичъ — 57.
Тьерри Огюстьенъ — 409.
„**Тѣнь друга**“, элегія Батюшкова — 290, 310, 316.

Уваровъ гр. Сергѣй Семеновичъ — 284.
„**Ultimo giorno di Pompei**“ (L'), картина К. П. Брюллова — 332.
Ульфіилъ — 107.
„**Умирающій Тассъ**“, элегія Батюшкова — 287, 288, 290, 312, 313, 314, 315.
„**Una voce poco fa**“, арія изъ „Севильскаго Цирюльника“ — 372.
„**У печки, погруженъ въ молчанье . . .**“, четверостишіе А. Д. Илличевскаго — 265.
„**Ура! Въ Россію скачетъ . . .**“, стих. А. Пушкина — 70.
Уралъ — 427.
„**Уральскіе очерки**“, М. Л. Михайлова — 430.
Уральскъ, городъ — 428.
„**Уранія**“, альманахъ — 334, 340.
Урсулъ, разбойникъ — 127, 128, 133, 134.
„**Урсулъ**“, повѣсть А. Ѳ. Вельтмана — 128.
Урусъ-Мартанъ, аулъ — 39.
Устряловъ Николай Герасимовичъ — 353.
„**Утопленникъ**“, стих. А. Пушкина — 331.
„**Утѣшенная вдова**“, комедія Я. Б. Княжнина — 275.
Учебное заведеніе для колонновожатыхъ Н. Н. Муравьева — 95 — 97, 100.
Ушакова, бабушка Елиз. Ник. Ушаковой — 356.
Ушакова Екатерина Николаевна, по мужу Наумова — 214, 355, 356, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 370, 373, 374, 375, 376, 377.
Ушакова Елизавета Николаевна, по

мужу Киселева — 356 — 360, 361, 362, 365, 366, 367 — 369, 370, 371, 372, 373, 375, 376, 395.
Ушакова Софья Андреевна — 356, 357, 358, 359, 362.
„Ушаковой Ек. Ник.“, стих. кн. П. А. Вяземскаго — 362, 363, 365.
„Ушаковой Ек. Н.“, стих. А. Пушкина (1827 г.) — 363, 364.
„Ушаковой Ел. Н.“, стих. А. Пушкина (1829 г.) — 363, 369, 370, 371.
Ушаковъ, генералъ — 182, 204, 209, 385, 386, 395.
Ушаковъ Николай Васильевичъ — 356, 357, 358, 359, 361, 365, 377.
Ушаковъ Ѳ. А. — 358.
Ушаковы — 209, 355—377.

Фальстафъ — 329.
Фамусовъ (изъ „Горя отъ ума“) — 397.
„Фарисъ“, переводъ В. Н. Щастнаго — 254.
„Фаустъ“, Гёте — 183.
Фебъ — 238, 287.
Фези Карлъ Карловичъ — 39.
„Фелица“, Державина — 13.
Фердинандъ, принцъ — 406.
Фигаро — 258.
Филаретъ, митрополитъ — 409, 410.
Филипсонъ Григорій Ивановичъ — 14, 137, 140.
Фингалъ (въ траг. Озерова) — 281, 282.
„Фингалъ“, трагедія В. А. Озерова — 266, 279, 281, 282.
„Финнъ“, комедія кн. А. А. Шаховского — 145.
Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ Григорій Ивановичъ — 359.
Флоріанъ — 150.
Фонвизинъ Денисъ Ивановичъ — 275, 276.
Фонтанка, рѣка — 247, 263.
Формозъ, мѣстечко въ Буджакѣ — 106.
Франціусъ — 178, 180, 182, 184, 186, 194 — 196.
Фридрихъ-Вильгельмъ III — 70.
Фроловъ Степанъ Степановичъ — 57, 60, 68.
Фурманская улица въ Варшавѣ — 202.

Халкида, городъ — 305.
Харту, селеніе — 38.
Харьковскій университетъ — 125.
Харьковъ — 252, 261, 262.
„Хвастунъ“, комедія Я. Б. Княжнина — 275.
Хвостовъ гр. Дмитрій Ивановичъ — 260.
Херсонская губернія — 103.
Хива — 429.
Хованская княгиня Антонина Александровна, рожд. бар. Вревская — 164.
Холмъ, городъ — 168, 186, 188, 201.
Хомяковъ Алексѣй Степановичъ—181, 193, 194, 249.
Хороль — 67.
Хорольскій уѣздъ — 238.
Хотинскій трактатъ — 113.
Хотинскій уѣздъ — 111, 112, 113.
Хотинъ, городъ — 113.
„Хохлачка“, соч. А. Г. Родзянки — 289.
Храповицкій Александръ Васильевичъ — 2, 403.

Цалка, крѣпость — 387.
Царицыно — 358.
Царское село — 4, 5, 14, 46, 50, 61, 64, 66, 70, 75, 89, 135, 137, 138.
Царскосельскій лицей — 4, 5, 14, 15, 20, 41, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 75, 80, 86, 88, 163, 237, 253, 284, 293, 320, 326, 327, 328.
Царьградъ — 108.
„Цыганка“, повѣсть В. И. Даля — 415.
„Цыганка“, поэма Боратынскаго — см. „Наложница“.
„Цыганы“, А. Пушкина — 8, 11, 13, 22, 82, 128, 130, 132, 143, 144, 145, 146 152, 239, 242, 251, 349.

„Чаадаеву“, 3-е посланіе Пушкина — 92, 93, 326, 327, 328.
Чаадаевъ Петръ Яковлевичъ — 92, 93, 326 — 328.
„Чайльдъ Гарольдъ“, Байрона—141, 148, 238.
Чарскій (въ „Египетскихъ ночахъ“)— 11, 350.
Чацкій (изъ „Горя отъ ума“) — 397.
Черная рѣка (Кара-су) — 107.
„Чернецъ“, повѣсть И. И. Козлова — 144, 146, 151.
Черновцы, городъ — 104.
Черное море — 39, 107, 108, 109, 137.
Чернышева гр. Александра Григорьевна — см. Муравьева.
Чернышевъ кн. Александръ Ивановичъ — 71, 382.
„Чернь“, стих. А. Пушкина — 330, 331, 343, 344, 345, 346, 347, 350.
Чечня — 24, 39, 382.
Чиляевъ Борисъ — 381, 384.
Чириковъ Сергѣй Гавриловичъ — 52, 62.
Чита — 83, 84.
Чоглокова Елизавета Николаевна — см. Загряжская.
„Чтенія Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ“ — 42.
Чугуръ, рѣка — 114.
„Чухонка“, Поэма Е. А. Боратынскаго — см. „Эда“.

Шагана (Муртозъ), озеро — 108.
Шаликовъ кн. Петръ Ивановичъ — 361, 362, 365.
Шамахъ-кортъ — 39.
Шарлоттенбургъ — 406.
Шафировъ бар. Петръ Павловичъ — 353.
Шахе, рѣка — 39.
Шаховской кн. Александръ Александровичъ — 143, 145, 266, 267, 362.
Швейцарія — 228.
Шевырева Софья Борисовна, рожд. Зеленская — 323.
Шевыревъ Степанъ Петровичъ — 318—354.
Шедевръ, знакомый А. Н. Вульфа—198.
Шекспиръ — 87, 147, 183, 273, 282, 330, 335, 336, 351.
Шеллингъ — 330, 344, 347.
Шенигъ Николай Игнатьевичъ — 216.
Шенкъ-де-Кастель бар. Елизавета — см. гр. Разумовская.
Шенье Андрей — 10, 345.
Шепелевъ — 201.
Шепелевъ П. Н. — 214.
Шереметевъ Петръ Васильевичъ — 393.
Шереметевъ гр. Сергѣй Дмитріевичъ — 343.
Шернваль Эмилій Карловичъ — 381.
Шернваль Аврора Карловна — см. Карамзина.
Шиллеръ — 143, 145, 195, 273, 330.
„Шильонскій узникъ“ Байрона — 128, 157, 158.
Ширяевъ Александръ — 215, 216, 341.
Шишковъ Александръ Семеновичъ — 237, 276, 355.
Шлегель — 348.
Шлёцеръ Августъ — 399.
Шлиссельбургъ — 83.
Chovot, трактирщикъ — 188.
Шодерло-де-Ланкло — 165.
Шотландія — 149.
Шпиндлеръ Надежда Константиновна — 366.
Шредеръ m-lle — 65.
Шрекъ Матвѣй — 197.
Штелинъ Яковъ — 353.
Шуазёль-Гуфье гр. Викторія Станиславовна — см. Бахметева.
Шумла — 183, 194.
Шухаверъ, селеніе — 37.

Щастный Василій Николаевичъ — 253, 254.
Щербатовъ кн. Михаилъ Михайловичъ — 176.
Щербина Николай Ѳедоровичъ — 27, 28, 29, 30.

„Эда“, поэма Е. А. Боратынскаго — 239.
„Эдда“, скандинавская поэма — 102.
Эдиге, селеніе — 110.
Эдипъ, царь — 277, 278, 279.
„Эдипъ въ Аѳинахъ“, траг. В. А. Озерова — 266, 277, 278, 279.
„Эдипъ въ Колонѣ“, траг. Софокла — 278.
Экельнъ, генералъ — 230.
Эккерманъ — 2.
„Элегія (Блаженъ, кто . . .)“, стих. Языкова — 181.
„Элегія изъ Тибулла. Вольный переводъ“ Батюшкова — 302.
Эллада — 305.
Элоиза — 198.
„Элоиза къ Абелярду“, героида Колардо — 267, 268, 273.
Эльснеръ бар. Ѳедоръ Богдановичъ — 66.
Энгельгардтъ — 214.
Энгельгардтъ Августа-Марія — 64.
Энгельгардтъ Егоръ Антоновичъ — 41, 50, 56, 58, 63, 64, 65, 66, 68, 75, 85, 87.
Эникіой — 110.
Энкеладъ — 302.
„Энциклопедическій Лексиконъ“ Плюшара — 215.
„Эпиграмма на Z*“, А. Пушкина — 221.
Эрзерумъ — см. Арзрумъ.
Эривань — 37.
Эристовъ кн. Дмитрій Александровичъ — 253.
Эротъ — 285.
„Этеонъ и Лаида“, поэма А. Э. Вельтмана — 121.
Этна — 302.
Эчміадзинъ, монастырь — 37.

Ювеналъ — 285.
Юдинъ Павелъ Михайловичъ — 324.
Юзефовичъ Михаилъ Владиміровичъ — 28, 381, 385, 389.
Юрзуфъ — 7.
„Юрій Милославскій“, романъ Загоскина — 181, 330.
Юсуповъ кн. Николай Борисовичъ — 76.

„Я въ Курскѣ, милые друзья“, четверостишіе бар. Дельвига — 261.
„Я есмь“, стих. С. П. Шевырева — 329, 330, 334, 335.
„Языкову“, посланіе А. Пушкина (1825 г.) — 11.
„Языкову“, посланіе А. Пушкина (1826 г.) — 200, 337.
Языковъ Александръ Михайловичъ — 214.
Языковъ Николай Михайловичъ — 11, 163, 164, 165, 167, 178, 180, 181, 182, 186, 190, 196, 197, 198, 200, 207, 209, 214, 216, 220, 247, 337.
Яикъ, рѣка — 153.
Яковлевъ Алексѣй Семеновичъ — 267.
Яковлевъ Михаилъ Лукьяновичъ — 253, 321, 322.
Якушкинъ Вячеславъ Евгеньевичъ — 42, 86, 88.
„Ямбъ“, стих. А. Пушкина — см. „Чернь“.
„Ямбы“ А. Шенье — 345.
„Янко чабанъ“, сказка А. Ѳ. Вельтмана — 131.
Яновъ, городъ — 193.
Янъ Собѣскій, король Польскій — 113.
„Я помню чудное мгновенье . . .“, стих. А. Пушкина — 223, 236, 243.
Ярославцевъ Андрей Константиновичъ — 84.
Ясскій уѣздъ — 112.
Яссы — 115, 117, 118, 120.
„Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны...“ стих. А. Пушкина къ А. А. Олениной — 251, 252.

Ѳедоровъ Борисъ Михайловичъ — 215.
Ѳома, дядька — 59.
Ѳракія — 107.